

КИНГА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ДИАНА ГЭБЛДОН

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

КИНГА НЕРВАН

ЛАБИРИНТЫ СУДЬБЫ

Annotation

Это сага, которая завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Это сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера - любви, которой не страшны пространство и время. Это сага о женщине, которая нашла в себе силы и мужество противостоять обстоятельствам. Двадцать лет назад Клэр Рэндолл, используя магию древнего каменного круга, вернулась из прошлого, спасаясь от неминуемой гибели и спасая свое нерожденное дитя. Двадцать лет она прожила в современном мире, продолжая любить того, с кем ее разделили века. Но теперь, когда она узнала, что ее возлюбленный Джейми Фрэзер выжил после ужасной битвы, ничто не может удержать ее здесь. Клэр без колебаний возвращается в Шотландию XVIII века, чтобы разыскать Джейми. Однако за эти годы каждый из них пережил слишком многое. Остался ли Джейми тем достойным восхищения человеком, которого Клэр полюбила когда-то? Смогут ли они возродить то пылкое и глубокое чувство, которое некогда связывало их? Первая часть романа «Путешественница»

- [Диана Гэблдон](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Часть четвертая](#)

- [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Часть пятая](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Часть шестая](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Часть седьмая](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

Диана Гэблдон
Путешественница
Книга 1: Лабиринты судьбы

*Моим детям Лауре Джульетт, Самюэлю Гордону и
Дженнифер Роуз, давшим этой книге плоть, кровь и
душу.*

Пролог

В детстве я остерегалась ступать в лужи, и не потому, что боялась дождевых червей или не хотела промочить ноги. Вовсе даже нет: я была неопрятным ребенком и вечно ходила перемазанная, к чему относилась с блаженным равнодушием.

Моя странная робость была связана с невозможностью заставить себя поверить, что эта великолепная гладь — лишь тонкий слой воды над твердой поверхностью. Мне она представлялась воротами в иное, нескончаемое пространство. Порой, когда при моем приближении по водной поверхности пробежала рябь, я думала, что лужа невероятно глубока, как бездонное море, скрывающее лениво шевелящиеся кольца щупалец гигантских спрутов и мелькающие тени безмолвных зубастых морских чудовищ.

Заглянув в отражающую поверхность, я видела на фоне бесформенной голубизны свою круглую физиономию в окружении вьющихся волос и воображала, что передо мной вход в другое небо. Если я сделаю шаг вперед, то сразу провалюсь и буду обречена на бесконечное падение в голубую бездну.

Единственным временем, когда я осмеливалась перейти лужу, были сумерки с зажигающимися вечерними звездами. Стоило, посмотрев на воду, углядеть отраженные в ней светящиеся точки, как у меня доставало смелости с плеском войти в лужу — ведь в этом случае она становилась подобной звездному небу, и хотелось упасть туда, в это космическое пространство, чтобы дотянуться до звезд, ухватиться за какую-нибудь из них и почувствовать себя в безопасности.

Даже сейчас, когда на моем пути попадает лужа, в мыслях возникает некоторое замешательство, хотя я, особенно если спешу, продолжаю идти вперед, не задерживаясь, но где-то на задворках сознания все еще звучит эхо былых сомнений.

А что, если на сей раз ты все-таки провалишься?

Часть первая
СОЛДАТСКАЯ ЛЮБОВЬ

Глава 1

ВОРОНИЙ ПИР

Немало сражалось горских вождей,
Множество пало отважных людей.
Они отдали жизни свои не зря
Во имя закона и короля.

Якобитская песня

«Неужели ты не вернешься?»

16 апреля 1746 года

Он был мертв. Правда, нос болезненно пульсировал, что в данных обстоятельствах казалось странным. Несмотря на веру в понимание и милосердие Создателя, ему было свойственно то изначальное, словно осадок первородного греха, чувство вины, которое заставляет каждого верующего человека бояться угодить в ад. Другое дело, что все слышанное им когда-либо об аде едва ли наводило на мысль о том, что вечные муки, уготованные для несчастных грешников, могут свестись к боли в носу.

С другой стороны, это не могло быть и раем, по целому ряду веских причин. Во-первых, рай он никак не заслуживал. Во-вторых, на рай это совсем не походило. И в-третьих, он сильно сомневался в том, что сломанный нос, каковой ему трудно было признать и карой для проклятых, относился к числу наград для благословенных праведников.

Что же тогда? Чистилище? В мыслях оно рисовалось как нечто серое и блеклое, но, в конце концов, заполнявший все тусклый красноватый свет в какой-то мере соответствовал представлениям об этом месте. Сознание слегка прояснилось, и к нему медленно возвращалась способность мыслить. Не без раздражения он подумал, что пора бы кому-нибудь приметить его, и, раз уж он пострадал недостаточно для того, чтобы очиститься от грехов и сразу по упокоении войти в Царство Божие, пусть ему объявят, каков будет приговор Вышнего Судии. Правда, кого с этой вестью ждать, ангела или демона, он не знал: о том, какие требования предъявляются к персоналу чистилища, в школе не рассказывали, а у него самого до сих пор не было случая об этом задуматься.

В ожидании встречи он начал размышлять о том, какие еще муки могут выпасть на его долю и не начался ли уже этот процесс, поскольку одновременно с прояснением сознания восстанавливалась чувствительность, а следовательно, и способность воспринимать боль. Теперь он ощущал на всем теле множество порезов и ссадин и ничуть не сомневался в том, что снова сломал безымянный палец правой руки. Трудно его уберечь, если сустав практически не гнется. Ну что ж, в целом не так уж страшно. Что еще?

Клэр.

Это имя ножом пронзило его сердце, наполнив болью, с которой все телесные страдания не шли ни в какое сравнение.

Будь у него настоящее тело, оно бы уж точно корчилось в агонии. Впрочем, эти муки он предвидел еще тогда, когда отсылал ее обратно к кругу камней. Для чистилища духовные терзания — состояние обычное, и он ожидал, что боль разлуки станет для него главным наказанием. Главным и достаточным для искупления всех провинностей, вплоть до убийства и измены.

Не зная, позволено ли грешникам, пребывающим в чистилище, возносить молитвы, он все же осмелился помолиться за нее: «Господи, даруй ей избавление от опасности. Ей и ребенку».

У него не было сомнений в том, что она по-прежнему легка и быстра на ногу, а уж по части упрямства превосходит всех женщин, которых он когда-либо знал. Но удалось ли ей осуществить опасный переход обратно, к тому месту, откуда она явилась? Осуществить рискованное скольжение, преодолевая таинственные слои неведомого, разделяющие «тогда» и «теперь», прошлое и будущее? Мысль о том, что она, одинокая и беспомощная, оказалась в тисках кольца камней, а ему даже не суждено узнать о ее участи, была так горька, что заставила забыть о боли в носу.

Чтобы отвлечься от мучительных раздумий, он снова принялся пересчитывать свои телесные болячки и чрезвычайно огорчился, обнаружив, что совершенно не ощущает левой ноги. Похоже, ее не было. То есть левое бедро ощущалось, давало о себе знать колющей болью в суставе, а вот ниже... ниже ничего. Ну что ж, в свое время он вернет ее, либо когда наконец прибудет в рай, либо, на худой конец, в Судный день. Да и, в конце концов, его зять Айен очень ловко ковылял на деревяшке, заменявшей ему отсутствующую ногу.

Конечно, если быть честным, это задевало его самолюбие, но, может, все как раз затем и задумано, чтобы избавить его от греховной гордыни. Он стиснул зубы, вознамерившись принять то, что выпало на его долю, со всем

мужеством и смирением, на которое был способен, но все же не смог удержаться от искушения прощупать рукой (или тем, что служило ему здесь в качестве руки), где же теперь кончается его нога.

Рука наткнулась на что-то твердое, и пальцы запутались в мокрых, спутанных волосах. Он резко сел, с усилием отодрал слой засохшей крови, которая накрепко заклеила веки, и вместе со зрением к нему вернулись воспоминания. Он ошибся. Это был ад. Но, увы, Джеймс Фрэзер был вовсе не мертв.

Тело какого-то человека лежало поперек его собственного. Своей тяжестью мертвец придавил его левую ногу, этим объяснялось отсутствие ощущений. Голова, тяжелая, словно пушечное ядро, лежала лицом вниз на его животе, свалившиеся волосы падали на влажное полотно его рубашки. В неожиданной панике он дернулся вверх — голова скатилась набок, ему на колени, и полуоткрытый глаз незряче уставился вверх из-под прядей волос.

Это был Джек Рэндолл, чей изысканный красный капитанский мундир настолько промок, что казался почти черным. Джейми попытался было столкнуть тело, но почувствовал невероятную слабость. Рука, ткнувшись в плечо Рэндолла, соскользнула, а локоть, на который он пытался опереться, неожиданно подвернулся, и Джеймс снова распластался на спине, таращась в слякотное, бледно-серое, вызывающее головокружение небо. С каждым тяжелым вздохом голова Джека Рэндолла непристойно каталась вверх-вниз по его животу.

Он плотно прижал ладони к болотистой почве — вода холодом проступала сквозь его пальцы, а рубашка на спине промокла насквозь — и изогнулся вбок. Обмякшее тело медленно соскользнуло, забрав с собой остатки тепла и открыв его плоть дождю и неожиданно пробравшему до костей холоду. Извиваясь на земле, борясь со слипшимися, запачканными грязью складками своего пледа, он расслышал над резкими порывами завывающего, словно сонмище духов, апрельского ветра отдаленные крики и стоны, а уже над ними зловещее хриплое карканье. Вороны. Судя по всему, не одна дюжина.

«Это странно, — отстраненно подумал он. — Птицы не должны летать в такую бурю».

Наконец ему удалось выпростать из-под себя плед и накрыться. Потянувшись, чтобы прикрыть ноги, он увидел, что его килт и левая нога в крови, но это зрелище не огорчило и не испугало его, а лишь вызвало смутный интерес: темно-красные разводы представляли собой контраст по сравнению с окружающим его серовато-зеленым фоном поросшего

вереском торфяного болота. Потом отголоски сражения стихли в его ушах, и он под зловещее карканье покинул поле Куллодена.

Его разбудили гораздо позже, окликнув по имени.

— Фрэзер! Джейми Фрэзер! Ты здесь?

«Нет, — рассеянно подумал он. — Меня нет». Где бы он ни находился, пребывая в бессознательном состоянии, то место было гораздо лучше. Сейчас он лежал в неглубокой яме, наполовину наполненной водой. Слякотный дождь прекратился, но пронизывающий холодный ветер продолжал стенать над вересковым болотом. Небо потемнело, едва ли не почернело — значит, время близилось к вечеру.

— Говорю тебе, я видел, как он упал где-то здесь. Там еще кусты были, утесник.

Голос доносился издалека и был едва слышен.

Неподалеку от его уха послышался шорох, и, повернув голову, он увидел ворону. Она стояла на траве в футе от него, рассматривая его яркой бусинкой глаза. Порывистый ветер ерошил черные перья. Решив, что он не представляет угрозы, ворона с непринужденной легкостью повернула шею и ткнула крепким острым клювом в глаз Джека Рэндолла.

Джейми с возмущенным криком вскинулся и вспугнул птицу, взлетевшую с негодующим карканьем.

— Эй! Вон там!

Послышались хлюпающие по трясине шаги, а потом он увидел над собой лицо и ощутил на плече дружескую руку.

— Он жив! Давай сюда, Макдональд! Дай руку, а то он сам идти не может.

Их было четверо, и, приложив немало усилий, они подняли Джейми на ноги, забросив его обессиленные руки на плечи Эвана Камерона и Йена Маккиннона.

Он хотел сказать им, чтобы они оставили его; вместе с пробуждением вернулось воспоминание о намерении умереть. Но радость нахождения среди своих была слишком велика, и он промолчал, тем более что вернулось и ощущение омертвения ноги, явно свидетельствовавшее о том, что рана серьезная. В любом случае он скоро умрет, а раз так, то слава богу, что хотя бы не в темноте и одиночестве.

— Вода?

Ободок чашки придвинули к его губам, и он пришел в себя настолько, что смог попить и даже ничего не пролил. Рука на мгновение прижалась к его лбу и убралась. Комментариев не последовало.

Он горел в огне, а когда закрыл глаза, ощутил пламя под веками. От

этого жара губы потрескались и саднили, но это было лучше, чем холод, который время от времени возвращался. По крайней мере, жар не мешал лежать неподвижно, холод же бросал в дрожь, пробуждавшую спящих демонов в его ноге.

Мурта.

Он был уверен, что его крестный отец погиб, хотя никаких воспоминаний на сей счет не было, и откуда взялась эта убежденность, оставалось неизвестным. То, что на вересковой пустоши полегла добрая половина шотландской армии, он понял из услышанных здесь, в доме, разговоров, но о самой битве у него никаких воспоминаний не сохранилось.

Ему и раньше доводилось бывать в сражениях, и он знал, что в потере памяти для раненого солдата нет ничего необычного. Знал он также, что память непременно восстановится, и искренне надеялся умереть раньше.

При этой мысли он пошевелился и испытал прилив такой жгучей боли, что ему не удалось сдержать стон.

— Как ты, Джейми?

Эван приподнялся на локте рядом с ним, его обеспокоенное лицо бледнело в рассветном сумраке. На голове — окровавленная повязка, по вороту расплылись бурые пятна: пуля, пролетев по касательной, сорвала кожу с его черепа.

— Ничего, все нормально.

Он протянул руку и благодарно коснулся плеча Эвана. Тот в ответ погладил его руку и снова лег.

Вороны были черными. Черные, как сама ночь. С наступлением темноты они улетали на покой, но с рассветом возвращались — птицы войны, спутники сражений являлись на свое гнусное пиршество.

«А ведь с такими клювами они могли бы выклевать глаза и мне», — подумал он, обостренно ощущая под веками собственные глазные яблоки, круглые, горячие, сущий деликатес для пожирателей падали.

Они беспокойно вращались туда и сюда, тщетно ища забытья, в то время как всходившее солнце окрашивало веки темным, кровавым багрянцем.

Четверо мужчин собрались рядом с единственным окошком фермерского дома, тихо переговариваясь.

— Ну о каком бегстве ты толкуешь? — произнес один, кивнув наружу. — Побойся бога, парень! Самый здоровый из нас едва ковыляет, а шестеро вообще не могут ходить.

— Если ты можешь идти, то двигай, — подал голос кто-то из

лежавших на полу. — Нечего из-за нас задерживаться.

Джейми скривился, бросив взгляд на свою раненую ногу, замотанную в обрывки килта.

Дункан Макдональд отвернулся от окна и с угрюмой улыбкой покачал головой. В жидком свете были отчетливо видны глубоко избороздившие его осунувшееся от усталости лицо морщины.

— Нет, лучше затаиться, — сказал он. — Начать с того, что англичане здесь кишмя кишат, что твои вши, — их из окна видно. Ни одному человеку не уйти целым с Друмосских болот.

— Даже бежавшим вчера с поля боя далеко не уйти, — тихо вставил Маккиннон. — Вы разве не слышали, как ночью прошли форсированным маршем английские войска? Думаете, им трудно будет настигнуть разношерстную компанию беглецов?

Все они знали ответ слишком хорошо. Многие из горцев, ослабевших от холода, изнеможения и голода, еще до сражения едва держались на ногах.

Джейми отвернулся к стене, уповая на то, что его люди покинули поле достаточно рано и ушли на приличное расстояние. Лаллиброх находился на отшибе, в стороне от Куллодена, и у них есть надежда спастись. Другое дело, что, как говорила ему Клэр, войска Камберленда, побуждаемые жаждой мести, беспощадно разорят всю горную Шотландию.

На сей раз мысль о Клэр вызвала лишь волну ужасной тоски. Господи, если бы она оказалась здесь, прикасалась к нему, лечила его раны и баюкала его голову у себя на коленях! Но она ушла — ушла от него на двести лет в будущее, — и слава богу, что так! Слезы медленно потекли из-под его закрытых век, и Джейми, несмотря на боль, перекатился на бок, чтобы скрыть их от других.

«Господи, только бы с ней все было хорошо, — взмолился он. — С ней и ребенком».

После полудня из незастекленных окон неожиданно потянуло дымом. Запах был острее и гуще, чем пороховая гарь, с ощутимым, пугающим душком того, что слишком уж напоминало поджаривающееся мясо.

— Они сжигают мертвых, — сказал Макдональд.

За все то время, что они находились в доме, он почти не сдвинулся со своего места у окна. Он и сам походил на мертвеца с этими слипшимися от грязи угольно-черными волосами и бледным, исхудавшим лицом.

То и дело над вересковым болотом разносился треск ружейных выстрелов. То были выстрелы милосердия — английские офицеры сострадательно добивали облаченных в тартаны бедолаг, прежде чем

взгромоздить каждого из них на погребальный костер вместе с его более удачливыми, погибшими сразу товарищами. Когда Джейми поднял голову, Дункан Макдональд по-прежнему сидел у окна, но глаза его были закрыты.

Эван Камерон рядом с ним перекрестился.

— Да обретем мы столько же милости, — прошептал он.

Так оно и вышло: после полудня следующего дня у порога сельского дома затопали сапоги, и дверь распахнулась на беззвучных кожаных петлях.

— Господи!

Это приглушенное восклицание вырвалось у англичанина при виде того, что обнаружилось внутри. Сквозняк от двери зашевелил застоявшийся воздух над грязными, покрытыми пятнами крови телами людей, лежавших вповалку или сидевших на утоптанном земляном полу.

О вооруженном сопротивлении речи не шло: в нем не было смысла, да и сил на это ни у кого не осталось. Якобиты оставались, где были, предоставив определить свою судьбу появившемуся на пороге щеголеватому английскому майору в мундире с иголки и до блеска начищенных сапогах.

Он замешкался, обвел взглядом помещение и шагнул внутрь. Следом за ним без промедления вошел его лейтенант.

— Я лорд Мелтон, — представился майор, оглядываясь по сторонам, как будто ища взглядом предводителя этих людей, к которому полагалось обратиться.

Встретив его взгляд, Дункан Макдональд встал и наклонил голову.

— Дункан Макдональд, из долины Ричи. А остальные... — он махнул рукой, — остатки армии его величества короля Якова.

— Так я и думал, — сухо промолвил англичанин.

Он был молод, лет тридцати с небольшим, но держался с уверенностью опытного солдата. Обведя пристальным взглядом находившихся в помещении людей, майор полез в карман и достал сложенный листок бумаги.

— Это приказ его светлости герцога Камберлендского, наделяющий меня полномочиями предавать смертной казни любого, кто окажется участником только что произошедшего изменнического восстания. — Он снова обвел взглядом помещение. — Есть здесь кто-нибудь, кто заявит о своей непричастности к измене?

Со стороны шотландцев послышался самый слабый смех. О какой непричастности могла идти речь, когда их всех обличали кровь и вьевшаяся в лица пороховая гарь рокового для них сражения?

— Нет, мой лорд, — ответил Макдональд с едва заметной улыбкой на губах. — Здесь все изменники. Стало быть, нас всех повесят?

Мелтон слегка скривился, но на его лицо тут же вернулась маска невозмутимости. Он был строен, изящен, почти хрупок, однако держался уверенно и властно.

— Вас расстреляют, — сказал майор. — В вашем распоряжении один час, чтобы подготовиться.

Он помедлил, бросив взгляд на лейтенанта, как будто боялся показаться своему подчиненному излишне великодушным, но продолжил:

— Если кто-то из вас захочет написать что-нибудь — может быть, письмо, — я пришлю сюда своего отрядного писаря.

Мелтон кивнул Макдональду, повернулся на каблуках и вышел.

Это был мрачный час. Несколько человек воспользовались предложением пера и чернил и упорно царапали каракули на бумаге, держа листы, за неимением другой твердой поверхности для письма, на наклонной деревянной трубе. Другие тихо молились или просто сидели в ожидании неизбежного.

Макдональд попросил пощады для Джайлза Макмартина и Фредерика Муррея, сказав, что им всего семнадцать, их нельзя подвергать той же каре, что и старших. В этой просьбе ему было отказано, и юноши сели рядом, взявшись за руки и отвернув к стене побледневшие лица.

Глядя на них, да и на других тоже, верных друзей и отважных солдат, Джейми ощущал щемящую печаль, но по поводу собственной участи чувствовал лишь облегчение. Ему больше не о чем беспокоиться, больше нечего делать. Он сделал все, что мог, для своих людей, своей жены, своего еще не рожденного ребенка. Пусть же теперь придет конец его телесным страданиям и он упокоится с миром.

Скорее для формы, а не потому, что он испытывал нужду в этом, он закрыл глаза и начал, как всегда по-французски, читать покаянную молитву. «Mon Dieu, je regrette...» Но он не испытывал раскаяния, да и поздно было о чем-либо сожалеть.

Его мучил вопрос, произойдет ли его встреча с Клэр сразу после смерти, или ему, как и ожидалось, придется принять в наказание некоторое время разлуки. В любом случае он увидит ее снова; за это убеждение Джейми цеплялся гораздо крепче, чем за догматы церкви. Бог подарил ему Клэр, Он ее ему и вернет.

Забыв о молитве, Джейми мысленно представил себе лицо Клэр, изгибы щеки и виска, высокий чистый лоб, который ему всегда хотелось поцеловать в маленькое гладкое местечко между бровями, у верхушки носа,

между ясными янтарными глазами. Он сосредоточил внимание на форме ее рта, тщательно представляя полные нежные губы и их несравненный вкус. Звуки молитвы, шорох перьев и едва слышные всхлипывания Джайлза Макмартина стихли в его ушах.

Мелтон вернулся после полудня. На сей раз кроме лейтенанта его сопровождали писарь и шестеро солдат. И снова майор задержался на пороге, но Макдональд поднялся раньше, чем он успел заговорить.

— Я пойду первым, — сказал он и ровным шагом направился через дом.

Когда он пригнул голову, чтобы пройти в дверь, лорд Мелтон положил руку ему на плечо.

— Будьте любезны назвать свое полное имя, сэр. Мой писарь занесет его в реестр.

Макдональд взглянул на писаря, и уголок его рта дрогнул в слабой горькой улыбке.

— Список трофеев? — Он пожал плечами и выпрямился. — Дункан Уильям Маклеод Макдональд из долины Ричи. — Он вежливо поклонился лорду Мелтону. — К вашим услугам, сэр.

Затем Макдональд вышел за дверь, и вскоре неподалеку раздался звук одного—единственного пистолетного выстрела.

Юношам разрешили пойти вместе. Они вышли, крепко держась за руки. Остальных выводили по одному, каждого просили назвать имя, чтобы пополнить реестр. Писарь сидел на табурете у двери, склонившись над разложенными на коленях бумагами, и не поднимал головы, когда люди проходили мимо.

Когда наступил черед Эвана, Джейми с трудом оперся на локти и сжал руку друга так крепко, как мог.

— Мы скоро встретимся, — прошептал он.

Эван лишь улыбнулся, наклонился, поцеловал Джейми в губы и ушел.

Наконец в помещении остались шестеро пленников, которые не могли самостоятельно передвигаться.

— Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрэзер, лэрд Брок—Туараха, — медленно произнес Джейми, четко выговаривая каждую букву, чтобы писец успел записать, после чего поднял глаза на Мелтона. — Милорд, я должен просить вас оказать мне любезность и помочь встать.

Вместо ответа Мелтон уставился на него, и выражение отстраненной неприязни на лице лорда сменилось чем—то похожим на подступающий ужас.

— Фрэзер? — повторил он. — Из Брок—Туараха?

— Так оно и есть, — терпеливо сказал Джейми, мысленно негодуя из-за этой нелепой задержки.

Смириться с тем, что тебя ждет расстрел, — это одно, а слышать, как убивают твоих друзей, — другое, и нервы это отнюдь не успокаивает. Мало того что ему приходилось опираться на дрожавшие от напряжения руки, так еще и внутренности, явно не разделявшие высоких устремлений духа, тоже начинало пробирать предательской дрожью.

— Черт побери, — пробормотал англичанин.

Он наклонился, взгляделся в лицо лежавшего в тени у стены Джейми, потом повернулся и поманил к себе лейтенанта.

— Помоги мне перенести его на свет, — велел майор.

Они сделали это довольно бесцеремонно, и Джейми застонал, потому что движение вызвало в ноге резкую боль, пронзившую его до макушки. На миг у него закружилась голова, и он упустил то, что говорил ему Мелтон.

— Ты тот самый якобит, которого прозвали Рыжим Джейми? — нетерпеливо повторил англичанин свой вопрос.

На Джейми накатила волна страха: если признаться, что он и есть пресловутый Рыжий Джейми, они его не расстреляют. Они отвезут его в Лондон, чтобы судить как важного государственного преступника и казнить публично. Сначала вздернут на виселицу, а потом, полузадушенного, сбросят на эшафот, чтобы вспороть живот и вырвать внутренности. Внутренности откликнулись на эту мысль бурчанием — похоже, их подобная перспектива тоже не радовала.

— Нет, — сказал он как можно тверже. — Давайте побыстрее с этим. Не тяните, а?

Оставив его слова без внимания, Мелтон опустился на колени, рванул ворот рубашки Джейми, схватил за волосы и откинул назад его голову.

— Проклятье! — сорвалось с уст Мелтона, и его палец уткнулся в шею шотландца чуть выше ключицы.

Там находился маленький треугольный шрам, почему-то чрезвычайно взволновавший майора.

— Джеймс Фрэзер из Брок-Туараха. Рыжие волосы и треугольный шрам на шее.

Мелтон отпустил волосы и откинулся с колен на пятки, рассеянно потирая подбородок. Потом он пришел в себя, повернулся к лейтенанту и, указав жестом на пятерых оставшихся пленных, приказал:

— Забери остальных.

Его люди подняли и вывели оставшихся шотландцев, а сам он остался стоять над Джейми, сдвинув брови в угрюмом раздумье.

— Мне нужно подумать, — сказал Мелтон. — Черт, мне нужно подумать!

— Подумайте, — откликнулся Джейми, — если есть о чем. А я прилягу.

Они усадили его, прислонив к дальней стене, раненая нога была вытянута перед ним, но оказалось, что, пролежав два дня пластом, он уже не имел сил сидеть. Перед глазами заплясали огоньки, и он повалился на бок, припав к земляному полу и закрыв глаза, чтобы справиться с накотившим головокружением.

Мелтон бормотал что-то себе под нос, но Джейми не мог разобрать ни слова, к чему, впрочем, вовсе и не стремился. В сидячем положении, на солнечном свету, он в первый раз ясно рассмотрел свою ногу и теперь был совершенно уверен, что в любом случае не доживет до виселицы.

От середины бедра вверх распространялась зона воспаления, болезненная краснота была ярче, чем разводы засохшей крови. Сама рана гноилась: теперь, когда смрад от немытых тел и гниющих ран других людей уменьшился, он ощущал слабый сладковатый запах собственной разлагающейся плоти. Мгновенная смерть от пули в голову казалась куда предпочтительнее, чем долгое, мучительное умирание от гангрены. С этой мыслью, припав горячей щекой к прохладной, успокаивающей, как материнская грудь, земле, он соскользнул в полузабытье.

То был не сон, лишь некая отрешенность, из которой его вырвал и вернул к действительности настойчиво звучащий в ушах голос Мелтона.

— Грей, — произносил голос, — Джон Уильям Грей! Вы знаете это имя?

— Нет, — сказал он, плохо соображая из-за слабости и лихорадки. — Послушайте, сударь, стреляйте и уходите, ладно? Я болен.

— Это было близ Кэрриарика. — В голосе Мелтона звучало тревожное нетерпение. — Юноша, светловолосый юноша лет шестнадцати. Вы повстречали его в лесу.

Джейми, прищурившись, поднял глаза на своего мучителя. Жар уже сказывался на его зрении, но да, в этом тонком лице с большими, почти девичьими глазами действительно угадывалось что-то знакомое.

— А-ф, — сказал он, выхватив одно лицо из потока образов, хаотично круживших в его сознании. — Тот мальчишка, который хотел меня убить. Да, припоминаю.

Тогда он сломал Джону Уильяму Грею руку, а сейчас воспоминание о тонкой кости юноши преобразовалось в ощущение руки Клэр, которую он вырывал из хватки камней. Прохладный влажный ветерок погладил его

лицо ее нежными пальцами.

— Да очнитесь же, черт вас возьми! — Мелтон встряхнул его, и голова бессильно качнулась на шее. — Послушайте меня!

Джейми устало открыл глаза.

— Ну?

— Джон Уильям Грей — мой брат, — сказал Мелтон. — Он рассказал мне о своей встрече с вами. Вы сохранили ему жизнь, и он дал вам некое обещание.

С большим усилием Джейми направил мысли назад. Да, он повстречал того юношу за два дня до первого сражения этой войны, закончившегося победой восставших шотландцев при Престонпансе. Полгода, отделявшие «тогда» от «теперь», казались огромной пропастью, столь многое произошло за это время.

— Ну, я припомнил. Он пообещал убить меня. Я не против, если вы сделаете это вместо него.

Его веки снова опустились. Почему бы этим англичанам не пристрелить его во сне?

— Он сказал, что за ним долг чести.

Мелтон встал, отряхнув пыль с колен, и повернулся к своему лейтенанту, который наблюдал за этим допросом с явным недоумением.

— Ужасная ситуация, Уоллес. Этот... это не просто якобит, а своего рода знаменитость. Ты слышал о Рыжем Джейми? О том, который повсюду на розыскных листах?

Лейтенант кивнул, с любопытством поглядев на распростертое у его ног почти бесчувственное тело. Мелтон с горечью улыбнулся.

— Да, теперь он не выглядит таким опасным. Но все равно он Рыжий Джейми Фрэзер, и его милость будет более чем доволен таким выдающимся пленником. Чарльза Стюарта пока не нашли, но несколько известных якобитов порадуют толпу на площади Тауэра почти так же.

Лейтенант потянулся за планшетом.

— Может, мне послать сообщение его милости?

— Нет!

Мелтон развернулся и снова уставился вниз, на пленника.

— В этом-то и вся трудность! По этому грязному бунтовщику плачет виселица, но он тот самый малый, который захватил в плен моего младшего брата близ Престона и не пристрелил его, чего щенок вполне заслуживал, а оставил в живых и вернул товарищам. Это, — произнес он сквозь зубы, — наложило на всю мою семью проклятый долг чести.

— Боже мой! — вскрикнул лейтенант. — Значит, вы не можете

передать пленника его милости?

— Нет, чтобы мне лопнуть! Я пристрелить этого мерзавца и то не могу, не нарушив данное моим братом слово!

Пленный открыл один глаз.

— Не бойся, я никому не скажу, — пробормотал он и тут же закрыл его снова.

— Заткнись!

Совершенно выйдя из себя, Мелтон пнул пленника ногой. Тот охнул, но ничего не сказал.

— А что, если расстрелять его под вымышленным именем? — предложил лейтенант.

Лорд Мелтон бросил на своего помощника взгляд, полный презрения, потом выглянул в окно, чтобы прикинуть время.

— Через три часа стемнеет. Я прослежу за захоронением остальных казненных пленных. Надо найти небольшую крытую повозку, пусть туда навалят сена, а возница нужен такой, чтобы держал язык за зубами. Разумеется, за мзду. Он должен быть здесь с повозкой, как только стемнеет. Все ясно, Уоллес?

— Так точно, сэр! Только вот как насчет этого пленного, сэр? — спросил лейтенант, указывая на тело на полу.

— Что насчет него? — отрывисто обронил Мелтон. — Он слишком слаб, чтобы ползать, не говоря уже о том, чтобы ходить. Он никуда не денется, по крайней мере пока сюда не подъедет фургон.

— Фургон?

Пленник не только обнаружил признаки жизни, но смог даже приподняться на локте. Налитые кровью голубые глаза под копной спутанных рыжих волос светились тревогой.

— Зачем фургон? Куда меня повезут?

Повернувшись от двери, Мелтон бросил на него взгляд, полный нескрываемой неприязни.

— Куда, спрашивается, можно отправить лэрда Брох-Туараха, как не домой в его усадьбу?

— Я не хочу домой. Я хочу, чтобы меня расстреляли.

Англичане переглянулись.

— Бредит, — уверенно заявил лейтенант.

Мелтон кивнул:

— Сомневаюсь, что он выдержит дорогу, но, во всяком случае, его смерть не будет на моей совести.

Дверь за англичанами плотно закрылась. Джейми Фрэзер остался один

— и еще живой.

Глава 2

ОХОТА НАЧИНАЕТСЯ

Инвернесс, 2 мая 1968 года

— Конечно, он умер!

Резкий от волнения голос Клэр громко звенел в полупустом кабинете, отдаваясь эхом от книжных полок. Прислонившись к обитой пробкой стене, она стояла, словно пленница в ожидании расстрельного взвода, переводя взгляд с дочери на Роджера Уэйкфилда и обратно.

— А по-моему, нет.

Чувствуя страшную усталость, Роджер потер рукой лицо, а потом взял с письменного стола папку, где находились все материалы исследования, которым он занимался с тех пор, как три недели назад Клэр с дочерью впервые пришла к нему и попросила о помощи.

Открыв папку, он неторопливо пролистал содержимое. Якобиты Куллодена. Восстание 1745 года. Отважные шотландцы, объединившиеся под знаменем Красавчика принца Чарли, прошедшие по стране, словно пламенеющий меч, но наголову разгромленные герцогом Камберлендским на серой вересковой пустоши при Куллодене.

— Вот, — произнес исследователь, выбрав несколько скрепленных вместе листов — четкость современных фотокопий странно контрастировала с архаичной манерой письма, присущей старинным документам. — Это список личного состава полка Ловата.

Он протянул скрепленные бумаги Клэр, но их взяла ее дочь Бри-анна и тут же, сдвинув рыжеватые брови, начала просматривать.

— Прочти верхний список, — сказал Роджер. — Где написано «Офицеры».

— Хорошо. «Офицеры, — прочитала она вслух. — Саймон, сын Ловата»...

— Молодой Фокс, — перебил Роджер. — Сын Ловата. И еще пять имен, верно?

Брианна повела бровью в его сторону, но продолжила чтение:

— «Уильям Чишольм Фрэзер, лейтенант. Джордж Д'Амерд Фрэзер Шоу, капитан. Дункан Джозеф Фрэзер, лейтенант. Байард Муррей Фрэзер, майор».

Она остановилась и сглотнула, прежде чем прочитать последнее имя.

— «Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрэзер, капитан». — Она

опустила бумаги, слегка побледнев. — Мой отец.

Клэр быстро подошла к дочери и сжала ее руку. Она тоже была бледна.

— Да, — сказала она Роджеру. — Я знаю, что он отправился к Куллодену. Расставшись со мной... там, у круга камней... он решил вернуться на Куллоденское поле, на помощь своим товарищам, выступавшим на стороне Карла Стюарта. И мы знаем, что он это сделал. — Она кивком указала на папку, лежащую на столе и в свете лампы казавшуюся простой и безобидной. — Вы нашли их имена. Но... но... Джейми...

Одно лишь произнесение этого имени вслух потрясло ее, и она крепко сжала губы.

Теперь пришел черед Брианны поддержать мать.

— Ты говорила, что он собирался вернуться, — начала она, подбадривая мать взглядом темно-голубых глаз, — что он хотел увести с поля своих людей, а потом вернуться и принять участие в сражении.

Клэр, слегка придя в себя, кивнула.

— Он знал, что у него мало шансов ускользнуть от англичан, и не хотел угодить на виселицу, если они его схватят... сказал, что предпочтет погибнуть на поле боя. Так он и собирался поступить.

Она повернулась к Роджеру и вперилась в него взглядом. Ее янтарные глаза всегда напоминали ему глаза ястреба, как будто она могла видеть гораздо глубже, чем большинство людей.

— Я не могу поверить в то, что он не погиб, — там полегло столько народу, а он сознательно шел на гибель!

Почти половина армии горцев полегла при Куллодене, выкошенная пушечными ядрами и мушкетными пулями. Но не Джейми Фрэзер.

— Нет, — упрямо заявил Роджер, — Вот ведь в книге Линклатера ясно написано.

Он открыл белый том под заглавием «Принц в вереске».

— «После сражения, — прочел Роджер, — восемнадцать раненых якобитских офицеров укрылись в сельском домишке близ вересковой пустоши, где без пищи и ухода пролежали два дня. К концу второго дня их обнаружили и расстреляли. Избежал этой участи только один человек, некий Фрэзер из полка Ловата. Остальные погребены на краю местного парка». Видите? — Он положил книгу и бросил на женщин выразительный взгляд. — Офицер полка Ловата.

Роджер снова схватил реестр личного состава.

— И вот они! Всего шестеро. Теперь мы понимаем, что человек в фермерском доме не мог быть молодым Саймоном — тот хорошо известная

историческая личность, и мы доподлинно знаем, что с ним случилось. Он отступил — не раненый, заметьте, — с группой своих людей, с боями пробился на север и в конце концов добрался до замка Бофорт, что неподалеку отсюда.

Он указал в сторону высокого окна, за которым смутно поблескивали ночные огни Инвернесса.

— Не был человек, спасшийся из крестьянского дома в Линахе, и кем-нибудь из остальных четырех офицеров — Уильямом, Джорджем, Дунканом или Байардом. А почему? — Он выхватил из папки другой листок и чуть ли не торжествующе взмахнул им. — А потому, что все они погибли при Куллодене! Все четверо были убиты на поле — я обнаружил их имена на поминальной табличке в церкви возле Бьюли.

— Боже мой, — выдохнула Клэр и, словно лишившись сил, опустилась в стоявшее возле письменного стола старое кожаное вращающееся кресло.

Подавшись вперед, она оперлась о стол локтями и уронила голову на руки. Густые вьющиеся каштановые волосы рассыпались, скрыв ее лицо. Брианна, высокая стройная девушка с длинными, светящимися в лучах лампы рыжими волосами, встревоженно склонилась над матерью.

— Если он не умер... — нерешительно начала она.

Клэр вскинула голову.

— Но он мертв! — воскликнула она. Ее лицо напряглось, и стали видны маленькие морщинки вокруг глаз. — Ради бога, прошло двести лет, и погиб ли он при Куллодене или нет, все равно он мертв!

Ее горячность заставила Брианну отпрянуть. Девушка опустила голову, и рыжие — такие же, как у отца, — волосы свесились на щеки.

— Наверное, — прошептала она, и Роджер увидел, что ей с трудом удается сдерживать слезы.

И неудивительно, подумал он. На бедняжку столько всего обрушилось, причем разом. Каково это — узнать, во-первых, что человек, которого она любила и называла папой всю свою жизнь, на самом деле не был ее отцом; во-вторых, что ее настоящий отец — шотландский горец, который жил двести лет назад; в-третьих, осознать, что он погиб каким-то ужасным образом, немыслимо далеко от жены и ребенка, ради спасения которых и пожертвовал своей жизнью. Да, есть от чего прийти в замешательство!

Роджер подошел к Брианне и коснулся ее руки. Она рассеянно посмотрела на него и попыталась улыбнуться. Он обнял ее, даже в сострадании к ее горю думая, как чудесно ощущать ее, такую теплую, нежную и одновременно упругую.

Клэр продолжала неподвижно сидеть за столом. Ее желтые ястребиные глаза немного посветлели, смягченные воспоминаниями. Невидящий взгляд скользил по восточной стене кабинета, от пола до потолка занятой заметками и хрониками, оставшимися после преподобного Уэйкфилда, покойного приемного отца Роджера.

Глянув на эту стену, Роджер заметил приглашение на ежегодную встречу, посланное Обществом Белой Розы — этими энтузиастами, эксцентричными душами, которые до сих пор боролись за независимость Шотландии и проводили собрания с целью отдать долг памяти Карлу Стюарту и последовавшим за ним героям-горцам.

Роджер слегка прокашлялся.

— Э-э... если Джейми Фрэзер не погиб при Куллодене... — сказал он.

— Значит, он, скорее всего, умер потом.

Клэр посмотрела в глаза Роджеру холодным отстраненным взглядом.

— Вы не представляете себе, как это было, — сказала она. — В горной Шотландии был голод — несколько дней перед битвой никто из них не ел. Мы знаем, что его ранили. Даже если ему удалось спастись, там не было никого... никого, кто мог бы о нем позаботиться.

Голос ее слегка дрогнул. Теперь она была врачом, но ухаживать за больными и ранеными умела уже тогда, двести лет назад, когда прошла через круг стоящих камней и встретила свою судьбу с Джеймсом Александром Малкольмом Маккензи Фрэзером.

Роджер понимал чувства их обеих: высокой, трепетной девушки, которую он держал в объятиях, и женщины за письменным столом, застывшей в своей неподвижной решимости. Женщины, прошедшей круг камней и совершившей путешествие во времени, заподозренной в шпионаже, арестованной как ведьма, невероятным стечением обстоятельств вырванной из объятий своего первого мужа, Фрэнка Рэндолла. А три года спустя ее второй муж, Джеймс Фрэзер, отправил ее обратно сквозь камни, беременную, в отчаянном усилии спасти ее и еще не рожденного ребенка от неминуемой гибели.

Для Роджера было очевидно, что она вынесла и выстрадала более чем достаточно, но он был в первую очередь историком. Он обладал неумным, аморальным любопытством ученого, слишком сильным, чтобы оставаться в рамках простого сострадания. Более того, он странным образом ощущал присутствие третьей фигуры в этой семейной трагедии, к которой он оказался причастен, — Джейми Фрэзера.

— Если он не пал при Куллодене, — начал он снова, более решительно, — тогда можно попытаться выяснить, что произошло с ним на

самом деле. Вы хотите, чтобы я попробовал?

Он ждал ответа, затаив дыхание, чувствуя сквозь рубашку теплое дыхание Брианны.

Джейми Фрэзер прожил жизнь и встретил смерть. Это представлялось непреложным фактом, но Роджер считал своим долгом выяснить всю правду, сам толком не понимая почему. Женщины Джейми Фрэзера заслужили право узнать о нем все, что только возможно.

Брианна вообще никогда не видела отца и благодаря этим сведениям могла бы хоть что-то узнать о нем. Что же до Клэр... Ему уже пришла в голову мысль, которая если еще не посетила ее саму, то, скорее всего, лишь из-за потрясения. Ей уже дважды удалось пересечь барьер времени, а раз так, то, по крайней мере в теории, это получится у нее снова.

И если Джейми Фрэзер не погиб при Куллодене...

В затуманенном янтаре ее глаз Роджер увидел искру понимания — эта мысль пришла и к ней. Клэр и обычно-то была бледной, сейчас же ее лицо было того же цвета, что и лежащий перед ней на столе нож для вскрытия конвертов, сделанный из слоновой кости. Пальцы Клэр сомкнулись на его рукояти, стиснув с такой силой, что побелели костяшки.

Долгое время она молчала, пристально глядя на Брианну, потом повернулась к Роджеру.

— Да, — произнесла она едва слышно. — Да. Выясните это для меня. Пожалуйста. Выясните.

Глава 3

ФРЭНК И НОВОЕ ОТКРЫТИЕ

Инвернесс, 9 мая 1968 года

Пешеходное движение по мосту через реку Несс было оживленным: люди устремлялись домой, к своему вечернему чаю. Роджер шел передо мной, его широкие плечи защищали меня от толчеи.

Я ощущала, как мое сердце тяжело бьется о жесткую обложку книги, которую я прижимала к груди. Это происходило всякий раз, когда я останавливалась, чтобы подумать, что мы на самом деле делаем. Потому что сама не знала, какой из двух возможных вариантов хуже: выяснить, что Джейми не пережил Куллодена, или узнать, что он спасся.

Мы брели назад к дому пастора, и мост отзывался на наши шаги приглушенным эхом.

— Эй ты, смотри, куда прешь! — выкрикнул Роджер, проворно убрав меня с пути велосипедиста, пытавшегося, не сбавляя скорости, проехать по мосту против движения толпы.

— Простите! — донесся извиняющийся отклик, и велосипедист махнул рукой через плечо, ввинтившись между двумя группами школьников.

Я оглянулась, надеясь увидеть позади Брианну, но ее нигде не было.

Мы с Роджером провели день в Обществе охраны древностей. Брианна спустилась вниз, в отдел горских кланов, чтобы сделать фотокопии документов по составленному Роджером списку.

— Очень любезно с вашей стороны взять на себя все эти хлопоты, Роджер, — сказала я, повысив голос, чтобы он услышал меня, несмотря на гул на мосту и шум стремительного речного потока.

— Да ерунда, — ответил он, слегка смутившись, и подождал, пока я нагоню его. — Мне, видите ли, любопытно.

На его лице появилась легкая улыбка.

— Вы ведь знаете, наш брат историк терпеть не может оставлять тайны нераскрытыми.

Он мотнул головой, пытаясь откинуть назад пряди темных волос, растрепанные налетевшим порывом ветра.

Уж кого-кого, а историков я знала. С историком я прожила двадцать лет. Фрэнк тоже не хотел оставить в покое эту загадку. Правда, и решать ее по-настоящему он тоже не хотел. Фрэнк умер два года назад, и теперь это

было мое дело — мое и Брианны.

— Вы уже получили ответ от доктора Линклатера? — спросила я, когда мы спустились под арку моста.

Хотя близился вечер, солнце здесь, на севере, стояло еще высоко. Его лучи пробивались сквозь листву высаженных вдоль реки лаймовых деревьев и придавали розоватое свечение стоявшему под мостом гранитному кенотафу.

Роджер, щурясь от ветра, покачал головой.

— Нет, но с тех пор, как я написал ему, прошла всего неделя. Если не получу ответ к понедельнику, то попробую позвонить. Не беспокойтесь, — добавил он с улыбкой, — я был очень осмотрителен. Ничего конкретного я ему не сообщил, только общее направление исторических исследований. Написал, что мне нужен список — если таковой существовал — офицеров-якобитов, прятавшихся в крестьянской хижине в Линахе после Куллоденского побоища, а если сохранились какие-либо сведения о человеке, избежавшем казни, то не мог бы он указать мне документальные источники.

— Вы знакомы с Линклатером? — спросила я, перемещая книги вбок, чтобы дать отдых левой руке.

— Нет, но я отправил свою просьбу на бланке колледжа Баллиоль и тактично упомянул о мистере Чизрайте, моем старом наставнике, который действительно знает Линклатера.

Роджер ободряюще подмигнул, и я рассмеялась.

Его яркие, светящиеся зеленые глаза выделялись на фоне оливковой кожи. Может, любопытство и вправду играло определенную роль в выяснении истории Джейми, но я прекрасно понимала, что тут замешан и другой, более глубокий интерес — к Брианне. Более того, мне было известно, что его чувства не безответны. Чего я не знала, так это догадывается ли об этом Роджер.

Вернувшись в кабинет покойного преподобного Уэйкфилда, я с облегчением опустила книги на стол и рухнула в кресло у камина, Роджер пошел на кухню за стаканом лимонада.

Несколько глотков кислотовато-сладкой жидкости позволили мне восстановить дыхание, но стоило бросить взгляд на стол, на лежавшую там стопку книг, как сердце учащенно забилося.

Есть ли там что-нибудь о Джейми? Мои ладони, сжимавшие холодное стекло стакана, внезапно вспотели, и я постаралась отогнать эту несвоевременную мысль. Не заглядывай слишком далеко вперед, предостерегла я себя. Посмотрим, что удастся обнаружить, а уж там видно

будет, как поступить.

Роджер скользил взглядом по корешкам книг и подшивок, пытаясь найти другие возможности. Преподобный Уэйкфилд, ныне покойный приемный отец Роджера, помимо пасторского служения был еще и историком—любителем, завзятым краеведом и ужасным барахольщиком — на его полках вперемежку теснились букинистические и современные издания, раритеты и дешевые брошюры, подшивки журналов, папки с газетными вырезками и другие материалы.

Поколебавшись, Роджер опустил руку на стопку книг на ближайшем столе. То были книги, написанные Фрэнком, — впечатляющее достижение, насколько я могла судить, прочтя хвалебные отзывы, напечатанные на запыленных суперобложках.

— Вы когда-нибудь читали это? — спросил он, взяв томик, озаглавленный «Якобиты».

— Нет, — ответила я, сделала еще один глоток лимонада и закашлялась. — Нет, я не могла.

После возвращения я решительно отказалась иметь дело с какими-либо материалами, относившимися к истории Шотландии, хотя Фрэнк специализировался, в частности, на восемнадцатом веке. Зная, что Джейми мертв, вынужденная жить без него, я старалась избегать всего, что могло вызвать в памяти его образ. Правда, все эти старания ничего не давали — как можно было выбросить его из головы, когда Брианна ежедневно напоминала о нем самым своим существованием. Но так или иначе, я просто не могла читать ничего из того, что имело отношение к этому пустому, никчемному Красавчику принцу Чарли или его несчастным сторонникам.

— Понятно. Я просто подумал: может быть, вы знаете, что есть шанс обнаружить что-то полезное.

Роджер умолк, на его скулах выступил румянец.

— А... э-э... ваш муж — я имею в виду Фрэнка, — поспешно добавил он. — Вы говорили ему... э-э... о...

Вконец смутившись, он не закончил фразу.

— Разумеется говорила! — ответила я, кажется излишне резко. — А как вы это себе представляете — я захожу в его кабинет после того, как отсутствовала три года, и говорю: «О, привет, дорогой, что бы ты хотел сегодня на ужин?»

— Нет, конечно нет, — пробормотал Роджер.

Он отвел взгляд в сторону и уставился на книжные полки, смутившись так, что побагровела даже шея.

— Прошу прощения, — сказала я, глубоко вдохнув. — Вы задали правильный вопрос, просто рана еще не совсем зажила.

Вернее было бы сказать: «вовсе не зажила». То, насколько она оказалась свежа, удивило и испугало меня, и, поставив стакан на стол, я подумала, что, если разговор на эту тему продолжится, мне потребуется что-нибудь покрепче лимонада.

— Да, я рассказала ему все. О камнях, о Джейми. Обо всем.

Некоторое время Роджер молчал, глядя на стопку книг Фрэнка с фотографией автора на задней обложке — худощавого, смуглого и привлекательного, улыбающегося потомкам.

— И он поверил вам? — тихо спросил Роджер.

От лимонада мои губы стали ужасно липкими, и мне пришлось облизать их, прежде чем ответить.

— Нет, — сказала я. — Поначалу нет. Он решил, что я сошла с ума, даже повел меня к психиатру.

Я издала смешок, хотя это воспоминание вызвало такую волну ярости, что у меня непроизвольно сжались кулаки.

— А потом? — Роджер повернул ко мне бледное лицо, на котором выделялись сверкающие от любопытства глаза. — Что он подумал?

Я глубоко вздохнула и закрыла глаза.

— Не знаю.

В крохотной клинике в Инвернесе витали ставшие для меня совсем чужими запахи карболки и крахмала.

Я не могла думать и старалась не чувствовать. Возвращение оказалось куда более пугающим, чем мое путешествие в прошлое, ибо там меня оберегал защитный слой сомнений и неверия в то, что происходит вкупе с надеждой на спасение. Теперь я слишком хорошо знала, где нахожусь и что спасения нет. Джейми мертв.

Врачи и сиделки старались говорить со мной по-дружески, кормили и поили, но во мне не было места ни для чего, кроме печали и ужаса. Когда у меня спросили имя, я назвала его, но больше ничего говорить не стала.

Лежа в чистой белой постели, я сцепила пальцы на своем уязвимом животе и закрыла глаза, желая видеть лишь дождливую вересковую пустошь и лицо Джейми, то, что успело запечатлеться в памяти перед вступлением в круг камней. Было понятно, что новое окружение, если смотреть на него слишком часто и долго, неизбежно заставит эти образы потускнеть и заменит их знаками обыденности, лицами сиделок или вазой с цветами возле моей кровати. Я украдкой прижала один большой палец к основанию другого и с отстраненным облегчением ощутила шрам от

крохотного пореза в форме буквы «J». Джейми оставил этот знак по моей просьбе — его последнее прикосновение к моей плоти.

Не знаю, сколько времени длилось это состояние. Порой я проваливалась в сон и возвращалась к последним дням якобитского восстания. Снова видела мертвеца в лесу, Дугала Маккензи, умиравшего на полу Куллоден-хауса, и оборванных горцев, вповалку спавших в грязных траншеях перед той бойней.

Пробуждение, как правило резкое, с испуганным криком или жалобным стоном, возвращало меня к запаху антисептиков и успокаивающим речам персонала, казавшимся невнятными после гэльских боевых кличей. А потом сон снова брал свое, и я проваливалась в него, крепко зажав свою боль в ладонях.

Открыв глаза, я увидела Фрэнка. Он стоял у двери, приглаживая рукой свои темные волосы. Вид у бедняги был нерешительный, но уж этому удивляться не приходилось.

Я снова откинулась на подушки, не глядя на него и не проронив ни слова. Он походил на своих предков, Джека и Алекса Рэндоллов: те же аристократически тонкие, четкие черты и красиво вылепленная голова под рассыпающимися прямыми темными волосами. Правда, помимо небольшого различия в чертах в его облике проступали и внутренние отличия: не было и признаков страха или беспощадности, не было одухотворенности Алекса и высокомерия Джека. Его худощавое, небритое, с кругами под глазами лицо было умным, добрым и слегка усталым. Мне никто этого не говорил, но я знала: чтобы попасть сюда, он гнал машину всю ночь.

— Клэр?

Он подошел к кровати и заговорил нерешительно, как будто не уверенный в том, что я действительно Клэр.

Я и сама-то не была в этом уверена, но кивнула и откликнулась:

— Привет, Фрэнк.

Мой голос — видимо, я отвыкла говорить — прозвучал хриловато и надсадно.

Он взял меня за руку, и я не отстранилась.

— Ты... в порядке? — спросил он, помолчав.

Глядя на меня, Фрэнк слегка хмурился.

— Я беременна.

В моем дезорганизованном сознании этот момент представлялся очень важным. Я не думала о том, что скажу Фрэнку, если когда-нибудь встречу его снова, но как только увидела его стоящим в дверях, мысли мои

прояснились. Я скажу ему, что беременна, он уйдет, и я останусь одна с образом Джейми, запечатленным в памяти, и жгучим прикосновением, оставшимся на моей руке.

Его лицо слегка напряглось, но он не выпустил мою руку.

— Я знаю. Мне сказали. — Он глубоко вздохнул. — Клэр, ты можешь рассказать мне, что с тобой случилось?

На какой-то момент я ощутила полную пустоту, но потом пожала плечами.

— Наверное, — ответила я устало, собираясь с мыслями.

Говорить об этом не хотелось, но по отношению к этому человеку у меня имелся определенный долг. Как-никак я была его женой.

— Все сводится к тому, что я полюбила другого мужчину и вышла за него замуж. Прости, — торопливо добавила я, увидев, как это признание потрясло его. — Так уж получилось. Ничего не могла с собой поделать.

Этого Фрэнк не ожидал. Он открыл рот, закрыл его и стиснул мою руку так крепко, что я поморщилась и выдернула ее из его хватки.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он резко. — Где ты была, Клэр?

Неожиданно он встал и навис над кроватью.

— Ты помнишь, что, когда я видела тебя в последний раз, я собиралась к каменному кругу на Крэг-на-Дун?

— Да.

На его лице появилось смешанное выражение гнева и неверия. В общем... — Я облизала пересохшие губы. — Дело в том, что я прошла через расколотый камень в этом кругу и оказалась в тысяча семьсот сорок третьем году.

— Не шути, Клэр!

— Ты думаешь, что я придуриваюсь?

Эта мысль показалась мне настолько нелепой, что я не смогла удержаться от смеха, хотя, если вдуматься, что тут было смешного?

— Прекрати!

Я перестала смеяться. Как по волшебству, на пороге появились две сестры. Должно быть, они поджидали в коридоре неподалеку. Фрэнк наклонился и снова схватил меня за руку.

— Послушай меня, — процедил он сквозь зубы. — Ты расскажешь мне, где ты была и чем занималась!

— Я и рассказываю! Отпусти!

Я села на кровати и выдернула руку.

— Ясно же сказано: я прошла сквозь камень и оказалась заброшенной

на два века назад. Где, между прочим, встретила твоего поганого предка, Джека Рэндолла!

Фрэнк, совершенно сбитый с толку, моргнул.

— Что?

— Черного Джека Рэндолла. Ох, каким же грязным, поганым извращенцем он был!

У Фрэнка отвисла челюсть, да и у сиделок тоже. Я услышала торопливые шаги, приближавшиеся по коридору, и голоса.

— Мне пришлось выйти замуж за Джейми Фрэзера, чтобы отделаться от Джека Рэндолла. А потом, не обессудь, Фрэнк, но тут уж ничего нельзя было поделать, я полюбила его и осталась бы с ним, если бы могла, но он отправил меня обратно из-за Куллодена и из-за ребенка и...

Я осеклась, когда человек в халате врача протиснулся между сестрами в палату.

— Фрэнк, — сказала я устало, — прости, я не хотела этого и поначалу всячески пыталась вернуться. Правда. Но не могла. А теперь слишком поздно.

Невольно подступившие слезы полились по моим щекам. Плакала я в основном из-за Джейми, из-за себя и ребенка, которого носила, но немного и из-за Фрэнка. Я шмыгнула носом, чтобы остановиться, и рывком выпрямилась в постели.

— Послушай, — сказала я, — я знаю, что ты не захочешь больше иметь дело со мной, и я совершенно не виню тебя за это. Ты просто... просто уйди, ладно?

Фрэнк переменился в лице. Он больше не сердился, но выглядел расстроенным и слегка озадаченным. Он сел у кровати, не обращая внимания на доктора, который собирался пощупать мой пульс.

— Я никуда не уйду, — мягко сказал он и снова взял меня за руку, хотя я и не желала, чтобы он это делал. — Этот Джейми... Кто он?

Я прерывисто вздохнула. Доктор взял мою другую руку, все еще пытаюсь прощупать пульс, и меня охватило паническое чувство, как будто эти двое удерживали меня в плену. С большим трудом я переборола это ощущение и заставила себя говорить спокойно.

— Джеймс Александр Малкольм Маккензи, — сказала я, проговаривая слова с расстановкой, так, как произносил их Джейми в день нашей свадьбы, когда впервые сообщил мне свое полное имя.

Это воспоминание вызвало новый поток слез, и я, поскольку меня держали за руки, утерла их плечом.

— Он был горцем. Его убили при Куллодене.

Бесполезно. Я снова зарыдала, слезы ничуть не облегчали рвавшееся из меня горе, но были единственной возможной реакцией на невыносимую боль. Я слегка подалась вперед, пытаюсь оградить от всего чуждого крохотную неощутимую жизнь в моем чреве, то единственное, что осталось мне от Джейми Фрэзера.

Фрэнк с доктором обменялись взглядами, суть которых я поняла лишь отчасти. Конечно, для них Куллоден — дела давно минувших дней. А вот для меня эта битва произошла всего два дня назад.

— Может быть, нам следует дать миссис Рэндолл немного отдохнуть? — предложил доктор. — Похоже, она несколько расстроена.

Фрэнк перевел неуверенный взгляд с доктора на меня.

— В общем, она действительно кажется расстроенной. Но мне на самом деле хочется узнать... Что это, Клэр?

Поглаживая мою руку, он наткнулся на серебряное кольцо на безымянном пальце и наклонился, чтобы рассмотреть его. Это было то самое кольцо, которое Джейми подарил мне к нашей свадьбе: широкое, плетеное, со звеньями в виде крохотных стилизованных цветков чертополоха.

— Нет! — в испуге закричала я, когда Фрэнк попытался снять его с моего пальца.

Я отдернула руку, прижала ее, сжатую в кулак, к груди, обхватив вдобавок левой рукой, на которой тоже было кольцо — золотое обручальное кольцо Фрэнка.

— Нет, ты не имеешь права забрать его, я тебе не позволю! Это мое обручальное кольцо!

— Но послушай, Клэр...

Договорить Фрэнку не дал доктор, который обошел кровать, остановился рядом с ним и зашептал что-то ему на ухо. Я уловила всего несколько слов: «Не беспокойте свою жену сейчас... Шок».

Фрэнк снова поднялся, а доктор, решительно подталкивая его к выходу, по пути кивнул одной из сиделок.

Очередная волна печали накрыла меня с головой так, что я почти не ощутила прикосновение шприца и едва разобрала прощальные слова Фрэнка.

— Ладно. Но, Клэр, я все равно узнаю!

А потом наступила блаженная темнота — я погрузилась в долгий, долгий сон.

Роджер наклонил графин, наполнил стакан до половинной отметки и с легкой улыбкой вручил его Клэр.

— Бабушка Фионы всегда говорила, что виски помогает от любых хворей.

— Да уж, лекарство не из худших.

Клэр взяла стакан и ответила ему такой же легкой улыбкой. Роджер налил и себе, а потом сел рядом с ней, отпивая виски маленькими глотками.

— Знаете, я пыталась отвадить его, — сказала она вдруг, опустив стакан. — Фрэнка. Говорила, что независимо от того, как ему видится произошедшее, он не может испытывать ко мне прежние чувства. Я сказала, что дам ему развод, он должен уйти и забыть обо мне — продолжать жизнь, которую уже начал строить, пока меня не было.

— Но он на это не согласился, — откликнулся Роджер. С заходом солнца в кабинете сделалось ощутимо прохладнее, и он, наклонившись, включил старый электрический обогреватель. — Потому что вы были беременны?

Клэр бросила на него острый взгляд, но потом криво усмехнулась.

— Да, поэтому. Фрэнк заявил, что только подонок способен бросить беременную женщину фактически без средств. Особенно, — иронически добавила Клэр, — если связь с действительностью у этой женщины явно слабовата. Нельзя сказать, что у меня совсем не было средств, — мой дядя Лэм оставил мне небольшие деньги, — но и Фрэнк определенно не был подонком.

Она перевела взгляд на книжные полки. Там бок о бок стояли исторические труды, написанные ее мужем. Корешки книг поблескивали в свете настольной лампы.

— Он был очень порядочным человеком, — тихо сказала Клэр и, отпив маленький глоток, закрыла глаза, чувствуя, как пары алкоголя проникают в мозг. — А потом... он узнал или заподозрил, что не может иметь детей. Настоящий удар для человека, занимающегося историей и генеалогией. Вы должны понять: он ощутил себя выпадающим из исторического процесса.

— Да, я понимаю, — медленно произнес Роджер. — Но разве он не чувствовал... я хочу сказать, ведь это ребенок от другого человека?

— Наверное, чувствовал. — Она взглянула на него своими янтарными глазами, слегка затуманенными виски и воспоминаниями. — Но поскольку он не поверил, не мог поверить в то, что я рассказала о Джейми, отец ребенка оставался, по сути, неизвестным. Если он не знал, кто этот человек, и убедил себя в том, что я тоже этого не знаю, а просто придумала фантастическую историю после травматического шока, — что ж, тогда никто не мог заявить, что это не ребенок Фрэнка. И уж конечно не я, — добавила она с оттенком горечи.

Клэр сделала большой глоток виски, чуть не поперхнулась и украдкой смахнула выступившие слезы.

— Но чтобы никаких отцов уж точно не объявилось, он увез меня подальше. В Бостон. Ему предложили хорошую должность в Гарварде, где нас никто не знал. Там и родилась Брианна.

Капризный плач снова вырвал меня из сна. Я легла спать в шесть тридцать, после того как пять раз за ночь вставала к ребенку. Бросив на часы затуманенный взгляд, я увидела, что сейчас семь. Из ванной доносился шум льющейся воды и бодрый голос Фрэнка, напевавшего «Правь, Британия».

Я лежала в постели, руки и ноги от усталости казались свинцовыми, и все мысли были о том, хватит ли у меня сил вынести этот плач, пока Фрэнк не выйдет из ванной и не принесет мне Брианну. Но тут малышка как будто догадалась, о чем я думаю, и заверещала совсем уж отчаянно, пугающе захлебываясь криком. Я отбросила одеяло и вскочила на ноги, подталкиваемая паникой, схожей с той, которую испытывала во время воздушных атак во время войны.

Прохладный коридорчик привел меня в детскую к трехмесячной Брианне, лежавшей на спинке и оравшей во всю мощь своих младенческих легких. От недосыпа я плохо соображала и не сразу вспомнила, что оставляла малютку лежать на животике.

— Радость моя! Ты перевернулась! И сама? Перепуганная своим смелым поступком, Брианна замахала розовыми кулачками и заорала еще громче, плотно закрыв глаза.

Я схватила ее, поглаживая спинку и приговаривая в покрытую рыжим пушком макушку:

— Радость моя, сокровище мое. Какая ты умная девочка!

— Что тут у нас? Что случилось?

Фрэнк появился из ванной, вытирая полотенцем голову, второе полотенце было повязано вокруг его бедер.

— Что-нибудь случилось с Брианной?

Он подошел к нам с обеспокоенным видом. По мере приближения родов мы оба нервничали. Фрэнк был раздражителен, а я перепугана, поскольку мы не представляли себе, как сложатся наши отношения после появления ребенка Джейми Фрэзера. Но когда нянечка взяла Брианну из колыбельки и вручила Фрэнку со словами «Вот она, папочкина дочурка», досады на его лице не было и следа. А уж после того, как он взглянул на крохотное, похожее на розовый бутон личико, его переполнили удивление и нежность. Не прошло и недели, как малютка окончательно пленила его.

Я повернулась к нему с улыбкой.

— Она перевернулась! Сама!

— Правда?

Он потер лицо, лучившееся восторгом.

— А не рано ли это для нее?

— То-то и оно, что рано. Если верить доктору Споку, ей предстоит перевернуться только через месяц!

— Ну и что он понимает, этот доктор Спок? Иди-ка сюда, маленькая красавица, поцелуй папочку, раз уж ты такая несусветная умница.

Он поднял нежное маленькое тельце в удобных розовых ползунках и поцеловал в носик-кнопочку. Брианна чихнула, и мы оба рассмеялись.

Но тут мой смех оборвался: до меня дошло, что я рассмеялась в первый раз почти за год. И более того, мы в первый раз смеялись вместе с Фрэнком.

Он тоже это понял — мы встретились взглядами над макушкой головки Брианны. Его мягкие карие глаза были полны нежности. Я улыбнулась ему слегка нерешительно и неожиданно осознала, что он почти голый: вода капельками скатывалась по его мускулистым плечам и поблескивала на гладкой загорелой коже груди.

Это ощущение домашнего блаженства прервал резкий запах с кухни.

Кофе!

Бесцеремонно сунув Бри мне в руки, Фрэнк бросился на кухню, оставив оба полотенца кучей у моих ног. Улыбнувшись при виде сверкнувших ягодич, контрастно белых по сравнению с загорелой спиной, я двинулась следом, прижимая к себе малышку.

Обнаженный Фрэнк стоял у раковины, над которой поднимался пахучий пар от обгоревшего кофейника.

— Может быть, чай? — спросила я, ловко пристроив Брианну на бедро одной рукой и шаря другой в кухонном шкафчике. — Правда, листового с апельсиновым ароматом уже не осталось, есть только «Липтон» в пакетиках.

Фрэнк скорчил гримасу: англичанин до мозга костей, он скорее стал бы пить воду из унитаза, чем чай из пакетиков. «Липтон» оставила миссис Гроссман, женщина, которая приходила убирать раз в неделю и которая, напротив, считала рассыпной листовой чай гадким месивом.

— Нет, я выпью чашечку кофе по пути в университет. Кстати, ты не забыла, что сегодня вечером мы ждем к ужину декана с женой? Миссис Хинчклиф принесет подарок для Брианны.

— О, верно, — откликнулась я без энтузиазма.

Мне уже доводилось встречаться с Хинчклифами, и особого желания повторять этот опыт не было, однако жизнь не состоит из сплошных радостей. Мысленно вздохнув, я переместила ребенка на другую сторону и стала на шаривать в выдвижном ящике карандаш, чтобы составить список нужных продуктов.

Брианна зарылась носиком в мой пушистый красный халат, похныкивая и производя недвусмысленные чмокающие звуки.

— Не может быть, чтобы ты опять проголодалась, — сказала я ее макушке. — И двух часов не прошло, как тебя кормили.

Впрочем, в ответ на ее причмокивание из моей груди уже начинало сочиться молоко, и я, присев, распахнула халат.

— А вот миссис Хинчклиф говорила, что нельзя кормить детей всякий раз, когда они хнычут, — заметил Фрэнк. — Если не приучить их к режиму, они становятся избалованными.

Я не в первый раз слышала мнение миссис Хинчклиф о воспитании детей.

— Значит, моя малютка вырастет избалованной, — холодно обронила я, не глядя на Фрэнка.

Маленькие розовые губки впились в сосок, и Брианна принялась с аппетитом чмокать. Мне было известно, что миссис Хинчклиф считает кормление грудью вульгарным и антисанитарным, но, навидавшись здоровых и крепких младенцев восемнадцатого века, не знавших другого способа кормления, я придерживалась на сей счет иного мнения.

Фрэнк вздохнул, но спорить со мной не стал, а спустя мгновение бочком двинулся к двери.

— Ну тогда, — чуть сконфуженно проговорил он с порога, — увидимся около шести, ладно? Может, мне проехаться по магазинам, что-нибудь прихватить, если ты не собираешься выходить?

— Не надо, я справлюсь, — сказала я с улыбкой.

— Ну хорошо.

Он замешкался на пороге, а я, усадив Бри поудобнее на коленях и пристроив ее головку на локтевом сгибе моей руки, подняла на него глаза и вдруг поняла, что он пристально смотрит на мою обнаженную грудь. Я скользнула взглядом вниз по его телу и при виде явных признаков возбуждения склонила голову над малюткой, чтобы спрятать вспыхнувшее лицо.

— До свидания, — пробормотала я.

Он постоял еще немного, наклонился и коснулся поцелуем моей щеки, заставив ощутить беспокойную близость его обнаженного тела.

— До свидания, Клэр, — тихо произнес Фрэнк. — До вечера.

Он больше не заходил на кухню до ухода, поэтому у меня была возможность закончить кормление Брианны и привести собственные чувства в относительную норму.

Я не видела Фрэнка обнаженным с тех пор, как вернулась, он всегда одевался в ванной или в кабинете. И он не пытался поцеловать меня до сегодняшнего робкого касания губами. Еще во время беременности акушерка предупредила о высокой степени риска в случае возможной близости, поэтому вопрос о том, чтобы Фрэнк делил со мной постель, отпал сам собой. Да и я к этому не была расположена.

Мне следовало бы предвидеть, что рано или поздно ситуация изменится. Но сперва я была слишком поглощена горем. Потом меня охватила апатия по отношению ко всему, кроме собственного растущего живота и предстоящего материнства. Ну а после рождения Брианны я жила от одного кормления до другого, поскольку те мгновения, когда ко мне прижималось ее крохотное тельце, даровали покой и счастье краткосрочного забвения.

Фрэнк тоже нянчился с девочкой, с удовольствием играл с ней, а порой они засыпали вместе в его кресле — долговязый мужчина и крошечная девчушка, прижавшаяся розовой щечкой к его груди. Но друг друга мы с Фрэнком не касались да и не разговаривали ни о чем, кроме домашних проблем и Брианны.

Ребенок был объектом нашего общего внимания, через который мы могли общаться, держа друг друга на расстоянии вытянутой руки. Но похоже, для Фрэнка это расстояние начинало казаться недостаточно близким.

В физическом плане препятствий к близости не существовало: неделю назад во время очередного осмотра доктор лукаво подмигнул мне и, погладив по ягодице, заявил, что я могу возобновить отношения с мужем в любое время.

Для меня было очевидно, что после моего исчезновения Фрэнк не вел монашеской жизни. В свои почти пятьдесят он по-прежнему оставался худощавым, мускулистым и гибким. Весьма привлекательный смуглый мужчина. На вечеринках и коктейлях женщины роились вокруг него, как пчелы вокруг горшка с медом, издавая легкое жужжание сексуального возбуждения.

На одной корпоративной вечеринке мое внимание привлекла девица, уныло стоявшая в углу и таращившаяся на Фрэнка поверх своего бокала. Позже она ударилась в слезы и бессвязную пьяную болтовню, и две

подруги проводили ее домой. Уходя, они кидали сердитые взгляды то на Фрэнка, то на меня, молча стоявшую рядом с ним в просторном платье для беременных.

Впрочем, он вел себя тактично. Ночевал всегда дома и старался, чтобы на его воротничках не оставалось следов губной помады. Теперь похоже, ему пришло в голову вернуться домой в полном смысле этого слова. И наверное, он имел право ожидать от меня исполнения супружеского долга, ведь я снова была его женой.

Оставалась только одна проблема. Вовсе не к Фрэнку устремлялись мои помыслы, когда мне случалось проснуться посреди ночи. Не его гладкое гибкое тело являлось в снах и возбуждало так, что я просыпалась вся в поту, дрожащая от полузабытых прикосновений, испытать которые наяву уже не надеялась.

— Джейми, — шептала я. — О Джейми!

Слезы вспыхивали в свете утренней зари, как жемчуга и бриллианты, красуясь на нежном рыжем пушке, покрывавшем головку моей малютки.

Увы, этот день не задался. У Брианны расстроился животик. Она без конца пачкала пеленки, верещала, и ее каждые несколько минут приходилось брать на руки. Но и на руках девочка возбужденно вертелась, то и дело отрывая, и у меня на одежде оставались липкие пятна. К одиннадцати часам мне трижды пришлось сменить блузку.

Неудобный бюстгальтер для кормящих мам натирал под мышками, в то время как остававшиеся открытыми соски раздражал холод. В довершение всех этих радостей когда я, пересиливая себя, занялась уборкой, под полом что-то лязгнуло и отопление со слабым вздохом отключилось.

— Нет, на следующей неделе меня не устроит! — рявкнула я в трубку, разговаривая с мастером обслуживающей компании.

Стылый февральский туман, висевший за окнами, так и норовил просочиться под подоконником и завладеть помещением.

— На градуснике у нас шесть градусов, а у меня трехмесячный ребенок!

Ребенок полулежал в детском стульчике, закутанный во все свои одеяльца, и вопил, как ошпаренный кот. Не обращая внимания на брюзжание человека на другом конце, я поднесла трубку к широко открытому рту Брианны и подержала несколько секунд.

— Слышите? — требовательно спросила я, снова поднеся трубку к своему уху.

— Хорошо, леди, — уступил мастер. — Я подъеду сегодня во второй

половине дня, где-то между двенадцатью и шестью.

— Двенадцатью и шестью? А нельзя ли немного поточнее? Мне нужно выйти в магазин, — возразила я.

— Леди, вы не единственная в этом городе, у кого сдохла печка, — непреклонно сказал мастер и повесил трубку.

Я посмотрела на часы — одиннадцать тридцать. Сделать за оставшееся время необходимые покупки и вернуться домой нечего и мечтать, тем более что хождение по магазинам с грудным младенцем по части требований к оснащению и затратам энергии может быть приравнено к экспедиции в дикие джунгли Борнео.

Стиснув зубы, я позвонила в отдел доставки дорогого супермаркета, заказала необходимые продукты для ужина и снова занялась дочкой, уже побагровевшей от крика и успевшей снова обделаться.

— Сейчас, моя маленькая. Вот подотремся, и ты будешь чувствовать себя гораздо лучше, — приговаривала я, вытирая с покрасневшей попки Бри коричневатую слизь.

Она выгнула спинку, стараясь ускользнуть от влажной салфетки, и разоралась еще пуще. За салфеткой последовали слой вазелина и чистая пеленка, десятая за день. Грузовичок, развозящий чистые пеленки, появится не раньше завтрашнего дня, а весь дом провонял аммиаком.

— Ну же, сладкая моя, все в порядке, не хнычь.

Я пристроила ее к себе на плечо, поглаживая, но писк не умолкал. Впрочем, трудно винить малышку, когда ее бедная попка воспалилась. Лучше всего было бы положить ее голенькой на полотенце, но в связи с отключением отопления этот вариант отпадал. Мы с ней обе были одеты в свитера и тяжелые зимние пальто, что делало частые кормления еще более затруднительными, чем обычно: чтобы достать грудь, требовалось несколько минут, и все это время малютка надрывалась от плача.

Если Брианна и засыпала, то лишь на несколько минут. Соответственно и мне не удавалось вздремнуть. Часа в четыре мы вроде бы заснули по-настоящему, но не прошло и четверти часа, как нас разбудил громкий стук — в дверь барабанил прибывший по вызову ремонтник со здоровенным разводным ключом.

Одной рукой я прижимала к себе дитя, другой пыталась готовить При этом в одном моем ухе звенел детский плач, а в другом звякали металлические инструменты.

— Ну, леди, навек не поручусь, но сейчас тепло у вас будет, — заявил вытирая со лба пятно сажи, неожиданно появившийся ремонтник.

Он наклонился вперед, чтобы посмотреть на Брианну, которая в

момент относительного затишья лежала у меня на плече и, громко причмокивая, сосала палец.

— Ну и как пальчик на вкус, сладенький? — осведомился он и, выпрямившись, добавил: — Знаете, говорят, что нельзя разрешать им сосать пальцы. От этого зубы растут криво, и потом приходится выправлять их фиксаторами.

— Вот как? — процедила я. — Сколько я вам должна?

Спустя полчаса курица, фаршированная и политая соком, в окружении измельченного чеснока, веточек розмарина и долек лимона лежала на сковороде. Быстро спрыснув маслянистую кожицу лимонным соком и проткнув ее палочкой, я наконец получила время, чтобы переодеться самой и переодеть Брианну. Кухня выглядела так, как будто в ней побывали незадачливые грабители, искавшие спрятанные ценности: все шкафы нараспашку, ящики выдвинуты, утварь разбросана по всем горизонтальным поверхностям. Я со стуком захлопнула пару шкафчиков, а потом и дверь на кухню, понадеявшись, что миссис Хинчклиф, даже при отсутствии у нее хороших манер, в закрытую кухню не полезет.

Фрэнк купил для Брианны новое розовое платье. Нарядная вещица, но многослойный кружевной воротничок вызывал у меня сомнения: казалось, что эти кружева слишком непрочные и будут раздражать шею.

— Ну что ж, попробуем, — сказала я ей. — Папа хочет, чтобы ты выглядела красавицей. Давай постараемся не слюнявить платье, хорошо?

Брианна в ответ закрыла глазки, поднатужилась и отпрыгнула, как мне показалось, с особенным усердием.

— Вот и молодец! — похвалила я, покривив душой.

Теперь мне предстояло поменять простынку в колыбельке, но, по крайней мере, отрыжка не усилила понос.

Устранив беспорядок и приладив свежий подгузник, я встряхнула розовое платье, но прежде чем надеть его на малышку, тщательно вытерла сопли и слюни с личика. Она при этом моргала и радостно гукала, размахивая кулачками.

Я услужливо нагнула голову и боднула ее в животик, вызвав бурю восторга, выразившегося в еще более громком повизгивании. Мы проделали это еще пару раз, а потом принялись за мучительную работу по надеванию розового платья.

Брианне затея не понравилась — жалобы начались, стоило продеть головку в вырез, а когда я стала засовывать пухленькие ручки в пышные рукавчики, она дернулась и издала пронзительный крик.

— В чем дело? — спросила я, переполошившись, поскольку уже

научилась различать значение издаваемых ею звуков и поняла, что этот крик свидетельствует об испуге и боли. — Что случилось, дорогая?

Теперь она просто надрывалась от плача. Я торопливо перевернула ее и погладила по спинке, думая, что у нее опять нелады с животиком, но это не помогло. Пришлось снова взять барахтающуюся малышку на руки, и тут, поскольку она размахивала ручонками, я заметила на внутренней стороне одной ручки длинную красную царапину. В платице осталась булавка и поцарапала ее, когда я вдевала ручку в рукав.

— Ой, малышка! Ой, прости! Прости мамочку!

Со слезами на глазах я отцепила и вытащила гадкую булавку, прижала Брианну к плечу, поглаживая, успокаивая и мучаясь чувством вины. Конечно, я не хотела сделать ей больно, но она-то этого знать не могла.

— Ох, радость моя, — лепетала я. — Теперь все в порядке. Да, мамочка любит тебя, все хорошо.

Ну почему я не подумала о том, чтобы проверить булавки? И вообще, какому извергу пришло в голову упаковывать одежду для младенцев, используя булавки?

Разрываясь между яростью и отчаянием, я надела-таки платице на Брианну, вытерла ей подбородок, отнесла ее в спальню, уложила на свою кровать и только после этого торопливо переоделась, надев приличную юбку и свежую блузку.

Дверной колокольчик зазвенел, когда я натягивала чулки. На одной пятке оказалась дырка, но времени на то, чтобы переодеться, не оставалось. Я сунула ноги в тесные туфельки из крокодиловой кожи, схватила Брианну и пошла открывать дверь.

На пороге стоял Фрэнк, слишком нагруженный пакетами, чтобы достать ключи. Свободной рукой я забрала у него большую часть пакетов и положила их на столик в прихожей.

— Ужин готов, дорогая? Я принес новую скатерть и салфетки — подумал, что наши старые малость пообтрепались. И вино, конечно.

Он с улыбкой поднял бутылку, потом наклонился вперед, пригляделся ко мне и нахмурился, заметив растрепанные волосы и только что заляпанную отрыгнутым молоком блузку.

— Клэр, Клэр, — покачал головой Фрэнк. — Неужели ты не могла чуточку привести себя в порядок? У тебя ведь нет особых дел, ты целый день дома, что же ты не могла уделить несколько минут...

— Нет, — сказала я довольно резко.

Сунула ему в руки Брианну, которая тут же возобновила капризное хныканье.

— Нет, — повторила я и забрала из его руки бутылку с вином. — Нет! — крикнула я, топнув ногой, и замахнулась бутылкой, а когда он увернулся, вмазала ею по дверному косяку, облив порог «Божоле» и осыпав пол поблескивающими на свету стеклянными осколками.

Разбитая бутылка полетела в азалии, а я без пальто помчалась по дорожке в зябкий туман. У поворота я пробежала мимо удивленных Хинчклифов, явившихся на полчаса раньше, скорее всего чтобы застать меня в разгаре подготовки к их визиту.

Ну что ж, надеюсь, сегодняшний ужин им понравится.

Я ехала сквозь туман без всякой цели. Автомобильный обогреватель обдувал мне ноги, пока я не начала отпускать газ. Намерения вернуться домой у меня не было, но куда в таком случае податься? В ночное кафе?

И тут до меня дошло, что сегодня пятница и дело идет к полуночи. Да, мне есть куда направиться. Я повернула обратно к пригороду, где мы жили, к церкви Святого Финбара.

В это время часовня во избежание вандализма и грабежа была закрыта, но для припозднившихся верующих под дверной ручкой находился кодовый замок с пятью пронумерованными кнопками. Прихожанин, знающий код, мог попасть внутрь на законных основаниях. Войдя, нужно было отметить в лежащем у алтаря регистрационном журнале.

— Святой Финбар? — помнится, недоверчиво переспросил Фрэнк, впервые услышав от меня про эту церквушку. — Нет такого святого. И быть не может.

— А вот и есть, — не без самодовольства возразила я. — Ирландский епископ двенадцатого века.

— А, ирландский, — с облегчением протянул Фрэнк. — Тогда понятно. Но чего я не могу понять, — сказал он, стараясь быть тактичным, — так это... э-э... зачем?

— Что «зачем»?

— Зачем тебе посещать эту церковь? Ты никогда не отличалась религиозностью, набожности в тебе не больше, чем во мне. У тебя нет привычки ходить к мессе или там причащаться. Отец Беггс каждую неделю спрашивает меня, где ты.

Я покачала головой.

— По правде говоря, Фрэнк, мне трудно тебе это объяснить. Я хожу туда, потому что... чувствую такую потребность.

Я беспомощно воззрилась на него, не зная, как объяснить все доходчиво.

— Там... там царит покой, — сказала я наконец.

Фрэнк открыл рот, как будто хотел продолжить разговор, но отвернулся и покачал головой.

Там действительно царил покой. Парковка у церкви была пуста, не считая одной–единственной машины припозднившегося верующего, поблескивавшей под фонарями обезличенным черным цветом. Войдя внутрь, я записала мое имя в журнал и прошла вперед, тактично кашлянув, чтобы дать знать пришедшему для поздней молитвы человеку о своем присутствии.

Я опустилась на скамью позади плотного мужчины в желтой куртке–ветровке. Он почти тут же поднялся, преклонил колени перед алтарем, повернулся и направился к двери, коротко кивнув, когда проходил мимо меня.

Дверь со скрипом закрылась, и я осталась одна. Две большие белые алтарные свечи горели в неподвижном воздухе ровно, без вспышек. В сверкающей золотистой дароносице лежало несколько облаток. Я закрыла глаза и некоторое время просто прислушивалась к тишине.

В голове сумбурным водоворотом крутились события сегодняшнего дня. Будучи без пальто, я даже после короткого пути через парковочную площадку тряслась от холода, но мало–помалу отогрелась, и сжатые на коленях руки расслабились.

В конце концов, как обычно здесь и случалось, я перестала о чем–либо думать. Уж не знаю, то ли в присутствии вечности остановилось само время, то ли на меня навалилась вселенская усталость. Так или иначе, чувство вины из–за Фрэнка унялось, мучительная тоска по Джейми уменьшилась, и даже непрекращающееся давление материнства на мои эмоции снизилось до уровня фонового шума, сделавшись не громче медленного, равномерного и успокаивающего в темноте часовни биения сердца.

— Господи, — прошептала я, — отдаю на Твою милость душу твоего слуги Джеймса.

«И мою», — мысленно добавила я.

Я сидела там не шевелясь, глядя на мерцающий отблеск пламени свечи на золоченой поверхности дароносицы, пока позади не послышались тихие шаги. Кто–то вошел и со скрипом опустился на церковную скамью. Люди приходили сюда постоянно, днем и ночью. Благословенный алтарь никогда не оставался в одиночестве.

Я посидела еще несколько минут, потом соскользнула с церковной скамьи, в свою очередь поклонилась алтарю и, уже направляясь к выходу, увидела, как фигура в заднем ряду, в тени статуи святого Антония,

зашевелилась. Человек встал и двинулся по проходу мне навстречу.

— Что ты здесь делаешь? — прошипела я.

Фрэнк кивнул в сторону нового молящегося, уже преклонившего колени, и, взяв меня за локоть, повел наружу.

Я подождала, пока дверь часовни не закрылась позади нас, а потом вырвалась и развернулась лицом к нему.

— В чем дело? — раздраженно спросила я. — Ты зачем сюда притащился?

— Я беспокоился за тебя.

Он указал на пустую парковочную площадку, где его большой «бьюик» угнездился, словно защищая мой маленький «форд».

— Одинокой женщине разгуливать по ночам в этой части города небезопасно. Я пришел, чтобы проводить тебя домой. Вот и все.

Он не заговорил о Хинклифах или об ужине, и мое раздражение растаяло.

— О! — сказала я. — А как же Брианна?

— Я попросил старую миссис Мансинг, соседку, приглядеть за ней, подойти, если малышка заплачет. Но она, похоже, крепко заснула и вряд ли потревожит старушку. А теперь пойдем, на улице холодно.

Так и было. Холодный ветер дул со стороны бухты, закручиваясь студеными кольцами вокруг фонарных столбов, и я в своей тонкой блузке зябко поежилась.

— Значит, увидимся дома.

Когда я вошла провести Брианну, меня окутало ласковое тепло детской. Малышка все еще спала, но беспокойно, ворочая рыжей головкой из стороны в сторону, причмокивающий ротик открывался и закрывался, как у дышащей рыбки.

— Она проголодается, — прошептала я Фрэнку, который зашел в детскую вслед за мной и заглядывал мне через плечо, с любовью взирая на дочурку, — Лучше я покормлю ее сейчас, прежде чем лягу спать. Глядишь, тогда она подольше поспит утром.

— Я дам тебе чего-нибудь горяченького попить, — сказал он и, когда я взяла на руки сонный теплый сверток, исчез за кухонной дверью.

Она насытилась, отсосав молоко только из одной груди. Ленивый ротик медленно оторвался от соска, пушистая головка снова тяжело опустилась мне на руку, и, как ни старалась я побудить ее поесть из другой груди, все было тщетно. В конце концов мне пришлось отступить. Я уложила ее в кроватку и поглаживала по спинке, пока она, слегка отрыгнув, не погрузилась в спокойный, сытый, благостный сон.

— Ну, похоже, это на всю ночь?

Фрэнк накрыл ее детским одеяльцем, разрисованным желтыми кроликами.

— Похоже на то.

Я откинулась назад в кресле-качалке, слишком усталая и душой и телом, чтобы встать. Фрэнк подошел ко мне и остановился за спиной, его рука легко опустилась на мое плечо.

— Значит, он умер? — прозвучал мягкий вопрос.

«Я же говорила тебе!» — чуть было не вырвалось у меня, но я осеклась, закрыла рот и лишь кивнула, медленно раскачиваясь в кресле и глядя на темную кроватку с ее крохотной обитательницей.

Мою правую грудь болезненно распирало от молока, и было понятно, что, несмотря на всю усталость, мне, прежде чем уснуть, придется этим заняться. Со вздохом покорности судьбе я взялась за молочный отсос, нелепое с виду резиновое приспособление. Пользоваться им было неудобно во всех смыслах, однако лучше сделать это сейчас, чем час спустя проснуться от распирающей боли в липкой от просочившегося молока рубашке.

Я махнула рукой, отсылая Фрэнка.

— Иди, это займет всего несколько минут, но без этого не обойтись...

Вместо того чтобы уйти или ответить, он забрал у меня резиновую грушу и положил ее на стол. Действуя как будто сама по себе, без вмешательства сознания, его рука медленно поднялась в теплом темном воздухе детской и нежно обхватила мою набухшую грудь.

Он наклонил голову и осторожно принял губами к моему соску. Ощувив болезненный, но приятный отток молока, я застонала, непроизвольно опустив ладонь на затылок Фрэнка, плотнее прижала его лицо к груди и выдохнула:

— Сильнее.

Его губы были ласковы и мягки, ничего общего с безжалостной хваткой крепких беззубых десен ребенка, вцеплявшихся в грудь с неуголимой жадностью.

Не отрываясь от груди, Фрэнк опустился на колени, и на меня накатила волна нежности, какую, как мне подумалось в тот миг, мог ощущать Господь при виде поклоняющегося Ему народа. Пелена усталости заставляла меня воспринимать все происходящее в замедленном темпе, как будто мы находились под водой. Руки Фрэнка двигались медленно, словно колышущиеся в подводных течениях морские водоросли. С требовательной, настойчивой нежностью морской волны они подняли меня

и уложили, словно на прибрежный песок, на коврик детской. Я закрыла глаза, отдаваясь на волю этой волны.

Парадная дверь старого пасторского дома открылась со скрипом ржавых петель, возвестив о возвращении Брианны Рэндолл. Роджер моментально вскочил на ноги и устремился в холл на звук девичьих голосов.

— Фунт самого лучшего сливочного масла — вот что ты велела мне спросить. Я так и сделала. Ну а что, если бы я попросила не самого лучшего, а?

Брианна передавала пакеты Фионе, смеясь и разговаривая одновременно.

— Ну, если ты купила его у того старого негодника Уиклоу, так оно не то что не самое лучшее, но самое худшее, — перебила ее Фиона. — О, да ты прихватила и корицу, вот это здорово! Тогда я испеку булочки с корицей. Хочешь посмотреть, как я их делаю?

— Да, но сперва я хочу поужинать. Умираю с голоду!

Брианна встала на цыпочки, с надеждой принюхиваясь к ароматам, доносящимся из кухни.

— И что там готовится? Случайно, не знаменитый шотландский хаггис — ливер в телячьем рубце?

— Хаггис! Ну и глупышка же ты, англичаночка! Весной хаггис не готовят! Мы готовим его по осени, когда режут скот.

— Значит, я англичаночка? — Похоже, Брианна пришла в восторг от этого словечка.

— Ну конечно, глупышка. Но я все равно тебя люблю.

Фиона рассмеялась, глядя снизу вверх на Брианну, которая возвышалась над миниатюрной шотландской девушкой почти на фут. Рядом с очаровательной пухленькой девятнадцатилетней Фионой стройная высокая Брианна походила на резную готическую статую. Длинный прямой нос и светящиеся под стеклянным куполом золотисто-рыжие волосы усиливали впечатление: казалось, будто она сошла со страниц средневекового манускрипта, украшенного столь живыми и яркими рисунками, что для них и тысяча лет — не время.

Роджер заметил, что стоявшая рядом с ним Клэр смотрит на дочь с выражением, в котором были перемешаны любовь, гордость и что-то еще — может быть, воспоминания? Он понял с легким потрясением, что Джейми Фрэзер, должно быть, отличался не только огромным ростом и рыжей шевелюрой викинга, но, скорее всего, и мощной аурой, что и передал своей дочери.

Это весьма примечательно, подумал он. Вроде бы Брианна не говорила и не делала ничего необычного, но привлекала к себе людей, не прилагая к тому ни малейших усилий. Было в ней нечто притягательное, почти магнетическое, вовлекавшее каждого в ее орбиту.

Как, например, сейчас притянуло его. Брианна обернулась, улыбнулась ему, и он, сам не заметив как, оказался так близко от нее, что теперь отчетливо видел бледные веснушки на высоких скулах и улавливал запах трубочного табака, впитанный ее волосами после прогулки по магазинам.

— Привет, — сказал он с улыбкой. — Ну как, повезло тебе с материалами о кланах или ты вместо этого валяла дурочку с Фионой?

— Дурочку валяла? — Глаза Брианны сузились, превратившись в лукавые голубые треугольники. — Сначала я вам англичаночка, а теперь и дурочка. Интересно, как вы, шотландцы, называете человека, если хотите выразить к нему доброе отношение?

— Дор-р-р-огуш-ш-а, — ответил он, преувеличенно прокатив «р» и потянув «ш», отчего обе девушки рассмеялись.

— Вы говорите, как абердинский терьер, когда он не в духе, — заметила Клэр. — Но и правда, Бри, нашла ты в библиотеке горных кланов что-нибудь полезное?

— Много чего, — ответила Брианна, роясь в стопке фотокопий, которую она выложила на столик в прихожей. — Большую часть документов, пока они делали копии, мне удалось прочесть. Вот самая интересная история.

Она вытащила из стопки листок и передала его Роджеру.

Это была выдержка из сборника, посвященного преданиям шотландских горцев, статья о легенде под названием «Скачущий бочонок».

— Предания? — с сомнением сказала Клэр, вглядываясь через его плечо. — Это то, что нам нужно?

— Очень может быть, — рассеянно отозвался Роджер, поскольку внимательно читал листок и не мог сосредоточиться на разговоре и чтении одновременно. — Когда речь идет о шотландских горцах, большая часть истории устная, примерно до середины девятнадцатого века. А это значит, что рассказы о реальных людях и исторических событиях в этой традиции соседствуют и переплетаются с сугубо сказочными сюжетами вроде рассказов о водяных лошадях, привидениях или деяниях маленького народца. Ученые, которые записывали эти истории, тоже зачастую не могли разобраться, с какого рода рассказами имеют дело — порой это было сочетание факта и мифа, порой чистый вымысел, но случалось наткнуться и на описание реального исторического события. Вот это, например, — он

передал листок Клэр, — не похоже на сказку. Здесь повествуется о том, как совершенно конкретный скальный откос в горной Шотландии получил свое нынешнее название.

Клэр заправила прядь волос за ухо и, склонив голову, начала читать, щурясь в смутном свете, пробивавшемся сквозь застекленный потолок. Фиона, выросшая в окружении пожелтевших бумаг и скучных хроник, ничуть не заинтересовалась очередным историческим документом и улизнула на кухню проследить, как дела с ужином.

— «Скачущий Бочонок, — прочитала Клэр. — Уступчатый каменистый склон над речушкой, получивший название в честь истории, связанной с лэрдом-якобитом и его слугой. Лэрд, один из немногих счастливчиков, сумевших спастись после поражения при Куллодене, с трудом добрался до своих владений, но почти семь лет ему пришлось жить на собственной земле, скрываясь в пещере, поскольку англичане рыскали по горной Шотландии, вылавливая беглых сторонников Карла Стюарта. Арендаторы лэрда верно хранили тайну его убежища, приносили ему в его укрытие еду и припасы и из осторожности, чтобы случайно не выдать его английским патрулям, которые частенько прочесывали этот район, даже между собой называли укрывавшегося мятежника не иначе как Серая Шляпа. Однажды паренек, который нес бочонок с элем вверх по склону холма к пещере лэрда, нарвался на отряд английских драгун. Он храбро отказался отвечать на их вопросы, а когда один из солдат вздумал было отобрать у него бочонок, уронил его, и бочонок, подпрыгивая, покатился вниз по откосу, скакнул в протекавшую внизу речушку и был унесен потоком».

Она оторвала глаза от листка и, вопросительно подняв брови, взглянула на дочь.

— А что особенного именно в этой истории? Мы знаем — или полагаем, — поправила она, кивнув в сторону Роджера, — что Джейми спасся после Куллодена, но ведь спаслось и немало других людей. Что наводит тебя на мысль, будто именно Джейми и был этим лэрдом?

— Серая Шляпа, конечно, — ответила Брианна, словно удивившись столь нелепому вопросу.

— Что? — Роджер посмотрел на нее с недоумением. — При чем тут Серая Шляпа?

Вместо ответа Брианна взяла в щепотку прядь своих густых рыжих волос и помахала ими у него перед носом.

— Серая Шляпа, — нетерпеливо повторила девушка. — Почему арендаторы прозвали лэрда именно так? Да потому что, выходя из

убежища, он всегда носил шляпу, чтобы его не могли узнать по бросающимся в глаза волосам. Ты же сама рассказывала, что англичане прозвали его Рыжим Джейми. Враги знали, что у него рыжие волосы, — ему пришлось скрывать их!

Роджер, потеряв дар речи, уставился на ее ниспадающие волнами, пламенеющие волосы.

— Возможно, ты права, — произнесла Клэр, сияя от воодушевления. — Они были точно такими, как у тебя, Бри.

Она потянулась и нежно погладила волосы Брианны. Девушка ответила ей ласковым взглядом.

— Я знаю, — сказала она. — Я думала об этом, пока читала, — пыталась увидеть его, понимаешь? — Она остановилась и прокашлялась, словно у нее вдруг застрял комок в горле. — Представила его себе скрывающимся в пустоши среди вереска: он прячется, а солнце отсвечивает от его волос. Ты говоришь, что он был изгнанником; мне подумалось... я просто подумала, что он наверняка очень хорошо умел... прятаться. Ну, от людей, которые хотели его убить, — тихо закончила девушка уже без прежней уверенности.

— Верно! — торопливо подтвердил Роджер, чтобы рассеять тень в глазах Брианны. — Это прекрасная догадка, но, наверное, мы сможем сказать точнее, если еще немного поработаем. Если найдем на карте этот Скачущий Бочонок...

— Ты что, за дурочку меня принимаешь? — обиженно буркнула Брианна. — Я об этом подумала. — Тень в глазах исчезла, вместо нее появилось выражение самодовольства. — Потому-то я так припозднилась: заставила библиотекаря вытащить все карты горной Шотландии, какие у них есть.

Она достала из стопки еще одну фотокопию и торжествующе ткнула пальцем в точку ближе к верхнему краю.

— Видите? Этот холм такой крохотный, что на большинстве карт его не обозначают, но на этой он есть. Вон там деревушка Брох-Мордха, которая, как говорила мама, неподалеку от усадьбы Лаллиброх, а вот холм.

Ее палец сдвинулся на четверть дюйма, указав на карте микроскопическую отметку.

— Видите? — повторила девушка. — Он вернулся в свое поместье Лаллиброх, где и скрывался.

— Не имея лупы, я поверю на слово, что тут написано «Скачущий Бочонок», — сказал, выпрямившись, Роджер и улыбнулся Брианне. — Ну, поздравляю. Похоже, ты нашла его, пусть и так далеко.

Брианна улыбнулась, но ее глаза подозрительно блеснули.

— Ага, — тихо произнесла она, слегка прикоснувшись пальцем к двум листкам. — Это мой отец.

Клэр сжала руку дочери.

— Приятно видеть, что ты унаследовала не только волосы отца, но и сообразительность матери, — сказала она с улыбкой. — Пойдем и отпразднуем твоё открытие за приготовленным Фионой ужином.

— Хорошая работа, — сказал Роджер Брианне, когда они вслед за Клэр направились к столовой. Его рука легко лежала на её талии. — Тебе есть чем гордиться.

— Спасибо, — отозвалась она с улыбкой, но почти сразу к ней вернулась задумчивость.

— Что с тобой? — тихо спросил Роджер, остановившись в холле. — Что-то случилось?

— Нет, в общем, нет.

Она повернулась к нему, и он увидел, что между рыжими бровями залегла маленькая морщинка.

— Только... я задумалась, попыталась представить... Как ты думаешь, каково это было для него? Жить в пещере на протяжении семи лет? И что стало с ним потом?

Движимый порывом, Роджер наклонился вперед и коснулся этой милой морщинки поцелуем.

— Не знаю, дорогая, — сказал он. — Но возможно, мы это выясним.

Часть вторая

ЛАЛИБРОХ

Глава 4

СЕРАЯ ШЛЯПА

Лаллиброх, ноябрь 1752 года

Раз в месяц, когда кто-то из парнишек говорил ему, что это безопасно, он спускался в дом, чтобы побриться. Всегда по ночам, крадучись в темноте, как лис. Риск оставался, но бритье казалось ему необходимым, чтобы вконец не одичать, — оно являло собой символ продолжающейся связи с цивилизацией.

Словно тень, он проскальзывал в дверь кухни, где его встречала улыбка Айена или поцелуй сестры и начиналось таинство преобразования. Таз с горячей водой стоял наготове, только что правленая бритва лежала на столе вместе с тем, чему предстояло послужить мылом для бритья. Иногда, когда кузен Джаред присылал посылку из Франции, это было настоящее мыло, чаще же полуобработанный щелоком жир, щипавший глаза.

Ощущение начала преобразования приходило с первыми ароматами кухни — дразнящими, насыщенными и не имеющими ничего общего со ставшими привычными, разносимыми ветром запахами болота и леса, однако лишь по завершении ритуала бритья он снова начинал в полной мере чувствовать себя человеком.

Они научились не торопить его с разговором, терпеливо ждали, когда он побреется, и с пониманием относились к тому, что после месячного одиночества слова давались ему с трудом. И не потому, что ему нечего было сказать, скорее наоборот: слова устремлялись в горло и образовывали затор, каждое хотело успеть вырваться наружу за то короткое время, что имелось в его распоряжении. Ему необходимы были эти несколько минут тщательной подготовки, чтобы выверить и отобрать, с чего он начнет и к кому обратится.

Ему, конечно, было и что послушать, и о чем спросить — об английских патрулях в окрестностях, о политике, об арестах и судебных процессах в Лондоне и Эдинбурге. Но это потерпит, прежде всего надо потолковать с Айеном об усадьбе, с Дженни — о детях. Ну а если все сочтут это безопасным, то можно будет даже привести сонных детишек, чтобы они поздоровались со своим дядей, обнялись с ним, расцеловались и, нетвердо ступая, вернулись в постели.

— Скоро он станет мужчиной!

Первое, что сказал он во время сентябрьского визита, кивнув в сторону

старшего ребенка Дженни, своего тезки. Десятилетний мальчик сидел за столом, отчетливо осознавая и достоинство своего нынешнего положения единственного мужчины дома, и бремя сопряженной с этим положением ответственности.

— Ага, чего мне не хватает, так это лишнего беспокойства из-за еще одного баламута, — съязвила его сестра, но как бы невзначай коснулась плеча сына с несомненной, противоречившей ее словам гордостью.

— Что слышно об Айене?

Три недели назад мужа его сестры в очередной, уже четвертый раз арестовали по подозрению в пособничестве якобитам и отправили в Инвернесс.

Дженни покачала головой и поставила перед ним накрытое блюдо, а когда сняла крышку, то от пирога сквозь проколотую в подрумянившейся корочке дырочку поднялся такой дух, что у него аж слюнки потекли.

— Беспокоиться не о чем, — сказала Дженни, выкладывая пирог ему на тарелку. Голос у нее был спокойный, но маленькая морщинка между бровями выдавала озабоченность. — Я послала Фергюса, чтобы он предъявил им акт переуступки и бумаги, данные Айену по увольнении из полка. Как только они удостоверятся, что он не лэрд Лаллиброха и, стало быть, взять с него нечего, его отпустят домой.

Бросив взгляд на сына, она взялась за кувшин с элем, добавив:

— И черта с два им удастся доказать, что малый ребенок — изменник и бунтовщик.

Голос ее был мрачен, но в нем ощущалась нотка удовлетворения, вызванная беспомощностью английского суда. Покрытый каплями дождя акт переуступки, подтверждавший передачу титула лэрда Лаллиброха от старшего Джейми к младшему, уже не раз фигурировал на процессах и срывал попытки короны конфисковать имение как собственность бунтовщика-якобита.

Однако всему приходит конец, наставало время покидать гостеприимный дом, и сразу за его порогом он начинал чувствовать, как вместе с домашним теплом и уютом от него уходит ощущение причастности к этому семейному миру. Иногда ему удавалось сохранять иллюзию на протяжении всего пути до пещеры, порой же она улетучивалась почти мгновенно, развеянная холодным, едко пахнувшим гарью ветром.

За высокогорным полем англичане сожгли три фермы. Хью Кирби и Джеффа Муррея схватили у очагов, вытащили наружу и пристрелили у порога собственных домов, не задав вопросов и не предъявив никаких

официальных обвинений. Молодой Джо Фрэзер, предупрежденный увидевшей англичан женой, успел бежать и три недели жил с Джейми в пещере, пока солдаты не ушли из этого района, уведя с собой Айена.

В октябре он пообщался и со старшими мальчиками: Фергюсом, французским подростком, которого он забрал из притона в Париже, и Рэбби Макнабом, сыном кухарки, лучшим другом Фергюса.

Медленно проведя бритвой вниз по щеке и вокруг челюсти, он вытер покрытое мыльной пеной лезвие о край бритвенного тазика и тут краешком глаза приметил Рэбби Макнаба, следящего за процессом с восхищенным и чуточку завистливым выражением. Слегка повернувшись, он увидел, что трое парнишек: Рэбби, Фергюс и юный Джейми — все таращатся на него с приоткрытыми ртами.

— Неужто вы раньше не видели, как бреется мужчина? — спросил он, подняв брови.

Рэбби с Фергюсом переглянулись, но ответ предоставили официальному владельцу усадьбы.

— Ну... да, дядя, — пробормотал он, краснея. — Но... я хочу сказать...

Он слегка запнулся и покраснел еще пуще.

— Когда моего папы нет, да и даже когда он дома, мы нечасто видим, как он бреется, и... ну... у тебя столько волос на лице, дядя, после целого месяца... и мы так рады видеть тебя снова и...

И тут Джейми совершенно неожиданно пришло в голову, что мальчишки, должно быть, видят в нем чрезвычайно романтическую фигуру. Живет один в пещере, выходит в темноте, чтобы поохотиться, появляется в ночи из тумана грязный, дико заросший, весь покрытый ярко-рыжей порослью. Да, в их возрасте кажется, что быть изгоем и скрываться в вересковой пустоши в сырой тесной пещере — это чудесное приключение. В пятнадцать, шестнадцать и десять лет они не имеют представления об изводящем чувстве вины, горечи одиночества или бремени ответственности, от которого невозможно освободиться.

В каком-то смысле они, наверное, понимают, что такое страх. Страх перед пленом, болью, страх смерти. Но боязнь одиночества, постоянного, чреватого безумием пребывания с самим собой, — это совсем другое дело. Как и непреходящая тревога о том, как бы не навлечь беду на них. Впрочем, уж об этом-то они или вовсе не задумывались, или со свойственной юности беспечной уверенностью в собственном бессмертии просто отмахивались.

— Ну ладно, — сказал он, небрежно повернувшись к зеркальцу, когда

юный Джейми, запнувшись, умолк, — Мужчина для того и рождается, чтобы познать печаль и обрести бакенбардами. Это одно из проклятий Адама.

— Адама?

Фергюс был явно озадачен, в то время как остальные его товарищи притворялись, будто понимают, о чем говорит Джейми. Фергюсу же стесняться было нечего: для него, иностранца, неведение считалось простительным.

— Его самого, праотца Адама.

Джейми вобрал верхнюю губу и деликатно поскреб бритвой под носом.

— Вначале, когда Господь сотворил человека, подбородок Адама был лишен растительности, как и у Евы. И тела у обоих были гладкими, словно у новорожденных младенцев, — добавил он, заметив, как взгляд племянника метнулся в сторону паха Рэбби.

Хотя борода у Рэбби еще не росла, легкий темный пушок над верхней губой наводил на мысль о растительности в других местах.

— Но стоило им, когда ангел с огненным мечом изгнал их из Эдема, оказаться за воротами райского сада, как подбородок Адама начал чесаться и на нем выступила щетина. С тех пор мужчина обречен на бритье.

Джейми закончил брить собственный подбородок и театрально поклонился своим слушателям.

— Ну а что насчет остальных волос? — спросил Рэбби. — Вы ведь не бреете там!

Юный Джейми при этой мысли прыснул, снова залившись краской.

— Слава богу, что в тех местах, которые не на виду, можно обойтись без бритья, — невозмутимо отозвался его старший тезка. — А то для этого потребовалась бы чертовски твердая рука. Правда, зеркало не понадобилось бы.

Все расхохотались.

— А как насчет леди? — спросил Фергюс.

На слове «леди» его голос сорвался, что вызвало новый взрыв смеха.

— Конечно, у les filles^[1], девиц, там тоже есть волосы, но они их не бреют. Обычно не бреют, — поспешно поправился он, видимо припомнив что-то из своей прошлой жизни в борделе.

Шаги в коридоре известили Джейми о приближении сестры.

— Ну, у леди это вовсе даже и не проклятие, — заявил он своей восхищенной аудитории, взяв тазик и аккуратно выплеснув содержимое через открытое окно. — Бог даровал им некую растительность в утешение

мужчинам. Когда вам, джентльмены, выпадет привилегия увидеть женщину не обремененной одеждой, — он взглянул через плечо на дверь и доверительно понизил голос, — вы заметите, что волосы там растут в форме стрелы, указывающей направление, смекаете? Чтобы бедный невежественный мужчина не сбился с верного пути.

Он с важным видом отвернулся от затыкавших себе рты, корчившихся от хохота мальчишек и неожиданно устыдился, увидев медленно шедшую вперевалку беременную сестру, которая несла поднос с его ужином поверх уже основательно выступавшего живота. Собственные шутки, произнесенные ради минутного чувства товарищества, вдруг показались ему оскорбительными и неуместными.

— Тихо! — рявкнул он.

Смех оборвался, мальчишки уставились на него в недоумении. Он поспешил вперед, забрал поднос у Дженни и поставил его на стол.

Вкуснейшее блюдо из козлятины и бекона издавало такой запах, что у Фергюса нетерпеливо задергался кадык. Джейми знал, что к его приходу они выставляют на стол самое лучшее, специально прибереженное для него. Чтобы понять это, было достаточно взглянуть на их исхудалые лица. Конечно, приходя сюда, он приносил с собой мясо попавших в силки кроликов или куропаток, порой гнездо с яйцами ржанки, но этого, разумеется, никак не могло хватить для дома, где кормились не только хозяева и слуги, но также семьи погибших Кирби и Муррея. По крайней мере, до весны вдовы и дети его арендаторов должны потерпеть, а ему необходимо сделать все от него зависящее, чтобы прокормить их.

— Сядь рядом со мной, — сказал он Дженни, взял ее за руку и мягко подвел к сиденью на лавке рядом с собой.

Та удивилась — обычно в его приходы она прислуживала ему, — но и определенно обрадовалась. Час был поздний, и темные круги под глазами Дженни выдавали ее усталость.

Отложив себе изрядную порцию козлятины, Джейми решительно поставил тарелку перед сестрой.

— Но это все для тебя! — возразила Дженни. — Я уже поела.

— Недостаточно, — отрезал он. — Тебе нужно больше, ты ведь на сносях и должна есть за двоих, — вдохновенно добавил Джейми, зная, что сестра не сможет отказаться поесть ради младенца, которого носит.

И верно. Чуть поколебавшись, Дженни приступила к трапезе.

Стоял ноябрь, холод пробирался сквозь его тонкую рубашку и штаны, но он почти не замечал этого, сосредоточившись на выслеживании. Небо было затянуто облаками, но тонкие барашки пропускали лунное сияние,

так что света хватало.

Слава богу, что не было дождя: сквозь шум дождевых капель невозможно слышать, а острый запах мокрой листвы забивает запах животных. Его обоняние за долгие месяцы жизни на открытом воздухе обрело почти болезненную остроту, и теперь, когда он наведывался в усадьбу, домашние запахи чуть не сшибали его с ног.

Он находился недостаточно близко, чтобы уловить мускусный запах, но услышал шорох, выдавший оленя, вздрогнувшего в тот миг, когда он учуял охотника. Животное замерло, превратившись в одну из теней, колышущихся на склоне холма под мчавшимися по небу облаками.

Как можно медленнее Джейми повернулся в том направлении, где его слух зафиксировал шорох. В руках у него был лук со стрелой наготове. Если будет возможность сделать выстрел, то только один, после того как олень сорвется с места.

Да, там! Его сердце подпрыгнуло, когда он увидел торчавшие над низкими зарослями утесника, резко выделявшиеся на фоне неба рога. Собравшись и медленно набрав воздуха, Джейми шагнул вперед.

Вспугнутый олень срывается с места столь стремительно, с таким шумом, что охотник зачастую теряет, упуская драгоценные мгновения. Но этому охотнику выдержки было не занимать: он не вздрогнул, не дернулся, не попытался пуститься в погоню, а, не сходя с места и глядя вдоль древка стрелы, хладнокровно оценил скорость и направление и, выждав момент, спустил больно хлестнувшую его по запястью тетиву.

Выстрел оказался метким — стрела вонзилась под лопатку и, к счастью для Джейми, сомневавшегося в том, что у него хватило бы сил догнать раненое животное, свалила оленя на месте. Он рухнул на поляну, неуклюже вытянув ноги, как это бывает с умирающими копытными. Лунный свет отразился в стекленеющих глазах, замаскировав темное таинство умирания ни о чем не говорившим серебром.

Вытащив из-за пояса кинжал и опустившись на колени рядом с добычей, Джейми торопливо произнес слова молитвы, которой его научил старый Джон Муррей, отец Айена. Отец самого Джейми, впервые услышав эти слова из его уст, поморщился, из чего Джейми заключил, что данная молитва, скорее всего, адресована не тому богу, к которому они обращались по воскресеньям в церкви. Но отец так ничего и не сказал. Сам же он в тот первый раз отбарабанил ее, почти не слыша себя, в нервном возбуждении, ощущая на своей руке руку старого Джона, придававшую ему твердости в тот миг, когда он впервые в жизни вонзил нож в звериную шкуру и рассек плоть, от которой поднимался пар.

Теперь, уже набравшись опыта, он одной рукой решительно поднял вверх липкую морду, а другой перерезал оленю горло. Из-под ножа ударил горячий фонтан крови, которая после двух или трех судорожных толчков полилась равномерным потоком.

В других обстоятельствах по здоровом размышлении он, наверное, не стал бы этого делать, но голод, головокружение, свежесть холодной ночи и опьянение охотничьего азарта к раздумьям не располагали. Он сложил ладони чашечкой, подставил под вытекавший из рассеченного горла поток и поднес густую, испускающую пар, черневшую в лунном свете жидкость к губам.

С ощущением, будто он не просто пьет кровь, а поглощает саму суть добычи, Джейми втянул в себя солоноватую, с легким привкусом серебра субстанцию, жар которой казался ему его собственным. Кровь не ощущалась горячей, он вообще воспринял только ее вкус, кружащий голову металлический запах, и лишь потом его изголодавшийся желудок сжался в комок и отозвался на эту замену еды громким бурчанием.

Он закрыл глаза, отдышался и через некоторое время вновь начал воспринимать витающую между ним и остывающей тушей стылую сырость. Джейми сглотнул, провел по лицу тыльной стороной ладони, вытер окровавленные руки о траву и принялся за дело.

Ему пришлось приложить усилие, чтобы переместить в правильное положение обмякшую, отяжелевшую тушу, после чего последовал «гэллох» — сочетающий силу и точный расчет горский охотничий удар, продольно рассекший шкуру в области брюха, но не затрагивающий пузырь с потрохами. Опять же с усилием он запустил руки прямо в горячую плоть и рывком вытащил поблескивающий, как и его руки, в свете луны мешок с внутренностями наружу. Два точных надреза выше и ниже позволили отделить потроха от туши, завершив черное таинство превращения живого зверя в мясо.

Олень, хоть и обладал высокими, заметными издалика рогами, сам был невелик, и Джейми прикинул, что сможет унести тушу самостоятельно, не отправляясь за помощью, а стало быть, не оставляя добычу на сомнительную милость лис и барсуков. Он забросил тушу на спину, кряхтя от усилия, поднялся на ноги и повел плечами, пристраивая ношу поудобнее.

Медленно, неуклюже он направился вниз по склону — вместе с ним в свете луны скользила причудливая горбатая тень. Рога оленя подпрыгивали над его плечом, и в профиль тень казалась тенью некоего рогатого существа, что заставило его непроизвольно поежиться. Вспомнились

легенды о ведьмовских шабашах, где говорилось о явлении Рогатого, пившего приносимую ему в жертву козлиную или петушиную кровь.

Джейми чувствовал, что он слегка не в себе, что поддается неодолимой бездумности. Все чаще и чаще он ощущал раздвоение, распад собственной личности на две, дневную и ночную. Днем он руководствовался исключительно рассудком, дисциплинируя свои мысли с помощью медитации и ища укрытия от отчаяния реальности на страницах книг. Но с восходом луны, когда он, как зверь из логовища, выходил на свежий воздух и рыскал под звездами по темным склонам холмов, когда голод и магический лунный свет пробуждали в нем кровожадный инстинкт охотника, рассудок и логика уступали место чувствам.

Джейми шагал, глядя себе под ноги, благо его ночное зрение обострилось настолько, что он почти не рисковал споткнуться. Обмякшая туша, тершаяся шерстью о его загривок, уже остывала, как, впрочем (словно он отчасти разделял участь с добычей), охлаждалось на ветру и его собственное потное, разгоряченное тело.

И только когда впереди показались огни Лаллиброха, Джейми снова почувствовал, как его ночная и дневная суть, рассудочное и эмоциональное начало вновь сливаются воедино. Ведь он шел домой с добычей, чтобы накормить свою семью.

Глава 5

НАМ ДАРОВАНО ДИТЯ

Прошло три недели, а Айен все не возвращался — о нем вообще не было никаких вестей. Вдобавок и Фергюс несколько дней не навещался в пещеру, оставляя Джейми в мучительной тревоге относительно того, как обстоят дела дома. Помимо всего прочего, от подстреленного им оленя с учетом всех лишних ртов, которые приходилось кормить, давно уже ничего не осталось, а огород в это время года выручал слабо.

В конце концов его беспокойство возросло настолько, что он принял решение, невзирая на риск, после вечерней проверки силков спуститься с холмов и навеститься домой. Как всегда в таких случаях, он надел свой серо-коричневый колпак из грубой шерсти, надежно прикрывший готовые предательски засветиться в лучах предзакатного солнца ярко-рыжие волосы. Разумеется, его рост и стать, наткнись он на патруль, могли бы вызвать подозрение, но Джейми был уверен в своей способности первым заметить опасность, в быстроте ног и знании местности. По части умения улепетывать да заметать следы в вересковой пустоши с ним не мог бы потягаться и заяц.

По приближении к усадьбе его поразила тишина, странная для дома, где полным-полно ребятни: пять отпрысков Дженни и шесть детишек арендаторов, не говоря о Фергюсе и Рэбби Макнабе, которые, хоть и считали себя взрослыми, зачастую гонялись друг за другом по конюшням, визжа, как дьяволята.

Войдя через заднюю дверь и остановившись перед кухней, Джейми прислушался — дом настораживал непривычным ощущением пустоты. Он находился в хозяйственном коридоре, дверь по одну сторону вела в кладовку для провизии, а по другую — в буфетную и кухню. Несколько мгновений он стоял как вкопанный, впитывая и осмысливая запахи и едва слышные звуки. Нет, дом не был пуст. Об этом свидетельствовали приглушенные шумы, доносившиеся из-за закрытой, обитой тканью кухонной двери, — ритмичные скребки и позвякивание.

То были успокаивающие, домашние звуки, и Джейми с опаской решился—таки приоткрыть дверь.

Его сестра Дженни, одна, если не считать младенца в ее чреве, стояла у стола, помешивая что-то в желтой миске.

— Что ты здесь делаешь? А где миссис Крук?

— Джейми! — воскликнула беременная женщина, побледнев и выронив ложку. — Господи, — она прижала руку к груди и закрыла глаза, — ты напугал меня до смерти.

Ее глаза, такие же темно-голубые, как у него, снова открылись, и она вперила в брата вопрошающий взгляд.

— И что, во имя Пресвятой Девы, ты вообще здесь делаешь? Я ждала тебя только через неделю, никак не раньше.

— Фергюс давненько не наведывался в горы, вот я и забеспокоился, — искренне ответил он.

— Джейми, ты прелесть.

Бледность сошла с ее лица, уступив место теплой улыбке. Она подошла к брату и обняла его. Получилось несколько неуклюже с ее-то животом, но от души. На миг он прижался щекой к ее макушке, вдыхая замысловатую смесь запахов свечного воска и корицы, самодельного мыла и шерсти. Сегодня, как ему показалось, к ним добавился еще один — от нее начинало пахнуть грудным молоком.

— А где все? — спросил он, неохотно выпустив сестру из своих объятий.

— Ну так ведь миссис Крук умерла, — ответила она, и слабая морщинка между бровями углубилась.

— Вот как? — Он тихо перекрестился. — Какая жалость.

Миссис Крук служила в усадьбе сначала горничной, а потом домоправительницей еще с тех пор, как поженились их родители, то есть больше сорока лет.

— Когда?

— Вчера до полудня. Ее кончина не была неожиданной, и отошла она мирно, как и хотела, в своей постели, и отец Макмартри прочел над ней молитву.

Джейми задумчиво посмотрел на дверь, которая вела в расположенные за кухней комнаты прислуги. Его сестра покачала головой.

— Нет. Я предложила ее сыну провести прощальное бдение у нас в доме, но Круки рассудили, что в нынешней ситуации...

В выражении ее лица отразилось все: и отсутствие Айена, и опасения относительно рыщущих в округе красных мундиров, и бегство арендаторов, и нехватка продуктов, и тот факт, что ее брату приходится прятаться в пещере.

— ...им лучше провести его в Брех-Мордхе, в доме ее сестры. Туда все и пошли. Ну а я сказала им, — она улыбнулась, лукаво приподняв бровь, — что неважно себя чувствую и лучше останусь дома. Но если

честно, мне просто хотелось провести несколько часов в тишине и покое.

— Ну вот, а я сдуру заявился и все испортил, — сокрушенно сказал Джейми. — Может, мне уйти?

— Нет уж, братишка, — с любовью в голосе промолвила Дженни, — садись, а я продолжу готовить ужин.

— А что ожидается на ужин? — спросил он, с надеждой принохиваясь.

— Это зависит от того, что ты принес, — ответила сестра.

Она тяжело передвигалась по кухне, доставая, что требовалось, из ящичков кухонного шкафа и останавливаясь, чтобы помешать варево в большом, стоявшем на огне чугунке, над которым поднимался пар.

— Если ты принес мясо, мы его поедим. Если нет, то будет похлебка на голяшке.

При мысли о ячмене в бульоне из говяжьей голени соленой туши, купленной им два месяца назад, Джейми поморщился.

— Слава богу, обойдемся без солонины. Мне нынче повезло. Он открыл свой охотничий мешок и выложил на стол три тушки серых длинноухих зайцев.

— Я еще и дикой колючей сливы нарвал, — добавил он, вываливая содержимое своей основательно заляпанной красным соком серой шляпы.

Глаза Дженни вспыхнули.

— Пирог с зайчатиной, вот здорово! Смородины, правда, нет, но эти плоды ничуть не хуже, а масла у меня, слава богу, достаточно. — Уловив в сером меху едва заметное шевеление, она хлопнула ладонью по столу, устранив нежелательного крохотного визитера. — Джейми, вынес бы ты их наружу да содрал шкуру, а то, неровен час, блохи примутся скакать по всей кухне.

Вернувшись с освежеванными тушками, он увидел, что Дженни в припорошенном мукой переднике уже замесила тесто для пирога.

— Джейми, разруби косточки и порежь мясо на ломтики, — попросила она, задумчиво глядя в лежащую рядом с противнем для пирога книгу «Рецепты миссис Макклинток для стряпни и выпечки».

— Но ведь ты можешь запечь зайчатину и без этой книжицы?

Он взял с крышки ящика для утвари большой деревянный молоток для дробления костей, взвесил его на руке и невольно поморщился. Несколько лет назад в английской тюрьме такой же киянкой ему раздробили правую кисть, и неожиданно нахлынувшие воспоминания были не самыми приятными. Впрочем, это не помешало ему энергично взяться за отбивание заячьих тушек.

— В общем, могу, — рассеянно отозвалась сестра, перелистывая страницы. — Просто, когда не хватает половины составляющих, необходимых, чтобы приготовить блюдо как следует, в книге можно найти советы насчет того, чем что заменить.

Она нахмурилась, глядя на страницу перед собой.

— Обычно я использую для соуса кларет, но кларета в доме нет, остался только один бочонок, принадлежавший Джареду, но его я трогать не хочу — он нам еще может пригодиться.

Джейми знал, зачем он может ей понадобиться. Бочонок кларета годился на взятку кому-нибудь из представителей власти, чтобы ускорить освобождение Айена или, на худой конец, узнать что-то о его судьбе.

Украдкой он бросил взгляд на большой округлившийся живот Дженни. Конечно, мужчине о таких вещах судить трудно, но, в меру его понимания, до родов осталось совсем немного.

Неожиданно Джейми потянулся к котелку, окунул лезвие кинжала в булькающую воду, обтер его и убрал оружие в ножны.

— Джейми, ты зачем это сделал?

Он повернулся и увидел, что сестра смотрит на него в упор. Черные кудряшки выбивались из-под чепца, и у Джейми сжалось сердце, ибо среди угольно-черных прядей он углядел единственную серебристую нить.

— А, это, — машинально ответил он, берясь за заячью тушку. — Клэр всегда говорила, что перед тем, как касаться ножом еды, нужно ополоснуть лезвие в кипятке.

Он скорее почувствовал, чем увидел, как Дженни подняла брови. Она спросила его о Клэр только один раз, когда он вернулся с Куллодена в лихорадке, едва живой, мало что соображающий.

«Она ушла, — отрезал он тогда и отвернулся. — Больше не произноси при мне ее имя».

Дженни, привыкшая его слушаться, помалкивала, и до сих пор эта тема никем не затрагивалась.

Трудно сказать, что подтолкнуло его помянуть Клэр сегодня, не иначе как сны.

Разные, но объединяемые ее образом, они посещали его очень часто, и, пробуждаясь, он чувствовал себя так, словно Клэр в какой-то момент действительно была рядом с ним, настолько близко, что он мог к ней прикоснуться. А потом снова исчезала.

Он мог бы поклясться, что порой, уже проснувшись, чувствовал незабываемый запах, оставленный ею, — мускусный, насыщенный дразнящими свежими ароматами листьев и пряных зеленых трав. Во сне он

не раз изливался, отчего ему всегда делалось неловко и даже стыдно. Чтобы отвлечься, Джейми кивнул на живот сестры.

— Уже скоро? — спросил он, всматриваясь в набухшую округлость. — Ты похожа на гриб-дождевик, стоит дотронуться — и пуфф!

Для наглядности он резко разжал пальцы.

— Ага, как же, — фыркнула Дженни, — мне, знаешь ли, очень бы хотелось, чтобы все прошло так легко: пуфф, да и только.

Она выгнула спину, потеряв поясницу, отчего живот выпятился и вовсе угрожающе. Джейми даже прижался к стене, чтобы освободить для него побольше места.

— Что же до твоего вопроса, то это может случиться в любой момент. Скоро, очень скоро, но точнее сказать трудно.

Она взяла чашку и отмерила муку. Джейми мрачно отметил, что в мешке осталось совсем мало.

— Пошли за мной в пещеру, когда начнется, — неожиданно сказал он. — Я спущусь, невзирая на красные мундиры.

Дженни перестала помешивать и уставилась на него.

— Ты? Зачем?

— Ну, раз Айена здесь нет... — неопределенно ответил он, продолжая сноровисто разделять тушку.

Несколько быстрых разрезов, три удара молотком — и вот она, расплюснутая, уже готова для дальнейшей обработки.

— И чем бы мне помог Айен, будь он здесь? — хмыкнула Дженни и потянулась за куском сливочного масла.

Джейми тоже хмыкнул, уселся, чтобы продолжить разделку мяса, и живот сестры оказался прямо на уровне его глаз, так что можно было увидеть, как беспокойно шевелится под фартуком новая жизнь. Не удержавшись, он коснулся рукой выпуклого полушария и ощутил поразительно сильные толчки обитателя чрева, которому надоело находиться в тесном заточении.

— Когда придет срок, пришли за мной Фергюса, — снова сказал он.

Она посмотрела на него с досадой и стукнула его по руке ложкой.

— Тебе ведь уже сказано, что твои услуги мне не потребуются! Ради бога, парень, мне и без тебя забот хватает, когда дом полон людей, а запасов кот наплакал. Айен в тюрьме, в Инвернесе не продохнуть от красных мундиров: в окно выглянешь, а они тут как тут. Не хватало мне переживать еще и за тебя: неровен час, сцапают!

— Нечего за меня переживать, уж как-нибудь сам о себе позабочусь.

Он отвернулся от нее и сосредоточился на нарезании мяса.

— Вот и хорошо, заботься, оставаясь на холме, — заявила она, глядя на него поверх края миски. — У меня уже шестеро ребятишек, и до сих пор я управлялась неплохо, так? Думаю, управлюсь и на сей раз.

— Выходит, спорить не о чем? — спросил он.

— Да! Надеюсь, у тебя хватит ума сидеть и не высовываться?

— Как бы не так — я приду.

Дженни прищурилась и вперила на него долгий взгляд.

— Ты, пожалуй, самый упрямый горец отсюда до самого Абердина!

Брат поднял на нее глаза и улыбнулся.

— Может быть, — сказал он, потянулся и погладил ее по колыхавшемуся животу. — А может быть, и нет. Но я приду. Так что, когда настанет время, пошли за мной Фергюса.

Спустя три дня Фергюс поднялся по склону к пещере, сбившись в темноте с тропы и производя в кустах такой треск, что Джейми услышал его задолго до того, как он добрался до входа в пещеру.

— Милорд... — начал мальчик, едва появившись.

Однако Джейми уже набросил на плечи плащ и метнулся мимо парнишки, торопливо устремляясь к дому.

— Но, милорд... — догнал его испуганный оклик не успевшего отдышаться Фергюса. — Милорд, солдаты...

— Солдаты?

Джейми резко остановился и обернулся, нетерпеливо ожидая, пока мальчик спустится по склону.

— Какие еще солдаты? — спросил он, когда Фергюс проковылял несколько последних футов.

— Английские драгуны, милорд. Миледи послала меня сказать, чтобы вы ни в коем случае не покидали пещеру. Один из наших людей видел вчера этих солдат, они расположились лагерем неподалеку от Данмагласа.

— Черт!

— Да, милорд.

Запыхавшийся Фергюс присел на камень, его узкая грудь ходила ходуном.

Джейми задумался, не зная, какое решение принять. Все его существо восставало против возвращения назад. Его кровь кипела от возбуждения, вызванного появлением Фергюса, и мысль о том, чтобы вернуться и забиться в пещеру, словно прячущаяся под камнем гусеница, казалась отвратительной.

Бормоча что-то себе под нос, он присмотрелся к Фергюсу, чья худощавая фигура уже начинала четко вырисовываться в меняющемся

свете на фоне утесника, тогда как лицо еще оставалось размытым бледным пятном с парой темнеющих разводов на месте глаз. В душу Джейми закралось подозрение. С чего это его сестре вздумалось посылать Фергюса в столь неурочный час?

Если потребовалось срочно предупредить его о драгунах, было бы безопаснее послать Фергюса ночью. Если срочности не было, почему было не подождать до следующей ночи? Ответ на это был очевиден. Дженни явно решила, что возможности предупредить брата об опасности следующей ночью ей может и не представиться.

— Как дела у моей сестры? — спросил он Фергюса.

— Хорошо, милорд, очень хорошо!

Искренний тон этого заверения подтвердил подозрения Джейми.

— Схваток еще не было? — настойчиво спросил он.

— Нет, милорд! Конечно нет!

Джейми наклонился и схватил плечо Фергюса своей ручищей, словно тисками. Хрупкие кости подростка навяли не самое приятное в такой момент воспоминание о кроликах, разделанных им для Дженни, но сейчас было не до церемоний, и он усилил хватку. Фергюс завертелся, пытаясь вывернуться.

— Говори правду, малый, — велел Джейми.

— Нет, милорд! Правда!

Пальцы Джейми сжались еще сильнее.

— Она велела не говорить мне?

Должно быть, запрещение Дженни было высказано буквально и касалось только родов, поэтому на этот вопрос Фергюс счел возможным ответить. Что и сделал с явным облегчением:

— Да, милорд!

— Ага!

Он выпустил Фергюса. Тот вскочил на ноги и затараторил, потирая костлявое плечо:

— Она сказала, что я ничего не должен говорить вам, сказать только о солдатах, милорд, потому что, если я скажу, она отрежет мне все мужские причиндалы и сварит их, как колбасу с репой.

Услышав эту угрозу, Джейми не удержался от улыбки.

— Может, нам и не хватает еды, — заверил он своего протеже, — но не до такой степени.

Джейми бросил взгляд на горизонт: над черными силуэтами сосен уже проступало ясное розовое свечение.

— Тогда пойдем, а то через полчаса совсем рассветет.

В этот ранний час в доме не было и намека на тишину. Любой с первого взгляда понял бы, что дела в Лаллиброхе обстоят не как обычно. На дворе был выставлен котел для кипячения одежды, но огонь под ним давно погас, и вода остыла. Из коровника доносилось отчаянное мычание, указывавшее на то, что единственная его обитательница настойчиво требовала дойки, а раздраженное блеяние в загоне извещало о непреложном желании коз подвергнуться той же процедуре.

Стоило Джейми войти во двор, как ему под ноги с оглушительным кудяхтаньем метнулись три курицы, преследуемые заходящимся в лае терьером Джеху, охотником на крыс. Возмущенный подобным разбоем среди бела дня, Джейми дал псу такого пинка под брюхо, что того подбросило в воздух. Он удивленно взвизгнул и, шлепнувшись наземь, поспешил убраться от греха подальше. Добравшись до гостиной, Джейми обнаружил там малышей, старших мальчиков, Мэри Макнаб и другую служанку, миссис Кирби, суровую строгую вдову, которая читала им выдержки из Библии.

— «И не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление», — вещала миссис Кирби.

Сверху донесся громкий протяжный крик. Он доносился снова и снова, и вдова, видимо желая, чтобы до всех лучше дошел смысл слов Писания, выдержала паузу, после чего возобновила чтение. Взгляд ее глаз, бледно-серых и влажных, словно сырые устрицы, метнулся к потолку, затем с удовлетворением остановился на растерянных, напряженных лицах слушателей.

— «Впрочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием»^[2].

Китти разразилась истерическими рыданиями и уткнула головку в плечо сестры. Мэгги Элен под россыпью веснушек сделалась красной, а вот ее старшего брата эти непрекращающиеся вопли заставили мертвенно побледнеть.

— Миссис Кирби, — сказал Джейми, — будьте любезны прерваться.

Слова были произнесены достаточно корректно, но взгляд, вероятно, был такой же, какой увидел Джеху перед своим знаменательным полетом, последовавшим за соприкосновением с сапогом, потому что миссис Кирби осеклась, ахнула и уронила Библию.

Джейми нагнулся, поднял ее и показал миссис Кирби зубы. За улыбку это выражение сошло бы едва ли, но эффект возымело. Миссис Кирби побледнела и приложила руку к полной груди.

— Может, вам лучше пойти на кухню и заняться делом? — сказал он,

вскинув голову, отчего Сьюзи, кухарка, вылетела точно лист, гонимый ветром.

Миссис Кирби пусть не столь поспешно, сохраняя достоинство, но последовала за нею.

Воодушевленный своей маленькой победой, Джейми быстро приспособил всех к делу: вдове Муррея с дочерьми было велено заняться стиркой, младших ребятишек послали под присмотром Мэри Макнаб ловить кур, ребята постарше с явным облегчением двинулись в загон и коровник ухаживать за животными.

Когда комната наконец опустела, он задумался, что делать дальше. Некое смутное чувство долга призывало остаться как бы на страже, хотя он отчетливо понимал, что, как и говорила ему Дженни, на деле он, при любом раскладе, помочь ей ничем не может. Повитуха, судя по тому, что во дворе был привязан незнакомый мул, уже прибыла и находилась с Дженни наверху.

Не в состоянии усидеть на месте, он беспокойно бродил по гостиной с Библией в руке, трогая вещи. Вот книжная полка Дженни с царапинами и сколами, пострадавшая при последнем, случившемся в прошлом году вторжении в дом красных мундиров. А вот большой серебряный поднос для фруктов и цветов, вделанный в середину стола, оказался слишком велик для солдатского ранца, поэтому его, хоть немного и искорежили с досады прикладами, не выломали и не утащили. Впрочем, англичане вообще не слишком-то поживились в имении. Кое-какая мелочь, конечно, прилипла к их рукам, но немногие по-настоящему ценные вещи вместе с вином Джареда были надежно укрыты в убежище священника. Так назывались потайные комнаты без окон, которые с шестнадцатого века, когда католическая церковь в Англии оказалась под запретом, стали появляться в домах джентльменов-католиков как укрытие для их духовных пастырей.

Услышав протяжный стон сверху, Джейми невольно бросил взгляд на семейную Библию в своей руке и почти бессознательно дал книге раскрыться на первой странице, где велась хроника браков, рождений и смертей членов семьи.

Записи начались с брака их родителей. Брайан Фрэзер и Элен Маккензи. Имена и дата были выведены четким округлым почерком матери, а ниже размашистыми каракулями отца сделана короткая приписка. «Брак по любви», — гласила она. Красноречивое примечание, учитывая следующую запись, засвидетельствовавшую рождение Уилли где-то через два месяца после свадьбы.

Джейми, как всегда, улыбнулся при виде этих слов и поднял глаза на свой портрет, где он в двухлетнем возрасте был изображен рядом с Уилли и Брэном, большим охотничьим псом, шотландской борзой. Это все, что осталось от Уилли, который умер от оспы в одиннадцать лет. На холсте имелся разрез — след от удара штыком, в котором выразилось крушение надежд его бывшего владельца.

— А если бы ты не умер, — произнес Джейми тихо, обращаясь к мальчику на картине, — что тогда?

Действительно, что тогда? Закрывая книгу, он задержался взглядом на последней записи: «Кэтлин Мэйзри Муррей, родилась 3 декабря 1749 года, умерла 3 декабря 1749 года». Ох, вот и еще вопросы. Не заявись тогда, второго декабря, красные мундиры, может быть, и Дженни не родила бы до срока? А имейся у них в достатке еды и не будь сестра, как и все они, исхудавшей от недоедания, помогло бы это?

— Невозможно сказать, верно? — снова обратился он к картине. Там рука старшего брата покоилась на его плече, и он помнил, что всегда чувствовал себя уверенно, когда Уилли стоял позади него. Сверху снова донесся вопль, и руки Джейми в спазме страха сжали книгу.

— Молись за нас, брат, — прошептал он, перекрестился, положил Библию и направился к амбару помочь мальчишкам управиться со скотом.

Помощи там, правда, особой не требовалось. Рэбби с Фергюсом были более чем способны позаботиться о немногих оставшихся домашних животных, а юный Джейми в свои десять лет был достаточно крепок и смышлен, чтобы существенно подсобить им в работе. Оглядевшись по сторонам в поисках дела, Джейми набрал охапку сена и понес его вниз по склону к мулу повитухи. Когда сено закончится, корову придется зарезать: в отличие от коз она не добудет себе достаточно пропитания на зимних склонах, даже при том, что младшие дети таскают ей траву. Если повезет, засоленной туши хватит до весны.

Когда он вернулся в коровник, Фергюс, сгребавший вилами навоз, поднял голову и воинственно выставил тощий подбородок:

— Надеюсь, эта повитуха имеет хорошую репутацию. А то ведь не пристало доверять мадам заботам простой крестьянки, верно?

— Почему мне знать? — раздраженно сказал Джейми, — Я, что ли, ее приглашал?

Миссис Мартинс, старая повитуха, помогавшая появиться на свет всем предыдущим детям Мурреев, умерла — как и многие другие — во время голода, случившегося на следующий год после Куллодена. Миссис Иннес, новая повитуха, была гораздо моложе; он надеялся, что у нее достаточно

знаний и опыта и она понимает, что делает.

Но тут в разговор встрял Рэбби.

— Ага, и что ты имеешь в виду, когда говоришь «крестьянка»? — проворчал он, хмуро воззрившись на Фергюса. — Ты ведь сам крестьянин или еще не заметил этого?

Фергюс окинул приятеля взглядом, который можно было бы назвать брошенным свысока, если бы парнишке не пришлось для этого задрать голову, поскольку он был на несколько дюймов ниже Рэбби.

— Крестьянин я или нет, не имеет значения, — высокомерно произнес он. — Я же не повитуха, верно?

— Нет, ты задавака и пустомеля!

Неожиданно Рэбби толкнул приятеля, да так сильно, что тот, охнув от удивления, свалился на пол конюшни. Мгновенно вскочив на ноги, Фергюс кинулся было на заливавшегося смехом обидчика, сидевшего на краю кормушки, но Джейми схватил его за шкирку и живо оттащил назад.

— Ничего подобного, — заявил его хозяин, — Нечего мне портить то небольшое, что еще осталось от сена.

Он поставил Фергюса на ноги и, чтобы отвлечь его, спросил:

— А что, разве ты смыслишь в повивальном деле?

— Еще как, милорд, — гордо ответил тот, отряхивая одежду. — За то время, пока я служил у мадам Элизы, многие из ее девушек оказывались в постели.

— Ну, насчет постели кто бы сомневался, — буркнул Джейми. — Мы, кажется, говорим о родах.

— Конечно, а о чем же еще. Многие из них там рожали, да и я сам, — Фергюс выпятил узкую грудь, — появился на свет в том самом месте.

— Действительно. — Губы Джейми дрогнули в усмешке. — И ты, как я полагаю, внимательно наблюдал за всем происходящим во время родов и таким образом приобрел на сей счет глубокие познания?

Нотку сарказма в этой фразе Фергюс предпочел не заметить.

— Ну конечно, — ответил он деловито. — Первым делом повитуха кладет под кровать нож, чтобы обрезать боль.

— Не больно—то я уверен, что она это сделала, — пробормотал Рэбби. — Во всяком случае, на это не очень похоже.

Здесь, в амбаре, крики роженицы звучали не так оглушительно, но все же были слышны.

— А еще берут яйцо, благословляют святой водой и кладут у подножия кровати, чтобы роды прошли легко, — рассеянно продолжил Фергюс, но тут же нахмурился. — Яйцо—то у этой повитухи есть, я сам ей

дал, только вот, боюсь, она не знала, что с ним делать. А я хранил его весь последний месяц, — простодушно добавил он, — потому что курицы теперь редко несутся. Хотел быть уверенным в том, что оно будет под рукой, когда понадобится. Ну а после родов, — заговорил Фергюс с энтузиазмом проповедника, забыв о сомнениях насчет яйца, — повитуха должна сварить чай из плаценты и дать его выпить роженице, чтобы у нее было больше молока.

Из горла Рэбби вырвался слабый звук, указывающий на позывы к тошноте.

— Из последа, ты хочешь сказать? — недоверчиво воскликнул он. — Господи!

У Джейми и самого от этого экскурса в современную медицину возникли весьма неприятные ощущения.

— Ну что ж, — обратился он к Рэбби, стремясь перевести разговор в обычное русло, — они едят лягушек, ты ведь знаешь. И улиток. Наверное, после всего этого и послед не так уж страшен.

Про себя Джейми подумал, что в весьма скором времени им всем придется есть лягушек и улиток, но благоразумно решил такого рода суждения пока оставить при себе.

Рэбби притворился, что его вот-вот вырвет.

— Господи, ох уж эти французишки!

Фергюс, стоявший рядом с Рэбби, развернулся и стремительно выбросил кулак. Для своих лет он был невысок и худ, но жилист и ловок и еще маленьким в воровской жизни на улицах Парижа научился наносить мгновенные удары в уязвимые точки. Получив кулаком под дых, Рэбби сложился пополам, издав звук, подобный тому, какой производит свиной мочевой пузырь, если на него наступить.

— Будь любезен разговаривать с порядочными людьми почтительно, — надменно заявил Фергюс, в то время как побагровевший Рэбби ловил ртом воздух, словно вытащенная на сушу рыба.

Он выпучил глаза с выражением крайнего удивления, и вид у него был такой нелепый, что Джейми с трудом удержался от смеха, несмотря на беспокойство за Дженни и досаду из-за стычки мальчиков.

— А ну, щенки, не распускайте лапы, — начал было он, но тут юный Джейми, до сих пор молча слушавший старших, неожиданно вскрикнул.

— Что?

Джейми развернулся, рука произвольно метнулась к пистолету, который он брал с собой всякий раз, когда покидал пещеру, на случай появления в усадьбе английского патруля.

— Вороны, — тихо произнес он и почувствовал, как зашевелились волосы на затылке.

Появление этих птиц, вестников войны и смерти, возле дома роженицы во время родов являлось самым дурным предзнаменованием, какое можно вообразить. Одна из мерзких птиц прямо на его глазах уселась на конек крыши.

Повинуясь порыву, он рванул из-за пояса пистолет и тщательно прицелился. Расстояние до конька крыши было великовато, не говоря уж о том, что целиться приходилось снизу вверх, но...

Пистолет дернулся в его руке, и ворон разлетелся облачком черных перьев. Двое его спутников взмыли в воздух, словно сдутые взрывом, и, судорожно махая крыльями, улетели. Их хриплые крики быстро растаяли в зимнем воздухе.

— Mon Dieu! — восхищенно воскликнул Фергюс. — C'est bien, за!^[3]

— Ух ты, славный выстрел, сэр.

Рэбби, все еще красный, тяжело дыша, указал подбородком в сторону дома.

— Гляньте, сэр, это повитуха?

Это была она. Миссис Иннес высунула из окна второго этажа светловолосую голову, глядя, что происходит во дворе. Возможно, ее встревожил звук выстрела, не предвещавший ничего хорошего. Джейми вышел в конюшенный двор и помахал рукой, чтобы успокоить ее.

— Все в порядке! — крикнул он. — Так, случайный выстрел.

Он не хотел говорить о воронах, чтобы повитуха не сказала Дженни.

— Поднимайтесь! — крикнула она, проигнорировав его слова. — Ребенок родился, и ваша сестра хочет вас видеть!

Дженни открыла один глаз, голубой и слегка раскосый, как у него самого.

— Значит, ты все-таки пришел, да?

— Я подумал, что кто-то должен быть здесь — хотя бы затем, чтобы помолиться за тебя, — угрюмо ответил он.

Она закрыла глаз, и на ее губах появилась слабая улыбка. Он подумал, что вид у нее такой, как на картине, которую он видел во Франции, — старинной картине, пусть и нарисованной каким-то итальянцем, но все равно хорошей.

— Ты глупый дурачок, и я рада этому, — прошептала она, после чего открыла глаза и покосилась на спеленатый сверток, который держала на локтевом сгибе. — Хочешь посмотреть на него?

— На него? Значит, это мальчик?

Дядя множества племянников, привыкший иметь дело с младенцами, он поднял крохотный сверток и прижал к себе, откинув уголок одеяла, прикрывавший личико.

Глаза у малыша были плотно закрыты, ресницы не видны в глубокой складке век, а гладкие кругляши щек разругались. Несколько косой разрез глаз был, пожалуй, единственной заметной у такого малютки родовой чертой, придававшей ему сходство с матерью.

Головка, неловко склоненная в сторону, навела Джейми на неуместную мысль о дыне. Маленький пухлый ротик был безмятежно открыт, и влажная розовая нижняя губа слегка шевелилась. Появление на свет было нелегким делом, и сейчас новорожденный мирно спал.

— Трудная работа — родиться, а?

Джейми обратился к малышу, но ответила ему хрипловатым от изнеможения голосом Дженни:

— Да уж, не из самых легких. Слушай, в буфетной есть виски, не принесешь мне стаканчик?

В конце фразы она закашлялась.

— Виски? А разве тебе не следует выпить эля со взбитыми яйцами? — спросил он, не без труда отогнав назойливую мысль о подходящем питании для только что разрешившихся от бремени матерей, предложенном Фергюсом.

— Виски, — решительно сказала его сестра. — Вспомни, когда сам ты лежал внизу искалеченный и рана в ноге грозила гангреной и смертью, разве я пичкала тебя элем со взбитыми яйцами?

— Ты пичкала меня чем-то, выглядевшим куда хуже какого-то там эля с яйцами, — ухмыльнулся Джейми, — но правда твоя, в виски я отказа не знал.

Он бережно положил ребенка на покрывало и отправился за виски.

— У него уже есть имя? — спросил Джейми по возвращении, кивнув на младенца и щедро плеснув в стакан янтарной жидкости.

— Я назову его Айеном, в честь его отца.

Рука Дженни нежно легла на округлую, покрытую легким золотисто-коричневым пушком макушку. На месте родничка ритмично двигалась кожа, и биение пульса производило впечатление беззащитной уязвимости. Повитуха заверила его, что младенец — прекрасный крепкий малый, и, хотя Джейми следовало положиться на ее слово, все же, поддавшись смутному порыву защитить это открытое место, он снова взял младенца на руки и прикрыл головку одеяльцем.

— Мэри Макнаб рассказала мне, как ты обошелся с миссис Кирби, —

заметила Дженни, попивая виски маленькими глотками. — Жаль, что я этого не видела. Она сказала, ты дал старой метле такой окорот, что она чуть язык не проглотила.

Джейми улыбнулся, нежно погладил ребенка по спинке и прижал его к груди. Прикосновение расслабленного тельца крепко спящего малыша оказывало удивительное, умиротворяющее воздействие.

— Жаль, что не проглотила. Как ты вообще терпишь эту несносную особу, живущую с тобой в одном доме? Да будь я тут каждый день, давно бы уже ее придушил!

Его сестра хмыкнула и закрыла глаза, откинув голову назад, чтобы виски проскользнуло в горло.

— Ай, Джейми, люди донимают тебя ровно настолько, насколько ты им это позволяешь, а я ей особо распускаться не давала. Однако, — добавила она, открыв глаза, — не стану утверждать, будто мне будет жаль от нее избавиться. Я собиралась отослать ее старому Кетрику из Брок-Мордхи. В прошлом году у него умерли жена и дочь, и ему нужна в доме женщина хозяйство вести.

— На месте Сэмюэла Кетрика я бы взял вдову Муррея, — сказал Джейми, — а не вдову Кирби.

— Пегги Муррей уже пристроена, — заверила его сестра. — Весной она обвенчается с Дунканом Гиббонсом.

— Экий он хитрый, этот Дункан, — отозвался он, слегка удивившись.

Тут ему пришла в голову мысль, и он ухмыльнулся.

— Сестрица, сами-то они об этом знают?

— Пока нет, — усмехнулась она, но улыбка тут же сменилась задумчивым выражением. — Если, конечно, ты сам не подумываешь о Пегги.

— Я?

Если бы Дженни вдруг предложила ему выпрыгнуть из окна второго этажа, Джейми был бы поражен не меньше.

— Ей всего двадцать пять, — настаивала сестра. — Достаточно молодая, чтобы иметь еще детишек, и она хорошая мать.

— И сколько виски ты уже выпила?

Он наклонился вперед, делая вид, будто рассматривает уровень в графине, не забыв при этом уместить головку ребенка в ладони, придерживая младенческий затылок. Потом выпрямился и бросил на сестру взгляд, исполненный сдерживаемой досады.

— О чем ты вообще говоришь? Какая может быть женитьба, когда я живу, словно зверь, в пещере?

Неожиданно Джейми ощутил внутри страшную пустоту и, чтобы сестра не заметила, как расстроили его ее слова, стал расхаживать по комнате, баюкая на руках младенца.

— Скажи-ка, давно ты в последний раз ложился с женщиной в постель?

Вопрос прозвучал у него за спиной, и потрясенный Джейми резко повернулся кругом.

— Ну и вопросыки у тебя!

— Ты не ухлестывал ни за одной девушкой между Лаллиброхом и Брех-Мордхой, — невозмутимо продолжила она, — иначе бы до меня дошел слухок. И ни к одной вдовушке, как я понимаю, не присоседился...

Здесь Дженни деликатно выдержала паузу.

— Ты прекрасно знаешь, что нет, — отрезал Джейми, чувствуя, что краснеет от раздражения.

— А почему? — без обиняков спросила его сестра.

— Почему?

Он смотрел на нее в упор со слегка приоткрытым ртом.

— Ты что, ума лишилась? Я что, по-твоему, из тех мужчин, которые таскаются из дома в дом, норовя улечься в постель с каждой встречной женщиной?

— Ну не с каждой, конечно. — Дженни печально улыбнулась. — Ты, братишка, честный человек и не стал бы пользоваться женской слабостью. Вот я и говорю, что тебе нужна не любовница, а жена.

— Нет! — выпалил он так резко, что спящий ребенок дернулся и пискнул.

Джейми машинально принялся его укачивать, одновременно сердито увещевая сестру:

— Послушай меня, Дженни Муррей. Я не собираюсь жениться снова, так что выбрось из головы все мысли насчет того, чтобы с кем-нибудь там меня свести. Знать об этом ничего не желаю, слышишь?

— Слышу, — спокойно ответила она и подтянулась выше на подушке, чтобы взглянуть брату прямо в глаза. — Ты собрался жить монахом до конца своих дней? — спросила Дженни. — Так и ляжешь в могилу, не оставив сына, который похоронил бы тебя и продолжил твой род?

— Не лезь не в свое дело, черт тебя дери!

С колотящимся сердцем он повернулся к сестре спиной и размашистым шагом направился к окну, где и остановился, уставившись невидящим взглядом на конюшенный двор.

— Я понимаю, что ты скорбишь о Клэр, — прозвучал у него за спиной

тихий голос сестры. — Думаешь, если Айен не вернется, я смогу его забыть? Но ведь жизнь продолжается, Джейми, и вряд ли Клэр хотела бы, чтобы ты провел остаток дней в одиночестве, не оставив потомства.

Джейми долго молчал; просто стоял, ощущая тепло прижатой к шее маленькой пушистой головки. В стекле он видел свое смутное отражение: высокую расплывчатую фигуру и белый сверток, выглядевший неуместно под бледным пятном хмурого лица.

— Она была на сносях, — сказал он, обращаясь к своему отражению, — когда она... когда я лишился ее.

Что еще он мог сказать? Вздумай он попытаться втолковать сестре, где, по его упованиям, находится сейчас Клэр, она все равно бы его не поняла. И как объяснить, что он не может думать о другой женщине, ибо надеется, что Клэр еще жива, пусть даже и потеряна для него навсегда?

На сей раз надолго умолкла Дженни.

— Поэтому ты сегодня и пришел? — спросила она наконец.

Он вздохнул и повернулся в ее сторону, прислонившись головой к прохладному стеклу. Его сестра откинулась назад; темные волосы разметались по подушке, смотревшие на него глаза наполнились нежностью.

— Да, может быть, — признался Джейми. — Жене я помочь не смог, вот, наверное, и подумал, что смогу помочь тебе. Правда, — добавил он не без горечи, — и в этом тоже ничуть не преуспел. Как не было от меня толку для нее, так нет и для тебя.

Дженни, проникнувшись сочувствием, протянула к нему руку и собралась было сказать что-то в утешение, но тут снизу донесся шум, топот, крики, и ее глаза расширились от испуга.

— Матерь Божья! — произнесла она, побледнев. — Это англичане!

— Господи!

Этот возглас Джейми прозвучал как мольба и крик отчаяния одновременно. Он быстро перевел взгляд с кровати на окно, прикидывая, что надежнее — попытаться спрятаться или убежать. Сапоги уже топали по лестнице.

— В шкаф, Джейми! — торопливо шепнула Дженни, указав рукой.

Не колеблясь ни мгновения, он забрался в большой шкаф и закрыл за собой дверцу.

Дверь в комнату со стуком распахнулась, и на пороге возникла фигура в красном мундире и треуголке, с обнаженной шпагой в руке. Капитан драгун остановился, и взгляд его, обежав комнату, остановился на лежавшей в постели женщине.

— Миссис Муррей? — спросил он. Дженни напряглась, пытаясь сесть.

— Это я. И мне хотелось бы знать, какого черта вам понадобилось в моем доме? — с вызовом спросила она.

Ее бледное лицо блестело от пота, руки дрожали, но Дженни вздернула подбородок и сердито бросила англичанину:

— Убирайтесь!

Не обращая на нее внимания, офицер прошел в комнату и приблизился к окну. Джейми увидел, как его неясная фигура скрылась за платяным шкафом, потом он появился снова, спиной к нему, и заговорил с Дженни:

— Один из моих разведчиков доложил, что не так давно вблизи вашего дома слышал выстрел. Где ваши люди?

— У меня никого нет.

Голос Дженни звучал твердо, но дрожащие руки больше не могли поддерживать ее в сидячем положении. Джейми увидел, как сестра откинулась назад, на подушки.

— Вы уже забрали моего мужа, а моему старшему сыну всего десять лет.

Она не упомянула Рэбби или Фергюса: к мальчикам их возраста, особенно если дело касалось подозрений в мятеже, англичане могли отнестись как к взрослым мужчинам. Хотелось, однако, надеяться, что при приближении красных мундиров оба подростка удрали и их не успели заметить.

Капитан, выдавший виды вояка средних лет, был явно не из тех, кто легко верит на слово.

— Вы должны знать, что в горной Шотландии запрещено иметь дома оружие. Это серьезное преступление, — сказал он и обратился к вошедшему в комнату следом за ним солдату: — Обыщи дом, Дженкинс.

Чтобы приказ был услышан, капитану пришлось повысить голос, потому что на лестнице поднялся переполох. Когда Дженкинс повернулся, чтобы выйти из комнаты, миссис Иннес, повитуха, ворвалась туда, проскочив мимо пытавшегося загородить ей путь солдата.

— Оставьте бедную леди в покое! — закричала она, наскакивая на офицера со сжатыми кулаками.

Голос женщины дрожал, волосы выбились из-под чепца, но решимости ей было не занимать.

— Ах вы негодники! Убирайтесь! Оставьте леди в покое!

— Да никто твою хозяйку не обижает, — не без раздражения отозвался капитан, очевидно приняв миссис Иннес за одну из служанок. — Я просто...

— Она всего час назад разрешилась от бремени! Вам неприлично даже смотреть на нее, не то что...

— Разрешилась? — резко переспросил капитан и с неожиданным интересом перевел взгляд с повитухи на постель. — Вы родили младенца, миссис Муррей? Где же ребенок?

Ребенок, о котором шла речь, шевелился в пеленках, растревоженный тем, что объятый ужасом дядя непроизвольно сжал его еще крепче. Из глубины шкафа Джейми увидел застывшее лицо сестры с мертвенно побелевшими губами.

— Ребенок умер, — сказала она.

У повитухи отвисла челюсть, но, к счастью, внимание капитана переместилось на Дженни.

— Вот как? — медленно произнес он. — А почему?..

— Мама! — донесся с порога страдальческий крик, и юный Джейми, вырвавшись из рук пытавшегося задержать его солдата, устремился к матери. — Мама, ребенок умер? Нет, нет!

Сотрясаясь от рыданий, мальчик зарылся лицом в одеяло. В этот момент, словно желая опровергнуть заявление своего брата, новорожденный Айен заявил о своем существовании, основательно ткнув дядюшку под ребра ножками и издав несколько булькающих звуков, которые, к счастью, были заглушены громким плачем юного Джейми.

Дженни старалась успокоить его, миссис Иннес безуспешно пыталась поднять вцепившегося в рукав матери мальчика на ноги, капитан напрасно тщился перекрыть голосом детские крики, и вдобавок весь дом ходил ходуном от топота солдатских сапог. Полагая, что капитан станет выяснять, куда подевалось тело, Джейми крепче прижал к себе младенца, потряхивая его, чтобы отбить всякое желание заплакать. Другая его рука схватилась за рукоять кинжала, но это был жест отчаяния: вряд ли, если шкаф откроют, он успеет перерезать себе горло.

Новорожденный, недовольный тем, что его так стиснули, покряхтывал, и эти едва слышные звуки казались Джейми чуть ли на заглушающими отчаянные рыдания его тезки—племянника. К счастью, на самом деле это было не так, а не то разоблачение закончилось бы сожжением дома и уничтожением всех его обитателей.

— Это вы виноваты!

Юный Джейми с мокрым, опухшим от слез и побагровевшим от ярости лицом вскочил на ноги и, опустив кудрявую черноволосую голову на манер бодливого молодого бычка, наступал на англичанина.

— Ты убил моего братишку, ты, хрен английский!

Столь неожиданная атака застала капитана врасплох; он растерянно заморгал и даже попятился.

— Нет, парень, ты ошибаешься. Я только пришел спросить...

— Хрен поганый! Гад! A mhic an diabhoil!

Совершенно вне себя, юный Джейми наступал, выкрикивая всевозможные ругательства, которые он когда-либо слышал по-гэльски или по-английски.

— Э-э! — возгласил младенец Айен прямо в ухо Джейми. — Э-э-э! Это опасно походило на прелюдию к полномасштабному воплю, и близкий к панике дядя не нашел ничего лучше, как оставить в покое свой кинжал и сунуть палец во влажное отверстие, из которого исходили чреватые разоблачением звуки. Беззубые десны мальчика сжали его палец с неожиданной силой, и он сам чуть не вскрикнул.

— Убирайся! Убирайся! Убирайся, или я убью тебя! — орал на капитана обезумевший от ярости Джейми-младший.

Красный мундир беспомощно посмотрел на кровать, как будто хотел попросить Дженни отозвать этого неумолимого маленького врага, но она лежала как мертвая, с закрытыми глазами.

— Я подожду моих людей внизу! — выпалил капитан и поспешно ретировался, захлопнув за собой дверь.

Юный Джейми, лишившись противника, упал на пол и забился в истерических рыданиях.

Сквозь щель в дверце Джейми-старший увидел, что миссис Иннес смотрит на Дженни, открыв рот с явным намерением задать вопрос. Только что лежавшая неподвижно Дженни, словно воскрешенный Лазарь, вскочила с постели, округлив глаза и прижав палец к губам, призывая к молчанию. Младенец Айен яростно впился в палец Джейми, рыча от невозможности извлечь из него хоть каплю молока.

Дженни пошатнулась и села на край постели в ожидании дальнейшего развития событий. Снизу по-прежнему доносились топот и голоса солдат. Бедняжку Дженни трясло от слабости, но она протянула руку к шкафу, где прятались ее мужчины.

Джейми перевел дух и собрался с силами. Приходилось идти на риск. Его рука была мокрой от слюны, а раздраженный младенец в любой миг мог завопить во весь голос.

Взмокший от пота, шатаясь из стороны в сторону, он вылез из шкафа и сунул младенца Дженни. Та одним движением обнажила грудь и прижала к себе крохотный сверток, словно в намерении уберечь его от всех напастей. Уже зарождавшийся вопль прервался, захлебнувшись в неистовом

причмокивании, а Джейми неожиданно шлепнулся на пятую точку, будто кто-то резко подсек его под колени.

Юного Джейми неожиданное явление из шкафа потрясло настолько, что он замер, сидя на полу с разинутым ртом и вытаращенными глазами, переводя недоумевающий взгляд с дядюшки на мать и обратно. Миссис Иннес опустилась на колени рядом с ним и принялась что-то настойчиво шептать ему на ухо, но на зареванном личике не отражалось ни малейшего понимания.

К тому времени, когда выкрикиваемые команды и топот копыт возвестили об отбытии солдат из усадьбы, накормленный малыш Айен лежал на руках у матери, удовлетворенно посапывая. Джейми осторожно выглянул в окошко, наблюдая за уходом врагов.

В комнате царила тишина, нарушаемая лишь бульканьем виски, которое теперь, после Дженни, наливала себе миссис Иннес. Юный Джейми сидел на кровати рядом с матерью, прижавшись к ее плечу. Она же, взяв дитя на руки, так и не подняла глаз, а оставалась склоненной над ребенком. Упавшие вперед черные волосы скрывали ее лицо.

Джейми подошел к сестре, коснулся плеча, и ее живое тепло потрясло его, как будто холодный ужас был для него естественным состоянием, а прикосновение к другому человеку казалось чем-то чуждым и ненормальным.

— Я спрячусь в убежище священника, — тихо произнес он, — а как стемнеет, уберусь в пещеру.

Дженни кивнула, но глаз так и не подняла. От него не укрылось, что на разделявшем ее черные волосы проборе появилась уже не одна серебристая ниточка.

— Я думаю... мне не стоит приходить снова, — сказал он. — До поры до времени.

Дженни промолчала, но снова кивнула.

Глава 6

ОПРАВДАН СВОЕЮ КРОВЬЮ

Он больше не приходил в дом, как и обещал. Более того, два месяца он прятался в пещере, лишь изредка решаясь выходить по ночам, чтобы поохотиться, ибо английские солдаты, расквартированные в Комаре, по-прежнему прочесывали окрестности. Они выезжали в дневное время маленькими, по восемь — десять человек, патрулями, рыскали по округе, суя повсюду свой нос, прибирая все, что могли, к рукам и уничтожая то, что не могло им пригодиться. И все это с благословения английской короны.

У подножия холма, в недрах которого он скрывался, проходила тропа, протоптанная с незапамятных времен оленями. Разумеется, только очень глупый олень появился бы близ лаза в пещеру, откуда тянуло человеком, но когда ветер дул в правильном направлении, Джейми случалось заметить на тропе маленькую группу рыжих оленей или, высунувшись поутру наружу, обнаружить на земле свежий олений след.

Это могло быть даже полезным, поскольку доказывало тем, кого могло занести на тропу, что эта местность безлюдна, хотя в такую глухомань никто особо не совался. Сейчас ветер дул со стороны пещеры, и на появление оленей рассчитывать не приходилось. Джейми лежал на земле у замаскированного утесником и рябинами лаза, где в ясные дни сквозь растительный покров пробивалось достаточно света, чтобы можно было читать. Книг было не очень много, но Джаред все-таки ухитрился провезти тайком некоторое их количество с подарками из Франции.

«Проливной дождь вынудил меня заняться другой работой, а именно проделать в моей новой загородке отверстие для слива воды, которая в противном случае затопила бы всю мою пещеру. Проведя там некоторое время и не дождавшись новых толчков землетрясения, я несколько успокоился, но для поддержания духа (в чем и вправду весьма нуждался) направился туда, где хранил свои скудные припасы, и выпил немного рому, что всегда делал экономно, ибо понимал: когда запас исчерпается, пополнить его будет нечем.

Дождь не прекращался всю ту ночь и большую часть следующего дня, так что высунуться наружу не представлялось возможным, однако благодаря обретенному спокойствию я смог предаться раздумьям...»^[4].

Нависавшие над ним кусты шелохнулись, по странице пробежала тень,

и он с его обостренными инстинктами моментально уловил перемену ветра, а с ним звук голосов.

Мгновенно вскочив на ноги и схватившись за кинжал, Джейми бережно положил книгу, ухватился за гранитный выступ и подтянулся к узкой, неприметной щели, служившей входом в пещеру.

Внизу, на тропе, запестрело красным, засверкал металл, и это вызвало у него вспышку раздражения. Вот черт! Его не слишком пугало, что кто-нибудь из солдат сойдет с тропы, благо их экипировка и подготовка не слишком годились для ходьбы по бездорожью, даже по обычной вересковой пустоши, не говоря уже о крутых, густо поросших ежевикой склонах вроде этого. Но присутствие англичан так близко означало, что он не может покинуть пещеру до наступления темноты. Ни тебе воды набрать, ни даже облегчиться. Джейми непроизвольно бросил быстрый взгляд на кувшин с водой, уже зная, что он почти пуст.

Снизу донесся громкий крик, и Джейми от неожиданности чуть не выпустил камень. Солдаты на тропе обступили худощавую фигурку, сгорбившуюся под тяжестью взваленного на плечо бочонка. Надо же, Фергюсу приспичило отправиться в пещеру с емкостью только что сваренного эля именно сейчас! Вот ведь незадача! Что-что, а этот эль пришелся бы ему очень кстати: он уже несколько месяцев не баловал себя таким питьем.

Направление ветра снова изменилось, и Джейми улавливал лишь обрывки слов, но, похоже, тощий французик спорил с солдатами, жестикулируя свободной рукой.

— Идиот! — пробурчал Джейми себе под нос — Отдай его им и удирай, щенок безмозглый!

Один солдат попытался ухватиться за бочонок обеими руками, но маленькая фигурка ловко отскочила назад, оставив вояку ни с чем. Джейми с досады хлопнул себя по лбу. Оно конечно, Фергюс не терпел наглости и самодурства ни от кого, а уж тем более от английских солдафонов, но это могло ему дорого обойтись.

Теперь худощавый парнишка прыжками отступал по тропе, выкрикивая что-то в адрес своих преследователей. Что именно, слышно не было, но наверняка нечто весьма нелестное.

— Дурак! — выругался Джейми. — Бросай бочонок и беги!

Но вместо того чтобы так и поступить, Фергюс, очевидно уверенный в собственной скорости, повернулся к солдатам спиной и оскорбительно повертел перед ними задницей. Англичане, естественно, пришли в ярость, и, несмотря на то что беготня по крутым, скользким после дождей склонам

была делом рискованным, нашлись смельчаки, пустившиеся за наглецом в погоню.

Джейми увидел, как их командир поднял руку и выкрикнул какое-то предупреждение. Он подумал, что, может быть, Фергюс пытается отвлечь англичан и увести их за собой, тем более что парнишка продолжал выкрикивать оскорбления, и четверо солдат, видимо понимавших по-французски, бросились за ним, несмотря на приказ командира.

Англичане с криками и бранью ловили мальчика, а Фергюс, не забывая отругиваться, ловко от них увертывался. Ветер завывал, и Джейми даже не понял, показалось ему или он вправду расслышал свист извлекаемой из ножен сабли и звон обнаженного металла. Впоследствии этот предвещавший беду звук звучал в его ушах всякий раз, когда он вспоминал эту сцену — а вспоминал он ее очень долгое время.

Может быть, дело было в какой-то особенности поведения солдат, в напряженности, которая передалась ему в пещере, а возможно, причиной явилось то тягостное, не покидавшее его после Куллодена чувство обреченности, из-за которого все находившееся рядом с ним казалось заразным и таящим опасность, — сказать трудно. Так или иначе, слышал он звук сабли или нет, тело его напряглось, чтобы совершить прыжок, прежде чем он увидел, как серебристая дуга рассекает воздух.

Движение это казалось неспешным, почти замедленным. До такой степени, что Джейми даже поверилось, будто он, метнувшись вниз и оказавшись среди солдат, успеет перехватить руку англичанина и отвести роковой удар.

Но это, разумеется, было не более чем иллюзией, игрой воображения. Суровый голос рассудка заставил его остаться на месте, хотя для этого ему пришлось вцепиться в скалу — трудно было совладать с порывом, призывавшим прийти на помощь.

Сердце звало его вступить в бой и предпочесть гибель постыдной участи немого свидетеля подобного злодеяния, но разум холодно и упорно твердил, что Фергюс пошел на риск именно ради него, Джейми, а следовательно, если он ввяжется в стычку и разоблачит себя, жертва юноши окажется напрасной.

И он внял голосу рассудка: остался в своем убежище, в то время как клинок с противным стуком ударил по бочонку, из-за которого, собственно, и вышла вся заварушка. Бочонок свалился с мальчишеского плеча, заскакал вниз по склону, плюхнулся в весело журчавшую внизу речушку и был унесен течением.

Неожиданно голоса оборвались, а потом раздался оглушительный

воплъ. У Джейми подкосились колени, он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. В глазах потемнело, их застила красновато-черная со звездными вспышками и полосками света пелена, но даже в подступившем мраке он отчетливо видел жуткую картину.

Кисть руки Фергюса, маленькой и ловкой руки карманника, лежала на грязной тропе ладонью вверх, словно протянутая в мольбе.

Лишь по прошествии сорока восьми часов, показавшихся ему бесконечными, на тропе ниже пещеры раздался свист Рэбби Макнаба.

— Как он? — без предисловий спросил Джейми.

— Миссис Дженни говорит, что с ним все будет хорошо, — ответил Рэбби.

Его юное лицо было бледным и осунувшимся, он явно не оправился от потрясения и очень переживал за друга.

— Она говорит, что жара или там лихорадки нет. И никакого заражения. Культя... — он запнулся, — чистая.

— Значит, солдаты отнесли его к дому?

Не дожидаясь ответа, Джейми направился вниз по склону холма.

— Ну да, прибежали как ошпаренные.

Рэбби остановился, чтобы отцепить от рубашки колючку, и ему пришлось поторопиться, чтобы нагнать своего хозяина.

— Похоже, они сожалели о том, что натворили. По крайней мере, так сказал капитан. И он дал миссис Дженни золотой соверен — за Фергюса.

— Надо же, — отозвался Джейми, — очень щедро.

И больше не проронил ни слова, пока они не добрались до дома.

Фергюс лежал в детской, в удобной постели, придвинутой к окну. Когда Джейми вошел, глаза мальчика были закрыты, длинные ресницы отбрасывали тень на впалые щеки. Без обычной живости его лицо выглядело совсем по-другому. Слегка крючковатый нос над длинным подвижным ртом придавал облику оттенок аристократизма: было очевидно, что, когда это лицо сформируется окончательно, на смену полудетскому очарованию придет настоящая мужская красота.

Джейми подошел к кровати, и темные ресницы сразу поднялись.

— Милорд, — прошептал Фергюс, и легкая улыбка мигом вернула его лицу привычные черты. — С вами все в порядке?

— О господи, парнишка, как мне жаль!

Джейми опустился на колени рядом с постелью. Ему было тяжело видеть тонкое, лежавшее поверх пледа запястье, замотанное бинтом и заканчивающееся обрубком, но он заставил себя взять Фергюса за плечи и нежно потрепать шапку темных волос.

— Не очень больно? — спросил он.

— Нет, милорд, — сказал Фергюс, и, хотя в следующий миг из-за неожиданного укола боли его лицо непроизвольно скривилось, он ухмыльнулся и повторил: — Нет, не то чтобы очень. Тем более что мадам не скупится на виски.

Полный бокал виски стоял на прикроватном столике, но отпито из него было не больше глотка. Фергюс, выросший на французском вине, на самом деле не любил этот напиток.

— Мне жаль, — повторил Джейми.

Больше сказать было нечего. В горле встал ком, и Джейми торопливо опустил глаза, зная, что его слезы могут только расстроить Фергюса.

— Ах, милорд, не переживайте. — В голосе мальчика прозвучала нотка прежнего лукавства. — Мне вообще-то повезло.

Джейми сглотнул, прежде чем ответить.

— Да, ты жив — и слава богу!

— О, не только это, милорд!

Джейми поднял глаза и увидел, что Фергюс слабо улыбается.

— Вы разве не помните нашего уговора, милорд?

— Уговора?

— Да, когда вы взяли меня на службу в Париже. Вы сказали мне, что, если меня арестуют и казнят, вы будете оплачивать заупокойные службы по мне в течение года.

Уцелевшая рука потянулась к щербатому зеленому медальону на шее — образку покровителя воров святого Дисмаса.

— Но если я лишусь уха или руки, находясь у вас на службе...

— Я буду поддерживать тебя всю оставшуюся жизнь.

Джейми не знал, плакать ему или смеяться, и удовлетворился тем, что погладил руку, которая неподвижно лежала поверх пледа.

— Да, конечно, все помню. Можешь на меня положиться, я свое слово сдержу.

— О, я всегда полагался на вас, милорд, — заверил его Фергюс.

Он явно начал уставать: бледные щеки стали еще блее, голова с копной черных волос упала на подушку.

— Видите, как мне повезло, — пробормотал он, продолжая улыбаться. — Один-единственный удар в мгновение ока сделал меня джентльменом, имеющим право на пожизненную праздность. Ну разве это не удача?

Дженни ждала его, когда он вышел из комнаты Фергюса.

— Пойдем в убежище священника, — сказал он, беря сестру под локоть. — Нам нужно поговорить, а задерживаться здесь надолго мне не

следует.

Не задавая вопросов, она последовала за ним по заднему коридору, разделяющему кухню и кладовую для провизии. В каменные плиты пола была вделана посаженная на раствор деревянная панель с просверленными отверстиями. Предполагалось, что она служит для вентиляции, обеспечивая доступ воздуха в погреб для овощей, и вздумай кто-то проверить это утверждение, то, зайдя в подпол через просевшую дверь снаружи дома, он бы действительно увидел на потолке такую панель.

Другое дело, что благодаря этой панели свет и воздух попадали еще и в крохотную, глухую пристройку к подвалу, попасть в которую можно было по лестнке, подняв ту самую панель как крышку люка. Каморка была не более пяти квадратных футов, и всю ее обстановку составляли грубая скамья, одеяла, ночной горшок, большой кувшин с водой и маленькая коробка с черствым печеньем. Тайник устроили всего несколько лет назад, так что на самом деле, в силу того что никакого священника там отродясь не бывало и в перспективе не ожидалось, тесное помещение вряд ли стоило называть убежищем священника. Но вот норой оно определено было^[5].

Два человека могли находиться там одновременно, сидя бок о бок на лавке, и Джейми уселся рядом с сестрой, как только задвинул на место панель и спустился по лестнке. Некоторое время он молчал, потом тяжело вздохнул и сказал:

— Я больше не в силах это выносить.

Слова его звучали очень тихо, и Дженни, чтобы разобрать их, пришлось наклонить голову поближе, как священнику, который выслушивает исповедь грешника.

— Не могу. Я должен уйти.

Они сидели так близко, что он чувствовал, как поднимается и опускается ее грудь при дыхании. Потом сестра взяла его за руку, крепко стиснула пальцы и спросила:

— Значит, ты хочешь снова попытаться бежать во Францию?

Эти попытки предпринимались им дважды, но закончились ничем: слишком уж внимательно следили англичане за всеми портами, а он очень выделялся ростом и цветом волос.

Он покачал головой.

— Нет. Я не допущу, чтобы меня захватили в плен.

— Джейми!

От волнения Дженни нечаянно заговорила громче, но в ответ на предупреждающее пожатие его руки снова понизила голос:

— Джейми, ты не можешь это сделать. Господи, дурачок, тебя же

повесят!

Он опустил голову, словно задумавшись, потом решительно поднял ее.

— Думаю, что нет.

Бросив быстрый взгляд на сестру, Джейми отвел глаза и пояснил:

— Клэр... у нее было видение.

«Объяснение не хуже всякого другого, — подумал он, — хотя и не чистая правда».

— Она увидела, что произошло в Куллодене, — она знала. И рассказала мне, что будет потом.

— Ох! — тихо выдохнула Дженни. — То-то я гадала! Вот почему она попросила меня сажать картофель и пристроить к погребу эту нору.

— Да.

Он слегка сжал руку Дженни, потом выпустил ее и немного повернулся, чтобы взглянуть сестре в глаза.

— Она сказала мне, что корона будет довольно долго вылавливать якобитов — что сейчас и делается. — Лицо Джейми исказила угрюмая усмешка. — Но казни через несколько лет прекратятся, и тем, кто попадет к англичанам в руки, будет грозить только тюрьма.

— Только! — эхом отозвалась сестра. — Если ты решил уйти, Джейми, то отправляйся в вереск, но не в английскую темницу, пусть даже тебя не повесят...

— Подожди. — Он положил ладонь на ее запястье. — Я же еще не рассказал тебе всего. Я вовсе не собираюсь идти к англичанам и сдаваться в плен. За мою голову назначена хорошая награда. Будет обидно, если она пропадет впустую, ты не находишь?

Джейми попытался произнести это с юмором, и Дженни вскинула на него удивленный взгляд.

— Матерь Божья, — прошептала Дженни. — Значит, ты хочешь, чтобы кто-нибудь выдал тебя?

— Что-то в этом роде. — Этот план сложился у него в пещере, но до сего момента казался не вполне реальным. — Я подумал, что лучше всего для этого подойдет Джо Фрэзер.

Дженни потеряла кулачком губы. Соображала она быстро и мигом поняла суть его плана и все, что с ним связано и что из него следует.

— Но, Джейми, — прошептала она, — даже если тебя не повесят сразу, это огромный риск. В конце концов, им ничего не стоит убить тебя во время ареста, чтобы не доводить дело до суда.

Его плечи поникли под гнетом безнадежности.

— Господи, Дженни, — сказал он, — ты думаешь, меня это волнует?

Последовало долгое молчание.

— Нет, я не думаю, — ответила наконец Дженни. — И не могу сказать, что виню тебя. — Ей пришлось сделать паузу, чтобы овладеть голосом. — Но это меня тревожит.

Ее пальцы мягко коснулись его затылка, приглаживая волосы.

— Так что ты уж, пожалуйста, позаботься о себе, глупый братишка!

Вентиляционная панель над головой на момент затемнилась, донесся звук легких шагов. Скорее всего, служанка прошла из кухни в кладовку. Потом неясный свет появился снова, и он увидел лицо Дженни.

— Ладно, — прошептал Джейми, прервав затянувшееся молчание. — Я постараюсь.

На все про все потребовалось около двух месяцев, и когда наконец пришло известие, весна была в разгаре.

Он сидел на любимом камне рядом со входом в пещеру, глядя, как проступают на небосводе вечерние звезды. Даже в самый тяжелый период после Куллодена ему удавалось обретать в это время драгоценные моменты успокоения. Когда гас дневной свет, окружающие предметы казались слегка светившимися изнутри, так что их очертания вырисовывались на фоне неба или земли с идеальной, выявляющей мельчайшие детали четкостью. Сейчас, например, Джейми видел очертания мотылька, невидимого при свете, а в сумерках выписанного треугольником более глубокой тени и оттого выделявшегося на фоне древесного ствола. Еще миг — и он взлетит.

Джейми устремил взгляд на долину, пытаясь охватить ее до самых черных пиний, которые росли на краю дальнего утеса. Потом поднял глаза к звездам. Вот Орион, величаво шагающий за горизонт. И Плеяды, едва видимые на темнеющем небосводе. Ему хотелось насладиться видом звездного неба. Ведь теперь он если и увидит его, то только через тюремную решетку. При мысли о толстых стенах, казематах и запорах ему вспомнились Форт-Уильям, тюрьма Уэнтворт, Бастилия. Каменные стены в четыре фута толщиной, наглухо отрезавшие от света и воздуха. Грязь, вонь, голод, заточение...

Джейми пожал плечами, гоня эти мысли прочь. Он выбрал свой путь, считал, что удовлетворен выбором, но только все равно шарил взглядом по небу в поисках Тельца. Не самое красивое из созвездий, но зато его собственное. Рожденные под этим знаком, как и подобает быкам, сильны и упрямы. Джейми надеялся, что ему хватит сил для осуществления задуманного.

Среди шорохов наступавшей ночи раздался резкий высокий свист,

походивший на звуки, издаваемые возвращавшимися на гнездовья кроншнепами. Джейми, однако, сразу узнал условный сигнал. По тропе поднимался кто-то из своих.

Это оказалась Мэри Макнаб, после смерти мужа ставшая в Лаллиброхе кухаркой. Обычно с едой и новостями в пещеру прибегали или ее сын Рэбби, или Фергюс, но уже несколько раз Мэри приходила сама.

Она принесла корзину, наполненную удивительными лакомствами: холодным жарким из куропатки, несколькими молодыми луковицами, свежим хлебом, веточкой ранних вишен и фляжкой эля. Джейми внимательно осмотрел подношение, невесело усмехнулся и, подняв глаза, спросил:

— Мой прощальный пир?

Кухарка молча кивнула. Жизненные невзгоды изрядно тронули черные волосы этой миниатюрной женщины сединой и избородили чело морщинами, но глаза оставались ласковыми и живыми, а губы сохранили сочную полноту и мягкий изгиб.

Сообразив, что уставился на ее губы, Джейми торопливо отвел взгляд.

— Господи, я же так наемся, что не смогу двигаться. Тут и пирог, надо же. Как им удалось все это раздобыть?

Пожав плечами — Мэри Макнаб явно была не из болтушек, — она забрала у него корзину и принялась выкладывать снедь на положенную поверх камней деревянную столешницу. Накрыла женщина на двоих, в чем не было ничего необычного — принося в пещеру еду, она ужинала с ним и раньше, а попутно делилась новостями. И все же, поскольку то была его последняя трапеза перед уходом из Лаллиброха, его удивило, что ни сестра, ни мальчики не пришли, чтобы разделить ее с ним. Может быть, в дом нагрянули нежданные гости и им было трудно уйти незамеченными?

Он вежливо указал жестом, чтобы она села первой, прежде чем занять свое место, скрестив ноги на твердой земле.

— Вы говорили с Джо Фрэзером? Где же он? — спросил Джейми, взявшись за холодную куропатку.

Она поведала ему детали задуманного: до рассвета к пещере приведут коня и он выедет из узкой долины через перевал, потом повернет, пересечет каменистые подножия холмов и снова спустится в долину со стороны речушки Фиссихант, как будто возвращается домой. Англичане встретят его где-то между Страй и Искдейлом, скорее всего, у Мидмаэйнс: это подходящее место для засады, потому что там узкая горная долина круто поднимается с обеих сторон, а у речушки находится лесистый участок, где могут укрыться несколько человек.

После трапезы Мэри аккуратно сложила в корзину остатки еды, чтобы Джейми мог позавтракать перед тем, как покинуть на рассвете пещеру, но, вопреки ожиданиям Джейми, не ушла. Она порылась в расщелине, где он хранил свои постельные принадлежности, расстелила их на земле, откинула одеяла и опустилась на колени рядом с тюфяком.

Джейми прислонился спиной к стене пещеры и сложил руки на груди. Сердито глядя на темные, гладко причесанные волосы Мэри, он с раздражением спросил:

— Это еще что такое? Чья это идея — твоя или моей сестры?

— Разве это важно? — спокойно спросила Мэри.

Он покачал головой и наклонился, чтобы поднять женщину на ноги.

— Ты права, это не важно, потому что ничего подобного не произойдет. Я благодарен тебе за готовность, но...

Она прервала его слова поцелуем. Ее губы оказались такими же нежными, какими и выглядели, но Джейми крепко схватил женщину за запястья и рывком отстранил от себя.

— Нет! Это не нужно, неправильно, и я не хочу этого делать.

При этом он с ужасом чувствовал, что собственное тело вовсе не соглашалось с его утверждениями, а еще больший стыд испытывал оттого, что поизносившиеся, тонкие штаны никак не могли замаскировать явственно видный всякому, кто удосужится посмотреть, масштаб этого несогласия.

Легкая улыбка Мэри, изогнувшая полные нежные губы, наводила на мысль, что она как раз посмотреть удосужилась.

Джейми развернул женщину к выходу и слегка подтолкнул. Она отступила в сторону и взялась за застёжки на юбке.

— Не делай этого! — воскликнул он.

— И как вы собираетесь меня остановить? — спросила она, перешагнув через юбку и аккуратно положив ее на единственный табурет.

Ее тонкие пальцы взялись за кружева корсажа.

— Если ты не уйдешь, придется уйти мне, — заявил Джейми и, повернувшись, двинулся к выходу из пещеры.

— Милорд, — окликнула его Мэри.

Он остановился, но не обернулся.

— Не годится так меня называть.

— Лаллиброх ваш, — возразила она. — И будет вашим, пока вы живы. Если вы его лэрд, я буду называть вас так.

— Он не мой. Титул и имение принадлежат юному Джейми.

— Все мы понимаем, кто таков юный Джейми, а кто вы, —

решительно сказала служанка. — И уж поверьте мне, не ваша сестра попросила меня сделать то, что я собираюсь сделать. Повернитесь.

Он нехотя повернулся. Она стояла босая в одной сорочке, с распущенными волосами. Мэри была худенькой, как все они в последнее время, но грудь ее оказалась больше, чем он думал, и соски отчетливо проступали сквозь тонкую ткань. Сорочка, как и вся остальная одежда, была поношенной, с потрепанным подолом, а на плечах местами почти прозрачной.

Джейми закрыл глаза, ощутил легкое прикосновение к своей руке и приказал себе стоять неподвижно.

— Я могу хорошо себе представить, о чем вы думаете, — промолвила Мэри. — Потому что я видела вашу леди и знаю, как это было между вами. У меня такого никогда не было, — добавила она тише, — ни с одним из двух мужчин, с которыми я жила. Но мне ведомо, как выглядит настоящая любовь, и у меня в мыслях не было вызвать у вас такое чувство, будто вы ее предали.

Прикосновение, легкое словно перышко, переместилось на его щеку, и натруженный работой палец провел по ложбинке, проходящей от носа ко рту.

— Чего я хочу, — сказала она тихо, — так это дать вам нечто другое. Пусть меньшее, но такое, что пойдет вам на пользу. Ваша сестра и ребятишки не могут дать вам этого, но я могу.

Он услышал, как она вздохнула.

— Вы дали мне мой дом, мою жизнь и моего сына. Неужели вы не позволите подарить вам взамен такую малость?

Он почувствовал, что слезы щиплют его веки. Легкая ладошка утерла влагу с его глаз и разгладила взъерошенные волосы. Он медленно поднял руки, потянулся к ней, и она вошла в его объятия так же аккуратно и в то же время просто, как накрывала на стол или расстилала постель.

— Я... давно этого не делал, — сказал он, неожиданно застеснявшись.

— Да ведь и я тоже, — едва заметно улыбнулась она. — Но мы вспомним, как это делается.

Часть третья
КОГДА Я ТВОЙ ПЛЕННИК

Глава 7

ВЕРА В ДОКУМЕНТЫ

Инвернесс, 25 мая 1968 года

Конверт от Линклатера прибыл с утренней почтой.

— Посмотрите, какой он пухлый! — воскликнула Брианна. — Он что-то прислал!

Кончик ее носа порозовел от возбуждения.

— Похоже на то, — сказал Роджер.

Внешне он был спокоен, но я видела, как бьется пульс в ямке на его горле. Он взял толстый конверт, взвесил его в руке, небрежно надорвал уголок большим пальцем и достал подборку фотокопий.

Вместе с ними оттуда выпорхнуло сопроводительное письмо на университетском бланке. Я нетерпеливо схватила его и слегка дрожащим голосом прочла вслух:

— «Уважаемый доктор Уэйкфилд! Направляю Вам приложенные ниже материалы в ответ на Ваш запрос относительно казни офицеров-якобитов войсками герцога Камберлендского, последовавшей за сражением при Куллодене. Довожу до Вашего сведения, что упомянутая Вами цитата из моей книги основывалась прежде всего на личном дневнике некоего лорда Мелтона, командовавшего пехотным полком под началом Камберленда во время битвы при Куллодене. Я вложил фотокопии соответствующих страниц этого дневника, содержащих, как Вы убедитесь, необычную и трогательную историю спасения некоего Джеймса Фрэзера. Сам Фрэзер не является значимой исторической личностью, и его частная история лежит в стороне от моих основных научных интересов, но я частенько подумывал о возможности предпринять отдельное исследование в надежде определить его последующую судьбу. Если Вам удастся выяснить, что он выжил и добрался до своего имения, прошу Вас известить об этом меня. Признаюсь, я всегда надеялся, что шотландцу повезло и в этом, хотя ситуация, описанная Мелтоном, делает благоприятный исход не слишком вероятным. Искренне Ваш, Эрик Линклатер».

Дрожащей рукой я положила листок на письменный стол.

— «Не слишком вероятным», каково? — сказала Брианна, встав на цыпочки и заглядывая через плечо Роджера. — Ха! Он точно вернулся, уж мы-то знаем!

— Мы думаем, что он вернулся, — поправил ее Роджер с

осторожностью ученого, но его улыбка была такой же широкой, как у Брианны.

— Хотите чаю или какао? — Кудрявая темная головка Фионы просунулась в дверь кабинета, прервав возбужденное обсуждение. — Есть только что испеченное имбирно–ореховое печенье.

Вместе с ней в комнату проник впитавшийся в фартук соблазнительный аромат теплого имбиря.

— Чаю, пожалуйста, — сказал Роджер одновременно с Брианной, воскликнувшей:

— О, какао, это здорово!

Фиона с чрезвычайно самодовольным видом вкатила тележку с чайником, кувшином с какао и подносом свежайшей выпечки.

Я сама взяла чашку с чаем и плюхнулась в кресло со страницами из дневника Мелтона. Гладкий почерк восемнадцатого столетия, несмотря на архаичную орфографию, оказался на удивление разборчивым, и в считанные минуты дневник перенес меня в крестьянскую хижину близ поля боя, а воображение дорисовало и жужжащих мух, и раненых шотландцев на земляном полу, и резкий запах крови, наполняющий тесное помещение.

...во исполнение долга чести моего брата я не мог поступить иначе, кроме как сохранить Фрэзеру жизнь. Поэтому я не включил его имя в список изменников, казненных у фермерского дома, и договорился о том, чтобы ему предоставили возможность отправиться в его родовое имение. Честно признаюсь, что я при этом не чувствую себя человеком, проявившим чрезмерное милосердие или поступившимся своим долгом как офицер армии герцога, поскольку чрезвычайно тяжелая, загноившаяся рана в ноге названного Фрэзера делает его благополучное возвращение домой весьма маловероятным. Так или иначе, честь и долг не оставляли мне иного выбора, и могу сказать, что я испытал определенное облегчение, когда этого человека убрали с моих глаз, тогда как мне пришлось заняться погребением его расстрелянных товарищей. Не самое приятное занятие: то количество трупов, которое мне пришлось увидеть в эти последние два дня, угнетает меня.

На этом запись заканчивалась.

Я положила листки себе на колено. «Чрезвычайно тяжелая, загноившаяся...» В отличие от Роджера и Брианны я знала, насколько серьезной могла быть такая рана в отсутствие не то что антибиотиков, но элементарного медицинского ухода, даже примитивных припарок из целебных трав, доступных горским знахарям той эпохи. Сколько времени заняла тряская дорога от Куллодена до Брох–Туараха в повозке? Два дня?

Три? Мог ли он в подобном состоянии и без должной помощи продержаться так долго?

— И все же он добрался.

Голос Брианны ворвался в мои мысли, ответив на то, что, по-видимому, было сходной мыслью, выраженной Роджером. Она говорила с простодушной уверенностью, как будто видела все те события, которые были описаны в дневнике Мелтона, и ничуть не сомневалась в благополучном исходе.

— Он все-таки вернулся. Он был Серой Шляпой, это я точно говорю.

— Серой Шляпой? — Фиона, качавшая головой над моей забытой и остывшей чашкой чая, удивленно воззрилась на Брианну. — Ты слышала о Серой Шляпе, правда?

Роджер с изумлением уставился на девушку.

— Эй, а ты-то о ней откуда знаешь?

Она кивнула, вылила мой чай в стоявший у камина горшок с альпийским ландышем и наполнила мою чашку свежим, от которого шел пар.

— От бабушки, откуда же еще. Она мне эту историю рассказывала не раз и не два.

— Расскажи нам!

Брианна напряженно подалась вперед, зажав чашку в обеих ладонях.

— Ну Фиона, ну пожалуйста! Что за история?

Фиона, неожиданно оказавшись в центре всеобщего внимания, слегка этому удивилась, но добродушно пожала плечами.

— Да ничего особенного, история про одного из сторонников Красавчика принца Чарли. Когда они потерпели страшное поражение при Куллодене и многие погибли, кое-кому все же удалось спастись. Один человек, например, сбежал с поля и переплыл реку, но красные мундиры все равно пустились за ним в погоню. По пути ему встретилась церковь, он шмыгнул туда и воззвал о милосердии к священнику. Священник и прихожане сжалились над ним и обрядили прямо поверх мундира в пасторское облачение. Когда англичане нагрянули в храм, он вещал с кафедры и они не заметили, что у его ног с промокшей одежды натекала лужица. Красные мундиры решили, что ошиблись, и убрались восвояси. Тому малому удалось спастись, а прихожане потом рассказывали, что это была самая лучшая служба, которую им доводилось слышать!

Фиона рассмеялась от души, тогда как Брианна нахмурилась, а Роджер выглядел озадаченным.

— Это и был Серая Шляпа? — уточнил он. — А я думал...

— Да нет же! — заверила его девушка. — Это был не Серая Шляпа. Серая Шляпа — это еще один горец, уцелевший после Куллодена. Он вернулся в свое поместье, но поскольку англичане охотились за якобитами по всей горной Шотландии, ему пришлось скрываться в пещере на протяжении семи лет.

Услышав это, Брианна откинулась на стуле с громким вздохом облегчения:

— И арендаторы называли его даже между собой не иначе как Серой Шляпой, чтобы ненароком не выдать.

— Вы знаете эту историю? — удивилась Фиона. — Да, так оно и было.

— А твоя бабушка рассказывала, что случилось с ним после этого? — спросил Роджер.

— Ну конечно! — Глаза Фионы стали круглыми, как капли жженого сахара. — Это самая захватывающая часть истории. Понимаете, после Куллодена начался сильный голод, народ, изгнанный из своих домов посреди зимы, умирал с голоду в горных ущельях, мужчин расстреливали, хижины жгли. Арендаторам Серой Шляпы повезло больше, чем многим другим, но все равно наступил день, когда кончились все съестные припасы и в животе у них урчало с рассвета до заката — никакой дичи в лесу, никакого зерна в полях, и грудные дети умирали на руках своих матерей, у которых не было молока, чтобы их кормить.

Когда она произнесла эти слова, меня пробрало холодом. Перед внутренним взором предстали изможденные лица измученных голодом и холодом жителей Лаллиброха, людей, которых я знала и любила. Вместе с ужасом пришел и стыд: сама-то я не разделила их судьбу, а улизнула в безопасное будущее, к сытости и теплу. Это было сделано потому, что так хотел Джейми, но может ли желание одного человека служить оправданием поступков другого? Потом я посмотрела на склоненную рыжую головку Брианны, и боль в груди слегка отпустила. Она тоже пребывала все эти годы в безопасности, в тепле, сытости и любви — потому что я выполнила волю Джейми.

— И он придумал смелый план, этот Серая Шляпа, — продолжила Фиона, чье круглое личико по ходу рассказа прямо-таки засияло от воодушевления. — Представляете, сам велел одному из своих арендаторов пойти к англичанам и предложил выдать им лэрда. Дело в том, что среди сторонников принца он был не последним человеком и за его голову корона назначила солидное вознаграждение. Суть замысла была в том, чтобы арендатор выдал Серую Шляпу и получил деньги, которые позволят его близким и всем обитателям имения пережить тяжелые времена.

Моя рука с такой силой сжала изящную ручку чайной чашки, что она отломилась.

— Выдал? — простонала я хриплым голосом. — Они его повесили?

Фиона удивленно моргнула.

— Почему повесили? Вовсе нет. Бабушка рассказывала, что ему действительно грозили виселицей и отдали под суд за измену, но к тому времени казни уже закончились и Серую Шляпу просто упрятали в темницу. Зато золото пошло на доброе дело: помогло жителям его владений пережить голод, — бодро закончила она, очевидно рассматривая это как счастливый конец.

— Господи Иисусе, — выдохнул Роджер. Он осторожно поставил свою чашку и в оцепенении уставился куда-то в пространство. — В темницу!

— Ты говоришь так, будто это благо, — подала голос Брианна.

Уголки ее рта слегка опустились от огорчения, а повлажневшие глаза заблестели.

— Так оно и есть, — заявил Роджер, не замечая, что она расстроена. — Суть дела в том, что тюрем, в которых содержали обвиненных в государственной измене якобитов, было не так уж много и во всех велись официальные реестры узников. Неужели не понятно?

Он перевел взгляд с недоумевающей Фионы на хмурую Брианну и, в надежде найти понимание, в конце концов остановил взгляд на мне.

— Если он попал в тюрьму, я смогу найти его.

Роджер повернулся и посмотрел на высившиеся до потолка книжные полки, которые занимали три стены кабинета и хранили собранные покойным преподобным Уэйкфилдом материалы, касающиеся якобитских тайн.

— Он там, — тихо произнес Роджер. — В тюремных реестрах. В документах, представляющих собой подлинные свидетельства. Неужели вы так и не поняли? — спросил он снова, обернувшись ко мне. — До сих пор мы если и узнавали о нем что-то, то из воспоминаний, в достоверности которых нельзя быть уверенным. Но стоило ему попасть под суд и в тюрьму, как его биография стала частью письменной истории. Его имя попало в исторические документы, и где-то там мы его обязательно найдем!

— И узнаем, что случилось с ним потом, — выдохнула Брианна. — Когда его выпустили.

Роджер плотно сжал губы, чтобы отсечь альтернативу, пришедшую ему на ум, так же как и мне: «или когда он умер».

— Да, это верно, — сказал он, взяв Брианну за руку и одновременно встретившись взглядом со мной. — Когда его выпустили.

Спустя неделю вера Роджера в документы оставалась неколебимой. Этого нельзя было сказать о стоявшем в кабинете преподобного Уэйкфилда столе восемнадцатого века, тонкие ножки которого тряслись и тревожно скрипели под непривычной тяжестью.

Обычно на поверхности стола размещали лишь маленькую настольную лампу и собрание мелких артефактов, принадлежавших преподобному, но теперь нагрузка на него невероятно возросла, поскольку все остальные горизонтальные поверхности кабинета уже были переполнены бумагами, журналами, книгами и пухлыми конвертами из антикварных обществ, университетов и научно-исследовательских библиотек со всей Англии, Шотландии и Ирландии.

— Если ты положишь на него еще одну страницу, он развалится, — заметила Клэр, когда Роджер беспечно потянулся, собираясь положить на маленький инкрустированный столик еще одну папку.

— А? Да, верно.

Движение осталось незавершенным: некоторое время он озибался, тщетно высматривая свободное место, и, отчаявшись, положил папку у своих ног.

— Я только что закончила проверять Уэнтуорт, — сказала Клэр, указывая ногой на шаткую стопку, громоздившуюся на полу. — Мы уже получили записи Бервика?

— Да, только сегодня утром. Но куда же я их положил?

Роджер обвел растерянным взглядом комнату, напоминавшую Александрийскую библиотеку во время разграбления, прямо перед тем, как был поднесен первый факел, и потер лоб, пытаясь сосредоточиться. После того как он целую неделю по десять часов в день пролистывал написанные от руки реестры, письма, записные книжки и дневники англичан в поисках любого официального упоминания о Джейми Фрэзере, Роджер чувствовал, что глаза словно запорошило песком.

— Голубой конверт, — произнес он, — Точно помню эти бумаги, и голубой цвет особо отложился в памяти. Я получил их от Макаллистера, профессора истории из Тринити-колледжа в Кембридже, а у них там в ходу эти большущие светло-голубые конверты с гербом колледжа. Может быть, Фиона его видела? — Он подошел к двери кабинета и позвал через коридор: — Фиона!

Несмотря на поздний час, свет в кухне продолжал гореть и в воздухе витали бодрящие ароматы какао и свежееиспеченного миндального кекса.

Фиона ни за что бы не покинула свой пост, пока оставалась самая слабая вероятность того, что кому-то поблизости захочется есть.

— Ой, в чем дело?

Кудрявая каштановая головка Фионы высунулась из кухни.

— Сейчас будет готово какао, — заверила она. — Я жду только, когда кекс пропечется, чтобы сразу достать его из духовки.

Улыбка на лице Роджера говорила о глубокой привязанности. Трудно было найти человека более далекого от исторической науки, чем Фиона, вообще не читавшая ничего, кроме журнала «Мой еженедельник». Совершенно не вникая в смысл деятельности Роджера, она каждый день безмятежно вытирала пыль с груд книг и бумаг, содержание коих оставалось для нее полнейшей тайной, что ничуть ее не огорчало.

— Спасибо, Фиона, — сказал он. — Я подумал, может быть, тебе попадался на глаза большой голубой конверт — пухлый, примерно такой?

Он показал руками приблизительный размер.

— Его доставили с утренней почтой, но я уже ухитрился куда-то его задевать.

— Вы оставили его в ванной, наверху, — тут же подсказала девушка. — Там лежит толстая книжка с золотыми буквами на обложке и портретом Красавчика принца Чарли и три письма, которые вы только что вскрыли, потом счет за газ — вы еще говорили, что нужно не забыть оплатить его не позже четырнадцатого числа этого месяца. Я все это сложила на газовую колонку, чтоб под ногами не болталось.

Раздался щелчок таймера духовки. Фиона ойкнула и исчезла.

Роджер повернулся и с улыбкой устремился вверх по лестнице, прыгая через две ступеньки. Будь у Фионы другие наклонности, она при ее замечательной памяти вполне могла бы и сама заняться наукой, но в любом случае являлась незаменимой помощницей исследователя. Если какой-то конкретный документ или книгу можно было описать исходя не из заглавия, имени автора или содержания, а всего лишь внешнего вида, Фиона всегда могла указать их точное местонахождение.

— Ой, пустяки, — жизнерадостно заверила она Роджера, когда он попытался извиниться за беспорядок, который учинил повсюду. — Когда эти бумаженции разбросаны по всему дому, можно подумать, что преподобный еще жив. Ну ни дать ни взять прежние времена, разве нет?

Спустившись, уже не столь торопливо, с голубым конвертом в руке, Роджер задумался, что бы сказал его покойный приемный отец о его нынешних изысканиях.

— Небось сам бы зарылся в эти документы по самые брови, —

пробормотал он себе под нос.

Его мысленному взору предстала живая картина: преподобный, чья лысина поблескивает в свете свисающих с потолка холла старомодных ламп, неспешно переходит из кабинета на кухню. Туда, где старая миссис Грэм, бабушка Фионы, орудовала у плиты, удовлетворяя пищевые потребности старика во время его затягивавшихся порой до поздней ночи ученых бдений, точно так же, как это делала теперь Фиона.

«Непонятно, — подумал он, направляясь в кабинет, — чем руководствовались в старые времена, когда сын следовал по стопам отца: соображениями ли удобства, желанием сохранить бизнес в семье или же было некое семейное предрасположение к каким-то видам работы? Действительно ли некоторые люди рождаются, чтобы стать кузнецами, торговцами или поварами, — рождаются со способностями и склонностями именно к тому роду занятий, который прежде всего предлагает им жизнь?»

Очевидно, что это правило применимо не к каждому: всегда находились люди, покидавшие отчий дом, отправлявшиеся в странствия, пробовавшие себя в делах, доселе неизвестных в их семейном кругу. Не будь этого, в мире, вероятно, не было бы ни изобретателей, ни путешественников. Однако в некоторых семьях даже в наше время, несмотря на возможность получить любое образование и доступность путешествий, сохраняется некая предрасположенность к определенным видам профессиональной деятельности.

Более всего ему было бы интересно узнать, какие способности унаследовала Брианна. Глядя на склонившуюся над письменным столом Клэр, он размышлял о том, что получила Брианна от матери, а что от того шотландца из туманного прошлого. Того воина, землевладельца, придворного, лэрда, который был ее отцом.

Его мысли все еще вертелись вокруг Брианны, когда через четверть часа Клэр закрыла последнюю папку ее стопки и со вздохом откинулась назад.

— Интересно, о чем вы задумались? — спросила она, беря в руки чашку.

— Ни о чем особенном, — с улыбкой ответил Роджер, прервав свои размышления. — Я думал о том, как люди становятся теми, кем они стали. Как, например, вы стали врачом?

— Как я стала врачом?

Клэр вдохнула пар от какао, решила, что оно слишком горячее. Чтобы пить, и поставила чашку обратно на стол среди россыпи книг, журналов и

листов бумаги, испещренных карандашными пометками. Она слабо улыбнулась Роджеру и потеряла ладони, нагретые от чашки.

— А как вы стали историком?

— Более или менее просто, — ответил он, откинувшись в кресле преподобного.

Он обвел рукой обстановку со всеми этими книгами, бумагами и предметами старины, погладил стоявшие на столе маленькие позолоченные каретные часы, изысканное произведение искусства восемнадцатого века с миниатюрными колокольчиками, которые отбивали час, четверть и половину.

— Я вырос в самой гуще этого и блуждал с отцом по горной Шотландии в поисках артефактов с тех пор, как только научился читать. Наверное, для меня было естественным продолжить его дело. А как насчет вас?

Она кивнула и потянулась, расправив затекшие после долгих часов работы за столом плечи. Брианна не выдержала и легла спать час назад, но Клэр с Роджером продолжали проверять списки заключенных английских тюрем.

— В общем, для меня это было что-то в том же роде, — сказала она. — Не сказать, чтобы я вдруг решила, что должна стать врачом. Просто неожиданно у меня возникло чувство, что я была им долгое время и мне очень этого не хватает.

Клэр положила руки на стол и принялась сгибать и разгибать длинные тонкие пальцы с аккуратными, блестящими овалами ногтей.

— Была одна песенка со времен Первой мировой войны, — задумчиво проговорила она. — Я слышала ее порой, когда к нам наведывались и выпивали старые армейские друзья дяди Лэма. В ней были такие строки:

В родной свинарник или хлев вернешь парней едва ли,

Коли солдатами они в Париже побывали.

Пропев двустишие, Клэр усмехнулась.

— Я повидала Париж, — тихо сказала она. — И много еще чего повидала: Амьен, Престон, Фолкирк, больницу «Обитель ангелов» и так называемую операционную в Леохе. Я работала врачом в полном смысле этого слова, опробовала все грани профессии: помогала появляться на свет младенцам, вправляла кости, зашивала раны, снимала жар... — Не закончив фразу, Клэр пожала плечами. — Конечно, мне очень не доставало знаний. Было очевидно, что необходимо многому научиться, поэтому я и пошла в медицинский. Правда, в действительности это не слишком меняет дело.

Она окунула палец в пенку, покрывавшую ее какао, и слизнула ее.

— Теперь у меня есть медицинский диплом, но врачом я была задолго до его получения, даже до того, как стала студенткой.

— Наверное, все было не так легко, как вы говорите, — заметил Роджер. Он подул на свое какао, глядя на Клэр с неприкрытым интересом. — Тогда медициной занималось совсем немного женщин, да и теперь, если уж на то пошло, женщин-врачей не слишком много, а у вас к тому же была семья.

— Это правда, я не могу сказать, что мне было так уж легко. — Клэр посмотрела на него загадочно. — Конечно, пришлось подождать, пока Брианна пойдет в школу и у нас в семье появятся деньги, позволяющие нанять кого-то для работы по дому, но... — Она пожала плечами и улыбнулась. — На несколько лет мне пришлось фактически забыть, что значит выпасться. Это немного помогло. И, как ни странно, Фрэнк тоже помогал.

Роджер нашел, что какао достаточно остыло и его можно пить. Он держал чашку между руками, получая удовольствие от того, как тепло белого фарфора проникает в его ладони. Хотя и было начало июня, ночи оставались прохладными и без электрического обогревателя было не обойтись.

— Правда? — с любопытством спросил историк. — Признаться, из ваших прежних рассказов у меня сложилось впечатление, будто он не слишком одобрял ваше желание получить медицинское образование.

— Он и не одобрял.

Она поджала губы, и это движение куда больше, чем любые слова, сказало Роджеру о незабытых спорах, о незавершенных и оборванных разговорах, о молчаливом противодействии, заменившем открытое неодобрение.

«Какое выразительное у нее лицо», — подумал он, наблюдая за Клэр, и неожиданно задался вопросом, выдает ли его собственная физиономия всю его подноготную с такой же легкостью. Обеспокоенный этой мыслью, он наклонился к чашке и пригубил какао.

А когда поднял голову, то заметил на лице смотревшей на него Клэр слегка ироническое выражение.

— И что же заставило его передумать? — спросил он, чтобы отвлечь ее.

— Бри, — ответила она, и черты ее смягчились, как бывало всякий раз при упоминании о дочери. — Если что-то в жизни и имело для Фрэнка значение, так это Бри.

Как уже говорилось, я подождала со своим медицинским образованием, пока Брианна не пойдет в школу. Но все равно порой случалось так, что она освобождалась, а я была занята, и нам приходилось нанимать случайных помощниц по дому и приходящих нянь. Порой среди них попадались толковые и старательные, но куда чаще бывало наоборот.

Мои мысли вновь обратились к тому ужасному дню, когда мне позвонили в больницу и сообщили, что с Брианной произошел несчастный случай. Я выбежала прямо в зеленом полотняном хирургическом костюме и помчалась домой, игнорируя все ограничения скорости. У дома я увидела полицейскую машину и машину «скорой помощи», освещавшие вечерний сумрак кроваво-красными всполохами, и кучку высыпающих на улицу любопытных соседей.

Как выяснилось позднее, когда мы по обрывкам сложили целостную картину, последняя приходящая няня, раздраженная моей очередной задержкой на работе, по окончании своего рабочего времени просто надела пальто и ушла, бросив семилетнюю Брианну с наказом подождать маму. Что та послушно и делала примерно с час. Но когда стало темнеть, ей стало страшно в доме одной и она решила выйти поискать меня. При переходе улицы ее сбила вывернувшая из-за угла машина.

Слава богу, девочка почти не пострадала: автомобиль двигался медленно, и она отделалась ушибами, ссадинами и испугом. Причем испугом не столь сильным, как у меня. Да и боль от ее ушибов, наверное, было не сравнить с той, что испытала я, когда ворвалась в гостиную и увидела, что она лежит на диване и смотрит на меня со слезами на запачканных щечках.

— Мамочка! Где ты была? Я тебя не нашла!

Мне потребовался почти весь запас профессионального присутствия духа, чтобы успокоить ее, осмотреть, заново обработать порезы и царапины и уложить в постель в обнимку с любимым мишкой. Спасибо ее спасителям, которые, как представлялось моему воспаленному воображению, смотрели на меня с немим укором. Потом я упала на стул за кухонным столом и разрыдалась.

Фрэнк неловко гладил меня, бормоча слова утешения, но потом бросил это бесполезное занятие и занялся приготовлением чая.

— Решено, — заявила я, когда он поставил передо мной дымящуюся чашку. Я была словно в тумане и плохо соображала. — Бросаю все к черту! Завтра же!

— Бросаешь? — резко спросил Фрэнк. — Бросаешь учебу? Почему?

— Не могу больше выносить это.

Я никогда не клала в чай ни сливки, ни сахар, а сейчас, бухнув и то и другое, размешала и тупо смотрела, как расплзаются в чашке молочные разводы.

— Я больше не могу оставлять Бри, не зная, хорошо ли за ней приглядывают, но точно зная, что ей плохо. Ты ведь в курсе того, что ни одна из приходящих нянь ей не нравилась?

— Да. — Он сел напротив меня, помешивая свой чай, и после затянувшейся паузы сказал: — Но я не думаю, что тебе следует бросать учебу.

Для меня, считавшей, что мое решение будет воспринято им с восторгом, эти слова стали полнейшей неожиданностью. Воззрившись на мужа с удивлением, я выудила из кармана одноразовый носовой платок, высморкалась и спросила:

— Ты правда так думаешь?

— Ах, Клэр. — Даже когда его голос звучал раздраженно, в нем все равно слышалась нотка любви. — Ты ведь всегда знала, кто ты есть, для чего предназначена. Неужели непонятно, насколько это необычно?

— Нет.

Я вытерла нос разлохматившимся платком, опасаясь, как бы он не превратился в комок промокшей бумаги.

Фрэнк откинулся на своем стуле, глядя на меня и качая головой.

— То-то и оно.

Он помолчал, глядя на свои сложенные руки с узкими ладонями и длинными безволосыми, как у девушки, пальцами. Изящные руки, предназначенные для небрежных жестов, усиливающих нужные места при чтении лекций. Сейчас Фрэнк смотрел на них так, будто никогда раньше не видел.

— У меня этого нет, — сказал он тихо. — Нет, вообще-то со мной все в полном порядке. Я доволен тем, чем занимаюсь, — и преподаванием, и исследовательской работой. Порой это просто чертовски здорово, правда. Работа на самом деле мне нравится, доставляет удовольствие, но... — Он задумался, потом посмотрел на меня своими серьезными светло-кариими глазами. — Но должен честно признаться, что я вполне мог бы заниматься чем-нибудь другим, и с не меньшим успехом. Нет у меня чувства предназначения, уверенности в существовании своей миссии, чего-то такого, что я просто обязан делать. А у тебя есть.

— А это хорошо?

Мои глаза покраснели и опухли от слез, края ноздрей воспалились.

Фрэнк издал смешок.

— Это чертовски неудобно, Клэр. Для тебя, и меня, и Бри, всех нас троих. Но, бог свидетель, порой я тебе завидую.

Он потянулся к моей руке, и я, чуть поколебавшись, все же не отстранилась.

— Испытывать такую страсть к чему-то, — уголок его рта дернулся, — или к кому-то — это, наверное, большое везение, Клэр. И исключительно редкое.

Он мягко сжал мою руку, отпустил ее и, повернувшись, потянулся к полке за одной из книг. Это был справочник Вудхилла из серии «Патриоты», посвященный биографиям отцов-основателей Америки. Рука его легла на обложку книги с нежностью, словно опасаясь потревожить сон героев, чьи жизни были в ней заключены.

— Вот они были людьми подобного типа. Люди, которые знали, в чем их предназначение, и готовы были рискнуть всем на свете, чтобы его исполнить. Но большинство, и ты это прекрасно знаешь, не таково. Нельзя, конечно, сказать, будто у них нет чувства долга или предначертания — просто оно у них не столь обостренное.

Он снова взял мою руку, повернул ее ладонью вверх и провел пальцами по переплетающимся линиям. Было щекотно.

— Неужели все это обозначено здесь? — с улыбкой спросил Фрэнк. — Действительно ли великие судьбы и грандиозные деяния предопределены от рождения? Или все дело в том, чтобы люди, наделенные от рождения сей великой страстью, оказались в нужных обстоятельствах в нужное время? Изучая историю, невольно начинаешь задаваться подобными вопросами, хотя ответов на них история как раз не дает. Мы знаем о них лишь то, что они совершили. Но, Клэр. — Он постучал по обложке книги, и в голосе его прозвучала лотка предостережения. — Всем им пришлось чем-то за это заплатить.

— Знаю.

У меня было такое ощущение, будто я наблюдала за нами обоими со стороны: отчетливо видела Фрэнка, привлекательного, худощавого, чуть усталого, с легкой красивой сединой на висках, и себя, растрепанную, неопрятную, в хирургической одежде, смявшейся и смоченной на груди слезами Брианны.

Некоторое время мы сидели молча, моя рука все еще покоилась в руке Фрэнка. Я видела таинственные линии и борозды, четкие, как на дорожной карте. Только вот знать бы, куда ведут эти дороги?

Несколько лет назад мне гадала по ладони одна немолодая шотландская леди по фамилии Грэм, к слову, бабушка Фионы.

— Линии на твоей руке меняются по мере того, как меняешься ты сама, — сказала она тогда. — Не так важно, с чем ты родилась, как то, какой ты себя сделаешь.

Ну и какой я стала, что из себя сделала? Черт знает что, вот что! Не вышло из меня ни хорошей матери, ни хорошей жены, ни хорошего врача — сплошное недоразумение. Когда-то я воображала себя цельной натурой, которая способна любить мужчину, выносить ребенка, лечить больных. И все это существовало в естественном единении, а не в виде нелепых фрагментов, на которые теперь распалась моя жизнь. Но все осталось в прошлом, где рядом был Джейми, я любила его и некоторое время чувствовала себя — и являлась! — частью чего-то большего, чем я сама.

— Я буду забирать Бри.

Я так глубоко погрузилась в невеселые размышления, что смысл сказанного Фрэнком дошел до меня не сразу, и я в недоумении уставилась на него.

— Что ты сказал?

— Я сказал, — повторил он терпеливо, — что буду забирать Бри к себе на работу. Она может приходить из школы в университет и играть в моем кабинете до конца рабочего дня.

Я потеряла нос.

— Мне казалось, что ты не одобряешь сотрудников, которые таскают детишек на работу.

Он критически относился к миссис Клэнси, одной из секретарш, которая в течение месяца приводила на работу своего внука, мать которого приболела.

Фрэнк неловко пожал плечами.

— Это так, но в каждом случае нужен особый подход. Да и вряд ли Брианна станет носиться взад-вперед по коридорам с пронзительными воплями и разбрызгивать чернила, как Барт Клэнси.

— Вот уж за что не поручусь, — усмехнулась я. — Но ты это серьезно?

На самом деле серьезность его предложения была очевидна, и где-то внутри меня начало осторожно вызревать еще робкое, боязливое чувство облегчения. Я могла не доверять Фрэнку в отношении физической верности, да и знала на самом деле, что уж верности-то он не хранит, но вот сомневаться в его любви к Бри у меня не было ни малейших оснований.

Вот так неожиданно разрешилась одна из самых трудных проблем. Мне не нужно будет спешить домой из больницы, терзаясь страхом, что я припозднилась, отгоняя мысль о том, что Брианна опять куксится у себя в

комнате, потому что ей не нравится нынешняя приходящая няня. А вот Фрэнка моя девочка любит, и мысль о возможности бывать в его кабинете каждый день приведет ее в восторг.

— Почему? — спросила я напрямик. — Ведь мне прекрасно известно, что ты вовсе не в восторге от моих медицинских пристрастий.

— Не в восторге, — задумчиво признал он. — Но дело не в этом. Ясно, что тебя все равно не остановить, и, возможно, единственное, что я реально могу сделать, — это помочь тебе добиться своего, причем с наименьшим ущербом для Брианны.

Лицо его чуть посуровело, и он отвернулся.

— Если он когда-либо чувствовал, что в его жизни есть нечто главное, то, ради чего стоит жить, то это была Брианна, — подытожила Клэр.

Несколько мгновений она молча помешивала какао, а потом вдруг спросила:

— Но что так заботит вас, Роджер? Почему у вас возникли эти вопросы?

Он ответил не сразу, медленными глотками попивая какао. Оно было насыщенным, темным, со свежими сливками и крупинками коричневого сахара. Фионе, которая всегда была реалисткой, хватило одного взгляда на Брианну, чтобы отказаться от попыток заманить Роджера в брачные силки через желудок, но она была поваром милостью божьей, так же как Клэр врачом, и просто не могла готовить плохо.

— Наверное, потому что я историк, — ответил наконец Роджер, глядя на Клэр поверх чашки. — Мне нужно знать. Моя задача как раз в том, чтобы узнавать, как жили люди, что они делали и почему делали именно так.

— И вы думаете, что я могу рассказать вам об этом? — Она остро взглянула на него. — Или что сама это знаю?

Он кивнул, попивая какао маленькими глотками.

— Знаете лучше, чем многие. Большинство источников, доступных историку, лишены вашей... — Он помедлил, подбирая нужное слово, а найдя, улыбнулся. — Скажем так: вашей уникальной точки зрения.

Неожиданно напряжение ослабло.

— Скажем так, — рассмеялась Клэр, снова берясь за чашку.

— Другой важный фактор, — продолжил Роджер, не сводя с нее взгляда, — это ваша честность. Мне кажется, что вы не стали бы врать, просто не смогли бы, даже возникни у вас подобное желание.

Она взглянула на него и издала короткий сухой смешок.

— Вот тут, молодой человек, вы ошибаетесь: каждый может солгать,

если на то есть веская причина. Даже я. Просто тем из нас, у кого все на лице написано, приходится продумывать свою ложь заранее и приучать себя к ней.

Склонившись над лежавшими перед ней бумагами, она стала перебирать их, медленно переворачивая страницы одну за другой. Это были копии реестров прибытия и отбытия заключенных английских тюрем. Задача усложнялась тем, что не все тюрьмы королевства управлялись по единому принципу с должным оформлением документов.

Находились начальники, которые не вели отдельных списков заключенных, а заносили сведения об их прибытии, отбытии или убыли по причине смерти наряду с прочими ежедневными записями, не видя большой разницы между смертью узника и забоем пары волов на солонину для кормления оставшихся заключенных.

Роджер уже решил было, что Клэр оставила этот разговор, но она снова подняла голову.

— В общем, вы совершенно правы, — призналась она. — Я честна скорее от недостатка гибкости, чем от чего-либо другого. Мне трудно не сказать, что я думаю. И как мне кажется, вы понимаете это, потому что мы с вами в этом отношении родственные души.

— Правда?

Роджер почувствовал странную радость, как будто кто-то преподнес ему неожиданный подарок.

Клэр кивнула и взглянула на него с едва заметной улыбкой.

— Ну да. Тут, знаете ли, не ошибешься. Такие люди наперечет — те, которые сразу выкладывают всю правду и о себе, и о тебе, и обо всем на свете. Пожалуй, я за всю жизнь знала только троих... теперь вот уже четверых.

Ее улыбка стала шире.

— Первый, конечно, Джейми. — Ее длинные пальцы легко остановились на стопке бумаг, почти лаская их своим прикосновением. — Еще мэтр Раймон, фармацевт. Я знала его в Париже. И друг, с которым я познакомилась во время учебы на врача, Джо Абернэти. Ну а теперь, думаю, к ним добавились и вы.

Она допила остатки насыщенной коричневой жидкости, поставила чашку на стол и посмотрела прямо на Роджера.

— Впрочем, и Фрэнк тоже был по-своему прав. Если ты знаешь, для чего ты предназначен в жизни, тебе не обязательно легче, но, по крайней мере, ты не тратишь время зря, задаваясь вопросами или сомневаясь. Если ты честен — ну что ж, это тоже далеко не всегда облегчает жизнь. Хотя, как

мне думается, если ты честен с самим собой и знаешь себя, вероятность того, что ты будешь делать не то, что надо, а потом сожалеть о потраченной впустую жизни, несколько уменьшается.

Она отодвинула в сторону одну стопку бумаг и придвинула следующую — подборку папок с логотипами Британского музея на обложках.

— Это было присуще Джейми, — произнесла она тихо, словно самой себе. — Он был не из тех, кто способен отвернуться от дела, которое считает своим, каким бы опасным оно ни было. И я думаю, он не считал, что прожил жизнь впустую, — неважно, что с ним происходило.

Она погрузилась в молчание, разбирая каракули какого-то давно умершего клерка в поисках записи, способной подсказать ей, как прожил и завершил свою жизнь Джейми Фрэзер, как долго он томился в тюремной камере и увидел ли свободу.

Часы на столе пробили полночь, их бой оказался удивительно глубоким и мелодичным для столь миниатюрного инструмента. Затем они отбили четверть первого, потом половину, подчеркивая монотонный шорох переворачиваемых страниц. Наконец Роджер положил очередную стопку просмотренных бумаг на стол и зевнул, ничуть не побеспокоившись о том, чтобы прикрыть рот.

— Не знаю, как у вас, а у меня уже в глазах двоится. Может, продолжим утром?

Клэр, вперившая отрешенный, невидящий взгляд в решетку электрического камина, не отозвалась. Роджер повторил свой вопрос, и она медленно вернулась к действительности из одной ей ведомых далей.

— Нет, — сказала Клэр и потянулась за следующей папкой, рассеянно улыбнувшись Роджеру. — Вы ложитесь. А мне все равно не спится, так что я чуточку задержусь.

Я чуть было не пропустила нужное место, механически переворачивая листы, поскольку в имена не вчитывалась, а лишь проглядывала страницы на букву «J»: Джон, Джозеф, Джек, Джеймс. Там были Джеймс Эдвард, Джеймс Алан, Джеймс Уолтер и далее до бесконечности. Взгляд устало скользил по строчкам, но все же зацепился за нужную, сделанную четким, мелким почерком запись: «Джеймс Маккензи Фрэзер из Брех-Туараха».

Я бережно положила страничку на стол, закрыла на миг глаза, потом посмотрела снова. Запись осталась на месте.

— Джейми, — произнесла я вслух.

Мое сердце тяжело билось в груди.

— Джейми, — прошептала я.

Было почти три часа утра. Все спали, но дом, как это принято у старых построек, жил своей жизнью и разделял со мной бодрствование, издавая скрипы, стоны и вздохи. Странное дело, но я не испытывала ни малейшего желания вскочить, побежать разбудить Брианну или Роджера, чтобы рассказать им эту новость. Напротив, мне хотелось ненадолго приберечь ее для себя самой, словно это давало возможность побыть наедине с Джейми.

Мой палец провел по чернильной строчке. Человек, который написал это, видел Джейми — может быть, даже водил пером по бумаге, когда тот стоял перед ним. Наверху страницы была проставлена дата: «16 мая 1753 года». Почти то же время года, что и сейчас. Я представила себе тогдашнюю весну, свежий, прохладный воздух и еще скуповатые лучи весеннего солнца, играющие в волосах.

На воле Джейми предпочитал длинные волосы, заплетенные или собранные в хвост. Я вспомнила небрежный жест, которым он, разгорячившись от упражнений, отбрасывал их с шеи, чтобы слегка охладиться.

На нем не мог быть надет килт — после Куллодена ношение тартанов было объявлено вне закона. Значит, вероятнее всего, штаны и полотняная рубашка вроде тех, какие мне самой случалось для него шить. Мысленно я ощутила под руками мягкую волну ткани — целых три ярда уходило на настоящий шотландский сарк, долгополую рубашку со свободными рукавами. Это была единственная одежда, в которой, оставшись без пледа, шотландец мог хоть улечься спать, хоть отправиться на битву. Я представила себе широкие плечи под грубой материей, ощущающееся сквозь ткань тепло его кожи, руки, тронутые прохладой шотландской весны.

Ему доводилось сидеть в тюрьме и раньше. Как он выглядел, стоя перед английским тюремным клерком и прекрасно зная, что его ждет? Наверняка был мрачен, как ад, подумала я, видя перед собой длинный прямой нос и холодные темно-голубые глаза — темные и непроницаемые, словно воды Лох-Несса.

Я открыла глаза, только сейчас сообразив, что сижу на краешке стула, крепко прижав к груди папку с фотокопиями, и настолько погрузилась в созерцание картин, порождаемых воображением, что даже не посмотрела, к какой тюрьме относятся эти реестры.

Больших тюрем в восемнадцатом веке в Англии насчитывалось не так уж много, но существовали еще и мелкие. Я медленно перевернула папку. Может, это Бервик рядом с границей? Эдинбургская цитадель Толбот с ее недоброй славой? Или одна из южных тюрем, замок Лидс, а то и сам

Тауэр?

«Ардсмур» — значилось на наклейке, аккуратно прикрепленной к обложке папки.

— Ардсмур? — тупо произнесла я, уставившись на надпись. — Да где он вообще находится, этот чертов Ардсмур?

Глава 8

УЗНИК ЧЕСТИ

Ардсмур, Шотландия, 15 февраля 1755 года

— Ардсмур — это нарыв на заднице Господа Бога, — съязвил полковник Гарри Кворри, кивая молодому человеку у окна и поднимая бокал. — Я проторчал здесь год, точнее, одиннадцать месяцев и двадцать один день, а теперь с удовольствием передаю это место службы со всеми его прелестями вам, милорд.

Обозревавший свои новые владения майор Джон Уильям Грей отвернулся от окна, выходявшего на внутренний двор, и взял свой бокал с сухим ответным кивком:

— Да, вид не слишком воодушевляющий. Здесь что, постоянно идут дожди?

— Конечно. Это же чертова Шотландия, причем самое дерьмовое захолустье во всей чертовой Шотландии.

Кворри сделал большой глоток виски, закашлялся, шумно выдохнул и поставил пустой бокал.

— Единственное, что как-то примиряет с этой дырой, — почти дармовая выпивка, — продолжил он с заметной хрипотцой в голосе. — В местных питейных заведениях и лавках уважают людей в офицерских мундирах и делают хорошую скидку. Я оставлю вам список местечек, куда стоит наведаться.

Полковник кивком указал на массивный дубовый письменный стол, стоявший всеми четырьмя ножками на островке ковра, словно маленькая крепость, являя контраст с остальным помещением, фактически лишенным обстановки. На мысль о цитадели наводили и знамена, полковое и государственное, свисавшие с каменной стены позади стола.

— Ну и конечно, — Кворри поднялся, пошарил в верхнем ящике стола и шлепнул на столешницу обтрепанную кожаную папку, к которой, порывшись, добавил еще одну, — оставляю вам список личного состава и реестр заключенных. Обычно здесь содержится двести человек, но на данный момент их насчитывается сто девяносто шесть. Бывает, двое-трое помрут из-за болезней, а то схватят с поличным браконьера, вот и появляется лишний узник.

— Значит, примерно двести, — заметил Грей. — А сколько человек в казармах стражников?

— По штату восемьдесят два. Но на деле в строю примерно половина.

Кворри снова полез в ящик стола, достал бутылку из коричневого стекла с пробкой, встряхнул ее, послушал плеск жидкости и усмехнулся.

— Тут ведь не только командир находит утешение в выпивке. Добрая половина личного состава постоянно пребывает в подпитии, их даже на поверку не построить. Я оставляю это вам, ладно? Бьюсь об заклад, непременно пригодится.

Он убрал бутылку обратно и выдвинул нижний ящик.

— Инструкции, предписания, заявки, формуляры, образцы отчетов — все здесь. Самое худшее в этой работе — бумажная волокита, но начальник, имеющий приличного писаря, может ни о чем не беспокоиться. Ему самому фактически и делать ничего не надо. К сожалению, про вас на данный момент этого сказать нельзя. Был у меня капрал, грамотей, аккуратист, с прекрасным почерком, но он умер две недели назад. Подготовьте другого, и вам нечего будет делать, кроме как охотиться на куропаток да за «французским золотом».

Он рассмеялся собственной шутке; слухи о золоте, которое Людовик Французский якобы послал своему кузену Карлу Стюарту, были широко распространены в этой части Шотландии.

— А с узниками много хлопот? — поинтересовался Грей. — Насколько я понял, это в основном горцы, якобиты.

— Так оно и есть. Но они ведут себя вполне смирно.

Кворри помолчал, глядя в окно. Небольшая вереница оборванных людей выходила из двери в глухой каменной стене напротив.

— Похоже, после Куллодена в них не осталось куражу. Мясник Билли напрочь отбил охоту бунтовать. Ну и мы, конечно, спуску не даем и следим, чтобы смутой даже не пахло. Они у нас работой загружены — сами себе тюрьму ладят.

Грей понимающе кивнул. Ирония заключалась в том, что крепость Ардсмур перестраивалась и обновлялась руками заключенных—шотландцев.

— Сейчас выходит рабочая команда резать торф.

Кворри кивнул на группу внизу. Дюжина бородатых людей, одетых в лохмотья, выстроилась в ряд перед солдатом в красном мундире, который расхаживал взад-вперед, давая наставления. Потом он выкрикнул приказ и указал рукой на внешние ворота.

Команду узников сопровождали державшиеся в голове и хвосте колонны шестеро вооруженных солдат с мушкетами по-походному. Их щегольской вид особенно бросался в глаза на фоне оборванных горцев.

Узники уныло брели, не обращая внимания на моросивший дождь. Позади отряда мул со скрипом тащил повозку, на дне которой поблескивала связка ножей для резки торфа. Пересчитав людей, Кворри нахмурился.

— Должно быть, опять кто-то захворал. По правилам рабочая команда состоит из восемнадцати человек: заключенные работают с ножами, поэтому на каждых троих полагается один стражник. Правда, — добавил полковник, отвернувшись от окна, — попытки побега случаются на удивление редко. Бежать-то им некуда.

Он отошел от стола, походя отпихнул ногой в сторону стоявшую перед камином большую плетеную корзину, наполненную тем самым торфом, за которым отправлялись узники.

— Оставляйте окно открытым, даже если идет дождь, — посоветовал Кворри, — иначе тут можно задохнуться от торфяного дыма. — Он демонстративно сделал глубокий вдох и шумно выпустил воздух. — Господи, как же я рад снова вернуться в Лондон!

— Насколько я понимаю, приличного общества здесь тоже не найти? — сухо осведомился Грей.

Кворри просто покатился со смеху, его широкое лицо покрылось морщинками.

— Приличное общество, а? Ну вы даете, приятель! Не считая одной-двух сносных деревенских потаскух, здешнее «общество» состоит исключительно из гарнизонных офицеров. Их четверо, и один даже способен общаться, не используя через слово неприличные выражения. Плюс ваш ординарец и один заключенный.

— Заключенный? — Грей поднял глаза от бумаг, вопросительно выгнув бровь.

— О да!

Кворри не терпелось убраться: его ждала карета, и он задержался, только чтобы дать наставления сменщику, но сейчас, глядя на Грея, прервал свои сборы. Уголок его рта дернулся в предвкушении эффекта.

— Вы, я полагаю, слышали о Рыжем Джейми Фрэзере?

Грей слегка напрягся, но постарался сохранить невозмутимое выражение лица.

— Думаю, как и большинство, — сухо заметил он. — Этот человек снискал во время мятежа громкую славу.

На самом деле майор мучительно гадал, вся ли история, связанная с прославленным бунтовщиком, известна полковнику. И надо же было так нарваться, черт бы все побрал!

Губы Кворри слегка дрогнули, но он ограничился кивком.

— Именно. Короче, этот малый отбывает наказание у нас. Из всех якобитов он старший по званию офицер, горцы относятся к нему как к своему вождю, и, соответственно, если возникают какие-то проблемы, касающиеся заключенных, — а они обязательно возникнут, смею вас уверить, — он выступает в качестве их представителя.

В помещении полковник находился в одних чулках, перед выходом же стал натягивать высокие, годные месить шотландскую грязь кавалерийские сапоги.

— Seumas, mac an fhear dhuibh, так они его называют, или просто Макдью. Вы говорите по-гэльски? Вот и я тоже этой тарабарщины не понимаю — правда, Гриссом вроде бы малость понимает. Он говорит, что это значит «Джеймс, сын Черного». Половина стражников боятся его — те, что сражались с Коупом при Престонпансе. Говорят, что для наших он был сущим бедствием, ну да в итоге оказался в беде сам.

Кворри хмыкнул, засовывая ногу в сапог, притопнул каблуком и встал.

— Заключенные слушаются его беспрекословно. А вот отдавать им приказы без его посредничества — все равно что разговаривать с камнями во дворе. Вы когда-нибудь имели дело с шотландцами? Ну конечно, вы сражались с ними при Куллодене с полком вашего брата, верно?

Кворри хлопнул себя по лбу, изображая забывчивость.

Черт бы его побрал! Все-таки он слышал эту историю!

— Тогда вы имеете представление о наших подопечных. Назвать их упрямыми — значит ничего не сказать. — Кворри махнул рукой, словно отметая весь контингент непокорных шотландцев. — Из чего следует, — он выдержал паузу, смакуя удовольствие, — что вам потребуется расположение Фрэзера или, по крайней мере, его готовность к сотрудничеству. Мне, например, случалось приглашать его к ужину и обсуждать с ним текущие дела за столом. Это весьма способствовало успешному решению многих вопросов. Вы можете опробовать ту же тактику.

— Пожалуй, можно.

Тон Грея оставался невозмутимым, хотя руки непроизвольно сжимались в кулаки. Черта с два он будет ужинать с Джеймсом Фрэзером!

— Он образованный человек, — продолжил Кворри с искоркой злорадства в глазах. — Беседовать с ним гораздо интереснее, чем с нашими офицерами. К тому же он играет в шахматы. Вы ведь играете время от времени?

— Время от времени.

Грей чуть ли не задышался от злости. И когда наконец этот глупец

закончит болтать и уберется отсюда?

— Ну что ж, оставляю все это на вас.

Словно угадав невысказанное желание Грея, полковник решительно нахлобучил парик, снял с крючка у двери плащ, широким, картинным взмахом накинул его на плечи и уже двинулся к выходу со шляпой в руке, но обернулся.

— И вот что еще. Если будете ужинать с Фрэзером с глазу на глаз, не поворачивайтесь к нему спиной.

Эти слова были сказаны без недавней дразнящей ухмылки, и Грей понял, что предостережение сделано всерьез.

— Я без шуток, — заявил Кворри. — Он в оковах, но задушить человека цепями ничего не стоит. Особенно такому здоровенному малому, как этот Фрэзер.

— Я знаю.

Грей в ярости почувствовал, как к его щекам прихлынула кровь, и, чтобы скрыть это, развернулся, дав холодному воздуху из приоткрытого окна обвеять лицо.

— Но полагаю, — продолжил он, не поворачиваясь к собеседнику, словно беседовал с мокрыми камнями внизу, — если этот мятежник так умен и образован, как вы говорите, вряд ли он станет нападать на меня в моей собственной резиденции на территории тюремного замка. Зачем ему это делать?

Кворри не ответил, а когда Грей повернулся, то увидел, что полковник смотрит на него без намека на юмор или ехидство.

— Ум, образованность — это, конечно, важно, но это не все, — медленно произнес Кворри. — Есть многое другое, не менее значимое. Вы — то молоды и, наверное, не видели ненависть и отчаяние на близком расстоянии. А за последние десять лет в Шотландии накопилось много и того и другого.

Он наклонил голову, оглядывая нового коменданта Ардсмур с выигрышной позиции — с высоты своего пятнадцатилетнего старшинства.

Майор Грей был молод, на вид не более двадцати шести лет, а благодаря прекрасному цвету лица и девичьим ресницам выглядел даже моложе. К тому же он был на пару дюймов ниже среднего роста и имел хрупкое телосложение. Из-за чего, возможно, сейчас выпрямился как штык.

— Я в курсе всего этого, полковник, — произнес молодой офицер, стараясь не выказывать никаких чувств.

Пусть Кворри, как и сам Грей, был не более чем младшим сыном в

хорошей семье, старшинство полковника по званию и выслуге заставляло собеседника держать себя в руках.

— Надеюсь, — сказал Кворри, вперив в него светло-карие глаза. Резким движением полковник нахлобучил шляпу, коснулся щеки, где темная полоска шрама разрезала поперек красную кожу — напоминание о скандальной дуэли, из-за которой его сослали в Ардсмур, — и добавил:

— Одному богу известно, Грей, что вы натворили такого, из-за чего вас спровадили в эту дыру. Надеюсь, вы сами знаете, чем заслужили это. Удачи вам!

И он, взмахнув на прощание синим плащом, ушел.

— Черт знакомый лучше черта незнакомого, — сказал Мардо Линдси, хмуро качая головой. — Красавчик Гарри был не так уж плох.

— Точно, — подтвердил Кении Лесли. — Да ведь ты уже был здесь, когда он прибыл, верно? Он был куда лучше, чем этот говнюк Богл.

— Ну-у, — протянул Мардо с недоуменным видом. — Не темни, парень, к чему ты это клонишь?

— Да к тому, что если Красавчик и вправду был лучше Богла, — терпеливо пояснил Лесли, — тогда он был чертом незнакомым, а Богл — чертом знакомым. Но Красавчик точно был лучше, вот и получается, что ты не прав.

— Я? — Мардо, безнадежно сбитый с толку этими рассуждениями, хмуро уставился на Лесли. — Нет, я прав!

— Еще как не прав! — с горячностью возразил Лесли. — И вообще, в толк не возьму, зачем ты без конца споришь, если все равно вечно ошибаешься?

— Я не спорю! — возмутился Мардо. — Ты специально ко мне цепляешься и все переиначиваешь шиворот-навыворот.

— Только потому, что ты не прав, парень, — уверенно заявил Лесли. — Если бы ты был прав, я бы тебе и слова не сказал.

— Не был я не прав! По крайней мере я так не думаю, — пробормотал Мардо, уже не помнивший, что именно говорил поначалу. Он повернулся к большой фигуре, сидевшей в углу, — Макдью, я был не прав?

Рослый человек потянулся, отчего его оковы тихо звякнули, и рассмеялся.

— Нет, Мардо, сказать, что ты так уж не прав, нельзя. Но и правым тебя назвать пока тоже трудно. До тех пор, пока мы не выясним, каков этот незнакомый черт на деле.

Увидев, как Лесли сдвигает брови, готовясь к дальнейшему спору, он возвысил голос, обращаясь ко всем, кто находился в помещении:

— Кто-нибудь уже видел нового коменданта? Джонсон? Мактавиш?

— Я видел! — выкрикнул Хейс и с удовольствием протиснулся вперед, чтобы погреть руки у огня.

В большой камере имелся только один очаг, разместиться возле которого могли шестеро. Остальным сорока узникам приходилось дрожать от холода и жаться друг к другу.

Существовало принятое по общему согласию правило: рассказчик чего-нибудь интересного или певец может получить место у очага на время своего выступления. Макдью сказал, что это исконное право барда; дескать, когда в старину барды приходили в замки, лэрды оказывали им особый почет: усаживали в теплое место и щедро угощали. О лишней еде или питье здесь не приходилось и мечтать, но теплое местечко имелось.

Хейс расслабился, протянул руки к теплу, и на его физиономии расплылась блаженная улыбка, но толчки с обеих сторон заставили его открыть глаза и начать рассказ.

— Я увидел его, когда он вышел из своей кареты, а потом еще раз, когда я принес блюдо со сладостями с кухни. Они с Красавчиком Гарри в это время чесали языки. — Хейс нахмурил лоб, сосредоточиваясь. — У него светлые волосы, длинные желтые локоны, перевязанные голубой лентой. А еще у него большие глаза и длинные ресницы, как у девушки.

Хейс игриво состроил глазки слушателям, похлопав совсем не девичьими ресницами, и, награжденный дружным смехом, продолжил рассказывать о наряде нового начальника («разодет, что твой лорд!»), его слуге («из этих болванов англичан, с таким выговором, ровно у него язык сгорел») и о том, что он успел услышать.

— Он говорит резко и быстро, как будто всему знает верную цену, — усмехнулся Хейс, с сомнением покачав головой. — Но это самоуверенность от молодости. Парень молод, а по виду и вовсе сосунок, хотя, ручаюсь, он старше, чем выглядит.

— Ага, хлипкий парень, меньше малыша Энгюса, — вставил Бэйрд, кивнув в сторону Энгюса Маккензи, который с удивлением посмотрел на себя.

В двенадцать лет Энгюс вместе с отцом сражался при Куллодене, к нынешнему времени почти половину своей жизни провел в Ардсмуре и вследствие скудного тюремного питания так и не погрел.

— Ну да, — подтвердил Хейс, — зато держит себя фу-ты ну-ты как важно: плечи развернуты и сам будто аршин проглотил.

Это вызвало новый взрыв хохота и непристойных комментариев, и Хейс уступил место Огилви, который знал длинную и непристойную

историю о лэрде Донибристле и дочери свинаря. Хейс оставил место у огня без обиды и, как это было принято, перебрался к Макдью и уселся рядом.

Сам Макдью никогда не занимал места у огня, даже когда рассказывал им длинные истории из прочитанных книг: «Приключения Родерика Рэндома», «История Тома Джонса, найденыша» или «Робинзон Крузо». Заявив, что ему необходимо пространство для размещения своих длинных ног, Макдью обосновался в углу, где все могли его слышать. Узники, посидевшие у огня, подходили один за другим и садились на лавку рядом с ним, чтобы поделиться теплом, которое сохранилось в их одежде.

— Как думаешь, Макдью, доведется тебе завтра поговорить с новым начальником? — осведомился Хейс — Я встретил Билли Малкольма, когда он возвращался с рубки торфа, и он крикнул мне, что в их камере крысы вконец осмелели. Шестерых человек покусали ночью, когда они спали, и у двоих раны гноятся.

— Трудно сказать, Гэвин, — ответил он. — Кворри обещал рассказать этому новому о нашем уговоре, но ведь новая метла и мести может по-новому, верно? Другое дело, если меня к нему позовут, — тогда уж я точно расскажу ему о крысах. А Малкольм просил Моррисона прийти и посмотреть раны?

Штатного лекаря в тюрьме не имелось, поэтому Моррисону, обладавшему навыками знахаря, охрана по ходатайству Макдью разрешала ходить по камерам, врачау болячки и травмы.

Хейс покачал головой.

— У него не было времени что-то толком сказать, они ведь только проходили мимо.

— Лучше будет, если я пошлю за Моррисоном, — решил Макдью, — а уж он сам выяснит у Билли, что там еще неладно.

Узников держали в четырех основных камерах большими группами; новости среди них распространялись благодаря визитам Моррисона. Кроме того, заключенные из разных камер встречались, когда их выводили на работу — таскать камни или резать торф на ближайшем болоте.

Моррисон явился по первому зову, принес в кармане четыре резных крысиных черепа, с помощью которых узники устраивали импровизированные игры в шашки. Макдью пошарил под лавкой и достал матерчатый мешочек, с которым ходил на торфяник.

— О, хватит уже этих чертовых колючек, — запротестовал Моррисон, увидев гримасу копавшегося в мешке Макдью.

— Я не могу заставить их это есть: они твердят, будто ты решил кормить их травой, словно быков или свиней.

Макдью выудил пригоршню увядших стеблей и пососал уколотый палец.

— По части упрямства они точно превзойдут и быков, и свиней, вместе взятых, — проворчал он. — Это всего-навсего молочный чертополох. Сколько мне тебе еще говорить, Моррисон? Отрежь головки чертополоха, разомни листья и стебли и, если окажется, что они слишком колючие, чтобы есть, разложи поверх готовящейся пресной лепешки, высуши в печи, разотри, сделай настой и дай им выпить как чай. А от меня передай, что мне было бы любопытно взглянуть на свиней, которые пьют чай.

Морщинистое лицо Моррисона расплылось в ухмылке. Немолодой человек, он и сам хорошо знал, как обращаться с пациентами, но для поддержания беседы любил посетовать на их упрямство.

— Ну ладно. Заодно спрошу, кто из них видел беззубую корову, — сказал он, аккуратно засовывая вялую зелень в свой мешок. — Но в следующий раз, когда встретишь Джо Маккаллока, обязательно покажи ему свои зубы. Самый упрямый осел во всей ослиной компании: ни в какую не хочет верить, что зелень помогает при цинге.

— Скажи ему, что если я прослышу про его отказ от чертополоха, то самолично укушу его за задницу, — пообещал Макдью, сверкнув превосходными белыми зубами.

Моррисон издал булькающий горловой звук, долженствовавший обозначать смех, и направился за мазями и теми немногими травами, которые служили ему в качестве лекарств.

На какое-то время Макдью позволил себе расслабиться, обведя взглядом помещение и лишний раз удостоверившись, что особых проблем вроде бы не намечается. Между заключенными случались ссоры: всего неделю назад он уладил спор Бобби Синклера и Эдвина Муррея, и пусть друзьями они не стали, но больше не задирались и не накаляли атмосферу.

Он закрыл глаза. При всей крепости сложения ворочать целый день камни — дело нелегкое. Ужин — бачок с кашей и хлеб, которые нужно распределить между всеми, — будет готов через несколько минут, а потом его товарищи по несчастью в большинстве своем отойдут ко сну, оставив ему несколько тех драгоценных минут спокойствия и иллюзорного уединения, когда не надо будет никого выслушивать и принимать за кого-то решения.

До сего момента у него не было даже времени задуматься о новом Начальнике тюрьмы, хотя этому человеку предстояло играть немаловажную роль в жизни всех, кто здесь содержался. Хейс сказал, что

он молод. Может быть, это и хорошо, а может, и плохо.

Немолодые люди, участвовавшие в подавлении мятежа, зачастую испытывали против горцев предубеждение: например, Богл, заковавший его в кандалы, сражался с Коупом. Но неопытный молодой солдат, жаждущий отлично справиться с новым, незнакомым для него делом, может именно из-за этого оказаться куда более неуступчивым и деспотичным, чем старый служака. Впрочем, тут уж ничего не поделаешь, остается только подождать и посмотреть.

Он вздохнул, в десятитысячный раз изменил положение тела, испытывая неудобство из-за оков. При его могучем сложении сам по себе вес кандалов особо не беспокоил, но они сильно натирали кожу при работе, а что еще хуже, было невозможно развести руки больше чем на восемнадцать дюймов и размять толком грудные и спинные мышцы. Они затекали, ныли, и напряжение оставляло его только во время сна.

— Макдью, — позвал тихий голос рядом с ним, — Словечко тебе на ухо, если позволишь.

Он открыл глаза и увидел Ронни Сазерленда, примостившегося рядом. В слабом свете от очага его напряженное узкое лицо казалось лисьим.

— Да, Ронни, конечно.

Он выпрямился, подобрал свои кандалы и напроць выбросил из головы все мысли о новом главном тюремщике.

В тот же вечер Джон Грей сел за письмо.

Дорогая матушка!

Я благополучно прибыл к новому месту моей службы и нахожу его вполне приемлемым. Полковник Кворри, мой предшественник, — он племянник герцога Кларенса, помните? — оказал мне радушный прием и познакомил с моими обязанностями. Ко мне приставили превосходного слугу. Конечно, ко многому здесь, в Шотландии, мне придется привыкать, но я нахожу этот опыт весьма интересным. На ужин мне подали блюдо, которое, как сказал слуга, называется «хаггис». После наведения справок выяснилось, что это овечий желудочный мешок, наполненный смесью молотого овса и приготовленного не поддающимся определению способом мяса. Хотя меня заверили, что в Шотландии это своеобразное блюдо считается особым лакомством, я отослал его на кухню и попросил вместо него простое вареное седло барашка. Закончив мою первую здесь — скромную! — трапезу и утомившись от долгого путешествия, о подробностях которого я сообщу тебе в следующем послании, я рассчитываю отдохнуть, отложив дальнейшее описание моего нового окружения до того времени, когда войду здесь в курс всего и составлю обо

всем свое суждение.

Он помедлил, постукивая пером по промокашке. Кончик пера оставил маленькие точки чернил, и он рассеянно соединил их линиями, нарисовав некую фигуру с зазубренными очертаниями.

Осмелиться ли спросить о Джордже? Не напрямую, это не годится, но в отсылке к делам семейным: мол, не доводилось ли матери в последнее время встречать леди Эверет и можно ли ему передать привет ее сыну?

Он вздохнул и нарисовал еще одну точку на изображенном предмете. Нет. Его овдовевшая мать не в курсе сложившейся ситуации, но муж леди Эверет вращается в военных кругах. Брат, конечно, употребит свое влияние, чтобы свести все слухи к минимуму, но лорд Эверет тем не менее может почуять, откуда ветер дует, и быстро сложить в уме два и два. Обронит ненароком словечко своей жене насчет Джорджа, леди Эверет непременно поделится с его матерью... а вдовствующая графиня Мелтон отнюдь не глупа.

Для нее не секрет, что он попал в немилость: перспективных молодых офицеров на хорошем счету у начальства не отправляют к черту на кулички в шотландское захолустье руководить реконструкцией ничемного опорного пункта, не имеющего особого военного значения и используемого главным образом в качестве тюрьмы. Но его брат Хэролд сказал ей, что проблема возникла из-за неудачной любовной интрижки, намекнув на то, что продолжать расспросы об этом было бы не деликатно. Скорее всего, она подумала, что его застали с женой полковника или что он поселил шлюху у себя на квартире.

Злосчастная любовная интрижка! Майор хмуро усмехнулся, обмакнув перо. Может быть, Хэлу присуща большая деликатность, чем он считал, когда все это придумывал. Но и то сказать, с тех пор как Гектор погиб при Куллодене, все его интрижки были неудачными.

Воспоминание о Куллодене неизбежно потянуло за собой мысль о Фрэзере, которую он гнал весь день. Грей перевел взгляд с промокашки на папку, в которой находился список заключенных, и закусил губу. У него возникло искушение открыть ее и заглянуть, чтобы увидеть это имя. Но зачем? В горной Шотландии могут быть десятки людей с именем Джеймс Фрэзер, но только одного знали как Рыжего Джейми.

Он почувствовал, что краснеет. Прилив жара не был вызван близостью к огню, но молодой человек отошел к окну и вдохнул полной грудью, чтобы холодный воздух не только наполнил легкие, но и очистил от воспоминаний.

— Простите, сэр, но не хотите ли вы, чтобы вам подогрели постель?

Услышав за спиной шотландскую речь, Грей встрепенулся. Он повернулся и увидел просунувшуюся в дверь взъерошенную голову заключенного, которому было поручено заниматься его покоями.

— А! Да-да. Спасибо... — Он замялся. — Макдоннел?

— Маккей, мой лорд, — поправил его человек без видимой обиды, и голова исчезла.

Грей вздохнул. Сегодня у него уже не было возможности заняться хоть чем-то полезным. Он снова подошел к столу и начал рассеянно собирать папки. Взгляд упал на чернильное изображение на промокашке: больше всего оно походило на навершие шипастой булавы из тех, какими средневековые рыцари крушили головы своих врагов. У него возникло назойливое ощущение, будто он проглотил такую штуковину, хотя, скорее всего, то было лишь несварение желудка из-за оказавшейся сыровой баранины.

Молодой офицер покачал головой, придвинул к себе письмо и торопливо его подписал: «Со всей любовью, Ваш послушный сын, Джон У. Грей».

Он посыпал песком подпись, запечатал послание своим перстнем и отложил его в сторону, чтобы отправить утром с почтой.

Грей поднялся, помедлил, оглядывая сумрачное пространство кабинета — большой, холодной, пустой на вид комнаты, не имевшей иной обстановки, кроме огромного письменного стола и пары стульев. Молодой офицер поежился: из окна тянуло холодной сыростью, а тепла от тлевших в очаге торфяных брикетов явно не хватало на обогрев столь просторного помещения.

Снова бросив взгляд на список заключенных, Грей наклонился, открыл нижний ящик письменного стола, достал бутылку из коричневого стекла, потушил свечу и в тусклом свете одного лишь очага направился к кровати.

Казалось бы, усталость и виски, действуя совместно, должны были сморить его мгновенно, но сон, словно летучая мышь, витал над постелью, упорно не желая принимать Грея в свои объятия. Всякий раз, как только он начинал дремать, перед мысленным взором возникало видение леса в Кэрриарике, после чего обнаруживалось, что сна снова ни в одном глазу, а в ушах отдается оглушительный стук сердца.

Тогда ему было всего шестнадцать, он участвовал в первой своей кампании, и, разумеется, его воодушевлению не было предела. Офицерский чин ему еще не присвоили, однако старший брат Хэл взял его в поход, чтобы он почувствовал настоящую солдатскую жизнь.

Когда их полк, которому предстояло прибыть в Престонпанс для

соединения с войсками генерала Коупа, встал на ночлег, разбив лагерь близ мрачного шотландского леса, юному Джону тоже не спалось — не давали заснуть мысли о предстоящем сражении. Чем оно обернется? Все друзья Хэла расхваливали Коупа как великого генерала, но у солдатских костров больше говорили об отваге и свирепости шотландских горцев да об их смертоносных широких палашах. Хватит ли ему смелости встретиться лицом к лицу с безудержной атакой диких горцев?

Страхи приходилось таить в себе: о том, чтобы поделиться ими с Гектором и тем уронить себя в его глазах, не могло быть и речи. Гектор, конечно, любил его, но Гектору было уже двадцать — он был высок ростом, мускулист, имел патент лейтенанта и, главное, опыт боевых действий во Франции.

Даже теперь Джон Грей затруднился бы сказать, двигало им желание походить на Гектора, превзойти его или просто произвести на него благоприятное впечатление. В любом случае, когда он увидел в лесу горца и по розыскным плакатам узнал в нем прославленного злодея Рыжего Джейми, у него возникло твердое решение убить мятежника или взять в плен.

Мысль о том, чтобы вернуться в лагерь за подмогой, все же приходила ему в голову, но этот человек был один — по крайней мере, Джону показалось, что он один, — и явно ни о чем не подозревал. Сидит себе на бревне да хлеб уминает.

С этими мыслями он достал из-за пояса нож и начал подкрадываться, ориентируясь на ярко-рыжую макушку. Нож скользил во вспотевшей руке, но голова была полна воодушевляющих картин славы и похвалы Гектора.

И ведь добрался—таки он до шотландца, и нож занес, и даже нацелился, но...

Лорд Джон Грей рывком перевернулся в постели, взбудораженный нахлынувшими воспоминаниями.

Его рука оказалась перехваченной, нож был выбит, и противники, сцепившись, покатались по земле, борясь сначала за нож, а потом (опять же, как казалось Джону) за жизнь.

Поначалу шотландец был под ним, но потом каким-то образом извернулся и оказался сверху.

Как-то раз Грею дали потрогать здоровенного питона, привезенного другом его дяди из Индии. Так вот, соприкосновение с Фрэзером производило то же впечатление мощи, гибкости и стремительности.

Короче говоря, его, Джона Грея, бесцеремонно ткнули лицом в палую листву и скрутили руки за спиной. В лихорадочном ужасе, убежденный,

что его сейчас убьют, он изо всех сил пытался вырвать попавшую в ловушку руку и довертелся до того, что кость хрустнула. Его пронзила боль, глаза застлала черно-красная пелена, и он лишился чувств.

Придя в сознание, Джон обнаружил себя прислоненным к дереву лицом к лицу с шайкой самого разбойного вида шотландцев в клетчатых пледах. В центре их стоял Рыжий Джейми Фрэзер. И та женщина.

Грей стиснул зубы. Будь проклята та женщина! Если бы не она — бог знает, что могло бы случиться. А случилось то, что она заговорила. Она была англичанка, леди, судя по речи, и он — каким же он был идиотом! — сразу решил, что она заложница злобных шотландцев, наверняка похищенная с целью изнасилования. А что, спрашивается, было ему еще думать? Повсюду только и говорили о безбожных шотландцах, которые все сплошь спят и видят, как бы обесчестить английскую женщину.

И лорд Джон Уильям Грей, шестнадцати лет от роду, с головой, полной высоких мальчишеских представлений о долге, чести, отваге и благородстве, весь в ссадинах, ушибах и шишках, боровшийся с болью в сломанной руке, решил повести с горцами торг, чтобы избавить пленницу от ужасной участи. Фрэзер, их насмешливый вожак, играл с ним, как умелый рыбак с лососем: выставил перед ним эту женщину полуобнаженной, чтобы выудить из него сведения о полке его брата, о его позиции и численности. А потом, когда он рассказал все, что знал, Фрэзер со смехом признался, что эта женщина его жена. Ох и гоготали же проклятые горцы. Их грубый, раскатистый смех до сих пор жив в его памяти.

Грей перекатился, пытаясь улечься поудобнее на непривычном матрасе.

В довершение ко всему Фрэзер не проявил даже толики порядочности и вместо того, чтобы убить пленника и подарить ему героическую смерть, привязал к дереву, где утром его должны были найти товарищи. К тому времени люди Фрэзера наведались в лагерь и — благодаря сведениям, полученным от Грея! — вывели из строя пушку, которую они везли для Коупа.

Когда вся история стала известна, его не стали наказывать в силу юности и того факта, что формально он еще не приступил к службе, но в глазах товарищей юный Джон сделался парией и объектом презрения. Никто не хотел говорить с ним, кроме брата и Гектора. Верного Гектора...

Он вздохнул, потерся щекой о подушку, и перед его мысленным взором вновь предстал образ Гектора, темноволосого, голубоглазого, с мягкими губами и неизменной улыбкой. С тех пор как Гектор погиб при

Куллодене, изрубленный широкими мечами горцев, прошло десять лет, а Джон до сих пор иногда просыпался на рассвете полный воспоминаний о его прикосновениях.

И вот теперь еще эта беда на его голову. Ему была противна сама мысль о службе среди шотландцев, погубивших ненаглядного друга, но никогда, рисуя будущее даже в самых мрачных красках, он и представить не мог, что когда-нибудь снова встретит Джеймса Фрэзера.

Торф в очаге мало-помалу прогорел до горячего пепла, пепел остыл, полная темнота за окном сменилась мрачно-серым сумраком дождливого шотландского рассвета, а Джон Грей так и лежал без сна, не отрывая воспаленных глаз от закопченных потолочных балок.

К утру Грей не отдохнул, но зато принял решение. Он здесь. Фрэзер здесь. И в обозримом будущем никуда им от этого не деться. Ему придется время от времени видеть этого человека вне зависимости от желания их обоих. Не далее как через час он должен будет собрать заключенных, чтобы они увидели своего нового начальника тюрьмы, да и впоследствии ему потребуется проводить всякого рода инспекции. Ну что ж, с этим ничего не поделаешь, но наедине они встречаться не будут ни в коем случае. Если он станет держать этого человека на расстоянии, то, может быть, сумеет обуздать неприятные воспоминания. И чувства.

Ибо, хотя именно это воспоминание о его былой ярости и унижении помешало ему сомкнуть глаза, в нынешней ситуации имелась и другая сторона, осознав которую он маялся без сна уже на рассвете. Не сразу, но до него дошло, что теперь Фрэзер его узник, уже не мучитель, но заключенный, как другие, и полностью зависит от его милости.

Он позвонил в колокольчик для вызова слуги и, морщась — таким холодным оказался каменный пол под босыми ногами, — на цыпочках подошел к окну, чтобы взглянуть, как там погода.

Шел дождь, что и неудивительно. Во дворе внизу заключенные, промокшие до нитки, уже строились в рабочие команды. Ежась в рубашке, Грей убрал голову и наполовину прикрыл окно — славный компромисс между смертью от духоты и смертью от лихорадки.

Честно признаться, последние часы перед рассветом ему не давали уснуть именно картины мести: Фрэзер, брошенный раздетым в ледяной карцер, питающийся отбросами, подвергнутый безжалостной порке. Много ли останется от его гордости и самоуверенности, от наглой надменности, когда его жалкое существование будет всецело зависеть от милости бывшего пленника?

Да уж, этими воображаемыми картинами Грей вдоволь натешился. Но

стоило ему внутренне отстраниться, чтобы взглянуть на это объективно, его передернуло от отвращения к себе.

Кем бы ни был Фрэзер когда-то по отношению к Грею, теперь он поверженный противник, военнопленный и находится на попечении короны. Корона, определив ему меру наказания, вверила его Грею, который не только не вправе отягощать кару сверх назначенной, но и несет ответственность за обеспечение узнику подходящих условий существования.

Слуга принес ему горячую воду для бритья. Он побрызгал на щеки, чувствуя, как тепло успокаивает, помогая покончить с мучительными ночными видениями. Это были всего лишь фантазии, игра воображения. И, поняв это, он испытал облегчение.

Встретив Фрэзера в бою, он с превеликим наслаждением лишил бы его жизни, но ему никуда не деться от того факта, что, пока Фрэзер его пленник, честь не позволит ему причинить этому человеку какой-либо вред. К тому времени, когда Грей побрился и слуга одел его, он уже вполне пришел в себя и даже обрел способность взглянуть на сложившуюся ситуацию с оттенком некоего мрачного юмора.

Его дурацкое поведение при Кэрриарике спасло жизнь Фрэзера при Куллодене. Теперь долг уплачен и Фрэзер в его власти, но само положение Фрэзера как узника обеспечивало ему полную безопасность. Ибо, будучи очень разными, при всей их глупости или уме, наивности или опытности, все Грей были людьми чести.

Чувствуя себя немного лучше, он встретился взглядом со своим отражением в зеркале, надел парик и, перед тем как первый раз обратиться к заключенным, отправился позавтракать.

— Сэр, подать вам ужин в гостиную или сюда?

Голова Маккея, как всегда непричесанная, просунулась в дверь кабинета.

Грей, поглощенный разложенными на письменном столе бумагами, не сразу понял вопрос, неопределенно хмыкнул, потом поднял голову, сообразив, чего от него хотят, буркнул: «Сюда, пожалуйста», неопределенно махнул рукой и снова углубился в документы, не подняв головы, даже когда поднос оказался на столе.

Говоря насчет бумажной работы, Кворри не шутил: одно только пропитание узников и гарнизона требовало оформления бесчисленных приказов, запросов, предписаний, обязательств, счетов и прочих документов, составлявшихся непременно в двух экземплярах — второй для Лондона. Но кормежкой дело не ограничивалось. Повседневная жизнь

тюрьмы, и узников, и стражников, и вольнонаемного персонала, как оказалось, не текла сама по себе, а требовала от начальника постоянного принятия решений по такому множеству вопросов, что первый день он только и делал, что читал, писал да подписывал всякого рода хозяйственные бумаги, постепенно приходя к мысли, что, если ему не удастся быстро найти толкового писаря, он загнется от тоски.

«Двести фунтов пшеничной муки для нужд заключенных, — написал он. — Шесть больших бочек эля для нужд казарм».

Его обычно изящный почерк быстро упростился до примитивной скорописи, витиеватая подпись сменилась лаконичным «Дж. Грей». Со вздохом отложив перо, майор закрыл глаза и помассировал переносицу, чтобы снять боль во лбу. Солнце не соблаговолило показать свой лик ни разу со времени его прибытия, и от работы весь день в дымной комнате, при свете свечи, глаза жгло, словно они стали горящими угольками. Его книги прибыли днем раньше, но он не успел распаковать их: слишком устал к ночи. Сил хватило только на то, чтобы промыть больные глаза в холодной воде и отправиться на боковую.

Какой-то подозрительный шорох заставил его встать и открыть глаза. Здоровенная бурая крыса сидела на уголке стола, держа в передних лапах кусочек сливового пирога. Она не двигалась, просто задумчиво смотрела на него, шевеля усами.

— Что я вижу, черт побери! — воскликнул Грей в изумлении. — Эй ты, воровка! Это мой ужин!

Крыса задумчиво жевала сливовый пирог, поглядывая на майора яркими глазами-бусинками.

— Убирайся отсюда!

В ярости Грей схватил первый попавшийся под руку предмет и запустил им в крысу. Чернильница, ударившись о каменный пол, разбилась, забрызгав все вокруг. Испуганная крыса спрыгнула со стола, метнулась к двери и стремительно проскочила между ног пораженного Маккея, который прибежал посмотреть, что за шум.

— В тюрьме есть кошка? — спросил Грей, вывалив содержимое подноса со своим ужином в пустое ведро рядом со столом.

— Ну, сэр, коты есть в кладовых, — ответил Маккей, ползая на корточках и вытирая маленькие черные следы, оставленные поспешно ретировавшейся через чернильную лужицу крысой.

— Тогда принеси сюда кота, пожалуйста, Маккей, — велел Грей. — И мигом!

Его передернуло от воспоминания о неприлично голом хвосте, нагло

лежащем на его тарелке. Конечно, в поле ему доводилось видеть крыс, и не раз, но чтобы в собственном кабинете у него на глазах уминали его собственный ужин — это уж чересчур.

Грей размашистым шагом подошел к окну и стоял там, вдыхая свежий воздух в надежде прочистить голову, в то время как Маккей продолжал тереть пол. Смеркалось, двор снаружи заполнялся пурпурными тенями, и камни находившегося напротив тюремного крыла казались еще более мрачными, чем обычно.

Из кухонного флигеля проследовала под дождем процессия маленьких тележек, нагруженных едой для заключенных: огромными кастрюлями с дымящейся овсянкой и прикрытыми рогожей корзинами с хлебом. По крайней мере, у бедолаг будет горячая еда после дня работы под дождем в каменном карьере.

Когда он отвернулся от окна, ему пришла в голову мысль.

— А много ли крыс в камерах? — спросил он Маккея.

— Полно, сэр, великое множество, — ответил заключенный, последним взмахом протерев порог. — Я скажу повару, чтобы он приготовил новый поднос, да, сэр?

— Пожалуйста, — сказал Грей. — А потом, мистер Маккей, будьте любезны, проследите, чтобы в каждой камере был кот.

Маккей заколебался, и Грей, собиравший разбросанные бумаги, заметил это.

— Что-то не так, Маккей?

— Нет, сэр, — медленно ответил Маккей. — Воля, конечно, ваша, но мне кажется, ребятам не понравится, если коты выведут всех их крыс.

Грей уставился на него, почувствовав легкую тошноту.

— Неужели заключенные едят крыс? — спросил он, отчетливо видя перед собой острые крысиные зубы, вгрызавшиеся в сливовый пирог.

— Ну, это ежели кому повезет, сэр: крысу не больно-то поймашь, — ответил Маккей. — Может быть, коты в этом и помогут, в конце-то концов. Будут ли еще распоряжения, или на сегодня все, сэр?

Глава 9

СКИТАЛЕЦ

Решимости Грея в отношении Джеймса Фрэзера хватило на две недели. Потом из деревни Ардсмур прибыл посланец с новостями, которые изменили все.

— Он еще жив? — резко спросил майор прибывшего с известием жителя поселка, служившего при тюрьме по найму.

— Я сам его видел, сэр, когда его принесли. Сейчас он в «Липе», за ним ухаживают, только, сдается мне, вид у него такой, что ухода недостаточно, сэр, если вы поняли, о чем я.

Поселянин многозначительно поднял бровь.

— Я понял, — ответил Грей. — Спасибо, мистер...

— Эллисон, сэр. Руфус Эллисон. К вашим услугам, сэр. Гонец принял предложенный ему шиллинг, поклонился, держа шляпу под мышкой, и ушел.

Грей сел за стол, уставившись на свинцовое небо, где с самого его прибытия почти ни разу не появлялось солнышко, и раздраженно постучал по столу кончиком пера, забыв, что перо из-за подобного обращения тупится и его приходится чинить заново.

Впрочем, ему было не до пера: упоминание о золоте заставило бы навести уши любого.

Сегодня утром жители поселка наткнулись на человека, блуждавшего в тумане по окрестным торфяникам. Одежда его промокла, он был не в себе от лихорадки и бредил.

С тех пор как его обнаружили, он бормотал не переставая, но спасители не могли разобрать его бред. По-видимому, он был шотландцем и при этом говорил на бессвязной смеси французского и гэльского, иногда вставляя английские слова. И одним из этих слов было «золото».

Сочетание шотландца, золота и французского языка в этой части страны могло навести любого, кто сражался в последние дни якобитского мятежа, только на одну мысль — мысль о французском золоте. Несчетном богатстве, тайно посланном (по слухам) Людовиком Французским на помощь своему кузену Карлу Стюарту. Но посланном слишком поздно.

Некоторые уверяли, что французское золото было спрятано армией горцев во время последнего стремительного отступления на север перед окончательным разгромом при Куллодене. Другие считали, что золото так и

не попало к Карлу Стюарту, а было оставлено для надежности в пещере неподалеку от того места, где его выгрузили с кораблей, на северо-западном побережье.

Одни говорили, что секрет местонахождения золота утерян навеки, поскольку его хранители погибли при Куллодене, другие же твердили, будто место хорошо известно представителям некоего горского семейства, но они верны данному слову и никому не откроют тайну. Какова бы ни была правда, золота так и не нашли. Пока.

Французский и гэльский. По-французски Грей, успевший повоевать за границей, изъяснялся вполне сносно, но варварского языка горцев не знал ни он, ни кто-либо из его офицеров. Разве что сержант Гриссом перенял в детстве несколько слов у няньки-шотландки.

Никому в деревне Грей довериться не мог: вдруг в этой истории и впрямь что-то есть. Французское золото! Конечно, само сокровище, спору нет, должно принадлежать короне, но для него, Грея, оно сулило солидную личную выгоду. Ясно ведь, что для него нахождение этого почти мифического клада станет пропуском из ссылки в Ардсмуре назад в Лондон, в лоно цивилизации. Никакая опала, никакая немилость не устоят перед магическим блеском французского золота.

Грей закусил кончик затупившегося пера, ощутив, как он сломался у него между зубами.

Черт! Нет, нельзя обращаться ни к жителю деревни, ни к одному из его офицеров. Значит, придется обратиться к заключенному. Да, только заключенного можно привлечь к делу, не рискуя, ибо только узник не сможет воспользоваться этими сведениями в собственных целях.

Черт, и опять незадача! Все заключенные говорят по-гэльски, многие знают и английский, но только один говорит еще и по-французски.

«Он образованный человек», — эхом прозвучал в его памяти голос Кворри.

— Черт, черт, черт! — пробормотал Грей.

И ничего нельзя поделать. Эллисон сказал, что бродяга очень плох. Нет времени искать альтернативу. Майор выплюнул кусочек пера и крикнул:

— Бран!

Всполошенный капрал просунул голову в дверь.

— Да, сэр?

— Приведи мне узника по имени Джеймс Фрэзер. Немедленно.

Комендант стоял за своим письменным столом, опершись на него, будто массивное изделие из дуба и впрямь являлось бастионом, на который

оно в известном смысле походило. Руки, лежащие на гладком дереве, были потными, а белый тугой воротник мундира врезался в шею.

Когда дверь отворилась и в комнату, звеня кандалами, вошел шотландец, сердце майора забилось быстрее. Были зажжены все свечи, и в кабинете было светло как днем.

Он уже видел Фрэзера несколько раз, когда тот стоял во внутреннем дворе с остальными заключенными, благо рыжая голова и рост выделяли его среди прочих, но никогда не приближался настолько, чтобы разглядеть его лицо.

Фрэзер выглядел иначе. Для Грея это стало одновременно и облегчением, и потрясением, потому что в памяти сохранилось чисто выбритое лицо и взгляд, в котором читалась или суровая угроза, или затаенная насмешка. Сейчас перед ним стоял спокойный, но настороженный человек, лицо его обрамляла короткая бородка, и хотя глубокие голубые глаза были теми же самыми, в них не отразилось никакого признака узнавания. Узник спокойно стоял перед столом и ждал.

Грей прокашлялся. Сердцебиение не унялось, но, по крайней мере, он мог говорить спокойно.

— Мистер Фрэзер, — промолвил он, — благодарю вас за то, что пришли.

Шотландец ответил вежливым кивком. Он не стал указывать на то, что в этом вопросе выбора у него не было, но об этом красноречиво говорили его глаза.

— Несомненно, вы задаетесь вопросом, зачем я послал за вами, — продолжил Грей. Собственные слова казались ему невыносимо напыщенными, но тут уж ничего нельзя было поделать. — Возникла ситуация, в которой мне требуется ваша помощь.

— А в чем она заключается, майор?

Голос был все тем же — глубоким, сильным, гортанным, как свойственно горцам.

Грей глубоко вздохнул, внутренне собираясь с силами. Он предпочел бы что угодно, лишь бы не обращаться за помощью к этому человеку, но никакого выбора у него не было. В пределах досягаемости находился лишь один человек, способный оказать ему помощь, — и это был Фрэзер.

— На торфянике, близ побережья, был найден странный бродяга, — осторожно начал майор, — По-видимому, он серьезно болен, и речь его бессвязна и невразумительна. Однако... некоторые произносимые им слова явно имеют отношение к делу, представляющему... значительный интерес для короны. Мне нужно поговорить с этим человеком, выяснить, кто он

такой, и разузнать как можно больше о предмете его речей.

Он помолчал, но Фрэзер никак не отреагировал на эту паузу: просто стоял и ждал.

— К сожалению, — продолжил Грей, снова вздохнув, — этот человек говорит на смеси гэльского и французского, и лишь изредка в его речи проскакивают английские слова.

Одна из кустистых бровей шотландца шевельнулась. Выражение его лица ничуть не изменилось, но было очевидно, что теперь он улавливает смысл происходящего.

— Понятно, майор. — Тихий голос узника был полон иронии. — И вы хотели бы, чтобы я переводил вам то, что будет говорить этот человек.

Не доверяя собственной способности владеть голосом, Грей ограничился утвердительным кивком.

— Боюсь, что я должен отказаться, майор, — произнес Фрэзер исполненным почтения тоном, но искорка в его глазах указывала на что угодно, кроме почтительности.

Рука Грея непроизвольно вцепилась в бронзовую ручку ножа для вскрытия конвертов из его письменного прибора.

— Вы отказываетесь? — уточнил офицер, стискивая нож, чтобы голос звучал ровно. — Могу я поинтересоваться почему, мистер Фрэзер?

— Я заключенный, майор, — учтиво ответил шотландец, — а не переводчик.

— Ваша помощь была бы принята с благодарностью, — сказал Грей, стараясь, чтобы это прозвучало со значением, но не как предложение взятки. — Отказ же подчиниться законным требованиям представителя власти...

— Господин майор, — прервал Фрэзер голосом куда более твердым, чем его собственный, — ни ваше требование, ни тем более ваши угрозы никоим образом не являются законными.

— Я вам не угрожал!

Бронзовая шутовина больно врезалась в ладонь Грея, и ему пришлось ослабить хватку.

— Разве? Ну что ж, если нет, мне приятно это слышать. — Фрэзер повернулся к двери. — В таком случае, майор, я пожелаю вам доброй ночи.

Грей многое бы отдал за то, чтобы дать ему уйти. Увы, долг требовал от него иного.

— Мистер Фрэзер!

Шотландец остановился в нескольких футах от двери, но не обернулся. Грей глубоко вздохнул, собираясь с духом.

— Если вы согласитесь на мою просьбу, я велю снять с вас оковы, — пообещал он.

Фрэзер, казалось, и глазом не моргнул, но Грей при всей своей молодости и неопытности был наблюдателен и в людях разбирался неплохо. Он заметил, как у шотландца дернулся подбородок и напряглись плечи, и почувствовал, что его собственное беспокойство слегка уменьшилось.

— Итак, мистер Фрэзер?

Медленно, очень медленно шотландец развернулся. Лицо его по-прежнему ничего не выражало, но значение в данном случае имело не это.

— Договорились, майор, — тихо сказал узник.

Когда они добрались до деревушки Ардсмур, было далеко за полночь. Окна попадавшихся им по дороге домов уже не светились, и Грею оставалось только гадать, о чем думали жители, слыша в столь поздний час за своими ставнями стук копыт и лязг оружия: напоминание о том, как десять лет назад английские войска прошли по горной Шотландии, каленым железом выжигая очаги бунта.

Бродягу отвели в «Липу», гостиницу, во дворе которой некогда и вправду росло такое дерево, единственное на тридцать миль в округе. Теперь от дерева остался только большой пенёк, само же оно, как и многие другие в этих краях, погибло после Куллодена, срубленное солдатами Камберленда на дрова. Но название осталось. У двери Грей остановился и обратился к Фрэзеру:

— Вы помните условия нашего уговора?

— Помню, — коротко ответил тот и прошел мимо него.

В обмен на снятие оков Грей потребовал три вещи. Во-первых, чтобы Фрэзер не пытался сбежать по дороге в деревню и обратно. Во-вторых, он должен дать полный и правдивый отчет обо всем, что расскажет бродяга. И в-третьих, не рассказывать никому, кроме Грея, о том, что узнает.

Внутри слышался гэльский говор. При появлении Фрэзера содержатель трактира издал удивленный возглас, а завидев у него за спиной красный офицерский мундир, изобразил почтительность. Хозяйка стояла на лестнице; масляная плошка с фитилем заставляла тени выплясывать вокруг нее.

— Кто это? — удивленно спросил Грей, увидев на лестнице еще одну фигуру — похожего на призрак человека в черном.

Вопрос был обращен к хозяину гостиницы, но ответил за него Фрэзер:

— Это священник. А раз он здесь, значит, этот человек умирает. Грей глубоко вдохнул, стараясь успокоиться, чтобы быть готовым ко всему.

— Стало быть, нам нельзя терять ни минуты, — решительно заявил он, поставив ногу в сапоге на ступеньку лестницы. — Приступим.

Таинственный скиталец умер перед рассветом. Фрэзер держал его за одну руку, священник — за другую. Когда священник наклонился над постелью, бормоча на гэльском и латыни и свершая над телом какие-то папистские обряды, Фрэзер откинулся на табурете, закрыв глаза да так и не выпустив маленькой, исхудалой руки.

Огромный шотландец всю ночь просидел рядом с умирающим незнакомцем, ободряя и утешая. Грея, стоявшего поодаль, чтобы не пугать больного видом своего мундира, эта заботливость и деликатность удивили, можно сказать, даже тронули.

И вот Фрэзер осторожно положил тонкую усохшую руку усопшего на грудь и начертал в воздухе тот же знак, что и священник, осенив крестом лоб, сердце и оба плеча по очереди. Потом он открыл глаза, поднялся на ноги, причем его голова почти коснулась низких стропил, кивнул Грею и начал спускаться по лестнице перед ним.

— Сюда.

Грей указал на дверь питейного зала, пустовавшего по причине ночного времени. Заспанная подавальщица разожгла для них огонь, принесла хлеба и эля, а потом вышла, оставив одних.

Грей подождал, дав Фрэзеру возможность перекусить, и лишь потом спросил:

— Итак, мистер Фрэзер?

Шотландец поставил оловянную кружку и вытер ладонью рот. Несмотря на долгое ночное бдение, его борода и длинные, заплетенные волосы не выглядели растрепанными, однако темные круги под глазами выдавали усталость.

— Ну что тут скажешь, майор, особого смысла во всем этом я не увидел, — сказал заключенный, сразу взяв быка за рога. — Дословно же этот бедняга говорил следующее.

Фрэзер заговорил осторожно, неспешно, делая паузы, чтобы вспомнить слово или объяснить какую-то гэльскую фразу. Грей сидел, слушая с растущим разочарованием. Фрэзер оказался прав: особого смысла во всем этом не было.

— Белая колдунья? — перебил Грей. — Он говорил о белой колдунье? И тюленях?

Это казалось столь же не относящимся к делу, как все остальное, но привлекло его внимание.

— Ну да, говорил.

— Повторите эти места, — велел Грей. — Как можно точнее. Пожалуйста, — добавил он.

Не без удивления майор вдруг осознал, что в обществе этого человека чувствует себя комфортно. Впрочем, отчасти это объяснялось простой усталостью: ведь после бессонной ночи, проведенной у ложа умирающего, все его обычные реакции и ощущения не могли не притупиться.

Вся эта ночь казалась Грею нереальной, и уж не в последнюю очередь это относилось к ее завершению. Еще недавно он и в кошмарном сне не мог представить себя сидящим за столом сельской таверны и делящим в рассветном сумраке кувшин эля с Рыжим Джейми Фрэзером.

Фрэзер послушно заговорил медленнее, то и дело останавливаясь, чтобы вспомнить. Где-то слово заменилось на более правильное, где-то использовалось немного иное выражение, но в целом этот пересказ был идентичен первому — и те части, которые Грей сам смог понять, были переведены совершенно точно.

Он покачал головой, обескураженный явной неудачей. Чепуха! Сущие бредни, именно бредни, и ничего больше. Если этот человек и видел когда-нибудь золото — а создавалось впечатление, что все-таки хоть разок да видел, — из околесицы, которую он нес, все равно было невозможно понять где и когда.

— Вы совершенно уверены, что пересказали все его слова? — уточнил Грей, цепляясь за эфемерную надежду: вдруг Фрэзер пропустил какую-нибудь маленькую фразу, какое-нибудь утверждение, которое даст ключ к утраченному золоту.

В это время шотландец поднял кружку, рукав его слегка задрался, и в глаза бросилась багровая полоса на запястье, темневший в раннем утреннем сумраке след кандалов. Фрэзер поймал его взгляд, поставил кружку, и от недавней иллюзии товарищества не осталось и следа.

— Я держу свое слово, майор, — произнес он холодно и встал. — Не пора ли в обратный путь?

Некоторое время они ехали молча. Фрэзер погрузился в собственные мысли, а Грею овладели усталость и разочарование. Когда солнце коснулось вершин невысоких холмов к северу, они остановились возле источника, чтобы освежиться.

Грей выпил ледяной воды, потом побрызгал ею в лицо, ощущая, как холод обостряет притупившиеся чувства. Он не смыкал глаз уже более суток и мало того что был вялым, но и плохо соображал.

Фрэзер тоже не спал сутки, но по нему нельзя было заметить, чтобы этот факт его беспокоил. Оказавшись у воды, он опустил на четвереньки

и принялся деловито ползать вокруг источника, выдергивая пучки какой-то травы.

— Что вы делаете, Фрэзер? — спросил Грей в некотором недоумении.

— Я собираю водяной кресс, майор.

— Вижу, — раздраженно сказал Грей. — А зачем?

— Для еды, майор, — невозмутимо сказал Фрэзер.

Он снял с пояса линялый матерчатый мешочек и запихнул туда влажную, сочившуюся водой зелень.

— Неужели? Вы что, не наелись? — тупо спросил Грей. — В жизни не слышал, чтобы люди ели водяной кресс.

— Он зеленый, майор.

Усталый и разочарованный майор заподозрил в словах узника скрытую издевку.

— А какого другого цвета, черт возьми, должно быть растение? — проворчал он.

У Фрэзера скривился рот, как будто он спорил о чем-то с самим собой. Он слегка пожал плечами, вытер мокрые руки о штаны и пояснил:

— Я лишь хотел сказать, майор, что если есть всяческую зелень, то это предупреждает цингу и сохраняет зубы. Мои товарищи по заключению едят ту зелень, что получают от меня, а кресс лучше на вкус, чем большая часть трав, которые я могу набрать на торфянике.

Грей изумленно поднял брови.

— Зеленые растения предохраняют от цинги? — выпалил он. — Откуда эти сведения?

— От моей жены, — буркнул Фрэзер.

Он быстро отвернулся и встал, завязывая горловину мешка решительными, быстрыми движениями. Грей не удержался и спросил:

— Ваша жена, сэр, где она?

В ответ темно-голубые глаза шотландца вспыхнули таким гневом, что едва не прожгли майора насквозь.

«Может быть, вы слишком молоды, чтобы знать силу ненависти и отчаяния», — прозвучал в памяти Грея голос Кворри.

Так оно или нет, но именно безмерную ненависть и отчаяние увидел он в глубинах глаз Фрэзера.

— Ее больше нет, — бросил Фрэзер и снова отвернулся, так резко, что это движение граничило с грубостью.

Грей промолчал. Он не вполне осознавал, что за чувства испытал в связи с этим неожиданным известием. Здесь было место и облегчению — ведь соучастница его унижения оказалась мертва, — но и сожалению тоже.

На обратном пути в Ардсмур ни тот ни другой не проронили ни слова.

Три дня спустя Джейми Фрэзер сбежал. Вообще—то побег из Ардсмур не представлял собой особой сложности для любого из заключенных, но никто не предпринимал подобных попыток по той простой причине, что беглецам некуда было бы податься. В трех милях от тюрьмы бились о гранитные утесы морские волны, а с остальных трех сторон бесконечно тянулись унылые торфяные болота.

Бежать стоило бы, имей узник надежду обрести пристанище и защиту членов своего клана, но теперь кланы были разгромлены, многие родичи осужденных мертвы, да и содержались мятежники как можно дальше от мест поселения их кланов. Голодная смерть среди унылых топей представляла собой не самую привлекательную перспективу даже по сравнению с тюремной камерой, и побег, по мнению большинства, явно того не стоил. Но у Джейми Фрэзера, видимо, были свои, особые соображения.

Драгунские кони придерживались дороги, а расстилавшееся вокруг торфяное болото походило на бархатистое покрывало. Ворсом служил густой вереск, однако под ним скрывался коварный, податливый слой влажного торфяного мха в фут или более того глубиной. В этой топкой местности даже рыжие олени не рисковали бродить где попало: с дороги Грей видел четырех животных. До каждого из них было не меньше мили, и за каждым тянулась проложенная через вереск тропка, казавшаяся на расстоянии тонюсенькой, словно нитка.

Фрэзер, конечно, удирал пешим. А это значило, что сбежавший узник мог оказаться где угодно, перемещаясь по торфянику оленьими тропами.

Служебный долг предписывал Грею организовать погоню и попытаться вернуть узника в тюрьму, но в данном случае он не из одного лишь служебного рвения поднял почти весь гарнизон и рыскал по пустошам почти без сна и отдыха. Обязанности, конечно, исполнять следовало, но французское золото, сулившее избавление от опалы и проклятой шотландской ссылки, было куда более сильным стимулом. Ну и конечно, им двигала ярость, ощущение того, что его предали.

Грей и сам не знал, на кого злится больше: на Фрэзера за то, что тот нарушил свое слово, или на себя за то, что ему хватило дурости поверить, будто горец — пусть и джентльмен — обладает чувством чести, равным его собственному. Но он разозлился и твердо вознамерился обыскать каждую оленью тропу на этом поганом торфянике, чтобы загнать Джеймса Фрэзера, как загоняют оленей.

На следующую ночь, после утомительного дневного перехода через

болото, они вышли к продуваемому ветрами скалистому, обрамленному россыпью голых островков морскому побережью.

Спешившись и держа коня в поводу, Джон Грей стоял на утесе, обозревая волнующееся черное море. Слава богу, ночь была ясная и полумесяц омывал холодным светом влажные серые камни, так что на фоне бархатных черных теней они казались слитками серебра.

Бесспорно, это было самое глухое место из всех, куда когда-либо заносило майора, хотя оно и обладало своеобразной дикой красотой, от которой кровь стыла в жилах. И никаких признаков Джеймса Фрэзера, да и вообще присутствия человека.

— Придержи свою пушку, дурень, — бросил один из солдат, схватив товарища за руку и скорчив презрительную мину. — Тоже мне, нашел каторжника. Ты что, никогда тюленей не видел?

— Ну... нет. — Немного смутившись, солдат опустил пистолет и присмотрелся к темным очертаниям на прибрежных камнях.

Грей тоже никогда не видел тюленей и сейчас наблюдал за ними с восхищением. Издалека они были похожи на черных слизней, лунный свет влажно поблескивал на их шкурах, когда они беспокойно поднимали головы, неуклюже, вперевалочку передвигаясь по суше.

В детстве мать разрешала ему погладить ее плащ из шкуры морского котика, родича этих тюленей, и его поразило, каким мягким, гладким и теплым на ощупь оказался этот мех. Просто поразительно, что такой мех дают мокрые и скользкие с виду морские твари.

— Шотландцы называют их «силки», — сообщил солдат, не давший застрелить зверя по ошибке, и кивнул в сторону лежбища с каким-то горделивым, собственническим чувством.

— Вот как? — заинтересовался Грей. — А что еще ты о них знаешь, Сайкс?

Солдат пожал плечами, радуясь тому, что вдруг оказался в центре внимания.

— Не очень много, сэр. Здешний люд тешит себя сказками: толкуют, будто некоторые самочки сбрасывают с себя шкуры и оборачиваются дивными красавицами. Ежели мужчине повезет найти такую шкуру и он спрячет ее, в море красоте уже не воротиться — вот и приходится ей выходить за него замуж. Из них выходят хорошие жены — так здесь говорят.

— По крайней мере, они всегда мокрые, — заметил первый солдат, и драгуны взорвались хохотом, который отдался эхом среди утесов, всполошив морских птиц.

— Хватит! — Грею пришлось повысить голос, чтобы его расслышали сквозь смех и флировольные шуточки. — Рассредоточиться! — приказал майор. — Нужно будет обшарить утесы в обоих направлениях, но первым делом посмотреть, нет ли лодок внизу. Бог свидетель, за этими островками достаточно места, чтобы спрятать шлюпку.

Пристыженные солдаты разошлись без возражений, целый час шарили по скалам да отмелям, промокли, устали, но ни намека на Джейми Фрэзера или пресловутое золото не обнаружили.

На рассвете, когда лучи солнца окрасили скользкие камни золотом и багрянцем, небольшие отряды драгун были посланы к дальним утесам. Они карабкались по склонам, скользили на каменных осыпях, забирались в теснины, но так ничего и не обнаружили.

Грей стоял у костра на вершине утеса, наблюдая за поисками.

От пронизывающего ветра его защищали теплая шинель и горячий кофе, который периодически подносил слуга.

Незнакомец, скончавшийся в «Липе», явился со стороны моря, его одежда промокла от морской воды. Трудно сказать, утаил Фрэзер что-то из откровений умирающего или просто решил воспользоваться случаем и предпринять собственные поиски, но по всему выходило, что он должен был направиться к побережью. Но ведь вот оно, побережье, а ни Фрэзером, ни тем более золотом здесь и не пахнет.

— Ежели его понесло вдоль того участка, майор, то, сдается мне, вы видели его в последний раз.

Сержант Гриссом, стоя рядом с Греем и глядя, как бурлят и пенятся вокруг зубчатых камней волны, кивком указал на опасное место.

— «Чертов котел» — вот как прозвали здесь это место: вода и точно тут все время бурлит, словно в котелке. Здесь часто терпят крушение Рыбачьи лодки, а тела погибших находят редко. Виной тому, конечно, течения да водовороты, но местный люд уверен, что сам дьявол утаскивает бедолаг на дно.

— Правда? — рассеянно отозвался Грей, присматриваясь к пенистым волнам, с грохотом взметающимся и опадающим в сорока футах от их ног. — Признаюсь, сержант, я и сам готов в это поверить.

Он повернулся к походному костру.

— Сержант, мой последний приказ — искать до наступления ночи. Если поиски ничего не дадут, поутру двинемся в обратный путь.

Грей щурился в тусклых рассветных сумерках, глаза его слезились от торфяного дыма, а кости после нескольких ночей, проведенных на болоте, ныли от сырости.

Обратная дорога в Ардсмур займет не более дня. Мысль о мягкой постели и горячем ужине радовала, но, с другой стороны, ему придется писать официальную депешу в Лондон, доложить о побеге Фрэзера, указать причину побега и признать собственную постыдную неудачу в поимке беглеца.

Все эти мысли сами по себе были малоприятны, а тут их еще усугубляли столь же неприятные ощущения в животе. Подняв руку, майор остановил отряд, распорядился о привале и устало соскользнул с коня.

— Подождите здесь, — сказал он своим солдатам.

В нескольких сотнях футов виднелся небольшой холмик, за которым можно было укрыться и облегчиться. Его желудок, непривычный к особенностям шотландской кухни, тем более в полевом варианте, настоятельно требовал опорожнения.

В вереске щебетали птицы. Отойдя подальше от шума, издаваемого лошадьми и солдатами, он слышал все едва уловимые звуки пробуждавшегося торфяного болота. Ветер на рассвете переменялся, и теперь, шелестя в траве, нес в глубину суши запах моря. По другую сторону куста шуршали какие-то мелкие зверушки. Все дышало покоем.

Покончив с делом, Грей начал выпрямляться (то, в сколь малопочтенной позе он находился, дошло до него слишком поздно), поднял голову и обнаружил, что смотрит прямо в лицо Джеймса Фрэзера.

Их разделяло не более шести футов. Шотландец стоял неподвижно, словно один из рыжих оленей, обдуваемый болотным ветром. Восходящее солнце запуталось в его волосах.

Они застыли, уставившись друг на друга. Ветер приносил слабый запах моря, и в какой-то миг не было слышно ни единого звука, кроме шума этого ветра и пения жаворонков. Наконец Грей выпрямился окончательно.

— Боюсь, что вы застали меня врасплох, мистер Фрэзер, — холодно сказал он, застегивая брюки со всем самообладанием, на какое был способен.

Глаза шотландца были единственным, что не оставалось неподвижным: они медленно обозрели Грея с головы до пят, потом взгляд медленно вернулся вверх. Майор оглянулся через плечо, туда, где застыли, наведя мушкеты, шестеро его солдат, а потом встретился взглядом с темно-голубыми глазами Фрэзера.

Несколько мгновений противники смотрели друг другу в глаза, потом у Фрэзера дернулся уголок рта.

— Думаю, майор, это взаимно, — произнес он. — Вы тоже застали

меня врасплох.

Глава 10

ПРОКЛЯТИЕ БЕЛОЙ КОЛДУНЫ

Джейми Фрэзер сидел дрожа на каменном полу пустой кладовой, обхватив колени в надежде согреться, которой, скорее всего, не суждено было сбыться. Холод моря проник до самых его костей, и Джейми до сих пор казалось, будто пенистые волны вскипают в его желудке.

Ему было бы полегче, окажись рядом другие узники — Моррисон, Хейс, Синклер, Сазерленд. Не только ради компании, но ради тепла их тел. Холодными ночами заключенные жались друг к другу, стараясь сберечь как можно больше драгоценного тепла и согреваясь дыханием товарищей.

Но он был один. Судя по всему, его не вернут в большую камеру к другим узникам — во всяком случае, пока он не понесет наказание за побег.

Незадачливый беглец с тяжким вздохом откинулся назад и поморщился от мерзкого ощущения, будто его хребет скребется о камень, ибо он исхудал так, что плоти на костях почти не осталось.

С одной стороны, он страшился возможного телесного наказания, но с другой — предпочел бы его перспективе снова оказаться в оковах. Ведь порка, при всей ее унизости, скоротечна, а кандалы — это долгая, мучительная пытка. При одном воспоминании об ударах кузнечного молота, заклепывающего браслеты на запястьях, становилось не по себе.

Его пальцы нащупали на шее четки, которые дала ему сестра, когда он уходил из Лаллиброха; англичане разрешили оставить их, поскольку нитка с бусинками из букового дерева не имела никакой ценности.

— Славься, Дева Мария всемилостивейшая, — пробормотал он, — благословенная между женами.

На самом деле, конечно, надеяться ему было не на что. Майор, этот желтоволосый паршивец, — черт бы забрал его душонку! — прекрасно знал, как ужасны эти оковы.

— Благословен плод чрева Твоего, Иисус. Святая Мария, Матерь Божья, молись за нас, грешников...

Этот мальчишка-майор заключил с ним договор, и он сдержал слово. Правда, англичанин так не считал.

Но он выполнил обещание, сделал все, как они договаривались. Все услышанное от того несчастного скитальца было пересказано майору слово в слово. Конечно, о том, что человек этот был ему знаком, или о выводах, сделанных им из услышанного, Джейми умолчал — но ведь на сей счет

уговора не было.

Дункана Керра он узнал сразу, хотя время и смертельный недуг сильно его изменили. До Куллодена он служил Колуму Маккензи, дяде Джейми, а потом сбежал во Францию, где перебивался случайными заработками.

— Родич, лежи спокойно, — тихо произнес Джейми по-гэльски, опустившись на колени у постели больного.

Лицо Дункана, человека немолодого, было измождено усталостью и недугом, а глаза горели от лихорадки.

Поначалу Джейми решил, будто Дункан вовсе не воспринимает действительность и не узнает его, но исхудалая рука больного сжала его пальцы с удивительной силой, а хриплый голос выдохнул на гэльском:

— Мой родич.

Хозяин гостиницы тоже наблюдал за разговором, но со своего места рядом с дверью, всматриваясь поверх плеча майора Грея. Джейми наклонил голову и шепнул Дункану на ухо:

— Все, что ты скажешь, будет пересказано англичанину. Говори осторожно.

Глаза трактирщика сузились, но Джейми был уверен, что расслышать с такого расстояния он ничего не мог. Потом майор обернулся и велел хозяину таверны выйти, избавив Джейми от лишних ушей.

Трудно сказать, что было тому причиной: предостережение или лихорадка, но только речь Дункана блуждала вместе с его мыслями. Образы прошлого накладывались на картины настоящего. Время от времени он называл Фрэзера Дугал, именем брата Колума, другого дяди Джейми. Иногда он переходил на стихи, порой просто бредил. Но как раз в бреду, в произносимых бессвязно и неосознанно словах, кажется, содержалась крупица смысла. И даже более чем крупица.

— Оно проклято. Это золото проклято. Хочешь, я остерегу тебя, малый? Его дала белая колдунья, дала для сына короля. Но дело было проиграно, и сын короля бежал, а она не допустит, чтобы золото досталось трусу.

— А кто эта «она»? — спросил Джейми, и его сердце вдруг бешено заколотилось. — Кто эта белая колдунья?

— Она ищет храбреца, отважного человека. Одного из Маккензи — оно для него, для Маккензи. «Оно достанется им, — говорит она, — ради того, кто мертв».

— Кто эта колдунья? — снова спросил Джейми.

Слово, которое использовал Дункан, — «бандруид» — можно было перевести как «колдунья», «ведьма», «знахарка» или «белая дама». Так

когда-то, в прежние времена, называли его жену Клэр — его собственную белую даму. Он стиснул руку Дункана, желая добиться ясности.

— Кто? — настойчиво твердил Джейми. — Кто эта колдунья?

— Колдунья, — прошептал Дункан, закрыв глаза. — Колдунья. Она пожирательница душ. Она смерть. Он мертв. Маккензи, он мертв.

— Кто мертв? Колум Маккензи?

— Все они. Все мертвы. Все мертвы! — воскликнул больной, сильно сжав его руку. — Колум, Дугал и Элен тоже.

Неожиданно он открыл глаза и остановил их на Джейми. Жар расширил его зрачки, так что взгляд казался затягивающим черным омутом.

— Люди рассказывают, — произнес он удивительно четко, — как Элен Маккензи оставила своих братьев и свой дом и отправилась к морю, чтобы обвенчаться с силки. Она слышала их, смекаешь?

Дункан сонно улыбнулся, в темном взгляде проплыло отдаленное видение.

— Она услышала зов тюленей, там, на камнях, одного, двух, трех, и она спустилась, подошла к морю и ушла под воду, чтобы жить с тюленями. А? Разве не так?

— Так говорят люди, — ответил Джейми.

Во рту неожиданно пересохло. Элен звали его мать, и именно так говорили о ней люди, когда она покинула свой дом и сбежала с Брайаном Дью Фрэзером, человеком с волосами черными и блестящими, как шкура тюленя. Человеком, в честь которого его называли Макдью, сыном Черного Брайана.

Майор Грей стоял рядом, по другую сторону кровати, сдвинув брови, наблюдая за лицом Дункана. Англичанин не знал гэльского, но Джейми был готов поручиться, что слово «золото» майор поймет на любом наречии. Он поймал взгляд майора и, кивнув, снова наклонился, чтобы говорить с больным.

— Золото, приятель, — сказал он по-французски, достаточно громко, чтобы услышал Грей. — Где золото?

При этом Джейми стиснул руку Дункана как можно сильнее, надеясь, что вложил в это пожатие предупреждение.

Дункан закрыл глаза и беспокойно перекатывал голову по подушке. Он произнес что-то, но слишком тихо — нельзя было разобрать ни слова.

— Что он сказал? — резко спросил майор. — Что?

— Я не знаю. — Джейми погладил руку Дункана, пытаясь вернуть его к реальности. — Поговори со мной, приятель, расскажи мне все снова.

Ответа не было, только бормотание. Глаза Дункана закатились, и

теперь под морщинистыми веками виднелись только поблескивавшие белки. Майор нетерпеливо подался вперед и потряс умирающего за плечо.

— Проснись! — рявкнул он. — Поговори с нами!

Глаза Дункана Керра мгновенно распахнулись. Он уставился вверх, но не на склонившиеся над ним лица, а мимо, словно видя что-то Далеко за ними.

— Она скажет тебе, — произнес он по-гэльски. — Она придет за тобой.

На какую-то долю секунды его внимание вернулось в гостиничную комнату, где он лежал, и взгляд снова сосредоточился на находившихся там людях.

— За вами обоими, — отчетливо произнес он.

Потом закрыл глаза и больше не говорил, но за руку Джейми держался крепко. Спустя некоторое время его хватка ослабла, рука соскользнула, и все было кончено. Хранитель тайны сокровищ ушел из жизни.

Итак, Джейми Фрэзер не нарушил слова, данного англичанину, и своего обязательства перед соотечественниками. Он рассказал майору то, о чем поведал Дункан, в чем, разумеется, для англичанина не было никакого проку. А когда представилась возможность побега, он не упустил ее — отправился на вересковую пустошь, устремился к морю и распорядился наследием Дункана Керра как мог. Теперь же ему предстояло заплатить за свои действия — чем бы это ни обернулось.

Послышались шаги, кто-то шел по коридору. Джейми крепче обхватил колени, стараясь унять дрожь. В любом случае сейчас все решится.

— ...молись за грешников сейчас и в час нашей смерти, аминь.

Дверь распахнулась, впуслав полосу света, от чего он зажмурился. В коридоре было темно, но стражник, стоявший над ним, держал фонарь.

— Вставай.

Солдат нагнулся и поднял Джейми резким рывком, отчего затекшие суставы отдались болью. Его толкнули к двери, он споткнулся.

— Тебя требуют наверх.

— Наверх? Куда?

Он действительно ничего не понимал, ведь кузница никак не могла находиться где-то наверху. Что же до порки, то кто бы стал устраивать показательную расправу ночью?

Стражник, чья физиономия в отсвете фонаря казалась багровой, ехидно ухмыльнулся.

— В покои майора, вот куда. И да смилуется Господь над твоей душой, Макдью.

— Нет, сэр, я не скажу, где был.

Он повторил это решительно, стараясь не клацать зубами. Его привели не в кабинет, а в личную гостиную Грея. В камине горел огонь, но майор стоял перед ним, загораживая большую часть тепла.

— И не скажете, почему вы решили сбежать?

Голос Грея был холоден и официален.

Лицо Джейми напряглось. Он стоял рядом с книжной полкой, откуда канделябр на три свечи струил свет прямо ему в лицо. А вот сам Грей при таком расположении источника света представлял черным силуэтом.

— Это мое личное дело, — ответил Джейми.

— Личное дело? — недоверчиво переспросил Грей. — Вы сказали, что это ваше личное дело?

— Именно.

Комендант резко вдохнул через нос.

— Это, пожалуй, самое возмутительное, что я слышал в своей жизни!

— Прошу прощения, майор, но, если так, вы еще мало в ней видели и слышали, — сказал Фрэзер, поскольку не собирался тянуть время и пытаться умиловить этого человека.

Лучше спровоцировать его на быстрое решение и поскорее пережить то, чего все равно не избежать.

Провокация, спору нет, удалась: Грей сжал кулаки и сделал шаг вперед.

— Вы представляете себе, чего это может вам стоить? — спросил он очень тихо, изо всех сил стараясь держать себя в руках.

— Да, конечно, майор.

Он прекрасно представлял себе все возможности, и, хотя не стремился к тому, чтобы они реализовались, от него мало что зависело.

Грей несколько раз глубоко вздохнул, дернул головой и неожиданно приказал:

— Подойдите сюда, мистер Фрэзер!

Джейми воззрился на него с недоумением.

— Сюда! — повторил майор тоном, не терпящим возражений, указав на место прямо перед собой на коврик перед очагом. — Станьте здесь, сэр!

— Я не собака, майор! — отрезал Джейми. — Можете делать со мной что угодно, но подзывать меня «к ноге» не смейте.

Захваченный врасплох, Грей издал произвольный смешок.

— Прошу прощения, мистер Фрэзер, — сухо сказал он. — Я не хотел вас обидеть. Я просто хочу, чтобы вы сообразовали подойти поближе.

Он отступил в сторону и отвесил витиеватый поклон, жестом указав на

камин.

Джейми заколебался, но потом осторожно ступил на узорчатый коврик. Грей подошел к нему, раздувая ноздри. На таком близком расстоянии хрупкое телосложение и светлая кожа лица делали его похожим на девушку. Майор положил руку на рукав узника, и длинные ресницы взметнулись от потрясения.

— Да вы весь мокрый!

— Разумеется, — иронически подтвердил Джейми.

Он промерз до мозга костей, и теперь его трясло, даже несмотря на близость к огню.

— Почему?

— Почему? — удивился Джейми. — Ну, может быть, потому, что вы приказали стражникам облить меня водой, прежде чем бросить в ледяной карцер.

— Я? Ничего подобного я не приказывал! — Судя по тому, что майор побледнел от гнева и сердито поджал губы, он говорил правду. — Это было самоуправство, но я приношу свои извинения, мистер Фрэзер.

— Принято, майор.

Тонкие струйки пара начали подниматься от его одежды, тепло проникало сквозь влажную ткань. Все мышцы ныли, и больше всего ему хотелось улечься на каминный коврик. И плевать, что как собака.

— Имел ли ваш побег отношение к тому, что вы узнали в таверне «Липа»?

Фрэзер не ответил. Кончики ниспадающих на лицо волос начинали подсыхать.

— Вы можете поклясться, что ваш побег не имел никакого отношения к тому вопросу?

Джейми молчал. Не было никакого смысла что-либо говорить. Невысокий майор ходил взад-вперед между ним и камином, сцепив руки за спиной. Останавливался, вскидывал на него взгляд и снова продолжал ходить.

Наконец он остановился перед Джейми и официальным тоном произнес:

— Мистер Фрэзер, я еще раз спрашиваю вас: почему вы сбежали из тюрьмы?

Джейми вздохнул. Неплохо бы постоять у огня подольше, да, видать, не судьба.

— Я не могу сказать вам, майор.

— Не можете или не хотите? — резко уточнил Грей.

— Велика ли разница, майор, если ответа вы все равно не получите?

Он закрыл глаза и стал ждать, стараясь, прежде чем его уведут отсюда, успеть вобрать в себя как можно больше тепла.

Грей поймал себя на том, что растерялся и не знает ни что сказать, ни как поступить.

«Упрямый — это еще мягко сказано», — говорил Кворри.

И ведь правду говорил.

Грей глубоко вздохнул, думая, что предпринять. Вдобавок ему было стыдно, так как неоправданная жестокость стражников напомнила ему о его собственных мстительных мыслях, нахлынувших, когда он узнал, что Джеймс Фрэзер находится в его власти.

В настоящий момент он волен был подвергнуть незадачливого беглеца любой предусмотренной регламентом каре: заковать в цепи, подвергнуть телесному наказанию, надолго засадить в одиночный карцер, урезать паек. Только вот сомнительно, что использование любого из этих средств увеличит его шансы добраться до французского золота.

Золото действительно существует. По крайней мере, такая возможность не исключена. Только вера в это золото могла подтолкнуть Фрэзера на то, что он сделал.

Грей посмотрел на шотландца. Глаза Фрэзера были закрыты, губы решительно сжаты. У него был широкий, крепкий рот, суровое выражение которого немного смягчалось чувственными губами, обрамленными рыжей бородой.

Грей медлил, пытаясь придумать какой-нибудь способ сломить упорство узника. О применении силы речи не шло: это было бы совершенно бесполезно. К тому же Грей испытывал стыд из-за позорного самоуправства своих стражников, и чувство вины не позволило бы ему пойти на жесткие меры.

Часы на каминной доске пробили десять. Поздно. В крепости стояла тишина, изредка нарушаемая звуком шагов часового во внутреннем дворе за окном.

Очевидно, ни силой, ни угрозами выяснить правду невозможно. Как это ни прискорбно, но, чтобы подобраться к золоту, существует только один путь. Нужно отбросить все личное и воспользоваться советом Кворри: продолжить общение, свести знакомство поближе, и тогда, возможно, удастся получить какой-то ключ к разгадке тайны сокровищ.

«Если они вообще существуют», — напомнил он себе, обернулся к узнику и, глубоко вздохнув, произнес официальным тоном:

— Мистер Фрэзер, не окажете ли вы мне честь отужинать завтра в

моих покоях?

Майор ощутил минутное удовлетворение оттого, что ему удалось удивить этого шотландского ублюдка: голубые глаза широко раскрылись.

В следующий миг лицо Фрэзера приняло прежнее невозмутимое выражение. После секундного замешательства он овладел собой и, отвесив церемонный поклон, словно был облачен в килт и тартан, а не в мокрые тюремные лохмотья, ответил:

— Благодарю вас за любезное приглашение, майор, и принимаю его с превеликим удовольствием.

7 марта 1755 года

Стражник привел Фрэзера и оставил в гостиной, где был накрыт стол. Когда спустя несколько мгновений Грей вышел из спальни, он увидел, что его гость стоит у книжной полки, увлеченно изучая экземпляр «Новой Элоизы».

— Вы интересуетесь французскими романами? — выпалил он, слишком поздно сообразив, сколько недоверия прозвучало в его вопросе.

Фрэзер поднял глаза, захлопнул книгу и с подчеркнутой аккуратностью вернул ее на место.

— Я умею читать, майор.

Он побрился, и теперь борода не скрывала легкого румянца, выступившего на его высоких скулах.

— Я... да, конечно, я не имел в виду... я просто...

Щеки Грея покраснели даже сильнее, чем у Фрэзера. Он ведь знал, что имеет дело с образованным человеком, и допустил эту неловкость лишь потому, что в его подсознании горский акцент и лохмотья никак не сочетались с французской литературой.

Но если платью шотландца никуда не годилось, этого никак нельзя было сказать о его манерах. Игнорируя суетливые извинения Грея, Джейми повернулся к книжной полке.

— Я рассказывал эту историю товарищам по камере, но сам читал ее довольно давно и решил освежить в памяти концовку, прежде всего последовательность событий.

— Понятно.

К счастью, Грей вовремя спохватился и не спросил: «А они что-нибудь поняли?» Однако Фрэзер, очевидно, угадал этот невысказанный вопрос по его лицу, потому что сухо сказал:

— Всех шотландских детей учат грамоте, майор. Однако у нас в горной Шотландии распространена и традиция устных рассказов.

— А-а. Понятно.

Появление слуги с подносом избавило коменданта от дальнейшей неловкости, и ужин прошел относительно спокойно, хотя беседовали они мало и это малое ограничивалось делами тюрьмы.

В следующий раз Грей распорядился поставить перед огнем шахматный столик и пригласил Фрэзера сыграть с ним партию перед ужином. В голубых глазах шотландца промелькнуло удивление, но он кивнул в знак согласия.

Позже Грей подумал, что эта идея была чрезвычайно удачной. Освобожденные от необходимости разговаривать и проявлять учтивость, они мало-помалу привыкали друг к другу, молча сидя за инкрустированной доской из слоновой кости и черного дерева, оценивая один другого по передвижениям шахматных фигур.

А когда после этого сели за ужин, то уже чувствовали себя не столь чужими и их разговор, пусть по-прежнему осторожный и официальный, все-таки приобрел характер настоящей беседы, а не неловкой имитации оной, как вначале. Они обсудили дела тюрьмы, немного поговорили о книгах и распрощались, соблюдая формальности, но явно довольные проведенным временем. О золоте Грей не заикнулся.

Так установилась традиция еженедельных ужинов. Грей старался создать непринужденную обстановку, надеясь, что Фрэзер ненароком сболтнет что-нибудь, способное дать ключ к тайне французского золота. Пока, правда, результатов не было: любое проявление интереса к тому, что происходило во время трехдневной отлучки Фрэзера из тюрьмы, наткнулось на молчание, и Грей, не желая давить на узника, тут же менял тему.

За бараниной и отварным картофелем он изо всех сил старался навести своего необычного гостя на разговор о Франции и ее политике, Пытаясь обнаружить возможные связи между Фрэзером и вероятным источником золота французского двора.

К своему немалому удивлению, он узнал, что до мятежа Стюарта Фрэзер провел во Франции два года по делам, связанным с винной торговлей.

Впрочем, порой во взгляде Фрэзера можно было угадать намеки на понимание того, к чему клонит хозяин, однако вел себя гость безупречно, учтиво поддерживал беседу и лишь старательно переводил разговор с вопросов личного характера к общим темам, касавшимся литературы, искусства и общественной жизни.

Грей некоторое время пробыл в Париже и сейчас поймал себя на мысли, что этот разговор интересен ему сам по себе, а не только ради

попыток прозондировать французские связи Фрэзера.

— Скажите мне, мистер Фрэзер, когда вы были в Париже, у вас была возможность познакомиться с драматическими произведениями месье Вольтера?

Узник улыбнулся.

— О да, майор. Более того, я имел честь принимать господина Аруэ (Вольтер — это его *nom de plume*, псевдоним) у себя за столом, и не раз.

— Вот как? — Грей поднял брови. — Ну и каковы ваши впечатления? Действительно ли этот человек кажется таким же великим при личной встрече, как и при чтении того, что вышло из-под его блистательного пера?

— По правде говоря, я не могу утверждать это, — ответил Фрэзер, аккуратно насадив на вилку ломтик баранины. — Он вообще говорил мало и не блистал остроумием. Обычно сидел сгорбившись в кресле, наблюдая за всеми, переводя взгляд с одного на другого. Меня ничуть не удивило бы, случись так, что тема, обсуждавшаяся у меня за обедом, позднее оказалась бы обыгранной на сцене, хотя, к счастью, ни в одном из его произведений пародий на меня мне не встретилось.

Он закрыл глаза, задумчиво жуя баранину.

— Это мясо вам по вкусу, мистер Фрэзер? — любезно осведомился Грей.

Мясо было хрящеватым, жестким и самому майору показалось малосъедобным. Впрочем, случись ему питаться овсянкой, кореньями да порой лакомиться крысятиной, он, возможно, оценил бы это блюдо иначе.

— Да, майор, вполне.

Фрэзер добавил капельку винного соуса и поднес ко рту последний кусочек. Он не возразил, когда Грей дал знак Маккею снова поставить на стол поднос с бараниной.

— Боюсь, что господин Аруэ не оценил бы должным образом это превосходное блюдо, — сказал Фрэзер, покачав головой, и положил себе еще баранины.

— По правде сказать, я склонен был думать, что человек, столь популярный и влиятельный во французском обществе, обладает весьма изысканным вкусом, — сухо заметил Грей.

Половина его порции осталась на тарелке, ей суждено было отправиться на ужин коту Августу. Фрэзер рассмеялся.

— Едва ли, майор, — заверил он. — Я никогда не видел, чтобы господин Аруэ даже на самом пышном пиру употреблял что-либо, кроме чистой воды и сухого печенья. Он не чревоугодник и к тому же страдает несварением желудка.

— Вот оно что? — с интересом откликнулся Грей. — В таком случае можно предположить, что желчность и цинизм иных суждений, наличествующих в его пьесах, отчасти объясняются этим прискорбным фактом. Или вы полагаете, что характер автора не проявляется в построении его сочинений?

— Учитывая особенности некоторых персонажей, появляющихся в пьесах и романах, майор, я склоняюсь к мысли о том, что автор, который черпает образы исключительно из себя, слегка искажает действительность, разве нет?

— Пожалуй, да, — ответил Грей, улыбнувшись при мысли о некоторых из прототипов весьма гротескных персонажей, с которыми он был знаком. — Если автор создает эти красочные персонажи из жизни, а не из глубин воображения, он, безусловно, может похвастаться весьма разнообразным кругом знакомств!

Фрэзер кивнул, стряхнув крошки с колен полотняной салфеткой.

— О том, что сочинение романов — каннибальское искусство, при котором автор часто смешивает маленькие порции друзей и врагов вместе, приправляет их соусом своей фантазии и дает всему этому вывариться в пикантное блюдо, мне говорил отнюдь не господин Аруэ, а его, если можно так выразиться, сестра по перу — пишущая дама.

Грей рассмеялся и подал Маккею знак унести тарелки и принести графины с портвейном и хересом.

— И впрямь превосходно сказано, чрезвычайно остроумно и метко! Кстати, о каннибалах: вам знакомо сочинение мистера Дефо «Робинзон Крузо»? Это моя любимая книга с детства.

Разговор перешел на рыцарские романы и тропическую экзотику. Он затянулся, и Фрэзер вернулся в свою камеру очень поздно, оставив майора Грея довольным хорошо проведенным вечером, но ничуть не продвинувшимся в деле раскрытия тайны, унесенной в могилу странным бродягой.

2 апреля 1755 года

Джон Грей вскрыл пакет с перьями, которые мать прислала ему из Лондона. То были лебединые перья, более изящные и более крепкие, чем обычные гусиные. При виде их он улыбнулся, усмотрев в этом намек на то, что не балует родню письмами.

Но и на сей раз матушке придется подождать до утра. Он достал маленький перочинный ножик с монограммой, который всегда носил с собой, неторопливо заточил перо на свой вкус, складывая в уме то, что хотел доверить бумаге. К тому времени, когда он обмакнул перо в чернила,

все нужные слова и фразы уже были подобраны, так что писал Грей быстро, почти не останавливаясь.

2 апреля 1755 года

Хэролду, лорду Мелтону, графу Морэй

Мой дорогой Хэл, пишу, чтобы сообщить тебе о недавнем происшествии, которое привлекло мое внимание. Вполне возможно, что оно так и закончится ничем, однако, если во всем этом обнаружится реальная подоплека, может оказаться делом чрезвычайной важности.

Далее Грей подробно описал внешность бродяги и содержание его странного бреда и замешкался, лишь когда дошел черед до побега и повторного пленения Фрэзера.

Тот факт, что Фрэзер исчез из тюрьмы сразу вслед за этими событиями, наводит меня на ту мысль, что за словами бродяги таилось нечто реальное.

Впрочем, если дело обстоит так, мне трудно объяснить последующие действия Фрэзера. Его схватили через три дня после побега, не более чем в миле от побережья. Тюрьма находится в безлюдном месте, окрестности, не считая деревни Ардсмур, на многие мили совершенно пустынные, а вероятность того, что он побывал в деревне и имел там тайную встречу с неким доверенным лицом, которому мог бы передать сведения о сокровище, столь мала, что ею можно пренебречь. У нас там имеются осведомители — остаться незамеченным практически невозможно, не говоря уж о том, что после побега мы перетряхнули всю эту дыру, но никаких следов ни самого Фрэзера, ни золота обнаружить не удалось. Да и с кем он мог связаться в этой глуши, если я точно знаю, что до побега у него не было возможности общаться с кем бы то ни было за пределами тюрьмы? А уж после побега тем более, ибо он находится под самым пристальным наблюдением.

Грей остановился, снова увидев обдуваемую ветрами фигуру Джеймса Фрэзера, выглядевшую на болотной пустоши столь же естественно, как очертания рыжих оленей.

У него не было ни малейшего сомнения в том, что Фрэзер, будь у него такое намерение, легко ускользнул бы от драгун. Но он этого не сделал, а значит, намеренно дал себя задержать. Почему?

Дальше Грей писал уже медленнее.

Может быть, конечно, Фрэзеру не удалось найти сокровище или же такового просто не существует. Я сам склоняюсь к этой мысли, ибо, окажись в его руках огромное богатство, ничто не помешало бы ему убраться за пределы моей досягаемости. Шотландец — человек крепкий,

привычный к походной жизни и, как я полагаю, вполне способный добраться по пустынному побережью до какого-нибудь порта, откуда с большими деньгами ему был бы открыт путь куда угодно.

Грей слегка закусил кончик пера, пробуя на вкус чернила. Он поморщился от горечи, встал и сплюнул в окно. Постоял там с минуту, глядя на холодную весеннюю ночь и рассеянно вытирая рот.

Ему наконец пришло в голову задать вопрос, но не тот, который он все время задавал, а куда более важный. Что и было сделано по окончании шахматной партии, в которой победил Фрэзер. Стражник стоял у двери, готовый сопровождать заключенного обратно в камеру. Когда Джейми встал со своего места, Грей тоже поднялся.

— Я больше не стану спрашивать вас, почему вы бежали из тюрьмы, — произнес он непринужденным тоном, — но мне было бы весьма интересно узнать, почему вы вернулись?

Фрэзер, явно не ожидавший этого вопроса, на миг замер. Потом обернулся, встретился взглядом с Греем, но некоторое время молчал. Наконец его губы тронула улыбка.

— Полагаю, майор, я должен по достоинству оценить ваше общество. Уверяю вас, дело не в еде.

Вспомнив об этом, Грей слегка хмыкнул. Растерявшись, он позволил Фрэзеру уйти. Только позже, ночью, он не без труда нашел ответ, догадавшись задать тот же вопрос себе. Что бы он, Грей, сделал, если бы Фрэзер не вернулся?

Напрашивался ответ, что первым делом он установил бы слежку за всеми его родичами. Ведь где беглецу искать помощи и поддержки, как не у близких?

И в этом, он был совершенно уверен, крылся ответ. Грей не принимал участия в покорении горной Шотландии, в то время он служил в Италии и Франции, но был изрядно наслышан о ходе этой кампании, да и по пути к месту службы в Ардсмур видел немало ее следов в виде пепелищ, разрушенных селений и потравленных полей.

Преданность горцев родовым связям вошла в легенду, и, если принять это во внимание, становилось ясно, что каждый из них предпочел бы тюрьму и любое возможное наказание опасности навлечь преследования английских властей на свою родню.

Грей сел, взял перо и обмакнул его в чернила.

Ты ведь знаешь отвагу этих шотландцев, — написал он, мысленно добавив, что данный, конкретный горец по этой части выделяется даже среди своих соплеменников. — Маловероятно, чтобы силой или угрозой

мне удалось бы заставить Фрэзера раскрыть местонахождение золота — если оно существует, а если нет, то любая угроза тем более не возымела бы действия. Вместо этого я решил поближе сойтись с Фрэзером как с неформальным предводителем узников-шотландцев, надеясь извлечь какие-нибудь сведения из разговоров с ним. До сих пор, признаюсь, это ни к чему не привело, но, думаю, у меня еще есть в запасе кое-какие возможности.

По очевидным причинам, — продолжил он, медленно формулируя свою мысль, — я не хочу, чтобы об этом стало известно официально.

Привлекать внимание к кладу, который вполне мог оказаться химерой, было опасно, ибо вероятность разочарования, пожалуй, превосходила надежду. Ну а в случае успеха у него будет достаточно времени, чтобы подготовить соответствующий доклад и получить заслуженную награду — право покинуть захолустье и вернуться в лоно цивилизации.

Поэтому, дорогой брат, я обращаюсь к тебе и прошу твоей помощи в получении как можно более подробных сведений обо всем, что касается Джеймса Фрэзера. Однако прошу тебя проделать все это скрытно, чтобы никто не насторожился и не прознал о проявленном мной интересе. Заранее благодарю за любую помощь, какую ты сможешь мне оказать, ибо знаю, что во всем могу на тебя положиться.

Он снова обмакнул перо и подписался с небольшой завитушкой: «Твой покорный слуга и преданно любящий брат, Джон Уильям Грей».

15 мая 1755 года

— Я слышал, люди болеют, — промолвил Грей. — Хотелось бы знать, действительно ли дела настолько плохи?

Ужин закончился, а с ним и беседа о книгах. Пора было поговорить о делах.

Фрэзер нахмурил брови, держа в руке единственный стакан хереса, который позволил себе сегодня. Но он даже не пригубил его, хотя обед подходил к концу.

— Это сушая правда. Дела действительно плохи. Всего у меня болеют около шестидесяти человек, причем пятнадцать из них серьезно. — Он заколебался. — Могу я попросить...

— Я ничего не могу обещать, мистер Фрэзер, но вы, разумеется, вправе высказать свои пожелания, — официально ответил Грей.

Он и сам почти не притронулся к своему хересу, как, впрочем, и к ужину: предчувствие чего-то важного напрочь отбило ему аппетит.

Джейми помедлил, оценивая свои шансы. Ясно, что всего желаемого не добиться, а значит, надо изложить свою просьбу так, чтобы получить

главное, оставив при этом Грею возможность в чем-то отказать.

— Нам нужно побольше одеял, майор, больше тепла и больше еды. А также лекарств.

Грей поболтал херес в своем бокале, наблюдая за тем, как играют в винном водовороте отблески очага.

«В первую очередь обычные дела, — напомнил он себе. — Для другого найдется время и позже».

— У нас на складе не более двух десятков лишних одеял, но вы можете взять их для тяжелобольных. А вот увеличить рацион, боюсь, не в моих силах. Припасы сильно пострадали от мышей и крыс, а два месяца назад обрушилась кладовка. Наши возможности ограничены и...

— Вопрос не столько в том, чтобы увеличить рацион, — торопливо вставил Фрэзер, — а скорее в типе питания. Тем, у кого нелады с желудком, трудно переваривать овсянку и грубый хлеб. Нельзя ли найти какую-нибудь замену этой пище?

По закону каждому заключенному ежедневно полагалось по кварте овсянки и маленькая пшеничная булка. Раз в неделю, по воскресеньям, для подкрепления сил узников, занятых тяжелым физическим трудом по двенадцать — шестнадцать часов в день, им дополнительно выдавали овсяный отвар и кварту мясной похлебки.

Грей поднял бровь.

— Что вы хотите предложить, мистер Фрэзер?

— Я думаю, что тюрьме выделяются какие-то средства на покупку соленой говядины, турнепса и лука для воскресной похлебки?

— Средства-то есть, но они предназначены для расходования в следующем квартале.

— Тогда я предлагаю, майор, использовать эти деньги сейчас, чтобы обеспечить здоровым питанием больных. А те из нас, кто здоров, охотно откажутся от своей доли мяса на будущее.

Грей нахмурился.

— Но не ослабнут ли узники, не получая мяса вообще? Вдруг они не смогут работать?

— Ну уж те, которые умрут, работать не смогут точно, — резко заметил Фрэзер.

Грей хмыкнул.

— Верно. Но верно и то, что те из вас, кто пока еще здоров, недолго останутся таковыми, если на значительное время откажутся от дополнительного питания. Нет, мистер Фрэзер, боюсь, что ваше предложение неприемлемо. Я понимаю, что это, может быть, сурово, но уж

лучше предоставить тех, кто уже болен, их участи, чем подвергнуть риску заболеть всех остальных.

Фрэзер был упрямым человеком. Он опустил голову, ненадолго задумался, а потом предпринял другую попытку.

— Но если корона не в состоянии обеспечить нас полноценным пропитанием, может быть, вы позволите нам пополнить свой рацион самим, с помощью охоты?

— Охоты? — Брови Грея полезли на лоб от удивления. — Дать вам оружие и позволить бродить по торфяникам? Да бог с вами, мистер Фрэзер!

— Вряд ли Он с нами: Он от цинги не страдает и в усиленном питании не нуждается.

Увидев, как дернулись губы Грея, шотландец слегка расслабился. Майор всегда старался подавить свое чувство юмора, несомненно понимая, что это поставит его в невыигрышное положение. В отношениях с Джейми Фрэзером так оно и происходило.

Ободренный этим предательским подергиванием, Джейми развил наступление.

— Ни о каком оружии, майор, речи, конечно, не идет, так же как и о хождении на охоту. Дайте мне разрешение ставить ловушки на торфянике, когда мы режем торф, и оставлять себе то, что в них попадет.

Узники и без разрешения ухитрялись расставлять силки, но частенько добычу у них отбирали стражники.

Грей сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, обдумывая просьбу.

— Разве вам не потребуются материалы, чтобы смастерить ловушки, мистер Фрэзер?

— Всего лишь немного веревки, майор, — заверил его Джейми. — Дюжина грузил, не больше, любая бечева или шнур, а все остальное предоставьте нам.

Грей медленно потер щеку, потом кивнул.

— Хорошо.

Комендант повернулся к маленькому секретеру, вынул из чернильницы перо и написал записку.

— Завтра я выпущу на сей счет официальный приказ. Что же касается остальных ваших просьб...

Четверть часа спустя все было обговорено. Джейми, вздохнув, наконец расслабился и пригубил херес, искренне считая, что заслужил его.

Ему удалось добиться разрешения не только на силки, но и на то, чтобы добытки торфа, отработав полчасика сверх нормы, могли забирать это добавочное топливо с собой для обогрева камер, а также на то, чтобы

Сазерленд послал весточку своей кузине в Уллапул, муж которой был аптекарем. Если муж кузины пожелает послать в тюрьму лекарства, узники их получат.

«Неплохая работа за вечер», — подумал Джейми.

Он сделал еще один маленький глоток вина и закрыл глаза, с чувством исполненного долга наслаждаясь исходящим от камина теплом.

Грей, наблюдавший за своим гостем из-под опущенных век, увидел, как широкие плечи слегка расслабились. Напряжение отпустило шотландца, ведь дело было сделано. Так, во всяком случае, он думал.

«Очень хорошо, — решил для себя Грей. — Давай пей свой херес и расслабляйся. Мне нужно, чтобы ты совершенно не ждал подвоха».

Он подался вперед, взял графин и почувствовал, как зашуршало в нагрудном кармане письмо Хэла. Сердце забилося быстрее.

— Не хотите ли выпить еще глоток, мистер Фрэзер? И скажите мне, как поживает ваша сестра?

От неожиданности глаза Фрэзера широко раскрылись, лицо побледнело.

— Как обстоят дела в Лаллиброхе? Так ведь, кажется, называется это место?

Грей отодвинул графин в сторону, не сводя глаз со своего гостя.

— Не могу этого знать, майор.

Голос Фрэзера звучал спокойно, но глаза опасно сузились.

— Нет? А вот я рискну предположить, что дела у них в последнее время обстоят очень неплохо благодаря золоту, которым вы их снабдили.

Широкие плечи под поношенным плащом напряглись. Грей небрежно взял одну из шахматных фигур с доски и переложил из одной руки в другую.

— Наверное, Айен — вашего зятя, кажется, зовут Айеном? — знает, как им распорядиться.

Фрэзер уже взял себя в руки, и его темно-голубые глаза невозмутимо встретили испытующий взгляд Грея.

— Раз уж вы так хорошо информированы о моих связях, майор, — сдержанно произнес он, — вам, полагаю, известен и тот факт, что мой дом находится более чем в ста милях от Ардсмур. Может быть, вы объясните, каким образом я мог дважды преодолеть это расстояние за три дня?

Взгляд Грея остановился на шахматной фигурке, которую он рассеянно перекладывал из одной руки в другую. Это была пешка, маленький воин со свирепым лицом и с коническим шлемом на голове, вырезанный из цилиндра моржового клыка.

— Возможно, что вы встретились с кем-то на торфянике, кто сообщил о золоте вашей семье или сам отнес им это золото.

Фрэзер хмыкнул.

— В окрестностях Ардсмура? И какова, по-вашему, майор, вероятность того, чтобы я случайно встретился на торфянике со знакомым мне человеком? Тем более с человеком, которому я мог бы доверять то, на что вы намекаете?

Он поставил бокал на стол, явно желая закрыть тему.

— Я ни с кем не встречался на торфянике, майор.

— И вы считаете, что я должен довериться вашему слову, мистер Фрэзер?

Грей позволил себе вложить в свои слова достаточно иронии. Высокие скулы Фрэзера слегка покраснели.

— Ни у кого еще не было повода усомниться в моем слове, майор, — тихо сказал он.

— В самом деле? — Грей уже не старался скрыть свой гнев. — Вы ведь, помнится, уже давали мне свое слово на том условии, что я прикажу снять с вас оковы?

— И я сдержал его!

— Ой ли?

Двое мужчин сидели выпрямившись, сердито глядя друг на друга.

— Вы поставили мне три условия, майор, и я в точности выполнил уговор.

Грей презрительно хмыкнул.

— Неужели, мистер Фрэзер? Но тогда что же побудило вас так неожиданно презреть общество ваших товарищей и предпочесть ему общение с кроликами на торфянике? Поскольку вы уверяете меня, что никого не встретили, и дали мне свое слово, что это так.

Последняя фраза была произнесена со столь явным презрением, что краска бросилась в лицо Фрэзера. Большая рука медленно сжалась в кулак.

— Да, майор, — процедил шотландец, — я дал вам слово, что все обстояло так.

По-видимому, в этот момент он осознал, что кулак его сжат, очень медленно разжал пальцы и положил ладонь на стол.

— А как насчет вашего побега?

— А что касается моего побега, майор, то я уже сказал все, что хотел.

Фрэзер медленно вдохнул и откинулся назад, пристально глядя на Грея из-под густых рыжих бровей.

Помолчав, комендант тоже откинулся на спинку кресла, поставив

шахматную фигуру на стол.

— Давайте я скажу вам напрямик, мистер Фрэзер. Я оказываю вам честь, предполагая, что вы человек здравомыслящий.

— Могу вас заверить, майор, честь — это как раз то, в отношении чего я весьма щепетилен.

Иронию Грей уловил, но реагировать не считал нужным, благо сейчас преимущество было за ним.

— Суть в том, мистер Фрэзер, что на самом деле не имеет особого значения, связывались ли вы со своей семьей на предмет золота. Достаточно допустить такую вероятность, и это послужит основанием для того, чтобы послать отряд драгун для произведения обыска в Лаллиброхе и допроса всех ваших родичей.

Он сунул руку в нагрудный карман, достал лист бумаги, развернул его и прочел перечень имен.

— Айен Муррей — ваш зять, как я понимаю? Его жена Джанет. Это, конечно, ваша сестра. Их дети, Джеймс... надо думать, назван в честь дядюшки?

Грей поднял глаза, чтобы уловить выражение лица Фрэзера, потом снова вернулся к списку.

— Маргарет, Кэтрин, Джанет, Майкл и Айен. Немалый выводок, — произнес он тоном, приравнивающим шестерых младших Мурреев к приплоду поросят.

Он положил листок на стол рядом с шахматной фигуркой.

— Вы должны понимать, что трое старших детей уже достаточно взрослые, чтобы быть арестованными и допрошенными вместе с родителями. Такие допросы часто проводятся с пристрастием, мистер Фрэзер, на них не деликатничают.

В данном случае Грей говорил чистую правду, и Фрэзер знал это. Вся краска схлынула с лица узника, отчего под кожей рельефно выступили крепкие кости. Он закрыл глаза, но тут же снова открыл их.

Неожиданно Грей вспомнил предостережение Кворри: «Если будете ужинать с этим человеком наедине, никогда не поворачивайтесь к нему спиной».

У него мурашки побежали по коже, но он взял себя в руки и ответил Фрэзеру твердым взглядом голубых глаз.

— Чего вы от меня хотите?

Голос был хриплым от гнева, но шотландец сидел неподвижно — застывшая фигура, словно высеченная из камня, позолоченная пламенем.

Грей глубоко вздохнул.

— Правды, — тихо сказал он.

В комнате не раздавалось ни звука, даже торф не потрескивал в камине. Фрэзер чуть шевельнулся, но и только. Долгое время он сидел молча, уставившись в камин, словно хотел получить ответ оттуда.

Грей ждал. Он мог позволить себе это. Наконец Фрэзер снова обернулся к нему.

— Значит, правды?

Он сделал глубокий вдох, и Грей увидел, как полотняная рубашка натянулась на груди шотландца — жилета на нем не было.

— Я сдержал свое слово, майор. Я честно поведал вам обо всем, что сказал мне в ту ночь этот человек. Умолчал лишь о том, что имело значение лично для меня.

— В самом деле? — Грей сидел неподвижно, боясь даже шевельнуться. — И что это было?

Широкий рот Фрэзера сжался в тонкую линию.

— Я говорил вам о моей жене, — сказал он, с трудом выдавливая слова, как будто они причиняли ему боль.

— Да, вы сказали, что она умерла.

— Я сказал, что ее нет, майор, — тихо поправил его Фрэзер. Его взгляд остановился на пешке. — Скорее всего, она умерла, но...

Он запнулся, сглотнул и продолжил более решительно:

— Моя жена была целительницей. И не просто знахаркой, каких немало в горной Шотландии, она принадлежала к тем, кого у нас называют «бандруид», что означает «белая дама» или «колдунья».

— Белая колдунья. — Грей тоже говорил тихо, но кровь его бурлила от возбуждения. — Значит, слова того человека относились к вашей жене?

— Я подумал, что да. А если так... — Широкие плечи слегка шевельнулись. — Я должен был пойти посмотреть, — просто сказал шотландец.

— А как вы узнали, куда идти? Это вы тоже почерпнули из слов бродяги?

Грей, не скрывая любопытства, слегка подался вперед. Фрэзер кивнул, не сводя взгляда с шахматной фигурки из моржового клыка.

— Мне было известно, что не очень далеко отсюда находится святыня — место поклонения святой Бригитте, которую тоже называли белой дамой, — пояснил он, подняв голову. — Хотя эта святыня находилась там с незапамятных времен, задолго до того, как святая Бригитта прибыла в Шотландию.

— Понятно. Итак, вы предположили, что слова этого человека

относились и к этому месту, и к вашей жене?

Фрэзер снова пожал плечами.

— Я не знал, — повторил он. — Трудно было судить, имели они какое-то отношение к моей жене или только к святыне, чтобы направить меня туда, или ни к тому ни к другому. Но я почувствовал, что должен пойти.

Он описал это место и с помощью наводящих вопросов Грея указал, как до него добраться.

— Сама святыня — это небольшой камень в форме старинного креста, настолько выветренный, что на нем почти не видно каких-либо знаков. Он стоит над маленьким прудом, наполовину укрытым вереском. В пруду можно найти белые камешки, запутанные в корнях вереска, растущего по берегам. Считается, что эти камни обладают великой силой, — пояснил он, видя непонимание во взгляде собеседника. — Но только когда их использует белая дама.

— Понятно. И ваша жена?..

Грей деликатно умолк.

Фрэзер покачал головой.

— Это не имело к ней никакого отношения, — тихо ответил он. — Ее действительно нет.

Сказано это было тихо, без надрыва, но Грей уловил нотку безысходного отчаяния.

Обычно лицо Фрэзера оставалось невозмутимым и непроницаемым. Вот и теперь оно не изменилось, но собравшиеся вокруг глаз морщинки и хмурый, устремленный на огонь взгляд говорили о печали. Столь глубокое чувство заставило Грея ощутить неловкость, но долг взял верх над деликатностью.

— А золото, мистер Фрэзер? — тихо спросил майор. — Как насчет золота?

Узник глубоко вздохнул.

— Оно было там, — без всякого выражения произнес он.

— Что? — Грей выпрямился в кресле, вперив взгляд в шотландца. — Вы нашли его?

Фрэзер поднял на него глаза и усмехнулся.

— Я нашел его.

— И это действительно было золото, которое Людовик послал для Карла Стюарта?

Кровь Грея бурлила от возбуждения: он уже представил себе, как доставляет огромные сундуки с золотыми луидорами своим начальникам в

Лондоне.

— Людовик никогда не отправлял золота Стюартам, — уверенно сказал Фрэзер. — Нет, майор, то, что я нашел в пруду возле святыни, не было французскими монетами.

В пруду он обнаружил маленькую шкатулку с золотыми и серебряными монетами и кожаный кошелек, наполненный драгоценными камнями.

— Драгоценности? — выпалил Грей. — Откуда они вообще взялись?

Фрэзер бросил на него взгляд, исполненный недоумения.

— Не имею ни малейшего представления, майор, — сказал он. — Откуда мне знать?

— Нет, конечно нет, — сказал Грей, закашлявшись, чтобы скрыть свое волнение. — Конечно. Но это сокровище — где оно теперь?

— Я выбросил его в море.

Грей тупо воззрился на него.

— Что?

— Я выбросил его в море, — терпеливо повторил Фрэзер. Раскосые голубые глаза встретились с глазами Грея. — Может быть, вы слышали о месте, которое называют «Чертовым котлом»? Оно находится не более чем в миле от святыни.

— Зачем? Зачем вы это сделали? — спросил Грей. — Не слишком разумный поступок.

— В то время меня не очень-то волновало, что разумно, что нет, — тихо сказал Фрэзер. — Я пошел туда с надеждой, а когда эта надежда исчезла, клад показался мне ничемным набором металлических кругляшей и камушков. Мне они были ни к чему. — Он иронически изогнул одну бровь. — Но я не видел смысла и в том, чтобы отдать найденные ценности королю Георгу. Поэтому я зашвырнул их в море.

Грей откинулся назад в кресле и машинально плеснул себе еще хереса, почти не замечая, что делает. Его мысли пребывали в смятении.

Фрэзер сидел, отвернувшись, подперев подбородок кулаком, и глядел в огонь с прежней бесстрастностью. Падавший сзади свет подчеркивал длинную прямую линию носа и мягкий изгиб губы, оставляя подбородок и лоб в тени.

Грей сделал изрядный глоток вина и взял себя в руки.

— Трогательная история, мистер Фрэзер, — ровным голосом произнес он. — Весьма драматичная. Но нет ни единого доказательства ее правдивости.

Фрэзер пошевелился, повернул голову и посмотрел на коменданта.

Чуть скошенные глаза шотландца сузились, словно скрывая насмешку.

— Ну, майор, как раз за этим дело не станет.

Он пошарил под поясом своих драных штанов и вытянул руку над столом.

Грей машинально протянул свою руку, и на его открытую ладонь упал маленький предмет.

Это был сапфир, темно-голубой, как глаза Фрэзера, и к тому же весьма внушительных для драгоценного камня размеров.

Грей открыл рот, но от изумления ничего не смог произнести.

— Вот вам доказательство того, что сокровище существовало, майор, — Фрэзер кивнул на камень в руке Грея, и их взгляды встретились над столом. — Что же касается остального, майор, вам остается только поверить мне на слово.

— Но... но... вы сказали...

— Сказал.

Фрэзер был спокоен так, как будто они обсуждали погоду.

— Я оставил только этот камень, решив, что он может пригодиться, если меня когда-нибудь освободят или — тут вы были недалеко от истины — в надежде, что, может быть, мне удастся переправить его моим родным. Но вы должны понять, майор, — голубые глаза Джейми насмешливо блеснули, — что моя семья не смогла бы воспользоваться таким сокровищем, не привлекая к себе излишнего и весьма нежелательного внимания. Один камешек — куда ни шло, но не больше.

Несмотря на растерянность, Грей не до конца утратил способность думать и сообразил, что Фрэзер прав: владелец небольшой усадьбы в горах, такой, как его зять, не смог бы обратить сокровище в деньги, избежав толков, за которыми неизбежно последовало бы появление в Лаллиброхе королевских солдат. А сам Фрэзер вполне может провести в тюрьме всю оставшуюся жизнь. И все же — взять и вот так просто выбросить найденный клад! Однако, глядя на шотландца, Грей вполне мог в это поверить. Если и есть человек, неподверженный алчности, так это Джеймс Фрэзер. Впрочем...

— Как вам удалось сохранить его у себя? — неожиданно спросил Грей, — Вас ведь не то что до нитки, до кожи обыскали, когда доставили обратно.

Широкий рот слегка дрогнул в первой искренней улыбке, которую увидел майор за время этого разговора.

— Я проглотил его, — ответил Фрэзер.

Грей непроизвольно сжал сапфир в руке, а потом раскрыл ладонь и

осторожно положил поблескивающий голубой камень на стол рядом с шахматной фигурой.

— Понятно, — сказал он.

— Не сомневаюсь, что вы поняли, майор, — сказал Фрэзер с серьезностью, которая еще больше подчеркнула насмешливую искорку в его глазах. — Грубая пища, знаете ли, порой имеет свои преимущества.

Грей подавил неожиданный порыв рассмеяться, прижав палец к губам.

— Вы, безусловно, правы, мистер Фрэзер.

Он посидел, рассматривая голубой камень, а потом резко поднял глаза.

— Вы ведь папист?

Ответ был известен заранее: сторонники католиков Стюартов редко бывали не папистами. Не дожидаясь ответа, Грей встал и подошел к книжной полке в углу. Ему потребовалась секунда, чтобы найти подарок матери, не относившийся к кругу его обычного чтения.

На стол рядом с камнем легла переплетенная в телячью кожу Библия.

— Сам я готов принять на веру ваше слово джентльмена, мистер Фрэзер, — сказал он. — Но вы должны понять, что как офицер я прежде всего обязан руководствоваться долгом.

Какое-то время Фрэзер молча смотрел на книгу с непроницаемым лицом.

— Хорошо, майор, — наконец произнес он и без колебаний возложил на Священное Писание свою широкую ладонь. — Именем Всемогущего Бога я клянусь на Его Святом Слове, что найденное мною сокровище было именно таково, как я вам о том поведал.

Его глаза светились в отблесках огня, темные и бездонные.

— И я клянусь моей надеждой на вечное спасение, — добавил он тихо, — что оно покоится в море.

Глава 11

ГАМБИТ

Когда вопрос с французским золотом разрешился окончательно, они вернулись к тому, что стало для них обычным времяпрепровождением, — обмену мнениями по текущим вопросам жизни тюрьмы, за которым всегда следовала непринужденная беседа на отвлеченные темы, а время от времени и партия в шахматы. Сегодня вечером они встали из-за обеденного стола, все еще обсуждая длиннющий роман Сэмюэла Ричардсона «Памела».

— Вы считаете, что размер книги оправдан сложностью содержания? — спросил Грей, наклонившись вперед, чтобы прикурить сигару от свечи на боковом столике. — В конце концов, такой толстенный роман требует как значительных затрат от издателя, так и значительных усилий от читателя.

Фрэзер улыбнулся. Сам он не курил, но сегодня вечером решил пить портвейн, заявив, что это единственный напиток, вкус которого не может быть испорчен запахом табака.

— Сколько в нем страниц? Тысяча двести? Да, кажется так. Видимо, трудно вместить сложные жизненные ситуации в тесное словесное пространство и претендовать на точность изложения.

— Верно. Правда, я уже слышал этот аргумент: дескать, умение романиста заключается в искусном подборе деталей. Но не кажется ли вам, что толщина тома сама по себе указывает на неумение автора осуществлять такую подборку в рамках художественной необходимости, а это, в свою очередь, говорит о нехватке мастерства?

Фрэзер задумался, медленно, мелкими глотками отпивая рубиновую жидкость.

— Да, по правде сказать, мне попадались книги, где дело обстоит именно так. Автор стремится заставить читателей поверить в правдоподобие того, о чем пишет, обилием деталей. Однако в этом случае я думаю, дело обстоит иначе. Каждый персонаж весьма тщательно рассмотрен, и все описанные события кажутся необходимыми для развития сюжета. Нет, думаю, это правда, что некоторые истории для полноценного и достоверного изложения требуют большего пространства.

Он сделал еще глоток и рассмеялся.

— Конечно, майор, я признаюсь в наличии у меня на сей счет некоего

личного предубеждения. Учитывая обстоятельства, в которых я читал «Памелу», я был бы в восторге, если бы книга оказалась вдвое длиннее.

— И что это были за обстоятельства?

Грей поджал губы и выдул аккуратное колечко, которое поплыло к потолку.

— Я семь лет прожил в пещере в горах, майор, — усмехнулся Фрэзер. — У меня редко бывало больше трех книг, и их должно было хватить не на один месяц. Да, я равнодушен к толстым томам, но должен признаться, что это не главное качество.

— Безусловно, — согласился Грей.

Он прищурился, следя за движением первого колечка дыма, и выдул еще одно. Оно отклонилось от намеченной цели и отлетело в сторону.

— Я помню, — продолжил он, энергично затягиваясь сигарой, отчего слова выходили с перебивками, — как подруга моей матери увидела эту книгу в гостинной у матушки...

Наконец майор выдул новое колечко и удовлетворенно хмыкнул, когда оно точно вписалось в старое и рассеяло его в крохотное облачко.

— Это была леди Хенсли. Она взяла книгу, посмотрела на нее беспомощно, как это свойственно многим женщинам, и сказала: «О, графиня! Как только вам хватает смелости браться за книгу такого большого объема! Боюсь, что я никогда бы не решилась начать столь длинный роман».

После довольно точной имитации звонкого фальцета леди Хенсли Грею пришлось прокашляться.

— На что матушка ответила, — продолжил он своим обычным голосом: — «Не стоит волноваться, дорогая, вы бы все равно его не поняли».

Фрэзер рассмеялся и закашлялся, отгоняя остатки очередного колечка дыма.

Грей быстро затушил сигару и встал.

— Идемте, у нас как раз хватит времени на быструю партию.

Их силы были неравны: Фрэзер играл в шахматы гораздо лучше, но порой Грею удавалось спасти своего короля благодаря отчаянно смелой игре.

Сегодня вечером он попытался использовать гамбит Торремолиноса. Это был рискованный дебют, начинавшийся ходом коня на королевском фланге. При удачном начале он прокладывал путь для необычной комбинации ходов ладьи и слона, успех которой зависел от диспозиции на полях между королевским конем и пешкой королевского слона. Грей редко

использовал эту комбинацию, ибо она не была рассчитана на посредственного игрока, недостаточно сообразительного, чтобы распознать замаскированную угрозу со стороны коня. Данный гамбит являлся оружием, пригодным против тонкого, проницательного соперника, а после почти трех месяцев еженедельных поединков Грей хорошо усвоил, какого рода ум противостоит ему за уставленной резными фигурами шахматной доской.

Делая предпоследний ход комбинации, он заставил себя не задерживать дыхание, а почувствовав, что на нем ненадолго остановился взгляд Фрэзера, отвел глаза, чтобы не выдать своего волнения. Он потянулся к боковому столику за графином и наполнил оба бокала сладким темным портвейном, внимательно глядя, как поднимается уровень жидкости.

Будет ли это пешка или конь? Фрэзер задумчиво склонился над доской, маленькие рыжеватые искорки подмигивали в его волосах, когда он покачивал головой, выбирая фигуру.

Конь или пешка? Победа или поражение?

Фрэзер поднял руку, и сердце майора замерло. Рука зависла над доской, помедлила — и взялась за фигуру.

За коня.

Грею не хватило самообладания, чтобы сдержать вздох облегчения. Фрэзер резко вскинул глаза, но было уже поздно. Стараясь не слишком выдавать свое ликование, майор сделал рокировку.

Фрэзер нахмурился, глядя на доску, его глаза перебегали с одной шахматной фигуры на другую, оценивая варианты.

Потом до него дошло. Он слегка дернулся, поднял голову и уставился на противника широко раскрытыми глазами.

— Э, да вы, я вижу, коварный махинатор, — уважительно произнес он. — И где вы научились таким чертовским хитростям?

— Меня научил этому старший брат, — ответил Грей, утратив присущую ему осторожность в приливе восторга от своего успеха: обычно он выигрывал у Фрэзера три раза из десяти, поэтому победа была особенно сладка.

Фрэзер хмыкнул и, вытянув длинный указательный палец, аккуратно опрокинул своего коня.

— Ну, от такого человека, как лорд Мелтон, вполне можно ожидать чего-то подобного, — небрежно сказал он.

Грей застыл. Фрэзер заметил это и вопросительно выгнул бровь.

— Ведь вы имели в виду лорда Мелтона? — спросил он. — Или,

может быть, у вас есть еще один брат?

— Нет, — ответил Грей. Его губы слегка онемели, возможно из-за крепкой сигары. — Нет, у меня только один брат.

У него снова сжалось сердце, но отнюдь не от восторга. Неужели чертов шотландец все это время знал, с кем имеет дело?

— Наша встреча была в силу обстоятельств довольно краткой, — сухо сказал шотландец. — Но незабываемой. — Он поднял свой бокал и сделал глоток, глядя на Грея. — Может быть, вы не знали, что я встретил лорда Мелтона на Куллоденском поле?

— Знал. Я сам сражался при Куллодене.

Все удовольствие Грея от победы испарилось. Он почувствовал, что его слегка мутит от дыма.

— Правда, я не думал, что вы вспомните Хэла или что вам известно о нашем родстве.

— Поскольку именно этой встрече я обязан жизнью, я вряд ли ее забуду, — сказал Фрэзер.

Грей поднял глаза.

— Если меня правильно информировали, при той встрече вы к нему особой благодарности не испытывали.

Губы Фрэзера сжались, но тут же расслабились.

— Верно, — тихо ответил он и невесело улыбнулся. — Дело в том, что ваш брат упорно не желал меня расстреливать. Вбил себе в голову, что обязан оставить меня в живых, а я в то время не был склонен благодарить кого-либо за подобную услугу.

— Вы хотели, чтобы вас расстреляли?

Грей поднял брови.

Взгляд у шотландца был отсутствующий — он смотрел на шахматную доску, но явно видел нечто иное.

— Наверное, у меня была на то причина, — сказал он тихо. — В то время.

— Какая причина? — спросил Грей и, поймав на себе пристальный взгляд, поспешно пояснил: — Не считите этот вопрос за дерзость, просто мне и самому в то время приходилось испытывать схожие чувства. И потом, из того, что вы говорили о Стюартах, у меня не сложилось впечатления, будто поражение их претендента могло ввергнуть вас в безграничное отчаяние.

Фрэзер слабо улыбнулся и кивнул в знак согласия.

— Среди нас было немало сражавшихся из любви к Карлу Стюарту или из чувства верности к нему как к единственно законному королю. Но

вы правы, я не принадлежал ни к тем ни к другим.

Больше он ничего пояснять не стал, и Грей со вздохом устался на шахматную доску.

— Я сказал, что в то время испытывал те же чувства, что и вы. Я потерял одного друга при Куллодене, — сказал он, сам удивляясь, с чего это ему приспичило завести разговор о Гекторе именно с этим человеком, шотландским воином, прорубавшим себе путь через поле смерти. Возможно тем самым, чей меч...

И вместе с тем он не мог молчать, ведь ему не с кем было поговорить о Гекторе. Самым сокровенным он мог поделиться только с этим узником, который никому не перескажет его слов.

— Он... Хэл, мой брат... заставил меня пойти и посмотреть на тело, — вырвалось у Грея.

Он посмотрел вниз, на свою руку, на которой, выделяясь на фоне кожи, светился темно-голубой сапфир Гектора, похожий на тот, что нехотя отдал ему Фрэзер, только поменьше.

— Он сказал, что я обязательно должен на него посмотреть, что, пока я не увижу его мертвым, я никогда по-настоящему не поверю в это. Если я не пойму, что Гектор, мой друг, действительно ушел, я буду страдать вечно. Когда я увижу его и пойму это, я, конечно, предамся скорби, но она минует — и все забудется.

Он с вымученной улыбкой посмотрел на Фрэзера.

По большому счету, Хэл, конечно, был прав. Но не совсем. Может быть, со временем он и оправился от потери, но забыть все равно не мог. Разве можно забыть Гектора, каким он увидел его в последний раз, неподвижно лежащим в свете раннего утра с восковым лицом — длинные темные ресницы покоились на его щеках так же, как когда он спал? Или зиявшую рану, которая наполовину отделяла его голову от тела, выставляя напоказ дыхательное горло и большие кровеносные сосуды шеи?

Они сидели молча. Фрэзер ничего не сказал, только поднял свой бокал и осушил его залпом. Не спрашивая, Грей наполнил оба бокала в третий раз и удобно устроился в кресле, с любопытством глядя на гостя.

— Вы находите свою жизнь очень обременительной, мистер Фрэзер?

Шотландец поднял глаза, встретил его взгляд, долго молчал, но, видимо, не обнаружив никакого подвоха, а только чистое любопытство, позволил себе расслабиться. Он откинулся назад, медленно раскрыл правую ладонь и стал сжимать и разжимать кулак, разминая мышцы. От Грея не укрылось, что рука была когда-то повреждена — были заметны шрамы, а два пальца не разгибались.

— Пожалуй, что не особенно, — медленно ответил Фрэзер, не отводя бесстрастного взгляда. — По моему разумению, самая большая тягость в жизни заключается в беспокойстве за тех, кому мы не можем помочь.

— А разве не в отсутствии тех, кому мы хотим отдать свою любовь?

Узник ответил не сразу. Может быть, он оценивал положение шахматных фигур на доске?

— Это пустота, — наконец произнес он. — Но не бремя.

Час был поздний, кругом царила тишина.

— Ваша жена... вы говорили, она была целительницей?

— Была. Она... ее звали Клэр.

Фрэзер поднял бокал и отпил, как будто пытаясь убрать что-то, застрявшее в горле.

— Наверное, вы очень любили ее, — тихо сказал Грей.

Он заметил, что у Фрэзера появилось то же желание, что несколькими минутами ранее у него самого, — произнести имя, хранившееся в тайне, вернуть хоть на миг призрак любви.

— Порой мне хотелось когда-нибудь поблагодарить вас, майор, — негромко сказал шотландец.

Грей удивился.

— Поблагодарить меня? За что?

Гость поднял голову, скользнув взглядом по шахматной доске с законченной партией.

— За ту ночь у Кэрриарика, где мы встретились в первый раз. — Он посмотрел на Грея в упор. — За то, что вы сделали ради моей жены.

— Вы не забыли, — хриловато произнес Грей.

— Я не забыл, — откликнулся Фрэзер.

Грей собрался с духом, посмотрел через стол на собеседника, но не обнаружил в раскосых голубых глазах ни намека на насмешку. Фрэзер кивнул ему очень серьезно.

— Вы были достойным противником, майор. Я бы не забыл вас.

Джон Грей рассмеялся. С горечью, но, как ни странно, без того стыда, который до сих пор испытывал при каждом воспоминании об этом позорном происшествии.

— Если вы сочли достойным противником шестнадцатилетнего юнца, трясущегося от страха, мистер Фрэзер, то ничего удивительного, что армия горцев потерпела поражение!

Фрэзер слегка улыбнулся.

— Человек, который не трясется от страха, когда к его голове приставлен пистолет, майор, либо вовсе бесчувственный, либо тупой.

Грей невольно рассмеялся. Уголки рта Фрэзера слегка дернулись вверх.

— Вы не стали бы говорить для того, чтобы спасти собственную жизнь, но сделали это, чтобы спасти честь дамы. Честь моей супруги, — веско добавил Фрэзер. — На мой взгляд, это не трусость.

Голос шотландца звучал так, что не оставлял места для сомнений в его искренности.

— Я ничего не сделал для вашей жены, — возразил Грей с оттенком печали в голосе. — Ведь на самом деле ей ничто не угрожало.

— Но вы этого не знали, верно? — сказал Фрэзер. — Вы хотели спасти ее честь и жизнь с риском для собственной. И тем самым оказали ей услугу, о которой я вспоминал не раз. Особенно после того, как потерял Клэр.

Лишь очень наблюдательный человек мог бы заметить, что голос Фрэзера слегка дрогнул.

— Понятно.

Грей сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

— Сочувствую вашей утрате.

Они оба помолчали, каждый наедине со своим призраком. Потом узник поднял глаза и глубоко вздохнул.

— Ваш брат был прав, майор, — сказал он. — Я благодарю вас и желаю доброй ночи.

Он встал, поставил свой бокал и вышел из комнаты.

В каком-то смысле это напомнило ему годы, проведенные в пещере, с визитами домой, к оазисам жизни и тепла в пустыне одиночества. Здесь было иначе: уход от тесноты, холода, грязи и убожества камер наверх, в уютные покои майора, где можно было на несколько часов оттаять и умом, и телом, расслабиться в тепле и сытости за разговором.

Правда, это вызывало у него странное чувство пребывания не на своем месте, ощущение того, что он утратил какую-то ценную часть себя, которая не могла вынести возвращения обратно к повседневной жизни. С каждым разом возвращение давалось ему все труднее.

Он стоял в продуваемом сквозняком коридоре, ожидая, когда надзиратель отопрет дверь камеры. Его уши уже заполняли храп и сопение спящих людей, а когда дверь отворилась, в ноздри ударил едкий, застоявшийся запах.

Фрэзер быстро набрал воздуха и, пригнув голову, вошел.

Когда его тень упала на лежавшие тесной кучей человеческие тела, а дверь позади него захлопнулась, отрезав свет, сонные узники зашевелились, а некоторые проснулись.

— Что-то ты нынче припозднился, Макдью, — слышался хрипловатый спросонья голос Мардо Линдси. — Завтра небось с ног будешь валиться.

— Я справлюсь, Мардо, — прошептал Фрэзер, переступая через спящих.

Он снял плащ, аккуратно положил его на лавку, взял грубое одеяло и нашел свое место на полу. Все это время его высокая фигура маячила на фоне подсвеченного луной окошка.

Когда Макдью улегся с ним рядом, Ронни Синклер перевернулся, сонно поморгал почти не видимыми в лунном свете песочного цвета ресницами и спросил:

— Ну как, Макдью, хорошо тебя угостили?

— Да, Ронни, спасибо.

Он поворочался на каменном полу, стараясь устроиться поудобнее.

— Завтра расскажешь?

Узники получали странное удовольствие, слушая о том, что подавалось на ужин, воспринимая тот факт, что их предводителя хорошо кормили, как некое отличие или поощрение для всех них.

— Ага, расскажу, Ронни, — пообещал Макдью. — Но сейчас мне нужно поспать, ладно?

— Спокойной ночи, Макдью, — донесся из угла шепот Хейса, лежавшего впритык, как набор серебряных чайных ложек, с Маклеодом, Иннесом и Кейтом: всем хотелось поспать в тепле.

— Приятных снов, Гэвин, — прошептал Макдью, и мало-помалу в камере воцарилась тишина.

В ту ночь ему приснилась Клэр. Она лежала в его объятиях, осязаемая и благоухающая, с ребенком во чреве. Живот ее был круглым и гладким, как дыня, грудь — полной и пышной, с темными, словно налитыми вином, манящими сосками.

Ее рука скользнула ему между ног, он ответил ей тем же, а когда она двинулась, мягкая, округлая выпуклость наполнила его ладонь. Она поднялась над ним с улыбкой, частично скрытой упавшими на лицо волосами, и перекинула через него ногу.

Он тянулся к ее губам, требовал их, и она, откликнувшись, рассмеялась, склонилась, положив руки на его плечи и уронив волосы ему на лицо. Он вдохнул запах мха и солнечного света, ощутил спиной покалывание сухих листьев и понял, что они лежат в узкой горной долине неподалеку от Лаллиброха и все вокруг наполнено цветом ее медных буков. Буковые листья и буковый лес, золотистые глаза и гладкая белая кожа,

окаймленные тенями.

Грудь Клэр прижалась к его рту, и он жадно припал к набухшим соскам. Ее молоко было горячим и сладким, с легким привкусом серебра, как кровь оленя.

— Сильнее, — прошептала она и, обхватив ладонью затылок, прижала его лицо. — Сильнее.

Потом она вытянулась поверх него во весь рост, тело к телу, и он ощущал дитя в ее чреве, дитя, находившееся сейчас между ними, но не разделявшее, а сближавшее, заставлявшее их стремиться к еще большему единению, чтобы оградить и сберечь эту крохотную крупицу жизни.

И это единение, единение их троих, было столь полным, что Джейми уже не осознавал, где начинается и где кончается каждый из них по отдельности.

Он проснулся неожиданно, тяжело дыша, весь в поту и обнаружил, что лежит на боку под одной из лавок, свернувшись в клубок. Еще не рассвело, но он уже мог видеть очертания лежавших рядом с ним людей и надеялся лишь на то, что не кричал. Он снова закрыл глаза, но сон пропал. Джейми лежал совершенно неподвижно, чувствуя, как постепенно успокаивается сердце, и ждал рассвета.

18 июня 1755 года

В тот вечер Джон Грей собирался очень тщательно: надел свежую полотняную сорочку и шелковые чулки, заплел волосы и воспользовался духами с запахом лимона и вербены. Над кольцом Гектора он немного замешкался, но в конце концов надел и его.

Ужин удался: фазана, подстреленного им самолично, подали с салатом из зелени — из уважения к странным вкусам гостя и его представлениям о пользе.

Теперь они сидели за шахматной доской, сосредоточившись над миттельшпилем, в связи с чем затрагивавшиеся в ходе непринужденной беседы темы были до поры отложены.

— Хотите хереса?

Он поставил своего слона и потянулся.

Фрэзер, поглощенный изучением новой позиции, кивнул.

— Благодарю вас.

Грей встал и пересек комнату, оставив Фрэзера у огня. Он достал из буфета бутылку и почувствовал, как тонкая струйка пота потекла по боку. Дело было не в том, что от камина тянуло жаром, просто он нервничал.

К столу майор вернулся с бутылкой в одной руке и бокалами из хрусталя Уотерфорда, присланными ему матерью, — в другой. Жидкость с

журчанием лилась в хрусталь, поблескивая в свете огня янтарем и розой. Глаза Фрэзера были устремлены на бокал, он рассеянно наблюдал за процедурой, но был погружен в свои мысли. Опущенные веки слегка прикрывали темно-голубые глаза. Грей гадал, о чем так задумался шотландец. Не о партии же — ее исход был очевиден.

Майор передвинул слона на ферзевом фланге. Он знал, что этот ход всего лишь оттягивает неминуемое поражение, но все же представляет угрозу для ферзя Фрэзера, вынуждая произвести обмен ладьи.

Сделав ход, хозяин встал, чтобы подложить в камин торфяной кирпичик. Он потянулся и зашел за спину своего противника, чтобы взглянуть на расположение фигур под иным углом.

В это время, изучая позицию сверху, привстал и Джеймс Фрэзер. Он наклонился вперед, и отблески камина заиграли на его рыжей шевелюре, вторя свечению хереса в хрустальном бокале.

Волосы Фрэзера были забраны сзади в хвост и перехвачены черной ленточкой; чтобы распустить их, потребовалось бы лишь легкое касание. Джон Грей представил, как запускает сзади пальцы под эту густую, блестящую шевелюру, пробегает рукой вверх, касается гладкого теплого затылка...

Его рука непроизвольно сжалась в кулак, словно на самом деле почувствовав это прикосновение.

— Ваш ход, майор.

Тихий голос шотландца вернул его к реальности. Майор сел на свое место и устремил невидящий взгляд на шахматную доску.

Впрочем, даже не глядя, он остро ощущал движения гостя. Воздух вокруг Фрэзера казался наэлектризованным, не позволяя не смотреть на него. Чтобы как-то замаскировать свои чувства, Грей взял бокал с хересом и пригубил, почти не ощущая вкуса.

Фрэзер сидел неподвижно, как статуя, и только глаза, изучавшие шахматную доску, жили на его лице. В свете догорающего камина линии мощного тела были подчеркнуты тенью. Рука, окрашенная игрой огня в черный с золотом цвет, покоилась на столе, такая же неподвижная и совершенная, как стоящая рядом пешка, выбывшая из игры.

Грей потянулся к слону на ферзевом фланге, и голубой камень в его перстне предостерегающе вспыхнул.

«Это неправильно, Гектор? — подумал он. — То, что я могу полюбить человека, который, возможно, убил тебя?»

Но может быть, то была попытка исправить прошлое, залечить раны, полученные при Куллодене ими обоими?

Слон с мягким стуком встал на нужную клетку, а рука Грея, словно уже и не принадлежавшая ему и действовавшая по собственной воле, легла сверху на ладонь Фрэзера.

Она была теплой — такой теплой! — но твердой и неподвижной как мрамор. Ничто не двигалось на столе, только пламя мерцало в глубине хереса. И тогда Грей поднял глаза, и взгляды их встретились.

— Уберите свою руку с моей, — очень тихо произнес Фрэзер. — Или я убью вас.

Рука под ладонью Грея не шелохнулась, как не изменилось и выражение лица шотландца, но майор физически ощутил пронизывавшую его гостя дрожь негодования, спазм ненависти и отвращения.

Совершенно неожиданно он снова вспомнил предупреждение Кворри, прозвучавшее в сознании так же отчетливо, как если бы было произнесено сейчас ему на ухо: «Если будете ужинать с ним наедине, не поворачивайтесь к нему спиной».

Какое уж тут «спиной»! У него не было сил просто отвернуться. Даже отвести взгляд, или моргнуть, или хоть как-то вырваться из-под власти темно-голубых глаз, сковавших его намертво. Замедленным, словно он стоял на неразорвавшейся мине, движением Грей отвел руку назад.

Наступила тишина, нарушаемая лишь стуком дождя да потрескиванием горевшего в камине торфа. Казалось, будто некоторое время ни один из них даже не дышал. Потом Фрэзер молча поднялся и вышел из комнаты.

Глава 12

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Холодный ноябрьский дождь поливал камни внутреннего двора и ряды выстроившихся там, промокших до нитки угрюмых узников. Впрочем, стоявшие в оцеплении красные мундиры промокли не меньше и выглядели так же уныло.

Майор Грей ждал под козырьком крыши. Конечно, погода для проведения общей уборки камер была не лучшей, но ждать в это время года солнечного дня было бесполезно, а при наличии в не столь уж большой тюрьме двух сотен заключенных камеры, во избежание вспышек заразных болезней, необходимо драить не реже чем раз в месяц.

Двери в главную камеру распахнулись, и группа проверенных заключенных, занимавшихся уборкой под бдительным присмотром стражников, вышла наружу. Позади всех вышагивал капрал Данстейбл с охапкой предметов, изъятых, как всегда, при проводившемся одновременно с уборкой обыске.

— Обычный хлам, сэр, — доложил он, складывая свою добычу на стоявшую у локтя майора бочку. — Если что и заслуживает внимания, то вот это.

«Это» представляло собой кусочек ткани шесть дюймов на четыре, лоскут от зеленого в клетку тартана. Данстейбл скользнул взглядом по лицам понурых узников, словно надеясь, что кто-то из них себя выдаст.

Грей вздохнул и расправил плечи.

— Да, пожалуй, да.

Согласно королевскому указу горцам запрещалось носить традиционную одежду, и наличие у кого-либо тартана являлось несомненным нарушением. А всякое нарушение подлежало наказанию.

Майор шагнул вперед, а капрал поднял лоскут и громко, на весь двор, прокричал:

— Чье это? А ну, сознавайтесь!

Грей перевел взгляд с клочка яркой ткани на ряд узников, мысленно перебирая их имена в попытке соотнести их со своими не столь уж обширными познаниями по части пледов. В деталях узоры существенно разнились даже в пределах одного клана, однако для каждого было характерно некое определенное сочетание цветов.

Макалестер, Хейс, Иннес, Грэм, Макматри, Маккензи, Макдональд...

Стоп. Маккензи. Вот то, что надо! Ответ офицеру подсказали не столько знания о соответствии тех или иных цветов пледа определенному клану, сколько то, что он уже успел присмотреться к узникам. Маккензи, например, вызывал подозрение хотя бы тем, что его лицо всегда оставалось невозмутимым. Не слишком ли хорошо он владел собой для столь молодого человека?

— Это твой плед, Маккензи, верно?

Грей выхватил клочок ткани у капрала и сунул его под нос юноше. Лицо узника под разводами грязи побледнело. Рот свело судорогой, и он тяжело дышал через нос со слегка свистящим звуком.

Грей сверлил парнишку торжествующим взглядом. Да, конечно, юный шотландец, как и все они, испытывал к врагам непримиримую ненависть, но по молодости лет не сумел спрятаться за стеной стоического безразличия, и теперь майору было ясно, что стоит чуть-чуть дожать — и он сломается.

— Это мой плед.

Спокойный, чуть ли не скучающий голос прозвучал так тихо и равнодушно, что ни Маккензи, ни Грей его не сразу восприняли. Они стояли, глядя друг на друга, пока протянувшаяся из-за плеча Энгюса Маккензи большая рука не забрала клочок ткани из руки офицера.

Джон Грей отступил назад, словно его ударили под дых. Забыв о Маккензи, он поднял взгляд на несколько дюймов, необходимых, чтобы посмотреть на Джеймса Фрэзера.

— Это не цвета Фрэзеров, — еле выговорил он, потому что губы его одеревенели, как и все лицо, чему, впрочем, он мог только радоваться, ибо эта маска не могла выдать смятения чувств, каковое никак нельзя было обнаруживать перед толпой узников.

Рот Фрэзера слегка приоткрылся. Взгляд Грея был прикован к нему, потому что встретиться со взором темно-голубых глаз майор боялся.

— Верно, — подтвердил шотландец. — Это тартан Маккензи. Клана моей матери.

В каком-то дальнем уголке сознания Грея сохранилась, словно в папке с надписью «Джейми» на обложке, подборка сведений о семейных связях шотландца. Он знал, что мать его действительно была из клана Маккензи. Так же точно, как то, что тартан, конечно же, ему не принадлежит.

Майор услышал себя будто со стороны. Голос его звучал спокойно и невозмутимо.

— Владение тартанами клана запрещено законом. Вы, конечно, знаете, какое полагается за это наказание?

Широкий рот искривился в усмешке.

— Знаю.

По рядам узников пробежал ропот. Настоящего движения вроде бы и не было, но Грей почувствовал выравнивание и уплотнение, как будто они подтягивались к Фрэзеру, окружали его, обступали, присоединялись к нему. Кружок распался и сформировался снова, а комендант остался за его пределами.

Джейми Фрэзер вернулся к своим.

Усилием воли Грей заставил себя отвести взгляд от мягких губ, слегка потрескавшихся от солнца и ветра. Выражение глаз шотландца было тем самым, какого он боялся: в них не было ни страха, ни гнева — только безразличие.

Комендант подал знак страже.

— Взять его!

Майор Джон Уильям Грей склонил голову над письменным столом и подписывал бумаги одну за другой, практически не читая. Ему редко случалось засиживаться за работой до столь позднего часа, но нынче днем времени совсем не было, а документов накопилась уйма.

«Две сотни фунтов пшеничной муки», — написал он, стараясь сосредоточиться на том, чтобы выходившие из-под его пера ряды черных закорючек выглядели аккуратно.

Хуже всего в этой бумажной рутине было то, что время она отнимала, а вот мысли не занимала и не помогала избавиться от неприятных воспоминаний.

«Шесть больших бочек эля для нужд гарнизона».

Он отложил перо и сильно потер руки: утром во внутреннем дворе его пробрало холодом до костей, и это противное зябкое ощущение оставалось с ним по сию пору. Очаг полыхал вовсю, но помогал мало, тем более что Грей не подходил к нему и избегал смотреть на огонь. Хватит уже. Раз попробовал и застыл, как замороженный, увидев в пламени картину произошедшего в этот день. Спыхватился майор, лишь когда огонь опалил его мундир.

Вздохнув, Грей снова взялся за перо, стараясь усилием воли отогнать встающее пред внутренним взором зрелище...

С исполнением приговоров такого рода лучше не тянуть: ожидание вызывает среди заключенных нервозность, что чревато непредсказуемыми последствиями, а вот быстрая и неотвратимая кара способна оказать дисциплинирующее воздействие и привить узникам должное почтение к начальству, страже и тюремным порядкам. Правда, надежд, что этот случай

добавит уважения к нему лично, Джон Грей не питал.

Несмотря на странное ощущение, будто кровь в его жилах обратилась в ледяную воду, он, не повышая голоса, быстро и четко отдал необходимые приказы, столь же быстро и четко приведенные в исполнение.

Заклученных выстроили рядами вдоль четырех сторон внутреннего двора под присмотром солдат, стоявших с багинетами наготове, чтобы мгновенно пресечь любую попытку воспрепятствовать экзекуции.

Но никаких попыток сопротивления, никаких беспорядков не последовало. Заклученные смиренно ждали в промозглой тишине внутреннего двора, нарушаемой лишь кашлем и тому подобными звуками, обычными для скопища людей, по большей части простуженных. Наступала зима, а в это время года простуда была обычным явлением не только в сырых камерах, но и в казармах.

Заложив руки за спину, Грей наблюдал, как узника повели на помост. Капли дождя затекали коменданту за ворот, заставляя ежиться, в то время как обнаженный по пояс Фрэзер держался так, словно предстоящая процедура была для него привычной и не имела никакого значения.

Когда его по знаку майора взяли за руки и привязали их к перекладинам столба для порки, он не сопротивлялся. Рот заткнули кляпом. Фрэзер стоял прямо, дождь стекал по его поднятым рукам и спине, пропитывая тонкую ткань штанов.

Кивок сержанту, державшему свиток с постановлением об экзекуции, вызвал маленький водопад с полей шляпы коменданта. Грей раздраженно поправил шляпу и намокший парик и вновь принял официальную позу, успев услышать, как зачитывают обвинение и приговор:

— ...во исполнение закона о запрете килтов и тартанов, принятого парламентом его величества, совершивший указанное преступление приговаривается к наказанию шестьюдесятью ударами плетью.

Грей с привычной отстраненностью бросил взгляд на сержанта-кузнеца, которому было поручено произвести порку; ни для начальника, ни для подчиненного это было не впервой. Поскольку дождь продолжался, майор воздержался от кивка и просто произнес полагающиеся по уставу слова:

— Мистер Фрэзер, примите наказание.

Он стоял, не отводя глаз под слегка опущенными веками, и наблюдал, как обрушиваются глухие удары плетью, и слышал хриплое дыхание узника.

Мускулы наказуемого в инстинктивном сопротивлении боли отчаянно напрягались, буграми выступая под кожей, и собственные мышцы майора

заныли так, что по ходу экзекуции ему пришлось переминаясь с ноги на ногу. Спина Фрэзера окрасилась кровью, которая, смешиваясь с дождевой водой, стекала вниз, пачкая его штаны.

Грей ощущал присутствие позади себя и солдат, и заключенных, но все взгляды были прикованы к помосту и фигуре на нем. Даже покашливание прекратилось.

Но поверх всех ощущений, словно липкий слой грязи, накладывалось чувство отвращения к себе, вытекавшее из осознания того прискорбного факта, что его глаза прикованы к этой сцене вовсе не из чувства долга. Истиной причиной была полная неспособность оторвать взгляд от потока крови и дождя, сбегавшего по мускулам, сведенным болью.

Сержант-кузнец наносил удары, делая лишь короткие паузы. Он немного торопился: как и всем, ему хотелось поскорее покончить с этим делом и уйти в тепло. Гриссом громко отсчитывал удары и отмечал каждый в протоколе наказания. Время от времени сержанту приходилось пропускать плетью между пальцами, чтобы очистить от крови и кусочков плоти. Потом он встряхивал ее, раскручивал над головой и вновь обрушивал на спину узника.

— Тридцать! — выкрикнул сержант...

Майор Грей выдвинул нижний ящик письменного стола, и его вырвало прямо на аккуратную стопку документов.

Его ногти глубоко вонзились в ладони, но дрожь не унималась. Она засела глубоко в костях, как зимний холод.

— Накройте его одеялом; я сейчас им займусь.

Голос врача-англичанина, казалось, доносился издалека, он не ощущал никакой связи между этим голосом и руками, которые решительно обхватили его за плечи.

Он вскрикнул, когда они переместили его, поскольку при этом движении едва подсохшие раны на спине лопнули. Заструившаяся по ребрам кровь усугубила дрожь, несмотря на то что ему на плечи набросили грубое одеяло.

Он вцепился в края лавки, на которой лежал, вжавшись щекой в дерево, закрыв глаза, пытаясь справиться с проклятой трясучкой. Где-то в комнате слышались шорох и шарканье, но ему, мучительно стискивавшему зубы, было не до того.

Дверь закрылась, и наступила тишина. Неужели они оставили его одного?

Нет, рядом с его головой слышались шаги, и одеяло опустили вниз, открыв исполосованную спину.

— Хм. Досталось тебе, да, парень?

Он не отозвался; впрочем, ответа и не ожидали. Врач отвернулся, а потом он почувствовал, как рука под его щекой приподняла голову. Под лицо подсунули полотенце, отделив кожу от грубого дерева.

— Сейчас я очищу раны, — прозвучал бесстрастный голос.

Когда рука коснулась спины, он выдохнул сквозь стиснутые зубы, услышал странный скулящий звук и, поняв, что звук этот вырвался у него, устыдился.

— Сколько тебе лет, парень?

— Девятнадцать, — успел ответить он, прежде чем закусил губу, подавляя очередной стон.

Некоторое время доктор мягко касался его спины тут и там, потом поднялся, и он услышал звук опускающегося засова.

— Теперь никто сюда не войдет, — доброжелательно произнес вернувшийся к нему врач. — Так что можешь кричать.

— Эй! — упорно зывал чей-то голос — Приди в себя, приятель!

Он медленно пришел в сознание, ощутил под щекой грубое дерево и не сразу сообразил, где находится. Возникшая из темноты рука слегка прикоснулась к его щеке.

— Ты скрипел зубами во сне, приятель, — прошептал голос — Очень больно, да?

— Ничего, терпеть можно, — пробормотал он, но когда попытался приподняться, боль уже не во сне, а наяву обожгла его спину так, что он невольно издал хриплый стон и рухнул обратно на скамью.

Ему повезло: жребий осуществлять порку выпал Доусу, крепкому, средних лет служаке могучего сложения, но не жестокого нрава, не любившему экзекуций и исполнявшему наказания лишь постольку, поскольку это входило в его обязанности. Однако шестьдесят ударов плетью, даже нанесенных без энтузиазма, не могли остаться без последствий.

— Эй, ты что? Нужно разогреть, но не так. Или ты хочешь его ошпарить? — В голосе Моррисона прозвучал укор.

Ну конечно, Моррисон, как же без него.

«Любопытно, — подумал он смутно. — Всякий раз, когда собирается группа людей, каждый находит себе подходящее занятие, пусть даже они никогда не занимались этим раньше».

Моррисон, как и большинство из них, был работником на ферме. Скорее всего, умел хорошо управляться с живностью, но не особо думал об этом. Теперь же он сделался знахарем и природным целителем, к которому

обращались за советом хоть с резами в животе, хоть со сломанным пальцем. Может быть, на деле Моррисон знал и умел лишь чуточку больше остальных, но, захворав, люди обращались к нему, так же как обращались к Макдью за утешением и советом. И за справедливостью.

На спину ему положили горячую, дымящуюся ткань, и раны зашипало так, что у него вырвался стон, а сдержать крик удалось, лишь сцепив намертво зубы. И тут же на спину мягко легла маленькая ладонь Моррисона.

— Терпи, приятель, пока боль не пройдет.

Когда кошмар развеялся, он заморгал, пытаясь понять, что ему говорят и кто находится рядом. Оказалось, что он лежит в затененном углу большой камеры, близ очага. От огня поднимался пар, должно быть, в котле кипела вода. Он увидел, как Уолтер Маклеод опустил в кипяток ворох тряпич. Отблески огня придавали темной бороде и бровям Маклеода красноватый оттенок. Когда нагретые тряпки на его спине остыли до успокаивающего тепла, он закрыл глаза и погрузился в полудрему, убаюкиваемый тихим разговором находящихся поблизости людей.

Оно было привычным, это состояние сонной отстраненности. Подобное ощущение он испытывал с тех пор, как протянул руку через плечо молодого Энгюса и зажал в кулаке обрывок ткани тартана. Как будто с того момента, когда он принял это решение, невидимый занавес отделил его от окружающих и он остался один в некоем тихом пространстве, бесконечного отдаленный от всех и вся.

Как во сне, он последовал за стражником, обнажился по пояс, когда ему было велено, взошел на помост, услышал, не вникая, слова приговора, не обратил внимания ни на узлы, стянувшие запястья, ни на хлеставший по спине холодный дождь. Казалось, будто все это уже происходило раньше, ничто ничего не могло изменить; все было предначертано заранее.

Что касается телесного наказания, то он вынес его без размышлений и сожалений, для которых не было места. Все силы ушли на то, чтобы не поддаться боли.

— Тише, тише...

Рука Моррисона остановилась на его шее, чтобы не дать ему шевельнуться, когда остывшие мокрые тряпки сменили на свежую горячую припарку, на миг обострившую все ощущения.

Правда, при его нынешнем странном состоянии ума интенсивность всех чувств казалась равной. Он мог бы, если постараться, ощутить каждый отдельно взятый удар по его спине, увидеть каждый мысленным взором как яркую цветную полосу, рассекающую воображаемый темный

фон. Но боль от кровавых рубцов, исполосовавших его от ребер до плеч, ничуть не пересиливала блаженную легкость в ногах, саднящее ощущение в запястьях или даже щекочущее прикосновение волос к щеке.

Его пульс медленно и равномерно отдавался в ушах, а дыхание существовало как бы само по себе, отдельно от вздымающейся и опадающей груди. Он существовал лишь как коллекция фрагментов, набор маленьких элементов со своими собственными ощущениями, и ни один из них не имел особого значения для общего восприятия.

— Давай, Макдью, — прозвучал голос Моррисона рядом с его ухом. — Подними голову и выпей это.

На него резко пахнуло виски, и он попытался отвернуться.

— Мне этого не нужно.

— Нужно, — сказал Моррисон с неколебимой убежденностью в собственной правоте, присущей, похоже, всем знахарям, докторам и целителям, не сомневающимся в том, что все нужды и потребности пациентов известны им куда лучше, чем самим подопечным.

Ни сил, ни желания спорить у него не было, потому он открыл рот и пригубил виски, чувствуя, как шейные мускулы дрожат от напряжения.

Виски добавило свою долю к хору наполнявших его ощущений. Жжение в горле и желудке, резкое пощипывание в задней части носа и некое смятение в голове, которое сказало ему, что он выпил слишком много и слишком быстро.

— Чуть побольше, еще немножко, а? — стал уговаривать его Моррисон. — Славный малый, молодчина. Так-то оно лучше, верно?

Бормоча слова одобрения, плотный Моррисон все время старался держаться так, чтобы загородить от Фрэзера своим телом значительную часть камеры. Из высокого окошка тянуло сквозняком, но он ощущал вокруг больше движения, чем можно было бы объяснить одним лишь ветром.

— Ну как спина? Завтра, когда все затянется, тебе придется держаться прямо, словно аршин проглотил, но это не навсегда, и, вообще, по моему разумению, дело не настолько плохо, как могло бы быть. Но конечно, тебе не повредит еще выпить.

К его губам настойчиво прижался ободок роговой чаши.

Моррисон продолжал говорить, довольно громко и, в общем-то, Ни о чем, и это настораживало. Ну не любил Моррисон попусту молотить языком, не был он болтуном. Не понимая, в чем тут загвоздка, Фрэзер поднял голову, пытаясь понять, что происходит, но Моррисон снова вдавил ее вниз.

— Не дергайся, Макдью, — шепнул он. — Этого тебе все равно не

остановить.

Непонятные звуки, которые пытался скрыть от него Моррисон, исходили из дальнего угла камеры. Какая-то возня, стук, потом равномерные глухие удары, надсадное дыхание и скулящие стоны.

Сокамерники били молодого Энгюса Маккензи. Фрэзер напрягся но от этого усилия его обожгло болью. Голова закружилась, а Моррисон снова надавил на него, вынуждая лежать.

— Не дергайся, Макдью, — произнес он тоном, в котором звучали и властность, и примирение с неизбежным.

Голова снова закружилась, и он оставил попытки приподняться, поняв, что Моррисон прав и ему сейчас их не остановить.

Он лежал неподвижно, закрыв глаза, и в ожидании, когда же смолкнут звуки расправы, невольно гадал, кто явился ее инициатором. Скорее всего, по его разумению, Синклер. Но наверняка не обошлось без активного участия Хейса и Линдси.

И похоже, они просто не могли поступить иначе, как не мог он или Моррисон. Люди делают то, для чего рождены. Один лечит, другой калечит — кому что на роду написано.

Звуки прекратились, слышалось лишь приглушенное, всхлипывающее тяжелое дыхание. Плечи Джейми расслабились, и он не шевельнулся, когда Моррисон убрал последнюю влажную припарку и бережно промокнул спину, убирая остаток влаги. Правда, сквозняк из окна заставил его поежиться от неожиданного холода, и он плотно сжал губы, чтобы не издать ни звука. Сегодня днем ему заткнули рот кляпом, и правильно сделали, а то много лет назад, при первой порке, он чуть не откусил себе нижнюю губу, только чтобы не кричать.

Кружку с виски прижали к его губам, но на сей раз он отвернулся, и кружку без возражений убрали. В другом месте она найдет более радушный прием. Скорее всего, у Миллигана, ирландца.

У одного человека слабость к выпивке, у другого ненависть к ней. Один человек любитель женщин, а другой...

Он вздохнул и слегка пошевелился на твердой дощатой койке. Моррисон накрыл его одеялом и ушел. Он чувствовал себя опустошенным и разбитым, но некоторые мысли, примостившиеся где-то в дальнем уголке сознания, в стороне от остальных, уже прояснились.

Моррисон унес с собой и свечу, она горела в дальнем конце камеры, где, сгрудившись, сидели люди, выглядевшие на фоне света черными фигурами, безликими, но обрамленными золотистым свечением, подобно образам святых в старинных требниках.

Интересно, откуда они взялись, эти дары, которые формируют природу человека? От Бога?

Похоже ли это на нисхождение Заступника и языки пламени, сошедшие на апостолов? Он вспомнил картину на сюжет из Библии, висевшую в гостиной его матери: апостолы, увенчанные огнем, сами потрясены до испуга случившимся с ними и в своей растерянности похожи на зажженные для пиршества восковые свечи.

Улыбаясь этому воспоминанию, он закрыл глаза, и на его веках заиграли отблески свечей.

Клэр, его Клэр, которая знала, что послало ее к нему, ворвалась в жизнь, для которой явно не была рождена. И все же, несмотря на это, она знала, что делать, что ей суждено делать. А ведь далеко не каждому дано это везение — осознать свой дар.

Рядом послышались осторожные шаги. Он открыл глаза и, хотя увидел только темную фигуру, сразу понял, кто это.

— Как ты, Энгюс? — спросил он тихо на гэльском.

— Я... в порядке. Но вы... сэр, я хочу сказать... я... мне так жаль...

Джейми ободряюще сжал ему руку.

— Я тоже в порядке, — сказал он. — Приляг, Энгюс, и отдохни. Молодой человек склонился и поцеловал тыльную сторону его ладони.

— Можно мне побыть рядом с вами, сэр?

Его рука весила тонну, но он все равно ее поднял и положил на голову юноши. Потом рука соскользнула, но он почувствовал, что напряжение отпустило Энгюса: его прикосновение сделало свое благотворное дело.

Он был рожден вождем, но вынужден был склонить голову и с достоинством испить эту чашу до дна. Но каково человеку, который не рожден для той роли, которая ему выпала? Джону Грею, например, или Карлу Стюарту.

В первый раз за десять лет он смог найти в себе силы простить того слабого человека, который некогда был его другом. Вынужденный неоднократно платить цену, которую требовал его собственный дар, он смог наконец понять, как тяжела участь того, кто был королем по рождению, но не по предназначению и призванию.

Энгюс Маккензи сидел рядом с ним, прислонившись к стене. Он уронил голову на колени и тихо посапывал, закутавшись в одеяло. Фрэзер почувствовал, как сон подкрадывается к нему, суля воссоединение разрозненных частей его «я», и понял, что проснется поутру, вновь обретя целостность — но, конечно, еще не залечив болячки.

А вместе с этим к нему пришло облегчение, связанное с избавлением

от многих тягот, прежде всего от тяжести неразделенной ответственности, необходимости принимать решения. Искушение исчезло вместе с возможностью ему поддаться, но, что более важно, ушло, может быть даже навсегда, и бремя гнева.

«Итак, — подумал он через собирающийся туман, — Джон Грей вернул мне мой удел и уже за одно это заслужил благодарность».

Глава 13

МИТТЕЛЬШПИЛЬ

Инвернесс, 2 июня 1968 года

Роджер нашел ее утром, свернувшуюся клубочком на диване в кабинете и укрытую пледом. Бумаги, вывалившиеся из папки, были небрежно разбросаны по полу.

Свет из высоких, от пола до потолка, окон струился внутрь, заливая кабинет, но спинка дивана затеняла лицо Клэр и не давала рассвету разбудить ее. Луч только что перебрался через изгиб пыльного бархата и запутался в прядях ее волос.

«Не лицо, а зеркало, во многих отношениях», — подумал Роджер, глядя на Клэр.

Ее кожа была так нежна, что на висках и горле просвечивали голубые прожилки, а черты лица были будто выточены из слоновой кости.

Плед соскользнул, обнажив плечи. Одна рука расслабленно покоилась на груди, так и не выпустив смятый листок бумаги. Роджер бережно приподнял ее руку, чтобы взять бумагу, не разбудив Клэр. Тяжелая от сна рука была поразительно теплой и гладкой.

Его взгляд сразу остановился на этом имени; он знал, что она должна была найти его.

— Джеймс Маккензи Фрэзер, — прошептал он и перевел взгляд с листка бумаги на спящую женщину.

Луч света коснулся изгиба ее уха; она чуть пошевелилась, повернула голову и снова погрузилась в сон.

— Не знаю, каким ты был, приятель, — обратился Роджер к невидимому шотландцу, — но раз заслужил ее, то наверняка представлял собой что-то стоящее.

Роджер осторожно поправил плед, укутав плечи Клэр, опустил жалюзи на окне и, присев на корточки, стал собирать разбросанные бумаги из папки Ардсмур. Ардсмур. Даже если в этих записях и не отражено, что случилось с Джейми Фрэзером, в тюремных архивах в конце концов обязательно найдутся о нем какие-то сведения. Может потребоваться еще одна вылазка в архивы шотландских горцев или поездка в Лондон, но следующий шаг уже определен, путь ясен.

Брианна спускалась по лестнице, когда он, двигаясь с преувеличенной осторожностью, закрыл за собой дверь кабинета. Она вопросительно

посмотрела на него, и он с улыбкой поднял папку.

— Он найден, — прошептал Роджер.

Брианна промолчала, но улыбнулась в ответ, и эта улыбка озарила ее лицо, как ясное восходящее солнце.

Часть четвертая
ОЗЕРНЫЙ КРАЙ

Глава 14

ДЖИНИВА

Хэлуотер, сентябрь 1756 года

— Мне кажется, — осторожно заметил Грей, — вам стоит подумать о том, чтобы сменить имя.

Он не ожидал ответа: за четыре дня путешествия Фрэзер не сказал ему ни единого слова, ухитряясь избегать непосредственного общения даже в неловких ситуациях, когда приходилось располагаться в одной комнате таверны. Грей пожал плечами и улегся в постель, тогда как Фрэзер, не отреагировав ни жестом, ни взглядом, завернулся в поношенный плащ и устроился перед очагом. Почесываясь от множества укусов блох и клопов, Грей рассудил, что Фрэзер, возможно, выбрал лучший вариант для сна.

На следующий день Грей предпринял очередную попытку разговорить Фрэзера.

— Ваш новый хозяин не очень хорошо настроен по отношению к Карлу Стюарту и его сторонникам, поскольку потерял при Престонпансе единственного сына, — продолжил он, обращаясь к чеканному профилю своего спутника.

Гордон Дансени, молодой капитан из полка Болтона, был всего на несколько лет старше его самого. Они оба могли пасть на том поле, не случись встречи в лесу близ Кэрриарика.

— Вы вряд ли можете надеяться скрыть тот факт, что вы шотландец и к тому же горец. Однако если вы снизойдете до того, чтобы принять добрый совет, то, право же, было бы осмотрительнее не использовать столь известное имя, как ваше собственное.

Каменное выражение лица Фрэзера совершенно не изменилось. Он прищипорил лошадь и направил ее в обгон гнедого коня Грея, выискивая следы тропы, которую смыло недавнее наводнение.

Время близилось к вечеру, когда они пересекли арку Эшнесского моста и начали спуск по склону в сторону озера Уотенлеф. Озерный край Англии совсем не похож на Шотландию, подумал Грей, но, по крайней мере, здесь тоже есть горы. С более мягкими очертаниями пологими склонами, далеко не столь грозные и суровые, как отвесные утесы горной Шотландии, но все-таки горы.

Ветерок ранней осени нагонял рябь на мрачные воды озера Уотенлеф с его болотистыми, густо заросшими осокой и тростником отмелями. В этом

году летние дожди были обильнее, чем обычно, озеро вышло из берегов, и верхушки затопленных кустов торчали над лениво колыхавшейся водой.

На вершине следующего холма тропа расходилась в двух направлениях. Фрэзер, ехавший на некотором расстоянии впереди, придержал лошадь в ожидании указаний, и ветер разметал его волосы. В то утро он не заплел их, и огненные пряди вздымались над его головой, как языки пламени.

Хлюпая по грязи вверх по склону, Джон Уильям Грей поднял взгляд на своего спутника, и у него перехватило дыхание: не будь этой развевающейся гривы, Фрэзера можно было бы принять за бронзовую конную статую.

— О Люцифер, сын зари^[6], — прошептал Грей, облизав губы, но воздержался от того, чтобы произнести остаток цитаты.

Для Джейми четырехдневная поездка в Хэлуотер обернулась сплошным мучением. Неожиданная иллюзия свободы в соединении с уверенностью в ее неизбежной утрате внушала ему недобрые предчувствия относительно неизвестного ему места назначения.

К этому чувству добавлялись гнев и печаль, порожденные расставанием с товарищами и с горной Шотландией, усугубленные пониманием того, что расстались они, возможно, навсегда, ну и, наконец, вульгарная боль в седалищных мышцах, вызванная тем, что он отвык от седла. Все это в совокупности причиняло ему страдания, и лишь данное слово удерживало шотландца от того, чтобы, выбрав укромное местечко, стащить майора Джона Уильяма Грея с седла и придушить.

Слова Грея эхом отзывались в ушах, наполовину заглушенные прерывистым ритмом его гневной крови, когда несколькими днями раньше он стоял в кабинете коменданта.

— Поскольку обновление крепости в основном завершено — с помощью вас и ваших людей, — Грей позволил себе нотку иронии в голосе, — заключенных переведут в другое место, а в крепости Ардсмур разместится гарнизон в составе подразделений его величества двенадцатого драгунского полка.

Военнопленных шотландцев переправят в американские колонии, — продолжил он. — Их продадут колонистам на условиях семилетнего рабочего контракта.

Джейми старался держаться бесстрастно, но, услышав эту новость, почувствовал, что лицо и руки онемели от потрясения.

— Рабочий контракт? Это все равно что семилетнее рабство!

Но на самом деле он думал даже не об этом. Одно слово звучало в его

сознании: Америка!

Страна первозданных лесов, населенная дикарями и, главное, отделенная от Британии тремя тысячами миль бурной водной пустыни. Семь лет рабства — это одно, но принудительные работы за океаном, в Америке, — это, по существу, пожизненное изгнание из Шотландии!

— Рабочий контракт — это не рабство, — заверил его Грей, но майор не хуже шотландца знал, что помимо формального названия разница заключается только в том, что такого рода работник (если останется в живых) по истечении означенного срока вернет себе свободу.

Во всем же прочем осужденный являлся самым настоящим рабом того человека, которому его продавала казна: хозяин мог подвергать его телесным наказаниям, включая порку и клеймение, и не имел права лишь казнить его. Рабу было запрещено покидать господина без его дозволения.

Как теперь было запрещено и Джеймсу Фрэзеру.

— Вас не отправят с остальными, — продолжил Грей, глядя в сторону. — Вы не просто военнопленный, вы осужденный изменник, приговоренный к тюремному заключению, и ваш приговор может быть пересмотрен лишь лично его величеством. А его величество не считает нужным заменять для вас меру наказания отправкой в колонии.

Эти слова породили у Джейми сложную гамму чувств: помимо гнева и искреннего сочувствия к товарищам он ощутил (и осознал это) искорку постыдного облегчения, связанного с тем, что, какова бы ни была его судьба, ему не придется вверять себя морю. Пристыженный этим пониманием, он обратил холодный взгляд на Грея.

— Золото, — невыразительно произнес он. — В этом все дело, верно?

Пока оставалась слабая надежда на то, что из него удастся вытянуть сведения о полумифическом сокровище, английская корона не допустит, чтобы он сгинул в морской пучине или стал жертвой дикарей в колониях.

Майор, по-прежнему глядя в сторону, молча пожал плечами, как бы соглашаясь.

— И куда же меня отправят?

Он сам услышал в своем голосе неприятную, тревожную хрипотцу.

Грей принялся убирать свои записи. Было начало сентября, и теплый ветерок дул в приоткрытое окно, вороша бумаги.

— Это место называется Хэлуотер. В Озерном крае Англии. Вас передадут в распоряжение лорда Дансени, которому вы будете служить в том качестве, какое он сочтет нужным.

Грей поднял голову, но прочесть что-либо в его светло-голубых глазах было невозможно.

— Раз в три месяца я буду посещать вас — с проверкой.

И вот теперь, когда они ехали один за другим, Джейми смотрел на затянутую в красный мундир спину майора и, пытаясь хотя бы в мыслях найти освобождение, рисовал воображаемую картину расправы. Он представлял себе, как выкатятся эти голубые глаза, когда его руки сожмут, словно тиски, тонкое горло, и жилистое тело забьется в судорогах, пока не обмякнет, как удушенный кролик.

Его величество? Как же! Нет уж, его не проведешь. Золото здесь всего лишь предлог, а остальное — дело рук Грея. Чертов майор устроил так, чтобы его отдали в услужение туда, где сам майор сможет надзирать над ним и злорадствовать. Такова его месть.

По вечерам, укладываясь перед очагом в таверне, он мучился не столько от боли в каждой мышце, сколько от ярости и негодования и с теми же чувствами встречал рассвет. Дыхание спутника, каждое его шевеление приводили Джейми в бешенство, и он отчаянно мечтал о том, чтобы Грей позволил себе какую-нибудь непристойную выходку, которая смогла бы освободить его от данного слова. Однако Грей лишь посапывал, и жажда убийства оставалась неутоленной.

Они пересекли мост Хэлвеллин и проехали вдоль берега очередного из здешних чудных, заросших травой озер, под кленами и лиственницами, красные и желтые листья которых, кружа и шелестя на ветру, липли к вспотевшему крупу коня и задевали лицо Джейми. И тут Грей, ехавший впереди, придержал лошадь и обернулся в седле.

Значит, они добрались. Склон круто спускался в долину, где, полускрытый осенними деревьями, стоял усадебный дом.

Перед Фрэзером раскинулся Хэлуотер, а с ним перспектива жизни в постыдном рабстве. Он выпрямился в седле и ударил лошадь пятками в бока сильнее, чем того хотел.

Грея приняли в главной гостиной. Лорд Дансени великодушно не обратил внимания на его запыленную одежду и грязные сапоги, а леди Дансени, невысокая полная женщина с выцветшими светлыми волосами, в полной мере проявила гостеприимство.

— Выпить, Джонни, с дороги тебе обязательно нужно выпить. И, Луиза, моя дорогая, может быть, ты приведешь девочек поздороваться с нашим гостем.

Когда леди Дансени повернулась, чтобы отдать распоряжения лакею, его лордство склонился над бокалом и вполголоса спросил:

— Шотландский пленник — ты привез его с собой?

— Да, — ответил Грей.

Леди Дансени, занятая оживленным разговором с дворецким относительно изменений в меню обеда, вряд ли могла услышать, но он счел за благо говорить тихо.

— Я оставил его в передней, поскольку мне неизвестно, что ты собираешься с ним делать.

— Ты говорил, что этот малый умеет управляться с лошадьми? Значит, лучше всего сделать его конюхом, как ты и предлагал.

Лорд Дансени бросил взгляд на жену и предусмотрительно повернулся к ней спиной, чтобы обеспечить полную конфиденциальность разговора.

— Я не говорил Луизе, кто он такой, — продолжил баронет. — Знаешь ведь, какие страшные слухи ходили о горцах во время восстания — страна была просто парализована страхом. И она так и не оправилась после смерти Гордона.

— Я понимаю.

Грей сочувственно погладил руку старика, думая, что и сам Дансени не оправился после смерти сына, хотя и не давал воли скорби ради жены и дочерей.

— Я просто скажу ей, что этот человек слуга, которого ты мне порекомендовал. Э-э... он надежен, конечно? Я имею в виду... в общем, девочки...

Лорд Дансени бросил на жену беспокойный взгляд.

— Совершенно надежен, — заверил его Грей. — Это порядочный человек, и он дал слово. Он не будет ни входить в дом, ни покидать границы ваших владений, не получив на то особого дозволения.

Он знал, что Хэлуотер раскинулся более чем на шестистах акрах. Конечно, это далеко от свободы и от Шотландии, но, может быть, лучше, чем каменные узилища Ардсмур или мытарства в далеких колониях.

Дансени повернулся на звук отворившейся двери, и лицо его при виде двух дочерей осветилось радостью.

— Ты ведь помнишь Джиниву, Джонни? — спросил он, подталкивая гостя вперед. — А Изабель? Когда ты приезжал в последний раз, она была малюткой. Как время-то летит, правда?

Лорд с грустью покачал головой.

Теперь Изабель минуло четырнадцать — она была маленькой и пухленькой, как ее мать. Что же до Джинивы, то на самом деле Грей ее не помнил — точнее, та нескладная девчушка, которую он помнил, ничуть не походила на изящную семнадцатилетнюю девушку, протянувшую ему сейчас руку. Если Изабель была похожа на мать, то Джинива скорее удалась в отца. Она была высокой и стройной. Обильно тронутые сединой волосы

лорда Дансени, возможно, прежде имели тот же блестящий каштановый цвет, ну а уж ясные серые глаза девушки точно были глазами отца.

Девушки вежливо поздоровались с гостем, но было видно, что их интересует что-то другое.

— Папа, — сказала Изабель, потянув отца за рукав, — там, в холле, какой-то мужчина. Огромный! Он смотрел на нас все время, пока мы спускались по лестнице! У него пугающий вид!

— Кто это, папа? — спросила Джинива.

Она проявляла большую сдержанность, чем сестра, но заинтересована была явно не меньше.

— Э-э... ну, это, должно быть, новый конюх, которого привез нам Джон, — суетливо объяснил лорд Дансени. — Я велю одному из слуг отвести его...

Баронета прервало неожиданное появление в дверях лакея.

— Сэр, — вымолвил слуга, всем своим видом выражая крайнее потрясение. — В холле шотландец!

И, дабы никто не усомнился в этом невероятном заявлении, он обернулся и сквозь дверной проем широким жестом указал на рослого человека в плаще, молча стоявшего позади него.

Услышав это, незнакомец шагнул вперед и, найдя взглядом лорда Дансени, учтиво склонил голову.

— Меня зовут Алекс Маккензи, — произнес он с мягким горским акцентом и вежливо, без намека на иронию, поклонился лорду Дансени. — Ваш слуга, милорд.

Для того, кто привык к деятельной жизни на горной шотландской ферме, не говоря уж о каторжных работах по заготовке торфа, обязанности конюха в Озерном крае не должны были показаться утомительными. Однако Джейми после отправки его товарищей за море целых два месяца просидел в тесной камере в полном безделье, и в первое время это была для него не работа, а сущие муки ада. Отвыкшие от напряжения мышцы отчаянно болели, а усталость одолевала такая, что в течение первой недели, вернувшись к вечеру на свой сеновал, он валился чуть ли не замертво и даже не видел снов.

В Хэлуотер Джейми прибыл в состоянии крайнего душевного смятения, и поначалу это место казалось ему всего лишь очередной тюрьмой, тем худшей, что он находился далеко от Шотландии, один, среди чужих людей. Но время шло, и, хотя данное слово удерживало его в заточении надежнее, чем стальные решетки, он начинал оттаивать. Но мере того как крепло тело, легче становилось и на душе, благо в нынешней

ситуации компания лошадей его вполне устраивала. К нему возвращалась способность трезво оценивать положение, и он начинал осознавать, что пусть у него и нет настоящей свободы, но свежий воздух, свет, возможность размять затекшие члены, вид гор и чудесные кони, которых выращивал лорд Дансени, — это не так уж мало. Остальные конюхи и прислуга, понятное дело, относились к нему настороженно, но проявлять открытую неприязнь ввиду его внушительного сложения и грозной физиономии никто не решался. Что же до одиночества, то Джейми свыкся с той мыслью, что жизнь его вряд ли изменится.

Мягкий снег накрыл Хэлуотер, и даже официальные визиты майора Грея — при всей их напряженной неловкости — не могли потревожить спокойствия, крепнущего в душе Джейми.

Мало-помалу ему удалось наладить связь с Дженни и Айеном, так что теперь с редкой оказией он получал из Шотландии письма, которые по прочтении безопасности ради уничтожал. Помимо этих нечастых посланий единственным напоминанием о доме были четки из бука, которые он носил на шее, пряча под рубашкой.

Дюжину раз на дню Джейми касался маленького крестика, который лежал у него на сердце, всякий раз представляя себе лицо любимой, с кратким словом молитвы — за сестру, Дженни, Айена и детей — его тезку, юного Джеймса, Мэгги и Кэтрин Мэри, за близнецов Майкла и Джанет и за малыша Айена. За арендаторов Лаллиброха, за товарищей по заточению из Ардсмур. И неизменно первой его молитвой поутру и на ночь, а часто и между ними, была молитва о Клэр. Господи, да пребудет она в безопасности. Она и дитя!

К тому времени, когда сошел снег и повеяло весной, спокойное существование Джейми Фрэзера нарушалось лишь одним фактором — присутствием леди Джинивы Дансени.

Хорошенькая, но избалованная и взбалмошная, леди Джинива привыкла получать все, что захочет и когда захочет, совершенно не считаясь с теми, кто оказывался на ее пути. Наездницей она была превосходной (этого Джейми не мог не признать), но ее острый язычок и капризный характер были причиной того, что конюхи тянули соломинку, которому из них выпадет на сей раз нелегкая доля сопровождать молодую госпожу.

Однако в последнее время леди Джинива упорно выбирала себе в спутники Алекса Маккензи.

— Чепуха! Вздор! — таков был единственный ответ на все его попытки уговорить ее проявить благоразумие и не стремиться к окутаным

вечной пеленой предгорьям над Хэлуотером, куда отец категорически запретил ей ездить из-за опасного рельефа и коварных туманов. — Не говори глупостей. Никто нас не увидит. Поехали!

И, крепко ударив кобылку каблуками под ребра, она срывалась с места раньше, чем он успевал остановить ее, со смехом оглядываясь на него через плечо.

Ее равнодушие к нему настолько бросалось в глаза, что другие конюхи всякий раз, когда она навевалась на конюшню, ухмылялись, переглядывались и, разумеется исподтишка, отпускали ехидные шуточки. Джейми порой так и подмывало наподдать как следует вздорной девчонке по мягкому месту, но до сих пор он ограничивался тем, что, находясь в ее обществе, отмалчивался, а в ответ на все ее выходки лишь угрюмо бурчал.

Он надеялся, что рано или поздно ей надоест столь сдержанное отношение и она перенесет свое раздражающее внимание на кого-нибудь другого. Или — дай-то бог! — скоро выйдет замуж и покинет Хэлуотер, а стало быть, и его.

То был солнечный день, редкий для Озерного края, столь сырого и туманного, что зачастую не разберешь, где кончается земля и начинаются облака. Но в этот майский денек было тепло, так тепло, что Джейми счел удобным снять рубашку. А почему бы и нет? Он обрабатывал поле высоко в холмах, вдалеке от всех, в компании Бесс и Блоссом, двух крепких упряжных лошадок, тянувших навозный каток.

Поле было большим, а старушки лошадки — привычными к такому труду, и от него требовалось лишь время от времени тронуть вожжи, чтобы они не отклонялись в сторону. Роллер в отличие от старинных аналогов был не металлическим или каменным, а деревянным. Изнутри он наполнялся жидким перегнившим навозом, просачивавшимся в узкие щели между плашками, удобряя поле. Емкость постепенно опустошалась, и чем дальше двигались лошади, тем легче им становилось.

Джейми находил это новшество весьма полезным, он даже собирался сделать чертеж и переслать с оказией Айену. Все кухарки и конюхи только и судачили что о скором приходе цыган, значит, надо поторопиться, чтобы приложить чертеж к письму. Всякий раз, когда усадьбу посещали цыгане, лудильщики или бродячие торговцы, он отправлял с ними домой очередную весточку. Доставка могла занимать и месяц, и три, и полгода — порой письмо передавалось из рук в руки, но рано или поздно оно попадало в горную Шотландию, а там и в Лаллиброх, к его сестре, всегда щедро платившей за доставку.

Ответы из Лаллиброха приходили тем же самым «контрабандным»

путем, ибо официально как узник короны он состоял под гласным надзором и все, что он получал или отправлял, подлежало досмотру лордом Дансени.

При мысли о возможном получении письма из дома Джейми ощутил радостное волнение, но тут же подавил в себе это чувство — возможно, цыгане ничего и не привезут.

— Но! — прикрикнул он, исключительно ради порядка, поскольку Бесс и Блоссом видели приближающийся каменный забор не хуже его и прекрасно знали, что оттуда придется начинать медленный разворот.

Бесс прынула ухом и фыркнула. Джейми ухмыльнулся.

— Понимаю, старушка, ты и без меня все знаешь, — сказал он лошадке, слегка встряхнув поводья. — Но я ведь приставлен править лошадьми, а?

Потом они направились вдоль новой борозды, и ничто не нарушало однообразия этого движения, пока упряжка не добралась до стоявшей у нижнего края поля подводы, нагруженной навозом для пополнения емкости. Солнце светило ему в лицо, и он закрыл глаза, наслаждаясь ощущением тепла на голой груди и плечах.

Спустя четверть часа его дремота была прервана звонким ржанием лошади. Открыв глаза, прямо между ушами Блоссом Джейми увидел всадницу, поднимающуюся по тропе со стороны нижнего луга. Он поспешно сел и натянул рубашку через голову.

— Ты мог бы и не скромничать из-за меня, Маккензи, — прозвучал высокий, чуть запыхавшийся голос Джинивы Дансени.

Поравнявшись с упряжкой, она перевела свою кобылку на шаг.

— Мм...

От Джейми не укрылось, что девушка одета в свой лучший наряд с брошкой из дымчатого топаза на шее, а яркий румянец на ее щеках явно объясняется не только теплой погодой.

— Чем ты тут занимаешься? — спросила Джинива, проехав некоторое время в молчании.

— Разбрасываю навоз, миледи, — коротко ответил он, не глядя на нее.

— О!

Она проехала еще какое-то расстояние, прежде чем решилась продолжить разговор.

— Ты слышал, что я выхожу замуж?

Он знал; вся прислуга знала об этом уже с месяц. Ричардс, дворецкий, находился в библиотеке, прислуживал лорду, когда из Дервент-уотера приехал для подписания брачного контракта стряпчий. Леди Джиниве сообщили об этом два дня назад, и, по словам ее горничной Бетти, эта

новость девушку не обрадовала.

Он ограничился тем, что хмыкнул, демонстрируя, что не расположен к беседе.

— За Эллсмира, — сказала Джинива.

Щеки ее покраснелись сильнее, она поджала губы.

— Я желаю вам счастья, миледи.

Как только они добрались до края поля, Джейми слегка натянул вожжи и отвернулся. Настроение леди Джинивы казалось ему весьма опасным, и у него не было ни малейшего желания продолжать разговор.

— Счастья?! — воскликнула девушка.

Ее большие серые глаза сверкнули, и она хлопнула себя по бедру.

— Ты думаешь, это счастье — выйти замуж за человека, который мне в дедушки годится?

Джейми воздержался от замечания насчет того, что для графа Эллсмира надежды на счастье в браке, пожалуй, даже несколько скромнее ее собственных. Он лишь буркнул: «Прошу прощения, миледи» — и отправился отцеплять емкость для навоза.

Она спешила и пошла за ним.

— Это грязная сделка между моим отцом и Эллсмиром! Он хочет продать меня, в этом все дело. Моему отцу наплевать на меня, иначе он никогда не пошел бы на такой сговор. Разве ты не видишь, что моя молодость пропадает ни за что?

Джейми, напротив, считал, что лорд Дансени весьма заботливый отец и, вероятно, нашел для своей избалованной дочери самую лучшую партию. Спору нет, граф Эллсмир действительно был далеко не молод, а потому имелись все основания полагать, что через несколько лет Джинива останется очень богатой молодой вдовой и к тому же графиней. Впрочем, подобные соображения вряд ли могли иметь вес в глазах упрямой, дерзкой и избалованной семнадцатилетней стервочки.

— Я уверен, что ваш отец всегда действует исходя из ваших же интересов, миледи, — ответил он без всякого выражения.

Неужели эта маленькая чертовка не уйдет?

Как бы не так! Уходить она определенно не собиралась. Изобразив самую обаятельную улыбку, она подошла и остановилась рядом с ним, мешая ему открыть загрузочную крышку емкости.

— Из каких бы побуждений он ни действовал, со стороны отца просто бессердечно отдавать меня за иссохшее старое чучело.

Она поднялась на цыпочки, всматриваясь в лицо Джейми.

— Сколько тебе лет, Маккензи?

Его сердце на мгновение перестало биться.

— Я намного старше вас, миледи, — отрезал он. — Прошу прощения, миледи.

Ему удалось проскользнуть бочком мимо, не коснувшись ее, и вспрыгнуть на повозку с навозом, куда она, конечно же, за ним не последует.

— Но тебе еще рано на кладбище, а, Маккензи?

Она стояла прямо перед ним, прикрывая глаза рукой, всматриваясь вверх. Налетел ветерок, и ее каштановые локоны разметались вокруг лица.

— Ты когда-нибудь был женат, Маккензи?

Он стиснул зубы, одолеваемый желанием опрокинуть на ее каштановую головку полную лопату навоза, но подавил этот порыв и, воткнув лопату в кучу, буркнул: «Был» — тоном, который не располагал к дальнейшим расспросам.

Однако леди Джиниву чувства других людей не интересовали.

— Хорошо, — проговорила она с удовлетворенным видом. — Значит, ты знаешь, как это делается?

— Что?

Его лопата замерла в куче навоза, нога застыла на лопате.

— То, что делается в постели, — невозмутимо ответила девушка. — Я хочу, чтобы ты лег со мной в постель.

Воображению Джейми представилась немыслимая сцена: элегантная леди Джинива, задрав юбки, распростерлась в повозке прямо на куче навоза.

— Здесь? — прохрипел он, выронив лопату.

— Нет, дурачок! — раздраженно произнесла она. — В постели, настоящей постели. В моей спальне.

— Вы сошли с ума, — холодно сказал Джейми, слегка оправившись от потрясения. — Если вообще было с чего сходить.

Лицо ее вспыхнуло, глаза сузились.

— Как ты смеешь так говорить со мной!

— А как вы смеее так говорить со мной? — пылко ответил Джейми. — Девушка хорошего происхождения делает непристойное предложение мужчине вдвое старше ее! И к тому же конюху в поместье ее отца, — добавил он, вспомнив о своем положении, и от дальнейших замечаний воздержался.

В конце концов, не конюху же учить эту вздорную девчонку уму-разуму.

— Прошу прощения, миледи, — сказал он, не без усилия взяв себя в

руки. — Солнышко сегодня жаркое: вам, наверное, слегка припекло головку, вот в нее и полезли всякие глупости. Вам стоит немедленно вернуться домой и попросить горничную приложить к голове что-нибудь холодное.

Леди Джинива топнула ножкой, обутой в сафьяновый сапожок.

— С головой у меня все в порядке!

Она смотрела на него, сердито выставив подбородок, а поскольку он был маленьким и заостренным, как и зубы, это делало ее похожей на злобно оскалившуюся лисицу.

— Послушай меня, — сказала она — Я не могу помешать этому отвратительному браку. Но... — Она помедлила, потом решительно продолжила: — Я ни за что не отдам свою девственность этому мерзкому старому чудовищу Эллсмиру!

Джейми потер рукой рот. В известном смысле он даже испытывал к ней сочувствие. Но будь он проклят, если позволит этой маньячке в юбке вовлечь его в свои проблемы.

— Я ценю оказанную мне честь, миледи, — произнес он с иронией, — но я действительно не могу...

— Можешь. — Она откровенно таращилась на гульфик его грязных штанов. — Так говорит Бетти.

Это поразило Джейми настолько, что некоторое время ему не удавалось издать ни единого членораздельного звука. Наконец он набрал побольше воздуха в грудь и со всей решительностью, на какую был способен, заявил:

— Бетти не имеет ни малейшего основания делать выводы относительно моих способностей. Я к ней пальцем не прикасался.

Джинива радостно засмеялась.

— Ага, значит, не прикасался. Она тоже так говорила, но я подумала, что, может быть, она просто хочет избежать порки. Это хорошо. Я бы не смогла делить мужчину с моей служанкой.

Он тяжело задышал. Лучше всего было бы треснуть ее по голове лопатой или придушить, но поскольку такой вариант исключался, Джейми постарался взять себя в руки. В конце-то концов, при всем ее бесстыдстве, она вряд ли сможет и вправду затащить его в постель.

— Всего доброго, миледи, — сказал он как можно вежливее, после чего повернулся к ней спиной и начал забрасывать навоз в опустевшую емкость.

— Если ты этого не сделаешь, — нежно проворковала она, — я скажу отцу, что ты ко мне приставал. И он велит содрать кожу с твоей спины.

Джейми невольно опустил плечи. Но нет — она не могла знать. Он был осторожен и никогда не снимал рубашку в чьем-либо присутствии.

Он медленно повернулся и посмотрел на нее сверху вниз. Ее глаза светились торжеством.

— Может быть, ваш отец и не так хорошо знаком со мной, — спокойно произнес Джейми, — но вас-то он знает с рождения. Расскажите ему, и будь я проклят, если он вам поверит!

Джинива нахохлилась, как бойцовый петушок, ее лицо становилось все краснее.

— Вот как? — воскликнула она. — Что ж, тогда посмотри на это и будь ты и вправду проклят!

Джинива полезла за пазуху и вытащила толстое письмо, которым помахала перед носом у Джейми. Ему хватило одного беглого взгляда, чтобы узнать четкий почерк сестры.

— Отдайте!

Он спрыгнул с повозки и кинулся к ней, но она была слишком быстрой. Она вскочила в седло раньше, чем он успел схватить ее, и подала лошадь назад, правя поводьями одной рукой и издевательски помахивая письмом.

— Хочешь получить письмо, да?

— Да, хочу! Отдай его мне!

Он так рассвирепел, что готов был применить силу и применил бы, если бы ему удалось до нее добраться. Но ее гнедая кобылка уловила его настроение и попятилась, фыркая и встряхивая гривой.

— А мне кажется, я не должна этого делать.

С лица ее сошел багровый румянец злости, и теперь на нем играла насмешливая и одновременно кокетливая улыбка.

— В конце концов, дочерний долг обязывает меня отдать его отцу. Он ведь должен знать о том, что его слуги ведут тайную переписку. А я послушная долгу дочь, раз покорно соглашаюсь на этот брак.

Она наклонилась над передней лукой седла, и Джейми, охваченный новым приливом ярости, понял, что она наслаждается его бессилием.

— Я думаю, что папе будет интересно его почитать, — продолжила Джинива. — Особенно о золоте, которое будет переправлено в Лошель во Франции. Разве оказание помощи врагам короля не является государственной изменой? — Она проказливо поцокала языком и покачала головой. — Измена — как это нехорошо!

Джейми остолбенел от ужаса. Имеет ли эта дрянь хоть какое-то представление о том, сколько жизней зажато в ее белой с маникюром

ручке? Его сестры, Айена, шестерых их детей, всех арендаторов Лаллиброха с их семьями и, может быть, даже жизни тех агентов, которые осуществляли перевозку денег и посланий между Шотландией и Францией, поддерживая скудное существование изгнанников-якобитов.

Прежде чем заговорить, ему пришлось сглотнуть, и не раз.

— Ладно, — сказал он.

На лице Джинивы появилась иная, более естественная улыбка, и Джейми вдруг понял, как она молода. Впрочем, укус молодой гадюки не менее ядовит, чем укус старой.

— Я не расскажу, — заверила она его с серьезным видом. — Я отдам тебе это письмо сразу после того, как у нас все будет. И никому не скажу, что в нем было. Обещаю.

— Спасибо.

Он призвал на помощь весь свой разум, чтобы придумать приемлемый план. Впрочем, о каком разуме может идти речь, если он собирается явиться в дом своего хозяина и лишит его дочь девственности, пусть и по ее настоятельной просьбе? Это чистой воды безумие!

— Ладно, — повторил он. — Но нам нужно быть осторожными.

С ощущением тупого ужаса он осознал, что она вовлекает его в опасный заговор.

— Да. Не беспокойся. Я могу устроить так, что мою горничную отошлют, а лакей пьет, он всегда засыпает еще до десяти часов.

— Вот и устрой, — сказал он, чувствуя, что его мутит. — Только выбери безопасный день.

— Безопасный день? — не поняла она.

— Не позже чем через неделю после месячных, — с грубой прямоотой сказал Джейми. — Чем ближе к ним, тем меньше вероятность понести.

— О!

Она порозовела, но посмотрела на него с новым, особым интересом.

Они долго смотрели друг на друга и молчали, неожиданно объединенные тем, что их ожидало.

— Я дам тебе знать, — сказала Джинива и, развернув лошадь, поскакала галопом через поле.

Из-под копыт кобылы взметались комья недавно разбросанного навоза.

Чертыхаясь про себя и радуясь тому, что луна еле светит, Джейми проскользнул под листовенницами, пересек открытую лужайку, утопая по колено в водосборе и дубровнике, и оказался прямо под мрачно нависавшей над ним стеной.

Да, вот и свеча в окне — как она и говорила.

Свеча свечой, но Джейми снова пересчитал окна, чтобы не ошибиться.

«Господи, помоги, если я влезу не в то», — мрачно подумал он и, ухватившись за стебель сплошь покрывавшего стену серого плюща, начал подъем.

Шорох листьев звучал в его ушах ураганом, а стебли, хоть и крепкие, поскрипывали и угрожающе провисали под его весом. Ему ничего не оставалось, кроме как карабкаться возможно быстрее, будучи готовым, если какое-то другое окно вдруг откроется, соскочить и скрыться в ночи.

Когда Джейми забрался на балкон, сердце его бешено колотилось и он весь вспотел, несмотря на прохладу ночи. Немного постояв, чтобы отдышаться, под бледными весенними звездами, он уже в который раз мысленно проклял Джиниву Дансени, а потом распахнул балконную дверь.

Видимо, она слышала, как он поднимается по плющу, и ждала его, потому что сразу же встала и двинулась навстречу. Подбородок ее был вздернут, волосы распущены по плечам.

Ее ночная рубашка из тонкой, полупрозрачной ткани с шелковым бантом у горла мало походила на обычный девичий спальный наряд, и Джейми с изумлением понял, что она надела сорочку, предназначенную для первой брачной ночи.

— И все-таки ты пришел.

В ее голосе он уловил нотку торжества, но и легкую дрожь. Значит, до последнего момента она не была в этом уверена.

— У меня не было особого выбора, — отозвался он и повернулся, чтобы закрыть за собой дверь.

— Хочешь вина?

Желая выказать любезность, она подошла к столу, на котором стоял графин с двумя бокалами. Ему оставалось лишь подивиться, как она все это устроила. Впрочем, от вина в данной ситуации отказываться явно не стоило.

Он кивнул и принял из ее рук полный бокал.

Потягивая вино, Джейми искоса поглядывал на Джиниву. Ночная рубашка почти не скрывала ее тела, и теперь, когда он пришел в себя после подъема, его первоначальные опасения насчет того, удастся ли ему исполнить свою часть уговора, полностью исчезли. Даже несмотря на некоторую угловатость, узкие бедра и маленькую грудь, ее сложение было достаточно женственным.

Выпив, он поставил бокал и, решив, что тянуть нет никакого смысла, резко бросил:

— Письмо!

— Потом, — сказала она, поджав губы.

— Сейчас, или я уйду.

И он повернулся к окну, как будто собираясь исполнить свою угрозу.

— Постой!

Джейми обернулся и взглянул на нее с плохо скрываемым раздражением.

— Ты мне не доверяешь? — спросила Джинива, изобразив очаровательную улыбку.

— Нет, — откровенно ответил он.

Она рассердилась и обиженно выпятила нижнюю губку, но Джейми смотрел на нее через плечо, всем своим видом выражая готовность выйти в окно и покинуть спальню.

— Ну ладно, — промолвила Джинива, пожав плечами.

Порывшись в шкапулке с принадлежностями для шитья, она нашла письмо и бросила его на умывальник, стоящий рядом с Джейми.

Он схватил письмо, развернул и, убедившись, что это именно то послание, узнав аккуратный, ровный почерк Дженни, испытал одновременно и злость — оттого, что оно было вскрыто чужой рукой, — и огромное облечение.

— Ну? — нетерпеливо сказала Джинива. — Положи его и подойди сюда, Джейми. Я готова.

Она села на постель, обняв руками колени. Он застыл, а когда повернулся к ней, устремленный вверх листов взгляд его голубых глаз был холоден как лед.

— Не называй меня так, — сурово произнес он.

Она задрала голову чуть повыше и подняла выщипанные брови.

— Почему? Это же твое имя. Так называет тебя сестра. Помедлив, он демонстративно отложил письмо в сторону и наклонился, чтобы расшнуровать штаны.

— Я обслуживаю тебя должным образом, — сказал Джейми, глядя на свои деловито работающие пальцы, — ради моей собственной мужской чести и твоей чести женщины. Но, — он поднял голову и, прищулив глаза, впился в нее взглядом, — но поскольку ты затащила меня в постель, угрожая моей семье, я не позволю тебе называть меня тем именем, которое они мне дали.

Он стоял неподвижно, не спуская с нее глаз. В конце концов Джинива слегка кивнула, виновато опустила глаза и начала чертить пальцем на простыне невидимый узор.

— Как же мне тебя называть? — наконец тихо спросила она.

— Называй меня Алексом. Это тоже мое имя.

Она вновь кивнула. Ее волосы свесились вниз, закрывая лицо, но он заметил, как блеснули ее глаза, когда она бросила взгляд исподлобья.

— Все в порядке, — грубовато бросил он. — Можешь на меня смотреть.

Джейми спустил штаны, скатав вместе с ними и чулки, повесил, аккуратно сложив, на кресло и, чувствуя на себе ее хоть и робкий, но прямой взгляд, начал расстегивать рубашку, а перед тем, как снять ее, повернулся к Джиниве лицом, не желая показывать изуродованную спину.

Девушка тихо ойкнула.

— Что-то не так? — спросил он.

— Нет... просто, я хотела сказать, что не ожидала...

Волосы снова упали ей на лицо, но он успел заметить, как покраснели ее щеки.

— Ты, наверное, раньше не видела обнаженного мужчину? — высказал догадку Джейми.

Блестящая каштановая головка качнулась назад и вперед.

— Ну, — неуверенно пролепетала она, — я видела, только... это не было...

— Что ж, обычно он выглядит немного не так, — будничным голосом произнес Джейми, усаживаясь рядом с ней на кровать, — но если мы с тобой собираемся заняться любовью, он должен быть именно таким.

— Понимаю, — сказала Джинива с сомнением в голосе.

Джейми попытался улыбнуться, чтобы приободрить ее.

— Не бойся. Больше он не станет. И если захочешь дотронуться до него, худого не случится.

По крайней мере, он надеялся на это. Находясь обнаженным так близко от полуодетой девушки, он с трудом сдерживался. Его изголодавшемуся естеству было безразлично, что эта девушка всего лишь эгоистичная сучка и к тому же шантажистка. К счастью, его предложение было отвергнуто, и Джинива чуть отодвинулась к стене, но продолжала глазеть на него. Джейми задумчиво потер подбородок.

— Что тебе известно об... Я хотел спросить, ты хоть знаешь, как это происходит?

Девушка покраснела, но ее взгляд оставался прямым и простодушным.

— Я думаю, так же, как у лошадей.

Джейми кивнул и с внезапной болью вспомнил свою первую брачную ночь. Тогда он тоже считал, что это должно быть как у лошадей.

Он прокашлялся.

— Ну примерно так. Хотя медленнее. И гораздо нежнее, — добавил он, заметив испуг в ее глазах.

— О-о. Это хорошо. Кормилицы и горничные любят рассказывать разные истории о... о том, что бывает, когда люди женятся... и это звучит довольно страшно. — Джинива судорожно сглотнула. — Будет очень больно?

Она внезапно подняла голову и взглянула ему в глаза.

— Мне вообще-то все равно, — храбро продолжила она, — я только хочу знать, чего ожидать.

Неожиданно для себя Джейми почувствовал к ней симпатию. Да, она испорченная, себялюбивая и безрассудная, но у нее есть характер. Для него смелость была не последней добродетелью.

— Надеюсь, будет не очень больно, — ответил он, — если у меня хватит времени подготовить тебя.

«Если я не сорвусь», — подумал он.

— Наверное, это немного похоже на щипок.

С этими словами он ущипнул Джиниву за руку. Она вздрогнула, потеряла больное место и улыбнулась:

— Это-то я выдержу.

— Неприятно только в первый раз, — заверил ее Джейми. — Потом будет гораздо лучше.

Чуть колебавшись, она кивнула, придвинулась к нему и робко протянула руку.

— Можно дотронуться до тебя?

Он подавил готовый вырваться смех.

— По-моему, дорогая, ты должна это сделать, раз мы собираемся заняться тем, о чем ты меня попросила.

Она медленно провела ладонью по его руке, так нежно, что прикосновение щекотало и его кожа покрылась мурашками. Набравшись смелости, она обхватила рукой его предплечье.

— Ты такой... мощный.

Он улыбнулся, но остался неподвижным, предоставив ей возможность исследовать его тело столько, сколько она пожелает. Он почувствовал, как мускулы живота напряглись, когда она погладила его по бедру и робко обрисовала изгиб ягодицы. Ее пальцы приблизились к извилистой, узловатой линии шрама, который проходил по всему его левому бедру, и здесь замерли.

— Все в порядке, — заверил он ее. — Это больше не болит.

Джинива промолчала и легко, без нажима, провела двумя пальцами по

всей длине шрама.

Пытливые руки, становясь смелее, скользнули по изгибам его плеч, по спине — и снова замерли. Джейми закрыл глаза и ждал, ощущая ее движения по перемещению ее веса на матрасе. Она передвинулась ему за спину и замерла. Послышался прерывистый вздох, и руки снова с трепетной нежностью коснулись его исполосованной рубцами спины.

— И ты не испугался, когда я сказала, что тебя высекут?

Ее голос прозвучал странно хрипло, но он не шелохнулся и не открыл глаз.

— Нет, — ответил он. — Я теперь вообще мало чего боюсь.

На самом деле Джейми боялся, что не сможет, когда придет время, проявить надлежащую деликатность — его пах уже распирала боль вожделения, и он ощущал отдающееся в висках биение своего сердца.

Она встала с постели и остановилась перед ним. Джейми внезапно поднялся, и она испуганно отступила на шаг, но он удержал ее за плечи.

— Можно теперь мне дотронуться до вас, миледи?

Слова были произнесены шутливым тоном, но прикосновение таковым не было.

Не в силах говорить, Джинива ограничилась кивком.

Джейми обнял ее, прижал к груди и не двигался до тех пор, пока ее прерывистое дыхание не стало ровным. Чувства его были противоречивы. До сих пор он никогда не обнимал женщину, не испытывая любви, хотя бы влюбленности, но здесь ни о чем подобном не могло быть и речи. Если что и имело место, то нежность к ее юности и сочувствие к ее ситуации, сочетавшиеся со злостью из-за того, что она им манипулировала, и страхом перед величиной преступления, которое он намеревался совершить. И над всем господствовало неумолимо нарастающее вожделение, которого он стыдился, но которому не мог противиться. Ненавидя себя, он опустил голову и взял ее лицо в ладони.

Первый поцелуй был коротким и нежным, второй — более настойчивым. Она затрепетала. Джейми неторопливо развязал шнурки ее одеяния, спустил его с ее плеч, а потом поднял ее и положил на постель.

Лежа рядом с ней и обнимая ее одной рукой, другой он ласкал ее груди, давая ей возможность насладиться этими прикосновениями.

— Мужчина должен воздать должное твоему телу, — тихо сказал Джейми, возбуждая по очереди соски легкими, круговыми касаниями. — Ибо ты прекрасна.

У нее перехватило дыхание, но потом девушка расслабилась. Он не торопился, двигался как можно медленнее, то поглаживая, то целуя, легко

касаясь всего ее тела. Ему не нравилась эта девушка, он не хотел быть здесь, не хотел этого делать, но прошло более трех лет с тех пор, как он касался женского тела.

Джейми попытался прикинуть, когда она будет готова, но как, черт возьми, можно это определить? Она покраснелась и тяжело дышала, но просто лежала рядом, как фарфоровая статуэтка. Чертова девица, неужели она не может дать ему подсказку?

Он взъерошил волосы дрожащей рукой, стараясь справиться со смешанными чувствами, которые охватывали его все сильнее с каждым ударом сердца. Он был зол, испуган и сильно возбужден — все это ему сейчас только мешало. Джейми закрыл глаза и глубоко задышал, пытаясь успокоиться. Нет, конечно, она не могла дать ему понять, ведь ей никогда еще не доводилось иметь дело с мужчиной. Еехватило на то, чтобы устроить это тайное свидание, вынудить его прийти сюда, но все дальнейшие действия ему следовало предпринимать самому, исходя из собственного опыта.

Он коснулся живота девушки и нежно погладил ее между бедер. Она не раздвинула их для него, но и не сопротивлялась. Промежность ее уже увлажнилась. Может быть, пора?

— Хорошо, — шепнул он ей, — не тревожься, mo chridhe. Бормоча ей что-то, что могло сойти за успокаивающие слова, он взобрался на нее и коленом раздвинул ей ноги. Он почувствовал, что она вздрогнула, когда жар его тела накрыл ее, и запустил руки в ее волосы, чтобы успокоить, продолжая тихо приговаривать по-гэльски.

«Хорошо, что по-гэльски», — промелькнула отстраненная мысль, ибо он уже сам плохо осознавал, что именно говорит.

Ее маленькие крепкие груди терлись о его грудь.

— Mo nighean, — пробормотал он.

— Подожди минутку, — сказала Джинива. — По-моему... может быть...

От усилия держать себя в руках у него закружилась голова, но он продвигался внутрь медленно, чуть ли не по дюйму.

— Ой! — сказала Джинива, глаза ее расширились.

Джейми охнул и продвинулся чуть глубже.

— Прекрати это! Он слишком большой! Вынь его!

Испуганная Джинива забилась под ним. Ее груди терлись о его грудь, и его собственные соски напряглись.

Она пыталась сопротивляться, Джейми не отпускал ее, хотя и старался делать это деликатно, судорожно подыскивая слова, которые могли бы ее

успокоить.

— Прекрати это! — выдохнула Джинива.

— Я...

— Вынь его! — завизжала она.

Он закрыл ей рот рукой и произнес единственное, что смог придумать:

— Нет.

И решительно вошел еще глубже.

Глаза Джинивы округлились, у нее вырвался крик, но он был заглушен его ладонью.

«Семь бед — один ответ!» — вспомнилось ему присловье, как нельзя лучше соответствовавшее ситуации. Пути назад все равно не было, и он сделал то единственное, что мог, — отдался безжалостному ритму собственного тела, вожделеющего невыразимого блаженства.

Джейми потерял представление о действительности и пришел в себя, лишь когда, уже опустошенный, лежал на боку рядом с Джинивой, слыша бешеный стук своего сердца.

С трудом подняв веки и увидев в свете лампы мерцание розовой кожи, Джейми подумал, что нужно посмотреть, не причинил ли он ей слишком много боли. Но, господи, не сейчас. Он снова закрыл глаза, позволив себе просто лежать и дышать.

— О чем... о чем ты думаешь? — нерешительно спросила Джинива.

Ее голос слегка дрожал от потрясения, но в нем не было истеричных ноток. Будучи слишком потрясен и сам, Джейми не заметил нелепости вопроса и в ответ сказал чистую правду:

— Я думал: и чего ради, во имя Господа, мужчины стремятся заполучить в постель девственниц?

Последовало долгое молчание, потом Джинива прерывисто задышала и прошептала:

— Прости. Я не знала, что это причинит боль и тебе.

Он в изумлении открыл глаза и, приподнявшись на локте, уставился на Джиниву, которая смотрела на него, как испуганная молодая лань. Она была бледна и облизывала пересохшие губы.

— Причинит боль мне? — переспросил он, не понимая в чем дело... Мне вовсе не было больно.

— Но... — Она наморщила лоб, медленно обводя взглядом его тело. — Мне так показалось. У тебя было зверское лицо, как будто тебе было страшно больно, и ты... ты стонал, как...

— Ах это, — торопливо перебил он ее, прежде чем она успела сообщить о других нелестных наблюдениях за его поведением. — Я не

собирался... я хочу сказать, что это обычная манера мужчин, они ведут себя так, когда... делают это, — неловко закончил он.

Ее удивление сменилось любопытством.

— Неужели все мужчины ведут себя так, когда... занимаются этим?

— Да откуда мне... — раздраженно начал Джейми и остановился, внезапно поняв, что на самом деле знает ответ на этот вопрос — Ну да, — буркнул он, рывком сел и отбросил волосы со лба. — Мужчины — отвратительные животные. Няня наверняка тебе об этом рассказывала. А тебе очень больно?

— Ничего страшного, — ответила Джинива, для пробы подвигав ногами. — Сначала да, было больно, но, как ты и предупреждал, недолго. А сейчас уже почти прошло.

Он вздохнул с облегчением, увидев, что пятно крови на простыне было небольшим, да и боли девушка, похоже, действительно уже не испытывала. Она тем временем опустила руку к промежности и скорчила гримасу отвращения.

— Фу! Липко и гадко!

Джейми бросило в жар от возмущения и неловкости.

— На, возьми, — пробормотал он и потянулся за полотенцем с умывальника.

Джинива, однако, не взяла его, а раздвинула ноги и слегка выгнула спину, очевидно ожидая, что устранением последствий займется он. У него возникло сильное желание засунуть полотенце прямо ей в глотку, но он подавил его, взглянув на письмо. В конце концов, они заключили сделку и свое слово она сдержала.

Джейми намочил салфетку и начал протирать ей промежность с весьма угрюмым видом, но потом доверие, с которым она предоставила себя в его распоряжение, показалось ему даже трогательным, и, деликатно завершив процедуру, он неожиданно для себя коснулся ее лобка легким поцелуем.

— Ну вот и все.

— Спасибо, — сказала Джинива.

Она слегка подвигала бедрами, а потом протянула руку и коснулась его. Джейми лежал неподвижно, ощущая, как ее пальцы скользнули по его груди, задержались у глубокой впадины пупка, а потом нерешительно стали спускаться ниже.

— Ты сказал, что... в следующий раз будет лучше, — прошептала она.

Джейми закрыл глаза и глубоко вдохнул. До рассвета было далеко.

— Думаю, что да, — сказал он и снова растянулся рядом с ней.

— Алекс?

Имя буквально вытянуло его из сна, и ему потребовалось усилие, чтобы ответить.

— Миледи?

Она обняла его за шею и пристроила головку в изгибе его плеча, обдавая грудь теплом своего дыхания.

— Я люблю тебя, Алекс.

Он с трудом пробудился достаточно, чтобы отстранить ее от себя, взял за плечи и поглядел прямо в серые глаза, нежные, как у лани.

— Нет, — сказал он, мягко покачав головой. — Это третье правило. Мы договаривались только на одну ночь, не больше. И ты не должна называть меня по имени. И ты не должна любить меня.

На серые глаза навернулись слезы.

— Но если я ничего не могу с собой поделать?

— То, что ты сейчас чувствуешь, не любовь.

Джейми надеялся, что прав, и ради себя, и ради нее.

— Это всего лишь чувство, которое я пробудил в твоём теле. Чувство сильное и хорошее, но это не то же самое, что любовь.

— А в чем разница?

Он сильно потер лицо руками. Надо же, она еще и философ!

Прежде чем ответить, Джейми сделал глубокий вдох.

— Ну в общем, любовь — это чувство, которое испытываешь только к одному человеку. А то, что ты испытала со мной, ты можешь испытывать с любым мужчиной.

Только к одному человеку. Он решительно отмел в сторону мысль Клэр и устало наклонился, чтобы продолжить свою работу.

Тяжело приземлившись на клумбу и основательно помяв при этом несколько нежных побегов, Джейми поежился. Этот предрассветный час был не только самым темным, но и самым холодным, и его тело решительно возражало против того, чтобы покидать теплое уютное гнездышко и отправляться на холод в темноту, будучи защищено от ледяного ветра лишь тонкой рубашкой и штанами.

Он вспомнил теплую розовую щеку, которую, наклонившись, поцеловал перед уходом. Его пальцы еще помнили очертания нежной плоти даже в то время, когда он нащупывал в темноте каменную стену конюшни. Джейми вымотался до крайности, так что подтянуться и перелезть через стену стоило ему немалых усилий, однако о том, чтобы войти через ворота, не могло быть и речи. Ведь их скрип может разбудить Хью, главного конюха.

Прокравшись через внутренний двор, заставленный повозками с сундуками и тюками, уже подготовленными к предстоящему после намеченного на четверг бракосочетания переезду леди Джинивы в дом ее нового господина, Джейми распахнул дверь конюшни и взобрался по лестнице на сеновал. Он улегся на ледяную солому и накрылся одеялом, чувствуя себя совершенно опустошенным.

Глава 15

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Хэлуотер, январь 1758 года

Как нарочно, в тот день, когда эта новость добралась до Хэлуотера, погода стояла скверная. Штормило. Из-за сильного ливня послеобеденные занятия пришлось отменить, и довольные лошадки стояли внизу в своих стойлах. Они жевали корм, пофыркивали, переступали копытами, и эти мирные, домашние звуки поднимались к сеновалу, где в гнездышке из сена с книгой в руках удобно устроился Джейми Фрэзер.

То была одна из нескольких книг, которые он взял почитать у управляющего именем мистера Гривса, и хотя читать при скудном свете, проникавшем сквозь щели под скатами крыши, было трудно, чтение его захватило.

«Мои губы, которые я подставила ему так, чтобы он не мог уклониться и не поцеловать их, воодушевили его. Теперь, глядя на ту часть его одежды, которая прикрывала главный объект наслаждения, я обнаружила там взбухание и напряжение. Поскольку я зашла уже слишком далеко, чтобы остановиться на пути наслаждения, да, по правде, уже не могла ни сдерживать себя, ни ждать, пока он преодолет свою стыдливость, то сама украдкой скользнула рукой по его бедру и ощутила возбужденную, затвердевшую плоть».

— Ну и ну! — скептически заметил Джейми, подняв брови и с шуршанием переместившись на сене.

Он, конечно, знал о существовании таких произведений, но, поскольку все книги для Лаллиброха заказывала Дженни, до сих пор ему не доводилось читать чего-либо подобного. Эти книги вызывали совсем иные чувства, нежели сочинения месье Дефо и Филдинга, но он был не против разнообразия.

«Невероятный размер этого стержня живой плоти, твердой, как слоновая кость, и вместе с тем нежной и бархатистой, в чем она могла соперничать с деликатнейшими местами женского тела, поверг меня в восторженное содрогание. Изысканную, подернутую прожилками белизну этого отростка ничуть не портила поросль курчавых черных волос у основания — напротив, все это вместе составляло самое волнующее и вдохновляющее сочетание. Воистину, то был предмет ужаса и восторга!»

Джейми взглянул на свой пах и хмыкнул, но перевернул страницу. Он

был настолько поглощен чтением, что ни раскат грома, ни раздавшийся через некоторое время внизу шум не привлекли его внимания, тем более что звуки голосов приглушались дождем, барабанившим по планкам в нескольких футах над его головой.

— Маккензи!

Зычный оклик снизу наконец дошел до него. Он поспешно поднялся на ноги и, поправляя одежду, направился к лестнице.

— Да?

Свесив голову через край сеновала, Джейми увидел Хью, который как раз собирался окликнуть его снова.

— А, вот ты где.

Хью, морщась, поманил его узловатой рукой. В сырую погоду Хью сильно страдал от ревматизма, а потому всю эту бурю просидел, не высовываясь, в своей каморке рядом с кладовой, где у него была койка. Это время он провел в компании с кувшином такого забористого пойла, что духом его шибало до самого сеновала, а по мере того, как Джейми спускался по лестнице, запах становился еще сильнее.

— Подготовь карету, нужно отвезти лорда и леди Дансени в Эллсмир, — сказал ему Хью, как только его нога ступила на каменные плиты конюшни.

Главный конюх рискованно шатался, тихо икая.

— Прямо сейчас? Ты что, рехнулся, старик? Или просто пьян?

Джейми выглянул в дверь, оставшуюся полуоткрытой позади Хью, и увидел сплошную стену дождя. Как раз в этот миг вспышка молнии высветила четкий рельеф горы, оставив после исчезновения отпечаток на сетчатке. Джейми потряс головой, чтобы прояснить зрение, и тут увидел идущего, пригнувшись под ветром и дождем, через двор кучера Джеффриса. Намокший плащ облепил его со всех сторон. Да, похоже, поездка — это не пьяная фантазия Хью.

— Джеффрису нужно помочь с лошадьми!

Хью пришлось придвинуться ближе и кричать, чтобы его было слышно в шуме бури. На таком близком расстоянии запах грубого пойла был просто головокружительным.

— Но зачем? Зачем лорду Дансени... вот дерьмо!

Глаза главного конюха были красными и слезились — ждать от него толковых разъяснений явно не стоило. Раздраженно махнув рукой, Джейми протиснулся мимо него и, перемахивая через две ступеньки зараз, снова взбежал по лестнице.

Чтобы накинуть плащ и спрятать в сено книгу (работники конюшни не

чтили чужую собственность), ему потребовалось не больше пары минут, после чего он вновь спустился и вышел в ревущую бурю.

Поездка оказалась сущим кошмаром. Порывы ветра достигали порой такой силы, что грозили опрокинуть громоздкий экипаж. Джейми сидел на козлах рядом с Джеффрисом, промокший и продрогший, ибо против такого дождя его плащ был никудышной защитой. К тому же каждые несколько минут ему приходилось спускаться, чтобы вытолкнуть колесо из очередной грязной колдобины.

Впрочем, Джейми почти не замечал физических неудобств путешествия, ломая голову над возможными его причинами. Ясно, что лорд Дансени не отправился бы в такую непогоду по разбитой, раскисшей дороге в Эллсмир без острой необходимости. По всему выходило, что побудить его к этому могло лишь беспокойство о леди Джиниве или ее ребенке.

Узнав из болтовни прислуги, что леди Джинива должна родить в январе, он быстренько отсчитал назад, в очередной раз мысленно обругав Джиниву, и тут же торопливо прочел молитву о ее благополучном разрешении. А потом постарался выбросить это из головы. В конце концов, он был близок с ней всего три раза до ее свадьбы и никакой уверенности тут быть не могло.

Неделю назад леди Дансени уехала в Эллсмир, чтобы быть с дочерью. С той поры она каждый день отправляла домой посланцев за дюжиной вещей, которые она забыла взять с собой и которые ей срочно потребовались, и каждый из них по приезду в Хэлуотер докладывал, что «новостей пока нет». Теперь новости появились, и, очевидно, плохие.

Возвращаясь к переднему кареты после последнего сражения с грязью, он увидел испуганное и озабоченное лицо леди Изабель, которая выглядывала из-под слюдяной шторки, прикрывавшей окошко.

— Ой, Маккензи! — пролепетала она. — Скажи, пожалуйста, еще долго?

Чтобы перекрыть шум ветра, дождя и бурлящей воды в сточных канавах по обе стороны, ему пришлось приникнуть к самому окошку.

— Джеффрис говорит, что еще четыре мили, миледи! Часа два, может быть.

«Если эта чертова раздолбанная карета с ее злополучными пассажирами не свалится с Эшнесского моста в озеро Уотенлеф», — добавил он про себя.

Изабель кивнула в знак благодарности и опустила шторку, но он успел заметить, что щеки ее мокрые не столько от дождя, сколько от слез. Змейка

тревоги, оббившаяся вокруг сердца, заскользила ниже, скручивая в узел желудок.

Лишь по прошествии трех часов карета въехала во двор Эллсмира. Лорд Дансени выскочил из кареты и, задержавшись на миг, чтобы предложить руку своей младшей дочери, поспешил в дом.

Потребовался еще почти час, чтобы распрячь и протереть лошадей, смыть налипшую грязь с колес кареты, закатить экипаж в каретный сарай и разместить коней в стойлах. Только после этого Джеффрис и Джейми, окоченевшие, усталые и голодные, позволили себе отправиться на кухню Эллсмира отогреться и подкрепиться.

— Бедолаги, вы же совсем посинели от холода! — воскликнула кухарка. — Садитесь сюда, я живо сготовлю горяченького.

Ее нетипичная для поварихи внешность — она была худощавой, с резкими чертами лица — никак не сказалась ни на радушии, ни на кулинарных способностях, ибо в считанные минуты она приготовила и поставила перед ними ароматный омлет с щедрыми порциями хлеба и масла, а заодно и маленький горшочек с джемом.

— Славно, очень даже славно! — заявил Джеффрис, бросив одобрительный взгляд на накрытый стол, после чего подмигнул кухарке и добавил: — Все чудесно, но мне кажется, тут не помешала бы еще капелька чего-нибудь согревающего. Ты ведь сжалишься над продрогшими бедными парнями, дорогая?

То ли ее убедила его ирландская обходительность, то ли вид их насквозь промокшей одежды, с которой капала вода и струился пар, но рядом с мельницей для перца появилась бутылочка домашнего бренди. Джеффрис налил себе большую рюмку и без колебаний выпил ее залпом, причмокнув губами.

— Вот так-то лучше! Давай и ты, парень.

Он передал бутылку Джейми, а сам с удовольствием занялся омлетом и болтовней с женской прислугой.

— Ну и как тут дела? Ребенок-то родился или нет?

— Родился, прошлой ночью, — живо отозвалась помощница кухарки. — Мы всю ночь провели на ногах. Как приехал доктор, велено было греть воду да таскать чистые простыни и полотенца. Забегались все, весь дом вверх тормашками. Но младенец — это еще не все!

— Ладно тебе, — буркнула кухарка, неожиданно помрачнев, — У нас работы не впрокорот, а некоторым лишь бы лясы точить. Давай-ка за дело, Мэри Энн: сбегай в кабинет, узнай, может, его милость хочет, чтобы подали что-нибудь еще.

Джейми, вытирая тарелку ломтиком хлеба, заметил, что служанка, ничуть не смутившись упреком, резво удалилась, из чего он сделал вывод, что в кабинете происходило нечто любопытное.

Зато повариха, получив гостей в свое безраздельное распоряжение, тут же и с немалым удовольствием принялась сплетничать.

— Так вот, началось все несколько месяцев назад, когда у леди Джинивы, бедняжки, появились первые признаки. Надо сказать, его милость, как они поженились, души в ней не чаял, пылинки, можно сказать, сдувал. Все для нее делал, что она ни захочет, заказывал из Лондона всякие разности, все время спрашивал, тепло ли ей. Ела все, что душе угодно. Ну просто сам был не свой, его, стало быть, милость. Но потом, когда он узнал, что она ждет ребенка...

Повариха выдержала паузу, и на ее лице появилось загадочное выражение.

Джейми отчаянно хотелось узнать про ребенка: какой он, как себя чувствует. Но поторопить женщину не было никакой возможности, и он подался вперед, всячески выказывая заинтересованность.

— Такое началось! Крики, ругань! Она плачет, а его милость бранит ее такими словами, какие и на конюшне—то говорить стыдно. Вот я и сказала Мэри Энн, когда она сказала мне...

— Выходит, его милость не был рад ребеночку? — нетерпеливо перебил ее Джейми.

К тому времени омлет комом застрял у него где-то за грудиной, и он сделал большой глоток бренди в надежде протолкнуть этот ком в желудок.

Повариха скосила на него блестящий птичий глаз, выгнула бровь, как бы оценивая его смекалку, и хмыкнула.

— Да, парень, ты прав. Вроде бы ему надо радоваться. Да только не тут—то было. Не тут—то было! — многозначительно повторила женщина.

— А почему? — спросил Джеффрис без особого интереса.

— Он сказал, — повариха понизила голос в восторге от скандальности информации, — что ребенок не его!

Джеффрис, опрокинув вторую стопку, презрительно хмыкнул.

— Старый козел с молоденькой козочкой? Оно, конечно, тут всякое может случиться, но откуда его милости знать, чей это ребенок? Он с таким же успехом может быть и от него, и как ни крути, а главное всего тут слово его леди!

Тонкие губы поварихи растянулись в широкой злорадной улыбке.

— Ну я же не говорю, будто он знал, чей это ребенок, но ведь есть один верный способ узнать, что он не его!

Джеффрис устался на повариху, откинувшись на спинку стула:

— Что? Ты хочешь сказать, что его милость не способен?

При этой мысли его обветренное лицо расплылось в широкой ухмылке. Джейми почувствовал, как омлет снова поднимается к горлу, и торопливо хлебнул бренди.

— Ну, точно я сказать не могу... — Повариха чопорно поджала губы, но потом добавила: — Но вот горничная мне рассказывала, что простыни с их брачной постели после первой ночи остались такими же белыми, какими их постелили.

Это было уже слишком. Перебив довольный смешок Джеффриса, Джейми с глухим стуком поставил свой стакан и спросил напрямик:

— Ребенок жив?

Кухарка и Джеффрис уставились на него с удивлением, но женщина после короткого замешательства кивнула.

— Ну да, конечно. И к тому же славный здоровый малыш, как я слышала. Я думала, ты уже знаешь об этом. Вот мать его, та, бедняжка, померла.

После этого заявления на кухне воцарилось молчание — известие о смерти отрезвило даже Джеффриса. Он помолчал, торопливо перекрестился, пробормотал: «Господи, упокой ее душу» — и залпом допил свой бренди.

Джейми почувствовал жжение в горле то ли от бренди, то ли от слез. Потрясение и печаль душили его, как будто в глотке застрял моток пряжи, и ему едва удалось прохрипеть:

— Когда?

— Сегодня утром, — ответила кухарка, скорбно качая головой. — Как раз перед полуднем. Бедняжка. Некоторое время думали, что она оправится. После родов, стало быть. Мэри Энн сказала, что она сидит, держит малютку и смеется.

Женщина тяжело вздохнула.

— Но недолго она смеялась, да. Перед рассветом у нее опять открылось кровотечение. Снова вызвали доктора, и он приехал так быстро, как мог, но...

Распахнувшаяся дверь прервала ее. Это была Мэри Энн с широко раскрытыми глазами под чепчиком, она задыхалась от волнения и напряжения.

— Ваш хозяин требует вас! — выпалила она. Взгляд ее метался между Джейми и кучером, — Вас обоих — и немедленно, и, о сэр, — она кивнула на Джеффриса, — он сказал, чтобы вы захватили пистолеты!

Кучер испуганно переглянулся с Джейми, вскочил на ноги и помчался к конюшне. Как всегда, под сиденьем возницы на случай нападения разбойников хранилась пара заряженных пистолетов.

Джеффрису потребовалось всего несколько минут, чтобы найти оружие, и чуть больше времени, чтобы проверить, что затравка не пострадала от сырости. Джейми тем временем схватил за руку переполошившуюся служанку и потребовал, чтобы она немедленно отвела его в кабинет.

Впрочем, поднявшись по лестнице, он уже и сам смог определить Нужное место, ибо оттуда доносился разговор на повышенных тонах. Бесцеремонно отстранив Мэри Энн, шотландец замешкался у двери, размышляя, входить ему или подождать Джеффриса.

— Вы имели наглость выдвинуть столь бесстыдные и бессердечные обвинения! — Старческий голос дрожал от гнева и горя. — А ведь моя бедная овечка еще не остыла! Вы подлец, вы трус! Я не допущу, чтобы ее ребенок остался под вашей крышей даже на одну ночь!

— Маленький бастард останется здесь! — хрипло рявкнул Эллсмир, и по его голосу даже неискушенный человек понял бы, что его милость вдребезги пьян. — Хоть он и бастард, по закону он мой наследник и останется со мной! Он куплен, и за него заплачено, и пусть его мать была шлюхой, она, по крайней мере, подарила мне мальчишку.

— Будьте вы прокляты! — Голос Дансени сорвался на яростный визг. — Куплен? Вы... вы... вы смеете намекать...

— Я не намекаю. — Эллсмир, хоть и пьяный, лучше владел собой. — Вы продали мне свою дочь — и могу добавить, надули, — с сарказмом произнес он. — Я заплатил тридцать тысяч фунтов за девственницу с хорошим именем. Первое условие было нарушено, и теперь я смею усомниться и в соблюдении второго.

Через дверь донесся звук наливаемой жидкости, а вслед за этим стук кубка о деревянную столешницу.

— Я бы сказал, что вы изрядно перебрали спиртного, сэр, — сказал Дансени. Голос его дрожал от усилий справиться со своими эмоциями. — Только этому я могу приписать возмутительные, гнусные и нелепые обвинения в адрес моей невинной дочери. А поскольку это так, я забираю своего внука и уезжаю.

— Вот оно как, значит? Вашего внука? — В пьяном голосе Эллсмира прозвучало глумление. — Вы, похоже, чертовски уверены в невинности своей дочери. Нет уж, это отродье не про вашу честь. Она говорила...

Спор оборвался восклицанием и звуком тяжелого падения. Решив

больше не ждать, Джейми ринулся в дверь и увидел, что Эллсмир и лорд Дансени сцепились и перекатываются по каминному коврику. Они находились в опасной близости от огня, но в своей слепой ярости ни тот ни другой этого не замечали.

Джейми помедлил, оценивая ситуацию, а потом, уловив подходящий момент, подскочил и рывком поднял своего хозяина на ноги.

— Успокойтесь, милорд, — прошептал он на ухо Дансени, оттаскивая его от пыхтевшего Эллсмира.

Дансени, однако, вновь порывался схватиться с противником.

— Да уймись же ты, старый дурень! — вырвалось сгоряча у Джейми.

Эллсмир был почти таким же старым, как Дансени, но более крепкого сложения и, очевидно, более хорошего здоровья, судя по тому, как он дрался, несмотря на то что был пьян.

Граф, растрепанный и взлохмаченный, шатаясь, поднялся на ноги, не сводя налитых кровью глаз с Дансени. Он вытер слюнявый рот тыльной стороной ладони, жирные плечи дрожали.

— Дерьмо, — процедил он почти обыденным тоном. — Поднять руку... на меня, каково?

Все еще с трудом ловя ртом воздух, он потянулся к веревке колокольчика. В данной ситуации Джейми было уже не до того, останется ли лорд Дансени на ногах. Оставив хозяина, он метнулся вперед и перехватил руку Эллсмира.

— Нет, милорд, — сказал он как можно почтительнее, в то же время удерживая дородного графа медвежьей хваткой и тесня его в другой угол. — Я думаю, было бы... неразумно... вмешивать ваших... слуг.

Поднатужившись, он пихнул Эллсмира в кресло.

— Лучше оставайтесь здесь, милорд.

В комнату с опаской вошел Джеффрис. В каждой руке он держал по пистолету со взведенными курками, а его растерянный взгляд метался между хозяином дома, пытавшимся выбраться из глубин кресла, и собственным хозяином, белым как полотно, с трудом державшимся на ногах.

Джеффрис посмотрел на Дансени в ожидании указаний и, не дождавшись оных, инстинктивно взглянул на Джейми. Тот ощущал страшное раздражение: ему—то с какой стати разбираться в этом? Гостям из Хэлуотера явно следовало уносить ноги, да побыстрее, поэтому пришлось брать инициативу в свои руки.

— Давайте уйдем, милорд.

Он шагнул вперед и оторвал поникшего Дансени от стола, за который

тот цеплялся. Но когда Джейми повел высокого худощавого старика к двери, в проеме возникла еще одна фигура.

— Уильям?

При виде сцены в кабинете на круглом, омраченном пережитым горем лице леди Дансени отразилось недоумение. В руках она держала что-то похожее на большой неаккуратный сверток белья.

— Горничная сказала, ты хотел, чтобы я принесла ребенка. Что...

Ее прервал рев Эллсмира. Не обращая внимания на наставленные пистолеты, граф вскочил с кресла и оттолкнул ошеломленного Джеффриса.

— Он мой!

Грубо пихнув леди Дансени к стене, Эллсмир выхватил сверток из ее рук и, крепко прижимая его к груди, отступил к окну. Уже оттуда, дыша тяжело, как загнанный зверь, он бросил на Дансени злобный взгляд и повторил:

— Он мой, слышите!

Сверток громко заверещал, словно протестуя против этого утверждения, и Дансени, увидев своего внука в руках Эллсмира, рванулся вперед с искаженным яростью лицом.

— Отдайте мне его!

— Убирайся к черту, скотина!

С неожиданной прытью Эллсмир увернулся от Дансени, отдернул занавески и одной рукой растворил окно, крепко держа другой плачущего младенца.

— Прочь из моего дома! — задыхаясь, выкрикнул он, открывая окно еще шире. — Прочь! Немедленно! Или я выброшу этого маленького бастарда, клянусь, я сделаю это!

Чтобы подчеркнуть свою угрозу, он вытянул руку с оружием свертком в сторону подоконника и пустой темноты, где в тридцати футах внизу поблескивали мокрые камни внутреннего двора.

Джейми Фрэзер действовал бессознательно, не думая о последствиях, повинувшись лишь инстинкту, который не раз выручал его в сражениях. Он выхватил у остоленевшего Джеффриса пистолет, развернулся на каблуках и, не прицеливаясь, выстрелил.

За грохотом выстрела последовала гробовая тишина, даже младенец перестал вопить. На лице Эллсмира появилось удивленное выражение, густые брови вопросительно поднялись. Потом он пошатнулся, и Джейми рванулся вперед, заметив с какой-то отстраненной ясностью маленькое круглое отверстие в размотавшейся пеленке — там, где прошла пистолетная пуля.

Он замер как вкопанный на каминном коврике, не обращая внимания на огонь, опалявший задники его сапог, на еще содрогавшееся тело Эллсмира у его ног, на повторяющиеся визгливые вопли леди Дансени. Он стоял, закрыв глаза, дрожа как осиновый лист, не в состоянии ни двигаться, ни даже думать. Стоял, крепко сжимая в объятиях бесформенный, барахтающийся, пищащий сверток, в котором находился его сын.

— Я хочу поговорить с Маккензи. С глазу на глаз.

Леди Дансени смотрелась на конюшне явно неуместно. Маленькая, пухленькая, в безупречном черном одеянии она выглядела как фарфоровая статуэтка, снятая с надежного, безопасного места на каминной доске, где ей и надлежало красоваться, и невесть как оказавшаяся среди животных и небритых мужчин, где запросто можно разбиться.

Хью, бросив на свою госпожу удивленный взгляд, поклонился, растерянно дернул себя за чуб и убрался в свою каморку рядом с кладовой, оставив Маккензи наедине с леди.

Вблизи впечатление фарфоровой хрупкости усиливалось бледностью ее лица, слегка розоватого лишь у уголков носа и глаз. Она была похожа на очень маленького, но исполненного достоинства кролика, облаченного в траур. Джейми понимал, что следовало бы предложить ей сесть, но сесть здесь было некуда — разве что на кучу сена или перевернутую тачку.

— Сегодня утром состоялся коронерский суд, Маккензи, — сказала она.

— Да, миледи.

Он знал об этом. Об этом знали все, и остальные конюхи все утро держались от него на расстоянии. Не из уважения, а из страха, как держатся подальше от зачумленного. Джеффрис знал, что произошло в гостиной в Эллсмире, а это значило, что знали и все остальные слуги. Но язык никто не распускал.

— Суд постановил, что смерть графа Эллсмира наступила вследствие несчастного случая, явившегося последствием расстройства, — тут она слегка скривилась, — его милости в связи со смертью моей дочери.

В конце фразы ее голос задрожал, но не сорвался. Хрупкая леди Дансени перенесла эту трагедию куда более стойко, чем ее муж; слуги поговаривали, что его милость не встает с постели со времени возвращения из Эллсмира.

— Да, миледи?

Джеффриса вызывали для дачи показаний. Маккензи — нет. Коронерскому суду вообще не был известен факт появления в Эллсмире конюха по имени Маккензи.

Леди Дансени встретила с ним взглядом. Глаза у нее были светло-голубовато-зелеными, как у ее дочери Изабель, но если у той русые волосы отливали шелковистым блеском, то у матери они потускнели, выцвели, и лишь седые пряди поблескивали серебром под проникавшими сквозь открытую дверь конюшни солнечными лучами.

— Мы признательны тебе, Маккензи, — тихо промолвила она.

— Благодарю вас, миледи.

— Очень признательны, — повторила она, не сводя с него пристального взгляда. — Маккензи ведь не настоящее твое имя, правда? — вдруг спросила она.

— Да, миледи.

Несмотря на полуденное тепло, по спине пробежал холодок. Что могла рассказать леди Джинива своей матери перед смертью?

По-видимому, она почувствовала его напряжение, потому что уголки ее губ приподнялись в ободряющей, как ему показалось, улыбке.

— Полагаю, выяснять твое истинное имя мне пока ни к чему. Но один вопрос я все-таки тебе задам, Маккензи: ты хочешь вернуться домой?

— Домой? — с недоумением переспросил он.

— В Шотландию. Я знаю, кто ты, — сказала она, по-прежнему не сводя с него глаз. — То есть как тебя зовут, мне неизвестно, но я знаю, что ты один из осужденных якобитов, состоящих под надзором Джона. Муж рассказал мне.

Джейми взглянул на нее с опаской, но она не казалась особо расстроенной, во всяком случае не более, чем подобало женщине, только что потерявшей дочь, но все-таки получившей взамен внука.

— Я надеюсь, что вы простите мне этот обман, миледи, — сказал он. — Его милость...

— Хотел оградить меня, — закончила за него леди Дансени. — Да, я знаю. Но Уильям зря беспокоился.

Так оно было или нет, однако при мысли о том, что муж переживает за нее, морщинка между бровями леди слегка разгладилась. Джейми этот неявный признак супружеской привязанности тронул — и уколол неожиданной болью.

— Мы не богаты. Ты понял это из слов Эллмира, — продолжила леди Дансени. — Хэлуотер погряз в долгах. Впрочем, теперь мой внук — обладатель одного из самых больших состояний в графстве.

Ему нечего было на это сказать, кроме банального «да, миледи», хотя из-за этого он и чувствовал себя сродни попугаю, живущему в большой гостинице. Он видел этого попугая накануне, когда украдкой пробирался на

закате через газоны и клумбы к дому, чтобы, когда вся семья соберется к ужину, хоть краешком глаза увидеть нового графа Эллсмира.

— Мы здесь живем очень уединенно, — продолжила она. — Мы редко выбираемся в Лондон, и у моего мужа мало влияния в высших кругах. Но...

— Да, миледи?

До него стало доходить, к чему клонит ее милость, и от волнения сердце ухнуло куда-то в пустоту между ребрами.

— Джон, то есть лорд Джон Грей, происходит из весьма влиятельной семьи. Его приемный отец... Впрочем, это не важно.

Она пожала обтянутыми черным крепом плечами, отмечая несущественные детали.

— Суть в том, что можно будет воспользоваться значительным влиянием, чтобы освободить тебя от данного тобой слова и ты мог вернуться в Шотландию. Поэтому я и пришла спросить тебя: ты хочешь вернуться домой, Маккензи?

У него перехватило дыхание, как будто кто-то нанес ему сильный удар в солнечное сплетение.

Шотландия! Покинуть этот сырой, болотистый край, вновь ступить на запретную дорогу, но шагать по ней легко и свободно, взбираться оленьими тропами на скалы, вдыхать свежий воздух, сдобренный ароматами утесника и вереска. Вернуться домой!

Перестать быть чужим. Уйти от враждебности и одиночества, приехать в Лаллиброх, увидеть просиявшее от радости лицо сестры, которая бросится ему на шею, ощутить крепкие дружеские объятия Айена, услышать веселые голоса детей,седающих со всех сторон и тянущих его за одежду.

Уехать — и больше никогда не увидеть и не услышать собственного ребенка.

Он смотрел на леди Дансени с совершенно непроницаемым выражением лица, чтобы она не могла догадаться, какое смятение вызвало у него ее предложение.

Вчера ему удалось—таки полюбоваться спящим в корзинке малышом. Чтобы заглянуть в окно детской на втором этаже, он рискованно пристроился на ветке огромной норвежской ели и напряженно вглядывался сквозь завесу иголок.

Личико ребенка было видно только в профиль, одна пухленькая щечка покоилась на кружевной подушечке. Шапочка во сне слегка сбилась, и он увидел гладкий изгиб крохотной головки, слегка припорошенной бледно—

золотистым пушком.

«Слава богу, что не рыжий», — была его первая мысль, и он перекрестился в порыве непроизвольной благодарности.

«Господи, какой же он маленький!»

То была вторая мысль, за которой последовало почти неудержимое желание перебраться с ветки в окно, взять малыша на руки. Эта гладкая, красивой формы головка как раз уместится на его ладони, и в памяти у него останется ощущение крохотного живого тельца, которое он, пусть на миг, прижмет к сердцу.

— Ты крепкий малыш, — прошептал он. — Крепкий, смелый и хорошенький. Но, боже мой, какой же ты крохотный!

Леди Дансени терпеливо ждала. Он почтительно склонил перед ней голову, чувствуя, что, возможно, совершает ужасную ошибку. Но иначе поступить он не мог.

— Я благодарю вас, миледи, но... думаю, я не поеду... пока.

Леди Дансени кивнула. Ничто в ее облике не выдало удивления, лишь одна светлая бровь слегка дрогнула.

— Как пожелаешь, Маккензи. Тебе нужно только попросить.

Она повернулась, словно крохотная фигурка из механических часов, и ушла. Вернулась в мир Хэлуотера, который теперь стал для Джейми в тысячу раз более крепкой тюрьмой, чем когда-либо.

Глава 16

УИЛЛИ

К огромному удивлению Джейми Фрэзера, следующие несколько лет оказались для него во многих отношениях едва ли не самыми счастливыми, не считая лет его брака.

Избавленный от ответственности за арендаторов и кого бы то ни было, он отвечал лишь за себя и находившихся на его попечении лошадей, что весьма упрощало жизнь. Кроме того, хотя коронерский суд никаких претензий к нему не имел, Джеффрис проговорился насчет обстоятельств смерти Эллсмира, так что остальные слуги прониклись к Джейми почтением, но держались на расстоянии и в приятели не набивались.

Еды было вдоволь, имеющаяся одежда позволяла ему не мерзнуть и выглядеть прилично, а приходившие с оказией письма из дома заверяли его, что и там дела обстоят хорошо.

Среди преимуществ тихой жизни в Хэлуотере было и то, что неожиданно для него, как-то само по себе восстановилось их приятельство с лордом Джоном Греем. Майор, как и обещал, каждые три месяца навещался во владения Дансени, но по отношению к Фрэзеру проявлял учтивую сдержанность и поначалу ограничивался лишь официальными вопросами, диктовавшимися правилами надзора.

Мало-помалу Джейми понял, что имела в виду леди Дансени, предлагая отпустить его.

«Джон, то есть лорд Джон Грей, происходит из весьма влиятельной семьи. Его приемный отец... в общем, это не важно», — сказала тогда она.

Однако на самом деле это имело огромное значение: Джейми не отправился за океан на почти рабскую каторгу в Америке не по милости его величества, а благодаря влиянию Джона Грея.

И поступил майор так не из желания унижить Джейми положением слуги, наоборот, будучи совершенно чужд злорадству и мстительности, сделал для шотландца самое большее, что было возможно на тот момент. Освободить государственного преступника он, естественно, не мог, но максимально облегчил условия его несвободы, предоставив бывшему узнику воздух, свет и лошадей. Это потребовало от него усилия, но он сделал это.

Во время очередного визита майора Джейми дождался, когда Грей останется один. Джон стоял, любуясь статью крупного гнедого мерина, и

Фрэзер тихо остановился рядом, прислонившись к изгороди. Несколько минут они оба молча смотрели на лошадь.

— Ход королевской пешкой, — наконец негромко проговорил Джейми, не переводя взгляда.

Он почувствовал, как Грей встрепенулся в удивлении и скосил на него серые глаза, но головы не повернул. Потом деревянная изгородь скрипнула под его рукой — Грей повернулся и оперся на ту же ограду.

— Конь королевы бьет слона, — отозвался майор.

Голос его прозвучал чуть более хрипло, чем обычно.

С тех пор Грей заглядывал на конюшни всякий раз во время своих визитов и проводил время в разговорах, примостившись на грубо сколоченном табурете Джейми. Шахматной доски у них не было, а по памяти они играли редко, но разговоры затягивались допоздна — это была единственная связь Джейми с внешним миром за пределами Хэлуотера и маленькое удовольствие, которое они оба с нетерпением предвкушали.

Помимо всего прочего, у него был Уилли.

Хэлуотер славился лошадьми, и, прежде чем мальчик научился крепко стоять на ногах, дедушка посадил внука на пони и прокатил вокруг загона. К тому времени, когда Уилли исполнилось три года, он уже ездил верхом самостоятельно — правда, под бдительным присмотром конюха Маккензи.

Уилли был крепким, храбрым, славным мальчуганом, с такой ослепительной улыбкой, что ею, наверное, можно было приманивать птиц с деревьев. А еще он был здорово избалован. Девятый граф Эллсмир, единственный наследник Эллсмira и Хэлуотера, не имевший ни отца, ни матери, которые могли бы держать его в узде, частенько вел себя капризно и дерзко с бабушкой и дедушкой, которые в нем души не чаяли, и со своей молодой тетушкой, и, уж конечно, со всеми слугами. Со всеми, кроме Маккензи.

Правда, Джейми опасался, что это до поры до времени. До сих пор угрозы не разрешить мальчику помогать ему с лошадьми хватало, чтобы тот мигом забывал обо всех капризах, но конюх Маккензи всерьез задумывался о том, что юному негоднику, для его же пользы, не помешало бы преподать урок.

Если сам он в детстве и позволял себе заговорить с женщиной так, как говорил Уилли со всеми подряд, от тетушки до служанок, то ему тут же здорово доставалось от любого оказавшегося рядом родственника мужского пола, что немало способствовало воспитанию в нем должной галантности. Неудивительно, что желание затащить мальчишку в пустые ясли и попытаться исправить его манеры возникало все чаще.

Но и большей радости, чем Уилли, у Джейми не было. Мальчик обожал Маккензи, и чем больше подрастал, тем больше времени проводил в его компании: катался на крупных тягловых лошадях, когда они таскали тяжелый каток по горным полям, и храбро устраивался на возах с сеном, спускавшихся летом с верхних лугов.

Однако это безмятежное существование оказалось под угрозой, усиливавшейся с каждым месяцем. По иронии судьбы, она исходила от самого Уилли, и тут уж Джейми ничего не мог поделать.

— Какой симпатичный мальчик, просто нет слов! И какой славный наездник! — заметила леди Грозир, стоявшая на веранде с леди Дансени и восхищавшаяся тем, какие кренделя выделывал Уилли на пони, кружа по лужайке.

Бабушка Уилли рассмеялась, с любовью глядя на мальчика.

— О да! Он любит своего пони. Нам стоит больших трудов загнать его домой на обед. А еще больше он любит своего конюха. Мы шутим порой, что он столько времени проводит с Маккензи, что даже стал походить на Маккензи!

Леди Грозир, которая до сего момента, естественно, вовсе не замечала конюха, теперь посмотрела в сторону Маккензи.

— А ведь вы правы! — воскликнула она с явным удивлением. — Только посмотрите, у Уилли тот же наклон головы, тот же разворот плеч! Как забавно!

Джейми почтительно поклонился дамам, но почувствовал, что его прошиб холодный пот.

Он предпочитал закрывать глаза на то, что сходство становится заметным не только ему одному. В младенчестве Уилли был пухленьким, круглолицым и вообще никого не напоминал. По мере того как мальчик подрастал, пухлость со щек и подбородка исчезла, и хотя нос его еще был ребяческой кнопкой, намек на высокие, широкие скулы стал очевиден. Глаза, опущенные густыми черными ресницами, приобрели глубокий темно-голубой цвет и казались чуточку раскосыми.

Когда дамы ушли в дом и Джейми убедился, что за ним никто не наблюдает, он украдкой провел рукой по лицу. Неужели сходство так бросается в глаза? Волосы у Уилли мягкие, светло-каштановые, с едва заметным золотистым блеском — уж они-то унаследованы от матери. А как насчет этих большущих, просвечивающих ушей — неужели его собственные уши так торчат?

Беда была в том, что Джейми Фрээр уже несколько лет толком не видел собственного отражения. У конюхов зеркал, понятное дело, не

водилось, а общества служанок, у которых можно было бы разжиться зеркальцем, Джейми старательно избегал.

Подойдя к корыту с водой, он словно невзначай склонился над ним, сделав вид, будто его внимание привлекла скользящая по поверхности водомерка. Из колеблющегося водяного зеркала, испещренного сенной трухой, водомерками и плавунцами, пересекавшими и рябившими воду во всех направлениях, на него смотрело собственное отражение.

Он сглотнул и увидел, как пошевелилось отражение его горла. Сходство было, конечно, не полным, но определенно имелось. И не только, как справедливо заметила леди Грозир, в посадке головы и развороте плеч, но прежде всего в глазах. Такие же глаза были у его отца Брайана и у его сестры Дженни. Как только кости мальчика окрепнут, как только по-детски курносый нос вытянется и станет прямым, а скулы сделаются еще шире — сходство станет несомненным для каждого.

Джейми выпрямился, отражение в корыте исчезло, а он долго стоял, обратив невидящий взор к конюшне, бывшей на протяжении нескольких последних лет его домом. Стоял июль, солнце припекало вовсю, но холод сковал пальцы Джейми и пробежал дрожью по спине.

Пора вернуться к разговору с леди Дансени.

К середине сентября все устроилось. За день до этого Джон Грей привез официальный документ о прощении. Джейми скопил небольшую сумму денег, которых должно было хватить на дорожные расходы, и леди Дансени подарила ему приличную лошадь. Осталось только попрощаться с Хэлуотером — и Уилли.

— Завтра я уезжаю, — сказал Джейми как бы между прочим, не отрывая глаз от копыта гнедой кобылы.

Пол был усыпан грубой черной стружкой от стертого ороговелого нароста.

— А куда ты едешь? В Дервентуотер? Можно, я поеду с тобой?

Уильям, виконт Дансени, девятый граф Эллсмир, соскочил с края яслей и приземлился с глухим стуком, отчего гнедая прянула и фыркнула.

— Не делай этого, — машинально сказал Джейми. — Разве я не говорил тебе вести себя потише рядом с Милли? Она пугливая.

— Почему?

— Ты бы тоже стал пугливым, прижми я тебе колено.

Он вытянул руку и ущипнул мальчика как раз над коленом. Уилли пискнул, отпрянул и рассмеялся.

— А можно мне поездить на Милли, пока тебя не будет, Мак?

— Нет, — терпеливо ответил Джейми который раз за день. — Я тебе

тысячу раз говорил, что пока она слишком велика для тебя.

— Но мне хочется поехать на Милли!

— Я слышал.

— Тогда оседлай ее для меня! Сейчас!

Девятый граф Эллсмир высокомерно задрал голову, но вызов в его глазах как-то померк, когда он перехватил холодный взгляд Джейми. Фрэзер медленно поставил вниз копыто лошади, так же неспешно поднялся, подбоченился, выпрямившись во весь свой рост, и, взглянув с высоты шести футов четырех дюймов на графа, едва дотягивавшего до трех футов шести дюймов, тихо, но твердо сказал:

— Нет.

— Да! — Уилли затопал ножкой по усыпанному сеном полу. — Ты должен делать то, что я тебе скажу!

— Нет, не должен. — Должен, должен!

— Нет, я...

Покачав головой так, что рыжие волосы разметались вокруг ушей, Джейми поджал губы, потом присел на корточки перед мальчиком.

— Послушай меня, — сказал он. — Я не должен делать то, что ты говоришь, потому что я больше не служу здесь конюхом. Я же сказал тебе: завтра я уезжаю.

На лице Уилли отразилось полное недоумение, и даже веснушки на носу потемнели.

— Ты не можешь! — сказал он, — Ты не можешь уехать.

— Приходится.

— Нет!

Маленький граф сжал челюсти, отчего действительно сделался очень похожим на прапрадедушку со стороны отца. Джейми возблагодарил судьбу за то, что никто в Хэлуотере никогда не видел Саймона Фрэзера, лорда Ловата.

— Я не позволю тебе уехать!

— Увы, милорд, тебе уже сказано, что позволять или не позволять мне что-то больше не в твоей воле, — решительно ответил Джейми; его печаль от предстоящей разлуки несколько смягчилась тем, что он наконец мог сказать мальчику то, что хотел.

— Если ты уедешь... — Уилли беспомощно огляделся по сторонам, ища, чем бы пригрозить, и ухватился за первое попавшееся. — Если ты уедешь, — повторил он более уверенно, — я буду визжать, кричать и пугать всех лошадей!

— Только попробуй пискни, маленький негодник, и я хорошенько тебя

отшлепаю!

Уже не связанный обязательствами своего положения и всерьез встревоженный мыслью о том, что этот избалованный паршивец, пожалуй, и вправду напугает породистых и ценных лошадей, Джеймс не на шутку рассердился.

От злости маленький граф вытаращил глаза и покраснел. Он набрал полную грудь воздуха, а потом развернулся и помчался по конюшне, оглашая ее воплями и размахивая руками.

Миллз Флер, уже нервничавшая из-за того, что ей опиливали копыта, с громким ржанием вскинулась на дыбы. Ее нервозность передалась лошадям в соседних стойлах, откуда доносились пронзительное ржание и удары копытами; Уилли выкрикивал все бранные слова, которые знал, — запас немалый — и яростно пинал ногами дверцы стойл.

Джейми удалось подхватить узду Миллз Флер и с трудом вывести кобылу наружу, не причинив вреда ни себе, ни лошади. Он привязал ее к изгороди загона, а потом направился обратно на конюшню, чтобы разобраться с Уилли.

Граф вопил во всю мощь мальчишеских легких, выкрикивая ругательства, которые мальчику из хорошей семьи знать вроде бы не полагалось.

Не говоря ни слова, Джейми схватил мальчишку за шиворот, оторвал от земли, отнес, брыкающегося и извивающегося, к колоде, которую использовал для подковки лошадей, сел, перебросил графа через колено и раз пять или шесть основательно шлепнул по заднице. Потом рывком поставил Уилли на ноги.

— Я ненавижу тебя!

Раскрасневшееся лицо было в разводах слез, сжатые кулачки дрожали от ярости.

— Что ж, я тоже от тебя не в восторге, маленький бастард! — отрезал Джейми.

Уилли напрягся и побагровел.

— Я не бастард! — выкрикнул он. — Нет! Забери свои слова обратно! Никто не может называть меня так! Забери свои слова обратно, я сказал!

Джейми в шоке уставился на мальчика. Значит, был разговор и Уилли услышал его. Он слишком долго тянул с отъездом.

Шотландцу пришлось сделать глубокий вдох, потом еще один в надежде, что его голос не будет дрожать.

— Я беру свои слова назад, — тихо сказал он. — Мне не следовало называть вас так, милорд.

Ему хотелось встать на колени и обнять мальчика или взять его на руки и прижать к своему плечу, но это было бы непозволительной вольностью со стороны конюха, пусть бывшего, по отношению к графу, хоть и юному.

Тем более что Уилли знал, как должен вести себя граф: он усиленно шмыгал носом, стараясь сдержать слезы, и пытался утереть лицо рукавом.

— Позвольте мне, милорд.

Джейми все-таки опустился на колени и нежно вытер лицо мальчика своим грубым носовым платком. Глаза Уилли смотрели на него, покрасневшие и печальные.

— Ты правда должен уехать, Мак? — тихо спросил он.

— Да, должен.

Джейми заглянул в темно-голубые глаза, до боли в сердце похожие на его собственные, и неожиданно ему сделалось безразлично правильно ли это и увидит ли кто. Он резко притянул мальчика к себе и крепко прижал к груди так, чтобы лицо Уилли уткнулось в плечо и сын не увидел слез, которые падали на его густые шелковистые волосы.

Уилли обнял его за шею, прильнул к нему, и Джейми ощутил, как маленькое упругое тело дрожит от подавляемых рыданий. Он гладил Уилли по узкой спине, разглаживал ему волосы и бормотал по-гэльски слова утешения.

Наконец он разнял руки мальчика и мягко отстранил его.

— Пойдем со мной в мою комнату, Уилли, я дам тебе кое-что на память.

Он давно уже переехал с сеновала, заняв каморку отошедшего от дел пожилого главного конюха Хью. Комнатушка у кладовки была крохотной и очень скромно обставленной, но имела два преимущества — тепло и уединение.

Кроме койки, табурета и ночного горшка там имелся маленький столик, на котором лежало несколько его книг, большая свеча в глиняном подсвечнике и свеча поменьше, толстая и приземистая, которая стояла сбоку перед статуэткой Богоматери. Фигурка, присланная ему Дженни, была деревянной, недорогой, но ее изготовили во Франции, и весьма искусно.

— А для чего эта маленькая свечка? — спросил Уилли. — Бабушка говорит, что только вонючие паписты жгут свечи перед языческими образами.

— Значит, я и есть вонючий папист, — сказал Джейми с кривой ухмылкой. — Однако это не языческий образ, это статуэтка Девы Марии.

— Правда? — Это заинтересовало мальчика. — А почему паписты жгут свечи перед статуями?

Джейми запустил руку в волосы.

— Ну как тебе сказать... может быть, это способ молиться — и помнить. Ты зажигаешь свечу, читаешь молитву и вспоминаешь тех, кого любишь. И пока свеча горит, пламя запоминает их для тебя.

— А кого ты вспоминаешь?

Уилли поднял на него глаза. Он все еще оставался растрепанным и взъерошенным, но любопытство заставило забыть о недавнем огорчении.

— О, очень многих. Моих родных, живущих в горной Шотландии: сестру и семью, друзей, мою жену.

А иногда свеча горела в память о юной и безрассудной девушке по имени Джинива, но этого он говорить не стал.

Уилли наморщил лоб.

— У тебя нет жены.

— Нет. Больше нет. Но я всегда ее помню.

Уилли протянул короткий палец и осторожно коснулся маленькой фигурки. Руки Девы были приветливо протянуты, прелестное лицо выражало материнскую нежность.

— Я тоже хочу быть вонючим папистом, — решительно заявил Уилли.

— Тебе нельзя! — воскликнул Джейми, одновременно удивленный и растроганный. — Твои бабушка и тетя сойдут с ума.

— А у них пойдет изо рта пена, как у той бешеной лисы, которую ты убил? — деловито осведомился Уилли.

— Я бы не удивился, — сухо ответил Джейми.

— Хочу в паписты! — Личико Уилли выразило решимость. — Я не скажу бабушке или тете Изабель, я никому не скажу. Пожалуйста, Мак! Пожалуйста, разреши мне! Я хочу быть таким, как ты!

Джейми заколебался: он был тронут искренним порывом мальчика, и ему неожиданно захотелось оставить своему сыну что-то большее, чем резную деревянную лошадку, которую он сделал в качестве прощального подарка. Он попытался вспомнить, что рассказывал им отец Макмуррей в школе о крещении. В крайнем случае и если рядом нет священника, обряд может совершить и верующий мирянин.

Пожалуй, было бы натяжкой назвать эту ситуацию крайним случаем, но... Повинуясь неожиданному порыву, он нагнулся за кувшином с водой, который держал на подоконнике.

Глаза, так похожие на его собственные, были широко открыты и серьезны. Джейми осторожно отвел шелковистые каштановые волосы

назад с высокого лба. Он окунул в воду три пальца и тщательно начертил крест на лбу мальчика.

— Я нарекаю тебя Уильям Джеймс, — произнес он тихо, — во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Уилли поморгал, скосил глаза, когда капелька воды скатилась с носа. Он высунул язык, чтобы поймать ее, и Джейми невольно рассмеялся.

— Почему ты называл меня Уильямом Джеймсом? — с любопытством спросил Уилли. — Мои другие имена Кларенс Генри Джордж.

Он скорчил рожицу: очевидно, имя Кларенс было ему не по душе.

Джейми скрыл улыбку.

— При крещении ты получаешь новое имя. Джеймс — это твое особое папистское имя. Это и мое имя.

— Правда? — обрадовался Уилли, — Теперь я вонючий папист, как и ты?

— Да, насколько я в этом разбираюсь.

Он улыбнулся Уилли и, поддавшись другому порыву, потянулся за ворот своей рубашки.

— На. Сохрани и это. На память обо мне.

Он аккуратно надел Уилли через голову четки из букового дерева.

— Только смотри никому этого не показывай, — предупредил он. — И ради бога, никому не говори, что ты папист.

— Не скажу, — пообещал Уилли. — Ни единой душе.

Он запихнул четки под рубашку и пригладил ее, желая убедиться, что они незаметны.

— Хорошо.

Джейми протянул руку и на прощание взъерошил Уилли и без того растрепанные волосы.

— А теперь тебе лучше бы поспешить, чтобы не опоздать к чаю.

Уилли пошел было к двери, но на полпути остановился, неожиданно снова расстроившись, и прижал руку к груди.

— Ты сказал, чтобы я хранил это в память о тебе! Но мне нечего подарить тебе на память обо мне!

Джейми слегка улыбнулся. Сердце его сжалось так, что он сомневался, сможет ли вымолвить хоть слово, но все же ему это удалось.

— Не переживай, — сказал он. — Я буду помнить о тебе.

Глава 17

ЧУДОВИЩА

Лох–Несс, август 1968 года

Прищурившись, Брианна отвела назад подхваченную ветром яркую паутину волос.

— Я почти забыла, как выглядит солнце, — сказала она, всматриваясь в солнечный диск, сиявший с непривычной свирепостью над темными водами Лох–Несса.

Ее мать с наслаждением потянулась, радуясь легкому ветерку.

— Не говоря уже о том, каков свежий воздух. Я чувствую себя как поганка, которая неделями растет в темноте, — этакая хлипкая и бледная.

— Из вас обеих вышли бы прекрасные ученые, — сказал Роджер и при этом усмехнулся.

На самом деле вся троица пребывала в прекрасном настроении. После напряженной и упорной работы над тюремными архивами, в результате которой поиски сузились до Ардсмур, им наконец улыбнулась удача. Архивы Ардсмур оказались, с одной стороны, весьма полными, а с другой (но сравнению с большинством других подобных архивов) — удивительно четко организованными. В качестве тюрьмы Ардсмур просуществовал всего пятнадцать лет. После того как силами заключенных якобитов он был обновлен и перестроен, его превратили в гарнизонную крепость, узников же перевели для отбывания наказания в другие места. Большую их часть отправили в американские колонии.

— Никак не возьму в толк, почему Фрэзера не отправили в Америку с остальными, — сказал Роджер.

По этому поводу он даже слегка запаниковал, снова и снова просматривая список заключенных, переведенных из Ардсмур, изучая имена одно за другим, почти буква за буквой, и не находя среди них Фрэзера. Он был уверен, что Джейми умер в тюрьме, и его бросало в дрожь при одной мысли о том, как сказать об этом матери и дочери Рэндолл, пока, перевернув страницу, он не увидел отметку о направлении Фрэзера в место под названием Хэлуотер.

— Я не знаю, — отозвалась Клэр, — но очень удачно, что не отправили. Он... он был, — быстро поправилась она, но недостаточно быстро, и Роджер успел заметить оговорку, — сильно подвержен морской болезни. — Она указала на слегка волнующуюся поверхность озера. Даже

плавание по такой спокойной воде могло заставить его позеленеть.

— А ты страдаешь от морской болезни? — спросил Роджер, с интересом взглянув на Брианну.

Девушка покачала головой, и рыжие волосы разметались по ветру.

— Нет. — Она погладила свой голый живот. — Кованое железо.

Роджер рассмеялся.

— Значит, можно покататься по озеру. В конце-то концов, у тебя каникулы.

— Правда? Это было бы здорово. А рыба здесь водится?

Брианна прищурила глаза от солнца, с надеждой глядя на темную гладь озера.

— Конечно. Я много раз ловил в Лох-Нессе лосося и угрей, — заверил ее Роджер. — Итак, отправляемся в Друмнадрохит и там, на пристани, найдем лодку.

Поездка в Друмнадрохит удалась как нельзя лучше. Стоял один из тех ясных, солнечных летних деньков, которые побуждают великое множество туристов в августе и сентябре устремляться в Шотландию. Съеденный им сытный завтрак, приготовленный Фионой, и добрый ланч, дожидаящийся в корзинке, а главное, общество Брианны Рэндолл, чьи длинные волосы развевались на ветру, убеждали Роджера в том, что мир устроен наилучшим образом и все в нем идет как надо.

И о результатах их исследования он мог позволить себе говорить с удовлетворением. Для этого ему пришлось взять в колледже дополнительный отпуск на летний семестр, но дело того стоило.

Когда он нашел запись о высылке Джеймса Фрэзера, ему потребовалось еще две недели упорной работы и исследований — вместе с Бри они даже съездили на выходные в Озерный край, — но завершились поиски обнаружением того, при виде чего Брианна взвизгнула от восторга, нарушив чопорную тишину читального зала библиотеки Британского музея. Им пришлось удалиться в сопровождении волн ледяного осуждения, но находка была бесценной.

Королевский акт о помиловании, заверенный печатью Георга Третьего, датированный тысяча семьсот шестьдесят четвертым годом, на котором значилось имя Джеймса Алекса Маккензи Фрэзера.

— Мы подбираемся все ближе, — радостно объявил Роджер, разглядывая фотокопию акта о помиловании. — Мы уже чертовски близко!

— Близо? — переспросила Брианна, но потом отвлеклась, увидев, что подъезжает их автобус, и разговор на эту тему не продолжила.

Зато Роджер поймал на себе взгляд Клэр: она знала, что он имел в

виду.

В какой бы степени ни занимало происходящее Брианну, Клэр оно затрагивало несравненно сильнее. Ведь это она, ступив в круг камней на Крэг-на-Дун в тысяча девятьсот сорок пятом году, исчезла, провалившись в прошлое и оказавшись в тысяча семьсот сорок третьем. Прожив с Джейми Фрэзером почти три года, Клэр вернулась, пройдя сквозь те же камни, в апреле тысяча девятьсот сорок восьмого года, то есть спустя почти три года после исчезновения.

Из всего этого следовало — если допустить как возможность, что ей захочется снова вернуться в прошлое через камни, — она, скорее всего, окажется там спустя двадцать лет после своего исчезновения оттуда, в тысяча семьсот шестьдесят шестом году. А нам теперь точно известно, что за два года до тысяча семьсот шестьдесят шестого Джейми Фрэзер был жив и здоров. Если он прожил еще два года и если Роджер сумеет найти его...

— Вот, смотри! — неожиданно прервала Брианна ход его размышлений. — «Лодки напрокат».

Она указала на табличку в окне паба на пристани, и Роджер направил машину на свободное место парковочной стоянки, больше не думая о Джейми Фрэзере.

— Интересно, почему мужчинам-коротышкам так нравятся высокие женщины?

Голос Клэр за спиной Роджера эхом повторил его собственные мысли с удивительной точностью — и не в первый раз.

— Может быть, синдром мотылька, летящего на огонь? — предположил Роджер, нахмурившись при виде того, как восхищенно смотрел на Брианну маленький бармен.

Они с Клэр стояли перед стойкой, дожидаясь, пока клерк выпишет квитанцию, в то время как Брианна покупала кока-колу и коричневый эль к их ланчу.

Молодой бармен, который доходил Брианне примерно до подмышек, лез из кожи вон, предлагая маринованные яйца и ломтики копченого языка и при этом не сводя с возникшей перед ним богини восторженного взгляда. Судя по смеху, Брианна находила молодого человека забавным.

— Я всегда говорила Бри, чтобы она не связывалась с коротышками, — сказала, глядя на это, Клэр.

— Правда? — сухо спросил Роджер. — Что-то я не заметил, чтобы вы очень преуспели, давая материнские советы.

Клэр рассмеялась, не обращая внимания на то, что он слегка надулся.

— Ну да, в общем, я этим не злоупотребляла. Но когда дело касается

столь важного вопроса, поневоле вспомнишь о материнском долге.

— Что-то не так с низкорослыми мужчинами? — осведомился Роджер.

— Не добившись своего, они, как правило, становятся противными. Ну словно мелкие собачонки, сообразительные и пушистые, но стоит их рассердить, и они, скорее всего, больно цапнут за лодыжку.

Роджер рассмеялся.

— Это наблюдение — результат многолетнего опыта, как я полагаю?

— Верно. Я никогда не встречала дирижера оркестра ростом более пяти футов, и практически все они являли собой образчики порочности. Зато высокие мужчины... — Она слегка улыбнулась, окидывая взглядом его фигуру ростом шесть футов три дюйма. — Высокие мужчины почти всегда отличаются нежностью и деликатностью.

— Нежностью, говорите? — произнес Роджер, скользнув оценивающим взглядом по бармену, нарезавшему для Брианны заливное из угря.

На лице девушки отразилась настороженность и недоверие, но она наклонилась вперед и, наморщив нос, взяла предложенный на вилке кусочек.

— Нежностью к женщинам, — продолжила свою мысль Клэр. — Я всегда считала, это потому, что они понимают: им ничего не нужно доказывать. И так совершенно очевидно, что они могут делать что угодно, хотите вы от них этого или нет. Им незачем стараться это доказывать.

— Тогда как низенький мужчина... — подсказал Роджер.

— Тогда как коротышка знает, что он ничего не может сделать, пока ему не позволят. Осознание этого его бесит, вот он и старается все время что-то делать, лишь бы доказать, что он на это способен.

— Ммфм.

Роджер произвел шотландский горловой звук, который означал одновременно и одобрение проницательности Клэр, и нежелание признавать за барменом права доказывать Брианне что бы то ни было.

— Спасибо, — поблагодарил он клерка, подавшего ему через стойку квитанцию. — Бри, ты готова?

Озеро было спокойным, а клев вялым, но находиться на воде было приятно: августовское солнышко грело спины, с ближнего побережья ветерок доносил запах малинника и нагретых солнцем сосен. Подкрепившись снедью из корзинки, все почувствовали, что их клонит в сон, и вскоре Брианна свернулась клубочком на носу лодки и заснула, уткнув голову в куртку Роджера. Клэр сидела на корме, жмурясь, моргая, но все же не поддаваясь дреме.

— А как насчет низеньких и высоких женщин? — спросил Роджер в продолжение их предыдущего разговора, неспешно подгребая веслом. Он бросил взгляд через плечо на длинные ноги Брианны, которые она неловко подогнула под себя. — К ним относится то же самое? Раз маленькие, значит, противные?

Клэр задумчиво покачала головой.

— Нет, я бы так не сказала. По моему разумению, женский характер зависит не от роста, а от отношения к мужчине. Смотрит ли женщина на любого из них как на врага или просто как на мужчину, то есть скорее с приязнью.

— О, так это имеет отношение к освобождению женщин?

— Вовсе нет, — возразила Клэр. — Точно такие же модели поведения, какие мы наблюдаем сейчас, я видела между мужчинами и женщинами в тысяча семьсот сорок третьем году. Какие-то различия, безусловно, существуют, но они связаны в большей степени с тем, как ведут себя представители разных полов, чем с тем, как они друг к другу относятся.

Она устремила взгляд на темные воды озера, прикрывая глаза рукой. Может быть, она высматривала, нет ли бобров и плавающих бревен, но Роджеру показалось, что ее взгляд устремлен чуть дальше утесов на противоположном берегу.

— Вам нравятся мужчины, верно? — тихо спросил он. — Высокие мужчины.

Она улыбнулась, не глядя на него:

— Один из них.

— И вы отправитесь туда, если мне удастся его найти?

Он положил весла, внимательно всматриваясь в нее. Прежде чем ответить, Клэр глубоко вздохнула. От ветра ее щеки покраснелись, белая блузка обтягивала фигуру, подчеркивая высокую грудь и стройную талию.

«Слишком молода, чтобы быть вдовой, — подумал Роджер. — Слишком красива, чтобы оставаться одинокой».

— Я не знаю, — ответила она неуверенно. — Мысль об этом или, вернее, мысли об этом — да, меня посещают! С одной стороны, найти Джейми, а с другой... снова пройти через это.

Она поежилась и закрыла глаза.

— Это невозможно описать, понимаете? — продолжила Клэр, погруженная в себя, словно перед ее внутренним взором маячило кольцо стоячих камней на Крэг-на-Дун. — Ужасно, да, но ужас этого рода отличен от любого другого, так что рассказать и впрямь невозможно. — Она открыла глаза и с невеселой улыбкой добавила: — Это все равно что

пытаться рассказать мужчине, каково рожать ребенка. Разумеется, то, что это больно, до него дойдет, но отсутствие сколь бы то ни было схожего опыта не позволит ему проникнуться этим по-настоящему.

Сравнение позабавило Роджера, и он хмыкнул:

— Вот оно что? Но по-моему, тут все-таки есть некоторая разница. Знаете, я ведь слышал эти чертовы камни.

Он невольно поежился. Воспоминание о той ночи три месяца назад, когда Джилиан Эдгарс прошла через камни, было не из приятных. Оно приходило к нему в ночных кошмарах. Вот и сейчас Роджер усиленно налег на весла, стараясь его отогнать.

— Как будто тебя разрывает на части, верно? — спросил он, внимательно глядя в глаза Клэр. — Что-то тянет тебя, разрывает, тащит, и не только снаружи, а внутри тоже, так что ты чувствуешь, будто твой череп вот-вот разлетится на куски. И мерзкий шум.

Он снова поежился. Клэр слегка побледнела.

— Я не знала, что вы можете слышать их, — сказала она. — Вы мне не говорили.

— Я не думал, что это важно. — Роджер внимательно поглядел на нее и вполголоса добавил: — Бри тоже слышала их.

— Понятно.

Клэр повернулась и устремила взгляд назад, на озеро, на разбегавшийся в виде буквы «V» кильватерный след их лодки. При прохождении лодок покрупнее расходящиеся крыльями волны отражались от утесов и снова сталкивались в центре озера, формируя продолговатый выпуклый вал — тот самый феномен озера, который часто принимали за вздох чудовища.

— Знаете, оно там, — сказала она вдруг, кивнув на черную торфяную воду.

Роджер открыл было рот, собираясь спросить, что она имеет в виду, но потом сообразил, что знает. Большую часть жизни он прожил близ Лох-Несса, ловил в его водах угрей и лососей и со смехом выслушивал бесконечные истории о страшном чудовище, которые рассказывали в пабах Друмнадрохита и Форт-Августуса.

Возможно, причиной тому было своеобразие ситуации — странно все-таки спокойно сидеть в лодке и обсуждать, должна или нет находящаяся рядом женщина идти на невообразимый риск и катапультироваться в неизвестное прошлое. Непонятно, откуда у него взялась эта уверенность, но неожиданно ему показалось не только возможным, а и несомненным, что темные воды озера скрывают неведомую, но реальную тайну.

— Что вы имеете в виду? — спросил он отчасти из любопытства, отчасти же чтобы унять беспокойство.

Клэр перегнулась через борт, внимательно глядя на проплывавшее бревно.

— То, что я видела, вероятно, было плезиозавром, — ответила она наконец, по-прежнему смотря не на Роджера, а за корму. — Правда, зарисовок и записей я в то время не делала.

Ее губы тронуло подобие улыбки.

— Сколько вообще существует этих кругов из камней? — спросила вдруг она. — В Британии, в Европе?

— Точно не знаю. Несколько сотен, наверное, — ответил он осторожно. — Вы думаете, они все...

— Откуда мне знать? — нетерпеливо перебила она его. — Суть в том, что это возможно. Их ведь не просто так ставили, ими отмечали нечто важное, а стало быть, существует чертова прорва мест, где это «нечто» происходило.

Она взмахнула головой, отбрасывая назад растрепанные ветром волосы, и улыбнулась.

— Знаете, а это кое-что объясняет.

— Что объясняет?

То, как скакали ее мысли, сбивало Роджера с толку.

— Появление чудовищ. А что, если там, под озером, находится одно из подобных мест?

— Коридор времени, переход, что-то в этом роде? — Ошеломленный этой идеей, Роджер уставился на рябь за кормой.

— Это многое бы объяснило. — В уголке ее рта под завесой упорно падавших на лицо волос таилась улыбка. Непонятно было, говорит ли она серьезно или шутит. — Судя по тому, как описывают здешних чудовищ, больше всего они похожи на доисторических тварей, которые вымерли сотни тысяч лет назад. Если под озером существует коридор времени, то это все объясняет.

— И тогда становится понятно, почему сообщения порой различаются, — подхватил заинтригованный Роджер. — Ведь преодолевать переход могут разные существа.

— И это объяснило бы, почему эти существа не были пойманы, да и видят их не столь уж часто. Не исключено, что они возвращаются другим путем и потому не находятся в озере все время.

— Прекрасная идея! — воскликнул Роджер, и они с Клэр обменялись улыбками.

— Но знаете что? — сказала она. — Бьюсь об заклад, эта теория не обретет широкой популярности.

Роджер рассмеялся и брызнул водой на Брианну. Девушка фыркнула, резко села, заморгала и снова улеглась на дно лодки. Лицо ее покраснелось ото сна, несколько секунд она тяжело дышала.

— Вчера она засиделась допоздна, помогала мне подбирать комплект архивных документов, которые нужно отправить обратно в Лидсский университет, — сказал Роджер, оправдывая Брианну.

Клэр, глядя на дочь, рассеянно кивнула.

— Джейми тоже так мог, — негромко заметила она. — Лечь и заснуть где угодно.

Она умолкла. Роджер продолжал равномерно грести к той точке озера, где среди сосен высились мрачные руины замка Уркварт.

— Дело в том, — прервала молчание Клэр, — что с каждым разом это дается все труднее. Когда я проходила в первый раз, мне показалось, что ничего хуже со мной случиться уже не может, но возвращение было тысячекратно страшнее.

Взгляд ее был прикован к замку.

— Не знаю, было ли так, потому что я возвращалась не в тот день — первый переход был совершен на Праздник костров, — а двумя неделями раньше.

— Джейлис... то есть Джилиан тоже ушла в Праздник костров.

В тот день, несмотря на жару, Роджер почувствовал озноб, увидев фигуру женщины, которая была одновременно и его предком, и современницей; она стояла в свете пылающего костра, на миг зафиксировалась, а потом исчезла навсегда, скрывшись в расщелине стоящих камней.

— Вот что она отметила в своей записной книжке: «Дверь открыта по праздникам Солнца и Огня». Возможно, когда это время приближается, проход приоткрывается частично и переход возможен, хоть и затруднен. А может быть, она вообще ошибалась, ведь она всерьез считала, что это не сработает без человеческого жертвоприношения.

Клэр тяжело вздохнула. Облитые бензином останки Грега Эдгарса, мужа Джилиан, были извлечены полицией из каменного круга на майский праздник. О его жене в деле имелась единственная запись: «Скрылась в неизвестном направлении».

Клэр наклонилась через борт, опустив руку в воду. Маленькое облачко набежало на солнце, озеро вдруг приобрело серый цвет, и под порывом ветра на его поверхности появились десятки волн. В кильватере лодки вода

стала непроницаемо темной. Глубина Лох-Несса семьсот футов, и вода здесь обжигающе холодная. Кто может жить в таком месте?

— Могли бы вы нырнуть туда, Роджер? — тихо спросила Клэр. — Прыгнуть за борт, нырнуть, спускаться в этой темноте до тех пор, пока у вас не разорвутся легкие, не зная, поджидают ли вас там огромные, тяжеленные, зубастые твари?

Роджер почувствовал, как по спине у него побежали мурашки, и неожиданно налетевший холодный ветер был тут ни при чем.

— Но это еще не все, — продолжила она, не отрывая глаз от темной таинственной воды. — Отправились бы вы туда, окажись там, внизу Брианна?

Она выпрямилась и, повернувшись, посмотрела ему в лицо.

— Вы бы нырнули?

Янтарные глаза смотрели на него не мигая, словно ястребиные. Он облизал потрескавшиеся, обветренные губы, бросил через плечо быстрый взгляд на спящую Брианну и снова повернулся к Клэр.

— Думаю, что да.

Она помолчала и кивнула.

— Я тоже.

Часть пятая
ТЕБЕ НЕ ВЕРНУТЬСЯ

Глава 18

КОРНИ

Сентябрь 1968 года

Женщина рядом весила, пожалуй, фунтов триста. Она с присвистом дышала во сне, легкие в двухсоттысячный раз с трудом поднимали ношу ее массивной груди. Мясистое бедро и толстая рука, неприятно теплые и влажные, прижимались к моим.

Деваться было некуда. С другой стороны от меня — стальной изгиб фюзеляжа самолета. Высвободив и приподняв руку, я включила верхний свет, чтобы посмотреть на часы. Десять тридцать по лондонскому времени — как минимум еще шесть часов до приземления в Нью-Йорке. Это если верить расписанию.

Салон самолета наполнился вздохами и сопением пассажиров, старавшихся по возможности скоротать время в дреме. Для меня вопрос о сне не стоял. Смиренно вздохнув, я сунула руку в кармашек на спинке впереди стоящего кресла и достала положенную туда мной наполовину прочитанную книгу. Это был роман одного из моих любимых авторов, но я чувствовала, что не могу сосредоточиться на чтении — мысли возвращались либо к Роджеру и Брианне, которых я оставила в Эдинбурге и которые собирались продолжить поиски, либо устремлялись вперед, к тому, что ожидало меня в Бостоне.

Я не знала, что именно ждет меня, в чем отчасти и заключалась проблема. Мне приходилось возвращаться домой, пусть и ненадолго: отпуск давно кончился, и я несколько раз брала дополнительные дни за свой счет. Предстояло решить ряд вопросов в больнице, оплатить счета, проверить, как дела в остававшемся без присмотра доме — страшно подумать, как заросла лужайка на заднем дворе, — нужно навестить друзей...

В частности, одного. Джозеф Абернэти был самым близким моим другом еще с медицинской школы. Прежде чем принять окончательное — и, скорее всего, необратимое — решение, мне хотелось поговорить с ним. Закрыв лежавшую на коленях книгу, я с улыбкой принялась обводить пальцем завитушки заглавия. Помимо многого иного к любовным романам меня тоже приохотил Джо.

Мы с Джо познакомились, когда я только начинала обучаться медицине, и сблизило нас то, что мы оба выделялись среди прочих

интернов Центральной больницы Бостона.

Я была среди них единственной женщиной. Джо был единственным чернокожим.

Разумеется, мы не могли не чувствовать этой своего рода исключительности, хотя никогда об этом не заговаривали. Нам прекрасно работалось вместе, но во взаимоотношениях мы проявляли осторожность и некоторую скрытность, и то, что существовало между нами до самого окончания интернатуры, можно было назвать скорее приятельскими отношениями, чем дружбой.

В тот день я проводила свою первую самостоятельную операцию — несложное удаление аппендикса мальчику-подростку с хорошим здоровьем. Операция прошла гладко, никаких оснований опасаться послеоперационных осложнений не было, но я все равно ощущала себя в ответе за этого ребенка и не хотела уходить домой, пока он не проснется, несмотря на то что моя смена закончилась. А потому, переодевшись, отправилась в ординаторскую на третьем этаже, чтобы подождать там.

Ординаторская не пустовала — в одном из кресел, погрузившись в чтение «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт», сидел Джозеф Абернэти. Когда я вошла, он поднял голову, кинул и вернулся к журналу.

В ординаторской скопилось немало чита: как журналов, унесенных из залов ожидания, так и потрепанных книжек в бумажных обложках, оставленных выписавшимися пациентами. Чтобы отвлечься, я стала листать шестимесячной давности журнал «Вопросы гастроэнтерологии», рваный экземпляр журнала «Тайм», перебрала аккуратную стопку «Сторожевой башни» и наконец остановила свое внимание на одной из книжек.

У нее не было обложки, но на титульной странице значилось название: «Пылкий пират».

«Чувственная захватывающая история любви, безграничной, как Карибское море!» — гласила строка под заголовком. «Карибское море», а? Если нужно отвлечься, то это то, что мне надо, подумала я и открыла книгу наугад. Это оказалась сорок вторая страница.

«Пренебрежительно сморщив носик, Тесса встряхнула и откинула назад свои пышные светлые локоны, не обращая внимания на то, что от этого ее соблазнительная грудь еще более заметно обозначилась в низком вырезе платья. Это зрелище заставило глаза Вальдеса расшириться, но иных внешних проявлений того, какое впечатление произвела на него эта роскошная красота, он не выказал.

— Я подумал, что мы могли бы познакомиться поближе, сеньорита, —

предложил он тихим страстным голосом, от которого по спине Тессы пробежала дрожь предвкушения.

— Меня не интересует знакомство с... грязным, презренным злодеем—пиратом! — заявила она.

Зубы Вальдеса блеснули, когда он улыбнулся ей, поглаживая рукоять висевшего на поясе кинжала. Ее бесстрашие произвело на него впечатление: такая смелая, такая порывистая... и такая красивая».

Я подняла бровь, но продолжила чтение, уже захваченная текстом.

«Рука Вальдеса властно обвила ее талию.

— Вы забываете, сеньорита, — промолвил он вполголоса, касаясь губами чувствительной мочки ее уха, — что вы — военная добыча и капитан пиратского судна первым имеет право выбора.

Тесса попыталась вырваться из его сильных рук, но он легко преодолел сопротивление, отнес ее к кровати и бросил на расшитое покрывало. Она попыталась восстановить дыхание, в ужасе наблюдая за тем, как пират раздевается. Он отложил в сторону лазурно—голубой бархатный плащ, а потом тонкую кружевную сорочку из белого полотна. У него была великолепная грудь, мускулистая и загорелая, с бронзовым отливом. Когда он взялся за ремень своих штанов, сердце ее перехватило от страха, но в то же время ей страстно хотелось коснуться этой бронзы кончиками пальцев.

— Но нет, — сказал он, остановившись. — С моей стороны было бы неучтиво обойти вас вниманием. Позвольте мне.

С неотразимой улыбкой он наклонился, и груди Тессы оказались сжаты его горячими мозолистыми ладонями — он, наслаждаясь, ощупывал сквозь тонкую шелковистую ткань их чувственную упругость. Вскрикнув, Тесса отстранилась, вжавшись в пуховую подушку с кружевной вышивкой.

— Вы сопротивляетесь? Как жаль, сеньорита, будет испортить такой чудесный наряд...

С этими словами он крепко схватил ее жадеитовый шелковый корсаж и рванул так, что белые груди Тессы выпрыгнули из своего укрытия, как пара упитанных куропаток».

Я хмыкнула, отчего доктор Абернэти резко вскинул взгляд поверх своего журнала. Поспешно придав лицу некое подобие достойной сосредоточенности, я перевернула страницу.

«Густые черные кудри Вальдеса свесились ей на грудь, когда он прижал свои жаркие губы к пунцовым, как роза, соскам Тессы, отчего все ее существо омыли волны мучительного желания. Ослабленная непривычными ощущениями, которые пробудила в ней его страсть, она не могла пошевелиться, когда его рука осторожно взялась за подол ее платья и

его жгучее прикосновение прошло по чувствительной стороне ее стройного бедра.

— Ах, любовь моя, — простонал он. — Такая прелестная, такая целомудренная. Ты заставляешь меня сходить с ума. Я хочу обладать тобой с тех пор, как увидел в первый раз, такую гордую и холодную на палубе корабля твоего отца. Но теперь ты не холодна, моя дорогая, а?

И это действительно было так. Поцелуи Вальдеса привели Тессу в смятение. Как могла она испытывать подобные чувства к этому человеку, который хладнокровно потопил корабль ее отца и собственноручно убил сотню людей? Ей следовало бы отпрянуть в ужасе, а вместо этого она тяжело дышала, с готовностью принимая его обжигающие поцелуи, и непроизвольно выгибала тело, ощущая, как требовательно восстает его мужское естество.

— Ах, моя любовь, — выдохнул он. — Я не в силах ждать. Но... я не хочу причинить тебе боль. Нежно, моя любовь, деликатно...

Тесса ахнула, почувствовав нарастающее давление его желания, заявляющее о себе между ее ног.

— О! — простонала она. — О, пожалуйста! Не надо! Я не хочу, чтобы ты это делал!»

Ну самое подходящее время начать протестовать, подумала я.

« — Не беспокойся, моя любовь, доверься мне.

Постепенно, мало-помалу она расслабилась под прикосновением его гипнотических ласок, ощущая, как усиливается и распространяется тепло внизу ее живота. Его губы скользили по ее груди, а жаркое дыхание и страстный шепот подавили всю волю к сопротивлению, и бедра раскрылись помимо ее воли. Двигаясь с бесконечной медлительностью и обретая бесконечное наслаждение, он сорвал дивный цветок ее невинности».

Хихикнув, я выпустила книжку из рук, и она, соскользнув с моих колен, со стуком упала на пол, к ногам доктора Абернэти.

— Прошу прощения, — пробормотала я и наклонилась за книгой. Лицо мое горело. Схватив «Пылкого пирата» влажными от пота пальцами, я вдруг заметила, что на обычно строгом и невозмутимом лице доктора расцвела широкая улыбка.

— Позволь, я угадаю, — сказал он. — Вальдес только что сорвал дивный цветок невинности?

— Да, — ответила я, неудержавшись от смеха. — А откуда ты знаешь?

— Сужу по твоей реакции. Ее могло вызвать либо это место, либо эпизод на странице семьдесят три, где он «омыл ее розовый холмик своим

жадным языком».

Его короткие пальцы со знанием дела пролистали страницы.

— Что?!

— Посмотри сама.

Он сунул книжку обратно мне в руки, указав на середину страницы.

О господи!

«...откинув покрывало, он склонил свою черную как смоль голову и омыл ее розовый холмик своим жадным языком. Тесса застонала и...»

У меня и самой вырвался стон.

— Ничего себе! Ты и вправду это прочитал? — спросила я, оторвав глаза от Тессы и Вальдеса.

— Ну да, — ответил он, улыбнувшись еще шире и показав крепкие белые зубы. — Два или три раза. Книжка не самая лучшая, но и не плохая.

— Лучшая? А что, есть и другие в том же роде?

— Конечно. Давай-ка посмотрим...

Он встал и начал рыться в стопке потрепанных карманных томиков.

— Нужно искать те, у которых нет обложек, — пояснил он. — Они и есть самые лучшие.

— Надо же! А я-то думала, что ты не читаешь ничего, кроме «Ланцета» и «Медицинского вестника».

— Ну конечно, после тридцати шести часов копания в людских кишках мне только и остается что читать «Методику резекции желчного пузыря», да? Как бы не так! Лучше уж я поплыву в компании с Вальдесом по Карибскому морю. Впрочем, леди Джейн, я ведь тоже думал, что ты не читаешь ничего, кроме «Нового английского медицинского журнала». Внешность обманчива, да?

— Должно быть, — сухо согласилась я. — А что это за леди Джейн?

— Так тебя называют за глаза, — пояснил он, откинувшись назад и сцепив пальцы рук на колене. — Отчасти из-за акцента, такого, будто ты только что пила чай с королевой. Ну и из-за манеры держаться и умения держать других в должных рамках. Видишь ли, ты говоришь как Уинстон Черчилль, то есть если бы Черчилль был леди, — и коллег это слегка пугает. Правда, есть в тебе кое-что еще.

Он задумчиво посмотрел на меня, раскачиваясь в своем кресле.

— Ты говоришь так, словно ожидаешь, что все будет по-твоему, а если и нет, то тебе известно почему. Где ты этому научилась?

— На войне, — сказала я, улыбнувшись его описанию.

Он поднял брови.

— В Корее?

— Нет, во время Второй мировой войны я служила медсестрой во Франции и видела там множество сестер-хозяек, которые одним взглядом обращали интернов и санитаров в желе.

Да и позже непререкаемая властность — если, конечно, она была — не раз и не два сослужила мне добрую службу, позволив поставить на место людей, наделенных куда большими полномочиями, чем сестры и интерны бостонской больницы.

Джо кивнул, обдумывая мое объяснение.

— Что ж, это логично. Я сам использовал Уолтера Кронкайта.

— Уолтера Кронкайта?

Я уставилась на него.

Он снова ухмыльнулся, показывая золотой зуб.

— А ты можешь вспомнить кого-то получше? К тому же я каждый вечер бесплатно слушал его по радио или телевидению. Развлекал таким манером свою матушку — она хотела, чтобы я стал проповедником. — Абернэти улыбнулся немного печально. — Правда, болтай я как Уолтер Кронкайт, там, где мы жили в то время, я бы не дожил до поступления в медицинскую школу.

С каждой секундой Джо Абернэти нравился мне все больше.

— Надеюсь, твоя матушка не была разочарована, когда ты решил стать врачом, а не проповедником?

— По правде говоря, я не уверен, — сказал он, все еще улыбаясь. — Когда я сказал ей об этом, она с минуту смотрела на меня, потом глубоко вздохнула и сказала: «Ну ладно, по крайней мере, ты сможешь снабжать меня по дешевке мазью от ревматизма».

Я усмехнулась.

— Знаешь, мой муж, узнав, что я собираюсь стать врачом, тоже не выказал особого энтузиазма. Он воззрился на меня, помолчал и наконец сказал, что если мне все наскучило, то можно вызваться писать письма для обитателей богадельни.

Золотисто-карие, как ириски, глаза Джо наполнились смехом.

— Ага, родные и близкие — это те люди, которые уверены, будто лучше тебя знают, что тебе нужно и на что ты годишься. «Почему бы тебе вместо этой блажи не заняться мужем и ребенком?» — спародировал он назидательный тон и погладил меня по руке. — Не переживай, рано или поздно они со всем свыкнутся. Вот меня, например, уже не спрашивают, почему я не чищу туалеты, хотя Господь создал меня именно для этого.

Потом пришла санитарка, сообщила, что мой аппендикс проснулся, и я ушла, но дружба, начавшаяся на странице сорок два, не увяла. Джо

Абернэти стал одним из ближайших моих друзей, а возможно, единственным близким человеком, который действительно понимал, что я делаю и почему.

Я слабо улыбнулась, ощущая под пальцами гладкость рельефных букв на обложке. Потом снова убрала книжку в карман сиденья. Сейчас мне вовсе не хотелось отвлекаться.

В иллюминаторе можно было увидеть залитый лунным светом облачный слой, отрезавший нас от земли. Здесь, наверху, по контрасту с бесконечной суетностью жизни внизу царили безмолвие, красота и безмятежность.

У меня возникло странное ощущение, будто я нахожусь в подвешенном состоянии, неподвижная, окутанная коконом одиночества. Даже тяжелое дыхание женщины, сидевшей рядом, казалось только частью «белого шума», состоящего из тишины, прохладного шелеста кондиционера и шороха туфель стюардессы по ковровой дорожке. В то же самое время я знала, что мы неудержимо мчимся в воздухе со скоростью сотни миль в час, устремляясь к какому-то концу, и можно только надеяться, что он окажется благополучным.

В этом подвешенном состоянии я закрыла глаза, вновь возвращаясь к сложившейся ситуации. В Шотландии Роджер и Бри занимаются поисками Джейми. В Бостоне меня ждут моя работа — и Джо. А Джейми? Я попыталась отогнать эту мысль, решив не думать о нем, пока не приму решение.

Я почувствовала легкое шевеление волос, и одна прядь соскользнула мне на щеку нежно, словно любовное прикосновение. Но конечно, то был всего лишь порыв ветерка из вентиляционного отверстия над головой и игра моего воображения. Мне почудилось: застоявшиеся запахи духов и сигарет неожиданно сменились запахами шерсти и вереска.

Глава 19

ПРИЗРАК

Наконец-то я вернулась домой, на Фэйри-стрит, где я прожила с Фрэнком и Брианной почти двадцать лет. Азалии у двери еще не совсем засохли, но их листочки поникли, а иные уже опали, усыпав пропеченную солнцем клумбу. Лето выдалось жарким — других в Бостоне не бывало, — дождей не было с августа и до сих пор, хотя стояла уже середина сентября.

Я поставила свои сумки у парадной двери и пошла включить шланг. Он лежал на солнышке, как зеленая резиновая змея, которая так нагрелась, что обожгла мне ладонь. Я несколько раз перекидывала эту змею с руки на руку, пока она не охладилась, ожив вместе с плеском воды.

Начать с того, что я не была большой любительницей азалий. Я бы давным-давно их вырвала, но ради Брианны мне не хотелось ничего менять в доме после смерти Фрэнка. Хватило и того, что она лишилась отца в год поступления в университет. Сама-то я долгое время не обращала на дом никакого внимания и вполне могла продолжать в том же духе.

— Ладно! — сердито сказала я азалиям, выключив шланг. — Надеюсь, что вы напились, потому что больше вам от меня ничего не дожждаться. Меня и саму жажда измучила. И мне хочется принять ванну, — добавила я, глядя на их заляпанные листья.

Накинув халат, я присела на краешек большой ванны, глядя, как вода с грохотом наполняет ее, взбивая пену для ванны в душистые облачка. Над бурлящей поверхностью поднимался пар — наверняка получилось горячевато.

Я выключила воду, быстро завернув кран, и осталась сидеть на краю ванны. В доме царила тишина, нарушаемая лишь потрескиванием лопающихся пузырьков, слабым, как звуки отдаленного сражения. Я вполне отдавала себе отчет в том, что я делаю. Это началось в тот самый момент в Инвернесе, когда я заняла свое место в экспрессе «Летучий шотландец» и ощутила качку вагона, несущегося по железнодорожному полотну. Я проверяла себя.

Я внимательно отмечала все технические устройства, свойственные современной повседневной жизни, и, что более важно, старалась осознать свое собственное отношение к ним. Поезд на Эдинбург, самолет на Бостон, такси из аэропорта и десятки привычных мелочей: торговые автоматы, светофоры, стерильно чистые туалеты с унитазами, в которых при нажатии

клапана кружит, смывая отходы и микробов, зеленоватая дезинфицирующая жидкость. Рестораны с аккуратными сертификатами от Министерства здравоохранения, гарантирующие, что ты, по крайней мере, не отравишься этой пищей. И вездесущие кнопки внутри моего собственного дома — те, с помощью которых было так легко обрести свет, тепло или приготовить пищу.

Вопрос в том, насколько мне все это нужно? Я опустила руку в исходящую паром воду в ванне и повертела ею туда-сюда, наблюдая, как кружатся в мраморных глубинах тени водоворота. Смогу ли я обходиться без всех этих удобств, больших и малых, к которым так привыкла?

Я задавала себе этот вопрос каждый раз, нажимая на кнопку, поворачивая кран, включая двигатель, и обрела уверенность, что ответ на него — «да». В конце концов, эпоха — не самое главное: даже в этом городе можно найти людей, обходящихся без многих удобств, не говоря уж о том, что есть целые страны, большая часть населения которых живет, не имея представления об электричестве.

Меня лично это не слишком заботило. После смерти родителей — мне было тогда пять лет — я жила с моим дядей Лэмом, выдающимся археологом, и выросла в условиях, которые вполне можно было назвать примитивными, поскольку сопровождала его в полевых экспедициях. Да, горячие ванны и лампочки — это хорошо, но мне и взрослой случалось обходиться без них — например, во время войны. И их нехватка никогда не ощущалась мной так уж остро.

Вода достаточно остыла и стала вполне терпимой. Я сбросила халат на пол, залезла в ванну, ощутив приятную дрожь при первом контакте горячей воды с холодной кожей, и расслабилась, вытянув ноги.

Ванны восемнадцатого века представляли собой всего лишь большие бочки, поэтому мылись в них по частям: сначала окунали тело, свешивая ноги наружу, а потом вставали во весь рост и мыли туловище, а ноги тем временем отмокали. Впрочем, и такие бочки считались роскошью, чаще же всего люди мылись с помощью тряпицы, стоя в тазике и поливая себя из кувшина.

Да, это не так удобно, как современная ванна, — но только и всего. Современный комфорт приятен, но в нем нет ничего такого, без чего нельзя было бы обойтись.

Разумеется, удобства в конечном счете не единственная и, может быть, не главная проблема. Прошлое — опасная территория. Однако разве успехи так называемой цивилизации гарантируют безопасность? Я пережила две главные «современные» войны — в одной из них участвовала сама, — а

теперь каждый вечер слышала с экрана о том, как готовится третья.

А ведь «цивилизованная» война, тут уж не поспоришь, еще ужаснее, чем ее прежние версии. Повседневная жизнь, может, и стала безопаснее, но только если предпринимаешь меры предосторожности. Кварталы Роксбери не менее опасны, чем аллея, по которой я ходила в Париже двести лет назад.

Я вздохнула и выдернула затычку пальцами ног. Не стоит отвлекаться на безличные вещи типа ванн, бомб и насильников. Домашняя сантехника — это сущая мелочь. Главное — и так было и будет всегда — это причастные к событиям люди. Я, Брианна и Джейми.

Последняя вода с журчанием убежала в сливное отверстие. Я встала, ощущая легкое головокружение, и вытерла остатки пузырьков. Большое зеркало затуманилось от пара, но было достаточно ясным, и я отражалась в нем от коленей вверх, розовая, будто сваренная креветка.

Уронив полотенце, я оглядела себя, повертелась перед зеркалом, расслабляя и напрягая различные группы мышц. Результат в целом меня удовлетворил. Хорошо, что в нашей семье не было предрасположенности к полноте. Дядя Лэм оставался подтянутым и поджарым до самой смерти, которая наступила в семьдесят пять лет. Я предполагала, что мой отец имел сходное телосложение. А как выглядела задница моей матери? В конце концов, женщинам приходится мириться с некоторым количеством жировой ткани.

Я развернулась и через плечо осмотрела в зеркале себя сзади. Длинные мышцы спины влажно поблескивали, когда я изогнулась и убедилась, что у меня по-прежнему имеется талия, и к тому же тонкая.

Что же касается задницы...

— Во всяком случае, никаких ямочек, — произнесла я вслух, после чего вновь повернулась лицом к своему отражению. — Могло бы быть гораздо хуже, — сказала я ему.

Немного приободрившись, я надела ночную рубашку и пошла готовить дом ко сну. Слава богу, этот процесс не включал заботы о кормлении на ночь котов или собак. Бозо, последняя из наших собак, умерла от старости в прошлом году, а заводить новую, памятуя о том, что Брианна заканчивает школу, а сама я подолгу задерживаюсь в больнице, было бы неразумно.

Наладить термостат, проверить замки на окнах и дверях, проследить, чтобы были выключены горелки на плите. Вот и все. Целых восемнадцать лет этот ночной маршрут включал остановку в комнате Брианны, но только до того, как она поступила в университет.

По привычке я распахнула дверь в ее комнату и включила свет. У одних людей есть умение обращаться с предметами, у других его нет. У Бри оно имелось: почти ни дюйма свободного пространства не было видно на стенах между постерами, фотографиями, засушенными цветами, клочками декоративных тканей, документами в рамках и прочим мусором.

Некоторые умеют обустроить все вокруг себя так, что предметы не только приобретают собственное значение и соотносятся с прочими вещами, но и, более того, формируют не поддающуюся определению ауру, присущую их невидимому владельцу и им самим. Казалось, эти вещицы в комнате говорили: «Я нахожусь здесь, потому что Брианна поместила меня сюда. Я здесь, потому что она такая, какая есть».

«По правде говоря, странно, откуда у нее этот дар?» — подумала я. У Фрэнка он был. После его смерти я наведальась в его университетский кабинет, и он напомнил мне окаменелые останки какого-то вымершего животного: книги, бумаги и всевозможные мелочи обладали формой, текстурой и исчезнувшим весом того сознания, которое обитало здесь и созидало это пространство.

Для некоторых из предметов Брианны родство с ней было очевидным. Фотографии, на которых были изображены я, Фрэнк, Бозо, друзья. Фрагменты ткани отражали ее вкус, заставляя вспомнить ее любимые узоры и цвета — яркий бирюзовый, темный индиго, фуксин и ясный желтый. Но другие вещи? Почему россыпь ракушек на бюро говорит мне: «Брианна»? Чем примечателен округлый кусочек пемзы, подобранный на пляже в Труро и неотличимый от сотни тысяч других, кроме того факта, что его подобрала она?

Я с предметами обращаться не умела. Не было у меня тяги к приобретению. Пока Брианна не выросла и не взяла это дело в свои руки, Фрэнк частенько сетовал на спартанскую обстановку в доме. То ли виной этому было мое кочевое воспитание, то ли такова уж была моя натура, но я жила по большей части в собственной шкуре, не испытывая ни малейшей потребности изменить окружающую меня среду, сделав ее отражением моей личности.

Таким же был и Джейми. У него имелся постоянный небольшой набор предметов утилитарного характера или талисманов, которые находились при нем в его шотландской кожаной суме, до прочих же вещей ему просто не было дела. Даже в короткий период нашей богатой жизни в Париже и более протяженный, скромный, но безмятежный в Лаллиброхе он никогда не выказывал ни малейшей склонности к приобретению утвари или предметов обстановки.

На него, возможно, тоже повлияли обстоятельства его раннего возмужания, когда он жил, как загнанный зверь, и никогда не имел ничего, кроме оружия, без которого не выжил бы. Но не исключено и другое: эта изоляция от мира вещей, это ощущение самодостаточности были для него естественными. Возможно, вместо того чтобы заполнять мир предметами, мы оба, я и он, искали полноты и завершенности друг в друге.

И все равно странно, что Брианна, пусть очень по-разному, была так похожа на обоих своих отцов.

Я пожелала моей отсутствующей дочери доброй ночи и выключила свет.

В спальню я вошла с мыслью о Фрэнке. Вид большой двуспальной кровати, аккуратно застеленной темно-синим атласным покрывалом, напомнил о нем неожиданно и ярко, как я уже давно о нем не вспоминала.

Наверное, именно приближение возможного ухода и всколыхнуло во мне воспоминания. В этой комнате — фактически в этой постели — состоялось, можно сказать, наше прощание.

— Почему ты не ложишься спать, Клэр? Время уже за полночь.

Фрэнк посмотрел на меня поверх книги. Он уже лежал в постели и читал, примостив книгу на коленях. Мягкое озерцо света от лампы придавало ему такой вид, будто он безмятежно дрейфовал в круге тепла, изолированный от прохлады остальной комнаты. Начало января выдалось холодным, и хотя отопление работало в максимальном режиме, согреться ночью по-настоящему можно было, только забравшись в постель под тяжелые одеяла.

Я улыбнулась ему и поднялась с кресла, спустив с плеч тяжелый шерстяной халат.

— Я мешаю тебе заснуть? Прости. Я просто прокручиваю в голове свою утреннюю операцию.

— Да уж знаю, — сухо сказал он. — Это видно по твоему лицу. У тебя глаза остекленели и рот разинут.

— Прости, — повторила я так же сухо. — Я не виновата в том, как выглядит мое лицо, когда я думаю о работе.

— Но какой смысл об этом думать? — спросил он, вкладывая книгу закладку. — Ты сделала все, что могла, — твои переживания на этот счет ничего не изменят... Да что там!

Он раздраженно пожал плечами и закрыл книгу.

— Все это я уже говорил и раньше.

— Говорил, — согласилась я. Я забралась в постель, слегка дрожа, и обмотала халат вокруг ног.

Фрэнк машинально подался в моем направлении, и я скользнула под простыни рядом с ним: согревая друг друга, легче справиться с холодом.

— Ой, подожди, мне нужно переставить телефон.

Я откинула одеяла и выбралась наверх, чтобы переместить телефон со стороны Фрэнка на мою. Ему нравилось сидеть в кровати ранним вечером, болтая со студентами и коллегами, в то время как я читала или делала заметки по предстоящей операции рядом с ним, но он сердился, когда его будили поздние звонки из больницы, адресованные мне.

Причем так сердился, что мне пришлось договориться на работе насчет того, чтобы звонили мне только в самых экстренных случаях или когда я оставляла особые указания держать меня в курсе относительно состояния конкретного пациента. Сегодня вечером я как раз оставила подобные предписания: после сложной резекции на кишечнике существовала возможность осложнений, а стало быть, не исключалось, что мне придется срочно вернуться.

Фрэнк заворчал, когда я выключила свет и снова нырнула в постель, но вскоре придвинулся ко мне, забросив на меня руку. Я перекатилась на бок и свернулась клубочком возле него, постепенно расслабляясь, по мере оттаивания озябших пальцев моих ног.

Мысленно я проиграла детали операции, снова почувствовав в ногах холод операционной и одновременно беспокойное тепло в животе пациента, куда скользнули мои руки. Сама больная кишка, свернувшаяся кольцами, словно змея, была усеяна красными пятнами. Из крохотных прободений медленно сочились яркая кровь.

— Я тут думал... — произнес в темноте Фрэнк как бы между делом.

— Мм?

Перед глазами у меня все еще была картина операции, но я постаралась вернуть себя в настоящее.

— О чем?

— О своем научном отпуске...

Его годичный отпуск в университете должен был начаться через месяц. Он планировал совершить ряд коротких поездок по северо-востоку Соединенных Штатов, собрать материал, потом на полгода поехать в Англию, а по возвращении провести оставшиеся три месяца за письменным столом.

— Я думал о том, чтобы сразу поехать в Англию, — осторожно сказал он.

— Ну что ж, почему бы и нет? Погода будет ужасной, но если ты большую часть времени будешь проводить в библиотеках...

— Я хочу взять с собой Брианну.

Я замерла, холод в комнате вдруг сконцентрировался в маленькой ледышке где-то в центре моего желудка.

— Она не может поехать сейчас, ей остался всего семестр до окончания. Уж конечно, ты можешь подождать до лета, когда мы обе к тебе приедем. У меня будет длительный отпуск и, может быть...

— Я еду сейчас. Навсегда. Без тебя.

Я отстранилась и села, включив свет. Фрэнк лежал и, прищурившись, смотрел на меня, темные волосы были растрепаны. Они поседели на висках, придавая ему импозантный вид, который, очевидно, оказывал волнующее воздействие на наиболее впечатлительных из его студенток. Я чувствовала себя на удивление спокойной.

— Но почему сейчас и так неожиданно? Твоя последняя пассия стала на тебя давить?

В его глазах вспыхнула паника, столь явная, что это было почти комичным. Я рассмеялась, правда не слишком весело.

— Ты действительно думал, что я не знаю? Господи, Фрэнк, до чего же ты рассеянный!

Он сел на кровати, сжав челюсти.

— Я был уверен, что вел себя скромно.

— Может быть, — язвительно заметила я. — Я насчитала шесть за последние десять лет — если их была примерно дюжина, ты и впрямь являл собой образец скромности.

На его лице редко отражались сильные чувства, но, судя по тому, как побелели его губы, я поняла, что он действительно очень зол.

— Эта, должно быть, представляет собой нечто особенное, — сказала я, сложив руки и опершись на изголовье с нарочитой небрежностью. — Но все же к чему такая спешка и зачем брать с собой Бри?

— Последний семестр она может проучиться в школе-интернате, — отрезал Фрэнк. — Наберется новых впечатлений.

— Думаю, это не те впечатления, к которым она стремится, — возразила я. — Вряд ли ей захочется разлучаться с друзьями перед окончанием. А уж учиться в английской школе-интернате...

Одна эта мысль вызвала у меня содрогание. Я сама в детстве едва избежала отправки в такую школу; запах больничного кафетерия порой вызывал воспоминания о ней и о волнах парализующей беспомощности, которые накатили на меня, когда дядя Лэм попытался пристроить меня в одно из подобных местечек.

— Немного дисциплины никому не повредит, — заявил Фрэнк. Он

совладал с собой, но его лицо оставалось напряженным. — И тебе была бы от этого польза. — Он махнул рукой, отменяя эту тему. — Ладно, давай начистоту. Я решил вернуться в Англию на постоянное место жительства. Мне предложили хорошую должность в Кембридже, и я согласился. Ты, конечно, свою больницу не бросишь. Но я не хочу оставлять свою дочь.

— Твою дочь?

На какой-то момент я потеряла дар речи. Итак, у него новая работа и новая любовница в придачу. Значит, он планировал это уже некоторое время. Ну что ж, пусть начинает новую жизнь, но не с Брианной.

— Мою дочь, — невозмутимо произнес он. — Ты, конечно, сможешь приезжать навещать ее, когда захочешь.

— Ты... мерзавец! — выдохнула я.

— Будь благоразумна, Клэр, — произнес он с таким видом и таким тоном, будто имел дело с нерадивой студенткой. — Ты практически не бываешь дома. В мое отсутствие некому будет надлежащим образом присмотреть за Бри.

— Ты говоришь так, как будто ей восемь лет, а не без пяти минут восемнадцать! Ради бога, она уже почти взрослая.

— Тем более она нуждается во внимании и заботе, — парировал Фрэнк. — Если бы ты видела то, что я вижу в университете — пьянство, наркотики...

— Я это тоже вижу, — процедила я сквозь зубы. — На достаточно близком расстоянии, в отделении скорой помощи. Но Бри не из...

— Очень даже «из»! В таком возрасте девушки безрассудны — она прыгнет в койку с первым попавшимся парнем, который...

— Не будь идиотом! Бри очень разумна. Кроме того, все молодые люди экспериментируют, так они набираются жизненного опыта. Ты все равно не сможешь всю жизнь заворачивать ее в вату.

— Лучше быть завернутой в вату, чем трахаться с черномазым! — отрезал он, и его скулы слегка покраснели. — Какова мать, такова и дочь, да? Но если я имею в этом вопросе хоть какое-то влияние, я ничего подобного не допущу.

— Не смей говорить такие вещи о Бри или о ком бы то ни было! — заорала я, вскочив с кровати. Меня колотило от злости, и мне пришлось прижать кулаки к бокам, чтобы не съездить ему по физиономии, — Расстаться со мной и начать жить с последней из твоих любовниц ты имеешь полное право. Но верно ли я поняла твой намек, будто у меня была интрижка с Джо Абернэти? Ты об этом?

Ему хватило совести опустить глаза.

— Все так думают, не только я, — пробормотал он. — Ты все время проводишь с этим человеком. Но речь идет не столько о тебе, сколько о Бри. Втягивать ее в... ситуации, где ей будет грозить опасность и... и к подобным людям...

— Чернокожим, ты хочешь сказать?

— Ну да, черт возьми! — вскипел он, подняв на меня сверкающий взгляд. — Хватит уже и того, что этот Абернэти бывает на всех наших вечеринках — он, по крайней мере, получил образование. Но как насчет того толстяка с племенными татуировками и сальными волосами, которого я видел в их доме? Этого отвратительного ленивого пресмыкающегося с масляным голосом. И молодой Абернэти стал болтаться вокруг Бри днем и ночью, водить на марши, сборища и оргии в низкопробных забегах...

— Не думаю, что существуют «высокопробные» забежки, — оборвала его я, с трудом удержавшись, чтобы не рассмеяться в ответ на недоброе, но точное описание одного из наиболее эксцентричных друзей Леонарда Абернэти. — А ты знаешь, что теперь Ленни называет себя Мухаммед Измаил Шабаз?

— Да, он говорил мне, — произнес он коротко, — и я хочу принять меры предосторожности против того, чтобы моя дочь стала миссис Шабаз.

— Я не думаю, что Бри испытывает такие чувства к Ленни, — заверила я его, стараясь подавить раздражение.

— И не будет. Она поедет со мной в Англию.

— Нет, если она этого не захочет, — твердо сказала я.

Несомненно почувствовав, что его позиция уязвима, Фрэнк выбрался из постели и начал искать свои тапочки.

— Мне не нужно твое разрешение, чтобы взять мою дочь в Англию. К тому же Бри пока еще несовершеннолетняя: она поедет туда, куда я скажу. Я был бы благодарен, если бы ты нашла ее медицинскую карту; она потребуется в новой школе.

— Твою дочь? — повторила я снова. От злости мне стало жарко, несмотря на холод в комнате. — Бри моя дочь, и ты ее никуда не возьмешь!

— Ты не можешь мне помешать, — указал он с отвратительной невозмутимостью, подняв свой халат с изножья кровати.

— Черта с два, — заявила я. — Ты хочешь развестись со мной? Прекрасно. Используй любой предлог, какой хочешь, за исключением супружеской измены, которую ты не сможешь доказать, потому что ее не было. Но если ты попытаешься увести с собой Бри, то я сама подниму в суде вопрос о супружеской неверности. Хочешь знать сколько брошенных тобой любовниц приходили ко мне и просили отказаться от тебя?

У Фрэнка отвисла челюсть.

— Я всем им говорила, что всегда готова, было бы на то твое желание.

Я сложила руки, сунув ладони под мышцы: запал прошел, и холод стал ощущаться снова.

— По правде говоря, я недоумевала, почему ты не попросил развода раньше. Наверное, из-за Брианны.

От его лица отхлынула кровь, и оно белело в сумраке, словно череп.

— Что ж, — сказал он, пытаясь восстановить свое обычное самообладание. — Я не думал, что это тебя задевает. Ты ведь никогда не предпринимала попыток меня остановить.

Я уставилась на него в полном изумлении.

— Остановить тебя? — спросила я. — А что я должна была сделать? Вскрывать над паром твою корреспонденцию и махать письмами у тебя перед носом? Устроить сцену на рождественской вечеринке факультета? Пожаловаться декану?

Фрэнк поджал губы, но тут же расслабился.

— Ты могла бы вести себя так, как будто для тебя это имеет значение, — тихо произнес он.

— Это имело значение, — выдавила я из себя.

Он покачал головой, продолжая смотреть на меня темными в свете лампы глазами.

— Не в достаточной степени.

Фрэнк помолчал. Лицо его бледным пятном маячило над халатом. Потом он обошел кровать и остановился рядом со мной.

— Иногда я задумывался, вправе ли я винить тебя? — сказал он задумчиво, — Он был похож на Бри, да?

— Да.

Фрэнк дышал тяжело, почти хрипел.

— Я вижу это по твоему лицу, когда ты смотришь на нее, я вижу, что ты думаешь о нем. Будь ты проклята, Клэр Бошан, — сказал он почти нежно. — Будь проклята ты и твое лицо, которое ничего не может скрыть: ни твоих мыслей, ни твоих чувств.

За этим последовало молчание из тех, на фоне которых становится слышным обычно неуловимое дыхание дома. К которому прислушиваешься, силясь притвориться, что ты не слышал того, что было только что сказано.

— Я действительно любила тебя, — тихо произнесла я после затянувшейся паузы. — Когда-то.

— Когда-то, — эхом отозвался он. — Я должен быть благодарен за

это?

К моим онемевшим губам стала возвращаться чувствительность.

— Я же говорила тебе, — сказала я. — А потом, уже потом... Фрэнк, я же старалась.

То, что он услышал в моем голосе, заставило его на миг замереть.

— Старалась, — очень тихо повторила я. — Но если тебе этого было недостаточно, ты мог уйти давным-давно.

Он отвернулся, подошел к моему туалетному столику и, рассеянно перебирая лежавшие там предметы, заговорил:

— Поначалу я просто не мог бросить тебя — беременную, одну, На это способен только подонок. А потом... Бри.

Невидящим взглядом он уставился на помаду, которую держал в руке, и бережно положил ее на стеклянную столешницу.

— Я не мог от нее отказаться, — еле слышно признался Фрэнк, и, когда повернулся ко мне, его глаза на затененном лице походили на бездонные темные дыры. — Ты знала, что я не могу иметь детей? Я... проверялся несколько лет назад. Я бесплоден.

Я покачала головой, не решаясь заговорить.

— Бри моя, она моя дочь, — произнес он как будто самому себе. — Единственный ребенок, других у меня никогда не будет, но ты не можешь видеть ее, не думая о нем! Интересно, без этого постоянного напоминания ты бы забыла его со временем?

— Нет.

Это произнесенное шепотом слово поразило его, как электрическим шоком. Он застыл на месте, потом распахнул шкаф и принялся судорожно натягивать на себя одежду поверх пижамы. Я стояла, обхватив себя руками, глядя, как он надевает пальто и выбегает из комнаты. Ворот его голубой шелковой пижамы торчал поверх каракулевого воротника.

Я услышала, как закрылась входная дверь — ему хватило самообладания не хлопнуть ею, — а потом звук неохотно разогревающегося мотора. Свет передних фар скользнул по потолку спальни, когда машина подалась задом по дорожке и унеслась, оставив меня одну в измятой постели.

Фрэнк не вернулся. Я пыталась заснуть, но поймала себя на том, что лежу неподвижно на холодной кровати, заново переживая этот спор и прислушиваясь, не зашуршат ли шины на дорожке. Ничего хорошего в этом не было. Наконец я встала, оделась, оставила записку для Бри и вышла из дома.

Из больницы не звонили, но почему бы мне не пойти и не взглянуть на

моего пациента, все лучше, чем ворочаться, не находя себе места всю ночь. И честно говоря, я бы не возражала, если бы Фрэнк вернулся домой и увидел, что меня нет.

Улицы были скользкими, как сливочное масло, черный лед поблескивал в свете уличных фонарей. Желтое фосфорное свечение зажигало хлопья падавшего снега. Не пройдет и часа, как пленка льда на мостовых скроется под свежей пудрой и ходить станет вдвое опаснее. Единственное утешение в том, что в четыре утра на улице никого нет и никого не подстерегает опасность. То есть никого, кроме меня.

В больнице меня окутал привычный теплый, душноватый казенный запах и, словно пелена обыденности, отделил от оставшейся снаружи снежной черной ночи.

— С ним все в порядке, — тихо сказала мне медсестра, как будто обычный голос мог потревожить спящего человека. — Все жизненные показатели стабильны, анализы в порядке. Кровотечения нет.

Я и сама это видела: лицо пациента было бледным, но со слабым оттенком розового, как прожилки лепестка белой розы, и пульс в ложбинке горла был сильным и равномерным.

У меня вырвался облегченный выдох, а ведь я и не подозревала, что задерживаю дыхание.

— Хорошо, — сказала я. — Очень хорошо.

Сестра тепло улыбнулась, и я с трудом подавила порыв обнять ее. Больничная обстановка неожиданно показалась мне моим единственным прибежищем.

Не было никакого смысла возвращаться домой. Я быстро обошла остальных своих пациентов и направилась в кафетерий. Там по-прежнему пахло, как в английской школе-интернате, но я села с чашкой кофе и стала пить его маленькими глотками, думая о том, что мне сказать Бри.

Прошло, наверное, полчаса, когда сестра из информационной службы торопливо прошла через вращающиеся двери и, увидев меня, застыла на месте. Потом она медленно направилась ко мне.

Я сразу все поняла. Слишком часто мне приходилось видеть, как доктора и сестры сообщают близким о смерти пациента, и я не могла ошибиться. Очень спокойно, ничего не чувствуя, я поставила почти полную чашку, поняв в этот момент, что до конца моих дней буду помнить о том, что на краю чашки имелся скол, а золотая буква «Б» на боку почти стерлась.

— ...сказали, что вы здесь. Удостоверение личности в его бумажнике... полиция... снег на черном льду, занос... Несчастный случай

со смертельным исходом... — говорила сестра, в то время как я решительным шагом шла по сияющим белым коридорам, не глядя на нее, но видя, как сестры на постах поворачиваются в мою сторону, догадываясь по моему виду, что случилось нечто непоправимое.

Он лежал на каталке в одном из боксов отделения скорой помощи, пустом, безликом пространстве. Снаружи стояла припаркованная «скорая» — может быть, та самая, которая привезла его сюда. Двойные двери в конце коридора были открыты ледяному рассвету. Красный свет мигалки пульсировал, как артерия, словно заливая коридор кровью.

Я прикоснулась к Фрэнку. Его плоть была инертной, податливой на ощупь, что характерно для недавно умершего человека. И при этом он выглядел совсем как живой: на голове и лице ран не было, а все полученные повреждения скрывала наброшенная на тело простыня. Его горло было гладким и загорелым, но пульс в ложбинке не бился.

Положив руку на его неподвижную грудь, я смотрела на него так, как не смотрела уже давно. Сильный и изящный профиль, чувственные губы и четко очерченные нос и челюсть. Красивый мужчина, несмотря на глубокие морщины у рта, морщины разочарования и оставшегося невысказанным гнева, морщины, которые не смогла изгладить даже смерть.

Я стояла совершенно неподвижно, прислушиваясь. Снаружи донесся звук сирены очередной «скорой помощи», в коридоре послышались голоса. Скрип колес тележки, треск полицейской рации, мягкое жужжание флуоресцентного светильника.

Я вдруг поняла, что прислушиваюсь к Фрэнку, ожидая... чего? Того, что его дух витает где-то поблизости, стремясь завершить наше незаконченное дело?

Я закрыла глаза, чтобы отключиться от неподвижного профиля, который становился попеременно то красным, то белым вместе с пульсацией света.

— Фрэнк, — произнесла я тихо в ледяной воздух, — если ты пока достаточно близко и слышишь меня, я любила тебя. Когда-то. Любила.

Потом там оказался Джо, он протолкался через наполненный людьми коридор. На лице его читалась тревога. Он пришел прямо из операционной в зеленом хирургическом костюме. На линзах очков виднелась маленькая капелька крови, смазанное пятно было и на груди.

— Клэр, — сказал он. — Господи, Клэр!

И тут меня начало трясти. За десять лет знакомства он ни разу не называл меня иначе как Джейн или леди Джейн. Если уж он назвал меня моим настоящим именем, значит, все реально. Моя рука в темной ладони

Джо показалась неестественно белой, потом в пульсирующем свете сделалась красной. Я повернулась к нему, надежному как скала, положила голову ему на плечо и в первый раз заплакала о Фрэнке.

Я прислонилась лицом к окну спальни дома на Фэйри-стрит. Стоял жаркий, душный голубой сентябрьский вечер, наполненный стрекотом сверчков и плеском газонных разбрызгивателей, но перед моим внутренним взором стояли два главных цвета той, двухгодичной давности, зимней ночи. Черный и белый. Черный лед и белые простыни, а потом морок бледно-серого рассвета.

Глаза затуманились при воспоминании о суете в больничном коридоре и о пульсирующей красной мигалке «скорой помощи», омывавшей безмолвный бокс кровавым светом, когда я впервые плакала по Фрэнку.

Сейчас я плакала по нему в последний раз, но, даже когда слезы струились по щекам, знала, что мы простились навсегда двадцать с лишним лет назад на вершине шотландского холма.

Наплакавшись, я встала и положила руку на гладкое голубое покрывало, мягко подвернутое под подушку слева — со стороны Фрэнка.

— До свидания, дорогой, — прошептала я и отправилась спать вниз, подальше от призраков.

Поутру меня разбудил дверной звонок, подняв с устроенной на диване постели.

— Телеграмма, мэм, — сказал почтальон, стараясь не смотреть на мою ночную рубашку.

Эти маленькие желтые конверты, вероятно, несли ответственность почти за такое же количество сердечных приступов, как жирный бекон на завтрак. Сердце мое сжалось, а потом тревожно затрепыхалось.

Я дала почтальону на чай и вошла в дом: почему-то мне взбрело в голову, что открыть и прочесть телеграмму можно только в ванной, как будто это было взрывное устройство, которое можно обезвредить под водой.

Сидя на краю ванны, прижавшись для надежности спиной к кафельной стене, я дрожащими пальцами вынула телеграмму из конверта.

Сообщение оказалось кратким. Конечно, шотландец должен быть скупым на слова, рассеянно подумала я.

«НАШЕЛ ЕГО. ВЫ ВЕРНЕТЕСЬ? РОДЖЕР».

Я аккуратно сложила телеграмму, убрала в конверт и долго сидела, пристально глядя на него. А потом встала и пошла одеваться.

Глава 20

ДИАГНОЗ

Джо Абернэти сидел за письменным столом, хмуро всматриваясь в маленький прямоугольник светлого картона, который держал обеими руками.

— Что это? — спросила я, бесцеремонно примостившись на краешке стола.

— Визитка.

Он вручил мне картонку с видом удивленным и раздосадованным.

Бледно-серая визитная карточка была отпечатана на бумаге «верже» изысканным шрифтом с засечками. В середине визитки значилось: «Мухаммед Измаил Шабаз III», ниже были адрес и номер телефона.

— Ленни? — спросила я со смехом. — Мухаммед Измаил Третий?

— Ага, — хмыкнул Джо, которого, похоже, это все-таки забавляло. — Он говорит, что не собирается носить имя как у белого человека, потому что это рабское имя. Намерен, видишь ли, вернуться к африканским истокам. Я полагаю, — язвительно добавил Абернэти, — что, раз так, ему стоит вставить в нос кость да в таком виде везде и разгуливать. Как будто недостаточно того, что он отпустил себе лохмы, словно в джунглях, и, похоже, не уймется, пока они не дорастут до колен. Нет, нашему Ленни — прошу прощения, Мухаммеду — обязательно надо заделаться самым что ни есть африканским африканцем.

Джо махнул рукой в сторону окна, выходящего на парк.

— Я говорю ему: «Парень, посмотри по сторонам, ты видишь каких-нибудь львов? Это что, по-твоему, похоже на Африку?» — Он откинулся назад в мягком кресле, вытянув ноги, и покачал головой. — Но что толку говорить с юнцом.

— Верно, — сказала я. — А почему Третий?

Джо блеснул в ответ золотым зубом.

— Ну в общем, он завел речь об «утраченной традиции», «недостающей истории» и всем таком прочем. «Как я могу, — говорил Ленни, — ходить рядом со всеми этими парнями, с которыми встречаюсь в Йеле и которых зовут Кэдуолладер Четвертый и Сьюэлл Лодж Младший, если мне неизвестно даже имя моего деда и откуда я родом?»

Джо хмыкнул.

— Я сказал ему: «Малый, если хочешь узнать, откуда ты родом,

посмотрись в зеркало. Разве не видно, что твои предки приплыли на «Мейфлаузере»?»

Он снова взял визитку и невольно ухмыльнулся.

— А он твердит свое: нужно возвращаться к корням, и если дед не дал ему имени, то он, двигаясь в обратном направлении, сам даст имя деду. Здорово, да? И все бы ничего, — добавил Джо, — но получается, будто я оказываюсь как бы посередине. То есть для того, чтобы Ленин мог мнить себя «гордым афроамериканцем», я, видишь ли, должен стать Мухаммедом Измаилом Шабазом Младшим.

Он резко поднялся из-за стола, мрачно уставившись на бледно-серую визитку.

— Тебе повезло, леди Джейн, — заявил Джо. — По крайней мере, Бри не доставляет тебе хлопот, допытываясь, кто был ее дед. Единственное, о чем тебе нужно беспокоиться, так это о том, что она переберет с кайфом и забеременеет от какого-нибудь пройдохи, который увезет ее в Канаду.

Я рассмеялась.

— Ну и мысли у тебя!

— А что, я не прав?

Джо с интересом посмотрел на меня, снял очки в позолоченной оправе и протер их кончиком галстука.

— Ну и как Шотландия? — спросил он по завершении этой процедуры. — Бри там понравилось?

— Она еще там, — сказала я. — Ищет свою историю, свои истоки. — Джо открыл было рот, собираясь что-то сказать, когда раздался настойчивый стук в дверь.

— Доктор Абернэти?

Дородный молодой человек в рубашке поло неуверенно заглянул в кабинет. К своему внушительному животу он обеими руками прижимал большую картонную коробку.

— Называйте меня Измаилом, — добродушно сказал Джо.

— Что?

У молодого человека слегка приоткрылся рот, и он бросил на меня взгляд, в котором недоумение мешалось с надеждой.

— Это вы доктор Абернэти?

— Нет, — сказала я, вставая со стола и расправляя юбку, — это он, когда не имеет ничего против. Джо, не буду тебе мешать, но если попозже у тебя найдется минутка...

— Нет, леди Джейн, задержись, — перебил меня Джо.

Он встал, забрал коробку у молодого человека и официально пожал

ему руку.

— Вы, наверное, мистер Томпсон? Джон Уиклоу звонил мне и предупредил о вашем визите. Приятно познакомиться.

— Гораций Томпсон, сэр, — сказал молодой человек, моргая. — Я принес... э-э... образчик...

Он махнул рукой на картонную коробку.

— Да, все правильно. Разумеется, я, как и обещал, осмотрю его, но думаю, что присутствующая здесь доктор Рэндолл тоже могла бы помочь.

Он покосился на меня, и в его взгляде промелькнула лукавая искорка.

— Я просто хочу посмотреть, можешь ли ты сделать это с мертвецом, леди Джейн.

— Сделать что? — спросила я, но Джо уже полез в открытую коробку и бережно извлек оттуда череп.

— О, прелесть! — восхищенно пробормотал он, осторожно вертя его в руках.

По правде сказать, я никакой прелести не видела. Череп был старый, в пятнах, сильно обесцвеченный, кость во многих местах расслаивалась. Джо поднес его к окну и держал на свету, ласково поглаживая пальцами маленькие костные выступы над глазницами.

— Симпатичная леди, — тихо произнес он, обращаясь одновременно к черепу, ко мне и к Горацию Томпсону. — Взрослая, даже зрелая. Может быть, лет под пятьдесят или за пятьдесят. А ноги у вас есть? — неожиданно спросил Абернэти у упитанного молодого человека.

— Да, здесь, — заверил его Гораций Томпсон и полез в коробку. — Собственно говоря, у нас тут весь скелет.

Скорее всего, Томпсон служил в офисе coronera. Бывало, Джо привозили найденные в плохом состоянии неопознанные трупы, чтобы получить экспертное заключение относительно причины смерти. Скелет, находившийся в плохом состоянии, мог относиться как раз к этой категории.

— Вот, доктор Рэндолл. — Джо наклонился и бережно вложил череп мне в руки. — Пока я проверяю ногти этой покойной леди, скажите, хорошее ли здоровье имела она при жизни.

— Я? Я же не судебный эксперт.

Однако мой взгляд невольно отметил, что череп или очень старый, или подвергся сильному погодному воздействию — об этом говорила слишком гладкая, нехарактерная для более свежих образцов поверхность, пятна и обесцвечивание, вызванное выщелачиванием пигментов.

— Ну ладно.

Я медленно повертела череп в руках, внимательно всматриваясь в кости и мысленно называя каждую по очереди. Гладкая дуга теменной кости соединялась с покатою височной, помеченной небольшим наростом, обозначающим место, куда крепилась челюстная мышца. Выступ сцеплялся с верхнечелюстным, образуя изящный изгиб чешуйчатой дуги. У нее были прекрасной формы скулы, высокие и широкие. На верхней челюсти сохранилась большая часть зубов — прямых и белых.

Глубокие глаза. Провалы глазниц были темны; даже наклонив череп набок, мне не удалось достаточно осветить всю полость. Череп был легким, кости — хрупкими. Я погладила ее лоб, потом пробежала рукой вверх и вниз по затылку. Пальцы искали темное отверстие у основания, главный канал, по которому в мозг и из мозга поступают все сигналы нервной системы.

Потом я прижала череп к груди, закрыла глаза и ощутила смутную печаль, наполнявшую полость черепа, как бегущая вода. И странное слабое ощущение. Удивление?

— Кто-то убил ее, — сказала я. — Она не хотела умирать.

Я открыла глаза и увидела, что Гораций Томпсон вытаращился на меня, а его круглая физиономия слегка побледнела. Я передала ему череп.

— Где вы ее откопали? — спросила я.

Мистер Томпсон обменялся взглядами с Джо и посмотрел на меня с нескрываемым удивлением.

— В пещере на Карибах. С ней было множество артефактов. Мы думаем, что ей лет сто пятьдесят — двести, что-то в этом диапазоне.

— Сколько?!

Джо широко ухмыльнулся, наслаждаясь своей шуткой.

— Наш друг мистер Томпсон — сотрудник факультета антропологии Гарварда, — пояснил он. — Его друг Уиклоу знает меня, вот и попросил взглянуть на этот скелет и рассказать о нем все, что я смогу.

— Ну вы и наглецы! — вырвалось у меня возмущенное восклицание. — Я-то думала, это неопознанное тело, которое притащили в офис коронера.

— Вообще-то так оно и есть, — хмыкнул Джо. — Она неопознана, да такой наверняка и останется.

Он рылся в картонной коробке, как терьер. На крышке коробки было написано «Сладкая кукуруза».

— И что у нас здесь есть? — пробормотал он, бережно извлекая пластиковый мешочек с мешаниной позвонков.

— Когда мы нашли скелет, он был фрагментирован, — пояснил

Гораций.

Тем временем Джо, бормоча что-то ласковое, выкладывал позвонки вдоль края стола, умело орудуя короткими пальцами, чтобы подогнать их один к другому в правильном порядке. Шейные позвонки... спинные...

— Не обращайтесь на него внимания, — сказала я Горацию. — Этим вы его только раззадорите.

— Услышьте... слово... Господа! — торжествующе закончил Джо. — Боже мой, леди Джейн, я обнаружил кое-что интересное. Посмотри-ка сюда.

Мы с Горацием Томпсоном послушно склонились над линией заостренных позвоночных костей. На безупречно выложенной Абернэти оси сразу бросалась в глаза глубокая вмятина или трещина — сочленовный отросток был фактически разломан пополам.

— Перелом шеи? — спросил Томпсон, заинтересованно всматриваясь.

— Думаю, не просто перелом, — ответил Джо, и его палец двинулся к разлому. — Видите? Кость не просто надломлена, она вмята! Кто-то пытался отрубить нашей леди голову. Тупым клинком, — воодушевленно заключил он.

Гораций Томпсон бросил на меня странный взгляд.

— Откуда вы узнали, что она была убита, доктор Рэндолл? — спросил он.

Я почувствовала, как кровь прихлынула к моему лицу.

— Понятия не имею. Просто... от нее исходило такое ощущение, вот и все.

— Правда? — Он поморгал, но выпрашивать не стал. — Как странно.

— Странно не странно, а у нее это получается, — сообщил ему Джо, одновременно измеряя парой кронциркулей бедренную кость. — Правда, обычно она проделывает это с живыми людьми. Самый лучший диагност, которого я когда-либо знал.

Он отложил циркули и взял маленькую пластиковую линейку.

— В пещере, вы сказали?

— Мы думаем, что это было... э-э... тайное захоронение рабов, — пояснил мистер Томпсон, краснея, и я вдруг поняла, почему он так смутился, когда узнал, кто из нас доктор Абернэти.

Джо бросил на него быстрый взгляд, но потом снова склонился над своей работой. Напевая себе под нос «Эти сухие кости», он измерил тазовый вход и снова перешел к костям ног, на сей раз сосредоточившись на большеберцовых. Наконец Джо выпрямился, покачал головой и уверенно заявил:

— Это не рабыня.

Гораций растерянно заморгал.

— Но этого не может быть, — попытался возразить он. — Рядом со скелетом были найдены предметы... отчетливое африканское влияние.

— Нет, — решительно сказал Джо и постучал ногтем по лежавшей на столе сухой бедренной кости. — Она не была черной.

— Вы можете определить это по костям? — заволновался Гораций Томпсон. — Но я думал... я имею в виду, эта работа Янсена — теория о физических различиях между расами — в основном опровергнута.

Джо повернулся и достал с полки позади себя книгу под названием «Таблицы вариаций скелетов».

— Ознакомьтесь с этим трудом, — предложил он. — Вы увидите, что в действительности между скелетами представителей разных рас существует множество различий, но в первую очередь это относится к костям ног. У чернокожих соотношение бедренных и большеберцовых костей совсем иное, чем у белых. И эта леди, — он указал на скелет на столе, — была белой. Представительницей европейской расы. Тут и говорить не о чем.

— О, — сказал Гораций Томпсон. — Что ж, мне надо подумать... Было весьма любезно с вашей стороны взглянуть на нее и дать свое заключение. Большое спасибо, — добавил он, неловко поклонившись.

Мы молча наблюдали за тем, как Гораций заворачивает кости и снова укладывает их в коробку из-под сладкой кукурузы. Перед уходом он остановился у двери и снова поклонился.

Когда дверь за ним закрылась, Джо отрывисто рассмеялся.

— Хочешь побиться об заклад, что он потащит кости к другому эксперту, чтобы получить еще одно заключение?

— Ученые очень неохотно отказываются от своих теорий, — сказала я, пожав плечами. — Я довольно долго прожила с ученым, так что мне ли этого не знать.

Джо снова хмыкнул.

— И то верно. Ну ладно, теперь, когда мы разобрались с мистером Томпсоном и его мертвой белой леди, чем я могу помочь тебе, леди Джейн?

Я глубоко вздохнула и повернулась к нему лицом.

— Меня интересует откровенное мнение человека, на объективность которого я могу положиться. Нет, — поправила я. — Беру свои слова обратно. Мне действительно нужно услышать такое мнение, но потом, в зависимости от того, что я услышу, может потребоваться еще и услуга.

— Нет проблем, — заверил меня Джо. — Особенно насчет мнения. Это же моя специальность — давать советы. — Он откинулся на спинку

кресла, водрузил на свой широкий нос очки в золотой оправе, сложил руки на груди и кивнул мне: — Валяй.

— Меня можно назвать сексуально привлекательной? — спросила я.

Его глаза всегда напоминали мне ириски своим золотисто-коричневым цветом. Сейчас, когда они округлились, это сходство сделалось еще сильнее.

Потом они сузились, но он ответил не сразу, а лишь осмотрев меня с головы до пят.

— Это непростой вопрос, верно? — сказал он. — Стоит мне ответить, и какая-нибудь чокнутая феминистка выскочит из-за двери с криком: «Сексистская свинья!» — и треснет меня по черепушке плакатом с лозунгом «Кастрировать приверженцев мужского шовинизма!»

— Ничего подобного не произойдет, — заверила я его. — Мне как раз нужен ответ отъявленного сексиста и мужского шовиниста.

— Что ж, ладно. Раз уж мы говорим напрямик.

Он снова принялся внимательно меня рассматривать.

— Тощая белая девка с чересчур большим количеством волос, но впечатляющей задницей, — заключил он наконец с благодушным кивком. — Это ты хотела услышать?

— Да, — сказала я, слегка расслабившись. — Именно это.

Он беззвучно присвистнул, откинул голову назад и восторженно расхохотался.

— Леди Джейн! Да ты хочешь подцепить мужика!

Я почувствовала, что краснею, но постаралась сохранить достоинство.

— Ну не знаю. Может быть. Может быть.

— Может быть! Боже мой, леди Джейн, давно пора!

— Будь добр, перестань гоготать, — сказала я, опустившись на стул, предназначенный для его посетителей. — Это не идет человеку твоих лет и положения.

— Моих лет? Ого! — сказал он, пристально вглядываясь в меня сквозь очки. — Он моложе тебя? Это тебя беспокоит?

— Ни капельки, — отрезала я, благо краска с моего лица к тому времени уже почти сошла. — Но я не видела его двадцать лет. Ты единственный человек, который знаком со мной долгое время, а мне важно знать, очень ли я изменилась с тех пор, как мы познакомились?

Я продолжала смотреть на него в упор, требуя откровенности. Он снял очки, прищурился, потом снова надел их.

— Нет, — сказал он. — И не изменишься, если не растолстеешь.

— Не изменюсь?

— Не-а. Ты когда-нибудь бывала на встречах выпускников своей школы?

— Я не ходила в школу.

Его брови взметнулись вверх.

— Нет? Надо же, повезло. Ну а я ходил. И скажу тебе вот что, леди Джейн: ты встречаешь всех этих людей, которых не видел двадцать лет, и в какую-то долю секунды, когда ты смотришь на человека, которого когда-то знал, ты думаешь: «Боже мой, да он изменился!» — а потом вдруг оказывается, что он вовсе не изменился и этих двадцати лет как не бывало. Я хочу сказать...

Он яростно потер голову, подбирая нужные слова.

— Ты видишь, что они слегка поседели, обзавелись морщинами и, возможно, они уже не такие, какими были прежде, но спустя всего две минуты после первого потрясения этого уже не замечаешь. Они те же самые люди, которыми были всегда, и ты вынужден отойти немного назад, чтобы увидеть, что им больше не восемнадцать. Если же люди полнеют, — задумчиво продолжил он, — они немного меняются. Труднее увидеть, какими они были, потому что меняются лица. Но ты, — он снова, прищурившись, взглянул на меня, — ты никогда не растолстеешь, ты к этому не предрасположена.

— Пожалуй, — согласилась я, разглядывая свои сложенные на коленях руки.

Изящные запястья... Пока я еще точно не расплнела! В лучах осеннего солнца кольца на моих тонких пальцах слегка поблескивали.

— Это отец Бри? — тихо спросил он.

Я вскинула голову и уставилась на него.

— Как ты вообще догадался?

Он слегка улыбнулся.

— Сколько я уже знаю Бри, а? Лет десять, не меньше. — Джо покачал головой. — У нее очень многое от тебя, леди Джейн, но я никогда не замечал в ней ничего от Фрэнка. У ее отца рыжие волосы, верно? И он здоровенный сукин сын, или все то, что я знаю о генетике, — ложь.

— Да, — ответила я, и это простое признание пробудило во мне волнение.

Пока я сама не рассказала Бри и Роджеру о Джейми, я не упоминала о нем двадцать лет, и радость неожиданно открывшейся возможности говорить о нем свободно просто пьянила.

— Да, он здоровенный и рыжеволосый, и он шотландец, — сказала я, отчего глаза Джо округлились еще больше.

— И Бри сейчас в Шотландии?

Я кивнула.

— Бри сейчас именно там, где надо.

Два часа спустя я вышла из больницы в последний раз, оставив адресованное администрации заявление об увольнении и все необходимые документы, касающиеся распоряжения моей собственностью до совершеннолетия Брианны, равно как и свидетельство о переводе всего принадлежащего мне имущества на ее имя. Выезжая с парковки я испытывала смешанные чувства: некую толику сожаления и несомненное воодушевление. Так или иначе, мой путь определился.

Глава 21

Q.E.D.

Инвернесс, 5 октября 1968 года

— Я нашел передаточный акт!

В голосе Роджера чувствовалось возбуждение. Его распирало желание поделиться со мной своими открытиями еще на вокзале Инвернесса, пока Брианна тащила к машине меня и мои чемоданы. Едва успев запихнуть нас и все мое барахло в свой крохотный «моррис» и запустить мотор, Роджер тут же принялся выкладывать новости.

— Что за акт? О передаче прав на Лаллиброх?

Я перегнулась через спинку сиденья между ним и Брианной, чтобы слышать его в шуме мотора.

— Да, этот Джейми — ваш Джейми — перевел свою собственность на имя племянника, Джейми-младшего.

— Документ в пасторском доме, — вставила Брианна, поворачиваясь ко мне. — Мы побоялись привезти это с собой; Роджеру пришлось чуть ли не кровью расписываться, чтобы ему выдали документ из хранилища на дом.

Ее светлая кожа порозовела от возбуждения и дневной прохлады, в рыжих волосах поблескивали дождевые капли. Для меня всегда было потрясением видеть ее снова после разлуки — матери всегда считают своих детей красивыми, но Бри действительно была красавицей.

Я улыбнулась ей, сияя от любви, смешанной с паникой. Неужели я действительно думала о том, чтобы оставить ее? Ошибочно приписав мою улыбку радости в связи с полученными новостями, она продолжила, возбужденно вцепившись в спинку сиденья:

— Но тебе никогда не догадаться, что еще мы нашли!

— Ты нашла, — уточнил Роджер, сжав ее колено рукой.

Она бросила на него быстрый взгляд, и в нем было столько интимности и взаимопонимания, что в моем сердце зазвонили колокольчики материнской тревоги. Значит, вот оно уже как? Мне показалось, что тень Фрэнка обвиняюще смотрит через мое плечо. Что ж, по крайней мере, Роджер не чернокожий. Я прокашлялась и сказала:

— Правда? И что же это?

Они переглянулись, широко улыбаясь друг другу.

— Подожди, мама, и сама увидишь, — сказала Бри с поразительным

самодовольством.

— Видишь? — спросила она двадцать минут спустя, когда я склонилась над столом в кабинете пасторского дома.

На обшарпанной столешнице письменного стола покойного преподобного Уэйкфилда лежала связка пожелтевших, покрывшихся по краям бурыми пятнами бумаг. Они были бережно уложены в защитные пластиковые папки, но очевидно, что когда-то ими пользовались не слишком аккуратно: края были обтрепаны, один листок грубо разорван наполовину, и на всех имелись заметки и уточнения, нацарапанные на полях и вкрапленные в текст. Понятно, что это был черновой набросок — только чего?

— Это текст статьи, — пояснил Роджер, роясь в огромных томах, сваленных на диване. — Она была опубликована в журнале «Форрестер», выпущенном в Эдинбурге в тысяча семьсот шестьдесят пятом году печатником по имени Александр Малкольм.

Я судорожно вздохнула, английская блузка вдруг сделалась слишком тесной под мышками. Тысяча семьсот шестьдесят пятый год — это почти через двадцать лет после того, как я рассталась с Джейми.

Я уставилась на побуревшие от времени, испещренные каракулями бумаги. Судя по почерку, писавший был не слишком в ладах с пером и письмо давалось ему нелегко. Можно было подумать, что этот текст написал левша, которому почему-то пришлось взять перо в правую руку.

— Видите, это опубликованная версия. — Роджер принес открытый фолиант и положил его на стол передо мной. — Видите дату? Это тысяча семьсот шестьдесят пятый год, и текст почти точно совпадает с этим рукописным оригиналом, не включены лишь некоторые заметки на полях.

— Да, — сказала я. — А как насчет акта передачи?

— Вот он.

Брианна торопливо пошарила в верхнем ящике стола и извлекла изрядно помятую бумагу, также заключенную в защитный пластик. Правда, в данном случае с защитными мерами припозднились еще в большей степени, чем в отношении текста статьи: бумага была заляпана дождевыми каплями, испачкана и порвана, многие из слов расплылись так, что уже не поддавались прочтению. Но три подписи внизу оставались разборчивыми.

Собственноручно подписал Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрэзер. В данном случае слова были выведены так старательно и аккуратно, что лишь по особенностям начертания пары букв можно было догадаться, что подпись выведена той же рукой, что набросала текст статьи. Еще две строчки занимали подписи двух свидетелей. Тонкими,

изящными завитушками было выведено «Муррей Фицгиббонс Фрэзер», а ниже моей собственной рукой — «Клэр Бошан Фрэзер».

Неожиданно у меня подкосились ноги, и я села, положив руку на документ, словно была не в состоянии поверить в его реальность.

— Ну разве это не то, что надо? — произнес Роджер спокойным тоном, которому противоречила легкая дрожь пальцев, ставшая заметной, когда он положил рядом с актом стопку бумаг. — Вы сами подписали документ. Неопровержимое доказательство — если оно было нам нужно, — добавил он, бросив быстрый взгляд на Бри.

Она покачала головой, спрятав лицо за завесой волос. Ни Роджер, ни Бри не нуждались в этом доказательстве. Исчезновения Джейлис Дункан в каменном круге пять месяцев назад оказалось более чем достаточно, чтобы подтвердить правдивость моей истории.

И все же найденный документ, написанный черным по белому, произвел на нас потрясающее впечатление. Я снова сравнила подпись под передаточным актом и рукописный текст статьи.

— Это та же рука, мама? — Бри озабоченно склонилась над страницами, ее волосы мягко скользнули по моей руке. — Статья не подписана, точнее, подписана псевдонимом. — Она улыбнулась. — Автор подписался «Q.E.D.»^[7]. Нам показалось, что рука та же самая, но мы ведь не графологи, а отдавать бумаги на экспертизу не хотели, пока на них не помотришь ты.

— Я думаю, это так. — У меня перехватило дыхание, но это ощущение сочеталось с неопишуемым восторгом. — Да, я почти уверена. Этот Q.E.D. — не кто иной, как Джейми!

У меня возник нелепый порыв вырвать страницы рукописи из пластиковой оболочки и зажать их в руках, почувствовать на ощупь чернила и бумагу, которых касалась его рука и которые служили неопровержимым доказательством того, что он выжил.

— Есть еще доказательство. Скрытое. — В голосе Роджера слышалась гордость, — Видите? Это статья против указа об акцизах от тысяча семьсот шестьдесят четвертого года, выступающая за отмену ограничений на ввоз крепких напитков из горной Шотландии в Англию. Вот это. — Его указующий перст неожиданно остановился на фразе «ибо, как известно с незапамятных времен, свобода и виски неразлучны». — Видите, как он вставил в текст эту шотландскую поговорку. Я и не знал, что она существовала уже в то время.

— Он узнал ее от меня, — тихо пояснила я. — Процитировала, когда он разбирался с портвейном принца Карла.

— Надо же! — возбужденно воскликнул Роджер.

— Но ведь это цитата из Бернса, — нахмурилась я. — Выходит, автор статьи мог подцепить эту фразу и не от меня. Разве Бернс не жил в то время?

— Жил, конечно, — самодовольно заявила Бри, опередив Роджера. — Но в тысяча семьсот шестьдесят пятом году Роберту Бернсу было шесть лет.

— А Джейми сорок четыре.

Неожиданно все происходящее обрело реальность. Он жив — был жив, поправились я, стараясь держать свои эмоции под контролем. Мои дрожащие пальцы вновь легли на манускрипт.

— А если... А если время идет параллельно, как мы считаем...

Роджер посмотрел на меня, потом на Брианну. Она совсем побледнела, но губы не дрожали, взгляд оставался твердым, и моей руки она коснулась теплыми пальцами.

— Тогда ты сможешь вернуться туда, мама, — тихо сказала она. — Ты сможешь найти его.

Пластиковые плечики дребезжали на стальной трубке магазинной вешалки для платьев, когда я медленно перебирала их.

— Я могу вам помочь?

Продавщица вперилась в меня взглядом, как услужливый пекинес: ее голубые глаза были едва видны из-под падавшей чуть ли не на нос челки.

— Есть у вас еще платья такого старомодного типа?

Я указала на вешалку передо мной, плотно увешанную образцами одежды в стиле ретро: платьями с кружевными корсажами и длинными полосатыми и клетчатыми юбками из льна, хлопка или вельвета.

Губы продавщицы были намазаны так густо, что, когда она улыбнулась, я испугалась, не начнет ли помада отваливаться кусками, но этого, к счастью, не произошло.

— О да, — зачастила она. — Сегодня мы как раз получили новую партию от Джессики Гуттенберг. Правда, они восхитительны, эти наряды под старину?

Она с восхищением провела пальцем по рукаву коричневого бархата, развернулась в легких балетках и указала в центр магазина.

— Вон там, видите? Там, где объявление.

Рекламное объявление над длинной вешалкой гласило: «ОБРЕТИТЕ ШАРМ ВОСЕМНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ». А чуть ниже, под большими белыми буквами рекламного призыва, красовалась изысканная подпись «Джессика Гуттенберг».

Размышляя о том, насколько невероятно, чтобы кого-то звали Джессика Гуттенберг, я принялась перебирать висящие на плечиках наряды, поражаясь ошеломляющему количеству удивительных платьев из великолепного бархата с атласными вставками и большим количеством кружев.

— На вешалке впечатление не то, нужно примерить. Они прекрасно смотрятся на фигуре.

Пекинес вернулся: носик продавщицы подрагивал в надежде на продажу.

— Может быть, — сказала я, — но такие наряды не очень практичны. Может запачкаться, как только выйдешь из магазина.

Я не без сожаления вернула на место белое платье и направилась к следующему ряду своего размера.

— О, мне как раз нравятся красные!

Девушка в восторге остановилась у платья из блестящей темно-красной материи.

— Мне тоже, — пробормотала я, — но не хочется выглядеть слишком вызывающе. Не годится, чтобы тебя принимали за проститутку, верно?

Пекинес взглянула на меня из-под своей челки с недоумением но потом решила, что я шучу, и одобрительно захихикала.

— Ну уж что вам подойдет, так вот это, — решительно заявила она, указывая на очередной образец. — Просто идеально. И цвет ваш, точно говорю.

И впрямь, платье было почти идеальным. Длиной до пола, с рукавами три четверти, с кружевной оторочкой. Глубокого рыжевато-золотистого цвета с проблесками коричневого, янтарного и шерри на тяжелом шелке.

Я осторожно сняла и подняла его, чтобы рассмотреть. Немного вычурно, но, может быть, сойдет? Фасон казался достаточно приличным, работа тоже — никаких торчащих ниток или кривых швов. Машинного изготовления кружева на лифе слегка топорщились, но это легко исправить.

— Хотите его примерить? Примерочные вон там.

Пекинес подпрыгивала возле моего локтя, явно воодушевленная проявленным мной интересом. Бросив быстрый взгляд на ценник, я поняла почему: должно быть, девица работала за процент с продаж. При виде суммы, которой хватило бы на месячную оплату съемной квартиры в Лондоне, я глубоко вздохнула, но потом пожала плечами. В конце концов, для чего мне нужны деньги?

И все же оставались сомнения.

— Ну не знаю... — нерешительно произнесла я. — Оно прелестное,

это правда. Но...

— О, если вы находите его слишком молодежным, то напрасно, — искренне заверила меня пекинес. — Вам не дашь больше двадцати пяти... ну от силы тридцати, — заключила она, бросив быстрый взгляд на мое лицо.

— Спасибо, — сухо отозвалась я. — Меня не это беспокоит. Скажите, а у вас нет моделей без молний?

— Без молний? — На ее маленьком круглом личике отразилось полное недоумение. — Э-э... нет. Пожалуй, что нет.

— Что ж, нет так нет, — сказала я, взяв платье под мышку и повернувшись в сторону примерочной. — Если я пройду через это, то молнии будут далеко не самой главной проблемой.

Глава 22

КАНУН ДНЯ ВСЕХ СВЯТЫХ

— Две золотые гиней, шесть соверенов, двадцать три шиллинга, восемнадцать девятипенсовых флоринов, десять полупенсовиков и... двенадцать фартингов.

Роджер уронил последнюю монетку на звякающую кучку, полез в карман рубашки и принялся шарить там с сосредоточенным выражением на худощавом лице.

— А, вот.

Он вынул маленький пластиковый мешочек и бережно высыпал горсть крохотных медных монеток в кучку рядом с остальными деньгами.

— Мелочь, — пояснил он. — Самая мелкая шотландская монета того времени. Я постарался раздобыть как можно больше, потому что именно их вам в основном предстоит тратить. Разменивать золото придется только в том случае, если понадобится купить лошадь или что-то в этом роде.

— Знаю.

Я взяла пару соверенов и взвесила их на ладони. Тяжелые золотые монеты, почти дюйм в диаметре. Чтобы собрать это маленькое состояние, поблескивавшее сейчас передо мной в свете лампы, Роджер и Бри потратили четыре дня, обходя лавки и конторы лондонских нумизматов.

— Знаете, что забавно: теперь эти монеты гораздо дороже своей номинальной стоимости, — заметила я, взяв золотую гиней, — но в плане их покупательной способности тогда они стоили примерно столько же, сколько сейчас. Это доход мелкого фермера за полгода.

— Я и забыл, — сказал Роджер, — что вы прекрасно знаете, что там почем.

— Это легко забыть, — пробормотала я, продолжая смотреть на деньги.

Краем глаза я увидела, как Бри вдруг придвинулась ближе к Роджеру, и он тут же протянул ей руку.

Я глубоко вздохнула и оторвала взгляд от крохотных кучек золота и серебра.

— Что ж, это дело сделано. Может быть, сходим куда-нибудь и поужинаем?

Ужин в одном из пабов на Ривер-стрит прошел по большей части в молчании. Клэр и Брианна сидели бок о бок на банкетке, Роджер напротив.

За едой они почти не смотрели друг на друга, но от Роджера не укрылись легкие, едва заметные прикосновения — то плечом, то бедром, то пальцами.

Как бы он справился, подумал он про себя, будь это его выбор? Его или кого-то из его родителей? Разумеется, разлука затрагивает все семьи, но, как правило, навсегда детей и родителей разлучает смерть. Она неизбежна. В данном же случае все очень усложняет возможность выбора.

«Это при том, что разлука вообще дело непростое», — подумал Роджер, подцепив на вилку изрядный кусок горячей картофельной запеканки с мясом.

Когда они встали из-за стола, он взял Клэр за руку.

— Могу я попросить вас кое-что сделать для меня?

— Пожалуй, — улыбнулась она. — А что?

Он кивнул на дверь.

— Закройте глаза и выйдите за дверь. Когда окажетесь снаружи, откройте их. Потом войдите и скажите мне, что вы увидели первым.

Ее губы изогнулись в удивленной улыбке.

— Хорошо. Будем надеяться, что я первым делом не увижу полисмена и вам не придется выручать меня под залог из тюрьмы за появление в общественном месте в нетрезвом виде и неподобающее поведение.

— Главное, чтобы это не оказались утки.

Клэр бросила на него странный взгляд, но послушно направилась к двери паба, закрыв глаза. Брианна проводила взглядом мать, исчезнувшую за дверью, повернулась к Роджеру и, подняв медные брови, спросила:

— Что ты затеял, Роджер? И при чем тут утки?

— Ничего особенного, — ответил он, не отрывая глаз от входа. — Просто старый обычай. День всех святых — это тот праздник, на который испокон веку гадали, пытаясь предсказать будущее. Выйти из дома с закрытыми глазами — это как раз один из способов такого гадания. Первое, что ты увидишь, открыв их, и есть знамение ближайшего будущего.

— А утки — это плохой знак?

— Все зависит от того, что они делают, — рассеянно ответил Роджер. — Если прячут голову под крыло, это предвещает смерть. Что ее там задержало?

— Давай пойдем и посмотрим, — нервно сказала Брианна. — Вряд ли в деловой части Инвернесса множество спящих уток, но в такой близости от реки...

В тот момент, когда они дошли до двери, ее стеклянная вставка потемнела, дверь распахнулась и они увидели взволнованную Клэр.

— Вы не поверите, кого я увидела первым! — воскликнула она.

— Не утку, прячущую голову под крыло? — с тревогой спросила Брианна.

— Нет. — Клэр озадаченно взглянула на нее. — Полисмена. Я повернула направо и наткнулась прямо на него.

— Значит, он шел в вашу сторону? — спросил Роджер с непонятым облегчением.

— Ну да, пока я не налетела на него, — сказала она. — Потом мы немного повальсировали по тротуару, вцепившись друг в друга. — Она рассмеялась, покрасневшись и еще больше похорошев, ее вишнево-карие глаза поблескивали в свете огней паба. — А что?

— Это хороший знак, — с улыбкой ответил Роджер. — Увидеть на День всех святых человека, который идет тебе навстречу, означает, что ты найдешь то, что ищешь.

— Правда? — Клэр остановила на нем загадочный взгляд, и ее лицо осветилось счастливой улыбкой. — Замечательно! Давайте вернемся домой и отпразднуем, а?

Тревога, не покидавшая их во время ужина, неожиданно рассеялась, сменившись нервным возбуждением. Всю дорогу они шутили и хохотали до упаду, а по возвращении в пасторский дом пили — Клэр с Роджером виски, а Брианна кока-колу, — провозглашая тосты за прошлое и будущее и с энтузиазмом обсуждая планы на завтрашний день. По настоянию Брианны они вырезали из тыквы потешный фонарь, который стоял на буфете, снисходительно ухмыляясь.

— Теперь у вас есть деньги, — произнес Роджер в десятый раз.

— И плащ, — подхватила Брианна.

— Да, да, да, — нетерпеливо сказала Клэр. — Все, что мне нужно или, по крайней мере, все, что я смогла раздобыть, — поправилась она.

Немного помолчав, Клэр потянулась и взяла Бри и Роджера за руки.

— Спасибо вам обоим, — сказала она. В ее глазах блеснула влага, и голос неожиданно стал хриплым. — Спасибо. Не выразить словами, что я чувствую. Нет слов. Но... О, мои дорогие, как я буду скучать по вам!

Потом они с Бри обнялись. Клэр уткнулась головой в шею дочери, и они крепко прижались друг к другу, как будто простая сила объятий могла как-то выразить глубину их взаимного чувства.

Наконец они оторвались друг от друга, обе с глазами на мокром месте, и Клэр погладила Брианну по щеке.

— Я пойду, — прошептала она. — Остались еще кое-какие дела. Встретимся утром, малышка.

Мать приподнялась на цыпочки, поцеловала дочь в нос, повернулась и быстро вышла из комнаты.

После ухода матери Брианна снова взяла стакан с кока-колой, села и тяжело вздохнула. Она молча глядела на огонь, медленно вертя стакан в руках.

Роджер начал приводить комнату в порядок: закрыл окна, навел чистоту на письменном столе, убрал справочники, которые использовал, чтобы помочь Клэр подготовиться к ее путешествию. Он задержался у фонаря из тыквы, но тот выглядел так потешно, когда свет горящей внутри свечи пробивался через прорези узких глаз и зубчатый рот, что молодой человек не мог заставить себя потушить его.

— Вряд ли от него что-нибудь загорится, — заметил он. — Оставим его?

Ответа не было. Роджер взглянул на Брианну и увидел, что она сидит неподвижно, не сводя глаз с камина. Девушка его не слышала. Он подошел и взял ее за руку.

— Может быть, она сумеет вернуться назад, — сказал он мягко. — Мы не знаем.

Брианна медленно покачала головой, не отрывая глаз от прыгающих язычков пламени, и тихо ответила:

— А мне кажется, что нет. Она ведь рассказывала тебе, каково это. Может быть, ей вообще не удастся пройти.

Длинные пальцы беспокойно постукивали по обтянутому джинсами бедру.

Роджер бросил взгляд на дверь, чтобы убедиться в том, что Клэр уже ушла наверх, и присел на диван рядом с Брианной.

— Она должна быть с ним, Бри, — сказал он. — Неужели ты этого не видишь, когда она говорит о нем?

— Я вижу. Я знаю, что она нуждается в нем. — Полная нижняя губа задрожала. — Но... я нуждаюсь в ней!

Брианна неожиданно вцепилась руками в колени и наклонилась вперед, словно пытаясь сдержать какую-то внезапную боль.

Роджер погладил ее по волосам, дивясь мягкости сияющих прядей, которые проскальзывали между его пальцами. Ему хотелось заключить ее в объятия, отчасти ради того чтобы успокоить, но она была слишком напряжена.

— Ты стала взрослой, Бри, — сказал он тихо. — Теперь ты живешь самостоятельно. Ты любишь ее, но ты больше не нуждаешься в ней — так, как нуждалась в детстве. Неужели она не имеет права на счастье?

— Да. Но... Роджер, тебе не понять! — вырвалось у нее.

Брианна плотно сжала губы, а когда повернулась к нему, глаза ее были темны от печали.

— Она все, что у меня осталось, Роджер! Единственная, кто действительно знает меня. Она и папа... Фрэнк, — поправилась она, — они были единственными, кто знал меня с самого начала, кто видел, как я училась ходить, и гордились мной, когда я делала успехи в учебе, и которые...

Голос ее прервался, и слезы потекли ручьем, оставляя следы, поблескивавшие в свете огня.

— Это звучит так глупо! — вскрикнула она с неожиданной яростью. — Да, глупо!

Девушка вскочила на ноги, не в силах усидеть на месте.

— Есть многое, о чем я понятия не имею, — продолжила она, меряя комнату быстрыми нервными шагами. — Ты думаешь, я помню, как училась ходить или какое первое слово я произнесла? Нет. Зато мама помнит! И это так глупо, потому что какое это имеет значение? Можно сказать, никакого, но на самом деле это важно, это имеет значение, потому что так считала она, и... Ой, Роджер, если она уйдет, на свете не останется ни единой души, кому есть дело до того, что я собой представляю. Не будет человека, который считает, что я особенная, не почему-то там, а просто потому, что я — это я! Она единственный человек в мире, которому действительно, действительно важно что я родилась, и если ее не станет...

Брианна неподвижно застыла на каминном коврике, сцепив руки и сжав челюсти в попытке совладать с собой. Щеки ее блестели от слез. Потом плечи опустились и вся фигура как-то обмякла.

— Наверное, это действительно глупо и эгоистично, — произнесла она неожиданно спокойным, рассудительным тоном. — Ты наверняка думаешь, что я ужасная эгоистка.

— Нет, — тихо отозвался Роджер. — Вовсе я так не думаю.

Он встал, подошел к ней сзади и обнял за талию, побуждая откинуться назад и прислониться к нему. Поначалу девушка напряглась, но потом уступила и расслабилась. Роджер наклонил голову и уткнулся подбородком ей в плечо.

— Я раньше многого не понимал, — сказал он. — До самого последнего времени. Ты помнишь все те коробки в гараже?

— Какие? — спросила она, пытаясь улыбнуться. — Их там сотни.

— Те, на которых написано «Роджер».

Он слегка стиснул ее и теснее прижал к себе, обхватив руками.

— Там старое барахло моих родителей, — пояснил он. — Картинки, письма, детская одежда, книжки и прочая допотопная всячина. Преподобный уложил все это, когда взял меня к себе. Отнесся ко всему этому как к своим самым драгоценным историческим документам — водонепроницаемая упаковка, защита от моли и все такое.

Роджер медленно раскачивался из стороны в сторону, вовлекая Брианну в свой ритм и глядя на огонь через ее плечо.

— Я как-то спросил его, зачем он решил сохранить эти вещи — мне они были не нужны, я был к этому равнодушен. Но он сказал, что мы все равно сохраним их; сказал, что это моя история, а история нужна каждому.

Брианна вздохнула и расслабилась, раскачиваясь вместе с ним в почти неосознаваемом ритме.

— Ты когда-нибудь заглядывал в эти коробки?

Роджер покачал головой.

— Неважно, что там находится, — сказал он. — Главное, что они есть.

Он отпустил ее, отступив назад, и она повернулась к нему. У нее было заплаканное лицо, длинный изящный нос слегка распух.

— Знаешь, а ты не права, — тихо произнес Роджер и протянул ей руку. — Не только твоей матери есть до тебя дело.

Брианна давно уже спала, а Роджер все сидел в кабинете, глядя, как угасает пламя в камине. Ночь накануне Дня всех святых всегда казалась ему беспокойной, живой от проснувшихся духов. Нынешняя же ночь с учетом того, что должно было произойти утром, могла считаться таковой в еще большей степени. Тыква-фонарь на письменном столе ухмылялась в предвкушении, наполняя комнату ароматом домашней выпечки.

Звук шагов на лестнице прервал его размышления. Он подумал, что это Брианна, которой не спится, но это оказалась Клэр в светившемся на фоне темного коридора ночном халате из белого атласа.

— Я решила, что вы еще не спите, — сказала она.

Он улыбнулся и протянул руку, приглашая ее войти.

— Да, мне на День всех святых всегда не спится. Отец рассказывал мне множество историй, после которых казалось, будто привидения переговариваются у меня за окном.

Она улыбнулась, войдя на свет огня.

— И что они говорили?

— «Мы нынче ночью на охоте, мы жаждем крови, жаждем плоти», — процитировал Роджер. — Вы знаете эту историю о маленьком портном, который всю ночь провел в наполненной призраками церкви, где повстречал голодного духа?

— Знаю. Мне кажется, что если бы я услышала это за своим окном, то всю оставшуюся ночь провела, прячась под одеялом.

— О, я обычно так и делал, — заверил ее Роджер. — Хотя как-то раз, когда мне было лет семь, я набрался храбрости, встал на кровати и помочился на подоконник. Преподобный как раз накануне рассказывал мне, что если помочиться на порог, то призрак не сможет войти в дом.

Клэр радостно рассмеялась, отблески огня плясали в ее глазах.

— И это сработало?

— Ну, наверное, будь окно открыто, сработало бы лучше, — ответил Роджер, — но духи не явились, нет.

Они расхохотались, а потом воцарилось неловкое молчание, за которым крылось ощущение бездонной пропасти, зияющей под туго натянутым канатом разговора. Клэр сидела рядом с ним, глядя на огонь, ее руки беспокойно перебирали складки халата, серебряное и золотое обручальные кольца вспыхивали искорками.

— Я позабочусь о ней, — пообещал Роджер. — Вы ведь знаете это правда?

Клэр кивнула, не глядя на него.

— Знаю, — тихо ответила она, и Роджер заметил дрожь ее поблескивающих на свету, влажных от слез ресниц.

Она порылась в кармане халата и достала длинный белый конверт.

— Вы сочтете меня ужасной трусихой, — сказала она, — да так оно и есть. Но я... я, откровенно говоря, наверное, не смогу... не смогу попрощаться с Бри.

Клэр не совладала с голосом, осеклась и протянула ему конверт.

— Я все написала для нее — все, что могла. Вы...

Роджер взял конверт, согретый теплом ее тела, и ему почему-то показалось, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он остыл, прежде чем попадет в руки ее дочери. Он торопливо сунул конверт в нагрудный карман, почувствовав, как хрустнула сложившаяся бумага.

— Да, — ответил он, услышав собственный голос словно со стороны. — Значит, вы отправитесь...

— Рано, — закончила она, глубоко вдохнув. — До рассвета. Я договорилась, чтобы за мной заехала машина.

Ее руки нервно сцепились на коленях.

— Если я...

Она закусил губу, потом умоляюще посмотрела на Роджера.

— Я не знаю, понимаете, — сказала она. — Я не знаю, получится ли это у меня. Я очень боюсь. Боюсь идти. Боюсь не идти. Просто боюсь.

— Я тоже.

Роджер протянул руку, и она взяла ее. Они долго сидели молча, и он ощущал под пальцами легкий и быстрый пульс в ее запястье.

Клэр мягко сжала его руку и отпустила.

— Спасибо вам, Роджер. За все.

С этими словами она подалась к нему, коснулась его губ легким поцелуем, встала и вышла, растворившись в темноте холла, словно белый призрак, исчезающий вместе с кануном Дня всех святых. Некоторое время Роджер сидел один, продолжая ощущать ее теплое прикосновение на своей коже. Свеча в тыкве почти догорела. Воздух наполнился запахом свечного воска, а в угасавшем за прорезями пламени угадывались прощальные взгляды языческих богов.

Глава 23

КРЭГ–НА–ДУН

Раннее утро выдалось холодным и туманным, так что плащ пришелся весьма кстати. Прошло двадцать лет с тех пор, как я надевала нечто подобное, но в нынешнее время люди во что только не одеваются, и портной в Инвернесе, которому я заказала шерстяной плащ с капюшоном, не нашел в моем заказе ничего странного.

Я не отрывала глаз от тропы. Когда машина остановилась, чтобы высадить меня на дороге внизу, окутанная туманом вершина холма оставалась невидимой.

— Здесь? — с сомнением уточнил водитель, озирая из окошка безлюдную местность. — Вы не ошиблись, мэм?

— Да, — сказала я, хотя от страха у меня перехватило дыхание. — Это то самое место.

— Вот как?

Сомнение не покинуло его, несмотря на полученную от меня банкноту.

— Хотите, я подожду вас, мэм? Или заеду попозже, чтобы отвезти вас обратно?

У меня возникло большое искушение ответить «да». В конце концов, разве не могла я дрогнуть, утратить решимость — да мало ли что? В этот момент вся моя недавняя уверенность заметно поколебалась.

— Нет, — сказала я. — В этом нет нужды.

«Если у меня ничего не получится, придется возвращаться в Инвернесс пешком, вот и все. А может быть, приедут Роджер с Брианной», — подумала я. Такое постыдное возвращение было бы позором. Или облегчением?

Под моими ногами перекатывались камушки, с тропы осыпалась земля. Неужто я и вправду на это решилась? Тяжелый кошель с монетами терся о мое бедро, и весомая несомненность золота и серебра подтверждала реальность происходящего. Да, я решилась.

Но как я могла? Мысли о Бри, какой я видела ее вчера поздно ночью, мирно спящей в кровати, не давали мне покоя. А когда я начала ощущать близость камней, беспокойство усилилось, потому что сверху потянулись щупальца давнего, памятного ужаса. Впереди ждали пронзительные вопли, хаос, безумие, ощущение того, что ты рвешься на части. Нет, я не могла на это решиться!

Решиться я, может быть, и не могла, но продолжала идти вверх. Ладони вспотели, ноги ступали так, словно двигались сами по себе.

К тому времени, когда я взобралась на холм, совсем рассвело. Туман теперь лежал внизу, и камни четко и мрачно вырисовывались на фоне ясного неба. Ладони вспотели от пугающего предчувствия, но я, даже не замедлив шага, продолжила путь вперед и ступила в круг.

Они стояли на траве перед расколотым камнем напротив друг друга. Брианна услышала мои шаги и повернулась ко мне.

Я уставилась на нее, потеряв от изумления дар речи. На ней было платье от Джессики Гуттенберг, очень похожее на то, которое было на мне, только ярко-зеленое, с корсажем, расшитым искусственными драгоценными камнями.

— Это совершенно не твой цвет! — воскликнула я.

— Это единственное платье-ретро шестнадцатого размера, которое у них было, — невозмутимо ответила она.

— Что, бога ради, ты тут вообще делаешь? — требовательно спросила я, оправившись и восстановив в какой-то степени способность соображать.

— Мы пришли проводить тебя, — сообщила она с едва заметной улыбкой.

Я посмотрела на Роджера, который пожал плечами и горько усмехнулся.

— Вот как? Ну ладно, — сказала я.

Брианна стояла рядом с камнем в два человеческих роста. Сквозь трещину в добрый фут шириной было видно, как слабое утреннее солнце освещает траву за пределами круга.

— Ты идешь, — решительно заявила Брианна, — или пойду я.

— Ты? Ты сошла с ума?

— Нет.

Она бросила взгляд на треснувший камень. Может быть, причиной тому являлось зеленое, как лайм, платье, но лицо ее было белым как мел.

— Я могу сделать это — то есть пройти на ту сторону. Я знаю, что могу. Когда Джейлис Дункан проходила через камни, я слышала их. Роджер тоже. — Она взглянула на него, словно ища поддержки, и остановила решительный взгляд на мне. — Я не знаю, смогу ли найти Джейми Фрэзера, может быть, это сумеешь только ты. Но если ты не попытаешься, тогда попытаюсь я.

У меня открылся рот, но я не могла найти слов.

— Неужели ты не понимаешь, мама? Он должен знать. Должен знать, что он сделал это, сделал то, что хотел для нас.

Ее губы задрожали, и, чтобы справиться с дрожью, она на миг крепко их сжала.

— Мы обязаны ему этим, мама. Кто-то должен найти его и рассказать ему. — Ее рука легко коснулась моего лица. — Рассказать ему, что я родилась.

— О Бри' — пробормотала я. У меня стеснило сердце, и каждое слово давалось с превеликим трудом. — О Бри!

Брианна крепко сжала мои руки.

— Он подарил тебя мне, — произнесла она так тихо, что мне едва удалось расслышать ее слова. — Теперь, мама, я должна вернуть тебя ему. — Ее глаза, так похожие на глаза Джейми, были полны слез. — Если ты найдешь его... когда ты найдешь моего отца, подари ему это.

Она наклонилась, крепко и нежно поцеловала меня, а потом, выпрямившись, развернула и подтолкнула к камню.

— Иди, мама, — выдохнула Брианна. — Я люблю тебя. Иди!

Краем глаза я увидела, как Роджер направился к ней. Я сделала шаг, потом другой. Сознание наполнилось звуками, нарастающим ревом. А со следующим шагом мир исчез.

Часть шестая

ЭДИНБУРГ

Глава 24

А. МАЛКОЛЬМ, ПЕЧАТНИК

Моей первой связной мыслью было: «Идет дождь. Должно быть, это Шотландия». Вторая мысль сводилась к тому, что это наблюдение, даже будь оно верным, не есть слишком уж очевидная победа над хаотичными образами, кружащими и сталкивающимися в моей голове.

Не без усилия мне удалось открыть один глаз. Ресницы слиплись, все лицо казалось холодным и одутловатым, как у утопленницы. Это сравнение заставило меня поежиться, а движение позволило ощутить ткань собственной одежды.

Слух теперь отчетливо различал слабый равномерный стук дождя, поднимавшего легкую дымку капель над зеленой вересковой пустошью. Я села, чувствуя себя выбирающимся из болота бегемотом, и тут же повалилась назад.

Заморгала, потом зажмурилось, чтобы дождь не попал в глаза. Мало-помалу ко мне начало приходить понимание того, кто я и где я. Бри. Ее лицо возникло в памяти неожиданно и резко, так что у меня захватило дух. При этом разрозненные, беспорядочные образы — слабое эхо мучительного прохода сквозь камни — еще продолжали терзать мое сознание.

Джейми. Теперь он стал моим единственным оплотом, моей опорой, тем, за что я могла зацепиться. Я прижала руки к груди, где бешено колотилось сердце, и, медленно и глубоко дыша, постаралась вызвать в памяти лицо Джейми. На какой-то момент мне показалось, что я потеряла его, но потом оно возникло перед моим мысленным взором, обретая четкость и ясность.

Я опять попыталась подняться и, хотя меня тут же повело, на сей раз сумела удержаться, опершись на вытянутые руки.

Да, это, несомненно, Шотландия. Впрочем, с чего бы мне оказаться в каком-нибудь другом месте? Это Шотландия прошлого. По крайней мере, я надеялась, что это прошлое. Во всяком случае, это не та Шотландия, которую я покинула. Деревья и кусты росли здесь как-то иначе, имелась, например, чуть ниже по склону кленовая рощица, которой не было, когда я поднималась на холм. Когда? В то утро? Два дня назад?

У меня не было ни малейшего представления о том, сколько времени прошло с тех пор, как я вошла в круг камней, или сколько времени я

пролежала без сознания на склоне, ниже каменного круга. Судя по состоянию одежды, довольно долго: я промокла до нитки и по моим бокам под одеждой стекали маленькие холодные ручейки.

Одну онемевшую щеку начало покалывать, и, приложив к ней руку, я почувствовала припухлость и царапины. Я взглянула вниз и увидела слой опавших ягод рябины, поблескивавших красным и черным в траве. «Очень удачно», — промелькнула смутная мысль. Я упала под рябиной — в горной Шотландии верят, что она защищает от колдовских чар.

Ухватившись за гладкий ствол рябины, я с трудом поднялась на ноги и посмотрела на северо-восток. Дождь затянул горизонт непроницаемой серой пеленой, но я знала, что Инвернесс лежит в том направлении. На машине по современным дорогам туда можно было бы добраться не больше чем за час.

Впрочем, дорога существовала и в нынешнем времени: у подножия холма на фоне влажной растительности виднелась темная лента. Другое дело, что топтать сорок с лишним миль по размытому грунтовому проселку — совсем не то, что ехать на машине, которая привезла меня сюда.

Как ни странно, встав на ноги, я почувствовала некоторое облегчение: слабость в конечностях уходила вместе с хаосом и разорванностью сознания. Переход, как, впрочем, и ожидалось, дался нелегко. Пожалуй, это было хуже, чем в прошлый раз, и даже сейчас когда все осталось позади, одно лишь осознание ужасающего присутствия камней заставляло кожу покрываться пупырышками.

Правда, несмотря ни на что, я жива. И мало того, мне светит крохотное, но ясное солнышко уверенности в том, что он здесь. Теперь я знала это, а вот когда устремлялась между камнями, знание мне заменяла вера. Однако так или иначе, бросившись в бурный поток, я ухватила за мысль о Джейми, как за спасательный линь — и этот линь, туго натянувшись, вытянул меня из пучины.

Да, промокшая, продрогшая, в ссадинах, я и впрямь чувствовала себя выбравшейся из бурного потока. И где-то здесь, в этом странном чужом мире, находится мужчина, которого я намерена разыскать. Воспоминания о печали и ужасе отступали с осознанием того, что мой жребий брошен. Вернуться мне не под силу, обратный переход почти наверняка оказался бы фатальным. Мне суждено оставаться здесь. Понимание этого простого факта вытеснило все сомнения и страхи, заменив их странным спокойствием. Пути назад нет. Остается одно — идти вперед и найти Джейми.

Ругая себя за то, что не попросила портного вшить между наружной

тканью и подкладкой плаща водонепроницаемый слой, я поплотнее закуталась в свое одеяние. Шерсть, даже мокрая, в какой-то мере сохраняла тепло, а в движении наверняка удастся чуточку согреться. Быстро ощупав карманы, я убедилась, что сверток с сэндвичами благополучно совершил путешествие вместе со мной. И это хорошо: идти пешком сорок миль на пустой желудок было бы нелегко.

Правда, если повезет, тащиться на своих двоих не придется. Может быть, мне удастся найти деревушку или ферму, где имеется лошадь для продажи. Ну а нет — что ж, я была готова и к этому. Мой план заключался в том, чтобы любым способом попасть в Инвернесс, а оттуда добраться до Эдинбурга дилижансом.

Где сейчас находится Джейми, оставалось только гадать: он мог оказаться и в Эдинбурге, где была опубликована его статья, и, с равным успехом, в любом другом месте. В крайнем случае, если не удастся найти его в столице Шотландии, можно будет отправиться в Лаллиброх — уж родные-то наверняка знают, где его носит. Если, конечно, хоть кто-то из них еще жив. От этой внезапной мысли меня проорала дрожь, и я поежилась.

Я вспомнила о маленьком книжном магазинчике, мимо которого проходила каждое утро по пути от парковки к больнице. Там проводилась распродажа постеров, и, уходя в последний раз из кабинета Джо, я обратила внимание на подборку психоделических образцов.

«Сегодня первый день вашей оставшейся жизни», — гласила надпись под изображением дурацкого цыпленка, только что проклюнувшегося и высовывающего голову из яичной скорлупы. На другом плакате была изображена гусеница, ползущая вверх по стеблю цветка. Над цветком порхала ярко окрашенная бабочка, а под ней красовался девиз: «Дорога в тысячу ли начинается с первого шага».

Самое раздражающее в таких тривиальных клише заключается в том, что зачастую они оказываются правдивы. С этой мыслью я отпустила рябину и начала спускаться по склону холма навстречу своему будущему.

Дорога из Инвернесса в Эдинбург оказалась долгой и тряской; большой дилижанс был набит битком: еще две леди, одна из них с маленьким плаксивым сыном, и четверо джентльменов, различавшихся по размерам и по характеру.

Мистер Грэм, маленький, немолодой, но жизнерадостный джентльмен, занимавший место рядом со мной, распространял жуткий камфорный запах, от которого у остальных пассажиров слезились глаза.

— Это здорово помогает от инфлюэнцы, — пояснил он мне, помахивая

у меня перед носом, словно кадилом, мешочком с пахучим снадобьем. — Осенью и зимой это средство всегда со мной, и вот результат — за тридцать без малого лет я не болел ни единого дня.

— Поразительно! — вежливо откликнулась я, стараясь задержать дыхание.

Впрочем, в правдивости его слов сомневаться не приходилось, испарения такого рода заставили бы держаться в отдалении кого угодно, не только каких-то там микробов.

Однако воздействие сего гигиенического средства на маленького мальчика, похоже, не было столь благотворным. После ряда громких, капризных высказываний относительно запаха в дилижансе юный мастер Джорджи затих, прижавшись к своей матери, но его зеленая физиономия внушала серьезные опасения, и я внимательно следила за ним, приметив под сиденьем ночной горшок, готовая, если потребуется, к незамедлительным действиям.

По моему разумению, ночной горшок предназначался для использования в непогоду или в других крайних случаях, поскольку обычно дилижанс останавливался каждый час, давая возможность леди и джентльменам соблюсти приличия, разлетевшись по обе стороны дороги, как стайка куропаток. На остановках экипаж покидали все. Те, чей мочевого пузырь не требовал облегчения, стремились хоть ненадолго отойти подальше от пахучего мешочка мистера Грэма.

После пары остановок мистер Грэм обнаружил, что его место рядом со мной занято мистером Уоллесом, молодым, но дородным юристом, возвращавшимся, как он мне рассказал, в Эдинбург из Инвернесса после устройства дел престарелой родственницы. Детали его юридической практики не увлекали меня так, как его самого, но тот факт, что он явно находил меня привлекательной, в данных обстоятельствах служило хорошим знаком. Поэтому я без возражений провела несколько часов за игрой в шахматы на маленькой доске, которую он извлек из кармана и положил себе на колени.

Впрочем, тонкости игры занимали меня не больше, чем неудобства путешествия, — все мысли были о том, что ждет меня в Эдинбурге. А. Малкольм. Это имя продолжало звучать в моей голове как торжественный гимн надежды. А. Малкольм. Конечно, это Джейми. Иначе и быть не может! Джеймс Александр Малкольм Маккензи Фрэзер.

— Учитывая то, как относились к мятежникам после Куллодена, для него было бы весьма разумно использовать в таком месте, как Эдинбург, вымышленное имя, — объяснил мне Роджер Уэйкфилд. — Особенно для

него — ведь он, что ни говори, являлся осужденным изменником. И похоже, что это вошло у него в привычку, — добавил он, бросая критический взгляд на рукопись направленной против пошлин статьи. — По понятиям того времени, это чертовски смахивает на призыв к бунту.

— Да, это похоже на Джейми, — сухо сказала я, но сердце при виде этих каракулей, складывавшихся в резкие фразы, екнуло.

Я коснулась маленького твердого прямоугольника в кармане моей юбки, гадая, сколько еще до Эдинбурга.

Погода стояла не по сезону хорошая. Даже мелкий дождик, не более чем досадная помеха в пути, моросил лишь изредка, и мы завершили свое путешествие менее чем за два дня, останавливаясь четыре раза для смены лошадей и чтобы перекусить в почтовых трактирах. Наконец дилижанс въехал во двор позади трактира «Белая лошадь» недалеко от главной улицы Эдинбурга, носящей название Королевская Миля. Пассажиры выбрались на жидкий солнечный свет, как только что вылупившиеся бабочки с помятыми крылышками, и стали расправлять затекшие от долгого сидения члены. После полумрака дилижанса даже облачный серый свет Эдинбурга казался ослепляющим.

Я так долго сидела без движения, что ноги онемели, однако это не помешало мне попытаться уйти с внутреннего двора, пока мои бывшие попутчики были заняты извлечением своего багажа. Но, увы мне не повезло. Мистер Уоллес нагнал меня.

— Миссис Фрэзер! — позвал он. — Могу ли я иметь удовольствие проводить вас до места назначения? Вам ведь наверняка понадобится помощь, чтобы забрать багаж.

Он оглянулся через плечо в сторону дилижанса, туда, где конюхи постоянного двора без разбору выдавали сумки и чемоданы ожидавшимся пассажирам под аккомпанемент гомона и невнятных восклицаний.

— Э-э... — замялась я. — Спасибо, но я... э-э... я оставлю мой багаж на попечение трактирщика. Мой... мой... — Я лихорадочно искала слово. — Слуга моего мужа заберет его позднее.

Пухлое лицо стряпчего слегка вытянулось при слове «муж», но он справился с разочарованием, галантно взял мою руку и наклонился над ней.

— Я понимаю. Могу я тогда выразить свою глубокую благодарность за удовольствие от путешествия в вашем обществе, миссис Фрэзер? И может быть, мы еще встретимся.

Он выпрямился, оглядев обтекавшую нас толпу.

— А ваш муж встретит вас? Я бы с удовольствием с ним

познакомился.

Хотя проявленный мистером Уоллесом интерес, несомненно, льстил, это уже начинало надоедать.

— Нет, мы с ним встретимся позже, — сказала я. — Очень приятно было с вами познакомиться, мистер Уоллес. Надеюсь, что когда-нибудь мы еще увидимся.

Я энергично пожала мистеру Уоллесу руку, смутив его так, что он откланялся и начал бочком пробираться сквозь толчею пассажиров, конюхов и разносчиков.

Побоявшись задерживаться у каретного двора (вдруг он все-таки за мной увяжется?), я повернулась и устремилась вверх по склону Королевской Мили, двигаясь настолько быстро, насколько позволяли пышные юбки, лавируя и проталкиваясь сквозь толпу. К счастью, дилижанс прибыл в город в рыночный день, народу было — не пробиться, и очень скоро меня должны были потерять из виду.

Запыхавшись, словно давший деру карманник, я остановилась отдышаться на полпути вверх, присев на обод общественного фонтана.

Я была здесь. Действительно здесь. Позади, выше по склону, высился во всем своем великолепии Эдинбургский замок, а впереди, ниже, красовался дворец Холируд.

В последний раз, когда я стояла у этого фонтана, Красавчик принц Чарли обращался к собравшимся гражданам Эдинбурга, стараясь воодушевить их самым фактом своего августейшего присутствия. Тогда он ловко перескочил с обода к резному центральному фиалу фонтана. Стоя одной ногой в чаше и держась для равновесия за фонтанирующую голову, он громко выкрикнул: «На Англию!»

Толпа взревела, воодушевленная этим проявлением юношеского энтузиазма и атлетической ловкости. Я бы тоже впечатлилась, но вдруг заметила, что воду в фонтане удивительно своевременно отключили — видимо, этот театральный жест был спланирован заранее. Интересно, где сейчас Чарли? После Куллодена он вернулся в Италию и, наверное, стал вести там жизнь, обычную для особы королевской крови, пребывающей в постоянном изгнании. Чем он занимался, я не знала, да это меня и не интересовало. Он ушел со страниц истории и из моей жизни, оставив за собой только руины и пепелища. Собственно говоря, я и прибыла посмотреть, что еще можно спасти.

Меня мучил голод. Последний раз мне довелось перекусить на почтовой станции в Дундаффе, где подавали кашу и вареную баранину. Правда, у меня в кармане остался последний сэндвич, но мне не хотелось

есть его в дилижансе под любопытными взглядами попутчиков.

Теперь я вытащила его и бережно развернула. Белый хлеб с арахисовым маслом и желе не больно годился для хранения: сэндвич пропитался желе, сплюснулся, но при всем своем неказистом виде на вкус показался мне восхитительным. Я ела его неторопливо, наслаждаясь насыщенным, маслянистым вкусом арахисового масла. Сколько раз случалось мне по утрам намазывать арахисовое масло на хлеб, делая сэндвичи для школьных завтраков Брианне? Решительно отбросив эту мысль, я встала и, чтобы отвлечься, принялась рассматривать прохожих. Надо сказать, шотландцы восемнадцатого века несколько отличались от своих потомков из века двадцатого: и мужчины, и женщины были в среднем ниже ростом, а внешность многих из них свидетельствовала о плохом питании. Но мне они все равно казались близкими и знакомыми — даже уличный гомон говорил о том, что здесь живут шотландцы и англичане, произношение которых сильно отличалось от гнусавого выговора жителей Бостона. Меня охватило удивительное чувство возвращения домой.

Я проглотила последний насыщенный нежный кусочек своей прежней жизни, смяла обертку в руке и огляделась. В мою сторону никто не смотрел — можно было уронить обертку на землю, что я и сделала. Она прокатилась несколько дюймов по мостовой то сморщиваясь, то раскрываясь, как живая, а потом этот маленький прозрачный обрывок был подхвачен ветерком и запорхал по серым камням, как облетевший листок.

Обертку затянуло под колеса проезжавшей мимо подводы; она сверкнула отраженным светом и исчезла, так что никто из прохожих ничего не заметил. Я невольно задумалась о том, не окажется ли мое появление в чужом времени столь же ничтожным по своему значению.

«Хватит дергаться, Бошан. Пора двигаться дальше», — сказала я себе и, глубоко вздохнув, поднялась.

— Прошу прощения... — Я схватила за рукав проходившего мимо мальчишку из пекарни. — Я ищу печатника, некоего мистера Малкольма, Александра Малкольма.

Слова эти были произнесены со смешанным чувством возбуждения и страха. А что, если такой печатни в Эдинбурге нет и в помине? Мальчишка наморщил лоб, потом его лицо просветлело.

— О да, мэм. Вот туда, вперед и налево. Тупик Карфакс.

Кивнув на прощание, он перехватил покрепче свою ношу и нырнул в текущую по улице толпу.

Карфакс, вот как. Я протиснулась в толпу, держась поближе к зданиям,

чтобы не попасть под помои, которые порой выливали на улицу из верхних окон. В Эдинбурге проживало несколько тысяч человек, и отходы их жизнедеятельности скапливались в сточных канавах по сторонам мощеных улиц. К счастью, город был расположен на склонах холмов, да и частые дожди вымывали нечистоты, спасая Эдинбург от заразы.

Низкий темный проход, что вел в тупик Карфакс, зиял как раз впереди, по ту сторону Королевской Мили. Увидев его, я замерла на месте, сердце билось так сильно, что, вздумай кто-то прислушаться, его можно было услышать на расстоянии ярда. Дождя не было, но он явно собирался: из-за повышенной влажности воздуха мои волосы закручивались в кудряшки. Я убрала их со лба, стараясь привести свою голову в порядок, насколько это было возможно без зеркала, но тут увидела впереди большое застекленное окно и поспешила к нему.

Стекло запотело, однако я смогла разглядеть в нем свое смутное отражение. Лицо покраснелось, глаза были широко раскрыты, но в остальном все выглядело сносно — не считая волос. Они торчали во все стороны, выбиваясь из-под заколок, словно извивающиеся змеи, обрамлявшие голову Медузы. Я раздраженно стряхнула заколки и начала укладывать свои непокорные кудри.

Внутри, в лавке, перед прилавком находилась женщина, а с ней трое маленьких детей. Краем глаза я наблюдала за тем, как она, оторвавшись от выбора товара, что-то раздраженно им крикнула и даже шлепнула ридикюлем среднего мальчугана, который мутил воду в стоявшем на полу ведре несколькими стеблями свежего аниса.

Это была аптека; бросив взгляд вверх, я увидела над дверью имя «Хью» и ощутила волнение узнавания. В короткий период проживания в Эдинбурге я покупала здесь целебные травы. С тех пор убранство витрины украсилось большой банкой с раствором, в которой находилось что-то человекоподобное. То ли свиной эмбрион, то ли новорожденный бабуин: мордочка была прижата к стеклу, и эта деформация придавала существу злобный, плотоядный вид.

«Что ж, по крайней мере, я выгляжу лучше тебя!» — такой была моя следующая мысль. «И лучше, чем та женщина внутри», — подумала я о покупательнице, которая, подобрав все, что ей было нужно, теперь, не переставая хмуриться, укладывала покупки в сумку. У женщины было одутловатое лицо горожанки, с глубокими морщинами и резкими складками, проходившими от носа ко рту.

— Выдрать тебя мало, негодник, — выговаривала она сынишке, когда все они вышли из лавки. — Разве я не велела тебе держать лапы в карманах

и ничего не трогать?

Поддавшись неожиданному порыву любопытства, я шагнула вперед, прервав материнские назидания:

— Прошу прощения...

— Да?

Женщина недоуменно взглянула на меня. Вблизи она выглядела еще более старой. Уголки рта опущены, губы поджаты, наверняка из-за отсутствующих зубов.

— Я не могла не восхититься вашими детьми, — сказала я, изобразив восторг, насколько это было возможно без предварительной подготовки, и одаряя их сияющей улыбкой, — Какие славные крошки! Скажите, сколько им лет?

У нее отвисла челюсть, подтвердив отсутствие нескольких зубов. Растерянно глядя на меня, женщина моргнула.

— О, это весьма любезно с вашей стороны, мэм. Э-э... Мэйзри уже десять, — Она кивнула на старшую девочку, утиравшую в этот момент нос рукавом, — Джою восемь — а ну вынь палец из носа, безобразник! А малышке Полли, — младшую девочку мать горделиво погладила по головке, — в мае исполнилось шесть.

— Правда? — Я уставилась на собеседницу, притворившись изумленной. — Но вы выглядите слишком молодой для того, чтобы иметь детей такого возраста. Должно быть, замуж вы вышли совсем девочкой.

Она приосанилась и расплылась в довольной улыбке.

— О нет! Вовсе не такой юной, куда там. Когда родилась Мэйзри, мне было девятнадцать.

— Поразительно, — сказала я, не покривив душой, после чего протянула каждому из детишек по пенни, каковые они приняли с благодарным лепетом. — Всего вам доброго, и поздравляю вас с прекрасной семьей.

На прощание я улыбнулась и помахала рукой.

Итак, она родила старшую дочь в девятнадцать, и раз Мэйзри сейчас десять, значит, ей двадцать девять. А я благодаря хорошему питанию, гигиене и уходу за зубами, а также тому, что не измотана бесконечными беременностями и тяжелым физическим трудом, выгляжу гораздо моложе ее. Я сделала глубокий вдох, пригладила волосы и ступила в тени тупика Карфакс.

Это был кривой тупичок, сплошь застроенный доходными домами и лавками, но мне было не до них, ибо первым, что я увидела, оказалась аккуратная белая табличка над дверью.

«А. Малкольм, печатник и книгопродавец» — значилось на ней, а ниже: «Книги, визитные карточки, плакаты, письма и другое».

Я протянула руку и коснулась черных букв имени. А. Малкольм. Александр Малкольм. Джеймс Малкольм Маккензи Фрэзер. Может быть.

Поняв, что еще минута — и моя храбрость растает, как туман, я распахнула дверь и вошла.

Через помещение тянулся широкий прилавок с отброшенной откидной доской. С одной стороны находилась полка, уставленная лотками со шрифтами. Всевозможные плакаты и объявления, наверняка образцы, были сложены у противоположной стены. Дверь в заднюю комнату была открыта, позволяя увидеть громоздкую угловатую раму печатного прессы. Над ним, спиной ко мне, склонился Джейми.

— Это ты, Джорджи? — спросил он, не оборачиваясь. Одетый в штаны и рубашку, Джейми держал в руках какой-то инструмент, которым ковырялся во внутренностях печатного станка. — Что-то ты не торопишься. Ты принес...

— Это не Джорджи. — Мой голос прозвучал выше обычного. — Это я, Клэр.

Он выпрямился очень медленно. У него были длинные волосы, густой хвост каштановых волос, в которых проблескивали медные искорки. Я успела заметить, что они аккуратно перевязаны зеленой ленточкой.

Джейми обернулся и молча уставился на меня. Дрожь пробежала по мускулистому горлу, он сглотнул, но не проронил ни слова.

Я увидела все то же широкое добродушное лицо, темно-голубые, чуть раскосые глаза, плоские скулы викинга, а кончики губ, как всегда, немного изгибались, словно в улыбке. Конечно, морщинки вокруг рта и глаз стали глубже, да и нос несколько изменился. Прямая переносица слегка уплотнилась близ основания, что свидетельствовало о давнем, залеченном переломе. Мне подумалось, что это придает его облику некую свирепость, но зато снимает прежнюю настороженную сдержанность и, по сути, добавляет грубоватого очарования.

Я прошла через откидной проем прилавка и, наткнувшись на его немигающий взгляд, прокашлялась.

— Когда ты сломал нос?

Уголки широкого рта слегка приподнялись.

— Месяца три после того, как я видел тебя в последний раз, англичаночка.

Это слово было произнесено неуверенно и прозвучало почти как вопрос. Нас разделяло расстояние не более фута. Я нерешительно

дотронулась до крохотной линии перелома, там, где кость выдавалась под загорелой, бронзовой кожей.

Он отпрянул, словно от удара током, и лицо его дрогнуло.

— Ты настоящая, — прошептал Джейми.

Мне казалось, что он побледнел, как только меня увидел, но нет, лишь теперь вся краска действительно схлынула с его лица, глаза закатились, и он тяжело осел в ворох бумаг, слетевших с печатного станка. У меня мелькнула мысль, что для такого крупного мужчины это довольно изящное приземление.

То был всего лишь обморок, и стоило мне опуститься рядом с ним на колени и развязать шейный платок, как его ресницы слабо затрепетали. Сомнений у меня больше не оставалось, но я непроизвольно расстегнула полотняную рубашу и, конечно, увидела его на прежнем месте. Маленький треугольный шрам прямо над ключицей, оставленный ножом Джонатана Рэндолла, эскайдера, капитана восьмого драгунского полка его величества.

Постепенно его лицо розовело. Я села на пол, скрестив ноги, и положила голову Джейми себе на колени, запустив руку в густые, мягкие волосы. Он открыл глаза.

— Так плохо, да? — с улыбкой произнесла я те самые слова, которые он сказал мне двадцать с лишним лет назад, в день нашей свадьбы, держа мою голову у себя на коленях.

— Хуже не бывает, англичаночка, — ответил он, и его губы сложились в неуверенную улыбку.

Джейми рывком сел и, не отрывая от меня глаз, повторил:

— Боже праведный, ты настоящая!

— Ты тоже. — Я подняла голову и взглянула на него. — Я думала, что ты умер.

Мне хотелось сказать это непринужденно, но голос подвел. Слезы заструились по щекам, пропитывая грубую ткань его рубашки, когда он крепко прижал меня к себе.

Меня так трясло, что я не сразу поняла, что его тоже трясет, и по той же самой причине так и не узнала, сколько же времени мы провели на пыльном полу, плача в объятиях друг друга, изливая в слезах тоску двадцатилетней разлуки.

Он запустил пальцы в мои волосы, освобождая их от заколок. Заколки градом посыпались на пол, волосы волной упали на плечи. Сама я изо всех сил сжимала его запястья, впившись ногтями в полотно рубашки так, словно стоило мне разжать пальцы — и Джейми исчезнет.

Потом, видимо охваченный таким же страхом, он вдруг схватил меня

за плечи, отстранил, отчаянно всматриваясь в мое лицо, коснулся его рукой и стал обводить пальцами контуры, не обращая внимания на слезы и мокрый нос.

Наконец я шмыгнула так громко, что это, по-видимому, привело его в чувство, ибо он отпустил меня, торопливо нашарил в рукаве носовой платок и неловко вытер им сначала мое, а потом и свое лицо.

— Дай сюда.

Я выхватила у него платок, высморкалась, отдала ему, а когда он тоже высморкался, издав трубный звук, хихикнула от избытка чувств.

Он улыбнулся и утер слезы костяшками пальцев, не в состоянии оторвать от меня глаз.

Неожиданно я почувствовала, что не могу не прикоснуться к нему, бросилась, обхватила, сжала изо всех сил и пришла в себя, только ощутив на своей спине его сильные руки и услышав, как он снова и снова повторяет мое имя.

Наконец я отпустила его и села, слегка отстранившись. Джейми между тем хмуро уставился на пол между своими ногами.

— Ты что-то потерял? — удивленно спросила я.

Он поднял глаза и улыбнулся чуть смущенно.

— Я боялся, что совсем потерял голову и обмочился, но нет, все в порядке. Я просто сел на кувшин с элем.

И точно: под ним медленно растекалась лужица ароматной коричневой жидкости. Я вскрикнула, вскочила на ноги и помогла подняться ему. После тщетных попыток оценить нанесенный ущерб он пожал плечами и расстегнул свои штаны, спустил плотную ткань вниз по бедрам, но вдруг остановился и, взглянув на меня, слегка покраснел.

— Все в порядке, — сказала я, чувствуя, как густая краска заливает и мои щеки. — Мы ведь женаты. — При этих словах у меня перехватило дыхание, и я непроизвольно опустила глаза. — По крайней мере, я так думаю.

Джейми долго молча смотрел на меня, а потом его широкий рот тронула улыбка.

— Ну да, конечно.

Он сбросил намоченные пивом штаны и шагнул ко мне.

Я протянула руку, чтобы остановить и одновременно, чтобы прилечь его. Больше всего на свете мне хотелось коснуться его, но непонятно почему мной овладела робость. Как мы начнем все заново после столь долгой разлуки?

Похоже, его тоже одолевали робость и смущение, порожденные теми

же смешанными чувствами. Остановившись в нескольких дюймах от меня, Джейми взял мою руку, чуть помедлив, склонился над ней и легко провел губами по костяшкам. Его пальцы коснулись серебряного кольца, дрогнули и остановились, сжав полоску металла.

— Я никогда его не снимала, — вырвалось у меня, потому что мне вдруг показалось очень важным, чтобы он это знал.

Джейми слегка сжал мою руку, но не выпустил.

— Я хочу...

Он умолк, все еще не выпуская моей руки. Его пальцы вновь нашли серебряное кольцо и задержались на нем.

— Я очень хочу поцеловать тебя, — тихо сказал он. — Можно?

Сдержать подступившие слезы было невозможно. Глаза оказались переполнены ими, и я ощутила, как они, крупные и горячие, потекли по моим щекам.

— Да, — прошептала я.

Он медленно привлек меня к себе, держа наши соединенные руки под своей грудью.

— Я не делал этого очень давно, — сказал Джейми.

Я увидела, как надежда и страх затемнили голубизну его глаз, приняла этот дар и отдала ему обратно, прошептав:

— Я тоже.

С удивительной нежностью взяв мое лицо в ладони, он припал губами к моим губам.

Я не вполне знала, чего ожидаю. Повторения неистовой страсти, которая сопровождала наше последнее расставание? Я очень часто проживала в памяти бесконечные часы нашего почти дикого взаимного обладания в темноте супружеской спальни. То, к чему меня тянуло с такой силой, что я часто просыпалась в поту, дрожа от неуголенного желания.

Но за столь долгий срок мы не могли не отдалиться друг от друга, и теперь, хотя оба стремились к единению, наши первые прикосновения были медленными, нерешительными, словно каждый молчаливыми губами искал, просил, давал и обретал желанное. Мои глаза были закрыты, и я знала, что глаза Джейми тоже закрыты. Мы просто боялись смотреть друг на друга.

Не поднимая головы, он начал слегка поглаживать меня, ощупывая сквозь одежду, заново знакомясь с рельефом моего тела. Наконец его рука спустилась по моему предплечью и поймала правую кисть. Пальцы пробежались по моей руке, снова нашли кольцо и обхватили это витое серебро с горским узором, затершимся от долгого ношения, но все еще

отчетливо различимым.

— Я видел тебя так много раз, — звучал в моем ухе его теплый шепот. — Ты так часто являлась мне. Порой, когда мне снились сны. Когда я лежал в лихорадке. Когда меня одолевали страх и одиночество и я знал, что должен умереть. Когда я нуждался в тебе, я всегда видел тебя, ты улыбалась, твои волосы вились вокруг твоего лица. Но ты никогда не заговаривала. И ты никогда не касалась меня.

— Я могу коснуться тебя теперь.

Я потянулась и нежно провела рукой по его виску, уху, щеке, которые были у меня на виду. Потом моя рука двинулась к затылку, забираясь под густые бронзовые волосы, и, когда он наконец поднял голову и взял мое лицо в свои ладони, в его темно-голубых глазах сияла любовь.

— Не бойся, — тихо сказал он. — Теперь нас двое.

Наверное, мы простояли бы там вечно, глядя друг на друга, если бы не звякнул дверной колокольчик. Я отпустила Джейми и, резко обернувшись, увидела маленького жилистого человека с грубыми темными волосами, стоявшего в дверях с пакетом в руке и с разинутым ртом.

— О, наконец-то ты явился, Джорджи! Что тебя задержало? — спросил Джейми.

Джорджи промолчал, продолжая таращиться на хозяина, стоявшего посреди мастерской в одной рубаше, с голыми ногами, тогда как его штаны, чулки и башмаки валялись на полу, а в его объятиях пребывала женщина в измятой одежде и с распущенными волосами — то есть я. Узкое лицо Джорджи нахмурилось, выражая неприкрытое осуждение.

— Я ухожу, — произнес он с насыщенным акцентом западных гор. — Печатание — это одно, тут я с вами заодно и мы мыслим одинаково, но я принадлежу к свободной церкви^[8], как мой отец до меня и мой дед до него. Работать на паписта — это одно, монеты Папы, что ни говори, не хуже любых других, но работать на безнравственного паписта — это другое. Оно, конечно, это ваше дело, как распорядиться своей душой, но если дошло до оргий в мастерской, то это уж слишком — таково мое мнение. Поэтому я ухожу.

Он положил пакет точно в центр прилавка, развернулся на каблуках и направился к двери. Снаружи, с башни Толбут, донесся бой городских часов, и Джорджи, задержавшись в дверях, бросил на нас очередной исполненный негодования взгляд.

— А ведь еще даже не полдень! — патетически произнес он, и дверь за ним захлопнулась.

Несколько мгновений Джейми смотрел ему вслед, а потом снова

медленно опустился на пол и расхохотался так, что к глазам подступили слезы.

— А ведь еще даже не полдень! — повторил он, утирая слезы со щек.
— Ох, Джорджи, Джорджи!

Джейми раскачивался взад-вперед, обхватив колени руками. Я и сама не удержалась от смеха, хотя и была несколько обеспокоена.

— Чего бы мне совсем не хотелось, так это доставлять тебе неприятности, — сказала я. — Он еще вернется?

Джейми шмыгнул носом и небрежно вытер лицо краем рубашки.

— Да, надо думать. Он живет как раз напротив, в переулке Уикем. Я схожу к нему и... и объясню, — сказал он, посмотрел на меня и добавил: — Правда, Господь знает как!

С минуту казалось, что он вот-вот рассмеется снова, однако ему удалось справиться с этим порывом и встать.

— У тебя найдутся еще штаны? — спросила я, взяв брошенные штаны и разложив их на прилавке для просушки.

— Ну да, есть наверху. Подожди, я сейчас.

Джейми запустил длинную руку в ящик под стойкой, извлек аккуратную табличку с надписью «Вышел», повесил ее снаружи на дверь и, задвинув засов, повернулся ко мне.

— Ты поднимешься со мной наверх? — спросил он, согнув руку в приглашающем жесте, и в его глазах блеснула лукавая искорка. — Если не считаешь это безнравственным.

— Почему бы и нет? — откликнулась я. Смех искрился в моей крови, играя, словно шампанское. — Мы ведь женаты!

Верхний этаж был поделен лестничной площадкой на две комнаты, а прямо от площадки отходил маленький чуланчик. Задняя комната служила кладовкой для хранения всякой всячины, связанной с печатным делом. Дверь была распахнута, и я увидела деревянные ящики, наполненные книгами, связки памфлетов, аккуратно перевязанные бечевкой, бочонки со спиртом и порошковыми чернилами, а также кучу старинного на вид оборудования, каковое я сочла запасными частями печатного пресса.

Передняя комната по скудности обстановки походила на монашескую келью — там были комод с глиняным подсвечником, умывальник, табурет и узкая койка, при виде которой я облегченно вздохнула, только сейчас поняв, что до сих пор сдерживала дыхание. Судя по виду этой похожей на походную кровати, он спал один.

Беглый осмотр подтвердил, что в комнате не было никаких признаков присутствия женщины, и сердце мое снова забилось в нормальном ритме.

Очевидно, что здесь никто не жил, кроме Джейми. Он отодвинул занавеску, отгораживавшую угол комнаты, и стал виден ряд крючков, на которых висели всего пара рубашек, камзол, длинный жилет скромного серого цвета и штаны, за которыми мы и явились.

Заправляя рубашку в штаны, Джейми стоял ко мне спиной, и я заметила напряженность в линии его плеч, да и сама ощущала некоторую скованность. Удивляться не приходилось: эта встреча стала потрясением для нас обоих, и прошло слишком мало времени, чтобы мы успели справиться с робостью и смущением. Джейми повернулся ко мне. Его лицо все еще хранило следы истерического смеха и слез. Не сомневаюсь, что мое тоже.

— Очень рад видеть тебя снова, Клэр, — нежно произнес Джейми. — Я думал, что никогда... ну...

Он слегка передернул плечами, как будто полотняная рубашка вдруг стала ему тесна, и посмотрел на меня в упор.

— Ребенок? — прозвучал вопрос.

Все, что чувствовал Джейми, ясно отражалось на его лице: надежда, отчаянный страх и попытка скрыть и то и другое.

Я улыбнулась ему и протянула руку.

— Подойди сюда.

Я долго думала о том, что захватить с собой, если мое путешествие сквозь камни удастся. Учитывая предыдущее столкновение с обвинениями в колдовстве, мною была проявлена максимальная осторожность, но одну вещь я просто не могла не взять с собой, невзирая на нежелательные последствия, попадись она на глаза не тому человеку.

Усадив Джейми рядом с собой на койку, я выудила из кармана маленький прямоугольный пакет, старательно сложенный мною в Бостоне, развернула водонепроницаемую обертку и сунула содержимое ему в руки.

— Вот, смотри.

Он взял их у меня осторожно, как человек, имеющий дело с неизвестной и, возможно, опасной субстанцией, и его большие руки словно бы заключили фотографии в живую оберегающую рамку. В обрамлении его пальцев красовалось круглое личико новорожденной Брианны: крохотные кулачки лежат поверх одеяльца, раскосые глазки закрыты от утомления новообретенным существованием, маленький ротик приоткрыт во сне.

Я подняла глаза на его потрясенное лицо. Он держал снимки близко к груди, не двигаясь, широко раскрыв глаза, и вид у него был такой, будто его поразила в сердце стрела из арбалета, — да так оно, похоже, и было.

— Твоя дочь посылает тебе это, — сказала я, повернула его лицо к

себе и нежно поцеловала в губы.

Поцелуй вывел его из транса — он моргнул, и лицо снова ожило.

— Моя... она... — Его голос осип от волнения. — Дочь. Моя дочь. Она... знает?

— Знает. Посмотри на остальные.

Я взяла первую фотографию из его ладоней, открыв снимок Брианны, основательно перемазанной сахарной глазурью от первого подаренного ей на день рождения торта. Демонстрируя в торжествующей улыбке все четыре зуба, она воинственно размахивала над головой зайцем.

У Джейми вырвался легкий непонятный звук, и его пальцы разжались. Я подхватила маленькую пачку фотографий и стала давать ему по одной.

Двухлетняя Брианна, пампушечка в зимнем комбинезончике: круглые раскрасневшиеся щечки, тонкие прядки, выбившиеся из-под капюшона.

Бри в четыре года — профессиональный глянцевый снимок. Девочка сидит, закинув лодыжку одной ноги на колено другой, спокойно и горделиво улыбаясь фотографу.

А вот гордая пятилетняя обладательница первой коробки для завтрака, дожидаясь автобуса, который отвезет ее в детский садик.

— Представляешь, она ни за что не хотела, чтобы я сопровождала ее: «поеду одна», и все тут. Она очень храбрая, ничего не боится...

Задыхаясь от волнения, я объясняла, растолковывала, показывала фотографии, которые одна за другой выпадали из его рук и соскальзывали на пол, когда он хватался за очередную снимок.

— О господи! — воскликнул Джейми, увидев фотографию, на которой десятилетняя Бри сидела на полу в кухне, обняв Смоуки, громадного ньюфаундленда.

Это была цветная фотография, и волосы дочери отливали мерцающей медью на фоне лоснящейся черной шерсти пса.

Его руки так сильно тряслись, что он не мог удержать снимки и оставшиеся мне пришлось показывать ему самой.

Подросткая Бри, со смехом взирающая на связку пойманных ею рыбин, или она же, запечатленная в момент раздумья, загорелая и взлохмаченная, опирающаяся на рукоять топора, которым колола поленья для растопки. Я подбирала снимки так, чтобы они отражали разнообразие ее настроений, но лицо везде было одним и тем же: длинный нос и широкий рот, высокие, широкие, плоские, как у викинга, скулы и чуть раскосые глаза. То была более утонченная версия ее отца, человека, который сидел на койке рядом со мной, беззвучно шевеля губами и не замечая катившихся по щекам слез.

Джейми простер руку над фотографиями, лишь слегка касаясь глянцевых поверхностей дрожащими пальцами, повернулся и медленно, с невероятным изяществом падающего высокого дерева подался ко мне и уткнулся лицом в плечо, сотрясаясь от беззвучных рыданий.

Я прижала его к своей груди, крепко обняв широкие трясущиеся плечи, и мои слезы падали на его волосы, оставляя маленькие темные пятна на рыжей гриве. Прижимаясь щекой к его макушке, я тихо приговаривала что-то бессвязное, как будто он был Брианной. Про себя я подумала, что это сродни хирургической операции — больно, но необходимо.

— Как ее зовут?

Джейми наконец поднял лицо, вытер нос тыльной стороной ладони и бережно, будто они могли рассыпаться от его прикосновения, поднял снимки.

— Как ты ее назвала?

— Брианна, — гордо ответила я.

— Брианна? — повторил он и нахмурился. — Какое ужасное имя для юной девушки!

Я отпрянула, словно от удара.

— Вовсе оно не ужасное! Это красивое имя, и, кроме того, ты сам велел мне назвать ее так! Почему это вдруг оно ужасное?

Он заморгал.

— Я велел тебе назвать ее так?

— Ну конечно! Когда мы... когда мы... в последний раз, когда я видела тебя... в нашу последнюю встречу...

Я плотно сжала губы, чтобы не расплакаться снова, но быстро совладала с собой и добавила:

— Ты велел мне назвать ребенка в честь твоего отца. Его ведь звали Брайан — Бриан, верно?

— Ох, ну да. — На его лице проступала улыбка. — Ты права, было такое. Правда, я-то думал, что родится мальчик.

— И ты жалеешь, что она не мальчик?

Я бросила на него сердитый взгляд и начала было собирать разбросанные фотографии, но он удержал меня за запястья.

— Нет, — сказал он, — Нет, я не жалею. Конечно нет! — Его губы слегка дернулись. — Но не стану отрицать, что она явилась для меня чертовским потрясением. Как и ты, англичаночка.

Несколько мгновений я сидела неподвижно, глядя на него. Казалось бы, у меня имелся не один месяц, чтобы ко всему подготовиться, но это ни

в коей мере не избавило от слабости в коленях и ощущения скрученного в узел желудка. Джейми же был застигнут моим появлением врасплох и, разумеется, ошарашен — удивляться тут нечему. На его месте у любого бы голова пошла кругом.

— Ты сожалеешь, что я появилась? — вырвалось у меня. — Ты... ты хочешь, чтобы я ушла?

Его руки сжали мои плечи так сильно, что я пискнула. Поняв, что он причинил мне боль, Джейми чуть ослабил хватку, но не выпустил меня из своих крепких объятий. Похоже, мое предположение поразило его настолько, что он побледнел и смог заговорить лишь после того, как сделал шумный, глубокий вдох.

— Нет. — Его ответ прозвучал почти спокойно. — Нет, ничего такого я не хочу.

Это было сказано твердо и решительно.

Завладев моей рукой, он собрал с пола фотографии, положил себе на колени и уставился на них, склонив голову, так что его лица не было видно.

— Брианна, — тихо произнес он. — Ты неправильно произносишь это имя, англичаночка. Надо говорить Брина.

Джейми произнес то же имя на горский лад, так что первый слог был подчеркнут, а второй едва произнесен. Брина.

— Брина? — переспросила я.

Он кивнул, не отрывая глаз от снимков.

— Ага, хотя можно и по-твоему — Брианна. Это красивое имя.

— Рада, что оно тебе нравится, — сказала я.

Джейми поднял глаза и встретился со мной взглядом, в уголках его губ притаилась улыбка.

— Расскажи мне о ней.

Его указательный палец обводил пухленькие черты малышки в зимнем комбинезоне.

— Какой она была совсем малюткой? Какое первое слово произнесла, когда научилась говорить?

Его рука привлекла меня ближе, и я примостилась рядом с ним. Он был большой, основательный, и от него пахло чистым полотном и чернилами — это не считая теплого мужского запаха, возбуждающе знакомого.

— «Собака», — сказала я. — Это было первое ее слово. Второе было «Нет!».

Он расплылся в улыбке.

— Ага, это они усваивают быстрее всего. Значит, она любит собак? —

Он разложил снимки веером, как карты, ища фотографию со Смоуки. — Какой чудесный пес рядом с ней! Что это за порода?

— Ньюфаундленд, — Я быстро перебрала карточки. — Вот еще один снимок, где она со щенком, которого подарил ей один из моих друзей.

Смутный серый дневной свет начал тускнеть, и по крыше уже некоторое время барабанил дождь, прежде чем наш разговор был прерван яростным утробным урчанием, донесшимся из-под отороченного кружевами лифа моего платья от Джессики Гуттенберг. После того как я умяла последний сэндвич с арахисовым маслом, прошло уже немало времени.

— Проголодалась, англичаночка? — спросил Джейми, совсем некстати, по моему мнению.

— Вообще-то да, раз уж ты заговорил об этом. Ты по-прежнему хранишь съестные припасы в верхнем ящике?

Когда мы только что поженились, я обзавелась привычкой держать небольшие порции съестного под рукой, и в верхнем ящике комода у нас обычно хранились булочки, маленькие пирожки и кусочки сыра.

Он рассмеялся и потянулся.

— Ага, как и прежде. Правда, сейчас там мало чего найдется, разве что пара черствых лепешек. Давай лучше я тебя отведу в таверну и...

Радость, которой светилось его лицо, когда он разглядывал фотографии Брианны, неожиданно сменилась тревогой. Он бросил быстрый взгляд на окно, за которым мягкий багрянистый цвет начал заменяться бледно-серым, и тревога ощутимо усилилась.

— Таверна! Господи! Я и позабыл про мистера Уиллоби!

Он вскочил на ноги и, порывшись, достал пару свежих чулок, прежде чем я успела что-нибудь сказать. Подойдя с чулками в одной руке и парой лепешек в другой, он кинул лепешки мне на колени и, усевшись на табурет, торопливо натянул чулки.

— Кто такой этот мистер Уиллоби?

Я вгрызлась в лепешку, рассыпая крошки.

— Проклятье! — сказал он скорее себе, чем мне. — Я обещал встретиться с ним в полдень, но это совершенно вылетело у меня из головы! Сейчас, должно быть, уже часа четыре!

— Да. Совсем недавно я слышала бой курантов.

— Проклятье! — повторил Джейми.

Всунув ноги в туфли с оловянными пряжками, он поднялся, сорвал с крючка камзол и рванулся к выходу, но у двери задержался.

— Ты пойдешь со мной? — с беспокойством спросил он.

— Меня не остановили бы и дикие кони, — заверила я, облизала пальцы, встала и накинула плащ.

Глава 25

ДОМ УДОВОЛЬСТВИЙ

— Кто такой мистер Уиллоби? — снова спросила я, когда мы остановились под аркой тупика Карфакс, всматриваясь в мощеную улицу.

— Э-э... он мой партнер, — ответил Джейми, бросив на меня опасливый взгляд. — Лучше надень капюшон: льет как из ведра.

Дождь и вправду шел сильный: с арки над головой низвергался прямо-таки водопад. Вода бурлила в сточных канавах, очищая город от нечистот и мусора. Я глубоко вдохнула свежий, насыщенный влагой воздух, чувствуя себя окрыленной этим безумным вечером и, главное, близостью моего Джейми, такого высокого и сильного. Вот он, рядом со мной. Я нашла его. И что бы ни таилось впереди неизвестного, это по большому счету не имело значения. Я чувствовала себя неустрасимой и неуязвимой — все мне по плечу и море по колено.

Я взяла его за руку и стиснула ее, он взглянул на меня и улыбнулся, пожав в ответ мою.

— Куда мы идем?

— На «Край света».

Рев воды затруднял разговор. Не говоря больше ни слова, Джейми взял меня под локоть, чтобы помочь перебраться через мокрые камни мостовой, и мы устремились вниз по крутому склону Королевской Мили.

К счастью, таверна под названием «Край света» находилась всего в ста ярдах, и, несмотря на сильный дождь, мой плащ почти не промок к тому моменту, когда мы поднырнули под низкую дверную перемычку и оказались в узком переднем холле.

Теплый задымленный главный зал — приятная возможность укрыться от непогоды — был набит битком. На скамьях вдоль стен притулились несколько женщин, но большую часть посетителей составляли мужчины. В такой час люди с достатком уже отдыхали дома и лишь несколько добротнo одетых купцов засиделись в таверне. В основном же здесь коротали время солдаты, докеры, ремесленники и подмастерья, а иногда попадались на глаза колоритные забулдыги.

При нашем появлении посетители подняли головы. Послышались приветственные возгласы, все завозились и заерзали, чтобы освободить место за одним из длинных столов. Очевидно, Джейми хорошо знали в «Краю света». Несколько любопытных взглядов досталось и мне, но никто

ничего не сказал. Я поплотнее завернулась в плащ и последовала за Джейми через толчею таверны.

— Нет, хозяйюшка, мы долго не засидимся, — сказал он девице, поспешившей ему навстречу с радушной улыбкой. — Я ведь по делу пришел, ради встречи.

Девушка выкатила глаза.

— А не поздновато ли для встречи? — промолвила она с сильным шотландским акцентом. — Он уже спустился вниз.

— Ну да, я опоздал, — виновато признался Джейми. — Я... у меня было... дело, которое меня задержало.

Девушка с любопытством посмотрела на меня и, пожав плечами, одарила Джейми улыбкой, отчего на ее щеках образовались очаровательные ямочки.

— О, это не беда, сэр. Гарри прихватил с собой жбанчик бренди и с тех пор сюда носу не казал.

— Бренди, говоришь? — В голосе Джейми слышалось смирение. — Надеюсь, он еще не заснул?

С этими словами он извлек из кармана маленький кошелек и опустил в подставленную руку девушки несколько монет.

— Наверное, нет, — добродушно ответила она, сунув деньги в карман. — Я слыхала, как он пел некоторое время назад. Спасибо, сэр!

Джейми кивнул и, наклонив голову, чтобы не стукнуться о косяк двери, прошел в заднее помещение, подав мне знак следовать за ним. Позади питейного зала находилась крохотная кухонька с очагом, на котором булькал котелок с неким варевом, судя по восхитительному запаху — устричной похлебкой. У меня слюнки потекли — очень хотелось надеяться, что свои дела с мистером Уиллоби мы будем улаживать за ужином.

Полная женщина, чьи лиф и юбка были перепачканы сажей, стояла на коленях у очага, подкладывая в огонь плашки. Она подняла глаза на Джейми и, не сделав попытки подняться, ограничилась кивком.

Помахав в ответ рукой, он направился в угол, к маленькой деревянной дверце, поднял засов и распахнул ее. За ней виднелась темная лестница, ведущая вниз, очевидно, в недра земли, где эльфы добывали алмазы.

Плечи Джейми заслонили проем, не позволяя разглядеть, что находится внутри. Лишь когда он вышел на открытое пространство подвала, я увидела массивные дубовые стропила и ряд огромных бочек, стоявших на длинном дощатом поддоне вдоль каменной стены.

Подножие лестницы освещал лишь один-единственный фонарь.

Подвал был в тених, и его пещеристые глубины казались совершенно пустынными. Я прислушалась, но не уловила никаких звуков, кроме пробивавшегося сверху приглушенного гомона таверны. И уж конечно, никакого пения.

— Ты уверен, что он здесь, внизу?

Я наклонилась и стала всматриваться в промежутки между бочками, полагая, что перебравший бренди мистер Уиллоби мог забиться в какое-нибудь укромное местечко, чтобы проспать.

— Ну да, наверняка здесь. Нажрался, чертов содомит, и прячется. Знает, что я терпеть не могу, когда он заливает глаза в питейных заведениях.

Это заявление побудило меня удивленно поднять бровь, но Джейми уже отправился шарить по темным углам, что-то сердито бурча себе под нос. Подвал был просторным и темным, и скоро я потеряла Джейми из виду и лишь слышала, как он осторожно передвигается во мраке. Оставшись в одиночестве в круге света от лестничного фонаря, я с интересом огляделась по сторонам.

Помимо ряда бочек там были деревянные ящики, составленные ближе к центру помещения, возле странного фрагмента стены, частично разделявшей подвал. Высота ее составляла футов пять, и она уходила в темноту.

Двадцать лет назад, когда мы были в Эдинбурге с его высочеством принцем Чарльзом, мне доводилось слышать о такой особенности местных подвалов, но одно дело — слышать, а другое — увидеть воочию. Передо мной находилось то, что осталось от стены, сооруженной отцами города после злосчастной битвы на поле Флодден в тысяча пятьсот тринадцатом году. Придя к выводу — и не без оснований, что соседство с англичанами, населявшими земли на юге, не сулит ничего хорошего, они построили оборонительную стену, обозначающую границу города и цивилизованного шотландского мира. Отсюда и название «Край света». В конце концов укрепления разрушились, старинная таверна множество раз перестраивалась, но сохранила свое историческое имя.

— Чертов старый содомит! — Джейми появился из теней с хмурой физиономией и приставшей к волосам паутиной. — Должно быть, он где-то за стеной.

Повернувшись, он приложил руки ко рту и выкрикнул какую-то невразумительную тарабарщину, не похожую даже на гэльский язык. Я с сомнением засунула палец в ухо, гадая, не сказалось ли прохождение через камни на моем слухе.

Уловив краем глаза какое-то движение, я вскинула голову и успела увидеть, как с вершины старой стены слетел какой-то странный голубой шар, ударивший Джейми прямо между лопатками.

Он свалился на пол с пугающим глухим стуком, и я метнулась к нему.

— Джейми! Ты в порядке?

Распростертая ничком фигура извергла ряд грубых гэльских ругательств, после чего медленно села, потирая изрядно ушибленный о каменный пол лоб. Голубой шар тем временем развернулся, превратившись в очень маленького китайца, который подпрыгнул в воздух и, совершив несколько головокружительных кульбитов, с торжествующим видом приземлился на ноги.

— Чертова блоха!

Джейми встал, осторожно вытер ободранные ладони о камзол, стремительным движением схватил китайца за шиворот и оторвал его ноги от пола.

— Пошли, — приказал он, переместив человечка к подножию лестницы. — Нам надо идти, да поскорее.

В ответ на это действие одетый в голубое коротышка обмяк и осел на ступеньке, словно мешок с тряпьем.

— С ним все в порядке, когда он трезв, — виновато пояснил мне Джейми, взваливая китайца на плечо. — Пропойца, каких свет не видывал.

— Да уж, охотно верю. И где ты только его откопал?

Я последовала за Джейми наверх, зачарованно глядя на то, как коса мистера Уиллоби болтается, словно метроном, взад-вперед на фоне серого шерстяного плаща Джейми.

— На пристани.

Но не успел он углубиться в объяснения, как дверь наверху открылась и мы вернулись на кухню таверны. Полногрудая хозяйка при нашем появлении двинулась навстречу, ее пухлые щеки надулись от возмущения.

— Ну вот что, мистер Малкольм, — начала она с негодующим видом, — вы, конечно, знаете, что вам здесь рады и что я не из тех женщин, которые поднимают шум по пустякам, потому что, когда содержишь питейное заведение, поневоле всякого насмотришься. Но я и раньше говорила вам, что этот ваш желтый коротышка не...

— Ага, ну раз уж вы заговорили об этом, миссис Паттерсон, то вот! — перебил ее Джейми.

Он полез в карман и достал монету, которую с поклоном вручил дородной трактирщице.

— Поверьте, я искренне благодарен вам за ваше терпение. Этого

больше не повторится. Надеюсь, — добавил он себе под нос, после чего нахлобучил шляпу, снова поклонился миссис Паттерсон и поднырнул под низкую притолоку в питейный зал.

Наше вторичное появление снова не осталось без внимания, но на сей раз неблагожелательного. Люди замолчали, стали бросать неодобрительные взгляды, а иные приглушенно забормотали ругательства. Выходит, мистер Уиллоби среди завсегдатаев любовью не пользовался.

Джейми пробрался сквозь толпу, которая неохотно расступалась. Я изо всех сил поспешала за ним, стараясь не встречаться ни с кем взглядами и, главное, не дышать глубоко. Я уже давно отвыкла от миазмов восемнадцатого века, и вонь от множества находившихся в ограниченном пространстве немытых тел действовала угнетающе.

Однако около двери мы столкнулись с проблемой в лице миловидной пухленькой молодой женщины, платье которой, почти столь же тусклых цветов, как одежда трактирщицы, отличалось куда более глубоким вырезом, благодаря чему мне не составило труда догадаться о роде ее занятий. Она увлеченно болтала о чем-то с парой подмастерьев, но когда мы проходили мимо, вскинула глаза и вдруг с истошным воплем вскочила на ноги, опрокинув кружку с элем.

— Это он! — заорала женщина, указывая на Джейми дрожащим пальцем. — Вот он, поганый мерзавец!

Ее спутники с интересом уставились на Джейми, тем более что молодая особа двинулась вперед, тыча пальцем в воздух на манер хорового дирижера. Похоже, перед тем как пролить эль на стол, она влила не одну кружку себе в глотку.

— Он самый! Чертов недоносок, о котором я вам говорила, который проделал со мной эту гадость.

Вся толпа взирала на эту сцену с нескрываемым любопытством, да и я тоже, поскольку уже поняла, что гневные обличения девицы относятся не к Джейми, а к его ноше.

— Негодяй! — орала она, обращаясь к скрытому под голубыми шелковыми штанами задю мистера Уиллоби. — Проходимец! Чертов забулдыга!

Праведный гнев девицы передался ее спутникам — один из них, рослый и крепкий малый, вскочил из-за стола, сжав кулаки и явно нарываясь на драку, и пьяным голосом проорал:

— Ага, Мэгги, это и есть тот самый гаденыш? Давай я пырну его ножом, а?

— Не пытайся, парень, — посоветовал ему Джейми, переместив свою

ношу для лучшего равновесия. — Лучше сядь да пей свое пойло, а мы пойдем своей дорогой.

— Фу–ты ну–ты! Да ты никак сводник этого поганого клопа? — Глумливо усмехаясь, парень повернул красную, пьяную физиономию в мою сторону. — По крайней мере, твоя другая шлюха не желтая — вы только поглядите на нее!

Он протянул пятерню и ухватил меня за плащ, выставив на обозрение низкий вырез лифа Джессики Гуттенберг.

— По мне, так она выглядит вполне розовой, — заявил его приятель с явным одобрением. — Интересно, она вся такая?

Не успела я двинуться, как он зацепил пальцем за край кружев. Не рассчитанная на суровые условия восемнадцатого века тонкая ткань разорвалась, открыв взору немало розовой плоти.

— Оставь ее, сукин сын! — крикнул Джейми, разворачиваясь к нему. Глаза его засверкали, свободная рука угрожающе сжалась в кулак. — Кого это ты обзываешь, поганая рожа?

Первый юнец, не в состоянии выбраться из-за стола, вспрыгнул на столешницу и бросился на Джейми, который ловко увернулся, благодаря чему нападавший вмазался физиономией в стену. В то же мгновение Джейми стремительно шагнул к другому подмастерью и залепил ему кулаком в челюсть. Парень обмяк, а Джейми схватил меня за руку и потащил прочь из таверны.

— Сматываемся! — прохрипел он, одновременно перекидывая бесчувственное тело китайца так, чтобы было удобнее его нести. — Сейчас эти уроды очухаются и пустятся в погоню.

Так оно и вышло: донесшиеся сзади крики свидетельствовали о том, что из трактира вывалила шумная драчливая компания. Не теряя времени, Джейми свернул в первый же отходивший от Королевской Мили узкий темный проулок. Шлепая по жидкой грязи, мы нырнули под арку, что вывела нас на другую извилистую улочку с обшарпанными деревянными стенами и проходившую, казалось, через самое чрево Эдинбурга. Чуть погодя мы свернули за угол, во внутренний дворик, где остановились, чтобы перевести дух.

— Что... такого... он натворил? — спросила я, тяжело дыша.

Мне трудно было представить, чтобы этот маленький китаец мог причинить какой-то вред разбитной молодой шлюхе вроде Мэгги. Судя по виду, она могла прибить его как муху.

— Ну, видишь ли, это все ноги, — объяснил Джейми, бросив на мистера Уиллоби взгляд, в котором раздражение мешалось с покорностью

неизбежному.

— Ноги?

Я машинально взглянула на крохотные ноги китайца, миниатюрные ступни, обутые в черные атласные туфли с войлочными подошвами.

— Да не его ноги, — буркнул Джейми, перехватив мой взгляд. — Ноги женщин.

— Каких женщин? — спросила я.

— Ну, до сих пор это были только шлюхи, — сказал он, бросив взгляд в сторону арки, откуда могли появиться преследователи. — Правда, трудно сказать, что еще может взбрести ему в голову. Но не стоит судить беднягу слишком уж строго: что с него взять, с язычника-то?

— Понятно, — сказала я, хотя пока еще ничего не поняла. — Но что...

— Вон они! — Мой вопрос прервал крик, донесшийся с дальнего конца улочки.

— Черт, а я-то надеялся, что они отстали. Бежим! Вот сюда!

Мы снова сорвались с места, выбежали по кривому проулку обратно на Королевскую Милю, взбежали вверх по склону и снова свернули в боковой проход. Позади нас, на главной улице, звучали крики погони. Джейми схватил меня за руку и втащил в открытый проем, за которым находился двор, полный бочек, свертков и ящиков. Лихорадочно оглядевшись по сторонам, он сунул вялое тело мистера Уиллоби в большую бочку, наполненную мусором. Замешкавшись лишь для того, чтобы прикрыть голову китайца куском парусины, Джейми затащил меня за нагруженную ящиками подводу и заставил присесть рядом с ним.

Я тяжело дышала от непривычного напряжения, и сердце колотилось от страха. Лицо Джейми покраснелось от холода и спешки, волосы основательно растрепались, но он почти не запыхался.

— Неужели ты все время так и живешь? — спросила я, прижав руку к груди в тщетном усилии унять сердцебиение.

— Не совсем, — ответил он, опасливо следя поверх борта подводы за преследователями.

Тяжелый топот эхом отдавался от стен, но он удалялся, звучал все глуше и наконец растворился в тишине, нарушаемой лишь равномерным стуком дождя по ящикам.

— Слава богу, пробежали мимо. Но нам лучше посидеть здесь еще немного — убедиться, что они не вернутся.

Он поставил на землю ящик, чтобы я могла сесть, снял с телеги еще один для себя и уселся, вздыхая и причесывая пятерней упавшие на лицо волосы.

— Прости, англичаночка, — сказал Джейми с кривой улыбкой. — Никак не думал, что это обернется такими...

— Приключениями? — закончила я за него и, улыбаясь в ответ, достала носовой платок, чтобы стереть пот с лица. — Да ладно, все в порядке.

Я взглянула на большую бочку, которая трепыхалась и шуршала, свидетельствуя о возвращении мистера Уиллоби в более или менее сознательное состояние.

— Э-э... так что там насчет ног?

— Он рассказал мне о своем пристрастии к выпивке, понимаешь, — ответил он, бросив взгляд на бочку, в которой находился его товарищ. — Оно бы и не беда, но стоит ему принять лишнюю каплю, как речь у него непременно заходит о женских ногах и обо всех ужасных вещах, которые он хочет делать с ними.

— А что ужасного можно сделать с ногами? — заинтересовалась я, — По моему разумению, тут особо не развернешься.

— Это ты не развернешься, а он — еще как! — буркнул Джейми. — Но мне, знаешь ли, не хотелось бы говорить об этом на улице.

Из недр стоявшей позади нас бочки донеслось нечто похожее на пение. Конечно, судить было трудно, но мне показалось, что в этих певучих фразах заключена какая-то просьба.

— Заткнись, ты, чертов дождевой червяк! — рявкнул Джейми. — Еще одно слово — и я сам пройду по твоей проклятой физиономии! Посмотрим, как тебе это понравится.

Послышался пьяный смех, и бочка затихла.

— Он что, хочет, чтобы кто-то прошелся по его лицу? — спросила я.

— Ага. Ты, — коротко ответил Джейми. Он виновато пожал плечами, и его щеки покраснели еще больше. — У меня не было времени рассказать ему, кто ты такая.

— А он говорит по-английски?

— Ну да, чуточку, но когда он говорит, его мало кто понимает. Я с ним общаюсь в основном по-китайски.

Я уставилась на Джейми.

— Ты что, знаешь китайский?

Он пожал плечами и с легкой улыбкой наклонил голову.

— Ну, вообще-то я знаю его примерно так же, как мистер Уиллоби знает английский. Правда, избытка других собеседников у него не наблюдается, вот ему и приходится мириться со мной.

Мое сердце выказало признаки возвращения к нормальному ритму. Я

прислонилась к тележному борту и накинула капюшон, чтобы укрыться от моросящего дождя.

— А с чего это вдруг его зовут Уиллоби? — спросила я.

Мне было любопытно узнать о китайце, но еще интереснее понять что связывает с ним почтенного эдинбургского печатника. Но у меня пока не было уверенности в своем праве выпрашивать у Джейми подробности его жизни. В конце концов, я только, можно сказать вернулась с того света, во всяком случае из иного мира, и вряд ли могла требовать от Джейми немедленного отчета обо всех прожитых годах.

Джейми потер рукой переносицу.

— Ну да, конечно. Вообще-то его зовут И Тьен Чо. Он говорит это значит «Склоняющийся перед небом».

— Понятно, шотландцам такое имечко не выговорить, — сообразила я, поскольку знала местных жителей и ничуть не была удивлена их нежеланием вдаваться в тонкости неведомого наречия.

Джейми с его способностью к языкам представлял собой генетическую аномалию.

Он улыбнулся, белые зубы блеснули в сгущавшейся темноте.

— Ну, не совсем так. Выговорить-то они, может быть, и выговорят, да только тогда получится слово, которое по-гэльски означает... короче говоря, грубое слово. Вот мне и показалось, что Уиллоби будет лучше.

— Понятно, — сказала я, решив, что допытываться насчет точного значения гэльского «грубого слова» сейчас, пожалуй, не стоит.

Я оглянулась через плечо — кажется, все было спокойно. Джейми заметил этот жест и, кивнув, поднялся.

— Да, теперь можно двигаться. Парни уже вернулись в трактир.

— А разве на обратном пути нам не придется идти мимо «Края света»? Или можно пробраться закоулками?

Признаться, ни тот ни другой вариант не радовал. Встречаться с пьяными драчунами не хотелось, но и ковылять в сумерках по грязным, заваленным мусором закоулкам Эдинбурга — тоже.

— Н-нет. Мы не будем возвращаться в печатную мастерскую. Я не видела его лица, но прозвучало это как-то натянуто, и меня опять уколола тревога. Видимо, у него есть жилье где-то в городе. Его каморка при типографии явно представляла собой нечто вроде монашеской кельи, но вдруг у него имеется целый дом — семейный дом? В печатной мастерской мы не успели толком поговорить ни о чем, кроме Брианны, и я не имела ни малейшего представления ни о том, чем он занимался все прошедшие двадцать лет, ни о том, чем занимается сейчас.

Успокаивало лишь то, что, увидев меня, Джейми обрадовался — и это мягко говоря. Что же до мрачной задумчивости, то она, скорее всего, была связана не со мной, а с его перебравшим приятелем.

Он склонился над бочкой и говорил что-то на китайском с шотландским акцентом. То были едва ли не самые странные и забавные звуки из когда-либо мною слышанных, что-то вроде писка настраиваемой волынки.

Что именно говорил Джейми, оставалось для меня загадкой, но мистер Уиллоби отвечал на это весьма бойко, перемежая мелодичное чириканье с хихиканьем и фырканьем. Наконец маленький китаец выбрался из бочки: его миниатюрная фигурка четко обрисовалась в свете дальнего уличного фонаря. Он с удивительной ловкостью спрыгнул с края бочки и тут же распростерся передо мной на земле.

Памятуя о том, что говорил Джейми насчет ног и всего такого, я быстро отступила на шаг, но Джейми успокаивающе положил мне руку на плечо.

— Все в порядке, англичаночка. Он всего лишь хочет извиниться за то, что ранее отнесся к тебе без должной почтительности.

— О да!

С сомнением посмотрев на мистера Уиллоби, бормотавшего что-то, уткнувшись лицом в землю, и понятия не имея, как мне следовало бы поступить в соответствии с правилами китайского этикета, я наклонилась и погладила его по голове. Очевидно, это интуитивное действие оказалось правильным, потому что он вскочил на ноги и кланялся мне до тех пор, пока потерявший терпение Джейми не велел ему остановиться. По завершении этих китайских церемоний мы направились назад, к Королевской Миле.

Здание, к которому прикол нас Джейми, скромно притулилось в маленьком тупике чуть выше церкви Пушечных Врат, примерно в Четверти мили над дворцом Холируд. Увидев светившиеся внизу, у ворот дворца, фонари, я слегка поежилась: на раннем, победном этапе карьеры Карла Стюарта мы прожили с ним в этом дворце почти пять недель. В его стенах умер дядя Джейми, Колум Маккензи.

На стук Джейми дверь открылась, и нее мысли о прошлом исчезли. Женщина, которая стояла, всматриваясь в нас со свечой в руке, была маленькой, темноволосой и элегантной. Увидев Джейми, она с радостным криком бросилась к нему и расцеловала в обе щеки. У меня оборвалось сердце, но потом я услышала, как Джейми назвал ее «мадам Жанна». По моему разумению, ни к жене, ни к любовнице так не обращаются.

Но все-таки было в этой женщине нечто, вызывавшее у меня беспокойство. По всей видимости, она была француженкой, но по-английски говорила хорошо, что, впрочем, не представляло собой ничего особенного для Эдинбурга, морского порта и вообще космополитического города. Платье ее при всей скромности фасона было ладно скроено и сшито из дорогого, тяжелого шелка, а пудры и румян на лице было куда больше, чем у обычной шотландской горожанки. Но беспокоило не это, а то, что смотрела она на меня с нескрываемой неприязнью.

— Месье Фрэзер, — сказала она, коснувшись плеча Джейми с собственническим видом, который мне вовсе не понравился, — можно мне переговорить с вами с глазу на глаз?

Джейми, передавший свой плащ быстро появившейся служанке, бросил на меня быстрый взгляд и сразу понял, что к чему.

— Конечно, мадам Жанна, — любезно ответил он и, протянув руку, привлек меня к себе. — Но сначала позвольте мне представить вам мою жену, мадам Фрэзер.

Мое сердце замерло на момент, потом забилось вновь так громко, что его стук был, наверное, слышен всем находившимся в маленькой прихожей. Джейми встретился со мной взглядом и улыбнулся, крепко сжав мои пальцы.

— Вашу... жену? — Трудно было сказать, какое чувство превалировало в выражении лица мадам Жанны — изумление или ужас — Но, месье Фрэзер... вы привели ее сюда? Я думала... женщина... этого уже более чем достаточно, чтобы оскорбить наших собственных *jeune filles*, молодых девушек. Это нехорошо... но чтобы жена...

Она некрасиво разинула рот, открыв взгляду несколько порченных зубов. Но в следующее мгновение она совладала с собой и слегка поклонилась в попытке проявить учтивость.

— Bonsoir... мадам. Добрый вечер.

— Уверена, более чем добрый, — вежливо ответила я.

— Моя комната готова, мадам? — спросил Джейми и, не дожидаясь ответа, пошел к лестнице, увлекая меня за собой. — Мы проведем там ночь.

Он оглянулся на мистера Уиллоби, который, зайдя следом за нами, сразу же примостился на полу с мечтательным выражением на маленьком плоском лице, в то время как с его промокшей одежды стекала вода.

— Э-э...

Взглянув на мадам Жанну, Джейми махнул рукой в сторону мистера Уиллоби и вопросительно поднял брови. Та уставилась на китайца, как

будто недоумевающая, откуда он взялся, потом пришла в себя и хлопнула в ладоши, призывая служанку.

— Полин, узнай, пожалуйста, свободна ли мадемуазель Джози, — распорядилась она. — А потом принеси воды и свежие полотенца для месье Фрэзера и его... жены.

Последнее слово было произнесено таким тоном, будто она до сих пор не могла поверить услышанному.

— О, и вот еще что, если вы будете так добры, мадам. — Джейми перегнулся через перила, глядя на нее сверху с широкой улыбкой. — Моей жене потребуется чистая одежда, у нее случилось досадное происшествие. Вы смогли бы раздобыть что-нибудь подходящее к утру? Благодарю вас, мадам Жанна. Bonsoir!

Я молча последовала за ним по четырем пролетам винтовой лестницы на верхний этаж дома, ошалева от кружившихся в голове мыслей. Тот парень в пабе обозвал его сводником. Тогда я не обратила внимания на это определение, ведь подобное слово не могло иметь отношения к Джейми Фрэзеру.

«Точнее, — поправилась я, глядя на обтянутые темно-серой саржей камзола широченные плечи, — к тому Джейми Фрэзеру, которого я когда-то знала. Но что мне известно об этом человеке?»

Трудно сказать, что я рассчитывала увидеть, но комната оказалась самой обыкновенной, маленькой и чистой, хотя последнее обстоятельство, если вдуматься, можно было счесть необычным. Обстановку составляли табурет, простая кровать и комод, на котором стояли тазик, кувшин и глиняный подсвечник со свечой из пчелиного воска. Ее Джейми зажег от маленькой свечки, которую принес с собой.

Стянув свой мокрый камзол, он небрежно бросил его на табурет, потом сел на кровать, чтобы снять мокрые башмаки.

— Господи, — сказал он, — я умираю с голоду. Надеюсь, повариха еще не легла спать.

— Джейми... — начала было я.

— Сними свой плащ, англичаночка, — сказал он, заметив, что я продолжаю стоять, прислонившись к двери. — Ты промокла до нитки.

— Да. В общем... да. Но сначала... э-э... Джейми, почему это вдруг у тебя имеется постоянная комната в борделе? — вырвалось у меня.

Он потер подбородок со слегка смущенным видом.

— Прости, англичаночка. Конечно, мне не стоило приводить тебя сюда, но это единственное место, где, как я подумал, мы могли быстро привести в порядок твой наряд, не говоря уж о возможности получить

горячий ужин. И кроме того, мне надо было поместить мистера Уиллоби туда, где он не попал бы в большую беду, и раз уж мы сюда пришли... что ж, — он бросил взгляд на кровать, — эта постель куда удобнее, чем моя койка в печатной мастерской. Но может быть, это была неудачная идея. Мы можем уйти, если тебе кажется, что это не...

— Я не возражаю, — перебила я его. — Вопрос в том, почему у тебя есть собственная комната в борделе. Неужели ты такой хороший клиент, что...

— Клиент?

Он уставился на меня, подняв брови.

— Здесь? Господи, англичаночка, за кого ты меня принимаешь?

— Черт меня побери, если я это знаю, — сказала я. — Потому и спрашиваю. Ты ответишь на мой вопрос?

На миг он уставился на свои обтянутые чулками ноги, поводил пальцами по полу, поднял голову, посмотрел на меня и спокойно ответил:

— Пожалуй. Я не клиент Жанны, но она моя клиентка, и хорошая. Она держит для меня комнату, потому что я часто допоздна бываю в отлучке по делам, и почему бы мне не иметь места, куда я могу заявиться когда угодно и где мне будут обеспечены еда, постель и уединение? Эта комната — часть моей договоренности с ней.

Я слушала, затаив дыхание, и лишь теперь облегченно выдохнула.

— Ладно. Тогда задам следующий вопрос: какое дело может связывать хозяйку борделя с печатником?

В моей голове промелькнула нелепая мысль, что он, может быть, печатает рекламные плакаты ее заведения, но, разумеется, я тут же ее отбросила.

— Что ж, — медленно произнес он. — Нет, я думаю, это не вопрос.

— Нет?

— Нет.

Одним плавным движением он встал с кровати и оказался так близко от меня, что я могла заглянуть ему в лицо. У меня вдруг возник порыв отступить на шаг, и если он остался неосуществленным, то главным образом оттого, что отступать было некуда.

— Настоящий вопрос, англичаночка, состоит в том, почему ты вернулась?

— Ага, конечно, легче задавать вопросы мне, чем отвечать самому. — Мои ладони плотно прижались к шероховатому дереву двери. — Ну а как ты думаешь, почему я вернулась?

— Я не знаю.

Мягкий шотландский говор звучал невозмутимо, но я даже в полумраке видела, как бьется пульс над открытым воротом его рубахи.

— Ты вернулась, чтобы снова стать моей женой? Или только затем, чтобы рассказать мне о дочери?

Неожиданно, словно осознав, что такая близость меня нервирует, Джейми отвернулся и двинулся к окну, где поскрипывали на ветру ставни.

— Ты мать моего ребенка, англичаночка, и за одно это я обязан тебе — за знание того, что моя жизнь была не напрасной и что мой ребенок в безопасности.

Он повернулся и посмотрел на меня. В голубых глазах застыло напряжение.

— Но прошло много времени с тех пор, как мы с тобой были вместе. Потом у тебя была своя жизнь, а у меня здесь — своя. Ты ничего не знаешь о том, что я делал или кем был. И вот теперь ты вернулась. Потому что захотела или потому что почувствовала себя обязанной?

У меня перехватило горло, но я посмотрела прямо в глаза Джейми.

— Я вернулась теперь, потому что раньше... раньше я думала, что ты умер. Я думала, что ты погиб при Куллодене.

Джейми уставился на подоконник и подобрал с него какую-то щепочку.

— Ну понятно... Что ж... я и должен был умереть. — Он невесело улыбнулся, пристально изучая щепочку. — Приложил к этому уйму стараний. — Он снова посмотрел на меня. — А как ты узнала, что я не умер? Или где я нахожусь, если на то пошло?

— Мне помогли. Молодой историк Роджер Уэйкфилд нашел архивные записи, он проследил каждый твой шаг до Эдинбурга. И, увидев имя «А. Малкольм», я поняла... подумала, что... это можешь быть ты.

Мои объяснения были невнятными, но время для подробностей можно будет найти и позже.

— Ага, понятно. И потом ты пришла. Но все же... почему?

Несколько мгновений я смотрела на него молча. Джейми, словно ему стало трудно дышать, а может быть, просто ради того, чтобы чем-то себя занять, нашарил засов и наполовину распахнул ставни, заполнив комнату шумом падающей воды и холодным, свежим запахом дождя.

— Ты пытаешься намекнуть мне, что не хочешь, чтобы я осталась? — вырвалось у меня. — Потому что если... я хочу сказать, мне понятно, что жизнь твоя теперь... может быть, у тебя... другие узы...

Невероятно обострившееся восприятие позволяло мне улавливать едва слышные звуки, доносившиеся с нижнего этажа, и это несмотря на шум

дождя и оглушительный стук собственного сердца. Мои ладони вспотели, и я тайком вытерла их о юбку.

Джейми отвернулся от окна и уставился на меня.

— Господи! — вздохнул он. — Да чтобы мне вдруг захотелось расстаться с тобой? — Его лицо было бледным, а глаза неестественно блестели. — Я страстно желал тебя двадцать лет, англичаночка. Боже мой, неужели ты этого не понимаешь?

Ветерок забросил выбившиеся пряди волос ему на лицо, и Джейми раздраженно откинул их назад.

— Но я не тот человек, которого ты знала двадцать лет назад, верно? — Он отвернулся, с досадой махнув рукой. — Сейчас мы знаем друг друга хуже, чем тогда, когда поженились.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

Кровь гулко стучала у меня в висках.

— Нет!

Он стремительно развернулся ко мне и крепко схватил за плечи, отчего я непроизвольно отпрянула.

— Нет, — проговорил он более спокойно. — Я не хочу, чтобы ты ушла. Я уже сказал тебе это, и сказал честно. Но... я должен знать.

Джейми опустил голову, но по выражению его лица было понятно, насколько важен для него этот вопрос.

— Я нужен тебе? — прошептал он. — Англичаночка, ты примешь меня? Ты готова рискнуть и принять человека, которым я являюсь, ради человека, которого ты знаешь по общему прошлому?

Я ощутила мощную волну облегчения, смешанного со страхом. Она пробежала от его руки по моему плечу и к кончикам пальцев ног, снимая напряжение.

— Немного поздно спрашивать об этом, — сказала я и, потянувшись, коснулась его щеки, где начинала пробиваться щетина, ощущавшаяся под моими пальцами не колючей, а мягкой, словно плюш. — Потому что я уже рискнула всем, что у меня было. Но, кем бы ты ни был теперь, Джейми Фрэзер, — да. Да, я хочу быть с тобой.

Пламя свечи голубым светом отражалось в его глазах, когда он протянул ко мне руки. Я молча ступила в его объятия и уткнулась ему лицом в грудь, наслаждаясь возможностью ощущать рядом это большое, сильное тело. Настоящее — после стольких лет тоски по призраку, которого я не могла коснуться.

Спустя мгновение Джейми высвободился, нежно коснулся моей щеки и улыбнулся.

— Ты все-таки чертовски храбрая, англичаночка. Впрочем, так было всегда.

Я попробовала улыбнуться ему в ответ, но губы дрожали.

— А как насчет тебя? Откуда тебе знать, какая я? Ты ведь тоже не знаешь, чем я занималась последние двадцать лет. Может быть, я такой ужасный человек, что тебе и не вообразить!

Его глаза засветились от лукавства.

— Конечно, все возможно, англичаночка. Дело, однако, в том, что меня это не волнует.

Некоторое время я молча смотрела на него, потом вздохнула так глубоко, что, кажется, несколько швов на моем платье лопнули, и сказала:

— Меня тоже.

Казалось нелепым смущаться чего-то наедине с ним, но меня не оставляла робость. Приключения сегодняшнего вечера и его слова, обращенные ко мне, открыли пропасть реальности — эти двадцать лет, которые мы провели в разлуке, зияли между нами провалом, за которым лежало неизвестное будущее. Теперь мы заново начнем узнавать друг друга, чтобы понять, станем ли снова единой плотью, Которой были когда-то.

Возникшую напряженность прервал стук в дверь. Миниатюрная служанка принесла поднос с ужином: холодное мясо, горячий бульон, теплые овсяные лепешки с маслом. Она сноровисто разожгла очаг и ушла, пожелав нам доброго вечера.

Если мы медленно, говорили осторожно, только на нейтральные темы. Я рассказала ему, как добиралась от Крэг-на-Дун до Инвернесса, и насмешила его рассказом о мистере Грэме и мастере Джорджи. Он, в свою очередь, рассказал мне о мистере Уиллоби, о том, как нашел мертвеца пьяного и умиравшего с голоду китайца, валявшегося за штабелем бочек на причале Бернтисленда, одного из портов неподалеку от Эдинбурга.

Мы ничего не говорили о себе, но, пока ужинали, меня все больше начинало смущать его тело. Невозможно было не смотреть на изящные длинные кисти рук, когда он наливал вино и резал мясо, не замечать его мощного торса под рубашкой или четкой линии шеи и плеч, когда он наклонялся, чтобы поднять упавшую салфетку. Пару раз мне показалось, что его взгляд задерживается на мне таким же образом — что-то вроде алчного, но нерешительного желания, — но всякий раз он быстро отводил глаза, прикрывая их так, что о его чувствах и стремлениях мне оставалось только гадать. Когда ужин закончился, главной в обеих наших головах осталась одна и та же мысль. Иначе, наверное, и быть не могло, учитывая

место, в котором мы оказались. Меня неожиданно проняла дрожь, дрожь страха и предвкушения.

Наконец Джейми осушил свой бокал с вином и посмотрел на меня в упор.

— Ты...

Он сбился, заметно покраснел, но, встретившись со мной взглядом, продолжил:

— Ты ляжешь со мной в постель? То есть, — поспешно добавил он, — холодно, а мы оба промокли и...

— И здесь нет никаких стульев, — закончила я за него. — Хорошо.

Я повернулась к кровати, ощущая странную смесь возбуждения и нерешительности. Мое дыхание сделалось хриплым.

Он быстро стянул с себя штаны и чулки, потом поднял на меня глаза.

— Прости, англичаночка, я должен был подумать о том, что тебе потребуется помощь с твоими кружевами.

Значит, ему нечасто случалось раздевать женщин. Прежде чем мне удалось отогнать эту приятную мысль, лукавая улыбка тронула мои губы.

— Дело не в кружевах, — пробормотала я, — но если бы ты помог мне расстегнуть платье сзади...

Я отложила в сторону плащ и повернулась к нему спиной, подняв волосы, чтобы показать верхний край платья.

Последовало озадаченное молчание. Потом я почувствовала, как палец медленно заскользил вниз по ложбинке моей спины.

— Что это? — спросил Джейми с удивлением в голосе.

— Это называется молния, — ответила я. — Видишь сверху маленький язычок? Возьмись за него и потяни вниз.

Зубчики молнии расходились с приглушенным треском, освобождая меня от творения Джессики Гуттенберг. Я подняла руки, выпростав их из рукавов, а когда платье тяжело упало к моим ногам, я быстро, пока не растеряла всю храбрость, повернулась лицом к Джейми.

Это неожиданное появление куколки из кокона заставило его отпрянуть. Потом, моргнув, он уставился на меня.

Я стояла перед ним без ничего, на мне были только туфли и шелковые розовые чулки с подвязками. Захотелось подхватить с пола платье и прикрыться, но мне удалось справиться с этим порывом. Я выпрямилась, вскинула голову и стала ждать.

Джейми не промолвил ни слова. Его глаза блеснули в свете свечи, когда он слегка мотнул головой, но он по-прежнему ловко умел скрывать свои мысли за непроницаемой маской.

— Ты скажешь что-нибудь или так и будешь молчать? — не выдержав, спросила я дрожащим голосом.

Джейми открыл рот, но не смог произнести ни слова, лишь медленно покачивал головой.

— Господи, — прошептал он наконец. — Клэр, ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

— Тебя подводит зрение, — заявила я убежденно. — Это, наверное, глаукома: для катаракты ты слишком молод.

Эти слова вызвали у него нервный смешок, а потом до меня дошло, что он на самом деле ослеплен: в его глазах, даже когда он улыбался, блестела влага. Проморгавшись, Джейми протянул руку.

— Глаза у меня, как и были, ястребиные, — уверенно сказал он. — Иди ко мне.

Я нерешительно взяла его за руку и переступила через упавшее платье, покинув это ненадежное прибежище. Сидя на кровати, он нежно привлек меня к себе, так что я оказалась стоящей между его коленями, коснулся поцелуями обеих моих грудей и положил голову между ними, дыша теплом на мою обнаженную кожу.

— Твоя грудь бела, как слонобая кость, — тихо произнес он с сильным горским акцентом, всегда проскакивавшим в речи Джейми в моменты сильного волнения.

Он поднял руку и взял одну грудь в свою ладонь. Его загорелые пальцы темнели на фоне бледного свечения моего тела.

— Даже просто видеть их, такие полные и округлые... Господи, я мог бы вечно держать здесь голову. Но коснуться тебя, моя англичаночка... Тебя, с кожей, подобной белому бархату, и нежными линиями тела...

Джейми умолк. Его рука медленно двинулась по изгибам талии и бедра к выпуклости ягодиц.

— Боже мой, — прошептал он, — я не могу не смотреть на тебя, англичаночка, не могу отнять от тебя руки, не могу не находиться рядом с тобой, не могу не желать тебя.

Джейми поднял голову и поцеловал меня в область сердца. Его рука скользнула по мягкой выпуклости живота, слегка касаясь небольших отметин, оставшихся там после рождения Брианны.

— Тебя это правда не смущает? — нерешительно спросила я, проводя пальцами по своему животу.

Ответом была улыбка, тронутая тенью печали. Немного поколебавшись, Джейми задрал свою рубашку.

— А тебя?

Шрам проходил от середины бедра почти до паха — рваный белесый рубец в восемь дюймов длиной. Не удержавшись, я ахнула и опустилась на колени рядом с ним.

Моя рука легла на его бедро и крепко обхватила ногу, как будто я могла удержать его теперь — если не смогла удержать тогда. Под моими пальцами ощущалась медленная пульсация крови в артерии, проходившей всего в дюйме от ужасного, грубо зарубцевавшегося шрама.

— Это не пугает тебя, не отвращает тебя, англичаночка? — спросил он, положив руку мне на голову.

Я посмотрела ему в лицо.

— Конечно нет!

— Ну-ну.

Он потянулся и коснулся моего живота, удерживая при этом мой взгляд.

— И если ты носишь шрамы собственных сражений, — тихо добавил Джейми, — то и меня они не беспокоят.

Он поднял меня на кровать, уложил рядом с собой и наклонился, чтобы поцеловать. Я сбросила туфли и подтянула ноги, ощущая его тепло через рубашку. Моя рука нашарила пуговицу у ворота, чтобы расстегнуть ее.

— Я хочу увидеть тебя.

— Ну, англичаночка, смотреть особо не на что, — неуверенно рассмеялся Джейми. — Но все, что там есть, все твое, если тебе угодно.

Он стянул рубашку через голову, бросил ее на пол, а потом откинулся, опершись на ладони, чтобы продемонстрировать свое тело.

Не знаю сама, чего я ожидала, но при виде его обнаженного тела у меня захватило дух. Он по-прежнему был прекрасно сложен и, будучи высокого роста и худощав, не выглядел костлявым благодаря прекрасной, рельефной мускулатуре. Кожа его поблескивала в свете свечи, словно это сияние исходило от него самого.

Конечно, он изменился, но не разительно, впечатление было такое, будто его основательно подкоптили в печи. Казалось, мускулатура чуточку уплотнилась, да и кожа сильнее обтягивала кости, но в результате Джейми лишь выглядел еще более крепко сбитым. Неуклюжим верзилой он никогда не был, но теперь не осталось и намека на юношескую нескладность.

Его кожа слегка потемнела, приобрела золотистый оттенок, переходивший в бронзовый на лице и горле, но светлевший в нижней части тела, доходя на внутренней стороне бедер до чисто-белого, с голубоватым узором вен. Паховые волосы топорщились каштановым кустиком, и было

совершенно очевидно, что Джейми не солгал: он действительно хотел меня, очень хотел.

Наши глаза встретились, и он неожиданно усмехнулся.

— Когда-то я обещал тебе, англичаночка, что всегда буду с тобой честным.

Я рассмеялась, чувствуя, как слезы щиплют глаза, и в то же время во мне всколыхнулось смущение.

— Я тоже.

Стоило мне нерешительно потянуться к нему, а ему взять меня за руку, и я вздрогнула от соприкосновения с его силой и живым теплом, но потом потянула его к себе. Он встал, и мы оказались лицом к лицу.

И замерли в неловкой растерянности, наслаждаясь ощущением друг друга. Да и могло ли быть иначе? Комната была совсем маленькой, и вся ее атмосфера пропиталась энергией наших чувств, столь сильной, что она была почти видимой. И одновременно у меня возникла пугающая пустота в желудке, какая бывает, когда оказываешься на вершине «американских горок».

— Ты так же боишься, как и я? — прозвучал мой голос, как мне показалось, слегка хриловатый.

Джейми внимательно оглядел меня и поднял бровь.

— Вот уж не думал, что смогу тебя бояться. Но ты покрылась гусиной кожей. Тебе страшно, англичаночка, или просто холодно?

— И то и другое, — ответила я, и Джейми рассмеялся.

— Тогда иди сюда, — сказал он, отпуская мою руку и наклоняясь, чтобы откинуть одеяло.

Когда он скользнул под одеяло рядом со мной, я продолжала дрожать и жар его тела стал для меня сущим потрясением.

— Господи, да ты ничуть не замерз! — вырвалось у меня, когда я, инстинктивно потянувшись навстречу теплу, прижалась к его груди.

Он неуверенно рассмеялся.

— Нет, не замерз. Наверное, я должен бояться, а?

Он нежно обнял меня, и я коснулась его груди, ощущая, как сотни крохотных бугорков гусиной кожи возникают под кончиками моих пальцев среди курчавых рыжих волос.

— Когда мы боялись друг друга раньше, в нашу свадебную ночь, — прошептала я, — ты держал меня за руки. Ты сказал, что будет легче, если мы соприкоснемся.

Кончиком пальца я нащупала его сосок, и Джейми издал слабое восклицание.

— Да, говорил, — выдохнул он. — Господи, коснись меня снова, вот так...

Неожиданно он сильнее прижал меня к себе.

— Коснись меня, — снова тихо попросил он, — и позволь мне коснуться тебя, моя англичаночка.

Его рука заскользила по моему телу, и моя грудь оказалась в его ладони. Я продолжала дрожать, но теперь дрожал и Джейми.

— Когда мы поженились, — прошептал он, обдавая мою щеку теплым дыханием, — и я увидел тебя там, такую красивую в белом платье, Я ни о чем не мог думать, кроме как о том, что, когда мы останемся наедине, я смогу разобрать твои кружева и ты, нагая, окажешься рядом со мной в постели.

— А сейчас ты хочешь меня? — прошептала я и поцеловала загорелую плоть в ложбинке над ключицей.

Кожа была солоноватой, волосы пахли древесным дымом, в целом же от него исходил возбуждающий запах настоящего мужчины.

Ответом стало резкое движение, заставившее меня ощутить животом прикосновение затвердевшего мужского начала.

Страх и желание прижали меня к нему. Груды мои набухли от возбуждения, жар в промежности побуждал открыть себя для него. Но таким же сильным, как страсть, было простое желание принадлежать ему, дать ему возможность полностью овладеть мною, чтобы я, забывшись, избавилась от своих сомнений.

Дрожь в руках, сжимавших мои ягодицы, непроизвольное подергивание его бедер — все выдавало желание, и я мысленно призывала его сделать это со мной поскорее, не церемонясь и не деликатничая. Но произнести это вслух было невозможно, и на его лице читались похожие мысли. Для того чтобы подобные слова могли прозвучать между нами, было слишком рано — и слишком поздно.

Однако у нас имелся другой, свой язык, и мое тело сразу вспомнило его. Обхватив и сжав его ягодицы, так же как он сжимал мои, я страстно подалась к нему, подставляя губы для поцелуя в тот же самый момент, когда он резко наклонился, чтобы поцеловать меня.

И в результате я так основательно приложила носом к его лбу, что у меня вышибло слезу. Я откатилась от него, пискнув и ухватившись за лицо.

— Ой!

— Господи, Клэр, я сделал тебе больно?

Сморгну в слезы, я увидела его встревоженное лицо, склонившееся надо мной.

— Нет, — жалобно сказала я. — Только мне кажется, что у меня сломан нос.

— Вовсе не сломан. — Он осторожно погладил мою переносицу. — Когда нос ломается, раздается противный хруст, да и кровь течет, как из зарезанной свиньи. Все в порядке.

Я осторожно потрогала под ноздрями, но он был прав. Крови не было и в помине, да и боль быстро прошла. Поняв это, я одновременно поняла и другое: что он лежит на мне и его затвердевшая плоть почти касается меня.

Ни он, ни я не шевелились, только дышали. Потом его грудь расширилась, когда он глубоко вздохнул, протянул руку и, замкнув в хватку своих пальцев оба моих запястья, поднял их над головой, так что мое тело беспомощно изогнулось под ним.

— Дай мне свои губы, англичаночка, — прошептал Джейми, склоняясь ко мне.

Его голова загородила свечу, и, когда его губы коснулись моих, я не видела ничего, кроме смутного свечения и темноты его плоти. Прикосновение, сначала нежное, становилось все более настойчивым и жарким. Слегка охнув, я открылась ему; его язык искал мой.

Я укусила его за губу, и он удивленно вздрогнул.

— Джейми, — прошептала я прямо в его губы, отделенные от моих лишь теплым дыханием. — Джейми!

И это было все, что я могла сказать, ибо мои бедра подались навстречу его желанию, а потом снова и снова. Я повернула голову и впилась зубами в его плечо.

Джейми издал горловой звук и вошел в меня, глубоко и с силой. Изгибаясь под ним, я вскрикнула, как девственница в свою первую ночь.

— Не останавливайся! — вырвалось у меня. — Ради бога, не останавливайся!

Его тело услышало меня и ответило на том же языке: он сильнее стиснул мои запястья, а его толчки сделались еще неистовее, еще мощнее, всякий раз проникая в самую глубь моего лона.

Потом он выпустил мои руки, упал на меня, придавив своей тяжестью к постели, и крепко сжал мои бедра, удерживая меня неподвижной.

Я пискнула, завертелась под ним, и он укусил меня в шею.

— Лежи смирно, — сказал он мне на ухо.

Я послушалась по той простой причине, что не могла и шелохнуться. Мы прижимались друг к другу так тесно, что, дрожа, не могли разобрать, чья это дрожь, а чувствуя биение сердца о ребра, я не знала, мое это сердце или его.

Так продолжалось, пока его движения в моем лоне не пробудили во мне конвульсию, и я, лежа под ним, почувствовала, как мои спазмы вызывают в нем отклик, побуждая присоединиться ко мне.

Тяжело дыша, Джейми приподнялся на обеих руках, выгнув спину и откинув голову. Глаза его были закрыты. Очень медленно он наклонил голову, открыл глаза и посмотрел на меня с невыразимой нежностью. Его щека в свете свечи поблескивала от влаги — может быть, от пота, а может быть, и от слез.

— О Клэр, — прошептал Джейми. — О господи, Клэр.

Все его тело содрогнулось, из горла вырвался похожий на рыдание стон, волосы упали на лицо, и его семя излилось в меня так, что каждое содрогание пребывающей во мне плоти рождало глубинный отклик всего моего существа.

Когда все кончилось, Джейми некоторое время удерживал себя надо мной, неподвижный, как камень, а потом не упал, но бережно опустил на меня и, расслабившись, замер.

Наконец я пошевелилась, выходя из глубокого ступора удовлетворения, и приложила руку к его груди, ощущая медленное, мощное биение сердца.

— Сдается мне, это похоже на езду на велосипеде, — прошептала я.

Моя голова мирно покоилась в изгибе его плеча, пальцы лениво играли с рыже-золотистыми курчавыми волосами, которыми густо поросла его грудь.

— А ты знаешь, что у тебя стало гораздо больше волос на груди, чем раньше?

— Нет, — сонно пробормотал он. — Я их обычно не считаю. А что, эти твои, которые на вело... сипедах, они все с волосатой грудью?

Это застало меня врасплох, и я рассмеялась.

— Нет, не обязательно. Я просто хотела сказать, что мы, похоже, вспомнили, как это правильно делается.

Джейми приоткрыл один глаз и задумчиво посмотрел на меня.

— Ну, англичаночка, чтобы забыть об этом, нужно совсем спятить, — сказал он. — Может быть, у меня и не хватает практики, но я пока не утратил всех своих способностей.

Долгое время мы просто лежали рядом, ощущая дыхание, каждое шевеление, любую мельчайшую смену положения наших тел. Благо они прекрасно приладились одно к другому: моя голова уютно вписалась в ямку его плеча, а его большое тело ощущалось под моей рукой как некая территория одновременно и чужая, и знакомая, и ожидающая открытия

заново.

Здание было основательным, и звуки непогоды снаружи заглушались шумами изнутри. То и дело под нами были смутно слышны звуки шагов или голосов, негромкий мужской смех или более высокий голос женщины, звучащий с профессиональным кокетством.

Слыша все это, Джейми смущенно заворочался.

— Наверное, мне все же стоило отвести тебя в таверну, — сказал он. — Это просто...

— Все в порядке, — заверила я его. — Хотя должна сказать, если я и думала о том, куда ты затащишь меня при встрече, бордель был последним местом, которое могло бы прийти мне в голову.

Я заколебалась, но любопытство взяло верх.

— Ты... э-э... не являешься владельцем этого заведения, а, Джейми?

Он слегка отпрянул, уставившись на меня.

— Я? Господи боже, англичаночка, кто я, по-твоему?

— Да откуда мне знать? — резко произнесла я. — Сам посуди, сначала, при нашей встрече, ты падаешь в обморок, а как только я поднимаю тебя на ноги, тащишь в таверну, где подвергаешься нападению тамошних завсегдатаев и улепетываешь от них через весь Эдинбург в компании странного китайца. А завершаются все эти дивные похождения в борделе, хозяйка которого, не могу не заметить, похоже, с тобой очень даже на дружеской ноге.

Кончики его ушей порозовели: казалось, в нем происходит внутренняя борьба между смехом и негодованием.

— Потом ты раздеваешься, заявляешь, что ты страшный человек с отвратительным прошлым, и тащишь меня в постель. И что, по-твоему, я должна о тебе думать?

Смех победил.

— Что ж, я не святой, англичаночка, — сказал он. — Но и не сводник.

— Рада это слышать, — сказала я и после затянувшейся паузы добавила: — Так у тебя есть намерение рассказать мне, кто ты есть на самом деле, или я должна сама перебирать все возможные версии, пока не докопаюсь до истины?

— О, вот это интересно, — откликнулся Джейми, которого это предложение явно позабавило. — И какова твоя лучшая догадка?

Я внимательно оглядела его. Он развалился среди вздыбленных простыней, закинув руку за голову и ухмыляясь.

— Ну что ж, прежде всего, бьюсь об заклад, что никакой ты не печатник.

Ухмылка стала шире.

— С чего ты это взяла?

Я бесцеремонно ткнула его в ребра.

— Ты в слишком хорошей физической форме. У большинства мужчин за сорок отрастает животик, а у тебя нет ни одной лишней унции жира.

— Это в основном потому, что мне некому готовить, — грустно сказал Джейми. — Когда все время питаешься в трактирах, особо не разжиреешь. К счастью, ты, похоже, питаешься регулярно.

Он фамильярно похлопал меня по задку и со смехом увернулся, когда я шлепнула его по руке.

— Не заговаривай мне зубы, — проворчала я. — Во всяком случае, такие мускулы, как у тебя, не заработаешь, трудясь как проклятый у печатного станка.

Джейми насмешливо поднял бровь.

— А ты когда-нибудь этим занималась, англичаночка?

— Нет. — Я задумчиво нахмурилась. — Надеюсь, ты не промышляешь разбоем на большой дороге?

— Нет, — ответил он, ухмыляясь еще шире. — Попробуй угадать еще раз.

— Мошенничество?

— Нет.

— Что ж, уж конечно, не похищение с целью выкупа, — сказала я и начала загибать пальцы, перечисляя возможности. — Мелкое воровство? Нет. Пиратство? Нет, ты не мог этим заниматься, если не справился со своей морской болезнью. Ростовщичество? Вряд ли.

Я опустила руку и уставилась на него.

— Вообще-то в прежние времена, помнится, ты был изменником, но едва ли это хороший способ зарабатывать на жизнь.

— О, я по-прежнему изменник, — заверил он меня. — Как раз недавно меня обвинили.

— Недавно?

— Я провел несколько лет в тюрьме за измену, — сказал он, довольно хмуро. — За участие в восстании. Но это было некоторое время назад.

— Да, мне это известно.

Его глаза расширились.

— Ты знала об этом?

— И об этом, и еще кое о чем, — сказала я. — Расскажу потом, время будет. Но давай оставим это на будущее и вернемся к заданному вопросу: чем ты зарабатываешь на жизнь теперь?

— Я печатник, — сказал он, улыбаясь.

— И изменник?

— И изменник, — подтвердил Джейми. — За последние два года меня шесть раз арестовывали за подстрекательство к мятежу и дважды налагали арест на мое имущество, но суд ничего не смог доказать.

— И что будет с тобой, если в следующий раз они все-таки докажут?

— О, — ответил он беззаботно, махнув свободной рукой в воздухе, — позорный столб. Порка. Тюремное заключение. Ссылка в колонии. Все в таком духе. Едва ли меня повесят.

— Какое облегчение, — сухо сказала я, чувствуя себя слегка опустошенной.

Признаться, собираясь к нему, я не особо задавалась вопросом, какой может быть его жизнь, и теперь была захвачена врасплох.

— Я ведь предупреждал тебя, — сказал он, больше не поддразнивая; его темно-голубые глаза были серьезными и настороженными.

— Предупреждал, — согласилась я и глубоко вдохнула.

— Теперь ты хочешь уйти?

Его пальцы вцепились в складку стеганого одеяла и напряглись так, что на фоне загорелой кожи выступили побелевшие костяшки.

— Нет, — улыбнулась я как можно безмятежнее. — Не для того я возвращалась, чтобы переспать с тобой один раз и отправиться восвояси. Мое намерение состоит в том, чтобы остаться с тобой, если, конечно, ты меня примешь, — заключила я не совсем уверенно.

— Если я тебя приму!

Джейми с шумом выдохнул, сел на кровати, скрестив ноги, и взял мои руки в свои.

— Я не могу даже описать, что я почувствовал, когда коснулся тебя сегодня, англичаночка, и понял, что ты настоящая, — сказал он, и я увидела в его глазах жар, пробуждавший во мне ответную страсть. — Найти тебя снова, а потом потерять тебя...

Джейми умолк, и я увидела движение его кадыка, когда он тяжело сглотнул.

Я слегка коснулась его лица, обведя пальцем линию скул и подбородка, и, улыбаясь, сказала:

— Нет, больше ты меня не потеряешь. Никогда. — Я пригладила и убрала за ухо выбившуюся рыжую прядь. — Даже если я узнаю, что ты был двоеженцем и напивался вдрызг в общественных местах, это ничего не изменит.

Джейми резко дернулся, и я от неожиданности опустила руку.

— В чем дело?

— Ну... — начал он и остановился, поджал губы и бросил на меня быстрый взгляд. — Просто...

— Просто что? Есть что-то такое, чего ты мне не рассказал?

— Ну, вообще-то печатание подстрекательских памфлетов совсем не прибыльное занятие, — признался Джейми.

— Полагаю, так оно и есть, — буркнула я, и сердце мое снова забилося сильнее в ожидании перспективы дальнейших откровений. — Чем еще ты занимаешься?

— Как тебе сказать? Контрабандой, — виновато сказал он. — Это позволяет прокормиться.

— Контрабандой? — Я вытаращила глаза. — И что же ты транспортируешь контрабандой?

— Главным образом виски, но теперь бывает, что и ром, немного французских вин и батист.

— Вот оно что! — вырвалось у меня. Все части головоломки встали на свои места: и Уиллоби, и эдинбургские доки, и наше нынешнее местонахождение. — Вот какова твоя связь с этим местом, то, что ты имел в виду, сказав, что это мадам Жанна твоя клиентка?

— Именно, — кивнул он. — Мы прекрасно сотрудничаем: когда из Франции прибывает вино, его свозят в один из здешних подвалов. Часть вина мы напрямую продаем Жанне для нужд ее заведения, а остальное она хранит, пока мы не забираем, чтобы переправить дальше.

— Хм. И как часть этой договоренности... — осторожно произнесла я, — ты... э-э...

Голубые глаза сузились.

— Нет, англичаночка, все не так, как ты думаешь, — отрезал Джейми.

— Неужели? — произнесла я, стараясь не выдать своего чрезвычайного удовлетворения. — И о чем же я думаю?

— Ты думала, не пользуюсь ли я здесь порой своей партнерской долей, а?

Он поднял на меня бровь.

— Ну, думала, — призналась я. — Правда, меня это не касается.

— Значит, не касается?

Джейми поднял обе рыжие брови и взял меня за плечи, привлекая к себе.

— Не касается? — повторил он чуть позже, хотя на сей раз ему, похоже, доставало дыхания.

— Да. — У меня тоже перехватило дух, и ответ мой прозвучал

сдавленно. — И ты не...

— Нет. Иди ко мне.

Он заключил меня в объятия и привлек к себе. Память тела отличается от памяти разума: размышляя, гадая, сомневаясь и беспокоясь, я была неловкой и неуклюжей, а стоило обо всем этом забыть, как тело само стало с готовностью отзываться на все, словно никакой двадцатилетней разлуки не было и в помине.

— На этот раз мне было страшнее, чем в нашу брачную ночь, — пробормотала я, не сводя глаз с медленной сильной пульсации в ложбинке его горла.

— Правда? — Его рука обхватила меня сильнее. — Я внушаю тебе страх, англичаночка?

— Нет. — Я приложила пальцы к ритмично бьющейся жилке, вдыхая терпкий запах его кожи. — Просто... в первый раз... я не думала, что это будет навсегда. Тогда я собиралась уйти.

Джейми хмыкнул. Пот поблескивал в маленькой ложбинке в центре его груди.

— Так ведь ты и ушла. Но вернулась, — заметил он. — Ты здесь, и важнее этого ничего нет.

Я приподняла голову, чтобы посмотреть на него. Его глаза были зажмурены, как у кота, ресницы имели тот поразительный цвет, который так хорошо запомнился, потому что часто мне снился: темно-каштановые на кончиках, они приобретали все более светлый рыжий оттенок, становясь у корней почти белыми.

— О чем ты думал, когда мы лежали вместе в первый раз? — спросила я.

Темно-голубые глаза медленно открылись и остановились на мне.

— Это всегда было для меня навсегда, англичаночка, — просто сказал он.

Некоторое время спустя мы заснули в объятиях друг друга под звук дождя, который тихо стучал по ставням, добавляясь к обычным для такого рода заведений звукам, доносившимся снизу.

Ночь выдалась беспокойной. Слишком усталая, я бы с радостью погрузилась в крепкий сон, но боялась, что Джейми исчезнет, да и он, похоже, боялся того же. Так мы и лежали, прижавшись, в полудреме: близость друг друга не давала нам уснуть по-настоящему. Я ощущала каждый его вдох, каждое шевеление, и он, без сомнения, чувствовал то же самое.

В полудреме мы поворачивались и двигались вместе, все время

соприкасаясь, словно в замедленном сонном танце, молча заново постигая язык наших тел. Где-то в тишине самой глубокой ночи он повернулся ко мне, а я к нему, и мы с величайшей нежностью занялись любовью. В конце концов мы замерли в безмолвном восторге от взаимного постижения наших тайн.

Нежная, как мотылек, порхающий в темноте, моя рука скользнула по его ноге, коснулась глубокого шрама, и пальцы, пробежав по всей длине невидимого рубца, остановились в его конце с невысказанным вопросом. Как?

Джейми вздохнул и положил руку поверх моей.

— Куллоден, — прошептал он.

Смерть. Тщета. И ужасное расставание, которое отняло меня у него.

— Никогда тебя не покину, — прошептала я. — Больше никогда.

Его голова повернулась на подушке, черты терялись в темноте, а губы дотронулись до моих легонько, словно прикосновение крылышка насекомого. Он перевернулся на спину, его рука тяжело покоилась на моем бедре, удерживая меня вблизи.

Некоторое время спустя я почувствовала, как он снова переместился и чуть сдвинул одеяло. Мое предплечье обдуло прохладным ветерком, крохотные волоски приподнялись, а потом снова улеглись под теплым прикосновением руки Джейми. Я открыла глаза и увидела, что он повернулся на бок и рассматривает мою руку, лежащую поверх стеганого одеяла. Белую неподвижную руку, которой смутное предраассветное марево придавало сероватый оттенок.

— Опиши ее мне, — прошептал он, наклонив голову и поглаживая в темноте мои пальцы, касающиеся его тела. — Какая она? Можешь ты сказать, что у нее от меня, что от тебя? Руки, например, они похожи на твои, Клэр, или на мои? Опиши так, чтобы я смог ее увидеть.

Его рука легла на одеяло рядом с моей. Красивая, сильная рука с длинными, ровными пальцами, плоскими сочленениями и аккуратно подстриженными ногтями.

— Больше на мои, — прозвучал мой хриловатый со сна, едва покрывающий шум дождя голос.

На нижнем этаже все давно стихло.

Для наглядности я подняла руку, расставив пальцы.

— У нее длинные изящные руки, как у меня, но больше, чем мои, шире, однако с глубоким изгибом рядом с запястьем, вот здесь. Пульс у нее прощупывается там же, где и у тебя, на этом самом месте.

Я коснулась жилки, проступавшей там, где запястье соединялось с

кистью руки. Джейми не шевелился, и я могла ощущать его сердечный ритм кончиком пальца.

— Ногти ее больше похожи на твои, не овальные, как у меня, а квадратные. Зато мизинец правой руки кривоват. — Я продемонстрировала свой. — У моей матери был такой же, мне дядя Лэмберт рассказывал.

Моя мать умерла, когда мне было пять лет, и никаких внятных воспоминаний о ней у меня, разумеется, не сохранилось, но вид этого пальца всякий раз непременно наводил на мысли о ней, как случилось и сейчас. Я положила руку с кривым пальцем на его руку, потом поднесла ее к его лицу.

— Вот эта линия у Брианны такая же, — тихо сказала я, проводя пальцем по рельефному изгибу от виска к щеке. — Глаза точно твою, так же как ресницы и брови. Фрэзеровский нос. Ее рот больше похож на мой, с полной нижней губой, но широкий, как у тебя. Подбородок заостренный, на мой лад, но сильнее. Она крупная девушка — почти шесть футов ростом.

Ощувив его удивление, я слегка ткнула его коленом в колено.

— У нее длинные ноги, как у тебя, но очень женственные.

— А есть у нее эта маленькая голубая жилка вот тут? — Его рука коснулась моего лица, большой палец нежно провел по виску. — И ушки, как крохотные крылышки, а, англичаночка?

— Она сетовала на свои уши, говорила, что они торчат.

Неожиданно я почувствовала, как мои глаза защипало от слез — таково было воздействие вызванного мной к жизни образа Брианны.

— Они проткнуты. Ты не возражаешь, правда? — зачастила я, чтобы не расплакаться. — А Фрэнк был против, он говорил, что это смотрится дешево и что ей не следует протыкать уши, но она хотела это сделать, и я ей разрешила, когда ей было шестнадцать. У меня уши были проколоты, и мне казалось несправедливым сказать, что ей нельзя, когда мне можно, и все ее подружки проткнули, а я не хотела... не хотела...

— Ты была права, — сказал Джейми, прервав торопливый, чуть ли не истерический словесный поток. — Ты поступила правильно, — повторил он тихо, но твердо, обняв меня покрепче. — Ты была чудесной матерью, я знаю это.

Я снова заплакала, совершенно беззвучно, трясаясь в его объятиях. Джейми нежно поглаживал меня по спине, повторяя снова и снова:

— Ты поступила хорошо. Ты поступила правильно.

И спустя некоторое время слезы иссякли.

— Ты подарила мне ребенка, mo nighean donn, — тихо промолвил он,

зарывшись губами в облачко моих волос — Мы всегда будем вместе. Она в безопасности, а мы, ты и я, теперь никогда не разлучимся.

Джейми слегка коснулся меня губами и опустил голову на подушку рядом со мной.

— Брианна, — прошептал он на свой странный горский манер, словно вбирая ее имя в себя, после чего глубоко, счастливо вздохнул и заснул.

В следующий миг сон одолел и меня. Последнее, что я видела, был его широкий, нежный рот, расслабленный в сонной полуулыбке.

Глава 26

ЗАВТРАК БЛУДНИЦЫ

За долгие годы совмещения обязанностей матери и врача у меня выработалась способность даже после самого крепкого сна просыпаться мгновенно, без перехода. Так я проснулась и сейчас, тотчас осознав, что лежу на изношенных полотняных простынях, слышу стук падающих с кровли капель и ощущаю теплый запах тела Джейми, смешивающийся с прохладным свежим воздухом, проникающим через щель ставень надо мной.

Самого Джейми в постели не было; то, что место рядом со мной опустело, я поняла, даже не протягивая руки и не открывая глаз. А когда поблизости раздался негромкий, будто кто-то старался двигаться потише, звук, я повернула голову на подушке в ту сторону и открыла глаза.

Комната была наполнена серым светом, который вымывал краски из всего, оставляя лишь бледные очертания фигуры, явственно видимой в полумраке. Силуэт выделялся на фоне темноты комнаты, цельный и четкий, словно выгравированный в воздухе. Джейми стоял обнаженный, спиной ко мне, перед ночным горшком, который он только что вытащил из-под умывальника.

Я восхитилась совершенной формой его ягодич с маленькой мускульной впадиной на каждой, таких уязвимых сейчас. Ложбинка его позвоночника пружинила в глубоком гладком изгибе от бедер к плечам. Когда он пошевелился, рубцы на спине засветились серебром, и у меня перехватило дыхание.

Джейми повернулся. Он выглядел спокойным, погруженным в свои мысли, но, увидев, что я смотрю на него, встрепенулся.

Я улыбнулась, но промолчала, поскольку не нашла нужных слов, и просто продолжала смотреть на него. А он на меня, с той же улыбкой на губах. Так же молча Джейми направился ко мне и присел на кровать; матрас сместился под тяжестью его тела. Раскрытая ладонь легла на стеганое одеяло, и я без колебаний вложила в нее свою руку.

— Хорошо спал? — задала я дурацкий вопрос.

Улыбка на его лице стала шире.

— Нет, — ответил он. — А ты?

— Нет.

Несмотря на прохладу в комнате, я даже на расстоянии ощущала жар

его тела.

— Неужели ты не замерз?

— Нет.

Мы снова замолчали, но не могли оторвать глаз друг от друга. Я внимательно оглядела его в усиливающемся свете, сравнивая воспоминания с реальностью. Узкий клинок раннего солнечного луча прорезал щель ставень, осветив отливавшую полированной бронзой прядь волос, позолотив изгиб его плеча и гладкий плоский живот. Джейми показался мне чуть более крупным, чем я помнила, и чертовски, невероятно близким.

— Ты больше, чем я помнила, — нарушила я молчание.

Он наклонил голову набок, весело глядя на меня.

— А ты, как мне кажется, чуточку поменьше.

Его пальцы ласково сомкнулись вокруг моего запястья. Во рту у меня пересохло. Я облизала губы.

— Давным-давно ты спросил меня, знаю ли я, что между нами, — напомнила я.

Он остановил на мне взгляд, глаза его были такими темными, что казались почти черными в утреннем сумраке.

— Я помню, — тихо сказал он, сжав мои пальцы. — Что это — когда я касаюсь тебя, когда ты лежишь со мной.

— Я сказала, что не знаю.

— Я тоже не знал.

Улыбка его слегка поблекла, но не исчезла, а затаилась в уголках.

— И по-прежнему не знаю, — сказала я. — Но...

— Но это по-прежнему там, — закончил он за меня, и улыбка засветилась в его глазах. — Верно?

Так оно и было. Я по-прежнему ощущала его, как могла бы ощущать зажженную шашку динамита в непосредственной близости от себя, но характер нашей с ним связи претерпел изменение. Мы заснули как единая плоть, соединенные любовью ребенка, которого сделали, а проснулись как два человека, связанные чем-то другим.

— Да. Это... это ведь не только благодаря Брианне, как ты думаешь?

Нажим на мои пальцы усилился.

— Хочу ли я тебя только потому, что ты мать моего ребенка? — Джейми недоверчиво выгнул рыжую бровь. — Ну конечно же нет. Это не значит, что я не испытываю благодарности, — поспешно добавил он. — Но нет, дело не в этом.

Наклонив голову, Джейми внимательно присмотрелся ко мне. Солнце

освещало его узкую переносицу и поблескивало на ресницах.

— Нет, — повторил он. — Думаю, что я мог бы разглядывать тебя часами, англичаночка, отмечать, в чем ты изменилась, а в чем осталась прежней. Примечать всякие мелочи вроде изгиба твоего подбородка, — он нежно коснулся упомянутой части моего лица, обхватил своей большой ладонью мой затылок и большим пальцем погладил мочку моего уха, — или ушей. Уж они-то не изменились. И твои волосы. Помнишь, я назвал тебя *mo nighean donn*? Моя каштановая головка.

Его голос звучал чуть громче шепота, пальцы перебирали мои кудри.

— Боюсь, в этом отношении перемены все же произошли. Седина меня пока что не одолела, но кое-где обычный светло-каштановый цвет моих волос приобрел более светлый, мягко-золотистый оттенок, а кое-где уже попадались и редкие серебристые прядки.

— Как буквое дерево в дождь, — сказал он с улыбкой и пригладил локон указательным пальцем, — и капли скатываются с листьев на кору.

Я в ответ погладила его бедро, касаясь длинного, тянущегося вниз шрама.

— Как жаль, что меня тогда не было, чтобы позаботиться о тебе, — печально сказала я. — Это было самое страшное в моей жизни — то, что я оставила тебя, зная... что тебя убьют.

Это слово мне удалось выговорить с превеликим трудом.

— В общем, я приложил к этому все возможные усилия, — произнес Джейми с кривой ухмылкой, вызвавшей у меня, невзирая на драматизм темы, невольный смешок. — И если не преуспел, то это не моя вина. — Он бесстрастно взглянул на проходивший по бедру длинный рубец. — Да и не того англичанина с багинетом.

Я приподнялась на локте и прищурилась, глядя на шрам.

— Это след от штыка?

— Ну да. Парень вспорол мне ногу штыком, а потом рана загноилась.

— Знаю, мы нашли журнал лорда Мелтона, который отпустил тебя домой с поля боя. Он думал, что ты не доберешься.

Моя рука сжала его колено, словно чтобы убедиться, что он на самом деле здесь и действительно жив.

Джейми хмыкнул.

— Вообще-то у него имелись на то все основания. Когда меня вытащили из повозки в Лаллиброхе, я был почти покойником.

При этом воспоминании его лицо помрачнело.

— Господи, порой мне снится та повозка, и я просыпаюсь среди ночи. Путь продолжался два дня, и меня бросало то в жар, то в холод, а иногда

одновременно и то и другое. Я был завален сеном, оно кололо мне глаза, уши, протыкало рубашку. Повсюду, поедая меня заживо, скакали блохи, а с ногой на каждой колдобине творилось такое, что уж точно смерть показалась бы избавлением. Дорога к тому же была очень ухабистой, — задумчиво добавил он.

— Это ужасно, — проговорила я, осознавая, что данное слово совсем не подходит.

Джейми хмыкнул.

— Ага. Если мне и удалось выдержать, то лишь благодаря тому, что я все время воображал, как расквитаюсь с Мелтоном, попадись он снова па моем пути, за то, что он меня не расстрелял.

Я рассмеялась, и он посмотрел на меня с кривой улыбкой.

— Я смеюсь вовсе не потому, что мне смешно, — пояснила я. — Дело в том, что иначе мне было бы не удержать слез, а сейчас, когда все закончилось, плакать совсем не хочется.

— Понимаю.

Джейми стиснул мою руку. Я глубоко вздохнула.

— Я... я не оглядывалась назад. Хотя могла, наверное, раньше выяснить, что произошло.

Я закусила губу: это признание показалось предательством.

— Но это не значит, будто я пыталась... будто хотела... забыть. Я не могла забыть тебя, ты не должен так думать. Никогда. Но я...

— Да не изводи ты себя так, англичаночка, — перебил меня Джейми, нежно поглаживая мою руку. — Я понимаю, что ты хочешь сказать. Если на то пошло, я и сам стараюсь не оглядываться назад.

— Но случись мне оглянуться, — пробормотала я, уставившись вниз на гладкую зернистость полотна, — случись так, может быть, и наша встреча состоялась бы раньше.

Эти слова повисли в воздухе между нами как напоминание о горьких годах утраты и разлуки. Наконец Джейми глубоко вздохнул, взял меня за подбородок и приподнял мою голову, чтобы видеть лицо.

— Раньше, говоришь? Неужели ты оставила бы дочку без матери? И что было бы хорошего, вернись ты сразу после Куллодена, когда я не мог позаботиться о тебе и корил бы себя за то, что ты страдаешь из-за меня? А вдруг мне пришлось бы увидеть, как ты умираешь с голоду или от недуга, и знать, что убил тебя не кто иной, как я?

Джейми вопросительно поднял бровь, потом покачал головой.

— Нет. Я велел тебе уходить и сказал, чтобы ты забыла. Неужто я стал бы винить тебя за то, что ты меня послушалась, англичаночка? Ну уж нет!

— Но у нас могло бы быть больше времени! — возразила я. — Мы могли бы...

Он остановил меня, наклонившись и прикоснувшись губами к моим губам. Его рот был теплым и очень нежным, и лишь щетина на щеках и подбородке слегка царапала мне кожу.

Свет усиливался, делая ярче краски его лица. Оно отсвечивало бронзой, медная щетина вспыхивала искорками. У него вырвался глубокий вздох.

— Ну, могли бы. Но думать об этом не стоит. — Он заглянул мне в глаза и просто сказал: — Я не могу жить и оглядываться назад, англичаночка. Если у нас не будет ничего, кроме прошлой ночи и нынешнего утра, этого уже достаточно.

— Для меня — нет! — возразила я, и он рассмеялся.

— Да ты, смотрю, ненасытная!

— Да уж какая есть, — ответила я.

Напряжение спало, и это позволило мне вернуть свое внимание к шраму на его ноге, чтобы отвлечься от мучительных размышлений об утраченном времени и упущенных возможностях.

— Ты начал рассказывать мне о том, откуда он у тебя взялся.

— Ага.

Он слегка откинулся и, прищурившись, посмотрел на тонкую белую отметину, начинавшуюся в верхней части бедра.

— В общем, это все Дженни, моя сестра, помнишь?

Разумеется, я помнила Дженни, маленькую, чуть ли не по пояс брату, темненькую, в то время как он был огненно-рыжим, но ничуть ему не уступавшую в упрямстве.

— Она сказала, что не допустит, чтобы я умер, — произнес Джейми со смущенной улыбкой. — И, представь себе, не допустила. Похоже, что мое мнение ее вообще не интересовало, во всяком случае, она не потрудилась ни о чем меня спросить.

— Это похоже на Дженни.

Одна лишь мысль о золовке приятно согрела меня. Все-таки Джейми не остался один, чего я так боялась. Дженни Муррей ради спасения брата сразилась бы с самим дьяволом, да так, похоже, и сделала.

— Она пичкала меня снадобьями, сбивающими жар, прикладывала к ноге припарки, да только ничего не помогало. Наоборот, становилось все хуже и хуже. Нога распухла, рана воняла, а потом стала чернеть и гнить, и, чтобы сохранить жизнь, мне уже собирались отнять ногу.

Он рассказывал об этом совершенно обыденным тоном, а мне при

одной этой мысли стало не по себе.

— Но этого не произошло, — заметила я, борясь со слабостью. — Кстати, почему?

Джейми почесал нос и пятерней убрал назад упавшие на лицо волосы.

— Вмешался Айен. Не разрешил резать, и все тут. Сказал, что сам он, может быть, и смирился с потерей ноги, но хватит в семье и одного калеки, а я и так потерял слишком много.

Джейми посмотрел на меня, и в этом взгляде отразились все его утраты. Мне подумалось, что Айен, возможно, был прав.

— Ну так вот, после этого Дженни велела трем арендаторам держать меня покрепче, кухонным ножом срезала с ноги все гнилое мясо, до кости, и промыла рану кипятком.

— Господи боже мой! — вырвалось у меня.

При виде ужаса на моем лице Джейми улыбнулся.

— Как ни странно, это помогло.

Я тяжело сглотнула, ощутив во рту вкус желчи.

— Господи! Ты же мог остаться калекой на всю жизнь!

— Так или иначе, Дженни, как смогла, очистила рану и зашила ее. Она сказала, что не допустит, чтобы я умер, не допустит, чтобы я остался калекой, и не допустит, чтобы я лежал днями напролет, жалея себя и...

Он пожал плечами.

— Да что там говорить. К тому времени, когда Дженни закончила перечислять, чего еще она не допустит, мне ничего не оставалось кроме как пойти на поправку.

Я эхом отозвалась на его смех, а его улыбка при этом воспоминании сделалась еще шире.

— Когда я смог вставать, она велела Айену, как стемнеет, выводить меня из дому и заставлять ходить. Господи, какое зрелище мы, должно быть, представляли! Он со своей деревянной ногой и я с палкой ковыляли по дороге, как пара хромых журавлей!

Я рассмеялась снова, но мне пришлось сморгнуть слезы: эта картина — две высокие прихрамывающие фигуры, которые упорно, преодолевая боль, бредут в темноте, опираясь друг на друга для поддержки, — трогала за душу.

— Ты ведь некоторое время жил в пещере, верно? Мы нашли историю об этом.

У него удивленно поднялись брови.

— Историю об этом? Обо мне, ты хочешь сказать?

— Да. Видишь ли, ты, можно сказать, стал легендой горной

Шотландии. Или станешь в будущем.

— Легендой? Из-за того, что жил в пещере? — Он выглядел польщенным и смущенным одновременно. — А ты не находишь, что раздувать из этого целую историю довольно глупо?

— Ну так ведь в этой истории есть и более драматичные эпизоды. Например, то, как ты договорился, чтобы тебя выдали англичанам, а объявленная за твою поимку награда досталась семье. Ты очень рисковал!

Кончик его носа порозовел, он слегка смутился.

— Ну, — проговорил он неловко, — я не думал, что тюрьма будет очень страшной, а учитывая все остальное...

— Какая, к черту, тюрьма? Ты прекрасно знал, что тебя запросто могли вздернуть! Но все равно поступил по-своему!

Я старалась говорить спокойно, хотя мне хотелось хорошенько его встряхнуть. Глупо, конечно, было злиться на него задним числом, но это оказалось сильнее меня.

Джейми пожал плечами:

— Я должен был что-то делать, не сидеть же в этой пещере до конца дней! И если англичане оказались такими дураками, что готовы были выложить хорошие деньги за мое вшивое тело, что ж, ведь нет же такого закона, который мешал бы воспользоваться их дуростью, верно?

Один уголок его рта дернулся вверх, и я разрывалась между желанием поцеловать его и закатить оплеуху. А в результате, не сделав ни того ни другого, села в постели и стала разбирать пальцами спутавшиеся волосы.

— Кто в этом деле был больший дурак, это еще вопрос. Но при всем при том обязана сообщить, что твоя дочь тобой гордится.

— Гордится? Правда?

У него был такой изумленный вид, что, глядя на него, я при всей своей злости рассмеялась.

— Ну да, конечно. Ты ведь настоящий герой!

Это повергло его в полное замешательство.

— Я? Да ты что!

Джейми запустил в волосы пятерню, как поступал всегда, размышляя или тревожась.

— Нет, — медленно произнес он, — никакого героизма там не было и в помине. Просто... я не мог больше этого выносить. Видеть, как все они голодают, и не иметь возможности позаботиться о них — о Дженни, Айене и детях, об арендаторах и их семьях. — Он беспомощно посмотрел на меня. — Мне действительно было все равно, повесят меня англичане или нет. Я считал это маловероятным, исходя из твоих рассказов, но даже знай я

точно, что все закончится виселицей, итог был бы точно таким же. Но это не было смелостью. Отнюдь. Мне просто ничего другого не оставалось.

Он с расстроенным видом взмахнул руками и отвернулся.

— Понятно, — тихо сказала я.

Джейми стоял у шифоньера, все еще обнаженный, и при моих словах повернулся вполоборота, серьезно глядя на меня.

— Значит, ты поняла?

— Мне ли тебя не знать, Джейми Фрэзер, — отчеканила я с такой уверенностью, какой еще не испытывала с момента прохода через камни.

— Значит, ты поняла? — повторил он, но уже с улыбкой в голосе.

— Думаю, да.

Улыбка на его губах стала шире, и он открыл было рот, чтобы ответить, но не успел: раздался стук в дверь.

— Надеюсь, англичаночка, это не констебль, а горничная с завтраком. И мы ведь женаты, верно?

Одна из рыжих бровей лукаво приподнялась.

— Но даже если так, не следует ли тебе что-нибудь надеть? — спросила я, когда Джейми потянулся к дверной ручке.

— Вряд ли в этом доме можно смутить кого-то наготой, — отозвался он, ухмыляясь и окидывая себя взглядом, но все же небрежно повязал на чресла взятое с умывальника холщовое полотенце.

Узрев в проеме высокую мужскую фигуру, я мигом зарылась с головой под одеяло. Конечно, то была чисто паническая, а потому совершенно бессмысленная реакция. Окажись это и вправду эдинбургский констебль, было бы бессмысленно пытаться спрятаться под парой стеганых одеял. Но тут посетитель заговорил, и я порадовалась тому, что меня, слава богу, не видно.

— Джейми?

Голос прозвучал удивленно. Хотя я не слышала его двадцать лет, но сразу узнала, а потому украдкой приподняла краешек одеяла и выглянула.

— Ну конечно, это я, — произнес Джейми не без ехидства. — Неужто у тебя нет глаз, приятель?

Он завел своего зятя Айена в комнату и закрыл дверь.

— Я достаточно хорошо тебя вижу, — проворчал Айен. — Просто я не знаю, верить ли своим глазам!

В его гладких каштановых волосах виднелись седые нити, и лицо было изборождено морщинами многолетних тяжких трудов. Но Джо Абернэти был прав: с первыми же словами новый образ слился со старым. Именно этого Айена Муррея я и знала.

— Я пришел сюда, потому что малый из печатной мастерской сказал мне, что прошлой ночью тебя там не было, а это тот самый адрес, на который Дженни шлет тебе письма, — пояснил Айен, обводя комнату недоверчивым взглядом, словно ожидая, что из-за шкафа кто-нибудь выскочит. Его глаза остановились на зяте, который небрежно поправлял самодельную набедренную повязку. — Вот уж где я никак не ожидал увидеть тебя, Джейми, так это в таком месте. Я не был уверен, даже когда... леди внизу ответила утвердительно, но потом...

— Это не то, что ты думаешь, Айен, — кратко возразил Джейми.

— Ах не то? А Дженни, бедняжка, переживает, что ты заболеешь, так долго обходясь без женщины! — хмыкнул Айен. — Придется ей рассказать, что о твоём благополучии не стоит беспокоиться. А где же тогда мой сын? Уж не внизу ли, с одной из проституток?

— Твой сын? — искренне удивился Джейми. — Который?

Айен уставился на Джейми, и гнев на его вытянутом, несколько простоватом лице сменился тревогой.

— Он не у тебя? Айена здесь не было?

— Айена-младшего? Бог с тобой, приятель, неужели ты думаешь, что я способен привести в бордель четырнадцатилетнего парнишку?

Айен открыл рот и тут же закрыл его, усевшись на табурет.

— По правде говоря, Джейми, я не могу сказать, на что ты способен, а на что нет. — Он посмотрел на своего зятя и упрямо повторил: — Когда-то мог. Но теперь не могу.

— Что ты хочешь этим сказать?

Лицо Джейми покраснело от гнева.

Айен бросил взгляд на постель и отвел глаза. Краска с лица Джейми не схлынула, но я заметила, как подергивается уголок его рта. Он отвесил зятю вычурный поклон.

— Прошу прощения, Айен, я забыл о своих манерах. Позволь представить тебя моей спутнице.

Шагнув к кровати, Джейми потянул за край одеяла.

— Нет! — воскликнул Айен, вскочив на ноги и судорожно переводя глаза на пол, на платяной шкаф — куда угодно, лишь бы не глядеть на кровать.

— Что же ты не приветствуешь мою жену, Айен? — спросил Джейми.

— Жену? — Айен воззрился на Джейми с неподдельным ужасом. — Ты женат на проститутке? — прокаркал он.

— Не слишком удачный выбор слов, — заметила я.

Услышав мой голос, Айен резко повернулся ко мне.

— Привет, — сказала я, весело помахав ему рукой из своего гнездышка. — Давненько не виделись, правда?

Мне всегда казалось, что описания того безумного ужаса, который испытывают люди при встрече с призраками, сильно грешат преувеличениями, но в свете того, как реагировали не самые, в общем-то трусливые мужчины, впервые столкнувшись с фактом моего возвращения, это мнение пришлось подкорректировать. Джейми грохнулся в обморок, а у Айена только что волосы не встали дыбом. Выглядел он перепуганным насмерть.

Вылупив глаза, бедняга открывал и закрывал рот, издавая негромкий, дрожащий звук, который, похоже, изрядно забавлял Джейми.

— Ага, надеюсь, это научит тебя впредь не думать и не говорить обо мне дурно, — с явным удовлетворением заявил он, но, сжалившись над дрожащим зятем, щедро плеснул ему бренди и протянул стакан.

— Не судите да не судимы будете, а?

Мне показалось, что Айен расплескал часть напитка на штаны, но поднести стакан к губам и проглотить содержимое ему все же удалось.

— Что... — Он смотрел на меня, тяжело дыша, расширенными глазами. — Как...

— Это долгая история, — сказала я, взглянув на Джейми.

Он кивнул. В последние сутки нам было о чем подумать кроме того, как объяснять мое появление людям. Мне, во всяком случае, казалось, что с объяснениями можно и повременить.

— По-моему, я не знаю Айена-младшего. Он пропал? — вежливо спросила я.

Айен-старший машинально кивнул, не отрывая от меня глаз.

— В прошлую пятницу тайком улизнул из дома, — ответил зять Джейми все еще дрожащим голосом. — Оставил записку о том, что отправился к своему дяде.

Айен сделал еще один большой глоток бренди, закашлялся, поморгал, вытер глаза и выпрямился, глядя на меня.

— И это, понимаешь, не в первый раз, — сказал он, обращаясь ко мне.

Похоже, он начал приходить в себя, видя, что я существо из плоти и крови и не выказываю намерения раствориться в воздухе или сунуть голову под мышку и разгуливать таким образом, на манер горских привидений. Джейми сел на кровать рядом со мной, взяв меня за руку.

— Я не видел Айена-младшего с тех пор, как полгода назад отправил его с Фергюсом домой, — проговорил Джейми, которому передалась обеспокоенность зятя. — Ты уверен, что парнишка собирался именно ко

мне?

— Что-то я не знаю никаких других его дядей... — ворчливо ответил Айен, допил остаток бренди и поставил стакан.

— С Фергюсом? — перебила я. — Значит, с Фергюсом все в порядке?

Я искренне обрадовалась, услышав о сироте-французе, которого Джейми когда-то нанял в Париже как карманного воришку и привез в Шотландию в качестве слуги.

Отвлекаясь от своих мыслей, Джейми посмотрел на меня.

— О да! Теперь Фергюс, можно сказать, красавец-мужчина. Малость изменился, конечно. — На его лицо набежала легкая тень, сменившаяся улыбкой, как только Джейми сжал мою руку. — Он будет вне себя от радости, англичаночка, когда снова тебя увидит.

Айен, явно не испытывавший интереса к Фергюсу, встал и начал вышагивать по натертому до блеска деревянному полу.

— Он не взял лошадь, — пробормотал Айен. — Стало быть, и грабить его не из-за чего.

Он повернулся к Джейми.

— Как ты добирался в прошлый раз, когда привел парнишку сюда? Сушей, в обход лимана или переправлялся на лодке?

Джейми потер подбородок и задумчиво наморщил лоб.

— Я тогда приходил в Лаллиброх не за ним. Они с Фергюсом перебрались через перевал Кэрриарик и встретили меня как раз над Лох-Лагганом. Потом мы спустились через Струан и Уим и... Да, я вспомнил. Мы не хотели пересекать земли Кэмпбелла и потому направились на восток и перебрались через Форт возле Донибришла.

— Ты думаешь, он проделал тот же путь снова? — спросил Айен. — Это ведь единственный путь, который ему известен?

Джейми с сомнением покачал головой.

— Может быть. Но он знает, что побережье опасно.

Айен снова принялся расхаживать по комнате, сцепив руки за спиной.

— Ох и трепку же я ему задам! Он и ходить-то едва ли сможет, не говоря уже о том, что на всю жизнь отучится убегать из дома!

Айен, поджав губы, сокрушенно качал головой, и мне было ясно, что Айен-младший являлся для своего отца источником постоянной головной боли.

— Ты думаешь, маленький дуралей заречется проделывать такие штуки? — Джейми хмыкнул, но не без сочувствия. — Разве перспектива порки когда-нибудь удерживала тебя хоть от какой-то проказы, ежели она уже взбрела тебе в голову?

Айен перестал мотаться из стороны в сторону и, вздохнув, снова сел на табурет.

— Нет, — честно признался он, — но я думаю, это служило облегчением для моего отца.

Его лицо нехотя расплылось в улыбке, а Джейми рассмеялся.

— С ним все обойдется, — уверенно заявил Джейми. Он встал, потянулся за штанами, и полотенце свалилось на пол. — Я поспрашиваю о нем там и тут. Если он в Эдинбурге, то к ночи мы будем об этом знать.

— Я пойду с тобой, — сказал Айен, покосившись на постель, и поспешно встал.

Мне показалось, что по лицу Джейми промелькнула тень сомнения, но потом он кивнул и стал натягивать рубашку.

— Ладно, — сказал он, когда его голова просунулась в ворот, взглянул на меня, нахмурился и добавил: — Боюсь, тебе придется остаться здесь, англичаночка.

— Наверное, — сухо подтвердила я. — Хотя бы потому, что у меня нет никакой одежды. Служанка, которая принесла нам ужин, забрала мое платье, но ничего не принесла взамен.

Кустистые брови Айена взметнулись до линии волос надо лбом, но Джейми лишь кивнул.

— Я напому Жанне, когда буду выходить, — Он наморщил лоб в задумчивости. — На это может потребоваться некоторое время. Есть кое-что... в общем, у меня есть дело, которым нужно заняться.

Он сжал мою руку и посмотрел на меня, выражение его лица смягчилось.

— Мне не хочется оставлять тебя, — ласково произнес Джейми, но приходится. Ты ведь дождешься меня, правда?

— Не беспокойся, — заверила я его и махнула рукой на льняное полотенце, которое он только что сбросил. — Вряд ли я пойду куда-нибудь в таком виде.

Их шаги затихли на лестнице, смешавшись с наполнявшими дом утренними шумами. По строгим шотландским меркам Эдинбурга бордель просыпался поздно и вяло. Время от времени я слышала внизу приглушенный глухой стук открывавшихся ставень, а потом крик: «Поберегись!» — и плеск выливаемых на улицу помоев.

Снизу, из холла, доносились голоса, хлопанье входной двери. Казалось, что само здание потягивается и зевает с потрескиванием балок, скрипом ступеней и неожиданными выдохами теплого воздуха из незажженного очага — следствие того, что где-то внизу разожгли огонь в

камине.

Уступая сонливости и удовлетворенной усталости, я опустилась на подушки. В некоторых местах ощущалась легкая, вполне терпимая, даже приятная боль, и пусть мне не хотелось отпускать Джейми, нельзя было отрицать, что вовсе не плохо побыть одной, чтобы поразмышлять над сложившимися обстоятельствами и ходом событий.

В каком-то отношении я чувствовала себя человеком, которому вручили запечатанную шкатулку с давно утраченным сокровищем. Я могла ощущать его вес, размеры и радоваться тому, что обладаю им, но не знала, что именно хранится внутри.

Мне страстно хотелось узнать, что делал, говорил, о чем думал Джейми и каким он был все то время, которое мы провели в разлуке. Конечно, я понимала, что, если он пережил Куллоден, у него была своя жизнь, и, зная Джейми Фрэзера, я не сомневалась, что она вряд ли была простой. Но понимать что-то абстрактно, в теории, и столкнуться с тем же на практике — это далеко не одно и то же.

Слишком долго он был запечатлен в моей памяти четко и ярко, но статично, неизменно, как стрекоза, сохранившаяся в янтаре. Лишь потом, благодаря исследованиям Роджера, мне удалось как будто заглянуть в замочную скважину и подсмотреть какие-то новые факты, и крылышки этой стрекозы стали приподниматься под разными углами, словно на кадрах движущегося изображения. Теперь время возобновило для нас свой бег, а стрекоза перелетала с места на место с такой прытью, что мне удавалось отследить лишь мелькание крыльев.

На множество вопросов ответов у меня пока не было: о его семье в Лаллиброхе, сестре Дженни и ее детях. Айен, слава богу, был жив и здоров, но пережили ли жестокое опустошение горной Шотландии, уцелели ли остальные члены семьи и арендаторы? А если уцелели то почему Джейми не в родовом гнезде, а здесь, в Эдинбурге?

Кстати, если они живы, как мы объясним им мое неожиданное появление? Я закусила губу, стараясь придумать хоть что-то правдоподобное. Все зависит от того, что Джейми рассказал им, когда я пропала после Куллодена. По-видимому, не было нужды выдумывать какую-то причину моего исчезновения, можно было попросту предположить, что я погибла в неразберихе после восстания. Кого могла удивить еще одна жертва, умершая от голода или зверски убитая в какой-нибудь горной долине.

Впрочем, подумала я, эту проблему можно будет решить, когда она встанет во весь рост. Сейчас меня куда больше интересовал размах и

степень риска, которому подвергался Джейми, занимаясь своей не слишком поощряемой законом деятельностью. Конечно, я знала, что в горной Шотландии контрабанда считалась столь же традиционным занятием, как кража скота, и не была сопряжена с особой опасностью. Другое дело — подстрекательство, особенно если его могут вменить якобиту, ранее уже осуждавшемуся за государственную измену.

Вероятно, именно поэтому он взял себе другое имя, по крайней мере, это было одной из причин. Несмотря на возбужденное состояние, в котором я находилась, когда мы явились в бордель, я заметила, что мадам Жанна обращалась к Джейми по его настоящему имени. Стало быть, он занимался контрабандой под собственным именем, а вот свою печатную деятельность — как легальную, так и нелегальную — осуществлял под псевдонимом Алекс Малкольм.

За проведенные нами вместе краткие ночные часы мне удалось увидеть и услышать достаточно для уверенности в том, что Джейми Фрэзер, которого я знала, существует по-прежнему. Сколько других людей скрывается в нем теперь, предстояло выяснить.

Мои размышления прервал робкий стук в дверь.

«Ага, вот и завтрак, — подумала я, чувствуя, что голодна как волк. — Очень вовремя».

— Войдите, — сказала я и села в кровати, подложив под спину подушку.

Дверь открылась очень медленно и после довольно длинной паузы. Подобно улитке, высовывающей рожки из раковины после града, в образовавшуюся щель просунулась голова. Она была увенчана плохо подстриженной копной темно-каштановых волос, таких густых, что они выступом нависали над парой больших ушей. Правда, лицо под этим «гнездом» оказалось довольно симпатичным, а карие, нежные и огромные, как у оленя, глаза, взгляд которых остановился на мне с выражением интереса и робости, и вовсе чарующе прекрасными. Некоторое время мы с обладателем кудлатой головы молча рассматривали друг друга.

— Вы... женщина мистера Малкольма? — спросила голова.

— Пожалуй, можно сказать и так, — осторожно ответила я.

На горничную с завтраком этот малый явно не походил, да и едва ли являлся служащим этого заведения: не похоже, чтобы здесь держали молодых парней. К тому же лицо его показалось мне смутно знакомым, хоть я и была уверена, что никогда раньше его не видела.

— А ты кто такой? — осведомилась я, натянув одеяло на грудь. Голова подумала некоторое время и ответила с такой же осторожностью:

— Айен Муррей.

— Айен Муррей?

Я чуть не подскочила, резко выпрямилась и лишь в последний момент успела подхватить одеяло.

— А ну заходи! — велела я тоном, не терпящим возражений. — Если ты тот, о ком я думаю, то почему не находишься там, где должен быть, и что делаешь тут?

Айен испугался и, судя по выражению лица, вознамерился улизнуть.

— Стой! — крикнула я, спуская с кровати обнаженную ногу, при виде которой и без того огромные карие глаза сделались еще больше.

Парнишка замер.

— Заходи, кому сказано.

Моя нога неспешно убралась под одеяло, а он так же медленно просочился в комнату.

Он был долговязым, как неоперившийся журавль, ростом где-то в шесть футов при весе не больше девяти стоунов. Теперь, когда я узнала, кто он, сходство его с отцом стало очевидным, а бледную кожу он унаследовал от матери. Когда до него неожиданно дошло, что он стоит рядом с постелью, в которой лежит обнаженная женщина, к его щекам прилила кровь.

— Я... э-э... искал моего... мистера Малкольма, то есть, — пробормотал он, не отрывая глаз от половиц под ногами.

— Если ты имеешь в виду своего дядю Джейми, то его здесь нет, — сказала я.

— Нет. Ну да, наверное.

По-видимому, ему никак не удавалось придумать, что к этому добавить, и он продолжал сверлить взглядом пол, неловко отставив одну ногу так, будто собирался подогнуть ее под себя на манер длинноногой болотной птицы, на которую так походил.

— А вы знаете, где... — начал он, подняв глаза, но стоило мне мельком попасть в поле его зрения, как он снова покраснел и умолк.

— Он ищет тебя. С твоим отцом, — добавила я. — Они ушли отсюда около получаса назад.

Он вскинул голову на тощей шее, вытаращив глаза.

— Мой отец? — ахнул парнишка. — Мой отец был здесь? Вы его знаете?

— Как не знать! — не раздумывая, ответила я. — Знаю, и довольно давно.

Хотя Айен и доводился Джейми племянником, он ни в малейшей

степени не обладал дядюшкиным умением скрывать свои мысли. Все, о чем он думал, отражалось на его лице, и по тому, как менялось выражение, мне не составляло труда прочесть все его мысли. Потрясение, вызванное вестью о том, что его отец в Эдинбурге, сменилось чем-то вроде ужаса, когда он узнал, что его отец давно знаком с женщиной, род занятий которой не внушает почтения, и, наконец, нарастающим возмущением, вызванным тем, что юноша увидел своего отца с неожиданной стороны.

— Э-э... — сказала я, слегка встревожившись. — Это не то, что ты подумал. Я имею в виду, твой отец и я... на самом деле твой дядя и я...

Я старалась придумать лучшее объяснение сложившейся ситуации, не дав себе увязнуть еще глубже, когда Айен вдруг резко повернулся и направился к двери.

— Постой! — окликнула я его.

Он остановился, но не обернулся. Его хорошо отмытые уши торчали, как крохотные розовые крылышки, просвечивая на утреннем солнце.

— Сколько тебе лет? — спросила я.

Он посмотрел на меня с видом оскорбленного достоинства.

— Через три недели будет пятнадцать, — проворчал парнишка, снова заливаясь румянцем. — Не беспокойтесь, я достаточно взрослый, чтобы знать... что это за место.

Он дернул голову в мою сторону в неловкой попытке изобразить вежливый поклон.

— Я не хотел вас обидеть, мэм. Если дядя Джейми... то есть... — Малец пытался подыскать нужные слова, понял, что не получается, и выпалил: — Очень приятно было познакомиться с вами, мэм.

Он повернулся и выскочил за дверь, хлопнув ею с такой силой, что чуть не зашаталась стена.

Я откинулась на подушки, давясь от смеха. Интересно, что Айен-старший собирается сказать своему сыну при встрече? Размышления об этом заставили меня задуматься и о том, что же привело Айена-младшего, искавшего своего отца, именно сюда. Очевидно, он знал, где вероятнее всего можно найти дядю, но, судя по робкой манере держаться, никогда прежде в борделе не бывал. Может быть, он получил эту информацию от Джорджи в печатной мастерской? Вряд ли. Но если так, значит, он узнал о связи своего дяди с этим местом из какого-то другого источника. И скорее всего, от самого Джейми.

Правда, в этом случае, рассудила я, Джейми уже знал, что его племянник в Эдинбурге, и тогда непонятно, почему он делал вид, будто не видел парнишку? Джейми с Айеном вместе росли, они старые друзья, и

если задуманное Джейми стоит того, чтобы обмануть Айена, значит, это нечто серьезное.

Однако обдумать этот вопрос как следует мне не удалось: в дверь снова постучали.

— Войдите, — сказала я, разгладив одеяла в ожидании того, что на них поставят поднос с завтраком.

Поэтому, когда дверь отворилась, мой взгляд держался на уровне примерно пяти футов от пола, где, по моим прикидкам, должна была появиться голова горничной. Увы, как и в прошлый раз, когда мне пришлось поднять глаза примерно на фут, чтобы увидеть лицо Айена-младшего, мой расчет оказался неверным. Только теперь глаза потребовалось опустить.

— Какого черта тебе тут надо? — потребовала я ответа у мистера Уиллоби, который мало того что был коротышкой, так еще и проследовал в комнату на четвереньках.

Я села, поспешно подобрала ноги и завернулась не только в простыню, но и в одеяло.

В ответ китаец продвинулся на расстояние фута от кровати и с громким стуком ударил лбом об пол. И тут же повторил это действие, произведя ужасный звук, похожий на тот, которым сопровождается удар топора по дыне.

— А ну-ка прекрати это безобразие! — воскликнула я, предвидя его намерение приложиться к полу в третий раз.

— Тысяча извинений, — изрек китаец, сев на пятки и уставив на меня моргающие глазенки.

Вид у него был весьма помятый, и красная отметина на лбу, на том месте, которым он бился об пол, не добавляла благообразия его облику. Вряд ли он собирался проделывать это тысячу раз, но вообще-то кто его знает. Очевидно, у него было жуткое похмелье: для него и одна-то попытка была мучительна.

— Все в порядке, — сказала я, осторожно придвигаясь к стене. — Извиняться не за что.

— Да, извинение, — не унимался он. — Дзей-ми говорить — жена. Очень почтенная госпожа. Первая жена, не вонючая проститутка.

— Большое спасибо, — сказала я. — Дзей-ми? Ты имеешь в виду Джейми? Джейми Фрэзера?

Маленький человек кивнул, к очевидному ущербу для своей головы. Он схватился за нее обеими руками и закрыл глаза, которые тут же исчезли в складках щек.

— Дзей-ми передавать извинение самой почтенной первой жене. И Тьен Чо — самый покорный слуга.

Он низко поклонился, продолжая держаться за голову.

— И Тьен Чо, — повторил он, открыв глаза и постучав себя по груди, давая понять, что это его имя.

Видимо, на тот случай, чтобы я не перепутала его с кем-то другим из числа самых покорных слуг в окрестностях.

— Все в порядке, — сказала я. — Приятно познакомиться.

Ободренный, он распростерся передо мной ниц.

— И Тьен Чо слуга госпожи, — сказал он. — Первая жена, пожалуйста, пройти по покорному слуге, если хочет.

— Ха, — холодно сказала я. — Рассказывали мне про тебя, наслышана. Пройти по тебе, как же! Черта с два, не дождешься!

В узких щелках блеснули черные глаза, и китаец хихикнул так заразительно, что я и сама не удержалась от смеха. Он снова сел, пригладив шипы жестких черных волос, торчавших дыбом, как иглы дикобраза.

— Моя омыть первой жены? — предложил он с широкой улыбкой.

— Ничего ты не «омыть», — заявила я. — Если ты и вправду хочешь принести пользу, так сходи и скажи кому-нибудь, чтобы мне принесли завтрак. Нет, постой, — сказала я, передумав. — Сперва расскажи, где ты познакомился с Джейми. Если ты не против, — добавила я вежливо.

Мистер Уиллоби сел на пятки, слегка трясая головой.

— Доки, — сказал он. — Два год назад. Моя прибыть из Китая, далеко, никакой еды. Прятался бочка, — объяснил он, изобразив руками обод, чтобы дать наглядное представление о своем средстве транспортировки.

— Значит, за место ты не платил?

— Торговый корабль, — кивнул он. — На причалах здесь воровать еду. Воровать бренди однажды ночью, напился до полусмерть. Очень холодно спать, умереть скоро, но Дзей-ми находить.

Он снова ткнул себя пальцем в грудь.

— Покорный слуга Дзей-ми. Покорный слуга первой жены.

Он поклонился мне, рискованно раскачиваясь при этом, но каким-то чудом ухитрился выпрямиться, не упав.

— Похоже, что бренди и есть твоя погибель, — заметила я. — Прости, у меня нет ничего, чтобы дать тебе для твоей головы; на данный момент у меня нет с собой никаких лекарств.

— О нет, моя жалеть не надо, — заверил он меня. — Моя иметь здоровые яйца.

— Как это здорово, — пробормотала я, пытаясь сообразить, то ли это очередная попытка покушения на мои ноги, то ли он просто слишком пьян, чтобы разбираться в основах анатомии.

А может быть, в китайской философии есть какая-то связь между головой и половыми органами? На всякий случай я огляделась по сторонам в поисках предмета, который мог бы послужить оружием, если у него появится намерение залезть ко мне в постель.

Но китаец полез в глубины мешковатого рукава из синего шелка и с видом фокусника извлек маленький мешочек из белого шелка. Он перевернул его, и ему на ладонь упало два шарика. Они были больше, чем те, что использовались для игры в шарики, но меньше бейсбольных мячиков, то есть на самом деле размером со средние мужские яички. Правда, гораздо тверже, поскольку были сделаны из какого-то полированного камня зеленоватого цвета.

— Здоровые яйца, — пояснил мистер Уиллоби, перекатывая их на ладони.

Они издавали приятные щелкающие звуки.

— Полосатый жадеит, из Кантон, — сказал он. — Самый лучший из здоровые яйца.

— Вот как? — До меня наконец дошло. — Здоровые — в смысле дающие здоровье, полезные, да?

Он энергично закивал, потом резко остановился со слабым стоном, а после паузы раскрыл ладонь и стал перекатывать шарики туда-сюда, удерживая их в непрерывном вращении умелыми движениями пальцев.

— Все тело — одна часть, рука — все части, — сказал китаец, слегка касаясь пальцем другой руки различных точек на раскрытой ладони. — Голова там, желудок там, печень там. Шарики вертеться, делают все не болеть.

— Что ж, пожалуй, они такие же портативные, как «алказельцер», — сказала я.

Возможно, именно упоминание о желудке и заставило мой собственный желудок издать в этот момент громкое урчание.

— Первая жена хочет есть, — заметил мистер Уиллоби.

— Весьма проникательно с твоей стороны, — ответила я. — Я действительно хочу есть. Ты мог бы сходить и сказать кому-нибудь об этом?

Он моментально засунул оздоровительные шарики обратно в мешочек и, пружинисто вскочив на ноги, поклонился.

— Покорный слуга идти сейчас, — сказал он и пошел, довольно

сильно врезавшись при выходе в дверной косяк.

«Это становится нелепо», — подумалось мне.

Насчет успеха миссии посланного за едой мистера Уиллоби у меня имелись большие сомнения — если он не расшибет башку, свалившись с лестницы, то это, учитывая его состояние, уже будет хорошо.

Мне пришло в голову, что хватит уже сидеть в обнаженном виде, принимая визитеров из внешнего мира, пора действовать. Я встала и, старательно завернувшись в одеяло, вышла в коридор.

На этаже было безлюдно. Кроме нашей комнаты здесь имелись еще две, а подняв голову, я увидела сверху стропила. Значит, мы на чердачном этаже: скорее всего, соседние комнаты занимают слуги, которые сейчас находятся внизу.

Я услышала слабые звуки, просачивавшиеся вверх по лестничному колодцу. Поднималось и что-то еще — запах жарившейся колбасы. Громкое бурчание сообщило мне, что от желудка это не укрылось, и мои внутренности сочли поедание одного сэндвича с арахисовым маслом и миски супа за сутки совершенно недостаточным.

Подоткнув верхние края одеяла на манер саронга так, чтобы была прикрыта грудь, и подхватив волочившийся нижний край, я последовала на запах еды.

Звяканье, бряцание, чавканье — короче говоря, звуки, сопровождающие процесс поглощения пищи, исходили из-за закрытой двери на первом этаже над цокольным уровнем. Я распахнула дверь и оказалась в конце длинного помещения, оборудованного как столовая.

Вокруг стола сидели женщины, два с лишним десятка. Некоторые были одеты полностью, но большая часть явилась в дезабилье, что делало мое одеяло не столь уж нескромным нарядом. Женщина в конце стола увидела, что я маячу в дверном проеме, и дружелюбно поманила меня, подвинувшись, чтобы освободить место на краю длинной скамьи.

— Ты, наверное, новая девушка? — спросила она, оглядывая меня с откровенным интересом. — Вообще-то ты постарше, чем обычно берет мадам, — она предпочитает, чтобы нашим девушкам было не больше двадцати пяти лет. Но ничего, — поспешила заверить она, — выглядишь ты совсем неплохо. Не сомневаюсь, у тебя все будет хорошо.

— Чистая кожа и симпатичное лицо, — заметила темноволосая леди напротив, оглядывая меня с видом человека, оценивающего лошадь. — И сиськи тоже, насколько могу судить.

Она слегка вытянула шею, присматриваясь, насколько позволяло одеяло, к ложбинке между моих грудей.

— Мадам не нравится, когда мы берем покрывала с кроватей, — попеняла моя первая знакомая. — Если у тебя пока нет ничего приличного, носи свою сорочку.

— Ага, будь с одеялом поосторожнее, — посоветовала темноволосая девушка, продолжая внимательно меня рассматривать. — За пятна на постельном белье мадам делает вычеты.

— А как тебя зовут, дорогуша? — спросила невысокая, довольно пухленькая девушка с круглым дружелюбным лицом. — Мы все тут с тобой болтаем, а сами даже не представились. Я Доркас, это Пегги. — Она показала пальцем на темноволосую, а потом указала через стол на светленькую женщину рядом со мной. — А это Молли.

— Меня зовут Клэр, — сказала я с улыбкой и подтянула одеяло повыше.

Пока у меня не было четкого представления, как лучше объяснить девицам, что я не новенькая из их числа, но на данный момент эта проблема явно отступала перед желанием позавтракать.

Очевидно, угадав мою нужду, дружелюбная Доркас достала из буфета, стоящего за ее спиной, деревянную тарелку для меня и подтолкнула ко мне большое блюдо с колбасами. Еда была хорошо приготовлена и в любом случае показалась бы вкусной, а уж для умирающей с голоду, как я, и вовсе была амброзией.

«Куда лучше, чем завтраки в кафетерии больницы», — подумала я, зачерпнув очередную порцию жареного картофеля.

— Нарвалась на любителя грубостей, да?

Молли кивнула на мою грудь, и я, взглянув вниз, с ужасом заметила выступавший над краем одеяла большой красный кровоподтек. Собственную шею я видеть не могла, но направление заинтересованного взгляда Молли дало ясно понять, что ощущавшееся мною легкое покалывание свидетельствовало о наличии следов укусов.

— И нос у тебя тоже малость припух, — сказала Пегги, окидывая меня придирчивым взглядом.

Она потянулась через стол, не обращая внимания на то, что при этом движении ее легкая рубашонка сползла с плеч чуть ли не до талии.

— Делал тебе больно, да? Есть такие любители, но у нас им воли не дают. Если клиент позволяет себе распускать руки или что-то в этом роде, кричи погромче. Мадам не позволяет гостям обижать девушек: стоит завизжать, и Бруно будет тут как тут.

— Бруно? — слабым голосом переспросила я.

— Привратник, — пояснила Доркас, деловито отправляя в рот яйцо. —

Здоровенный, как медведь, поэтому мы прозвали его Бруно. А как его зовут на самом деле? — спросила она, обращаясь ко всем I девицам разом. — Гораций?

— Теобальд, — поправила ее Молли и отвернулась, чтобы позвать служанку в конце комнаты. — Джейни, принеси еще эля, ладно? Новая девушка его не пробовала! Ага, Пегги права, — сказала она, снова повернувшись ко мне. Едва ли ее можно было назвать хорошенькой, не считая приятной формы рта, но зато в ней подкупало приветливое выражение. — Конечно, если клиенту просто охота поиграть, изобразить насильника или что-то в этом роде, Бруно звать не надо. Спугнешь хорошего гостя, а возмещать убытки придется тебе. Но если он разошелся не на шутку и ясно, что тут щипками да шлепками не обойдется, ори во всю глотку. По ночам Бруно никогда не отлучается далеко. О, а вот и эль, — добавила она, взяв большую оловянную кружку у служанки и со стуком поставив ее на стол передо мной.

— Да ничего страшного, — заключила Доркас, закончив осмотр видимых повреждений на моем теле. — Только малость натерто между ног, а? — добавила она с проницательной ухмылкой.

— Ой, смотрите, она краснеет, — сказала Молли, хихикая от восторга. — Тебе ведь наше ремесло в новинку, правда?

Мне ничего не оставалось, кроме как отпить большущий глоток эля, благо он оказался темным, насыщенным и весьма радовал своим вкусом, а ободок кружки очень удачно закрывал значительную часть моего лица.

— Не переживай, ничего страшного. — Молли ласково погладила меня по руке. — После завтрака я покажу тебе, где находятся кадки. Отмочишь свою мохнатку в теплой воде, и к ночи она у тебя будет как новенькая.

— Не забудь показать ей и кувшины, — вставила Доркас — С настоящими душистыми трав, — пояснила она мне. — Будешь залезать в лохань, плесни туда из кувшина. Мадам требует, чтобы от нас хорошо пахло.

— Приличным мужчинам нравятся чистенькие девушки, а кого устроит и грязнуля, тот идет в порт — там дешевле, — проговорила Пегги в нос, имитируя сильный французский акцент мадам Жанны. Девицы за столом покатались со смеху, но разом умолкли, когда помянутая хозяйка неожиданно появилась из двери в дальнем конце комнаты.

Мадам Жанна беспокойно хмурилась и выглядела слишком озабоченной, чтобы заметить прерванное веселье.

— Тсс! — шепнула Молли, увидев хозяйку. — Ранний клиент. Вот уж чего на дух не переносу, так это когда черт приносит их сразу после

завтрака. Так и несварение заработать недолго.

— Не переживай, Молли, им придется заняться Клэр, — сказала Пегги, отбрасывая за спину свою темную косу, — Самая новенькая берет тех, кого никто не хочет, такой у нас порядок, — сообщила она мне.

— Сунь ему палец в задницу, — посоветовала мне Доркас — Лучший способ отделаться поскорее: таким манером он быстро кончит А я, если хочешь, приберегу для тебя лепешку.

— Э-э... спасибо, — промямлила я.

Именно в этот момент взгляд мадам Жанны остановился на мне и рот ее сложился в испуганное «О!».

— Что вы тут делаете? — прошипела она, бросаясь ко мне и хватая за руку.

— Ем, — сказала я, вовсе не желая, чтобы кто-то прерывал этот процесс.

Я высвободила руку и взяла свою кружку с элем.

— Merde!^[9] — воскликнула мадам. — Неужели никто не принес вам утром еды?

— Нет, — ответила я. — И одежды тоже.

Я жестом указала на одеяло, которое в настоящий момент так и норовило свалиться.

— Nez de Cleopatre!^[10] — гневно воскликнула она и обвела помещение пламенеющим взглядом. — Немедленно прикажу выпороть эту никчемную горничную! Тысяча извинений, мадам!

— Все в порядке, — милостиво промолвила я, ощущая на себе изумленные взгляды соседок по столу. — Завтрак был чудесный, и знакомство с этими молодыми леди доставило мне удовольствие. Большое спасибо.

Я встала и даже изобразила поклон, настолько изящный, насколько это позволял мой своеобразный наряд, который приходилось придерживать.

— Итак, мадам, как насчет моего платья?

Под взволнованное тарыхтение мадам Жанны, беспрестанно извинявшейся за причиненные неудобства, включая завтрак в неподобающей компании, и выражавшей надежду, что я не стану жаловаться на это месье Фрэзеру, я неловко поднялась еще на два пролета лестницы и попала в маленькую комнатку, уставленную вешалками с женскими нарядами на различных стадиях готовности. По углам громоздились рулоны тканей.

— Минуточку, пожалуйста, — сказала мадам Жанна и с глубоким

поклоном оставила меня в компании портновского манекена, из груди которого торчало множество булавок.

Очевидно, именно здесь обшивали обитательниц заведения. Волоча нижний край одеяла, я обошла помещение, отметив несколько весьма специфических нарядов из чрезвычайно тонкой, полупрозрачной материи и искусно скроенных платьев, отличавшихся впечатляюще низкими вырезами. Однако там имелись и более пристойные образцы, например различные варианты платья-рубашки. Одну из таких вещей я сняла с крючка и примерила.

Она была сшита из тонкого хлопка с низким присборенным воротом и вышивкой в форме ладоней, помещенных под грудью, на бедрах и ягодицах, то есть на тех соблазнительных местах, где стремятся оказаться мужские руки. У платья не успели подшить подол, но в любом случае этот наряд обеспечивал мне гораздо больше свободы движения, чем одеяло.

Потом из соседней комнаты донеслись голоса: по всей видимости, мадам выговаривала Бруно — во всяком случае, так можно было предположить по рокочному мужскому басу.

— Мне дела нет, что натворила сестра этой несчастной девушки, — говорила она. — Ты что, не понял, что жена месье Джейми осталась голой и голодной...

— А вы уверены, что она его жена? — спросил глубокий мужской голос. — Я слышал...

— Я тоже. Но если он говорит, что эта женщина его жена, я не собираюсь подвергать его слова сомнению, — отрезала мадам. — Так вот, что касается этой несчастной Мадлен...

— Это не ее вина, мадам, — перебил Бруно. — Разве вы не слышали новость сегодняшнего утра? Насчет Изверга?

Мадам тихо ахнула.

— Нет! Неужели снова?!

— Да, — мрачно ответил Бруно. — Всего в нескольких дверях отсюда, над трактиром «Зеленая сова». Девушка была сестрой Мадлен, священник принес эту новость как раз перед завтраком. Так что сами понимаете...

— Да, я понимаю.

Голос мадам звучал так, словно ей не хватало дыхания, и слегка дрожал.

— Да, конечно. Конечно. И способ... тот же самый?

— Да, мадам. Топорик или какой-то большой нож.

Вышибала понизил голос, как делают люди, когда рассказывают о чем-то страшном.

— Священник рассказал мне, что голова была полностью отсечена. Тело находилось неподалеку от двери ее комнаты, а голова...

Он заговорил еще тише, почти шепотом:

— Ее голова находилась на каминной доске, смотрела в комнату хозяин заведения, когда это увидел, грохнулся в обморок.

Тяжелый глухой стук из соседней комнаты навел на мысль о том, что с мадам Жанной приключилось то же самое. Да и у меня, признаться, мурашки побежали по коже и колени задрожали. Значит, опасения Джейми в связи с тем, что он поместил меня в публичный дом, вполне обоснованны.

В любом случае, теперь я была одета, пусть и не полностью, а потому решительно вошла в соседнюю комнату, маленькую гостиную, где и увидела мадам Жанну полулежащей на диване, тогда как плотный, крепкий и очень расстроенный мужчина сидел у ее ног на подушечке, какие обычно подкладывают под колени.

Увидев меня, мадам вскинулась.

— Мадам Фрэзер! О, прошу прощения. Мне не хотелось заставлять вас ждать, но я получила... — она запнулась, подыскивая выражение поделикатнее, — ужасную новость.

— Да уж, новость и вправду жуткая, — согласилась я. — Расскажите, что это за Изверг?

— Вы слышали?

И без того бледное лицо мадам стало совсем белым, она заломила руки.

— Что он скажет? Он впадет в ярость! — простонала она.

— Кто? — спросила я. — Джейми или Изверг?

— Ваш муж. — Она рассеянно огляделась по сторонам. — Когда он узнает, что его женой так постыдно пренебрегли, оставили без внимания, приняли за fille de joie^[11] и выставили на... на...

— Мне кажется, по этому поводу у него особых возражений не будет, — отмахнулась я. — Но мне бы хотелось побольше узнать об Изверге.

— Вот как?

Тяжелые брови Бруно поднялись. Он был крупным мужчиной с покатыми плечами и длинными руками, которые делали его похожим на гориллу; сходство еще больше усиливалось низким лбом и срезанным подбородком. Короче говоря, самый подходящий тип для вышибалы в борделе.

Здоровяк бросил взгляд на хозяйку в ожидании указаний, но та, покосившись на маленькие эмалированные часы на каминной доске,

вскочила на ноги с испуганным восклицанием:

— Проклятье! Я должна идти!

Торопливо помахав мне рукой, мадам Жанна выбежала из комнаты, оставив нас с Бруно удивленно смотрящими ей вслед.

— О да, — проговорил он, очнувшись. — За всеми делами мы совсем забыли: это прибывает в десять часов.

Эмалированные часики показывали четверть одиннадцатого. Чем бы ни было «это», я надеялась, что оно подождет.

— Изверг, — напомнила я ему.

Как и большинству людей, Бруно не терпелось выложить все кровавые подробности. Из дальнейшего разговора выяснилось, что Изверг представлял собой ранний, эдинбургский вариант позднейшего лондонского Джека Потрошителя. Он тоже специализировался на девушках легкого поведения, которых убивал холодным оружием с тяжелым режущим или рубящим лезвием. В некоторых случаях тела были расчленены — «повреждены», как сказал Бруно, понизив голос.

Убийства — всего восемь — происходили в течение последних двух лет. За единственным исключением, женщины, которых убивали в их собственных комнатах, жили одни. Две были убиты в борделях. В чем, как я и предполагала, заключалась основная причина волнения мадам.

— И что это за исключение? — спросила я.

Бруно перекрестился.

— Монахиня, — прошептал он, по-видимому, до сих пор испытывая потрясение. — Французская сестра милосердия. Сестру, высадившуюся на берег в Эдинбурге с группой монахинь, державших путь в Лондон, похитили с пристани, так что никто из спутниц в суматохе не заметил ее отсутствия. К тому времени, когда ее обнаружили в одном из переулков Эдинбурга, после наступления ночи, было слишком поздно.

— Ее изнасиловали? — уточнила я по клинической привычке.

— Не знаю, — буркнул Бруно, поднимаясь на ноги.

Его широкие покатые плечи поникли от усталости. Наверное, он дежурил всю ночь и сейчас ему пора было на боковую.

— Извините меня, мадам, — проговорил он официальным тоном, поклонился и вышел.

Я села на маленькую бархатную кушетку, чувствуя себя слегка ошеломленной. Честно говоря, мне раньше и в голову не приходило, что в борделях в дневное время происходит такое множество разнообразных событий.

В дверь неожиданно забарабанили, да так, словно кто-то решил

достучаться до меня с помощью молотка. Я встала, чтобы открыть, но дверь уже распахнулась, и в комнату решительно вошел стройный мужчина с властными манерами, с порога заговоривший так торопливо и с таким сильным акцентом, что я не смогла его понять.

— Вы ищете мадам Жанну? — быстро сказала я, когда он остановился, чтобы перевести дух перед следующей тирадой.

Нежданный гость был молодым человеком лет тридцати, стройным и поразительно красивым, с густыми черными волосами и бровями. Из-под этих бровей на меня воззрились сердитые глаза, но стоило мужчине присмотреться как следует, и в нем произошла разительная перемена. Брови поднялись, черные глаза сделались огромными, а лицо побледнело.

— Миледи? — воскликнул он и, бросившись на колени, уткнулся лицом в мою рубашку на уровне промежности.

— Отпустите! — воскликнула я, отталкивая его. — Я здесь не работаю. Отпусти, говорю!

— Миледи! — с надрывом повторил он. — Миледи! Вы вернулись! Чудо! Господь вернул вас!

Он с улыбкой поднял на меня глаза, слезы струились по его лицу. У него были большие белые идеальные зубы. Неожиданно во мне всколыхнулись воспоминания, позволившие узнать в этом решительном красавце мальчика.

— Фергюс! — вскричала я. — Фергюс, это действительно ты! Встань, ради бога, и дай мне посмотреть на тебя!

Он поднялся на ноги и тут же заключил меня в крепкие объятия. Так же поступила и я, в радостном волнении похлопывая его по спине. Ему было лет десять, когда я видела его в последний раз, как раз накануне Куллодена. Теперь он стал мужчиной, и его борода царапала мою щеку.

— Я подумал, что вижу призрак! — воскликнул он. — Значит, это правда вы?

— Да, это я, — заверила я его.

— Вы видели милорда? — спросил он возбужденно. — Он знает, что вы здесь?

— Да.

— О!

Фергюс моргнул и отступил на полшага, как будто что-то пришло ему в голову.

— Но... но как же...

Он умолк, явно смутившись.

— «Как же» насчет чего?

— Вот ты где! Что ты здесь делаешь, Фергюс?

Высокая фигура Джейми неожиданно показалась в дверях. При виде моего украшенного своеобразной вышивкой наряда его глаза расширились.

— Где твоя одежда? — спросил он, но тут же махнул рукой. — Впрочем, не важно, сейчас не до того. Идем, Фергюс: в восемнадцатом проходе разливают бренди, и акцизные чиновники уже у меня на хвосте!

Сапоги загрохотали по деревянной лестнице, и я снова осталась одна.

У меня, разумеется, не было уверенности в том, что мне так уж надо спешить за ними, но любопытство взяло верх над благоразумием. После быстрого визита в швейную комнату в поисках более основательного прикрытия я торопливо спустилась вниз, завернутая в большую, наполовину расшитую розовыми штокрозами шаль.

Разумеется, в прошлую ночь у меня не было возможности составить полное представление о плане и расположении здания, но по характеру доносившихся снаружи шумов мне не составило труда догадаться, с какой стороны находится главная улица. Я предположила, что упомянутый Джейми проход расположен с другой стороны, хотя уверенности в этом, конечно, не было и быть не могло. Архитектура Эдинбурга отличалась обилием крыльев, флигелей, всякого рода пристроек, а также странными изгибами стен — все это способствовало использованию каждого дюйма пространства.

Остановившись у подножия лестницы и лоя как ориентир звуки катящихся бочонков, я вдруг почувствовала, что на мои голые ноги повеяло сквозняком, а повернувшись, увидела, что кухонная дверь открылась и в проеме стоит человек.

Похоже, он удивился не меньше меня, но, присмотревшись, улыбнулся и, шагнув вперед, крепко взял меня за локоть.

— И тебе доброго утра, моя дорогая. Вот уж не ожидал увидеть, чтобы в такую рань какая-то из вас, леди, была на ногах и здесь.

— Ну, вы, наверное, знаете поговорку: «Кто рано ложится, тот рано встает», — сказала я, стараясь высвободить руку.

Он рассмеялся, выставив напоказ узкую челюсть со скверными зубами.

— Нет, а где так говорят?

— Так говорят в Америке, если на то пошло, — ответила я, неожиданно сообразив, что Бенджамин Франклин, даже если его и публикуют в настоящее время, вероятно, не имеет широкого круга читателей в Эдинбурге.

— Да ты, я вижу, шутница, цыпочка, — хмыкнул он. — Она небось

отправила тебя вниз, чтобы отвлекать внимание.

— Нет. А кто это «она»?

— Мадам, конечно, — сказал он, оглядевшись по сторонам. — А где она?

— Понятия не имею, — ответила я. — Отпустите!

Вместо этого он усилил хватку, вцепившись пальцами в верхнюю часть моей руки, склонился поближе и, обдав несвежим дыханием, доверительно прошептал:

— Есть шанс заполучить денежки, цыпка. За захваченную контрабанду выплачивается награда, процент от стоимости изъятого товара. Никто не узнает, кроме тебя и меня. — Он слегка ткнул пальцами мне под грудь, отчего сорочка натянулась и под тонким хлопком обрисовался сосок. — Ну, цыпочка, что скажешь?

Я уставилась на него.

«Акцизные чиновники у меня на хвосте», — сказал Джейми. Должно быть, это один из них, служитель короны, которому поручено предотвращать контрабанду и задерживать контрабандистов. Что там говорил Джейми? Позорный столб, ссылка, порка, тюремное заключение — он перечислял все эти кары небрежно, словно речь шла о пустяках.

— О чем вы говорите? — спросила я, притворяясь, что озадачена его словами. — И в последний раз говорю вам, отпустите меня!

«Вряд ли он здесь один, — подумала я. — Сколько их еще в здании?»

— Да, пожалуйста, отпусти ее, — произнес голос у меня за спиной.

Таможенник оглянулся, и я увидела, что глаза его расширились. Мистер Уиллоби стоял на второй лестнице в своей помятой голубой пижаме, крепко держа обеими руками большой пистолет. Он вежливо кивал чиновнику.

— Это не вонючая проститутка, — объяснил он, моргая, словно сова. — А почтенная жена.

Сборщик акцизов, явно удивленный неожиданным появлением китайца, переводил взгляд с меня на мистера Уиллоби и обратно.

— Жена? — недоверчиво переспросил он. — Ты говоришь, что она твоя жена?

Мистер Уиллоби, очевидно, понял только одно, хорошо знакомое ему слово и с весьма удовлетворенным видом кивнул.

— Жена, — сказал он снова. — Пожалуйста, отпустить ее.

Его глаза, налитые кровью, сузились в щелочки, и если не чиновнику, то мне было ясно, что ярость затопила их почти до краев.

Служащий, однако, привлек меня к себе и хмуро воззрился на мистера

Уиллоби.

— Послушай... — начал он, но дальше этого не продвинулся, потому что китаец, очевидно решив, что честно предупредил, поднял пистолет и нажал на курок.

Раздался громкий выстрел, еще более громкий пронзительный крик, должно быть мой, и лестничную площадку заволокло серым пороховым дымом. Сборщик акцизов отступил назад с чрезвычайно удивленным лицом, на его одежде проступила и стала расширяться красная розетка крови. Движимая порывом, я прыгнула вперед, схватила раненого под мышки и, не дав упасть, бережно опустила на половицы лестничной площадки. Обитательницы дома, привлеченные выстрелом, высыпали на верхнюю лестничную площадку, тараторя и восклицая. Снизу донеслись поспешные шаги: кто-то поднимался, перепрыгивая через две ступеньки.

Это был Фергюс с пистолетом в руке, видимо явившийся через дверь подвала.

— Миледи! — охнул он, увидев, что я сижу в углу, держа на коленях тело чиновника. — Что вы наделали?

— Я? — вырвалось у меня возмущенное восклицание. — Я-то как раз ничего не сделала. Это китаец, любимчик Джейми.

Я кивком указала на лестницу, где мистер Уиллоби, небрежно положив пистолет у ног, сидел на ступеньке и рассматривал сцену внизу с весьма благодушным и удовлетворенным видом.

Фергюс быстро произнес по-французски что-то не вполне переводимое, но явно нелицеприятное по отношению к мистеру Уиллоби. Он пересек лестничную площадку и схватил маленького китайца за плечо. И тут я увидела, что рука, которую он протянул, заканчивается не кистью, а крючком из поблескивающего темного металла.

— Фергюс!

Я была настолько потрясена этим зрелищем, что прекратила свои попытки остановить кровотечение из раны чиновника, перевязывая ее моей шалью.

— Что... что... — У меня никак не получался связный вопрос.

— Что? — спросил он, в свою очередь взглянув на меня, а потом, проследив мой взгляд, пожал плечами: — Ах, это! Ох уж мне эти англичане! Не беспокойтесь об этом, миледи, у нас нет времени. А ты, каналья, отправляйся вниз!

Основательно встряхнув мистера Уиллоби, он стащил его по лестнице и запихнул в подвальную дверь, придав ускорение пинком. Послышалась серия глухих ударов, наводивших на мысль о том, что китаец катится вниз

по лестнице; видимо, акробатические способности отказали ему или же он не успел ими воспользоваться.

Фергюс присел на корточки рядом со мной и поднял за волосы голову раненого.

— Сколько с тобой приспешников? — требовательно спросил он. — Говори мне быстро, свинья, а не то я перережу тебе горло!

Судя по очевидным признакам, это была излишняя угроза. Глаза человека уже стекленели. Собрав последние силы, он скривил уголки рта и на последнем издыхании прошептал:

— Я увижу... как ты... горишь... в аду.

Кривая улыбка так и запечатлелась на его лице в момент смертной агонии: он закашлялся, извергнув вместе с кашлем поразительное количество ярко-красной пенистой крови и умер у меня на коленях.

Снизу снова донесся торопливый топот. Джейми ворвался через дверь подвала и едва успел остановиться, чуть не запнувшись о ноги умершего. Он скользнул взглядом по мертвому телу и с испуганным изумлением уставился на меня.

— Господи, англичаночка, что ты натворила?

— Это не она, а желтая блоха, — вмешался Фергюс, избавив меня от необходимости объясняться. Он сунул пистолет за пояс и предложил мне руку — настоящую. — Идемте, миледи, вы должны спуститься вниз!

Джейми опередил его, склонившись надо мной.

— Я тут управлюсь, — сказал он и мотнул головой в сторону переднего холла. — Посторожи там, Фергюс. Сигнал обычный, и держи свой пистолет спрятанным, пока не потребуется.

Фергюс кивнул и моментально исчез за дверью. Джейми удалось кое-как замотать труп в шаль, и, когда он забрал его у меня, я с трудом поднялась на ноги, испытывая огромное облегчение, несмотря на то что спереди мое одеяние насквозь пропиталось кровью и прочими, не самыми приятными субстанциями.

— По-моему, он умер! — донесся сверху испуганный голос.

Подняв голову, я увидела на верхней площадке с дюжину проституток, взиравших на происходящее с высоты, словно херувимы с небес.

— А ну по комнатам! — рявкнул Джейми.

Девицы завизжали, встрепенулись и разлетелись, как испуганные голубки.

Джейми оглядел лестничную площадку, ища следы происшествия, но их, к счастью, не осталось: все впитали шаль и моя рубашонка.

— Идем, — сказал он.

На лестнице царил полумрак, а у входа в подвал и вовсе стояла кромешная тьма. Я остановилась внизу, поджидая Джейми. Мертвец был не худеньким, и Джейми тяжело дышал, когда спустился ко мне.

— К дальней стороне! — отрывисто велел он. — Там ложная стена. Держись за мою руку.

После того как дверь наверху закрылась, я вообще ничего не видела, но Джейми, к счастью, прекрасно ориентировался здесь и без света. Он безошибочно повел меня мимо каких-то громоздких штуквин, на которые меня угораздило—таки несколько раз наткнуться, и наконец остановился. Уловив запах сырого камня, я протянула руку и нащупала перед собой шероховатую стену.

Джейми что-то громко произнес по-гэльски. Очевидно, это был гэльский эквивалент «Сезам, откройся», ибо после короткой паузы раздался рокочущий шум и в темноте передо мной показалась слабая светящаяся линия. Линия превратилась в щель, а потом участок стены повернулся на петлях и открылся, словно дверь. Собственно говоря, это и была дверь, деревянная, но облицованная накладным камнем и замаскированная под кусок стены.

— Господи, англичаночка, ты в порядке?

Подвал, казалось, был освещен свечами, во всяком случае, теперь мрак не был полным: то здесь, то там виднелись колышущиеся огоньки.

— Немного холодно, — ответила я, стараясь не стучать зубами. — И одежда в крови, а в остальном — да, все в полном порядке.

— Жанна! — позвал Джейми, и одна из темных фигур в дальнем конце подвала подошла к нам, преобразовавшись из расплывчатой тени в мадам, с виду весьма обеспокоенную.

Джейми вкратце обрисовал ей ситуацию, и беспокойство женщины заметно усилилось.

— *Horreur!* Ужас! — воскликнула она. — Убит? В моем заведении? При свидетелях!

— Увы, боюсь, что так, — невозмутимо сказал Джейми. — Я распоряжусь насчет этого. Но вам пока лучше подняться. Возможно он был не один. Что делать дальше, вам потом скажут.

В его голосе звучала спокойная уверенность. Вдобавок он сжал ее руку, и это прикосновение ее успокоило. Во всяком случае, она повернулась, чтобы уйти.

— Да, и вот еще что, Жанна, — окликнул ее Джейми. — Может быть, все-таки кто-нибудь принесет наконец одежду для моей жены? Если за всеми делами для нее не успели ничего приготовить, так у Дафны, по-

моему, тот же размер.

— Одежду?

Мадам Жанна прищурилась, пытаясь разглядеть меня в тени. Чтобы помочь, я вышла на свет, демонстрируя результаты моей встречи со сборщиком акцизов.

Мадам Жанна моргнула пару раз, перекрестилась и исчезла сквозь потайную дверь, хлопнув за ней с приглушенным стуком.

Я начала дрожать, но не столько от пережитого, сколько от холода. В конце концов, ни к крови, ни к смерти мне было не привыкать, и все сегодняшние события чем-то напоминали скверное субботнее дежурство в приемном покое скорой помощи.

— Идем, англичаночка, мы тебя отмоем, — сказал Джейми, мягко положив мне руку пониже спины.

Его прикосновение подействовало на меня, как на мадам Жанну. Мне сразу стало легче, хотя опасения еще оставались.

— Отмоешь? Уж не в бренди ли выкупаешь?

Он тихо рассмеялся.

— Нет, в воде. Я могу предложить тебе ванну, правда, боюсь, что она будет холодная.

Да уж, холодно было очень.

— От-откуда берется эта вода? — спросила я, дрожа и стуча зубами от холода. — С ледника?

Вода вытекала из вделанной в стену трубы, закупоренной отнюдь не гигиеничного вида деревянной затычкой, обернутой в ветхое тряпье.

Отдернув руку из-под холодной струи, я вытерла ее о рубашку, благо та была уже в таком состоянии, что беспокоиться не приходилось.

Джейми, ловко подставлявший под струю большую деревянную лохань, покачал головой:

— С крыши, вот откуда. Там установлен бак для сбора дождевой воды. Сбоку здания проходит труба для сточной воды, а труба от бака спрятана у нее внутри.

Это было сказано с такой забавной гордостью, что я рассмеялась.

— Ну и устройство! А для чего вы используете эту воду?

— Чтобы разбавлять спирт, — объяснил он и жестом указал на дальнюю сторону помещения, где среди большого количества бочонков и кадок сутились темные фигуры. — К нам поступает крепчайший, выдержанный в бочках спирт. Чем напиток крепче, тем меньше места он занимает и тем легче его перевозить. Здесь мы разбавляем его чистой водой и разливаем для продажи в питейные заведения.

Он вставил на место затычку и стал толкать большую лохань по каменному полу.

— Вот, займись собой здесь, подальше от трубы. А то люди работают, и им может потребоваться вода.

Один из этих людей как раз подошел, но лишь скользнул по мне любопытным взглядом, кивнул Джейми и подставил под струю свой бочонок.

Укрывшись позади наспех сооруженной ширмы из пустых бочек я с сомнением всматривалась в глубины моей импровизированной ванны. Рядом в лужице воска горела одна—единственная свеча, и поблескивавшая в ее дрожащем свете вода казалась черной и бездонной. Я разделась, сильно дрожа и думая о том, что от горячей воды и современного водопровода было гораздо легче отказываться, когда они имелись под рукой.

Джейми пошарил в своем рукаве и вытащил большой носовой платок, на который взглянул с сомнением.

— Ну что ж, возможно, он будет почище твоей рубашки, — сказал он, пожав плечами, вручил платок мне и, извинившись, отправился на другой конец помещения руководить шедшей там работой.

Вода была холоднющей, как и сам подвал, а когда я осторожно принялась оттирать себя смоченной в ней тряпицей, по животу и бедрам, вызывая приступы дрожи, стали стекать ледяные струйки.

Не способствовали комфорту и мысли о том, что могло происходить наверху. Мало было холодной воды, так к этому добавлялся и холодок страха. Возможно, на данный момент, пока ложная стена укрывала нас от таможенных и акцизных служак, мы и могли чувствовать себя в относительной безопасности, но если фокус со стеной раскроется, наше положение окажется безнадежным. Из этого помещения нет иного выхода, кроме как через дверь в ложной стене, и если в этой стене пробить брешь, нас схватят с поличным, причем не только с большим количеством контрабандного бренди, но еще и со свежим трупом — телом убитого служителя короны.

И уж во всяком случае, исчезновение государственного служащего неминуемо повлечет за собой энергичные поиски. Мне воображались толпы представителей власти, заполнивших бордель и допрашивающих девиц, чтобы в результате получить от них детальное описание и меня, и Джейми, и мистера Уиллоби. Я невольно бросила взгляд в дальний угол, где лежал покрытый окровавленной шалью мертвец.

Китайца нигде не было видно, не иначе как присосался к бочонку с бренди и отключился.

— На, англичаночка. Выпей, а то того и гляди язык откусишь зубы—то как стучат!

Джейми, словно пес—спасатель из обители Святого Бернарда, появился в моем углу с кружкой бренди.

Чтобы не расплескать напиток, мне пришлось бросить тряпицу и взять кружку обеими руками, однако выпивка пошла на пользу: огненная струйка протекла по горлу, и упавший в желудок горячий уголек стал распространять изгибающиеся щупальца тепла по моим окоченевшим конечностям.

— Господи, так лучше, — сказала я, прервавшись, чтобы набрать воздуха. — Это и есть неразбавленный спирт?

— Что ты, он бы тебя убил! Правда, этот напиток будет малость покрепче того, что мы продаем. Допивай его, заканчивай с мытьем и что—нибудь на себя накинь.

Джейми забрал из моей руки кружку, которую сменил мокрый носовой платок. Завершая холодное омовение, я краем глаза посматривала на него. Он тоже смотрел на меня, но морщил при этом лоб — похоже, текущие дела не давали ему покоя. Я предполагала, что его жизнь не проста, но теперь поняла, что мое присутствие, несомненно, существенно ее осложняет. И я многое бы отдала, чтобы узнать, о чем он думает.

— О чем ты думаешь, Джейми? — спросила я, когда стирала с бедер последние пятна.

Вода под ногами, растревоженная моими движениями, искрилась в свете свечи, словно темная кровь, смытая с моего тела, добавила ей живого блеска.

Джейми поднял на меня взгляд: морщины на лбу разгладились, глаза прояснились.

— О том, как ты прекрасна, англичаночка, — тихо ответил он.

— Ну, если считать, что лучшее украшение женщины — гусиная кожа, то так оно и есть, — язвительно ответила я, переступив край лохани и потянувшись за кружкой.

Джейми неожиданно ухмыльнулся, блеснув белыми зубами.

— Видимо, ты разговариваешь с единственным мужчиной в Шотландии, у которого при виде ошипанной гусыни вскакивает шишка.

Страх, напряжение, а тут еще и смех. Я прыснула, чуть не поперхнувшись бренди.

Джейми быстро стащил с себя камзол и обернул вокруг меня, крепко прижав к себе. Я дрожала, кашляла и задыхалась.

— Трудно пройти мимо ларька торговца домашней птицей и остаться

порядочным, — прошептал он мне на ухо, быстро растирая сквозь ткань мою спину. — Тише, англичаночка, помолчи. Все будет прекрасно.

Я прильнула к нему, вся дрожа.

— Прости. Со мной и так все хорошо, но в случившемся есть и моя вина. Мистер Уиллоби пристрелил того акцизного соглядатая потому что ему показалось, будто он ко мне пристаает.

Джейми хмыкнул.

— Из этого не следует, будто ты виновата, — сухо возразил он. — Во-первых, неспроста же китайцу это померещилось, а во-вторых, ты за него отвечать не можешь. Ему не впервой отмачивать в пьяном виде такое, что все только за голову хватаются. Когда он примет на грудь, ему море по колено.

Неожиданно выражение лица Джейми изменилось: до него дошел смысл моих слов.

— Подожди, ты, кажется, сказала «акцизный соглядатай».

— Да, а что?

Он не ответил, но выпустил мои плечи и развернулся на каблуках, схватив при этом свечу со стола. Чтобы не остаться в темноте, я последовала за ним в угол, где под шалью лежал труп.

— Подержи-ка.

Джейми бесцеремонно сунул мне в руку свечу, опустил на колени и откинул заляпанную кровью ткань, которая прикрывала лицо.

Мертвых тел мне довелось видеть немало, и это зрелище меня не шокировало, но и ничего приятного в нем тоже не было. Глаза закатились вверх под полузакрытыми веками. Глядя на отвисшую челюсть мертвеца и его восковое лицо, Джейми нахмурился и пробормотал что-то себе под нос.

— Что-то не так?

Мне казалось, что я уже никогда не согреюсь, но в добротном и плотном камзоле Джейми сохранились остатки его собственного тепла, поэтому дрожь утихла.

— Это не сборщик акцизов, — сказал Джейми, продолжая хмуриться. — Я знаю всех акцизных служащих округа, а также всех таможенников и мытарей, но этого малого никогда не видел.

Морщась, он откинул окровавленную шаль и принялся тщательно обыскивать труп.

Добычу составили маленький перочинный ножик и книжица, обернутая в красную бумагу.

— «Новый Завет», — прочитала я не без удивления. Джейми кивнул.

— Да, чиновник ты или нет, но довольно странно брать с собой Евангелие, когда идешь к девкам.

Он вытер маленькую книжицу о шаль, довольно бережно прикрыл лицо покойного складками ткани и, поднявшись на ноги, покачал головой.

— Больше в его карманах ничего не было. Любой таможенный или акцизный чиновник всегда имеет при себе грамоту, подтверждающую полномочия: без нее у него нет права ни обыскивать помещения, ни налагать арест на товары. — Он вопросительно взглянул на меня. — А с чего ты вообще взяла, будто он из акцизной службы?

Поплотнее запахивая на себе камзол Джейми, я старалась припомнить, что именно сказал мне тот человек на лестнице.

— Он предположил, что меня послали отвлечь внимание, спросил, где находится мадам, а потом заговорил о назначенной награде, да-да, о проценте от стоимости конфискованного товара, сказал, что никто об этом не узнает, кроме него и меня, — добавила я. — Поэтому у меня возникло естественное предположение: это акцизный чиновник или кто-то в этом роде. Ну а затем явился мистер Уиллоби и стало не до догадок.

Джейми кивнул все еще с озадаченным видом.

— Понятно. Правда, я понятия не имею, кто он такой, но хорошо уже то, что он не королевский чиновник. Поначалу я испугался, подумал, что-то разладилось, но вроде все в порядке.

— Разладилось?

Он улыбнулся.

— Англичаночка, у меня есть договоренность с главным таможенным надзирателем этого округа.

Я уставилась на него, открыв рот.

— Договоренность?

Он пожал плечами и сказал с легким раздражением:

— Ну, я его подмазал, если хочешь напрямую.

— Несомненно, это стандартная деловая процедура, — сказала я, стараясь быть тактичной.

Уголок его рта слегка дернулся.

— Ну да. Так или иначе, между сэром Персивалем Тернером и мной достигнуто, можно сказать, понимание, и понятно, что появление здесь кого-то из его служащих было бы для меня тревожным сигналом.

— Ладно, — сказала я, медленно утрясая в сознании все малопонятные события утра и стараясь сложить из них целостную картину. — Но что в таком случае ты имел в виду, сказав Фергюсу, что акцизные чиновники у тебя на хвосте? И почему все носятся и суетятся, словно

переполошившиеся куры в курятнике?

— А, это.

Он улыбнулся и взял меня за руку, заставив отвернуться от тела у наших ног.

— В общем, как я тебе и говорил, существует договоренность, и в эту договоренность входит то, что сэр Персиваль должен удовлетворять запросы своих хозяев в Лондоне, время от времени посылая им отчеты о захвате достаточного количества контрабанды. Таким образом, нам приходится учитывать не только свои, но и чиновничьи интересы. Уолли и парни доставили с побережья две подводы, одну с самым лучшим бренди, а другую со старыми бочками, заполненными прокисшим вином, в которое мы долили несколько анкерсов дешевого пойла, только чтобы придать ему соответствующий дух. Сегодня утром я, как и было запланировано, встретил их у границы города, и мы въехали внутрь таким манером, чтобы непременно попасться на глаза таможенному надзирателю, который в это время как будто случайно выехал на объезд с отрядом драгун. Дальше все происходит по плану: мы пускаемся в бегство, они за нами по пятам, шум, погоня и все такое. Ну а в нужном месте подвода с настоящим товаром сворачивает в незаметный проулок, а дрянное пойло Уолли бросает, еще некоторое время поскакав для виду сломя голову. Сам смывается, добыча достается драгунам. Представь себе, как здорово это будет выглядеть в отчете.

Джейми ухмыльнулся и с важным видом произнес:

— Контрабандисты ускользнули, несмотря на усердное преследование, но доблестным солдатам его величества удалось захватить целую подводу контрабандного спиртного, оценивающуюся в шестьдесят фунтов десять шиллингов. Поняла, в чем тут фокус?

— Пожалуй, — ответила я. — Значит, ты должен был доставить качественный товар в десять. Мадам Жанна сказала...

— Ну да, — кивнул Джейми, нахмурившись. — Ровно в десять она должна была оставить открытой дверь подвала и установить на место дощатый скат: времени на разгрузку у нас в обрез. Мне пришлось дважды сделать круг, чтобы не привести драгун прямо к ее заведению, ведь простые солдаты не в курсе договоренностей, так что нам все равно надо быть начеку.

— Боюсь, мадам отвлекли неприятные новости, — пояснила я, вспомнив об Изверге, и рассказала Джейми все, что слышала.

— Бедная девушка, — вздохнул он.

Я поежилась, вспоминая рассказ Бруно, и придвинулась к Джейми. Он

обнял меня, рассеянно поцеловал в лоб и снова взглянул на прикрытое шалью тело.

— Ну что ж, кто бы ни был этот невезучий малый, но раз он не чиновник, маловероятно, что у него там, наверху, сообщники. Но нам в любом случае желательно убраться отсюда поскорее.

— Это хорошая мысль.

Камзол Джейми был мне до колен, но под ним—то я оставалась голой и, замечая, какие взгляды бросают на меня украдкой с другого конца подвала, чувствовала себя не совсем уютно.

— А мы вернемся в печатную мастерскую?

С учетом всего случившегося мне как-то не хотелось пользоваться гостеприимством мадам Жанны больше, чем необходимо.

— Может быть, ненадолго. Мне надо подумать, — рассеянно ответил Джейми.

Наморщив лоб, он крепко прижал меня к себе, отпустил и принялся расхаживать по подвалу, задумчиво глядя на камни под ногами.

— Э-э... куда ты спровадил Айена?

Он поднял глаза с непонимающим видом, потом его лицо прояснилось.

— А, Айена. Я оставил его наводить справки в тавернах над рыночной площадью. Нужно не забыть встретиться с ним попозже, — пробормотал он, словно бы делая мысленную заметку.

— Кстати, я видела и Айена—младшего, — заметила я как бы между прочим, провоцируя его на разговор.

Джейми удивился:

— Он что, приходил сюда?

— Приходил. Искал тебя — примерно четверть часа спустя после того, как ты ушел.

— Слава Богу за Его маленькие милости! — Он запустил пятерню в волосы с шутливо—озабоченным видом. — Мне чертовски трудно было объяснить Айену, зачем его сын потащился сюда.

— Ты знаешь, что он здесь делает? — с любопытством спросила я.

— Не знаю! Он должен был... ладно, оставим это. Сейчас не до того.

Джейми снова задумался, но потом вдруг спросил:

— А он — я про Айена—младшего, — уходя от тебя, сказал, куда направляется?

Я покачала головой, подобрав вокруг себя камзол. Джейми кивнул со вздохом и снова стал медленно прохаживаться.

Я уселась на перевернутую лохань, глядя на него и удивляясь тому, что, несмотря на все эти неудобства и всю эту опасную кутерьму, чувствую

себя по-идиотски счастливой просто оттого, что нахожусь рядом с ним. Понимая, что толку от меня никакого быть не может, я просто завернулась поплотнее в камзол и предалась самому приятному занятию, какое могла найти для себя на данный момент, — любовалась Джейми. А то ведь в этой суматохе у меня еще не было возможности как следует к нему присмотреться.

Несмотря на озабоченность, он двигался с уверенной грацией меченосца, человека, настолько владеющего своим телом, что для этого не требовалось никаких сознательных усилий. Когда отблеск фонаря падал на шевелюру Джейми, игра света и теней делала ее золотистой с темными полосками, словно тигриная шкура.

Я уловила слабое движение, когда двумя пальцами правой руки он поскреб ткань штанов, и на меня накатила волна эмоций: прошло столько лет, а этот жест остался неизменным. Прежде я тысячу раз видела, как он делал это, размышляя, и теперь почувствовала себя так, словно вся наша разлука уместилась между восходом и заходом солнца.

Как будто уловив мою мысль, он остановился и улыбнулся мне.

— Ты согрелась, англичаночка?

— Нет, но это не важно. — Я встала с лохани и, взяв его под руку, принялась прохаживаться рядом с ним. — Что-нибудь надумал?

Он невесело рассмеялся.

— Нет. Меня одолевает примерно полудюжина вопросов одновременно, и с половиной из них я ничего не могу поделать. Например, выяснить, находится ли Айен-младший там, где должен.

Я уставилась на него.

— А где, по-твоему, он должен находиться?

— Он должен быть в печатной мастерской, — сказал Джейми с некоторым нажимом. — Но сегодня утром он должен был находиться с Уолли, а его там не было.

— С Уолли? То есть, надо понимать, когда его отец явился с известием о побеге мальчишки из дому, для тебя это была никакая не новость?

Он потер пальцем нос, усмехаясь и досадуя.

— Ну да, я обещал мальчишке, что ничего не скажу его отцу, пока ему самому не представится случай объясниться. Правда, это объяснение вряд ли спасет его задницу, — добавил он.

Юный Айен, как и сказал его отец, явился в Эдинбург, чтобы присоединиться к своему дяде, не потрудившись заручиться согласием родителей. Джейми довольно скоро обнаружил это упущение, но решил не отсылать племянника одного обратно в Лаллиброх, а отвезти его туда

самому у него не было времени.

— Не то чтобы он сам не мог о себе позаботиться, — пояснил Джейми с усмешкой, победившей—таки в борьбе выражений на его лице. — Он славный и способный парнишка. Просто... ну, в общем, ты понимаешь, как это бывает: какие—то события просто происходят вокруг некоторых людей, так что они вроде бы и не имеют к этому никакого отношения.

— Теперь, когда ты заговорил об этом, да, понимаю. Похоже, я сама как раз из них.

Эти слова насмешили Джейми.

— Господи, ты права, англичаночка! Может быть, именно поэтому я так люблю Айена—младшего: он напоминает мне тебя.

— А мне — тебя, — парировала я.

Джейми хмыкнул.

— Господи, если Дженни услышит, что ее сынок отирался возле дома с подобной репутацией, она меня калекой сделает. Одна надежда, что у маленького пройдохи по возвращении домой хватит ума держать рот на замке.

— Главное, чтобы он вернулся, — заметила я, подумав о долговязом, не достигшем еще пятнадцатилетия подростке, предоставленном самому себе в Эдинбурге среди контрабандистов, пьяниц, проституток, продажных таможенников.

А тут еще и орудующий топором Изверг!

— Хорошо еще, что он не девушка, — сказала я, вспомнив об убийце. — Юноши, кажется, Изверга не интересуют.

— Ага, но полно других типов, которых они очень даже интересуют, — кисло отозвался Джейми. — Да уж, когда у меня на руках и ты, и Айен—младший, мне очень повезет, если я не поседею как лунь, прежде чем выберусь из этого вонючего подвала.

— Я—то тут при чем? — В моем голосе прозвучало искреннее удивление. — Тебе нет нужды беспокоиться за меня.

— Разве?

Он опустил руку и воззрился на меня не без суровости.

— Мне не нужно беспокоиться о тебе? Это ты сказала? Господи! Я оставляю тебя мирно лежащей в постели дожидаться завтрака, а меньше чем час спустя нахожу внизу, в рубашке девицы из веселого дома, с трупом на коленях! И сейчас ты стоишь передо мной, голая, как яйцо, а пятнадцать человек вон там гадают, кто ты вообще такая. И как, по—твоему, я должен объяснить им твое появление?

Он раздраженно запустил пальцы в свою шевелюру.

— Кровоточащие раны Христовы! А через два дня мне, хоть удавись, нужно отправиться к побережью, и я не могу оставить тебя в Эдинбурге, поскольку тут шастают изверги с топориками и половина людей, которые тебя видели, считают, что ты проститутка, и... и...

Шнурок, собиравший его волосы в хвост, лопнул, не выдержав энергичных движений, и шевелюра распушилась, как львиная грива. Я рассмеялась. Еще мгновение его взгляд оставался хмурым, но потом Джейми ухмыльнулся.

— Ну да ладно, что уж там. Попробую как-нибудь со всем этим справиться.

— Уверена, ты справишься, — заявила я и приподнялась на цыпочки, чтобы убрать его волосы за уши.

Под действием той же силы, что вызывает взаимное притяжение противоположных полюсов магнита, Джейми наклонил голову и поцеловал меня.

— Я позабыл.

— О чем позабыл?

Сквозь тонкую рубашку я чувствовала его теплую спину.

— Обо всем. — Джейми говорил очень тихо, прижав губы к моим волосам. — О радости. О страхе. Больше всего о страхе.

Он убрал мои кудри от своего носа.

— Я очень долго не испытывал страха, англичаночка, — пояснил Джейми. — Но теперь, похоже, начинаю бояться. Потому что теперь мне есть что терять.

Чуть подавшись назад, я подняла на него взгляд. Его руки крепко обнимали меня за талию, глаза были темны — бездонная вода в сумраке. Но через секунду выражение его лица изменилось, и он быстро поцеловал меня в лоб.

— Идем, англичаночка, — сказал Джейми, взяв меня за руку. — Я скажу людям, что ты моя жена. С остальным можно подождать.

Глава 27

В ОГНЕ

Вырез у платья был чуть ниже, чем необходимо, и оно было тесновато в груди, но в целом сидело неплохо.

— И откуда тебе было известно, что у Дафны нужный размер? — спросила я, зачерпывая ложкой суп.

— Когда я сказал тебе, что не спал со здешними девушками, я не соврал, — осторожно ответил Джейми. — Но не припоминаю, чтоб я утверждал, будто не смотрел на них.

Он хотел подмигнуть, но, поскольку какой-то врожденный тик не позволял ему делать это одним глазом, моргнул обоими. Это сделало его похожим на большую взъерошенную рыжую сову, и я рассмеялась.

— Однако тебе этот наряд идет гораздо больше, чем Дафне, — заявил Джейми, одобрительно взглянув на мою грудь, и подозвал служанку, несшую блюдо со свежими лепешками.

Процветание трактира Моубрея зиждилось на обедах. В отличие от питейных заведений вроде «Края света» с их уютной дымной атмосферой эта таверна, размещавшаяся в элегантном строении с наружной лестницей, ведущей в просторный зал на втором этаже, предлагала меню, рассчитанное на вкусы состоятельных торговцев и королевских чиновников.

— Кто ты на данный момент? — поинтересовалась я, — Если мне не послышалось, мадам Жанна называла тебя «месье Фрэзер» — значит ли это, что на публике ты Фрэзер?

Он покачал головой, кроша лепешку в миску с супом.

— Нет, на данный момент я Сони Малкольм, печатник и издатель.

— Сони? Это уменьшительное от Александра? По-моему Сэнди, «песочник», подошло бы гораздо лучше, особенно с учетом твоей шевелюры.

Правда, тут же мысленно поправилась я, все же его волосы не песочного цвета. Они похожи на волосы Бри — очень густые, слегка волнистые и вобравшие в себя целую смесь оттенков рыжего и золотистого: медь и корица, каштан и янтарь, рыжий, чалый, кирпичный — все перемешано.

Неожиданно на меня накатила волна тоски по Бри, причем одновременно с желанием растрепать волосы Джейми и, запустив в них

руки, ощутить на пальцах мягкие пряди, а под ладонями округлость его головы. Желание было столь острым, что у меня перехватило дыхание, и я склонила голову над устричной похлебкой.

Джейми ничего не заметил; он добавил себе в миску добрый шмат сливочного масла, покачивая при этом головой.

— Сони — так говорят в горах, — сообщил он мне, — И на островах тоже. А Сэнди — такое прозвище чаще можно услышать в низинах или от невежественных англичан.

Он повел бровью, улыбнулся и поднес ко рту ложку, полную густой, ароматной похлебки.

— Ладно, — сказала я. — Наверное, сейчас важнее определить, кто же все-таки я.

В конце концов до него дошло. Его большая нога чуточку подтолкнула под столом мою, и Джейми, улыбнувшись, грубовато сказал:

— Ты моя жена, англичаночка, вот и весь сказ. Всегда и везде. Независимо от того, кем могу быть я, ты — моя жена.

Я почувствовала, как мое лицо зарделось от удовольствия, и увидела, что воспоминания о прошлой ночи отразились и на Джейми: кончики его ушей слегка порозовели.

— Тебе не кажется, что в этой похлебке слишком много перца? — спросила я, проглотив очередную ложку. — Ты уверен, Джейми?

— Ага, — сказал он. — Да, я уверен, — поправился он. — А с перцем все нормально. Люблю, знаешь ли, все остренькое.

Носок его башмака снова ткнул меня в лодыжку.

— Значит, я миссис Малкольм, — сказала я, пробуя это имя на языке.

Само слово «миссис» вызывало у меня нелепое волнение, словно у юной невесты, впервые идущей под венец. Мой взгляд машинально скользнул по серебряному кольцу на безымянном пальце правой руки.

Джейми заметил это и поднял свою кружку.

— За миссис Малкольм, — тихо произнес он, и у меня снова перехватило дыхание.

Потом Джейми поставил кружку и взял мою руку в свою, такую большую и теплую, что ее жар быстро распространился по моим пальцам. Серебряное кольцо, ощущавшееся отдельно от моей плоти, согрелось еще быстрее.

— Сохранять и беречь, — сказал он с улыбкой.

— Отныне и навеки, — отозвалась я, не обращая внимания на то, что мы привлекаем к себе заинтересованные взгляды других посетителей.

Джейми наклонил голову и прижал губы к тыльной стороне моей

ладони, что уже не просто заинтересовало зевак, а заставило их вытаращиться.

Сидевший на другом конце зала священник строго нахмурился и сказал что-то своим соседям по столу, которые тотчас повернулись и уставились на нас. Один из них был пожилым коротышкой, а вот другой, к немалому моему удивлению, оказался мистером Уоллесом, моим спутником по поездке на дилижансе из Инвернесса.

— Наверху есть номера, — прошептал Джейми.

В его голубых глазах плясали шальные искорки, лишив меня всякого интереса к мистеру Уоллесу.

— Это любопытно, — рассеянно произнесла я. — Ты не доел свою похлебку.

— К черту похлебку.

— Вот идет служанка с элем.

— Пусть идет к дьяволу.

Острые белые зубы мягко сомкнулись на моей руке, отчего я слегка дернулась.

— На тебя люди смотрят.

— Ну и пусть, раз им выпала такая прекрасная возможность.

Его язык легонько щекотал мои пальцы.

— Сюда идет человек в зеленом.

— К черту... — начал Джейми, но тут тень подошедшего упала на стол.

— Добрый день, мистер Малкольм, — сказал незнакомец с вежливым поклоном. — Надеюсь, я вам не помешал.

— Напротив, помешали, — возразил Джейми, выпрямившись, но не выпустив моей руки, и холодно воззрился визитера. — Мне кажется, я не знаю вас, сэр?

Джентльмен, неброско одетый англичанин лет тридцати пяти, ничуть не смутившись столь откровенным недружелюбием, поклонился снова.

— Я действительно пока не имел удовольствия быть знакомым с вами, сэр, — почтительно сказал он. — Однако мой господин попросил меня приветствовать вас и спросить, не окажете ли вы и ваша спутница любезность выпить с ним немного вина.

Крохотная пауза перед словом «спутница» была почти неуловима, но Джейми заметил ее. Его глаза сузились.

— Мы с женой, — произнес он точно с такой же паузой перед словом «жена», — в данный момент заняты. Если ваш господин желает поговорить со мной...

— Сэр, меня послал к вам сэр Персиваль Тернер, — быстро вставил секретарь (потому что наверняка это был секретарь).

Несмотря на хорошее воспитание, он не удержался и слегка повел бровью, как человек, который упоминает значительное имя.

— Ну что ж, — сухо ответил Джейми. — При всем моем почтении к сэру Персивалю в настоящее время я очень занят. Может быть, вы передадите ему мои сожаления?

Он поклонился с учтивостью настолько демонстративной, что она почти граничила с грубостью, и повернулся к подошедшему спиной. Секретарь застыл, потом быстро развернулся и торопливо зашагал между столиками, направляясь к двери в дальнем конце зала.

— На чем мы остановились? — спохватился Джейми. — Да, конечно: к черту джентльменов в зеленом. Так вот, насчет номеров...

— И как ты собираешься объяснить людям мое появление? — спросила я.

Он поднял бровь.

— Что объяснить? — Он смерил меня взглядом. — Почему я должен что-то насчет тебя объяснять? Руки-ноги у тебя на месте, ты не заразная, не горбатая, не беззубая, не хромая...

— Ты знаешь, что я имею в виду, — сказала я, пнув его под столом.

Леди, сидевшая рядом со стеной, тронула локтем своего спутника и указала на нас расширенными глазами. Я встретила ее взгляд и беззаботно улыбнулась.

— Ну знаю. — Джейми тоже улыбнулся. — Просто со всем, что на меня с утра навалилось, включая фокусы мистера Уиллоби и все прочее, у меня не было возможности об этом подумать. Может быть, мне просто сказать...

— Мой дорогой друг, стало быть, вы женаты! Превосходная новость! Просто великолепная! Мои искренние поздравления, и могу я — смею ли я надеяться? — что я первый, кто преподнесет мои поздравления и наилучшие пожелания вашей даме?

Маленький пожилой джентльмен в аккуратном парике, тяжело опиравшийся на трость с позолоченным набалдашником, одарил нас радушной улыбкой. Это был тот самый человек, который сидел с мистером Уоллесом и священником.

— Я уверен, что вы простите меня за недостаточную учтивость, проявленную посланным мною Джонсоном. Беда в том, что злосчастная немота затрудняет мои собственные передвижения, но, конечно же, знай мы, что вы обрели супружеское счастье, никто не посмел бы вас тревожить.

При появлении этого господина Джейми встал и выдвинул для него стул.

— Вы присоединитесь к нам, сэр Персиваль?

— О нет, конечно! Я не смею мешать вашему вновь обретенному счастью, мой дорогой сэр. По правде говоря, я не имел представления...

Продолжая говорить, он опустил на предложенный стул и поморщился, вытягивая ногу под столом.

— Я мученик подагры, моя дорогая, — признался сэр Персиваль, наклонившись ко мне так близко, что я ощутила неприятное старческое дыхание, перебившее аромат грушанки, исходивший от тонкого полотна его сорочки.

Мне подумалось, что, даже несмотря на дыхание, этот, в общем-то, симпатичный немолодой господин не похож на продажного взяточника, но ведь внешность обманчива. Всего четыре часа назад меня саму приняли за проститутку.

Со всей возможной учтивостью Джейми заказал вина и терпеливо выслушивал многословные излияния сэра Персиваля.

— Это большая удача, что я встретил вас, мой молодой друг, — сказал наш собеседник, покончив наконец со своими цветистыми комплиментами, и положил маленькую руку с ухоженными ногтями на руку Джейми. — У меня как раз появилась необходимость кое-что вам сказать. Вообще-то я послал записку в типографию, но мой посланец не застал вас там.

Джейми вопросительно взглянул на Персиваля.

— Да, — продолжил тот. — Кажется, вы говорили мне — несколько недель назад, я уж не помню, по какому случаю, — о своем намерении отправиться по делам на север, чтобы приобрести новый печатный станок или что-то в этом роде?

Я подумала, что у сэра Персиваля, хотя он и не молод, весьма привлекательное лицо: породистое, с большими добродушными голубыми глазами.

— Да, это так, сэр, — вежливо ответил Джейми. — Мистер Маклеод из Перта предложил мне взглянуть на новые текстовые шрифты, которые только-только начали использовать.

— Именно, текстовые шрифты.

Сэр Персиваль прервался, чтобы достать из кармана табакерку, симпатичную золотую вещицу с зеленой эмалью и херувимами на крышечке.

— Но знаете, я бы не советовал вам предпринимать поездку на север именно сейчас, — сказал он, открыв коробочку и сосредоточившись на ее

содержимом. — Уж поверьте старику, ради вашего же блага не советовал бы. Погода обещает испортиться, и это вряд ли подойдет миссис Малкольм.

Улыбнувшись мне, как престарелый ангел, он вдохнул большую щепотку нюхательного табака и замер, держа наготове полотняный носовой платок.

— Я весьма благодарен вам за совет, сэр Персиваль, — проговорил Джейми, с невозмутимым спокойствием потягивая вино. — Надо думать, о предстоящих на севере штормах вас известили ваши агенты?

Сэр Персиваль чихнул: звук получился негромким и аккуратным, словно его издала простуженная мышка. Он вообще напоминает белую мышь, подумала я, видя, как изящно вытирает старик свой острый розовый нос.

— Совершенно верно, — подтвердил он, убрав носовой платок и благодушно глядя на Джейми. — Поэтому я как друг, особо пекущийся о вашем благополучии и принимающий все ваши дела близко к сердцу, весьма настоятельно рекомендовал бы вам остаться в Эдинбурге. В конце концов, — добавил он, обратив свет своей благожелательности на меня, — теперь вы, безусловно, имеете достаточный стимул для того, чтобы задержаться дома. А теперь, молодые люди, извините, но мне нужно идти. Да и не пристало мне, старику, мешать вам отрывая, можно сказать, от свадебного завтрака.

Сэр Персиваль поднялся с помощью мгновенно подскочившего Джонсона и, постукивая по полу тросточкой с позолоченным набалдашником, заковылял прочь.

— По-моему, он славный старикан, — заметила я, когда он отошел достаточно далеко.

Джейми хмыкнул.

— Трухлявый, как изъеденная червями доска, — возразил он, поднял свой стакан и осушил его. — Мне, признаться, казалось, что старые люди должны быть другими. То есть я хочу сказать, Судный день для них ближе, чем для молодых, и такому человеку, как сэр Персиваль, не стоило бы об этом забывать. Но куда там, похоже, встреча с дьяволом его ничуть не страшит.

— Наверное, он такой же, как все, — цинично сказала я. — Большинство людей думают, что будут жить вечно.

Джейми рассмеялся, а вместе со смехом к нему вернулся и недавний настрой.

— Да, это верно, — сказал он, придвигая ко мне бокал с вином. — Теперь, когда ты здесь, я в этом тем более убежден. Давай-ка, *mo nighean*,

допивай, и пойдем наверх.

— *Post coitum omne animalium triste est*^[12], — произнесла я с закрытыми глазами.

Теплая тяжесть на моей груди никак не отреагировала, если не считать тихого дыхания. Правда, тут же я почувствовала что-то вроде подземной вибрации, каковую истолковала как смешок.

— Витиевато высказываешься, англичаночка, — сонно сказал Джейми. — Надеюсь, эта мысль принадлежит не тебе?

— Нет.

Я убрала его влажные яркие волосы со лба, и он с довольным сопением уткнулся лицом в ямку у моего плеча.

В качестве любовного гнездышка номера у Моубрея оставляли желать лучшего, однако кушетка, то есть относительно мягкая горизонтальная поверхность, здесь имелась, а это, если уж на то пошло, было единственно необходимым. Я поняла, что далеко еще не перешла рубеж желания предаваться плотским утехам, но была уже не столь молода, чтобы с упоением делать это на голом полу.

— Я не знаю, кто это сказал, наверное, какой-то древний философ. Эта цитата приводилась в одном из моих учебников по медицине, в главе о репродуктивной системе человека.

На сей раз вибрация обрела звучание: это и вправду был смех.

— Похоже, ты не зря брала свои уроки, англичаночка.

Его рука скользнула по моему боку, медленно просунулась под ягодицу и слегка стиснула ее, что сопровождалось удовлетворенным вздохом.

— Признаться, пока не сделаюсь, так сказать, *triste*, ни о чем думать не могу, — пробормотал он.

— Я тоже, — отозвалась я в тон ему, проводя пальцем по завитку рыжих волос. — Что и навело меня на эту мысль. А вот насчет побуждений древнего философа... Тут остается только гадать.

— Наверное, это зависит от того, с какими именно *animalium* он имел дело, заметил Джейми. — Может быть, им просто никто не увлекся, но он, наверное, испробовал немалое количество, раз пришел к столь обобщающему выводу.

Он крепко держался за свой якорь, пока приливы моего смеха мягко покачивали его вверх и вниз.

— Заметь, что собаки, когда совокупляются, иногда выглядят чуточку по-овечьи.

— Мм... А как же тогда выглядят овцы?

— Ну, овцы в любой ситуации выглядят как овцы — я имею в виду

особей женского пола.

— Вот как? А что насчет баранов?

— О, они выглядят весьма неприглядно. Вывешивают языки, так что изо рта капает слюна, закатывают глаза да еще и издают пренеприятные звуки. Как вообще большинство животных мужского пола, да?

Кожей плеча я почувствовала, как изогнулись в улыбке его губы. Он снова стиснул мою ягодицу, и я мягко потянула за ухо, ближайшее к этой шаловливой руке.

— Я не заметила, чтобы у тебя свисал язык. Да и никаких особо неприятных звуков не слышала.

— Вообще-то вот так, с ходу, мне никакого такого звука не придумать, — признался Джейми. — Может, в следующий раз у меня получится лучше.

Мы рассмеялись, а потом притихли, прислушиваясь к дыханию друг друга.

— Джейми, — прошептала я, нежно поглаживая его затылок, — думаю, я никогда не была так счастлива.

Он перекатился на бок, осторожно переместив свой вес так, чтобы не придавить меня, и повернулся ко мне.

— Так же, как и я, моя англичаночка, — произнес он и припал к моим губам долгим поцелуем.

Через некоторое время Джейми чуть отстранился.

— Это ведь не просто постельное удовольствие, понимаешь?

Его глаза смотрели на меня, нежно-голубые, как теплое тропическое море.

— Понимаю, — ответила я, коснувшись его щеки. — Не просто.

— Снова быть с тобой, говорить с тобой, знать, что я могу говорить, что думаю, не опасаясь за свои слова, не скрывая своих мыслей! Господи, англичаночка, Всевышнему ведомо, что я одержимый страстью юноша и не могу оторвать от тебя руки... или что-то другое, — добавил он, усмехнувшись, — но даже этого мне было бы мало, не имей я еще и счастья делить с тобой все, что у меня на душе и сердце.

— Без тебя было одиноко, — прошептала я. — Так одиноко.

— И мне. — Джейми посмотрел вниз, опустив длинные темные ресницы, и продолжил: — Хотя врать не буду, монашеской жизни я не вел. Бывало, когда становилось совсем невмоготу, когда просто сходил с ума...

Я прижала пальцы к его губам, чтобы остановить его.

— Так ведь и я не без греха. Фрэнк...

Его рука мягко прижалась к моим губам. Мы молча смотрели друг на

друга, и я чувствовала, как под моей рукой расцветает его улыбка, а под его рукой — моя.

Я убрала палец с его губ.

— Это не имеет значения, — сказал Джейми и тоже убрал свою руку.

— Не имеет значения, — эхом отозвалась я, обводя пальцем линию его губ. — Поэтому лучше поделись тем, что у тебя на сердце, если есть время.

Он бросил взгляд на окно, чтобы по свету определить время: в пять часов нам предстояло встретиться в типографии с Айеном-старшим, узнать, как обстоят дела с поисками его сына, — и с сожалением скатился с меня в сторону.

— Пара часов у нас еще есть, так что можно не спешить. Одевайся, а я велю принести вина и печенья.

Подобная перспектива меня восхитила. Мне вообще казалось, что с тех пор, как я нашла Джейми, у меня пробудился волчий аппетит: есть хотелось чертовски и постоянно. Я села и начала рыться в куче разбросанной по полу одежды, ища корсет, который требовало платье с низким вырезом.

— Я ничуть не огорчен, но, пожалуй, действительно чувствую некоторую неловкость, — признался Джейми, засовывая длинные ровные пальцы ног в шелковый чулок. — Или, по крайней мере, должен бы.

— Почему так?

— Да потому, что я предаюсь здесь с тобой райским наслаждениям, запивая их вином и заедая печеньем, а бедняга Айен топчет мостовые Эдинбурга, переживая за сына.

— Ты и сам беспокоишься за юного Айена? — спросила я, занимаясь шнуровкой.

Он слегка нахмурился, натягивая второй чулок.

— Не столько беспокоюсь за него, сколько боюсь, что он может не объявиться до завтрашнего дня.

— А что произойдет завтра? — спросила я и тут же вспомнила встречу с сэром Персивалем Тернером. — О, твоя поездка на север — она ведь намечена на завтра?

Он кивнул.

— Да, в бухте Муллин намечена встреча; луна в ущербе, и ночь будет темной. Люггер из Франции с грузом вина и батиста.

— И сэр Персиваль предупреждал тебя о том, чтобы ты в этой встрече не участвовал.

— Похоже на то. Что случилось, я пока сказать не могу, выясню позже. То ли ожидается инспекционный визит какого-нибудь высокого чина из

таможенной службы, то ли он прослышал о какой-то деятельности на побережье, которая сама по себе к нам отношения не имеет, но навредить может.

Он пожал плечами и закончил с последней подвязкой.

Положив руки на колени ладонями вверх, Джейми медленно сжал их в кулаки. Левый кулак сомкнулся без промедления, крепкий, твердый, готовый к драке. С правым дело шло медленнее, а до конца так и не дошло. Средний, кривой палец не укладывался рядом с указательным, а безымянный не сгибался вовсе. Он торчал прямо, из-за чего и мизинец оставался под неловким углом к нему.

Джейми перевел взгляд с рук на меня и улыбнулся.

— Вспоминаешь ту ночь, когда ты вправляла мне руку?

— Иногда, в самые кошмарные моменты.

Ночка была из тех, что не забудешь — просто невозможно забыть. Мне удалось сбежать из тюрьмы Уэнтворт и избежать смертного приговора, но помешать Черному Джеку Рэндоллу подвергнуть Джейми пыткам и искалечить его я не успела.

Подняв его правую руку, я положила ее к себе на колено, тяжелую, теплую и неподвижную, и он не возражал, когда я ощупывала каждый палец, осторожно потягивая его, чтобы растянуть сухожилия, и сгибая, чтобы определить диапазон гибкости сочленений.

— Это была моя первая ортопедическая операция, — усмехнулась я.

— И много ты провела таких операций с тех пор? — спросил он, с любопытством глядя на меня.

— Да, несколько. Поскольку стала хирургом, только, — пришлось мне поспешно пояснить, — не в том значении, которое имеет это слово здесь, сейчас. В мое время хирурги не рвут зубы и не пускают кровь. Они ближе к тем, кого вы называете врачами или лекарями, просто врач — понятие более широкое, а хирург — это одна из особых врачебных специализаций.

— Ага, значит, ты у меня особая? — усмехнулся Джейми. — Впрочем, что удивительного, ты всегда была такой.

Искалеченные пальцы скользнули в мою ладонь, и большой палец погладил мои костяшки.

— Так что же за особый лекарь этот ваш хирург?

Я задумалась, пытаюсь сообразить, как лучше объяснить.

— Ну, если ты меня поймешь... В общем, это врач, который старается добиться лечебного эффекта... с помощью ножа.

Эта мысль заставила его скривиться.

— Надо же, какое милое противоречие. Но для тебя в самый раз,

англичаночка.

— Правда? — удивилась я.

Он кивнул, не отрывая глаз от моего лица. Я видела, как он пристально изучает меня, и гадала, что же он видит. Хотя что тут было гадать? Вспотевшая и покрасневшая после занятий любовью, с растрепанными волосами.

— Ты никогда не была прелестнее, англичаночка, — заявил Джейми, и улыбка его сделалась еще шире, а когда я подняла руку, чтобы поправить волосы, перехватил ее и нежно поцеловал. — Оставь свои кудри как есть. Так вот, — продолжил он, удерживая мои руки в своих и окидывая меня взглядом, — если как следует задуматься, то этот нож и есть твоя суть. Он вложен в ножны, прекрасные, великолепно сработанные ножны. — Его палец прогулялся по линии моих губ, спровоцировав улыбку. — Но внутри сокрыта закаленная сталь. И думаю, коварное острое лезвие.

Я удивилась:

— Коварное?

— Но не бессердечное, — заверил Джейми. Его взгляд остановился на моем лице, внимательный и любопытный, губ коснулась улыбка. — Нет, это тебе не свойственно. Но ты можешь быть безжалостно сильной, англичаночка, когда это тебе нужно.

— Могу, — подтвердила я с кривой улыбкой.

— Я замечал это в тебе и раньше. — Его голос стал тише, а хватка, наоборот, усилилась. — Но мне кажется, что теперь в тебе этого гораздо больше, чем когда мы были моложе. Тебе это часто требовалось с тех пор?

Я поняла вдруг, почему он чувствует это так отчетливо, тогда как Фрэнк не видел вообще.

— В тебе это тоже есть, — сказала я. — И тебе это требовалось. Часто.

Мои пальцы произвольно коснулись извилистого шрама, пересекавшего его средний палец. Джейми кивнул.

— Я часто размышлял, — произнес он так тихо, что я едва расслышала. — Размышлял, могу ли я призвать это лезвие себе на службу и снова безопасно убрать его в ножны, ибо мне случалось видеть многих людей, чьи души от таких призывов дубели, а сверкающая сталь превращалась в тусклое железо. И я часто задумывался, хозяин ли я своей души или стал рабом собственного клинка? Я думал об этом снова и снова, — продолжил он, глядя на наши соединенные руки, — думал о том, что слишком часто обнажал свой клинок и провел так много времени в служении раздорам и распрям, что уже не гожусь для человеческого общения.

Меня так и подмывало ляпнуть что-нибудь, но я сдержала порыв, закусив губу. От Джейми это не укрылось, и он улыбнулся.

— Я и подумать не мог, что когда-нибудь буду снова смеяться в постели с женщиной, — признался он. — Или что вообще приду к женщине, разве что как животное, ослепленное грубой потребностью.

В его голосе прозвучала нотка горечи.

Я подняла его руку и поцеловала маленький шрам на ее тыльной стороне.

— Для меня невозможно представить тебя зверем, — сказала я.

Мне хотелось, чтобы это прозвучало как шутка, но, когда он посмотрел на меня, лицо его смягчилось и ответ прозвучал серьезно:

— Я знаю это, англичаночка. И именно то, что ты не представляешь меня таким, внушает мне надежду. И все же, может быть...

Он не закончил фразу, внимательно глядя на меня.

— В тебе есть это — сила. У тебя есть это, и есть душа. Так что, может быть, будет спасена и моя.

Я не знала, что можно на это сказать, поэтому промолчала и некоторое время лишь держала его руку, нежно поглаживая скрюченные пальцы и большие, твердые костяшки. Это была рука воина. Но теперь он не был воином.

Перевернув его руку, я положила ее на свое колено ладонью вверх и медленно обвела кончиком пальца глубокие линии, вздымающиеся бугорки и крохотную букву «С»^[13] у основания большого пальца — метку, означавшую, что он мой.

— Одна моя знакомая старая особа из горной Шотландии, помнится, утверждала, что линии на ладони не предсказывают судьбу, а, напротив, отображают ее.

— И что, это правда?

Его пальцы слегка дернулись, но ладонь лежала спокойно и открыто.

— Не знаю. Она говорила, что человек рождается с одними линиями, но они меняются с ходом его жизни в зависимости от того, что он за человек и какие совершает поступки.

По правде говоря, в хиромантии я ничего не смыслила, но обратила внимание на глубокую, проходящую от запястья к середине ладони линию с несколькими ответвлениями.

— Видимо, это именно та, которую называют линией жизни, — предположила я. — Видишь, сколько развилок? Наверное, это значит, что ты много раз менял свою жизнь, принимал множество решений, многократно вставал перед выбором.

Он хмыкнул, но скорее удивленно, чем насмешливо.

— Вот оно как? Что ж, это вполне справедливо.

Джейми склонился над моим коленом и всмотрелся в свою ладонь.

— Первая развилка — это, должно быть, встреча с Джеком Рэндаллом, а вторая — с тобой. Видишь, они расположены очень близко.

— Ну да. — Я медленно провела пальцем вдоль линии, отчего его пальцы задержались, как от щекотки. — А Куллоден — та, другая?

— Может быть. — Но желания вспоминать Куллоден у него, похоже, не было, и он указал на следующую линию: — А вот это — когда я отправился в тюрьму и снова вернулся и прибыл в Эдинбург.

— И стал печатником. Но как же все-таки тебя угораздило сделаться печатником? Честное слово, понять не могу, что тебя к этому подтолкнуло.

Джейми широко улыбнулся.

— Ну, в общем-то, все произошло случайно.

Начать с того, что он просто подыскивал легальное занятие, которое могло бы послужить хорошим прикрытием для его основной деятельности — контрабанды. Провернув выгодную сделку и получив внушительную сумму наличными, Джейми решил завести собственное дело, причем такое, чтобы оно было связано с лошадьми, повозками и требовало наличия какого-нибудь, пусть скромного, помещения для временного складирования товаров. Прежде всего, разумеется, на ум приходила контора извозчиков, однако эта идея была отвергнута, поскольку не один он был такой сообразительный и перевозчики грузов находились под особо пристальным наблюдением таможни.

Точно так же пришлось отказаться и от идеи приобретения трактира или постоялого двора. Этот вариант казался привлекательным, поскольку среди большого количества поставляющихся в заведение припасов можно скрыть что угодно. Но опять же сборщики налогов и таможенники паразитировали на подобных заведениях, как блохи на собаках.

— Ну вот, а потом мне потребовалось кое-что напечатать, я зашел в типографию, и тут к ней, гроыхая, подъехал фургон, груженный коробками с бумагой да бочонками со спиртом для разведения чернильного порошка. «Да это же то, что надо!» — осенило меня. Ни одной акцизной крысе и в голову не придет сунуться в типографию!

Только после приобретения типографии в тупике Карфакс, найма Джорджи для работы с печатным станком и поступления первых заказов на объявления, памфлеты, фолио и книги ему пришло в голову, что новый род занятий открывает и иные, более широкие возможности.

— Был такой малый по имени Том Гейдж, — пояснил Джейми.

Оживленно ведя рассказ, он даже отнял у меня руку, чтобы жестикулировать, и порой по ходу воодушевленного повествования взлохмачивал себе волосы.

— Он привозил небольшие заказы на разные товары, совершенно невинные, ничего особенного, но частенько задерживался потолковать со мной и Джорджи, хотя наверняка видел, что в печатном деле я разбираюсь хуже, чем он. — Джейми криво усмехнулся. — Да, в печатном деле я не дока, но зато разбираюсь в людях.

Было очевидно, что, узнав по легкому акценту в Александре Малкольме горца, этот человек принялся осторожно выяснять его взгляды, словно между делом упоминая тех или иных знакомых, якобитские пристрастия которых обернулись для них неприятностями, выискивая ниточки, ведущие к общим знакомым, — короче говоря, всячески искал подход.

И нашел: в конечном счете печатник предложил ему привозить то, что ему нужно, дав слово, что никакие королевские соглядатаи ничего не узнают.

— И он доверился тебе?

Собственно говоря, это был не вопрос. Единственным человеком, который доверился Джейми по ошибке, был Карл Стюарт, да и то это была ошибка Джейми.

— Да.

Так началось это сотрудничество, сначала сугубо деловое, затем переросшее в дружбу. Джейми печатал все, поставлявшееся маленькой группой Гейджа, состоявшей из радикальных политических писателей: от резких, но остававшихся в рамках закона статей до листовок и памфлетов такого содержания, что для авторов это было чревато тюрьмой, а то и виселицей.

— Обычно, отпечатав тираж, мы шли обмыть это событие в таверну. Я познакомился с несколькими друзьями Тома, и в конце концов Том предложил мне написать небольшую статейку. Ничего, кроме смеха, это у меня не вызвало. Я сказал, что с моим-то почерком, прежде чем мне удастся накорябать этот опус, все мы умрем, причем от старости, а не потому, что будем повешены. Во время разговора я стоял у станка и машинально, не думая, делал набор левой рукой. Том уставился на меня и, указав на наборную доску и мою руку, зашелся от смеха, причем хохотал так, что в конце концов сел на пол.

Джейми вытянул руки перед собой, бесстрастно их рассматривая. Он сжал одну кисть в кулак и медленно поднес его к лицу, так что под рукавом

рубашки вздулись мускулы.

— Я достаточно здоров, — сказал он. — И если повезет, пробуду таковым еще долго — но не вечно, англичаночка. Мне много раз доводилось орудовать палашом и кинжалом, но для каждого воина приходит день, когда силы его покидают.

Джейми покачал головой и потянулся к валявшемуся на полу камзолу.

— Это я взял в тот день на память о Томасе Гейдже.

Он вложил в мою руку предметы, которые вынул из кармана, — прохладные, твердые на ощупь, маленькие продолговатые свинцовые литеры. Мне не было нужды ощупывать кончики, чтобы понять, что это за буквы.

— Q.E.D, — произнесла я.

— Англичане забрали у меня палаш и кинжал, — тихо сказал он и дотронулся пальцем до кусочков свинца, лежавших на моей ладони. — Но Том Гейдж дал мне иное оружие, и я думаю, что не сложу его до смертного часа.

Без четверти пять мы, пребывая в превосходном настроении после нескольких порций переперченной устричной похлебки и распитой на двоих в перерывах между актами «тесного общения» бутылки доброго вина, рука об руку спускались по мостовой Королевской. Мили.

Город вокруг нас светился, как будто разделяя наше счастье. Эдинбург окутывала дымка, которой предстояло пролиться дождем, но сейчас лучи заходящего солнца окрашивали облака золотым, розовым и красным, а влажная патина на мостовой блестела так, что даже серые камни зданий смягчались и струились отраженным светом, вторя свечению, разогревавшему мои щеки и сиявшему в глазах Джейми, когда он смотрел на меня.

Мы пребывали в эйфории и были так поглощены друг другом, что прошло несколько минут, прежде чем я почувствовала: что-то неладно. Сначала шедший позади человек, видимо раздраженный нашими шатаниями из стороны в сторону, резко обогнул нас, но, оказавшись передо мной, столь же резко остановился. Я чуть не налетела на него, поскользнулась, и у меня слетела туфля.

Он вскинул голову, уставился на небо и устремился вперед чуть ли не бегом.

— Что это с ним? — удивилась я и наклонилась, чтобы надеть туфлю.

Неожиданно я заметила, что все прохожие вокруг нас остановились, тоже подняли глаза, а потом побежали вдоль по улице.

— Как ты думаешь... — начала я, но, обернувшись к Джейми,

обнаружила, что он напряженно смотрит вверх.

Я тоже подняла глаза, и мне не потребовалось много времени, чтобы сообразить: красное зарево на облаках интенсивнее, чем это свойственно закату, для которого к тому же вовсе не характерны всполохи.

— Пожар, — сказал Джейми. — Господи, по-моему, в нашей стороне.

В этот самый миг кто-то заорал: «Пожар!» — и вся толпа на улице бегом устремилась вперед, словно стая обезумевших леммингов, стремящихся броситься в костер.

Лишь несколько более здравомыслящих горожан тоже с криками «Пожар!» помчались в обратном направлении, видимо чтобы поставить в известность ту городскую службу, которая исполняла здесь роль пожарного департамента.

Джейми тоже бросился вперед, таща меня за руку, а поскольку туфельку я надеть не успела, то некоторое время мне пришлось прыгать на одной ноге. Долго так продолжаться не могло, и, чтобы не останавливаться, я скинула и вторую и побежала дальше, скользя и ударяясь пальцами о мокрые, холодные камни мостовой.

Пожар бушевал не просто в нашей стороне, но в самом тупике Карфакс. Устье этого тупика было запружено возбужденными зеваками, толкавшимися и вытягивавшими шею в попытке что-нибудь разглядеть и без конца задававшими друг другу бессвязные вопросы. Из прохода со стороны тупика тянуло жаром.

Джейми, не колеблясь, ринулся в толпу, силой прокладывая путь. Стараясь не отставать, я проталкивалась следом, орудуя локтями и не видя перед собой ничего, кроме его широкой спины.

Мы выбрались из толчеи, и я увидела, как плотные клубы серого дыма выкатываются из обоих нижних окон типографии. А над всем этим поднимался, перекрывая людские голоса, шум пламени, будто разговаривающего с самим собой.

С отчаянным криком «Мой станок!» Джейми бросился к дому и пинком распахнул дверь. Облако дыма вырвалось из открытого входа и поглотило его, как голодный зверь. Встречная волна дыма заставила Джейми пошатнуться, он опустился на колени и на четвереньках стал пробираться внутрь.

Вдохновившись его примером, несколько человек из толпы побежали по ступенькам печатной мастерской и тоже исчезли в наполненном дымом строении. Жар был настолько интенсивным, что поднятый им ветер трепал юбку вокруг моих ног, а о том, как его могут выносить находящиеся внутри люди, страшно было и подумать.

Позади снова раздались крики: прибыла городская стража. Пожар, похоже, был этим людям не в диковину. Они мигом сбросили с себя красные, как вино, мундиры и устремились в атаку на огонь: разбили окна и начали выплескивать туда воду из ведер. Тем временем прибывала и толпа: к зевакам присоединились жители верхних этажей соседних домов, опасавшиеся, что огонь перекинется на их жилища, и выводившие от греха подальше на улицу своих возбужденных детишек.

Ребята с ведрами, спору нет, вели себя храбро и действовали энергично, но в их успех мне верилось слабо. Я как раз металась взад-вперед по тротуару, пытаюсь разглядеть, что творится внутри, когда в окно, едва не пришибив одного из пожарной команды, вылетел лоток со свинцовым типографским шрифтом. Он грохнулся на камни, литеры разлетелись, и какие-то мальчишки мигом бросились к ним, чтобы набить карманы, но их отогнали возмущенные соседи. Одна пухленькая особа в фартуке совершила рискованный бросок к тяжеленному лотку и оттащила к обочине, где присела над ним, словно наседка над кладкой. Правда, прежде чем ее спутники успели собрать рассыпавшийся шрифт, им пришлось отступить назад под градом предметов, которые посыпались из обоих окон: летело всевозможное типографское оборудование, включая емкости с краской, иные из которых разбивались о камни, оставляя кляксы, сливавшиеся с лужами воды.

Вдохновленный сквозняком из распахнутых окон и двери, голос огня перешел от трескучего шепота к удовлетворенному реву. Из-за того что невозможно было лить воду через окна, потому что из них выкидывали всякие предметы, предводитель городской стражи крикнул что-то своим людям и, прикрыв нос намоченным в воде носовым платком, пригнулся и вбежал в здание. С полдюжины подчиненных последовали за ним.

Остальные борцы с огнем сменили тактику: теперь ведра с водой быстро передавались по цепочке от ближайшей колонки с ручным насосом, а пустые просто скатывались к ней вниз по склону. Эдинбург выстроен в основном из камня, но большинство домов здесь расположено впритык, причем в каждом множество каминов и дымоходов. В такой ситуации пожары, надо полагать, вряд ли являлись редким явлением.

Подтверждением тому послужил снова поднявшийся шум. Толпа, как Красное море перед народом Моисея, расступалась, давая дорогу пожарной машине, которую тащили не лошади, а взявшиеся за постромки люди — громоздкая бочка с конской упряжкой не смогла бы маневрировать в извилистых, узких улочках. Чудо пожарной техники восемнадцатого века сверкало полированными латунными боками, отражая всполохи пламени.

Жар между тем становился все сильнее. Даже мне на расстоянии было трудно вдыхать горячий воздух, так что же говорить о Джейми. Сколько еще продержится он в этом аду, не угорев от дыма и не угодив под обрушение кровли?

— Иисус, Мария и Иосиф!

Неожиданно рядом со мной появился Айен, ухитрившийся протиснуться сквозь толпу, невзирая на деревянную ногу. Он схватился за мою руку, чтобы сохранить равновесие, когда очередной град предметов вынудил людей вокруг нас отшатнуться.

— Где Джейми? — прокричал Айен мне в ухо.

— Внутри! — прокричала я ему в ответ.

У двери печатной мастерской вдруг возникли суматоха и возня, сопровождавшиеся криками, заглушившими на время рев пламени. Сначала под клубящимся шатром валившего из двери дыма были видны лишь тяжело ступающие ноги, но потом на виду оказались шестеро мужчин — Джейми в их числе, — с трудом тащившие тяжеленную махину печатного пресса. Опустив свою ношу перед входом, они развернулись и снова бросились в горящее здание.

Однако походило на то, что дальнейшие действия были уже бесполезны: изнутри донесся грохот, и все окна верхнего этажа внезапно осветились пляшущими языками пламени. Люди, находившиеся внутри, начали покидать здание: почерневшие от сажи, они выходили, шатаясь, задыхаясь и кашляя, а иные и вовсе выбирались на четвереньках. Команда из всех сил налегала на помпу латунной бочки, но хотя вода била из шланга мощной струей, на огонь это не производило ни малейшего впечатления.

Рука Айена стиснула мою, словно челюсти капкана.

— Айен! — неожиданно заорал он так громко, что перекрыл и рев пожара, и гомон толпы.

Я проследила за его взглядом и увидела в окне второго этажа почти призрачную фигуру: вроде бы человек ухватился за оконный переплет, но потом пропал из виду. То ли упал, то ли его заволокло дымом.

Душа моя ушла в пятки. Конечно, никакой уверенности в том, что это именно юный Айен, не было и быть не могло... Но вдруг? Айен-старший не стал тратить времени на догадки, а рванул к горящему зданию со всей быстротой, на какую был способен со своей деревянной ногой.

— Постой! — крикнула я и побежала за ним вслед. Джейми опирался на печатный станок, грудь его вздымалась: еще не отдышавшись, он благодарил своих помощников. — Джейми!

Я схватила его за рукав, бесцеремонно оторвав от краснолицего цирюльника, который возбужденно вытирал измазанные в саже руки о свой фартук, оставляя длинные черные полосы среди подтеков засохшего мыла и капель крови.

— Там, наверху! — крикнула я, указывая рукой. — Там Айен-младший!

Джейми отступил назад, вытирая рукавом закопченное лицо, и растерянно уставился на верхние окна. Ничего, кроме дыма да языков бьющегося о стекло пламени, видно не было.

Здравомыслящие люди в толпе попытались удержать Айена-старшего, но он оттолкнул их. Напрасно капитан стражи зывал к его разуму, указывая, что лестница уже обрушилась, а следом может рухнуть и крыша.

Даром что худощавый да хромой, Айен был жилистым малым, закаленным жизнью в горах, да и отцовское отчаяние придавало ему сил, так что, несмотря на численное преимущество стражников — в основном отставных солдат, — он дюйм за дюймом продвигался вперед, навстречу огненному зеву двери, вовлекая в это движение других.

Джейми сделал глубокий вдох, вобрав в опаленные легкие как можно больше воздуха, и тоже взбежал по ступенькам, обхватил Айена за пояс и стал оттаскивать назад.

— Назад, приятель! — прохрипел он. — Ни черта у тебя не выйдет: лестница-то уже обрушилась.

Он огляделся по сторонам, увидел меня и резко отшвырнул Айена назад так, что тот угодил в мои объятия.

— Попридержи старого, пока я добираюсь до малого.

С этими словами он повернулся и устремился вверх по ступенькам соседнего здания, прокладывая себе путь через толпу завсегдатаев шоколадной лавки цокольного этажа, возбужденно высыпавших на мостовую прямо с оловянными кружками в руках.

По примеру Джейми я крепко обхватила Айена за пояс и не выпускала, пока он дергался, порываясь последовать за Джейми. Правда, потом Айен перестал вырываться и обмяк, лишь сердце его бешено колотилось прямо под моей щекой.

— Не переживай, — прошептала я, даже не зная, слышит ли он. — Джейми справится, он его вытащит. Вот увидишь, обязательно вытащит.

Айен молчал, может, и вправду меня не слышал, и лишь хрипло, тяжело дышал. Когда я убрала руки с его пояса, он остался на месте и даже не шелохнулся, но стоило мне встать рядом, он схватился за мою руку и крепко сжал ее. Признаться, до боли, но я и не подумала отнимать ее.

По прошествии не более чем минуты окно над шоколадной лавкой раскрылось и оттуда появились голова и плечи Джейми; рыжие волосы светились, словно отбившийся от основного огня язычок пламени. Он выбрался на подоконник, присел на корточки и осторожно повернулся, пока не оказался лицом к зданию.

Приподнявшись на цыпочки, Джейми ухватился за водосточный желоб, шедший вдоль края крыши, и стал подтягиваться на руках, одновременно ища пальцами ног опору в щелях между скрепленными раствором камнями фасада. Наконец, издав надсадный звук, который был слышен даже внизу, он перевалился через край крыши и пропал за скатом.

Человек не столь высокого роста ни за что не смог бы проделать это, как, конечно же, не смог бы и Айен с его деревянной ногой. Айен, к слову, бубнил что-то себе под нос, наверное, молитву, — понять было невозможно, потому что челюсти его были сведены, а лицо напряжено от страха.

— За каким чертом его понесло наверх? — подумала я, не осознавая, что произнесла это вслух, пока стоявший рядом со мной цирюльник, прикрывая ладонью глаза, не ответил:

— Так ведь на крыше типографии есть люк, мэм. Будьте уверены, мистер Малкольм хочет забраться с крыши на верхний этаж. Там ведь вроде бы кто-то остался, никак его подмастерье.

— Нет! — отрезал Айен, услышав его слова. — Там мой сын!

Цирюльник под хмурым взглядом Айена отпрянул и неловко пробормотал извинения, но тут толпа взревела. На крыше появились две человеческие фигуры, и Айен, выпустив мою руку, рванулся вперед.

Джейми поддерживал рукой юного Айена, сложившегося чуть ли не пополам и шатавшегося от удушливого дыма, но и сам еле плелся. Было очевидно, что ни тому ни другому самостоятельно с крыши не спуститься.

Но тут Джейми углядел в толпе Айена-старшего, сложил руки рупором и громко крикнул:

— Веревку!

Слава богу, веревка оказалась под рукой: городская стража была снабжена всем необходимым. Один из стражников достал моток, но Айен тут же выхватил его и, оставив этого достойного человека растерянно моргать, повернулся лицом к дому.

При виде своего зятя Джейми ухмыльнулся, сверкнув на фоне закопченной физиономии белыми зубами, а Айен ухмыльнулся в ответ. И то сказать: сколько раз эти двое бросали друг другу веревку, когда появлялась надобность что-то поднять или спустить с высоты.

Толпа подалась назад, когда Айен широко размахнулся. Тяжелый моток взлетел по плавной параболе, разматываясь на лету, и угодил в подставленную руку Джейми с точностью шмеля, садящегося на цветок. Джейми подтянул болтающийся хвост и на миг исчез, чтобы обвязать веревку вокруг основания дымовой трубы.

Далее все было сделано быстро: две закопченные фигуры благополучно приземлились на мостовую. Юный Айен с веревкой, обхватывающей грудь и пропущенной под мышками, мгновение стоял прямо, но, как оказалось, лишь потому, что его удерживало натяжение веревки. Едва оно ослабло, как колени его подкосились и он осел на мостовую.

— Ты в порядке? Скажи что-нибудь!

Отец упал на колени рядом с сыном, судорожно пытаясь развязать веревку на его груди и одновременно приподнять лежавшую на камнях голову.

Джейми опирался о перила шоколадной лавки, отчаянно кашляя и отхаркиваясь, с черным от копоти лицом, но целый и невредимый. Я села по другую сторону от Айена-младшего и положила его голову себе на колени, не зная, плакать мне при виде этого бедолаги или смеяться.

Во время утреннего визита он показался мне пусть не красавцем, но милостивым парнишкой, отчасти унаследовавшим привлекательность своего отца. Теперь волосы с одной стороны головы превратились в опаленную щетину, а кожа под черными разводами сажи была розовой, как у молочного поросенка, только что снятого с вертела.

Я нащупала на тонкой шее пульс, оказавшийся, к моему облегчению, ровным. Дыхание мальчика было хриплым и прерывистым, но этому не приходилось удивляться: оставалось только надеяться, что у него не обожжены легкие. Бедняга заходился в затаенном кашле, его худощавое тело сотрясало у меня на коленях.

— С ним все в порядке?

Айен непроизвольно подхватил сына и перевел в сидячее положение, но голова парнишки бессильно болталась туда-сюда, и спустя миг он повалился мне на руки.

— Думаю, да, но пока трудно сказать с уверенностью.

Парнишку продолжал мучить кашель, и он еще не вполне пришел в себя. Я прижимала его к себе, баюкая, будто огромного младенца, и поглаживала его содрогавшуюся спину.

— Он в порядке? — спросил Джейми, присевший на корточки рядом со мной.

Наглотавшись дыма, он так охрип, что я с трудом узнала его голос.

— Надеюсь, что да. А как ты? У тебя вид, как у Малкольма Экс^[14], — сказала я, всматриваясь в него поверх обмякшего плеча юного Айена.

— Правда? — Он с удивленным видом приложил руку к своему лицу и успокаивающе улыбнулся. — Не могу сказать, как я выгляжу, но пока что я никакой не экс–Малкольм, а вполне нынешний, всего лишь малость опаленный по краям.

— Назад, назад! — Ко мне подскочил капитан стражи со взъерошенной седой бородой и дернул меня за рукав. — Отойдите, мэм, крыша вот–вот рухнет!

Так оно и случилось; пока мы пробирались к безопасному месту, крыша печатной мастерской упала и наблюдавшая толпа ахнула, когда на фоне темневшего неба ярким фейерверком взметнулся огромный фонтан искр.

И, словно обидевшись на этот вызов, небеса ответили на выброс жара и пепла дробью дождя, тяжело забарабанившего по крышам и камням мостовой. Жители Эдинбурга заголосили и, как напуганные тараканы, стали разбегаться по окрестным зданиям, предоставив природной стихии завершить работу, с которой не справилась пожарная бочка.

Мы с Айеном–старшим и его сыном дожидались Джейми. Щедро раздав деньги страже и другим помощникам и договорившись о том, чтобы его станок, а также все спасенные инструменты и материалы временно поместили в сарай, принадлежавший цирюльнику, Джейми устало побрел к нам.

— Как малый? — спросил он, вытирая рукой лицо.

Дождь усилился, и воздействие его струй на вымазанную сажей физиономию привело к весьма живописным результатам. Когда Айен взглянул на Джейми, то страх, тревога и гнев на его лице несколько потеснились, дав место кривой усмешке.

— Он выглядит немногим лучше, чем ты сам, приятель. Но, думаю, справится. Помогите нам.

Бормоча по–гэльски ласковые слова, больше подходящие для младенцев, Айен склонился над сыном, который сидел на каменном бордюре, раскачиваясь туда–сюда, как цапля на сильном ветру.

К тому времени, когда мы добрались до заведения мадам Жанны, Айен–младший уже самостоятельно переставлял ноги, хотя идти мог, лишь тяжело опираясь на отца с одной стороны и дядюшку — с другой. Бруно, распахнув дверь, вытаращил глаза и покатился со смеху.

По правде сказать, было от чего. Мы с Джейми оба босые, насквозь

промокшие, а он вдобавок закопченный и в драной, обгоревшей одежде. Айен—старший с темными мокрыми волосами, лезшими ему в глаза, был похож на крысу—утопленницу с деревянной ногой.

Правда, в центре внимания оказался Айен—младший. С опаленной шевелюрой, опухшим красным лицом, похожим на клюв носом и моргающими глазами без ресниц он весьма смахивал на птенца какой-то экзотической птицы — может быть, только что вылупившегося фламинго. Лицу его краснеть было уже некуда, но вот задняя часть шеи побагровела, поскольку бедняге пришлось шествовать по дому в сопровождении заливистого смеха высыпавших из своих комнат девиц.

Наконец мы благополучно добрались до маленькой комнатки наверху, и едва дверь за нами затворилась, как Айен—старший сурово воззрился на своего незадачливого отпрыска.

— Значит, жить будешь, негодник? — требовательно спросил он.

— Да, сэр, — прохрипел бедолага, хотя, судя по его виду, можно было ожидать и отрицательный ответ.

— Хорошо, — хмуро сказал его отец. — Хочешь объясниться, или мне просто отходить тебя ремнем сейчас и не тратить наше с тобой время попусту?

— Ну не можешь же ты вот так взять и выдрать ремнем человека, у которого только что выгорели брови, Айен, — хрипло заметил Джейми, налив из стоявшего на столе графина стакан портера. — Это было бы не гуманно.

Он ухмыльнулся племяннику и вручил ему стакан. Парнишка жадно принялся пить.

— Ну ладно. Может, и не стоит, — согласился Айен, оглядев сына. Уголок его рта невольно дернулся: больно уж жалкое зрелище являл собой парнишка. И чрезвычайно потешное. — Но имей в виду, это не значит, что тебе не достанется по заднице потом, — предупредил он, — и это помимо того, что захочет сделать с тобой твоя мать, когда увидит твою физиономию. Ну а пока, парень, можешь расслабиться.

Не особо полагаясь на это великодушное высказывание, юноша промолчал, разумно ища прибежища в стакане с портером.

Я и сама выпила с удовольствием. Теперь мне стало понятно, почему жители Эдинбурга бросились врассыпную, едва пошел дождь. Попробуй—ка, промокнув до нитки, обсушиться в сыром каменном доме, не имея смены одежды и никакого источника тепла, кроме маленького очага.

Оттягивая липнувший к груди мокрый корсаж, я поймала заинтересованный взгляд Айена—младшего и с сожалением поняла, что,

пока мальчишка в комнате, снять его мне не придется. Джейми, похоже, уже изрядно разбаловал мальчика. Оставалось прибегнуть к последнему средству, и я залпом допила портер, ощущая разливающееся внутри тепло.

— Ну что, парень, чувствуешь себя достаточно хорошо, чтобы поговорить?

Джейми уселся рядом с Айеном на подушечку напротив племянника.

— Да, пожалуй, — осторожно прохрипел парнишка, прокашлялся, как лягушка-бык, и повторил более решительно: — Да, я могу.

— Хорошо. Так вот. Во-первых, как ты оказался в печатной мастерской? И во-вторых, как вышло, что там случился пожар?

Юноша помолчал, сделал очередной глоток портера для храбрости и сказал:

— Это я его устроил.

Джейми и Айен выпрямились, ошеломленные его признанием. Джейми, по-видимому, усомнился в правильности своего утверждения относительно нецелесообразности порки юнцов со сгоревшими бровями, но с явным усилием взял себя в руки и просто спросил:

— Зачем?

Мальчик сделал еще глоток портера, закашлялся, снова приложился к стакану, очевидно подыскивая слова.

— Ну, — неуверенно произнес он, — там был человек...

И замолчал.

— Человек, — терпеливо подсказал Джейми, когда его племянник выказал признаки неожиданно наступившей глухоты и немоты. — Какой человек?

Юный Айен с глубоко несчастным видом сжал бокал в ладонях.

— Отвечай своему дяде сию же минуту, щенок! — рявкнул его отец. — Иначе я наплюю на все и всыплю тебе прямо сейчас!

Вот так, чередуя угрозы с подсказками, эти двое выжали-таки из парнишки более или менее связный рассказ.

В то утро Айен-младший, как и было велено, явился в трактир для встречи с Уолли, который должен был появиться там после того, как примет подводу с бренди и загрузит на другую ложную приманку — бочки с прокисшим вином.

— Велено? — перебил Айен сына. — Кто велел тебе?

— Я, — сказал Джейми, прежде чем юноша успел что-то вымолвить, и поднял руку, призывая зятя к молчанию. — Айен, если хочешь, мы это с тобой обсудим, но попозже. Сейчас для нас важнее узнать, что произошло сегодня.

Айен нахмурился и уже открыл рот, чтобы возразить, но передумал и кивком велел сыну продолжать.

— В общем, я был голоден, — сказал парнишка, потупившись.

— А когда ты не голоден? — произнесли его отец и дядя в один голос.

Они переглянулись, фыркнули от смеха, и напряженная атмосфера в комнате слегка разрядилась.

— Значит, ты пошел в таверну, чтобы перекусить, — сказал Джейми. — Все правильно, малый, в этом нет ничего плохого. И что случилось, когда ты там был?

Именно там, как выяснилось, он и увидел того человека. Маленький, похожий на крысу тип с косичкой моряка и слепой на один глаз. Он разговаривал с трактирщиком.

— Он спрашивал о тебе, дядя Джейми, — продолжил юноша, чей рассказ по мере поступления в организм портера становился все спокойнее. — Называл твоё настоящее имя.

Джейми удивленно вскинулся.

— Джейми Фрэзер, ты хочешь сказать?

Юный Айен кивнул, потягивая портер.

— Ага. Но он знал и другое твоё имя — Джейми Рой, я имею в виду.

— Джейми Рой?

Айен вперил в зятя недоумевающий взгляд, и тот с досадой пожал плечами.

— Под этим именем меня знают на пристани. Господи, Айен, ты ведь знаешь, чем я занимаюсь!

— Ну знаю, но я не думал, что ты впутал в свои делишки мальчика! — возмущенно сказал Айен и снова переключился на сына: — Продолжай, парень. Я больше не буду тебя перебивать.

Моряк спросил хозяина таверны, как бы старому морскому волку, оказавшемуся на мели и подыскивающему себе работу, найти некоего Джейми Фрэзера, который, по слухам, имеет нужду в способных людях. Когда хозяин сделал вид, что не знает этого имени, моряк наклонился поближе, толкнул монету через стол и, понизив голос, спросил, не знакомо ли ему в таком случае имя Джейми Рой.

Хозяин притворился, будто глух, как змея, и моряк вскоре покинул трактир, но Айен-младший увязался за ним следом.

— Я подумал, что, может быть, не помешает узнать, кто он такой и что замышляет, — объяснил он, моргая.

— Тебе следовало бы оставить у трактирщика сообщение для Уолли, — сказал Джейми. — Впрочем, что сделано, то сделано. И куда этот тип

отправился?

«Тип» зашагал по дороге весьма резвым шагом, но не настолько быстро, чтобы здоровый юноша не мог следовать за ним на безопасном расстоянии. Отличный ходок, моряк покрыл расстояние в пять миль до Эдинбурга менее чем за час и прибыл в таверну «Зеленая сова». Юный Айен следовал за ним. От этой гонки у него в горле пересохло.

Услышав знакомое название, я встрепелась, но промолчала, не желая прерывать рассказ.

— Там было полно народу, — сообщил парнишка. — Утром что-то случилось, и все об этом говорили, но всякий раз затыкались, когда видели меня. В общем, там было то же самое.

Он прервал рассказ, чтобы прокашляться и прочистить горло.

— Моряк заказал выпивку — бренди, потом спросил хозяина, не знаком ли он с поставщиком бренди по имени Джейми Рой или Джейми Фрэзер.

— Так и спросил? — уточнил Джейми.

Он внимательно смотрел на племянника, но я видела, что в его голове идет напряженная мыслительная работа, отчего на лбу между густыми бровями залегла маленькая морщинка.

Человек методично обходил таверны одну за другой, повсюду сопровождаемый своей «тенью», и в каждом заведении заказывал бренди и повторял свой вопрос.

— Должно быть, у него на редкость крепкая голова, раз он пил так много, причем не пьянея, — заметил Айен.

Сын покачал головой.

— Да ничего он не пил, только прикидывался.

Его отец поцокал языком, потрясенный таким возмутительным переводом добра, но рыжие брови Джейми поднялись еще выше.

— А пригубливал ли он хоть раз? — резко спросил он.

— Ага. В «Собаке и ружье» и еще в «Синем кабане». Но именно что только пригубливал и всегда уходил, не допив. В других местах он не пил вообще, а мы заходили в пять заведений, прежде чем...

Он не закончил фразы и отпил еще.

Лицо Джейми претерпело поразительную трансформацию. Выражение хмурого недоумения сменилось полнейшей растерянностью, но вскоре озарилось пониманием.

— Вот оно что, — тихо пробормотал он. — Ну да...

Его внимание вернулось к племяннику.

— И что случилось потом, а, малый?

Юный Айен снова понурился и сглотнул так тяжело, что было видно, как ком прокатился вниз по его длинной тонкой шее.

— В общем, от Керса до Эдинбурга не ближний свет, и, когда столько топаешь, в горле пересыхает...

Его отец и дядя обменялись понимающими взглядами.

— Ты выпил слишком много, — констатировал Джейми.

— Откуда же было мне знать, что он собирался обойти столько таверн, верно? — воскликнул парнишка, пытаясь оправдаться, и его уши порозовели.

— Ну конечно, парень, — добродушно сказал Джейми, не желая переходить к обвинениям. — И на сколько тебя хватило?

Как выяснилось, хватило его примерно до середины Королевской Мили, где Айен-младший под совокупным воздействием раннего пробуждения, усталости от пятимильной пешей прогулки и примерно двух кварт эля задремал в уголке, а проснувшись примерно час спустя, обнаружил, что объект его преследования исчез.

— Поэтому я пришел сюда, — объяснил он, — Я подумал, что дядя Джейми должен узнать об этом. Но его здесь не было.

Мальчик взглянул на меня, и его уши порозовели еще больше.

— А почему ты решил, что он должен быть здесь?

Айен-старший одарил своего отпрыска убийственным взглядом, а потом перевел его на зятя. Гнев, закипавший в нем с утра, но до сего момента остававшийся под контролем, прорвался.

— Ты — грязный распутник, Джейми Фрэзер, раз у тебя хватило наглости привести моего сына в вертеп греха!

— Не тебе это говорить, папа!

Малец вскочил на ноги и, хотя его немного шатало, выпрямился и решительно сжал вытянутые по бокам руки в костистые кулаки.

— Не мне? Что ты этим хочешь сказать, щенок? — воскликнул Айен, и глаза его расширились от ярости.

— Я хочу сказать, что ты чертов лицемер! — хрипло выкрикнул его сын. — Читаешь нам с Майклом проповеди о чистоте и сохранении верности одной женщине, а сам все время тайком шастаешь по городу, выискивая шлюх!

— Что?!

Лицо Айена побагровело. Я с тревогой посмотрела на Джейми, который, похоже, находил в этой ситуации что-то забавное.

— Ты — чертов лицемер!

Юный Айен торжествующе выпалил это обвинение, ненадолго умолк,

словно стараясь придумать еще одно, но когда снова открыл рот, дело ограничилось отрыжкой.

— Мальчик изрядно пьян, — сказала я Джейми.

Он взял графин с портером, посмотрел, сколько там осталось, и поставил графин на место.

— Ты права, — сказал он. — Я заметил бы раньше, если бы не его плачевное состояние.

Старший Айен пьян не был, но выглядел так же, как сын: багровая физиономия, выпученные глаза и напряженные мускулы шеи.

— Какого хрена ты хочешь этим сказать, щенок? — взревел он и угрожающе двинулся к своему отпрыску, который попятился и, наткнувшись на кушетку, неожиданно на нее шлепнулся.

— Вот что! — выкрикнул парнишка и, чтобы не оставалось сомнений, ткнул пальцем в мою сторону. — Ты обманывал мою мать с этой вонючей шлюхой!

Айен отвесил сыну затрещину, отчего тот растянулся на кровати.

— Ну ты и болван! — возмутился отец. — Да как у тебя язык повернулся сказать такое о твоей тетушке Клэр, не говоря уже обо мне и твоей матери!

— Тетушке?

Юный Айен уставился на меня с подушек, разинув рот, и стал похож на птенца, просящего еды. Я не выдержала и расхохоталась.

— Ты ушел раньше, чем я успела тебе представиться сегодня утром, — сказала я.

— Но ты же умерла, — ляпнул он.

— Пока нет, — заверила я его. — И еще поживу, если не подхвачу горячку, оттого что сижу здесь в мокром платье.

Мальчик уставился на меня округлившимися глазами, в которых промелькнуло восхищение.

— Старухи в Лаллиброхе поговаривали, будто ты ведьма, Белая Дама, а может быть, даже фея. Когда дядя Джейми вернулся домой после Куллодена без тебя, пошли слухи, что, возможно, ты вернулась обратно к феям, откуда и явилась. Это правда? Ты живешь в сумраке?

Мы с Джейми переглянулись, и он закатил глаза к потолку.

— Нет, — сказала я. — Я... э-э... я...

— После Куллодена она сбежала во Францию, — неожиданно и весьма уверенно заявил Айен. — Она думала, что твой дядя Джейми убит в сражении, поэтому и уехала к своим родственникам во Францию. А поскольку принадлежала к числу близких друзей принца, то не могла

вернуться в Шотландию, не подвергая себя серьезной опасности. Но как только она узнала, что ее муж вовсе не умер, она тут же села на корабль и приехала, чтобы найти его.

Айена–младшего отвисла челюсть. У меня тоже.

— Д–да, — подтвердила я, опомнившись. — Именно так все и было.

Парнишка переводил большие сияющие глаза с меня на дядю.

— Значит, ты вернулась к нему! — счастливо воскликнул он. — Господи, как это романтично!

Обстановка несколько разрядилась. Правда, Айен–старший еще хмурился, но и его взгляд смягчился, когда он посмотрел на нас с Джейми.

— Ну да, — проворчал он со скупой улыбкой. — Наверное, так оно и есть.

— Я–то думал, что такого рода помощь мне придется оказывать ему только годика через два–три, — заметил Джейми, опытной рукой держа голову племянника, в то время как тот мучительно отрывал в плевательницу, которую держала я.

— Да чего уж там, он всегда норовил забежать вперед, — махнул рукой Айен–старший. — Научился ходить раньше, чем стоять, и вечно совался в огонь, котлы с кипятком, свинарники да коровники.

Он погладил тощую спину.

— Потерпи, малец. Еще немного — и обессиленного парнишку уложили на кушетку, где он должен был под строгим приглядом дяди и отца приходить в себя от воздействия дыма, эмоций и слишком большого количества портера. — И где, спрашивается, этот чертов чай, за которым я посылал?

Джейми раздраженно потянулся к колокольчику, но я остановила его. Можно было предположить, что после утреннего переполоха внутренний распорядок борделя еще не восстановился.

— Не трудись, — сказала я. — Я спущусь, заодно и чай принесу.

Взяв плевательницу и держа ее перед собой на расстоянии вытянутой руки, я вышла, слыша позади увещевания Айена–старшего:

— Послушай, дурачок...

Найти дорогу на кухню и получить все, что требовалось, удалось без труда. Я надеялась, что Джейми и Айен дадут парнишке несколько минут передышки. И он отдохнет, и я не пропущу ничего из его рассказа.

Но видимо, что–то важное все–таки прозвучало в мое отсутствие, потому что, когда я вернулась, в маленькой комнатке снова повисло облачко напряженности и Айен–младший, подняв глаза, быстро отвел их в сторону, чтобы избежать моего взгляда. Джейми пребывал в своем обычном

невозмутимом состоянии, но Айен–старший выглядел почти таким же смущенным и огорченным, как и его сын. Он поспешил мне навстречу, забрал у меня поднос, бормоча слова благодарности, но тоже явно не хотел встречаться со мной взглядом. Я взглянула на Джейми, вопросительно подняв бровь, а он слегка улыбнулся и пожал плечами. Я ответила тем же и взяла с подноса одну из мисок.

— Хлеб и молоко, — объявила я, и Айен–младший заметно повеселел. — Горячий чай. — Я вручила чайник его отцу. — Виски, — сказала я, дав бутылку Джейми. — И холодный чай для примочек от ожогов.

Я подняла крышку с последней миски, в которой в холодном чае намокали салфетки.

— Холодный чай? — Джейми поднял рыжие брови. — Неужели у поварихи не было масла?

— Смазывать ожоги маслом бесполезно, — последовало мое компетентное объяснение. — Для этого хорош сок алоэ или подорожника, но у поварихи ничего подобного не нашлось. Холодный чай — это лучшее средство, которое у нас есть под рукой.

Я сделала примочки для покрытых волдырями рук и плеч Айена и осторожно промокнула его багровое лицо намоченными в холодной заварке салфетками, в то время как Джейми и Айен–старший наслаждались горячим чаем и виски. Наконец все утряслось и можно было дослушать рассказ парнишки.

— Так вот, — начал он, — я немножко побродил по городу, пытался придумать, что лучше всего предпринять. И наконец, когда в голове слегка прояснилось, я рассудил, что если человек, за которым я следил, обходил трактиры в нижней части главной улицы, то, поднявшись наверх, я, может быть, отыщу его следы.

— Это была удачная мысль, — сказал Джейми, и Айен тоже кивнул с одобрением; его лицо немного просветлело.

— Ты нашел его?

Юный Айен кивнул и отхлебнул молока.

— Нашел.

Ему пришлось пройти по Королевской Миле почти до самого дворца Холируд, всюду справляясь о человеке с косичкой, но тщетно. У Пушечных ворот мальчик совсем было отчаялся, но тут неожиданно наткнулся на подозрительного коротышку в распивочной холирудской пивоварни.

Очевидно, сюда моряк зашел не за сведениями, а передохнуть, поскольку сидел, непринужденно потягивая пиво. Юный Айен шмыгнул за коновязь во дворе и притаился там. Объект его наблюдения заплатил по

счета и неторопливо отправился дальше.

— Больше по трактирам он не ходил, — сообщил Айен-младший, вытирая упавшую с подбородка каплю молока. — Он двинулся прямо к тупику Карфакс, к печатной мастерской.

Джейми пробормотал что-то по-гэльски себе под нос.

— Вот как? И что потом?

— Ну, он, конечно, увидел, что мастерская закрыта: дверь была на замке. Он посмотрел наверх, эдак оценивающе, как будто собирался забраться в окно. Но потом огляделся по сторонам: кругом сновали люди, особенно много было любителей сладкого — двери шоколадной лавки то и дело открывались и закрывались. Он постоял, размышляя, на крыльце и повернул к выходу из тупика. Мне пришлось нырнуть в швейную мастерскую на углу, чтобы он меня не увидел.

Человек остановился у входа в тупик, потом, приняв решение, повернул направо, прошел несколько шагов и исчез в маленьком проулке.

— Я знал, что в задней части тупика есть проулок, ведущий на задний двор, — продолжил парнишка, — поэтому мигом смекнул, что у него на уме.

— В задней части тупика имеется маленький хозяйственный дворик, — пояснил Джейми, заметив мое недоумение. — Туда выходят черные лестницы некоторых домов. В том числе и задняя дверь типографии.

Юный Айен кивнул, поставив пустую миску.

— Ага. Я подумал, что он, наверное, решил забраться туда. И вспомнил о новых памфлетах.

Джейми слегка побледнел.

— Господи...

— Памфлеты? — Айен-старший вопросительно поднял брови. — Что это за памфлеты?

— Новая печатная продукция для мистера Гейджа, — пояснил его сын.

Его отец по-прежнему ничего не понимал. Я тоже.

— Политические памфлеты, — без обиняков пояснил Джейми. — Содержат доводы в пользу отмены последнего закона о гербовом сборе с призывом к гражданскому сопротивлению, вплоть до насильственных действий. Тираж — пять тысяч экземпляров — был только что отпечатан и сложен стопками в задней комнатухе. Гейдж должен был зайти и забрать их завтра утром.

— Боже! — выдохнул Айен, побледневший больше, чем Джейми, на которого он смотрел с изумлением и ужасом. — Ты что, совсем ума лишился? У тебя вся спина в шрамах, на указе о твоём помиловании еще не

высохли чернила, а ты уже связался с Томом Гейджем и его бунтарским обществом! И вдобавок впутал в это моего сына!

Голос его дрожал от гнева, он вскочил и сжал кулаки.

— Как ты мог поступить так, Джейми, как? Разве мало мы все уже претерпели из-за тебя? И пока шла война, и потом. Господи, я-то думал, что с тебя уже хватит всего этого: тюрем, крови и насилия.

— Хватит! — лаконично ответил Джейми. — Я не вхожу в группу Гейджа. Но я печатник, это мой заработок. Он платит за памфлеты, я их печатаю, вот и все.

Айен вскинул руки в крайнем раздражении.

— Ну да! И это будет играть существенную роль, когда агенты короны арестуют тебя и отвезут в Лондон, чтобы повесить! Если бы у тебя нашли эти бумаги...

Пораженный неожиданной мыслью, он остановился и повернулся к сыну.

— Так вот оно что? — спросил он. — Ты знал, что там находятся памфлеты, и потому устроил поджог?

Юный Айен кивнул серьезно, как молодая сова.

— Ни унести, ни спрятать я их не мог. Шутка ли, пять тысяч штук. Пять тысяч! Этот человек — моряк — разбил заднее окно и тянулся к дверной ручке.

Айен-старший повернулся к Джейми и яростно воскликнул:

— Пошел ты к черту! Будь ты проклят, Джейми Фрэзер, со своим упрямством и безрассудством! Сначала спутался с якобитами, теперь с этими чертовыми бунтовщиками!

Джейми вспыхнул, потом его лицо помрачнело. Он резко поставил стакан, расплескав чай по столешнице.

— Можно подумать, будто это я подбил Стюарта начать войну, а не делал все возможное, чтобы его остановить. И разве не я пострадал в первую очередь, лишившись в этой борьбе всего? Всего, Айен! Земли, свободы, жены — в попытке спасти всех нас.

Говоря это, он мельком взглянул на меня, и в этом быстром взгляде отразилось все, чего стоили ему последние двадцать лет.

Он снова повернулся к Айену, насупил брови, и голос его посуровел.

— А что касается того, во что я обошелся твоей семье, то ты, кажется, только в прибытке, Айен. Лаллиброх теперь принадлежит Джейми-младшему. Твоему сыну, не моему!

Айен дернулся.

— Я никогда не просил... — начал он.

— Верно, ты не просил. Я не обвиняю тебя, боже упаси! Но факт налицо: Лаллиброх больше не мой. Мой отец оставил его мне, и я прилагал все силы — заботился о земле и арендаторах. И ты помогал мне, Айен. — Его голос слегка смягчился. — Я не справился бы без тебя и Дженни. Я не жалею о том, что отдал его Джейми, иначе было нельзя. Но все же...

Он отвернулся, склонив голову, полотняная рубашка туго натянулась на широких плечах.

Я боялась шелохнуться или заговорить, но уловила взгляд Айена — младшего, исполненный бесконечного огорчения, положила руку на его костлявое плечо и ощутила ровное биение пульса под выступающей ключицей. Он накрыл мою руку своей большой ладонью и крепко сжал пальцы.

Джейми снова повернулся к зятю, стараясь держать под контролем себя и свой голос.

— Я клянусь тебе, Айен, я делал все, чтобы не подвергать парня опасности: держал его в стороне от самых серьезных дел, не допускал, чтобы его видели на берегу, не выпускал с Фергюсом в море, как он ни просился. — Он взглянул на парнишку, и на лице появилось странное выражение, в котором смешались любовь и раздражение. — Я не приманивал его к себе, Айен, а, напротив, уговаривал вернуться домой.

— Но и не прогонял его! — Лицо Айена было уже не таким красным, но его обычно мягкие карие глаза оставались суженными от гнева. — И даже весточки домой не послал! Ради бога, Джейми, его мать за этот месяц ни одной ночи не спала спокойно!

Джейми крепко сжал губы.

— Ну... — Он ронял слова по одному. — Да... не послал. Я...

Он снова взглянул на племянника и передернул плечами, будто рубашка вдруг стала ему слишком тесна.

— Не послал, — повторил Джейми. — Я хотел сам отвезти его домой.

— Он достаточно взрослый, чтобы ходить самостоятельно, — заметил Айен. — Сюда небось сам добрался, верно?

— Верно. — Джейми быстро отвернулся, взял чашку и стал вертеть ее между ладонями. — Нет, я собирался отвезти его сам, чтобы попросить разрешения у тебя и Дженни на то, чтобы малый пожил у меня некоторое время.

Айен издал саркастический смешок.

— Вот оно что! Попросить разрешения на то, чтобы его повесили или отправили в тюрьму заодно с тобой?

Джейми вскинул глаза, полыхнувшие гневом.

— Ты прекрасно знаешь, что я постарался бы уберечь его от любой беды, потому что люблю этого малого, как родного сына!

— Прекрасно знаю! — отозвался Айен, глядя Джейми в глаза. — Но он не твой сын. Он мой сын.

Джейми долго молчал, выдерживая его взгляд, потом протянул руку и бережно поставил чашку на стол.

— Ага, — тихо произнес он. — Твой.

Айен постоял несколько мгновений, тяжело дыша, потом медленно провел рукой по лбу, убирая назад густые темные волосы.

— Вот и ладно.

Он пару раз глубоко вздохнул и повернулся к сыну.

— Пойдем. Я снял комнату у Холлидея.

Костлявые пальцы юноши еще крепче сжали мою руку. Он не двинулся с места.

— Нет, отец. — Голос его дрожал, и он крепко зажмурился, чтобы не заплакать. — Я не пойду с тобой.

Айен страшно побледнел, а на скулах проступили темно-красные пятна, словно кто-то ударил его по щекам.

— Значит, вот как?

Айен-младший кивнул.

— Я... я пойду с тобой утром, отец. Я вернусь с тобой домой. Но не сейчас.

Айен долго молча смотрел на сына. Плечи его поникли, напряженное тело обмякло.

— Понятно, — тихо произнес он. — Ну что ж. Ладно.

Не говоря больше ни слова, он повернулся и вышел, очень осторожно закрыв за собой дверь. Я слышала глухой стук деревянной ноги на каждой ступеньке, пока он спускался по лестнице. Недолгое шарканье по полу гостиной, голос Бруно, прощавшегося с ним, и звук закрывающейся входной двери. В комнате воцарилась тишина, нарушавшаяся лишь потрескиванием огня в очаге за моей спиной.

Плечо парнишки дрожало под моей рукой: он беззвучно плакал.

Джейми медленно подошел и сел рядом с ним, его лицо было полно тревоги.

— Айен, мальчик мой... Бога ради, тебе не следовало этого делать.

— У меня не было другого выхода.

Парнишка втянул воздух, засопел, и я поняла, что он сдерживал дыхание. Его обожженное и искаженное мукой лицо повернулось к дяде.

— Я не хотел причинять боль отцу, — сказал он. — Я не хотел!

Джейми рассеянно погладил его колено.

— Я знаю, дружок. Но говорить ему такие вещи...

— Я не мог сказать ему то, что мне придется сказать тебе, дядя Джейми!

Джейми поднял глаза: его насторожил тон племянника.

— Сказать мне? О чем?

— Об этом человеке. Человеке с косичкой.

— И что о нем?

Юный Айен облизал губы, собираясь с духом.

— Кажется, я убил его, — прошептал он.

Пораженный Джейми посмотрел на меня, потом снова на племянника.

— Как?

— В общем... я немножко наврал, — начал Айен дрожащим голосом.

У него на глазах выступили слезы, но он смахнул их и продолжил: — Когда я зашел в печатную мастерскую — у меня был ключ, который ты мне дал, — этот человек уже был там.

Моряк находился в самой задней каморке. Там хранились стопки только что напечатанных заказов, запасы свежих чернил, промокательной бумаги, которая использовалась для очистки печатного станка, и маленький кузнечный горн, где изношенные отливки литер переплавлялись в свежие.

— Он хватал памфлеты из стопки и совал за пазуху, — сказал Айен сглатывая. — Увидев такое, я, ясное дело, крикнул, чтобы он прекратил, и тогда этот тип наставил на меня пистолет.

И выстрелил, но, к счастью, промазал и лишь напугал Айена. Тогда незванный гость бросился на парнишку, чтобы ударить его рукояткой.

— У меня не было времени ни бежать, ни думать, — продолжал Айен, отпустив наконец мою руку и сжав собственное колено. — Я схватил первое, что подвернулось под руку, и запустил в него.

Этим предметом оказался медный черпак с длинной ручкой для разливки расплавленного свинца по литерным формам. Топливо основательно прогорело, но горн еще оставался раскаленным, и обжигающие брызги расплавленного свинца полетели в лицо моряка.

— Господи, как же он заорал!

Юноша конвульсивно содрогнулся, и я, обойдя кушетку, села с ним рядом, взяв за руки.

Моряк, схватившись за физиономию, повалился навзничь и опрокинул горн, рассыпав уголья.

— Так и начался пожар, — сказал Айен. — Я пытался его погасить, но огонь перекинулся на кипу чистой бумаги, совершенно неожиданно что-то

полыхнуло мне в лицо, и показалось, будто горит вся комната.

— Бочонки с типографской краской, наверное, — пробормотал Джейми.

Чернильный порошок растворяется в спирту. Скользящие стопки пылающей бумаги рассыпались между Айеном и задней дверью, пламя разгоралось все сильнее, помещение заполнялось клубами черного дыма. Ослепленный моряк, выпивший как банши, барахтался на полу где-то между мальчиком и спасительной дверью в переднее помещение типографии.

— Я... я не мог заставить себя коснуться его, столкнуть с пути, — признался Айен и снова задрожал.

Окончательно потеряв голову, мальчик побежал вверх по лестнице, но оказался в ловушке, поскольку, когда задняя каморка запылала, словно очаг, лестничный проем превратился в дымоход и стал стремительно заполняться едким, удушающим дымом.

— А почему ты не подумал о том, чтобы выбраться на крышу через люк? — спросил Джейми.

Юный Айен сокрушенно замотал головой.

— Я не знал, что он там есть.

— А зачем, кстати, он там устроен? — любопытствовала я.

Джейми слегка улыбнулся.

— На случай нужды. Только у глупой лисы есть всего один выход из норы. Правда, признаюсь, велел сделать люк, я думал вовсе не о пожаре.

Он покачал головой и вернулся к расспросам.

Так ты думаешь, этому человеку не удалось выбраться из огня?

— Думаю, нет. А значит, он погиб. И получается, что это я его убил. Ну не мог я признаться папе, что стал уби... уби...

Он снова заплакал, не в силах выговорить страшное слово.

— Никакой ты не убийца, Айен, — уверенно заявил Джейми. — Кончай хныкать, ты не сделал ничего плохого. Ничего, слышишь меня?

Мальчик кивнул, но его худенькое тело продолжала бить дрожь, да и поток слез не иссякал. Я обняла его, положила его голову себе на плечо и стала поглаживать по спине, успокаивая, словно маленького ребенка, и тихо приговаривая слова утешения.

Ощущение было странное: ростом Айен был со взрослого мужчину, но кости еще не обросли мускулами, и, если закрыть глаза, могло показаться, будто я обнимаю скелет. Уткнувшись мне в грудь, он продолжал что-то бормотать, всхлипывая, и разобрать удавалось лишь отдельные слова:

— ...смертный грех... обречен гореть в аду... не мог сказать папе...

боялся... не могу идти домой...

Джейми вопросительно посмотрел на меня, но я лишь беспомощно пожала плечами, разглаживая густые волосы на затылке парнишки.

Наконец Джейми не выдержал и, взяв юношу за плечи, развернул к себе.

— Послушай, Айен, — сказал он. — Нет, посмотри, посмотри на меня!

С большим усилием мальчик поднял голову и уставился на дядю покрасневшими, полными слез глазами.

— Так вот. — Джейми взял руки племянника и слегка сжал их. — Во-первых, убить человека, который пытался убить тебя, не грех. Церковь разрешает убить, если нет другого выхода, защищая себя, свою семью или свою страну. Так что ты не совершил смертного греха и ты не проклят.

— Правда?

Айен засопел и утер лицо рукавом.

— Нет, ты не проклят. — В глазах Джейми промелькнул едва уловимый намек на улыбку. — Утром мы вместе пойдем к отцу Хейсу, и ты исповедаешься. Вот увидишь, он скажет тебе то же самое, что я, и отпустит грехи.

— О!

В этом восклицании прозвучало глубокое облегчение, и худые плечи Айена-младшего расправились, как будто с них свалилась тяжесть.

Джейми снова погладил племянника по колену.

— Во-вторых, тебе не нужно бояться рассказать отцу.

— Нет?

Если слова Джейми насчет греха были без колебаний приняты его племянником на веру, то к последнему утверждению он, похоже, отнесся со скептицизмом.

— Ну, я не говорю, что он не расстроится, — добавил Джейми честно. — По правде сказать, седины у него прибавится, это уж как пить дать. Но он поймет. Он тебя не выгонит и не лишит наследства, если ты этого боишься.

— Ты думаешь, он поймет?

Мальчик посмотрел на Джейми глазами, в которых надежда боролась с сомнением.

— Я... я думал... он... Мой отец убивал когда-нибудь? — неожиданно спросил он.

Джейми моргнул, захваченный этим вопросом врасплох.

— В общем, — медленно произнес он, — думаю, что в битвах ему

участвовать доводилось, но вот насчет того, убил он кого или нет, по правде говоря, не знаю. — Он взглянул на племянника с некоторым смущением. — Понимаешь, мужчины не больно-то распространяются на сей счет. Ну, не считая похвальбы перепившейся солдатни.

Айен кивнул, усваивая услышанное, но тут же снова зашмыгал носом. Джейми, полезший было в рукав за платком, вдруг вскинул глаза. До него дошло.

— Так вот почему ты решил рассказать мне, а не отцу? Потому что ты знал, что раньше я убивал людей?

Его племянник кивнул, всматриваясь в лицо Джейми с доверием и тревогой.

— Ага. Я подумал... я подумал, что, может быть, ты знаешь, что надо делать.

— Вот оно что.

Джейми сделал глубокий вдох и посмотрел на меня.

— Ну...

Его плечи напряглись и расправились, и я поняла, что он принял на себя бремя, которое возложил на него племянник.

— Вот что тебе нужно, — сказал он. — Во-первых, спросить себя, был ли у тебя выбор. Его у тебя не было, так что можешь успокоиться. Потом пойди к исповеди, если можешь. Если нет — соверши добрый старый акт покаяния. Когда речь идет не о смертном грехе, этого вполне достаточно. При этом, заметь, — горячо заверил он, — вины на тебе нет, но, поскольку ты искренне сожалеешь о произошедшем, покаяние поможет тебе облегчить душу. Ты оказался под тяжестью свалившейся на тебя суровой необходимости, такое порой случается, и тут уж ничего не поделаешь. А потом помолись о душе того, кого ты убил, чтобы она обрела упокое и не преследовала тебя. Ты знаешь молитву, которая называется «За упокой души»? Прочитай ее на досуге, а в бою, когда времени нет, читай «Вверение души»: «Деснице Твоей, Иисус Христос, Царь града небесного, вверяю душу сию. Аминь!»

— «Деснице Твоей, Иисус Христос, Царь града небесного, вверяю душу сию. Аминь!» — повторил еле слышно юноша, медленно кивнул и спросил: — Ну хорошо, а что потом?

Джейми протянул руку и с великой нежностью коснулся щеки племянника.

— А потом ты просто будешь жить с этим дальше. Вот и все.

Глава 28

СТРАЖ ДОБЛЕСТИ

— Ты думаешь, что человек, которого выслеживал Айен-младший, имеет какое-то отношение к предупреждению сэра Персиваля?

Я сняла салфетку с подноса с ужином, который только что принесли, и одобрительно принялась: со времени похлебки у Моубрея прошло немало времени.

Джейми кивнул, взяв что-то вроде горячего пирожка, начиненного неизвестно чем.

— Я бы удивился, окажись это не так, — сухо сказал он. — Есть немало желающих устроить мне неприятности, но я не могу себе представить, чтобы они шайками бродили по всему Эдинбургу. — Он откусил и энергично стал жевать, качая головой. — Ладно, тут все ясно и не о чем особо беспокоиться.

— Разве? — Я надкусила свой пирожок, потом откусила побольше. — Очень вкусно. Что это?

Джейми положил пирожок, прищурился, приглядываясь к начинке.

— Голубь с трюфелями.

И засунул его в рот целиком.

— Нет. — Он сделал паузу, чтобы проглотить кусок, и повторил уже более отчетливо: — Нет, скорее всего, в этом замешан контрабандист-конкурент. Существуют две шайки, с которыми у меня время от времени возникают разногласия.

Он махнул рукой, рассыпав крошки, и потянулся за очередным пирожком.

— Судя по тому, как вел себя этот человек — приняхивался к бренди, но почти не пробовал его, — возможно, это был дегустатор, человек, способный по запаху определить, где было сделано вино, а по вкусу — в каком году его разлили в бутылки. Весьма полезный малый, — задумчиво добавил он, — и удивительно, что такого специалиста пустили по моему следу.

К ужину было подано вино. Я налила бокал и провела им у себя под носом.

— Он сумел выследить тебя — именно тебя — с помощью бренди?

— Более или менее. Ты помнишь моего кузена Джареда?

— Конечно помню. Хочешь сказать, он до сих пор жив?

После бойни при Куллодене и того, что за ней последовало, было приятно услышать, что Джаред, состоятельный шотландский эмигрант с процветающим винным бизнесом в Париже, по-прежнему среди живых, а не среди мертвых.

— Я думаю, избавиться от него можно, только запихав в бочонок и бросив в Сену, — сказал Джейми, блеснув зубами, которые на фоне запачканного сажей лица казались ослепительно белыми. — Так что старина не только жив, но и наслаждается жизнью. А откуда, по-твоему, я получаю французский бренди, который привожу в Шотландию?

Очевидный ответ был «Франция», но я воздержалась от озвучивания такого простого варианта.

— От Джареда, я полагаю?

Джейми кивнул; рот был заполнен очередным пирожком.

— Эй!

Он наклонился вперед и выхватил тарелку из цепкой хватки племянника.

— Такая тяжелая пища не для нынешнего состояния твоего желудка, — сказал Джейми, хмурясь.

Он проглотил еду, облизал губы и добавил:

— Я попрошу, чтобы тебе принесли еще хлеба и молока.

— Но, дядя, — возразил парнишка, алчно взирая на аппетитные пирожки, — я страшно проголодался.

Похоже, сняв бремя со своей души, он воспрянул и телом, что выразилось в волчьем аппетите. Джейми посмотрел на племянника и вздохнул.

— Ну ладно. Тебя точно не вырвет на меня?

— Нет, дядя, — последовал смиренный ответ.

— Хорошо.

Джейми пододвинул тарелку к мальчику и вернулся к своему объяснению.

— Джаред посылает мне в основном второсортную продукцию своих виноградников в Мозеле, сохраняя лучшее для продажи во Франции, где могут определить разницу.

— Значит, то, что ты ввозишь в Шотландию, не поддается определению?

Он пожал плечами и потянулся за вином.

— Поддается, но для этого нужен «нос», то есть дегустатор. А Айен видел, как тот малый пробовал бренди в «Собаке и ружье» и «Синем кабане», то есть в тех трактирах, которые покупают бренди исключительно

у меня. Я работаю и с другими заведениями, но у них имеются поставщики и кроме меня. В любом случае, как я и говорил, меня не очень волнует то, что кто-то разыскивает по тавернам Джейми Роя.

Джейми поднял бокал с вином и поводил им у себя под носом, поморщился и выпил.

— Нет, — сказал он, поставив бокал, — что меня беспокоит, так это то, что этот человек добрался до типографии. Ибо я принял изрядные меры предосторожности, чтобы те люди, которые видят Джейми Роя на пристани в Бернтисленде, нигде и никак не пересекались с теми, кто имеет дело с печатником, мистером Александром Малкольмом.

Я сдвинула брови, пытаюсь разобраться.

— Но сэр Персиваль называл тебя Малкольм, и он знает, что ты контрабандист, — возразила я.

Джейми терпеливо кивнул.

— Да, в портовом городе, таком как Эдинбург, контрабандой промышляет половина населения. Конечно, англичаночка, сэр Персиваль прекрасно знает, что я контрабандист, но понятия не имеет, что я Джейми Рой, не говоря уже о Джейми Фрэзере. Он думает, что я провожу мимо таможи шелк и бархат из Голландии — потому что именно за это я ему плачу.

Он усмехнулся.

— Сэр Персиваль знает толк в тканях, а его леди и подавно, но ему невдомек, что я проворачиваю делишки еще и со спиртным, тем более в таких масштабах. Иначе он захотел бы иметь гораздо больше, чем перепадает ему сейчас.

— А не мог ли рассказать моряку о тебе кто-то из владельцев трактиров? Они наверняка видели тебя.

Он запустил руку в волосы и взъерошил их, как всегда делал в задумчивости.

— Ну да, они видели меня, — медленно произнес он, — но только как посетителя. Дела с трактирщиками ведет Фергюс, а Фергюс осторожен и никогда и близко не подходит к печатной мастерской. Мы всегда встречаемся здесь, в обстановке, не вызывающей подозрений. — Он посмотрел на меня с ухмылкой. — Никто не спрашивает, зачем мужчина посещает бордель.

— Возможно ли это? — спросила я, пораженная неожиданной мыслью. — Любой человек может прийти сюда без вопросов. Мог ли моряк, за которым следил Айен, увидеть тебя здесь? Тебя и Фергюса? Или узнать твое описание от одной из девушек? В конце концов, ты не самый

неприметный мужчина, которого я когда-либо видела.

Да уж, таковым он точно не был. Рыжих, конечно, в Эдинбурге попадалось немало, но редкий из них мог сравниться с Джейми ростом, не говоря уже об осанке и выправке, по которым и без оружия безошибочно узнавался бывалый воин.

— Это весьма дельная мысль, англичаночка, — сказал Джейми, одобрительно кивнув. — Узнать, был ли здесь недавно моряк с косичкой, достаточно легко: я попрошу Жанну поспрашивать у девушек.

Он встал и потянулся, едва не задев руками потолок.

— А потом, англичаночка, может быть, мы ляжем спать? — предложил он, игриво подмигнув. — А то денек сегодня выпал какой-то сумасшедший: не одно, так другое.

— Пожалуй, — ответила я с улыбкой.

Жанна, вызванная для расспросов, пришла вместе с Фергюсом, который открыл перед мадам дверь с легкой фамильярностью брата или кузена. Неудивительно, что он чувствовал себя здесь как дома, подумала я: парень родился в парижском борделе и там же провел первые десять лет жизни, ночуя в чулане под лестницей, а днем обчищая на улицах карманы, чтобы заработать на жизнь.

— Бренди ушел, — доложил он Джейми. — Я продал его Макалпину, немного снизив цену, к сожалению, милорд. Но мне показалось, что лучше не жадничать и сбыть товар побыстрее.

— Правильно, сбавить, чтобы место не засветить, — кивнул Джейми. — А что ты сделал с телом?

Фергюс улыбнулся. Худощавое лицо и заливчатый темный чуб придавали ему определенно пиратский вид.

— Наш незваный гость тоже отправился в трактир Макалпина, милорд, соответствующим образом замаскированный.

— Каким образом? — поинтересовалась я.

«Пират» с ухмылкой обернулся ко мне. Фергюс оказался весьма привлекательным молодым человеком, несмотря на крюк, заменявший ему кисть руки.

— В качестве бочки с мятным ликером, миледи, — ответил он.

— Сдается мне, вряд ли кто-нибудь в Эдинбурге пил мятный ликер последние сто лет, — заметила мадам Жанна. — Язычники шотландцы не привыкли к употреблению цивилизованных напитков. Я никогда не видела клиента, который заказывал бы что-нибудь, кроме виски, пива или бренди.

— Вот именно, мадам, — с готовностью подхватил Фергюс — Но нам ведь не нужно, чтобы в заведении мистера Макалпина слишком спешили

открыть именно эту бочку, верно?

— Несомненно, рано или поздно кто-нибудь заглянет туда, — заговорила я. — И...

— Вот именно, миледи, — сказал Фергюс, почтительно мне поклонившись. — Мятный ликер — напиток крепкий, с высоким содержанием спирта. Подвал трактира — всего лишь временное пристанище на пути путешествия нашего неизвестного друга к его вечному покою. Завтра он отправится на пристань, а оттуда куда-нибудь в дальние края. Просто я не хотел захламлять этим негодным товаром кладовки мадам Жанны.

Жанна произнесла по-французски какие-то слова в адрес святой Агнессы (какие именно, мне так и не удалось понять), но потом пожала плечами и направилась к двери.

— Я завтра же расспрошу наших девушек о моряке, месье, но в свободное время, когда они будут отдыхать. Потому что сейчас...

— Кстати, об отдыхе, — перебил ее Фергюс. — Мадемуазель Софи, случайно, не свободна сегодня вечером?

Мадам одарила его ироническим взглядом.

— Поскольку Софи видела, как месье сюда заходит, я склонна предположить, что она позаботилась о том, чтобы быть для него доступной. — Мадам покосилась на юного Айена, валявшегося на подушках, словно пугало, из которого вытряхнули всю торчавшую солому, и добавила: — Возможно, стоит позаботиться и об отдыхе этого юного джентльмена?

— О да! — Джейми оценивающе посмотрел на племянника. — Пожалуй, можно будет поставить топчан в моей комнате.

— Нет уж! — выпалил мальчик. — Тебе ведь надо побыть со своей женой, правда, дядя?

— Что? — непонимающе воззрился на него Джейми.

— Ну, то есть... — Айен заколебался, взглянул на меня и поспешно отвел глаза. — Ты, наверное, захочешь... э-э... ммфм?

Уроженец гор, он сумел вложить в последний звук поразительное богатство подразумеваемого смысла.

Джейми с силой потер костяшками пальцев верхнюю губу.

— Что ж, это весьма предусмотрительно с твоей стороны, Айен, — сказал он, и его голос слегка дрогнул от сдерживаемого смеха. — И я польщен тем, что ты столь высокого мнения о моих мужских достоинствах, раз после такого дня считаешь меня способным не только спать. Но сдаётся мне, я мог бы воздержаться от удовлетворения своих плотских желаний на одну ночь. Хотя я и люблю твою тетю, — добавил он, послав мне улыбку.

— Но Бруно сказал, что в заведении сегодня нет наплыва посетителей, — вмешался Фергюс, с недоумением оглядевшись по сторонам. — Почему бы парнишке не...

— Потому что ему всего лишь четырнадцать! — негодуяще воскликнул Джейми.

— Мне почти пятнадцать! — поправил его юный Айен, выглядевший весьма заинтересованным.

— Этого, безусловно, достаточно, — заявил Фергюс, бросая взгляд на мадам Жанну в ожидании поддержки. — Твои братья были не старше, когда я привел их сюда в первый раз, и они вели себя достойно.

Джейми вытаращился на своего подопечного.

— Что-о?

— Ну, кому-то же надо было, — раздраженно ответил Фергюс. — Обычно это отец юноши, но, понятно, месье им не является... Со всем уважением к твоему достопочтенному отцу, конечно, — добавил он, обратившись к Айену, который кивнул в ответ, как механическая игрушка. — Это должен сделать человек опытный, понимаешь? Итак, — он повернулся к мадам Жанне с видом гурмана, советующегося с официантом по поводу карты вин, — как вы думаете, Доркас или Пенелопа?

— Нет-нет, — сказала она, решительно качая головой, — это должна быть вторая Мэри, точно. Маленькая.

— А, та, что с желтыми волосами? Да, пожалуй, вы правы, — одобрительно кивнул Фергюс. — Тогда позовите ее.

Жанна ушла раньше, чем Джейми успел что-либо возразить.

— Но... но... мальчик не может... — начал он.

— Нет, могу, — вдруг возразил юный Айен. — Во всяком случае, я думаю, что могу.

Казалось невозможным, чтобы его лицо покраснело еще больше, но уши теперь буквально светились багровым огнем возбуждения, а все пережитое в этот день, похоже, уже забылось.

— Но этого... того самого... я не могу разрешить тебе...

Джейми осекся, постоял, хмуро глядя на племянника, и развел руками, признавая свое поражение.

— И что я скажу твоей матери? — спросил он, когда за его спиной открылась дверь.

На пороге стояла очень маленькая юная девушка, пухленькая и нежная, как куропатка, в сорочке из голубого шелка, ее круглое милое личико сияло под облачком желтых волос. При виде ее юный Айен застыл, едва дыша.

Когда наконец ему оставалось или набрать воздуха в грудь, или умереть от удушья, он глубоко вздохнул, повернулся к Джейми и с благостной улыбкой сказал:

— Ну что ж, дядя Джейми, на твоём месте...

Его голос воспарил неожиданным сопрано, и парнишка остановился и прокашлялся, чтобы вернуться к почтенному баритону.

— ...я бы не стал ей говорить. Спокойной ночи, тетушка, — сказал он и целеустремленно двинулся вперед.

— Никак не могу решить, убить Фергюса или поблагодарить его, — проворчал Джейми, сидя на кровати в нашей чердачной каморке и медленно расстегивая рубашку.

Я повесила мокрое платье на стул и опустилась перед ним на колени, чтобы расстегнуть коленные пряжки его штанов.

— По-моему, он хотел Айену добра.

— Ага, на свой чертов распутный французский лад.

Джейми потянулся к затылку, чтобы распустить головную повязку. Заплетать волосы в косу перед нашим выходом из трактира он не стал и лишь убрал их со лба, так что они падали ему на плечи, окаймляя широкие скулы и длинный прямой нос. С такой прической он был похож на одного из свирепых итальянских ангелов эпохи Возрождения.

— Это архангел Михаил изгнал Адама и Еву из Эдемского сада? — спросила я, стягивая с него чулки.

Джейми усмехнулся.

— Неужели я похож на стража добродетели? А Фергюс — на коварного змея? — Он наклонился и поднял меня за локти. — Вставай, англичаночка. Тебе вовсе незачем прислуживать мне, стоя на коленях.

— Нет ничего унижительного в том, чтобы помочь близкому человеку, у которого выдался весьма нелегкий день, даже если ему не пришлось никого убить, — ответила я, заставив его встать вместе со мной.

На руках его вздулись волдыри, а на щеке осталась полоска сажи.

— Мм...

Я обхватила его за талию, чтобы помочь с поясом штанов, но Джейми удержал мои руки на месте и на миг прижался щекой к моей макушке.

— Знаешь, я был не совсем честен с племянником, — сказал он.

— Вот как? Мне показалось, что ты прекрасно обошелся с ним. По крайней мере, после разговора с тобой он воспрянул духом.

— Надеюсь на это. И может быть, молитвы и тому подобное помогут. Во всяком случае, не повредят. Но я не все ему рассказал.

— Чего?

Я наклонилась, мягко коснувшись его губ своими. От него пахло дымом и потом.

— Когда у мужчины после убийства болит душа, он чаще всего ищет утешения в женщине. В своей, если она у него есть, а если нет — в той, какую найдет. Ибо она способна на то, что самому ему не под силу, — исцелить его.

Мои пальцы нащупали шнур и распустили узел.

— Вот почему ты отпустил его со второй Мэри?

Он пожал плечами, позволил штанам упасть и переступил через них.

— Я не мог остановить его. И думаю, что поступил правильно, когда не стал ему мешать, пусть он еще и очень юн. — Джейми криво улыбнулся и добавил: — Уж, по крайней мере, нынешней ночью парнишке будет не до страхов и терзаний.

— Я так не думаю. А как насчет тебя?

Я стянула через голову рубашку.

— Меня?

Он устремил на меня взгляд, подняв брови. Запачанная сажей полотняная рубашка свободно свисала с его плеч. Я взглянула на постель позади него.

— Понимаю, конечно, ты сегодня никого не убил, но не хочешь ли, случайно, тоже... хм?

Я встретила с ним взглядом.

По его лицу расплылась улыбка, и всякое сходство с Михаилом, суровым стражем добродетели, исчезло. Он поднял одно плечо, потом другое, и рубашка соскользнула на пол.

— Думаю, что да, — проорчал Джейми. — Но ты уж будь сегодня со мной помягче, ладно?

Глава 29

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА КУЛЛОДЕНА

Утром, когда Джейми и Айен отбыли, как предполагалось, благочестиво отмаливать грехи, я тоже вышла на улицу и, приобретя у торговца плетеную корзину, направила стопы в ближайшую аптеку. Пора было обзавестись лечебными снадобьями: ход последних событий наводил на мысль, что они в любой момент могут мне понадобиться.

Аптекарская лавка Хью совершенно не изменилась за время английской оккупации, шотландского восстания и падения Стюарта, и мое сердце восторженно забилося, когда, войдя в дверь, я вдохнула насыщенные знакомые запахи нюхательной соли, перечной мяты, миндального масла и аниса.

За прилавком, как и прежде, стоял не кто иной, как Хью. Только этот Хью был гораздо моложе того средних лет мужчины, с которым мне доводилось иметь дело лет двадцать назад, когда я посещала эту лавку, получая в придачу к целебным травам и патентованным средствам от всех болезней и последние новости, касающиеся военных дел.

Младший Хью, конечно, меня не знал, но любезно взялся помочь найти нужные травы среди множества аккуратно расставленных по полкам флаконов и склянок. Большая часть снадобий из моего списка — розмарин, пижма, ноготки — относилась к широко распространенным и вопросов не вызывала. Но некоторые пункты заставили молодого Хью задумчиво поднять рыжие брови и обвести ряды полок неуверенным взглядом.

В лавке находился еще один покупатель, рядом с прилавком, где по заказу смешивали бодрящие напитки, измельчали компоненты и составляли лекарственные смеси. Он с явным нетерпением вышагивал взад-вперед, сцепив руки за спиной.

Подойдя к прилавку, посетитель рывкнул в спину мистера Хью.

— Сколько еще?

— Я не могу сказать вот так сразу, преподобный, — виновато ответил аптекарь. — Луиза же сказала, что его нужно прокипятить.

Фыркнув в ответ, рослый узкоплечий мужчина снова принялся мерить шагами помещение, время от времени с нетерпением поглядывая на дверь, ведущую в заднюю комнату, где, надо полагать, и работала невидимая Луиза. Человек показался мне смутно знакомым, но сосредоточиться и вспомнить, где я видела его раньше, было некогда.

Мистер Хью с сомнением щурился, просматривая полученный от меня список.

— Аконит, — пробормотал он. — Аконит. И что же это такое, интересно?

— С одной стороны, это яд, — ответила я.

У мистера Хью моментально отвисла челюсть.

— А с другой — лекарство, — заверила я аптекаря. — Но пользоваться им нужно с осторожностью. Можно применять наружно, при ревматизме, а употребленный внутрь в малых дозах, он замедляет сердцебиение. Очень помогает при некоторых проблемах с сердцем, но при правильной дозировке.

— Правда? — моргая, спросил мистер Хью и повернулся к своим полкам с весьма растерянным видом. — Может быть, вы... э-э... знаете, как он пахнет?

Приняв это за приглашение, я зашла за прилавок и начала просматривать склянки. На всех баночках были аккуратно наклеены этикетки, правда, кое-какие давно выцвели, а их края отстали.

— Боюсь, что пока я не настолько поднатерел по части снадобий, как мой отец, — сказал молодой мистер Хью, стоя рядом со мной. — Он меня малость подучил, но год назад скоростижно отошел в мир иной, и я боюсь, что здесь есть средства, назначение которых мне неизвестно.

— Ну, вот это хорошо помогает при кашле, — сказала я, взяв склянку с девясилом, и бросила взгляд на нетерпеливого преподобного, который достал носовой платок и, прикрыв рот и нос, астматически захрипел. — Особенно при сухом кашле.

Скользя взглядом по заставленным аптечными емкостями полкам, я отметила аккуратность и отсутствие пыли, но, к сожалению, не могла сообразить, по какой системе осуществлена расстановка снадобий: по свойствам, в алфавитном порядке или как-то еще. И была ли тут вообще какая-то система? Может быть, старый Хью просто помнил, где у него что стоит? Я закрыла глаза и попыталась вспомнить свой последний визит в эту аптеку.

К моему удивлению, картинка легко всплыла в памяти. Тогда я приходила за наперстянкой, чтобы приготовить настой для Алекса Рэндолла, младшего брата Черного Джека Рэндолла и прапрадеда Фрэнка в шестом поколении. Бедный юноша: он уже двадцать лет как умер, хотя прожил достаточно долго и оставил сына. Я почувствовала невольное любопытство, вспомнив о сыне Алекса и его жене, которая была моей подругой, но отогнала эту мысль прочь и вернулась к образу мистера Хью,

который тогда привстал на цыпочки, чтобы дотянуться до верхней полки по правую руку.

— Вот.

И конечно, моя рука остановилась рядом со склянкой с этикеткой «Наперстянка». С одной стороны от нее стояла баночка с наклейкой «Хвощ», с другой — «Корень ландыша». Я заколебалась, глядя на них и мысленно перечисляя возможности применения этих трав. Да, все это сердечные средства. Если в аптеке есть аконит, он должен быть где-то поблизости.

Так оно и оказалось. Я быстро нашла его в горшочке с этикеткой «Бабушкино зелье».

— Будьте с этим осторожны, — предостерегла я, передавая сосуд мистеру Хью. Капнете на кожу, и она тут же онемееет. Может быть, лучше перелить зелье в стеклянную бутылочку?

Большая часть купленных мною трав была завернута в марлю или в бумажные кулечки, но молодой мистер Хью кивнул в ответ на мое предложение и отправился в заднюю комнату, неся перед собой сосуд в вытянутых руках, словно опасаясь, как бы он не взорвался.

— Похоже, что вы знаете о лекарствах гораздо больше, чем этот малый, — произнес глубокий, хриплый голос позади меня.

— Наверное, у меня несколько больше опыта, чем у него.

Я повернулась и, увидев опершегося на прилавок и смотревшего на меня бледно-голубыми глазами из-под густых бровей священника, вспомнила, где я его видела: днем раньше, у Моубрея. Он, скорее всего, не узнал меня, может быть потому, что мой плащ скрывал платье Дафны. Я заметила, что многие мужчины обращают относительно мало внимания на лицо женщины в декольте, что и не удивительно. Но в священнослужителе такая черта заслуживает сожаления.

Пастор прокашлялся.

— Хм. Может быть, вы знаете и как справляться с нервными расстройствами?

— А какого типа нервное расстройство?

Он поджал губы и нахмурился, будто не был уверен, можно ли мне довериться. Верхняя губа его выдавалась вперед и нависала, как совиный клюв, а нижняя, более толстая, оттопыривалась.

— Ну... это сложный случай. Но если говорить в общем, — он внимательно посмотрел на меня, — что бы вы посоветовали для лечения... своего рода... припадков?

— Эпилептических припадков? Когда человек падает и дергается?

Он покачал головой, отчего стала видна покрасневшая полоска на шее, натертой высоким и жестким белым воротничком.

— Нет, другой тип припадка. Когда человек вопит и таращится.

— Простите?

— Не одновременно, — поспешно пояснил священник. — Сначала одно, потом другое. Или, точнее, одно сменяется другим. Поначалу она ничего не делает, только дни напролет молча таращится на все. А потом вдруг ни с того ни с сего начинает вопить так, что может разбудить мертвых.

Ну что ж, это, по крайней мере, объясняло и утомленный вид пастора, и его раздражительность.

Я постучала пальцем по прилавку, соображая.

— Сразу трудно сказать, стоило бы сначала взглянуть на больную.

Священник облизал нижнюю губу.

— А не могли бы вы зайти и осмотреть ее? Это недалеко, — добавил он довольно сухо.

Судя по всему, просительный тон был не в его характере, но необходимость заставляла этого человека поступать против своих привычек.

— Сейчас, к сожалению, не могу, — ответила я. — Мне нужно встретить моего мужа. Но может быть, ближе к вечеру...

— В два часа, — тут же сказал он. — Дом Хендерсона в тупике Кэррубера. Меня зовут Кэмпбелл, преподобный Арчибальд Кэмибелл.

В этот момент занавеска между торговым помещением и задней комнатой колыхнулась, оттуда появился мистер Хью с двумя бутылочками и вручил по одной каждому из нас.

Преподобный, на шаривая в кармане монету, покосился на свою склянку с подозрением.

— Что ж, вот твои деньги, — буркнул он, бросив монету на прилавок. — И будем надеяться, что ты дал мне нужное снадобье, а не яд, о котором говорила эта леди.

Занавеска снова зашуршала, и из-за нее, провожая взглядом удалявшегося священника, выглянула женщина.

— Скатертью дорога, — проворчала она. — Полпенса за часовую работу и сверх всего еще и оскорбление. Господь мог бы выбрать себе слугу и получше, что тут еще скажешь.

— Вы знаете его? — спросила я.

Мне было любопытно, располагает ли Луиза какой-нибудь полезной информацией относительно больной жены.

— Не могу сказать, что хорошо его знаю. — Луиза глядела на меня с неприкрытым любопытством. — Он один из священников Свободной церкви, который проповедует на углу у Маркет-кросс, убеждает людей, что добрые дела не имеют никакого значения и что для спасения нужно лишь крепко держаться за Иисуса, будто наш Господь — это ярмарочный борец!

Она презрительно фыркнула и перекрестилась, ограждая себя от этой еретической заразы.

— Меня удивляет, что люди, вроде преподобного Кэмпбелла, приходят в нашу аптеку, учитывая то, как он относится к папистам, — возмущенно продолжила Луиза. — Но может быть, мадам, вы сами принадлежите к Свободной церкви, не в обиду вам будь сказано?

— Нет, я католичка... э-э... и к тому же папистка, — заверила я ее. — Я лишь хотела узнать, знаете ли вы что-нибудь о жене преподобного и о ее состоянии.

Покачивая головой, Луиза повернулась, чтобы заняться новым покупателем.

— Нет, я никогда не видела эту леди. Но что бы с ней ни было, — добавила она, хмуро взглянув на дверь, — я уверена, что жизнь с ним ее состояния не улучшит!

День выдался прохладный, но ясный, и над приходским садом как напоминание о пожаре, еще витал слабый дым. Мы с Джейми сидели на скамейке у стены и, ловя скудные лучи зимнего солнца, дожидались, когда Айен закончит свою исповедь.

— Слушай, это ты рассказал Айену-старшему байку о том, что я двадцать лет отсиживалась во Франции?

— Ну да. Конечно, Айен — человек опытный и вряд ли в это поверит, но сама история правдоподобнее любой другой, а он верный друг и не станет настаивать на объяснениях.

— На мой взгляд, она сгодится для общего потребления, — согласилась я. — Но может быть, тебе стоило бы рассказать ее и сэру Персивалю, вместо того чтобы морочить ему голову сказкой о том, будто мы с тобой новобрачные?

Он решительно покачал головой.

— Ну уж нет. К примеру, сэр Персиваль не имеет представления о моем настоящем имени, хотя я готов побиться об заклад, он знает, что меня зовут не Малкольм. Мне вовсе не нужно, чтобы он каким бы то ни было образом связывал меня с Куллоденом. С другой стороны, история вроде той, что я сообщил Айену, вызвала бы куда больше толков, чем новость о женитьбе какого-то печатника.

— Впервые паутину хитростей сплетая, — произнесла я нараспев, — сколь путана она, себе не представляем.

Его голубые глаза блеснули, уголки рта слегка приподнялись.

— Это дело наживное, англичаночка, тут главное практика. Вот поживешь со мной некоторое время и сама убедишься, что выпускать из задницы шелковую нить да плести паутину — дело вовсе немудреное.

Я прыснула.

— Хотела бы я посмотреть, как ты это делаешь.

— Ты уже видела.

Он встал и вытянул шею, пытаясь заглянуть через стену в приходской сад.

— Чертовски надолго он там застрял, — заметил Джейми, усевшись снова. — И откуда у парнишки, которому нет еще и пятнадцати, столько грехов, чтобы так долго исповедоваться?

— После вчерашнего дня и ночи ему есть что рассказать. Полагаю, многое тут зависит и от того, какой интерес проявит отец Хейс к подробностям, — добавила я, вспомнив свой завтрак с проститутками.

— И он находится там все это время?

— Э-э... нет.

Кончики ушей Джейми стали заметно розовее в утреннем свете.

— Мне... э-э... пришлось пойти первым. Подать пример, понимаешь?

— Неудивительно, что на это ушло время, — дразня, сказала я. — И как давно ты не был на исповеди?

— Я сказал отцу Хейсу, что шесть месяцев.

— И это правда?

— Нет, но я подумал, что если он даст мне отпущение грехов за воровство, драки и богохульство, то почему бы заодно и не отпустить такой грешок, как мелкая ложь.

— Что, никакого блуда или нечистых мыслей?

— Конечно нет, — серьезно ответил он. — Любые плотские помыслы не греховны, если ты помышляешь о законной, венчанной жене. Они становятся нечистыми, только если ты думаешь о других леди.

— Понятия не имела, что, оказывается, целью моего возвращения было спасение твоей души. Но так приятно принести пользу.

Он рассмеялся, наклонился и поцеловал меня от всего сердца.

— Интересно, сойдет ли это за индульгенцию? — сказал он, оторвавшись, чтобы набрать воздуха. — А ведь должно бы. Это гораздо лучше помогает человеку спастись от адского пламени, чем перебирание четок. Кстати, — добавил он, порывшись в кармане и достав деревянные

четки довольно жеваного вида, — напомни мне, что я должен найти время и принести сегодня покаяние. Я уже собирался начать, но тут как раз объявилась ты.

— И сколько раз ты хотел прочесть «Аве Мария»? — спросила я, теребя пальцами бусинки.

Как оказалось, первое впечатление — что они жеванные — меня не обмануло. На большинстве бусинок сохранились отчетливые следы маленьких зубов.

— В прошлом году я повстречал одного еврея, — сказал Джейми, оставив мой вопрос без внимания. — Натурфилософа, который объехал весь свет шесть раз. Он рассказал мне, что и по мусульманскому, и по иудейскому учению плотская близость жены и мужа почитается актом добродетели. Интересно, имеет ли это какое-то отношение к тому, что и иудеи, и мусульмане совершают обрезание? Я так и не спросил его об этом: побоялся, что он сочтет мой вопрос не деликатным.

— По-моему, наличие крайней плоти едва ли способно существенно повлиять на такого рода добродетель, — заверила я его.

— Ну и хорошо, — сказал он и поцеловал меня снова.

— А что приключилось с твоими четками? — спросила я, подняв упавшую в траву нитку бус — Похоже, что тут не обошлось без крыс.

— Это не крысы, — сказал он. — Дети.

— Какие дети?

— О, да мало ли какие. — Он пожал плечами и засунул четки обратно в карман. — Юному Джейми уже три года, а Мэгги и Кити по два. Маленький Майкл только что женился, но его жена уже на сносях.

На фоне светившего за спиной солнца его лицо казалось темным, поэтому, когда он улыбнулся, зубы сверкнули неправдоподобной белизной.

— Ты не забыла, что ты уже семикратно двоюродная тетушка?

— Семикратно двоюродная? — переспросила я, пошатнувшись.

— Ну да, а я такой же дядюшка, — добродушно пояснил он, — и не считаю это большим испытанием, разве что отнятые от груди детки, как только у них начинают резаться зубки, грызут все подряд, включая мои четки. Да, и еще приходится откликаться на «дядьку».

Порой двадцать лет казались не мгновением, а очень долгим временем.

— Стало быть, мне предстоит откликаться на «тетку»?

— О нет, — заверил он меня. — Они все будут звать тебя «двоюродная тетушка Клэр» и относиться к тебе с огромным уважением.

— Большое спасибо, — пробурчала я, освежив в памяти картины из жизни гериатрического отделения больницы.

Джейми рассмеялся и с легкостью на сердце, несомненно возникшей благодаря только что полученному отпущению грехов, обнял меня за талию и посадил на колени.

— Никогда раньше не видел двоюродной тетушки с такой прелестной задницей, — одобрительно сказал он, легонько покачивая меня на коленях и щекоча сзади мою шею своим дыханием.

Я слегка вскрикнула, когда он легонько куснул меня за ухо.

— Что случилось, тетушка? — слышался у меня за спиной полный участия голос Айена-младшего.

Джейми непроизвольно вздрогнул, чуть было не сбросив меня с колен, но потом крепче сжал мою талию.

— Все в порядке, — сказал он. — Просто твоя тетя увидела паука.

— Где? — спросил юный Айен, с интересом заглядывая за скамейку.

— Вон там.

Джейми встал, поставил меня на ноги и указал на ближнюю липу. И точно: между двумя изогнутыми ветками поблескивала от влаги паутина. Сама паучиха сидела посередине, круглая, как вишенка, с красочным желто-зеленым узором на спине.

— Я рассказывал твоей тетушке, — сказал Джейми, пока Айен восхищенно рассматривал паутину, — о моем знакомом еврее, прирожденном философе. Вроде бы он занимался изучением пауков и прибыл в Эдинбург, чтобы сделать доклад в Королевском обществе, несмотря на то что он иудей.

— Правда? И он много чего рассказал тебе о пауках? — с интересом спросил парнишка.

— Гораздо больше, чем я хотел знать, — ответил Джейми племяннику. — Мне, например, казалось, что говорить за ужином о пауках, которые откладывают яйца в гусеницах, чтобы паучата вылуплялись и пожирали бедное животное заживо, как-то неуместно. Впрочем, он сообщил одну вещь, которая показалась очень интересной.

Джейми прищурился, легонько подул на паутину, и паучиха резво убежала в укрытие.

— Он сказал, что пауки плетут два типа нитей, и если у вас есть линзы и вы можете заставить паука сидеть неподвижно, пока смотрите, то можно увидеть два места, откуда появляется шелк. Он называл их «прядильными органами». Суть в том, что одни нити клейкие и, если насекомое коснется такой паутины, ему конец. А другие нити сухие, вроде шелковых, но гораздо тоньше.

Паучиха вылезла из укрытия и стала продвигаться к центру своей

паутины.

— Видишь, куда она идет? — Джейми указал на паутину с множеством растяжек, поддерживавших замысловатую узорчатую сеть. — Эти нити, тянущиеся по радиусу от краев до центра, сухие, так что паук может разгуливать по ним туда-сюда, ничем не рискуя. Зато остальная часть паутины, во всяком случае большая часть, клейкая. И если внимательно понаблюдать за пауком достаточно долго, то увидишь, что он ходит только по сухим нитям, потому что, вздумай он ползать по клейким, прилип бы сам.

— Правда?

Айен завороченно дунул на паутину, пристально наблюдая, как легко и проворно ускользнула паучиха от опасности по проверенной надежной нити.

— Сдается мне, что для плетущих паутину есть своя мораль, — вполголоса проговорил Джейми. — «Будь уверен в том, что хорошо знаешь, какие из твоих нитей клейкие».

— Сдается мне, что это срабатывает еще лучше, если ты настолько удачлив, что при необходимости можешь как по волшебству вызвать ручного паука, — сухо сказала я.

Джейми рассмеялся и взял меня за руку.

— Дело не в удаче, англичаночка. Дело в бдительности. Айен, ты идешь?

— Ага.

Парнишка с явной неохотой оторвался от созерцания паутины и последовал за нами к воротам церковного двора.

— Ой, дядя Джейми, я хотел спросить, можно мне взять твои четки? — сказал он, когда мы вышли на каменную мостовую Королевской Мили. — Священник наложил на меня епитимью, пятидесятикратное чтение молитвы, а я боюсь сбиться со счета, ведь пальцев на руках не хватит.

— Конечно. — Джейми остановился и сунул руку в карман. — Только обязательно верни.

Юный Айен ухмыльнулся.

— Ладно. Наверное, они тебе и самому понадобятся, дядя Джейми. Священник сказал, что у дяди грехов выше головы, — поделился со мной отрок, подмигнув лишенным ресниц глазом, — и велел мне не брать с него пример.

— Ммфм, — промычал Джейми и с преувеличенным интересом стал изучать дорогу, оценивая скорость ручной тележки, катившейся вниз по крутому склону.

Поутру он побрился, и щеки его испускали розовое сияние.

— А сколько десятков раз велели прочесть молитву тебе? — полюбопытствовала я.

— Восемьдесят пять, — пробурчал он, и краски на свежевыбритых щеках еще добавилось.

Айен замер в благоговейном ужасе.

— А как давно ты был на исповеди, дядя? — осторожно поинтересовался он.

— Давно, — отрезал Джейми. — Идем!

После обеда Джейми должен был встретиться с неким мистером Хардингом, представителем страхового общества «Рука в руку», где было застраховано имущество типографии. Им предстояло осмотреть пепелище и определить размер ущерба.

— Ты не понадобишься мне, парнишка, — успокоил он Айена-младшего, который, судя по виду, не горел желанием снова оказаться на месте происшествия и пережить заново все страхи. — Иди лучше со своей тетушкой к этой безумной женщине. Не знаю, как это у тебя получается? — обратился он ко мне. — Ты в городе меньше двух дней, а все больные на мили вокруг уже хватаются за твой подол.

— Так уж и все, — недовольно отозвалась я. — Всего-то одна женщина, да и ту я пока еще не видела.

— Ну ладно. По крайней мере, сумасшествие не заразно. Я надеюсь.

Он чмокнул меня, по-дружески похлопал племянника по плечу и повернулся, чтобы идти.

— Пригляди за тетушкой, Айен.

— Хочешь пойти с ним, Айен? — спросила я. — Я и одна справлюсь, если ты...

— О нет, тетушка! — Он повернулся ко мне со смущенным видом. — Может, я бы туда и сходил, да вот все думаю: а ну как они что-нибудь отыщут? В пепле?

— Тело, ты имеешь в виду, — без обиняков заявила я, понимая, что вероятность обнаружения останков и побудила Джейми отправить племянника со мной.

Парнишка кивнул; чувствовалось, что ему не по себе.

— Ну, не знаю, — честно призналась я. — Скорее всего, после такого пожара вряд ли хоть что-нибудь обнаружат. А если и обнаружат — тебе переживать нечего. Твой дядя знает, что делать.

— Да, это уж точно.

Он просиял, воодушевленный верой в способность дяди найти выход

из любого положения. Я тоже улыбнулась и не без удивления поняла, что и сама питаю ту же веру. Будь то пьяный китаец, коррумпированные агенты таможи или мистер Хардинг из страхового общества «Рука в руку», у меня не было никаких сомнений в том, что Джейми справится.

— Ну тогда идем, — предложила я, услышав звон колокола церкви у Пушечных ворот. — Как раз пора.

Несмотря на наложенную отцом Хейсом епитимью, на лице Айена то и дело появлялось мечтательно-блаженное выражение, пока мы поднимались вверх по склону Королевской Мили к жилищу Хендерсона в тупике Кэррубера.

То была тихая, но по меркам Эдинбурга роскошная гостиница с узорчатым ковром на лестнице и цветными витражами в окнах, выходящих на улицу. Мне показалось, что столь дорогие апартаменты не очень-то подходят для скромного священника, но ведь я мало знала о служителях Свободной церкви; возможно, они не принимают обета бедности, как католические клирики.

Мальчишка проводил нас на третий этаж. Дверь открыла плотно сбитая женщина в фартуке, с озабоченным лицом. Мне показалось, что ей лет двадцать пять, хотя она уже лишилась нескольких передних зубов.

— Вы будете та леди, которая должна прийти, как сказал преподобный? — спросила она.

Я кивнула. Ее хмурый взгляд чуть смягчился, и дверь распахнулась пошире.

— Мистеру Кэмпбеллу пришлось выйти, — сообщила компаньонка, растягивая слова на манер жителей равнин, — но он велел передать, что будет признателен за любой совет, способный облегчить участь его сестры.

Значит, это его сестра, не жена.

— Что ж, я постараюсь сделать все, что в моих силах, — заверила я. — Где я могу увидеть мисс Кэмпбелл?

Компаньонка, представившаяся как Нелли Коуден, попросила Айена остаться в гостиной, а меня проводила в спальню.

Мисс Кэмпбелл, как и рассказывал преподобный, «таращилась». Ее бледно-голубые глаза были широко раскрыты, но, похоже, она ни на что не смотрела и не обратила на нас никакого внимания.

Она сидела в широком, низком уютном кресле спиной к огню. В комнате царил полумрак, неяркий свет падал сзади, и черты ее лица расплывались в темноте. Подойдя ближе, я увидела, что лицо у нее округлое, не слишком четко очерченное, с маленьким курносом носом, двойным подбородком, полными, но вялыми отвисающими губами.

Мягкие, по-детски тонкие каштановые волосы были аккуратно причесаны.

— Мисс Кэмпбелл! — осторожно окликнула я ее.

Реакции не последовало. Сидящая в кресле женщина оставалась совершенно неподвижной. Глаза ее, правда, моргали, но с меньшей частотой, чем в норме.

— Когда она в таком состоянии, она никому не отвечает, — сказала за моей спиной Нелли Коуден. Она покачала головой, вытерла руки о фартук и сокрушенно подтвердила: — Ни словечка.

— И как давно это с ней?

Я взяла вялую, пухлую руку и пощупала пульс. Пульс был медленный и достаточно сильный.

— Ну, в этот раз вот уже два дня. — Заинтересовавшись, мисс Коуден подалась вперед, всматриваясь в лицо своей подопечной. — Обычно такое состояние длится с неделю, а то и поболее. Однажды это продолжалось тринадцать дней.

Медленно двигаясь — хотя мисс Кэмпбелл не казалась встревоженной, — я начала осматривать неподвижную пациентку, задавая по ходу дела вопросы компаньонке. Мисс Коуден сообщила, что мисс Маргарет Кэмпбелл тридцать семь лет. Она единственная родственница преподобного Арчибальда Кэмпбелла, с которым проживает последние двадцать лет, со времени смерти их родителей.

— А что провоцирует это состояние? Вы знаете?

Мисс Коуден покачала головой.

— Не могу сказать, мэм. Ничего такого не происходит. То есть мисс Кэмпбелл смеется, разговаривает, кушает. Все вроде бы нормально, а потом раз — и началось!

Компаньонка щелкнула пальцами, наклонилась и щелкнула снова под носом у мисс Кэмпбелл.

— Видите? — сказала она. — Можно провести через комнату шесть трубачей, и она их даже не заметит.

Для меня было очевидно, что недуг мисс Кэмпбелл имеет не физическую, а психическую природу, но я все равно произвела осмотр, настолько полный, насколько можно было это сделать, не раздевая неподвижную пациентку.

— Но это ничего, гораздо хуже бывает, когда она выходит из этого состояния, — сообщила мне мисс Коуден, присев на корточки рядом со мной, когда я опустилась на колени, чтобы проверить подошвенные рефлексы мисс Кэмпбелл.

Ее ноги, освобожденные от туфель и чулок, были влажными и

испускали затхлый запах.

Я решительно провела ногтем по подошве каждой ступни, проверяя рефлекс Бабинского, который мог бы свидетельствовать о наличии органического поражения мозга. Но нет, пальцы ног согнулись в соответствии с нормой.

— А что происходит потом? Крики, вопли, о которых упоминал преподобный? — Я поднялась на ноги. — Пожалуйста, принесите зажженную свечу.

— Ага, крики да вопли, они самые.

Мисс Коуден поспешила исполнить мою просьбу и зажгла от очага вощеный фитилек.

— Она кричит что-то ужасное, кричит и кричит до изнеможения. Потом засыпает, спит сутки напролет, беспробудно, — и просыпается как ни в чем не бывало.

— И она в порядке, когда просыпается? — спросила я, медленно поводя горящей свечой в нескольких дюймах от глаз пациентки.

Зрачки сузились в автоматической реакции на свет, но радужная оболочка осталась неподвижной. Я испытывала непреодолимое желание взяться за надежную рукоятку офтальмоскопа, чтобы проверить сетчатку, но, увы, такой возможности не было.

— Ну, не сказать чтобы в полном порядке, — медленно произнесла мисс Коуден.

Я посмотрела на нее, и она пожала массивными плечами, натянувшими полотно ее платья.

— Головкой страдает, бедняжка, — сообщила она обыденным тоном. — Почитай, уже двадцатый год.

— Но ведь вы, наверное, заботились о ней не все это время?

— О нет! Мистер Кэмпбелл нанимал женщину ухаживать за ней, еще там, где они жили, в Бэрнтисленде, но та женщина была немолода и не хотела покидать свой дом. Приняв предложение миссионерского общества отправиться в Вест-Индию, преподобный стал подыскивать для своей бедной сестры компаньонку. Женщину с крепким здоровьем и хорошим характером, которая была бы не против путешествия. Вот. Я и подошла.

В подтверждение своих добродетелей мисс Коуден одарила меня беззубой улыбкой.

— В Вест-Индию? Он хочет посадить мисс Кэмпбелл на корабль, отправляющийся в Вест-Индию?

Я была потрясена, потому что знала: подобное путешествие было бы нелегким испытанием и для совершенно здоровой женщины. Впрочем,

следующая мысль была о том, что, пожалуй, Маргарет с легкостью перенесет плавание, если будет, как сейчас, пребывать в трансе. Не исключено, что она его просто не заметит.

— Он подумал, что перемена климата пойдет ей на пользу, — пояснила мисс Коуден. — Решил увезти ее подальше от Шотландии и всех этих ужасных воспоминаний. Давно надо было это сделать, вот что я вам скажу.

— А что это за ужасные воспоминания? — спросила я и по блеску глаз компаньонки поняла, что попала в точку: той не терпелось посплетничать.

Завершив осмотр, я уже пришла к выводу, что существенные отклонения от нормы в физическом состоянии пациентки связаны исключительно с малой подвижностью и неправильным питанием, но имелся шанс, что рассказ о прошлом прольет свет на истоки ее нынешнего душевного состояния. А значит, поможет найти способ лечения.

— Что ж, — начала Нелли, отходя к столу, где на подносе стояли графин и несколько бокалов, — это всего лишь то, что рассказывала мне Тилли Лоусон, которая долгое время приглядывала за мисс Кэмпбелл, но она клялась, что это правда, а она достойная женщина. Не хотите ли глоточек ликера, мэм, чтобы почтить гостеприимство преподобного?

Стул, на котором сидела мисс Кэмпбелл, был единственным в комнате, так что мы с мисс Коуден устроились рядышком на кровати и, поглядывая на молчаливую фигуру перед нами, стали потягивать черносмородиновый ликер. Попутно компаньонка поведала мне историю Маргарет Кэмпбелл.

Маргарет Кэмпбелл родилась в Бэрнтисленде, не более чем в пяти милях от Эдинбурга, за заливом Ферт-оф-Форт. В сорок пятом году, когда Карл Стюарт вступил в Эдинбург, чтобы вернуть себе трон отца, ей было семнадцать лет.

— Ее отец, конечно, был роялистом, а вот брат записался в правительственный полк, выступивший на север, против мятежников, — рассказывала мисс Коуден. — Но Маргарет — другое дело: она была за Красавчика принца Чарли и за горцев, которые последовали за Стюартом.

Особенно за одного из них, хотя мисс Коуден не знала его имени. Но должно быть, это был прекрасный человек, ибо мисс Маргарет тайком бегала на встречи с ним и пересказывала ему все, что узнавала из разговоров отца и его друзей, обсуждавших письма от брата.

Ну а потом, после победы при Фолкирке, доставшейся слишком высокой ценой, последовало отступление. Слухи шли впереди отступавшей армии принца, порождая панику и отчаяние. Неудивительно, что встревоженная этими вестями мисс Маргарет одной холодной мартовской

ночью покинула отчий дом и отправилась на поиски человека, которого любила.

В дальнейшем рассказчица уверена не была — осталось неизвестным, то ли Маргарет нашла этого человека, но он отверг ее, то ли они так и не встретились, но вынужденная повернуть обратно от пустоши Куллодена девушка на следующий день после злосчастной для шотландцев битвы попала в руки английских солдат.

— Ужас, что они сделали с ней, — сказала мисс Коуден, понизив голос, как будто фигура в кресле могла слышать. — Ужасно! Английские солдаты, опьяненные злобой и жаждой крови, и не подумали поинтересоваться, кто она и кого поддерживала ее семья. По выговору они поняли, что она шотландка, и этого им хватило.

Ее бросили в канаву с ледяной водой, приняв за умершую, и она, конечно же, умерла бы, не оказись рядом прятавшихся в кустах бродячих цыган.

— Порой, хоть это и не по-христиански, мне кажется, что не стоило им ее спасать, — прошептала мисс Коуден. — Не случись этого, невинная душа отправилась бы прямоиком к Богу, а так...

Неловким жестом женщина указала на молчаливую фигуру и допила содержимое своего бокала.

Маргарет выжила, но словно бы онемела. Немного оправившись, она стала странствовать с цыганами-лудильщиками, двинувшимися, чтобы избежать грабежей и мародерства, на юг. Однажды, когда она сидела во дворе питейного заведения с миской для медяков, в то время как цыгане пели и плясали, развлекая посетителей, ее увидел брат. Полк, в котором он служил, остановился там на привал по пути к своим казармам в Эдинбурге.

Она узнала его, а он ее, и потрясение от их встречи вернуло бедняжке голос, но, увы, не рассудок. Он, конечно, отвез ее домой, но она все время как будто пребывала в прошлом — где-то в том времени, когда еще не отправилась на встречу с горцем. Ее отец к тому времени уже скончался от инфлюэнцы, а матушка, по словам Тилли Лоусон, умерла от потрясения, которое испытала, увидев, что стало с ее дочерью. Однако не исключено, что ее тоже скосила инфлюэнца — в тот год было поветрие.

Вся эта история ожесточила Арчибальда Кэмпбелла и против шотландских горцев, и против английской армии, и он вышел в отставку. После смерти родителей Арчибальд оказался довольно обеспеченным человеком, но на руках у него была беспомощная больная сестра.

— Он не мог жениться, — пояснила мисс Коуден, — ибо какая женщина захотела бы взвалить на себя такую обузу?

Она кивнула в сторону очага.

Видимо, все это побудило мистера Кэмпбелла обратиться к Богу. Он стал священником, а поскольку ни бросить сестру, ни жить с ней в заточении в семейной усадьбе не мог, то нанял для ухода за Маргарет женщину, приобрел экипаж и стал разъезжать по окрестностям с проповедями. Иногда он брал в эти поездки и ее.

Проповеди Кэмпбелла пользовались успехом, он приобрел некоторую известность, и Пресвитерианское миссионерское общество обратилось к нему с предложением отправиться с миссией на Барбадос и Ямайку, чтобы открывать там новые церкви и сеять Слово Божие. Молитва подсказала ему ответ, после чего он продал родовое имение и перевез сестру в Эдинбург, где сейчас занимается приготовлениями к путешествию.

Я снова взглянула на фигуру у огня. Нагретый воздух от очага шевелил юбку вокруг ее ног, но в остальном она была неподвижна, Как статуя.

— Что ж, — сказала я со вздохом, — боюсь, что мало чем могу ей помочь. Но оставляю вам несколько рецептов — предписаний, я имею в виду, — чтобы по ним до вашего отъезда в аптеке изготовили снадобья.

Если они не помогут, то и не повредят, рассудила я, составляя короткий список ингредиентов. Пулавка, хмель, пижма и вербена с хорошей щепоткой перечной мяты как успокаивающее средство. Чай из плодов шиповника, чтобы помочь скорректировать небольшой витаминный дефицит — признаками такового служили кровоточащие десны и бледное, одутловатое лицо.

— Когда вы доберетесь до Вест-Индии, — сказала я, вручив мисс Коуден листок бумаги, — вы должны проследить за тем, чтобы она ела больше фруктов: апельсинов, грейпфрутов и особенно лимонов. Вы тоже должны их есть, — добавила я.

На широком лице компаньонки появилось откровенно недоверчивое выражение. Вряд ли она ела что-нибудь из овощей, кроме лука и картофеля, не говоря уже о фруктах. Наверняка больше налегала на кашу.

Преподобный Кэмпбелл все не возвращался, а никакой серьезной причины дожидаться его у меня не было. Попрощавшись с мисс Кэмпбелл, я открыла дверь спальни и увидела за ней Айена-младшего.

— Ой! — удивился он. — А я как раз пошел искать вас, тетушка. Уже почти полчетвертого, и дядя Джейми сказал...

— Джейми!

Голос прозвучал за моей спиной, из кресла рядом с камином.

Мы с мисс Коуден развернулись и увидели, что мисс Кэмпбелл сидит совершенно прямо, глаза еще широко открыты, но сфокусированы. Они

были устремлены на дверь, и, когда Айен появился в проеме, мисс Кэмпбелл закричала.

Пребывая после этого случая в некоторой растерянности, мы с парнишкой с облегчением отбыли в уже воспринимавшийся нами как привычное убежище бордель. Бруно приветствовал нас как своих и препроводил в заднюю гостиную, где мы застали Джейми и Фергюса, занятых серьезным разговором.

— Верно, мы не доверяем сэру Персивалю, — откровенно сказал Джейми, откинувшись в кресле и вытянув ноги. — И в сложившейся ситуации я не могу с тобой не согласиться: тут имела место ловушка, подстроенная акцизной службой. Два дня — так он говорил. Насчет бухты Муллена.

Он заметил нас с Айеном и чуть приподнялся, приглашая нас сесть.

— Значит, это скалы под Балкарресом? — спросил Фергюс.

Джейми задумался, медленно барабанил по столу двумя негнущимися пальцами правой руки.

— Нет, — сказал он наконец. — Пусть это будет Арброут, чуть ниже аббатства. Ладно?

— Ладно.

Фергюс отодвинул полупустую тарелку с овсяными лепешками, которыми он угощался, и встал.

— Я сообщу кому надо, милорд. Арброут, через четыре дня.

Кивнув мне, он накинул на плечи плащ и вышел.

— Это контрабанда, дядя? — живо поинтересовался Айен. — Ожидается французский люггер?

Он взял лепешку и вгрызся в нее, разбрасывая крошки по столу. Глаза Джейми были затуманены раздумьем, но они прояснились, когда он посмотрел на племянника.

— Ну да. И ты, приятель, не имеешь к этому никакого отношения.

— Но я мог бы помочь, — возразил мальчик. — Тебе же потребуется человек, чтобы поддержать мулов!

— После всего того, что твой отец сказал тебе и мне вчера, дорогой племянничек? — Джейми поднял брови. — Господи, малый, ну и короткая же у тебя память!

Айен слегка смутился и, чтобы скрыть свое состояние, взял еще одну лепешку. А поскольку это на какое-то время заставило его замолчать, я не преминула воспользоваться случаем и влезть со своими вопросами.

— Ты собираешься в Арброут, чтобы встретить французское судно, которое доставит контрабандное спиртное? А ты не думаешь, что это

опасно после предупреждения сэра Персиваля?

Джейми удивленно взглянул на меня, но ответил вполне терпеливо:

— Нет. Сэр Персиваль предупреждал меня, что известно о встрече, намеченной через два дня. Она должна была состояться в бухте Муллен, но не состоится. Однако на сей случай у меня имеется договоренность с Джаредом и его капитанами: в случае срыва по какой-либо причине любой намеченной встречи люггер отойдет от берега и причалит снова следующей ночью, но уже в другом месте. На случай отмены второй встречи у нас есть договоренность насчет третьей.

— Но если сэр Персиваль знает о первой встрече, разве он не узнает о других? — не унималась я.

Джейми покачал головой и налил себе в чашку вина. Он спросил меня глазами, не хочу ли и я выпить, но я отказалась.

— Нет, — ответил он на мой вопрос, отпивая вино маленькими глотками. — Места встреч, все три, оговариваются между мной и Джаредом в отдельном письме, которое вкладывается в особое, запечатанном пакете в другое письмо, адресованное Жанне. Прочитав письмо, я сжигаю его. Люди, которые помогают встретить люггер, будут, конечно, знать о первом пункте. Я полагаю, один из них и допустил утечку, — добавил он, хмуро глядя в свою чашку. — Но никто — даже Фергюс — не знает о двух других пунктах, пока нам не потребуется использовать какой-то из них. Все участники узнают об операции перед самым ее началом, так что риск минимален.

— Но раз это не опасно, дядя, то почему тебе не взять меня с собой? — воскликнул Айен. — Я никому не помешаю!

Джейми бросил на племянника недовольный взгляд.

— Ну хорошо, — буркнул он. — Ты поедешь со мной в Арброут, но ты и твоя тетушка останетесь в придорожной гостинице над аббатством, пока мы не закончим. Мне нужно отвезти этого малого домой в Лаллиброх, Клэр, — пояснил он, повернувшись ко мне. — И уладить дела с его родителями, насколько это возможно.

Старший Айен покинул номера Холлидея утром, еще до прихода Джейми и Айена-младшего. Записки он не оставил, но, скорее всего, отправился домой.

— Ты ведь не против этой поездки? Я бы не стал спрашивать об этом, но ты только что вернулась после своего путешествия из Инвернесса. — Он встретился со мной взглядом и заговорщически улыбнулся. — А мне необходимо отвезти парня туда как можно скорее.

— Я вовсе не против, — заверила я его. — Буду рада повидаться с

Дженни и остальными твоими родичами.

— Но, дядя, — встрял Айен, — а как же насчет...

— Помолчи! — отрезал Джейми. — Все будет зависеть от тебя, парень. А сейчас больше ни слова, ладно?

Парнишка явно обиделся и заел обиду еще одной лепешкой, которую отправил в рот, демонстрируя, что подчиняется и намерен держать язык за зубами.

Джейми расслабился и улыбнулся мне.

— Ну что ж, а как прошел твой визит к той сумасшедшей?

— Очень интересный случай, — ответила я. — Джейми, ты знаешь кого-нибудь по имени Кэмпбелл?

— Три-четыре сотни, не больше, — с улыбкой ответил он. — А ты имеешь в виду какого-то конкретного Кэмпбелла?

— Сразу двух.

И я поведала ему историю Арчибальда Кэмпбелла и его сестры Маргарет в том виде, в каком преподнесла ее мне Нелли Коуден.

Джейми выслушал меня, вздохнул, и лицо его омрачилось воспоминаниями, отчего он сразу стал выглядеть старше.

— Это не самая ужасная вещь, которую я слышал о том, что происходило после Куллодена, — сказал он. — Но я, мне кажется, подожди...

Он остановился и посмотрел на меня. Глаза его сузились в размышлении.

— Маргарет Кэмпбелл. Маргарет. Милая миниатюрная девушка росточком примерно со вторую Мэри? С мягкими, как перышко крапивника, каштановыми волосами и нежным личиком?

— Вероятно, такой она и была двадцать лет назад, — ответила я, вспоминая неподвижную рыхлую фигуру, сидевшую у огня. — А что, выходит, ты ее знаешь?

— Думаю, что да.

Он наморщил лоб и посмотрел вниз на стол, проведя произвольную линию через рассыпанные крошки.

— Ну да, если не ошибаюсь, она была возлюбленной Эвана Камерона. Ты помнишь Эвана?

— Конечно.

Эван был высоким красивым весельчаком, который работал с Джейми в Холируде, собирая по крупницам разведывательные данные, просачивавшиеся через Англию.

— А что стало с Эваном? Или мне не стоило спрашивать? — добавила

я, увидев, что на лицо Джейми набежала тень.

— Англичане расстреляли его, — тихо ответил он. — Два дня спустя после Куллодена.

Он закрыл глаза, потом открыл и устало улыбнулся.

— Что ж, да благословит Господь преподобного Арчи Кэмпбелла. Я слышал о нем пару раз во время восстания. Люди говорили, он был стойким и смелым солдатом. И я думаю, что теперь ему, бедняге, требуется вся его стойкость.

Он посидел несколько мгновений, потом решительно встал и похлопал по своему плащу, откуда донеслось звяканье.

— К счастью, страховка позволит мне рассчитаться с заказчиками, и кое-что еще останется. И вот что, англичаночка, перед тобой стоит важная задача — найти портниху, которая за два дня сумеет смастерить тебе приличное платье. Подозреваю, что Дафна захочет получить свой наряд обратно, а везти тебя в Лаллиброх в голом виде мне как-то неловко.

Глава 30

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Главным моим развлечением по дороге на север, в Арброут, было наблюдать за тем, как дядюшка и племянник стараются переупрямить один другого. Будучи хорошо знакома по личному опыту с упрямством как с одной из основных фамильных черт Фрэзеров, я не могла не признать, что юный Айен, даже лишь наполовину являясь Фрэзером, наделен этим качеством в полной мере. Либо гены Фрэзеров брали верх, либо Мурреи были из того же теста.

Имея возможность много лет наблюдать Брианну, я составила об этом собственное мнение, но держала его при себе, просто получая удовольствие от этого поединка характеров, в котором Джейми в кои-то веки встретил достойного соперника. К тому времени, когда мы проехали Бальфур, вид у него был затравленный.

Это состязание, в котором никто не хотел дать слабину, продолжалось до раннего вечера четвертого дня, когда, добравшись до Арброута, мы обнаружили, что гостиницы, в которой Джейми собирался оставить нас с Айеном, больше не существует. На ее месте торчала наполовину обрушившаяся каменная стена да обгорелые остатки стропил. Положение усугублялось тем, что по дороге на несколько миль в каждую сторону другого пристанища не имелось.

Некоторое время Джейми молча смотрел на груды камней. Было совершенно очевидно, что он не может оставить нас посреди пустой размытой дороги. Разумеется, это дошло и до Айена, но, хотя парнишка дрожал от возбуждения, у него хватило благоразумия не напирать на дядю, пытаюсь извлечь выгоду из сложившихся обстоятельств.

— Ну ладно, — решился наконец Джейми. — Ты пойдешь. Но только до края утеса. Слышишь, Айен? Твое дело — присматривать за тетушкой.

— Я слышу, дядя Джейми, — отозвался племянник с притворным смирением.

Я поймала взгляд Джейми, поняла, что если Айену предстоит присматривать за тетей, то и ей не помешает присмотреть за парнем, и пряча улыбку, послушно кивнула.

Остальные люди прибыли к месту встречи своевременно, и к наступлению темноты все собрались на утесе. Вроде бы один-два человека показались мне знакомыми, но вообще-то в такой тьме все представлялись

не более чем серыми тенями. Прошло всего два дня после новолуния, и крохотный серебряный полумесяц, висевший над горизонтом, давал немногим больше света, чем свечка в подвале борделя. Люди не представлялись, имен никто не называл. Здороваясь, все лишь хмыкали и бормотали что-то невнятное.

Однако кое-кого не распознать было невозможно. Когда на дороге появилась громыхающая, запряженная мулами повозка, на козлах сидели двое — Фергюс и маленький человечек, которым мог быть только мистер Уиллоби, не попадавшийся мне на глаза с тех пор, как пристрелил в борделе таинственного незнакомца.

— Надеюсь, что сегодня он без пистолета, — прошептала я.

— Кто? — спросил Джейми, щурясь из-за сгущающегося мрака. — А, китаец? Нет, пистолетов нет ни у кого из них.

Прежде чем я успела спросить почему, он направился к подводе, чтобы помочь развернуть ее: сразу после погрузки контрабандного товара ей, не теряя ни минуты, следовало отбыть в Эдинбург. Айен протиснулся вперед, и я, памятуя о своих опекунских обязанностях, последовала за ним.

Мистер Уиллоби встал на цыпочки, пошарил в повозке и вытащил странного вида фонарь с отверстием на верхушке и съемными металлическими боковинами.

— Это что, потайной фонарь? — восхищенно спросила я.

— Он самый, — с важным видом ответил Айен. — Мы держим боковины опущенными, пока не увидим сигнал с корабля. — Он потянулся к фонарю. — Дай-ка его мне. Я умею сигналить.

Мистер Уиллоби покачал головой и вырвал фонарь из цепкой хватки мальчика.

— Слишком высокий, слишком молодой, — сказал китаец. — Дзей-ми так говорить, — добавил он, как будто это решало вопрос раз и навсегда.

— Что? — возмутился Айен. — Что ты этим хочешь сказать? «Слишком высокий, слишком молодой»... ты, малень...

— Он имеет в виду, — прозвучал позади нас невозмутимый голос, — что тот, кто держит фонарь, представляет собой прекрасную мишень, если к нам нагрянут визитеры. Мистер Уиллоби любезно взял риск на себя, поскольку он самый маленький из нас и в него труднее всего попасть. А ты малый долговязый, будешь хорошо замечен на фоне неба. Да и рассудительности у тебя по молодости лет маловато. Так что, уж будь добр, не встревай.

Джейми легонько хлопнул племянника по уху, прошел дальше, опустил на колени рядом с мистером Уиллоби и что-то тихо сказал по-

китайски, на что Уиллоби отреагировал коротким смешком. Китаец открыл боковую сторону фонаря, посветив Джейми на сложенные чашечкой руки. Дважды прозвучал резкий щелчок, и я уловила вспышку искр, высеченных из кремня.

Это был безлюдный участок побережья, что и не удивительно, ибо такова значительная часть диких, скалистых берегов Шотландии. Мне трудно было представить, где здесь может причалить французское судно. Никакой бухточкой или заливом тут даже не пахло, разве что торчавший утес закрывал изгиб береговой линии, не позволяя просматривать его с дороги.

Скудный свет нарождающейся луны позволял все же видеть, как прибой набегает на береговую полосу. Да, это, конечно, было совсем не похоже на ухоженный туристический пляж: камни, пятна песка, галька да выброшенные морем водоросли. Наверное, ковылять здесь с бочонком на плечах не самое приятное занятие. Зато тут полно расщелин, куда в случае чего можно спрятать товар.

Неожиданно рядом со мной появилась еще одна фигура.

— Все готово, сэр, — послышался тихий голос — Наверху, в скалах.

— Хорошо, Джой.

Внезапная вспышка осветила профиль Джейми, напряженно присматривавшегося к только что зажженному фитилю. Он затаил дыхание, дождался, когда пламя упорядочилось и усилилось, подпитываясь маслом из емкости фонаря, выдохнул и аккуратно опустил металлическую боковину.

— Вот и хорошо, — сказал Джейми, вставая. Он посмотрел на звезды, светившие над вершиной южного утеса, и определил по ним время: — Почти девять часов. Они скоро будут. Помни, Джой, без моего сигнала никто ни с места!

— Да, сэр.

Это прозвучало довольно небрежно. Видимо, такие напутствия были делом привычным, и Джой, надо думать, удивился, когда Джейми схватил его за руку:

— Проследи за этим! Повтори всем и каждому, чтобы никто с места не двинулся, пока я не подам сигнал.

— Да, сэр, — повторил Джой, но уже более серьезным тоном, после чего отступил и бесшумно растворился в ночи.

— Что-нибудь не так? — повысив голос ровно настолько, чтобы меня не заглушал прибой, спросила я.

Побережье и утесы казались совершенно безлюдными, но мрачный

облик этого места и специфическое ремесло моих спутников призывали к осторожности.

Джейми покачал головой, и я подумала, как же он был прав насчет юного Айена. Его собственный темный силуэт отчетливо вырисовывался на чуть более бледном фоне ночного неба.

— Сам не знаю, — неуверенно пробормотал он. — Скажи мне, англичаночка, ты чувствуешь что-нибудь?

Удивившись вопросу, я все же принялась, задержала на миг дыхание и резко выдохнула. С берега тянуло гниющими водорослями, от фонаря — горящим маслом, а от Айена с его возбуждением и страхом — едким запахом пота.

— По-моему, ничего необычного, — сказала я. — А ты?

В темноте было видно, как он пожал плечами.

— Сейчас ничего. Но мгновение назад я готов был поклясться, что уловил запах пороха.

— А я ничего не чувствую, — заявил Айен ломким от волнения голосом и, смутившись, прокашлялся. — И потом, Уилли Маклеод и Алек Хейс осмотрели все окрестные скалы. Все чисто.

— Ну ладно, — сказал Джейми, но по голосу было ясно, что беспокойство его не покинуло.

Он повернулся к парнишке и крепко взял его за плечо.

— Вот что, Айен, поручаю тетю твоим заботам. Вы вдвоем вернетесь к кустам утесника. Держитесь подальше от фургона. Если что-нибудь случится...

Малец попытался возразить, но Джейми так сжал свои пальцы, что тот, тихо буркнув, отступил, потирая плечо.

— Если что-нибудь случится, — повторил Джейми с нажимом, — ты должен забрать тетушку и напрямик отправиться в Лаллиброх. Не мешкая.

— Но... — начала я.

— Дядя! — воскликнул Айен.

— Делай как велено! — сурово произнес Джейми и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Юноша поник, однако распоряжение выполнил: уныло побрел вверх по тропе и добрался вместе со мной до зарослей утесника. Там он сумел найти маленький выступ, с которого открывался вид на воду.

— Ага, отсюда можно посмотреть, — обрадовался он.

Посмотреть-то было можно, но только почти ничего не было видно, кроме плещущейся внизу воды да обрывающихся к ней скал, напоминающих стенки разбитой чаши, наполненной тьмой. Один раз мне

удалось увидеть, как лунный луч блеснул на металлической пряжке, и уловить движение, в целом же люди внизу были совершенно невидимы.

Я прищурилась, стараясь определить местонахождение мистера Уиллоби с его фонарем, но, не увидев и признака света, пришла к выводу, что он, должно быть, стоит позади фонаря, загораживая его от взглядов со стороны утеса.

Неожиданно Айен напрягся.

— Кто-то идет! — прошептал он. — Быстро прячься за меня!

Отважно встав передо мной, он сунул руку под рубашку и достал пистолет; несмотря на темноту, я различила слабый блеск ствола. Айен пригнулся, напряженно всматриваясь во мрак и держа перед собой пистолет обеими руками.

— Не стреляй, ради бога! — прошипела я ему в ухо.

Я не решилась схватить парнишку за руку из опасения, что это приведет к непроизвольному выстрелу, но меня пугало, что он выстрелит сам и поднимется шум.

— Весьма признателен тебе за то, что ты так рьяно охраняешь тетушку, — раздался из темноты ироничный голос Джейми. — Но будь любезен, не снеси мне башку!

Айен опустил пистолет со вздохом, который мог выражать как облегчение, так и разочарование. Кусты утесника задрожали, и Джейми оказался перед нами, отряхивая колючки с плаща.

— Неужто никто не сказал тебе, что нельзя приходить вооруженным? — мягко спросил Джейми, как будто его интерес был сугубо теоретическим. — Видишь ли, за попытку вооруженного сопротивления служащим королевской таможни полагается виселица, — пояснил он, обернувшись ко мне. — Никто из наших людей не вооружен, у нас нет с собой даже рыбацких ножей, на тот случай если нас задержат.

— Фергюс сказал, что меня не повесят, потому что у меня еще не выросла борода, — смущенно пояснил Айен. — Только сошлют, так он сказал.

Джейми присвистнул с досадой.

— Ну да, и я уверен, что твоя матушка очень обрадовалась бы, узнав, что тебя отправили в колонии, даже если Фергюс прав! — Он протянул руку. — Отдай мне пистолет, дурачок. И вообще, откуда ты его взял? К тому же уже заряженный. Нет, не случайно я учуял запах пороха. Тебе повезло, что он не разрядился у тебя за поясом и не отстрелил ту штуковину, что болтается между ног.

Прежде чем племянник успел ответить, я вскрикнула, махнув рукой на

море:

— Смотри!

Французское судно казалось пятнышком на поверхности моря, но его паруса бледно светились, отражая холодный блеск звезд. Двухмачтовый кеч медленно проплыл мимо утеса, остановился и замер, безмолвный, как одно из разбросанных по небосклону облаков. Джейми не смотрел на судно, его взгляд был устремлен вниз, на ту точку, где за грудой камней обрушившегося скального фасада начиналась полоска песка. Там появилась крохотная точка света. Фонарь мистера Уиллоби.

По влажным скалам метнулась вспышка света и пропала. Айен сжал мою руку. Мы ждали, затаив дыхание. На счет «тридцать» другая вспышка осветила пену на песке, и парнишка сжал мою руку еще сильнее.

— Что это было? — спросила я.

— Ты о чем?

Джейми смотрел не на меня, а в море, на корабль.

— При вспышке света мне показалось, будто я увидела на берегу что-то полузарытое в песке. Оно было похоже на...

Последовала третья вспышка, и на корабле зажегся ответный свет — голубой фонарь свисал с мачты, отражаясь в темной воде.

Возбуждение вытеснило из моей головы оставшееся непонятым видение — что-то вроде присыпанного песком, небрежно брошенного вороха одежды. На корабле произошло какое-то движение, и наших ушей достиг слабый всплеск: бочку сбросили за борт.

— Скоро прилив, — шепнул Джейми мне на ухо. — Через несколько минут он выбросит бочонки на берег.

Это решало проблему швартовки под разгрузку. Но как же тогда осуществляется оплата? Я уже собиралась спросить, когда внизу неожиданно раздался крик и началась суматоха.

Джейми моментально сорвался с места и понесся через заросли, Айен и я припустили за ним. Разглядеть что-либо толком было невозможно, но на берегу, судя по всему, возникла драка. Темные фигуры сталкивались, катались по песку, а когда среди доносившихся снизу криков мне удалось расслышать «Именем короля!», в моих жилах застыла кровь.

— Стража!

Айен тоже это услышал.

У Джейми вырвалось грубое гэльское ругательство, а потом он откинул назад голову и прокричал так, что каждое его слово было хорошо слышно внизу:

— Эйрих иллеан! Суас ам биррах из тейх! — И по-английски для меня

и Айена: — Уходите! Уходите!

Шум усилился, к крикам добавился грохот падающих камней. Вдруг из утесника метнулась темная фигура, пронеслась ниже меня по склону и скрылась во тьме. Следом, отставая всего на несколько футов, проскочила другая.

Из темноты внизу донесся истошный вопль, такой пронзительный, что он заглушил все прочие шумы.

— Это Уиллоби! — воскликнул Айен. — Они схватили его!

Проигнорировав приказ Джейми уходить, мы подались вперед, всматриваясь в завесу утесника. Потайной фонарь, похоже, выпал из рук китайца, а поскольку оставался зажженным и с открытой боковиной, он, словно прожектор, осветил пляж с вырытыми в песке неглубокими ямами, где и прятались таможенники. Там сцепились Две темные фигуры: та, что поменьше, отчаянно отбивалась ногами в воздухе, потому что более рослый противник оторвал ее от земли.

— Я его выручу!

Юный Айен рванулся вперед, но Джейми схватил его за шиворот.

— Делай то, что тебе велено: позаботься о безопасности моей жены!

Тяжело дыша, мальчик обернулся ко мне, но выполнить указание дядюшки было не так-то просто: я никуда не собиралась, а настаивать на своем Джейми было некогда. Он повернулся, взбежал на вершину утеса, остановился в нескольких ярдах от нас и, припав на одно колено, положил ствол пистолета на левое предплечье, тщательно прицеливаясь.

Звук выстрела среди всей этой суматохи прозвучал как простой щелчок, но зато его результаты оказались более чем впечатляющими. Фонарь взорвался дождем горящего масла, отчего побережье мигом погрузилось во тьму, и крики стихли.

Правда, воцарившаяся тишина в считанные секунды сменилась истошным ревом, в котором смешались боль и негодование. Мои глаза, ослепленные вспышкой фонаря, быстро приспособились, и я разглядела еще одно свечение — несколько маленьких язычков пламени хаотично двигались вверх и вниз. Когда же зрение прояснилось окончательно, я увидела, что эти язычки образовались на рукаве человека, обрызганного горящим маслом. Человек приплясывал и вопил, тщетно пытаясь сбить огонь.

Кусты утесника яростно затряслись, когда Джейми нырнул в них и пропал из виду, устремившись вниз по склону.

— Джейми!

Мой крик привел в чувство Айена, который встrepенулся и потащил

меня прочь с такой силой, что едва не свалил с ног.

— Идем, тетя! Они вот-вот будут здесь!

Вот уж тут парень был стопроцентно прав: крики раздавались все ближе — видимо, люди поднимались по скалам. Мне оставалось лишь подобрать юбку и поспешить за Айеном со всей возможной в таком мраке скоростью.

Я понятия не имела, куда мы направляемся, но вот парнишка, похоже, следовал полученным на этот случай указаниям. Он снял камзол, и белое пятно его рубашки, призрачно маячившее впереди, среди поросли ольхи и берез, служило мне ориентиром.

— Где мы? — спросила я, нагнав его и идя рядом, когда он замедлил шаг на берегу крохотной речушки.

— Там впереди дорога на Арброут, — ответил Айен.

Как и я, он тяжело дышал, рубашка была в чем-то перепачкана.

— Сразу станет легче идти. Ты в порядке, тетя? Может, мне перенести тебя на ту сторону?

Я вежливо отказалась от этого любезного предложения, про себя отметив, что наверняка вещь не меньше его, сняла туфли и чулки и по колено в воде перешла речушку, ощущая, как ледяная грязь забирается между пальцами ног.

Оказавшись на другом берегу, я так дрожала от холода, что пришлось принять-таки предложение Айена и накинуть его камзол, тем более что мальчику, возбужденному и разгоряченному этим рывком, он явно не требовался. А меня кроме ноябрьского стылого ветра холодил еще и страх.

Тяжело дыша, мы вышли на дорогу, и пронизывающий ветер подул нам в лицо. Мой нос и губы моментально онемели, волосы мигом растрепались. Однако этот же ветер сослужил добрую службу, донеся звуки голосов откуда-то спереди. Еще немного, и мы вышли бы прямо на говоривших.

— Есть сигнал с утеса? — спросил низкий мужской голос.

Айен остановился настолько резко, что я уткнулась в него.

— Пока нет, — прозвучал ответ. — Мне показалось, будто оттуда донесся небольшой шум, но ведь ветер переменился.

— Ну так полезай снова на дерево, шевели задницей, увалень! — раздраженно произнес первый. — Если кто-нибудь из этих сукиных детей улизнет с берега, мы перехватим их тут. Небось лучше, если награда достанется нам, а не тем содомитам, что на берегу.

— Холодно, — проворчал второй голос. — Торчи тут, на ветру, пока не промерзнешь до самых костей. Лучше бы сидеть в засаде в аббатстве —

там, по крайней мере, тепло.

Айен впился пальцами в мою руку, и я попробовала высвободиться, опасаясь появления синяков, но он даже не заметил моих попыток.

— Тепло-то тепло, но и меньше шансов выловить жирную рыбину, — последовало возражение. — А пятьдесят фунтов — это тебе не шутка.

— Ладно, — согласился второй голос. — Только вот не знаю, как нам углядеть рыжие волосы в темноте?

— Главное — не пропустить их, Оуки, а уж с волосами как-нибудь разберемся.

Юный Айен наконец вышел из транса, и мне удалось стянуть его с дороги в кусты.

— Что они имели в виду насчет засады в аббатстве? — спросила я, как только мы вышли за пределы слышимости наблюдателей. — Ты знаешь?

Парнишка энергично закивал.

— Думаю, да, тетя. Должно быть, это Арброутское аббатство. Это ведь место встречи, да?

— Место встречи?

— На тот случай, если что-то пойдет не так, — пояснил он. — Тогда каждый спасается как может, а потом все должны будут собраться в аббатстве.

— Что ж, хуже уже некуда, — заметила я. — Что там крикнул твой дядя, когда появились таможенники?

Айен стоял вполоборота, прислушиваясь к звукам с дороги, но теперь бледный овал его лица снова обратился ко мне.

— «Наверх, парни! Через утес и бегом!»

— Разумный совет, — сухо сказала я. — Если они ему последовали, то большинству людей наверняка удалось скрыться.

— За исключением дяди Джейми и мистера Уиллоби.

Айен нервно провел рукой по волосам; это так напомнило мне Джейми, что я чуть не попросила его прекратить. Я глубоко вздохнула.

— Ну, им мы сейчас помочь не можем. Зато остальным людям, если они направляются в аббатство...

— Ага, — перебил он, — вот это я и пытался решить: сделать ли мне так, как велел дядя Джейми, и отвезти тебя в Лаллиброх, или поспешить в аббатство и предупредить остальных.

— Поспешь в аббатство, — сказала я, — и поскорее.

— Я бы и рад, но мне не хочется оставлять тебя здесь одну, тетя, да и дядя Джейми сказал...

— Конечно, приказы надо выполнять, Айен, но всего не

предусмотришь, и иногда приходится принимать самостоятельные решения, — уверенно заявила я, тактично умолчав о том, что на самом деле решение было принято за него мною. — Эта дорога ведет в аббатство?

— Ну да. До аббатства не более мили с четвертью.

Он переминался с ноги на ногу — так ему не терпелось поскорее отправиться в путь.

— Хорошо. Двигай в аббатство, но лучше в обход. А я, наоборот, пойду прямо по дороге. Возможно, мне удастся отвлечь стражников и тебе легче будет добраться. Встретимся в аббатстве. Постой! Забери-ка свой камзол.

Камзол я сняла неохотно: ощущение было такое, будто обрывается теплая дружеская связь. И то сказать: как только мальчик отбудет, я останусь совершенно одна в холодной темноте шотландской ночи.

— Айен...

Я взяла его за руку, чтобы задержать еще хоть на миг.

— Да?

— Будь осторожен, ладно?

Повинуясь порыву, я привстала на цыпочки и поцеловала его в холодную щеку. От удивления у него слегка расширились глаза, но он ничего не сказал, лишь улыбнулся и ушел. Отведенная с пути ветка ольхи со щелчком вернулась на место.

Было очень холодно. И тихо, если не считать тоскливого посвиста ветра да отдаленного шума прибоя. Поплотнее завернувшись в шаль, чтобы унять дрожь, я зашагала к дороге, размышляя, не следует ли мне производить какие-нибудь звуки при продвижении. Если я не обозначу свое присутствие, на меня могут напасть без предупреждения люди, сидящие в засаде: услышав шаги, но не видя меня, они подумают, что к ним приближается кто-то из сбежавших контрабандистов.

С другой стороны, если я пойду неспешно, напевая песенку, чтобы показать, что я безобидная женщина, они просто затаятся в укрытии, не желая выдавать своего присутствия. А мне требовалось как раз обратное.

Колебания были недолгими. Я нагнулась, подобрала с обочины камень, вышла на дорогу и, дрожа еще пуще, чем раньше, зашагала вперед. Молча.

Глава 31

ЛУНА КОНТРАБАНДИСТОВ

Ветер раскачивал кусты и деревья по обочинам, что приглушало звук моих шагов по дороге, как, впрочем, и возможные голоса или движения тех, кто притаился в засаде. С праздника Самхейн — Дня всех святых — прошло менее двух недель, и в такую бурную ночь очень легко было поверить, что злобные призраки вольно разгуливают по земле.

Правда, тот, кто внезапно накинулся на меня сзади, зажав ладонью рот, никак не являлся бесплотным духом и наверняка напугал бы меня до паралича, не будь я готова именно к подобному повороту событий. Сердце мое, конечно, все равно екнуло, я судорожно дернулась, но это не помешало мне оказать сопротивление.

Нападавший схватил меня слева, придавив мою левую руку к боку и зажав мне рот. Зато моя правая рука осталась свободной. Я ударила его каблуком по колену, он покачнулся, а я наклонилась вперед и, резко выпрямившись, приложила камнем к его голове.

Удар, хоть и торопливый, получился достаточно сильным: человек удивленно хрюкнул и ослабил хватку. Я же, напротив, активизировала сопротивление: пиналась, трепыхалась, а когда его рука соскользнула с моих губ, вонзила зубы в палец и укусила как можно сильнее.

«Челюстные мускулы проходят от сагиттального гребня на вершине черепа к вставке нижней челюсти, — всплыли в моей памяти строки из «Анатомии» Грея. — Это позволяет зубам при сжатии челюстей развивать значительное давление. В среднем сила сжатия человеческих челюстей составляет около трехсот фунтов!»

Не знаю уж, удалось ли мне превзойти средние показатели, но эффекта я добилась. Нападавший судорожно дергался, пытаясь высвободить палец из беспощадного капкана моих зубов.

Естественно, ему пришлось ослабить хватку, и, как только мои ноги коснулись земли, я разжала зубы, резко развернулась и ударила его коленом между ног.

Возможность двинуть мужчину ногой в промежность как средство женской самообороны весьма переоценивается. То есть если попадешь куда надо, результат очень даже впечатляет, только вот выполнить этот прием гораздо труднее, чем можно подумать, особенно когда на тебе длинная тяжелая юбка. К тому же мужчины весьма озабочены сохранностью своих

уязвимых гениталий и инстинктивно оберегают эти драгоценные места от любых посягательств.

Однако в данном случае нападавший никак не ожидал, что сам подвергнется нападению, да еще и расставил ноги для лучшего равновесия, так что мой удар достиг цели. Бедняга с противным звуком втянул воздух, сложился пополам и свалился на дорогу.

— Это ты, англичаночка? — донесся из темноты шепот.

Я подскочила, как испугнутая газель, и непроизвольно вскрикнула.

Во второй раз за несколько минут мне прикрыли рот ладонью.

— Ради бога, англичаночка! — шепнул Джейми мне в ухо. — Это я.

Я не укусила его, хотя искушение было, и сильное.

— Поняла, — процедила я сквозь зубы, когда он выпустил меня. — Кто тот другой тип, который схватил меня?

— Фергюс, я полагаю.

Аморфная темная фигура, лежавшая на дороге, слабо стонала.

— Это ты, Фергюс? — шепотом спросил Джейми и, получив в ответ утвердительное мычание, наклонился и помог французу встать на ноги.

— Не шуми! — шепотом сказала я. — Впереди засада!

— Правда? — произнес Джейми обычным голосом. — Но сдается мне, никого не заинтересует, даже если мы чуток пошумим.

Он помолчал, как будто ожидая отклика, но ему ответил лишь свист ветра в кронах рябин. Тогда Джейми взял меня за руку и выкрикнул в ночь:

— Маклеод! Риберн!

— Слышим, Рой, — отозвался из кустов слегка раздраженный голос — Мы здесь. И Иннес, и Мелдрум, верно?

— Ага, я тут.

Тихо переговариваясь, из-за кустов и деревьев появилось еще несколько человек.

— ...четыре, пять, шесть, — сосчитал Джейми. — А где Хейс и Гордон?

— Я видел, как Гордон заходил в воду, — сказал один из пришедших. — Он собирался обойти мыс. Скорее всего, Хейс и Кеннеди тоже. Не похоже, чтобы их сцапали.

— Очень хорошо, — сказал Джейми. — Итак, англичаночка, что там насчет засады?

Учитывая, что ни Оуки, ни его товарищ здесь так и не появились, я начинала чувствовать себя дура душой, однако все равно сочла нужным рассказать ему, что слышали мы с Айеном.

— Вот как? — заинтересовался Джейми. — Ты уже можешь стоять,

Фергюс? Можешь? Молодец, парень. Тогда давайте проверим. Мелдрум, у тебя есть с собой кремень?

Через несколько мгновений Джейми с маленьким факелом в руке, мужественно сопротивляющимся попыткам ветра задуть его, двинулся по дороге и скрылся за поворотом. Контрабандисты и я ожидали в напряженном молчании, готовые либо бежать, либо кинуться ему на помощь, но шума засады не было. Казалось, прошла вечность, прежде чем раздался голос Джейми.

— Идите все сюда, — позвал он спокойно и собранно.

Джейми стоял посреди дороги, рядом с большой ольхой. Свет факела окружал его мерцающим кругом, и поначалу я не увидела ничего, кроме его самого. Потом человек, стоявший рядом со мной, ахнул, а у другого вырвалось испуганное восклицание.

В смутном свете проявилось еще одно лицо, висевшее в воздухе позади левого плеча Джейми. Ужасное, налитое кровью лицо, черное в факельном свете, с выпученными глазами и высунутым языком. Ветер ворошил светлые, как сухая солома, волосы.

Я едва сдержала крик.

— Ты была права, англичаночка, — сказал Джейми. — Это действительно был служащий короны.

Он бросил на землю какой-то предмет, шлепнувшийся с негромким стуком.

— Ордер, — сказал он, кивнув на этот предмет. — Малого звали Томас Оуки. Кто-нибудь его знает?

— Только не таким, каков он сейчас, — прошептал кто-то рядом со мной. — Господи, его не узнала бы и родная мать!

Люди нервно кашляли, что-то бормотали, переминаясь с ноги на ногу. Всем, и мне в том числе, явно хотелось убраться оттуда поскорее.

— В общем, так, — сказал Джейми, призвав всех к вниманию. — Груз потерян, а значит, дележа не будет. Кому нужно, я могу дать денег, чтобы продержаться первое время. Приготовьтесь к тому, что работать на побережье нам некоторое время не придется.

Один или два человека неохотно выступили вперед, чтобы получить деньги, но остальные контрабандисты тихо растаяли в ночи. Не прошло и нескольких минут, как остались только Фергюс, все еще бледный, но держащийся на ногах, Джейми и я.

— Боже мой! — прошептал Фергюс, глядя на повешенного, — И кто же это сделал?

— Я. Во всяком случае, слух пойдет именно такой.

Джейми посмотрел вверх. Колеблющийся свет факела подчеркивал суровое выражение его лица.

— Не стоит здесь задерживаться, вы согласны?

— А как насчет Айена? — спросила я. — Он отправился в аббатство, чтобы предупредить вас!

— В аббатство? — встревожился Джейми, — Я пришел с той стороны, но его не встретил. В какую сторону он пошел, англичаночка?

— Туда. — Я указала направление.

Фергюс издал слабый звук, который при желании можно было принять за смешок.

— Аббатство находится в другой стороне, — пояснил Джейми веселым голосом. — Идемте же. Мы перехватим его, когда он поймет свою ошибку и повернет обратно.

— Постойте, — сказал Фергюс, подняв руку.

Из кустов донесся тихий шорох и голос Айена.

— Дядя Джейми?

— Да, Айен. Он самый.

Парнишка выпутался из веток с прицепившимися к волосам листьями.

— Я увидел свет и подумал, что нужно вернуться посмотреть, в порядке ли тетя Клэр, — пояснил он, глядя расширенными от возбуждения глазами. — Дядя Джейми, вам нельзя здесь оставаться, да еще со светом, — тут рыщет стража.

Джейми обнял племянника за плечи и повернул его, чтобы тот не увидел висельника на ольхе.

— Не волнуйся, Айен, — произнес он бесстрастно, — их здесь уже нет. Ушли.

Факел зашипел, когда Джейми загасил его, ткнув в мокрые кусты. Из темноты прозвучал его спокойный голос:

— Идемте. Мистер Уиллоби ждет нас на дороге с лошадьми. К рассвету мы будем уже в горах.

Часть седьмая
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Глава 32

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Путь из Арброута в Лаллиброх верхом занял четыре дня, и разговоров за это время велось мало. Юный Айен и Джейми были поглощены своими мыслями, вероятно по разным причинам. Я тоже всю дорогу размышляла, и не только о недавнем прошлом, но и о ближайшем будущем.

Должно быть, Айен рассказал обо мне сестре Джейми, Дженни. Как, интересно, она воспримет мое возвращение?

Вообще-то Дженни Муррей была мне почти сестрой и уж точно самой близкой подругой. В силу обстоятельств большинство моих друзей за последние пятнадцать лет являлись мужчинами: других женщин-врачей в клинике не было, а естественная дистанция между дипломированными специалистами и обслуживающим персоналом препятствовала сближению с санитарками и сестрами. Что же касается женщин из окружения Фрэнка, то это были в основном секретари деканатов и жены университетских преподавателей.

Более существенным являлось, однако, то, что из всех людей на свете Дженни была единственной, кто любил Джейми не меньше — если не больше, — чем я. Мне не терпелось увидеть ее снова. Но как она воспримет маловразумительную историю моего бегства во Францию и возвращения по прошествии стольких лет?

Проехать по узкой тропе можно было лишь гуськом, и моя гнедая лошадь послушно остановилась вслед за каурым конем Джейми, а потом, после недолгой заминки, свернула за ним к наполовину скрытой от глаз ольшаником прогалине.

У ее края высилась серая скала, густо поросшие мхом и лишайником трещины и выступы которой придавали ей сходство с бородавчатой, заросшей щетиной физиономией древнего старца. С нескрываемым вздохом облегчения — ведь мы находились в седле с рассвета — юный Айен соскользнул с пони.

— Уф! — произнес он, откровенно потирая ягодицы. — Всю задницу отсидел.

— Я тоже, — откликнулась я, делая то же самое. — Правда, отсидеть все же лучше, чем стереть до крови.

Непривычные к долгой верховой езде, мы с парнишкой, особенно поначалу, здорово намучились. Стыдно признаться, но в первый вечер у

меня так затекло тело, что Джейми пришлось снять меня с лошади и отнести на постоялый двор. Что его основательно позабавило.

— И как только это получается у дяди Джейми? — пробормотал Айен. — У него что, шкура на заду дубленая?

— Не проверяла, — рассеянно отозвалась я. — Куда же он подевался?

Его каурый конь, уже стреноженный, пощипывал траву под дубом, самого же Джейми и след простыл.

Мы с Айеном растерянно переглянулись, я пожала плечами, направилась к скале, где по камням стекала тонкая струйка воды, набрала ее в подставленные чашечкой ладони и с наслаждением выпила. Несмотря на осеннюю прохладу, от которой зарумянились щеки и даже онемел нос, в горле у меня пересохло.

Эта крохотная узкая горная долина, невидимая с дороги, была типична для большинства ландшафтов горной Шотландии. Кажущиеся лишенными растительности суровые утесы и вересковые пустоши хранили множество тайн. Не будучи знаком с местностью, человек мог пройти в нескольких дюймах от оленя, куропатки или прячущегося человека, ничего не заметив. Неудивительно, что многие из тех, кто после Куллодена бежал в вересковые пустоши, сумели ускользнуть. Знание потаенных мест сделало их невидимыми и неуловимыми для слепых глаз и неуклюжих ног англичан, гнавшихся за ними.

Утолив жажду, я отвернулась от скалы и чуть не налетела на Джейми, который вырос передо мной как из-под земли. Он засовывал в карман металлическую коробочку с кресалом, трuтом и кремнем, а от его плаща исходил слабый запах пороха. Бросив на траву маленькую обгорелую щепку, Джейми ногой затер ее в пыль.

— Ты откуда взялся? — спросила я, заморгав при этом видении. — И где был?

— В той маленькой пещере, — пояснил он, ткнув указательным пальцем себе за спину. — Хотел посмотреть, навевывался ли туда кто-нибудь.

— Ну и как?

Приглядевшись повнимательнее, я увидела обнажение породы, скрывавшее вход в пещеру. Он был неотличим от множества других глубоких расщелин, и заметить его, не зная, где и что искать, представлялось практически невозможным.

— Были гости, — ответил он и сдвинул брови, размышляя о чем-то. — Там есть древесный уголь, смешанный с землей, — кто-то разводил костер.

— Как ты думаешь, кто это был? — спросила я, огибая скальный выступ и просовывая голову в темный зев.

Ничего, кроме темноты, увидеть не удалось. Кто мог найти это место и зачем кому-то понадобилось разводить там огонь?

А не мог ли кто-то из представителей власти, заинтересовавшись контрабандной деятельностью Джейми, проследить его связи до самого Лаллиброха? Не пахнет ли это преследованием и засадой? Я невольно оглянулась, но не увидела ничего, кроме ольховых деревьев; сухие листья шелестели на осеннем ветерке.

— Не знаю, — рассеянно обронил он. — Охотник, наверное: здесь вокруг разбросаны кости куропатки.

Судя по всему, его не волновала личность неизвестного, и я успокоилась, поддавшись ощущению безопасности, которое дарила горная Шотландия. Отсюда и Эдинбург, и бухточка контрабандистов, и все недавние приключения казались такими далекими.

Юный Айен, замороженный открытием невидимой пещеры, исчез в расщелине, а через некоторое время вынырнул оттуда, стряхивая с волос паутину.

— Она похожа на пещеру Клуни, дядя? — спросил он с горящим взглядом.

— Не такая большая, Айен, — ответил Джейми с улыбкой. — В эту бедному Клуни было бы не протиснуться. Он ведь дородный был, вдвое шире меня в объёме.

Джейми сокрушенно прикоснулся к груди в том месте, где была оторвана пуговица. Узкий вход оказался тесноват даже для него.

— О каком Клуни вы говорите? — спросила я, стряхивая с рук последние капли ледяной воды и засовывая ладони под мышки, чтобы согреть.

— О Клуни Макферсоне, — ответил Джейми.

Он наклонился и побрызгал холодной водой себе в лицо. Подняв голову, сморгнул искрящиеся капельки с ресниц и улыбнулся мне.

— Весьма бесхитростный малый, этот Клуни. Англичане сожгли его дом, но сам Клуни ускользнул. В пещере неподалеку он устроил уютную каморку, а вход прикрыл загородкой из переплетенных ивовых ветвей, обмазанных глиной. По слухам, можно было стоять в трех футах от него и не заподозрить, что там находится пещера, если, конечно, Клуни не курил в этот момент свою трубку.

— Принц Карл тоже скрывался там какое-то время, когда за ним охотились англичане, — сообщил мне юный Айен. — Он прожил у Клуни

несколько дней. Английские ублюдки все вокруг перерыли, но так и не нашли ни его высочество, ни Клуни!

— Иди сюда и помойся, Айен, — велел Джейми довольно суровым тоном, отчего парнишка заморгал. — Не можешь же ты явиться к родителям весь в грязи!

Айен вздохнул, но послушно подставил руки под струйку воды и с оханьем принялся плескать ее на лицо, которое, строго говоря, было не таким уж грязным, хоть долгое путешествие и оставило на нем некоторые следы.

Я повернулась к Джейми, который с рассеянным видом наблюдал за племянником. Размышлял ли он о сложностях предстоящей встречи в Лаллиброхе или возвращался мыслями в Эдинбург к обугленным остаткам его печатной мастерской и мертвецу в подвале борделя? А может, унесся помыслами еще дальше, к Карлу Эдуарду Стюарту и дням восстания?

— Что ты рассказываешь своим племянницам и племянникам Карле? — тихо спросила я под фыркание Айена.

Взгляд Джейми стал осмысленным и остановился на мне. Значит, я была права. Его глаза слегка потеплели, и легкая улыбка отметила успех моего умения читать мысли, но потом и тепло, и улыбка исчезли.

— Я никогда о нем не говорю, — тихо ответил он, повернулся и пошел ловить лошадей.

Три часа спустя мы проехали последние из продуваемых ветрами перевалов и двинулись по последнему склону вниз, к Лаллиброху. Джейми, ехавший первым, придержал коня и дождал нас с Айеном.

— Ну вот и дом, — сказал он, бросил на меня взгляд и улыбнулся. — Много изменилось, верно?

Я покачала головой в восхищении.

С этого расстояния дом казался совершенно не изменившимся: то же безупречное трехэтажное строение из белого камня, выделявшееся на фоне множества неказистых пристроек и расстилавшихся вокруг бурых в это время года полей. На маленьком холме позади дома виднелись руины древней круглой каменной башни — Брех, — в честь которой и получила свое название усадьба.

Однако, присмотревшись, я все же заметила перемены, коснувшиеся в основном пристроек. Джейми рассказал мне, что спустя год после Куллодена английские солдаты сожгли голубятню и часовню; эти места до сих пор были пусты. Проломленный участок стены, отделяющей огород, заложили новыми камнями, и эта заплатка выделялась цветом, а новое хозяйственное строение из камня и бревен, судя по самодовольно

рассевшимся на краю крыши упитанным пернатым, служило и голубятней.

Куст шиповника, посаженный у стены дома матерью Джейми, Элен, теперь основательно разросся, стал пышным, и последние листья с него, похоже, опали совсем недавно.

Струйка дыма поднималась из западной трубы, и ветерок с моря сносил ее к югу. Перед моим внутренним взором вдруг предстал горящий очаг в гостиной и его отблески, играющие на четко очерченном лице Дженни, читающей вечерней порой вслух роман или стихи, в то время как Джейми и Айен слушают вполуха, не прерывая шахматной партии. Сколько таких тихих вечеров провели мы в этом доме: дети уже уложены в кровати, а я или записываю у секретера из розового дерева рецепты семейных снадобий, или занимаюсь штопкой да починкой — работой, которой не бывает конца.

— Мы с тобой снова будем жить здесь, как ты думаешь? — спросила я Джейми, стараясь, чтобы это не прозвучало тоскливо.

Дом в Лаллиброхе я могла назвать своим с большим основанием, чем любое другое место на свете, но так было давно. И с той поры многое изменилось.

Джейми ответил не сразу, помолчал, собрал в руке поводья и покачал головой.

— Не знаю, англичаночка. Хотелось бы, конечно, но... Все зависит от того, как обернется дело.

Он смотрел на дом, слегка хмурясь.

— Все нормально. Будем ли мы жить в Эдинбурге или даже во Франции, все будет хорошо, Джейми. — Я ободряюще коснулась его руки. — Пока мы вместе.

Его лицо просветлело. Он взял мою руку, поднес к губам и нежно поцеловал.

— Пока ты со мной, англичаночка, я и сам готов жить где угодно.

Мы сидели, глядя в глаза друг другу, пока громкий, настойчивый кашель не напомнил нам о присутствии Айена-младшего. Парнишка трепетно относился к нашему праву на уединение, очень боялся смутить нас, застав в объятиях друг друга, и на всех привалах предупреждал нас о своем приближении, с треском проламываясь сквозь кусты или подавая голос.

Джейми ухмыльнулся, сжал мою руку, прежде чем отпустить ее, и обернулся к племяннику.

— Мы почти на месте, Айен, — сказал он, когда мальчик направил к нам своего пони. — Доберемся еще до ужина, если дождя не будет, —

добавил он и прищурился, оценивая облака, медленно проплывавшие над горами Монаддиат.

— Ммфм, — промычал Айен, явно не воодушевленный этой перспективой.

Я посмотрела на него с пониманием и процитировала:

— «Дом там, где нас, когда бы ни пришли, не могут не принять»^[15].

— Ага, — буркнул с кривой усмешкой Айен, — как раз этого-то, тетушка, я и боюсь.

Джейми подмигнул Айену с весьма серьезным видом, видимо желая приободрить его.

— Не расстраивайся, Айен. Помнишь историю про блудного сына? Твоя мать будет рада твоему благополучному возвращению.

Юный Айен бросил на него взгляд, полный глубокого разочарования.

— Если ты воображаешь, что в мою честь зарежут жирного тельца, дядя Джейми, выходит, ты знаешь мою матушку далеко не так хорошо, как тебе кажется. — Он помолчал, пожевал нижнюю губу и выпрямился в седле с глубоким вздохом. — Уж лучше поскорее с этим покончить.

— Неужели родители отнесутся к нему сурово? — спросила я, глядя, как Айен осторожно спускается по каменистому склону.

Джейми пожал плечами.

— Они, конечно, простят его, но сначала, надо думать, зададут изрядную взбучку. А вот мне, боюсь, этим не отделаться. Сдается мне, Дженни с Айеном отнесутся ко мне еще строже, чем к своему отпрыску.

Он тронул коня и начал спускаться по склону.

— Поехали, англичаночка. Лучше поскорее с этим покончить, верно?

Я не знала, какой прием ждет нас в Лаллиброхе, но начало ободряло. Как и в любой из предыдущих приездов, нас встретил залиvistый лай стаи разномастных собак, выбежавших навстречу из-за изгородей, — сначала тревожный, потом радостный.

Юный Айен опустил поводья и, соскользнув в меховое море радушного приема, присел на корточки, чтобы приветствовать собак, прыгавших в надежде лизнуть его в лицо. Потом он встал, улыбаясь и держа на руках подростшего щенка.

— Посмотри, тетушка, это Джоки, — продемонстрировал парнишка вертявое бело-коричневое тельце. — Он мой, мне его отец подарил.

— Славный песик, — сказала я Джоки, почесав его за отвислыми ушками.

Пес залаял и восторженно завертелся, пытаясь облизать меня и Айена одновременно.

— Ты же весь будешь в собачьей шерсти, Айен, — с явным неодобрением произнес высокий голос.

Оторвав взгляд от щенка, я увидела появившуюся у обочины высокую стройную девушку лет семнадцати.

— А у тебя вся юбка в репьях! — не полез за словом в карман парнишка, развернувшись навстречу говорившей.

Девушка качнула копной темно-каштановых кудрей и наклонилась, чтобы отряхнуть домотканую юбку, к которой действительно прицепилось множество колючек.

— А вот отец говорит, что такому, как ты, собаку доверить нельзя, — тут же нанесла она ответный удар. — Умчался невесть куда, а щенка бросил.

Удар достиг цели: юный Айен погрузился.

— Вообще-то, — начал оправдываться он, — я хотел взять Джоки с собой, но побоялся: как-то он приживется в городе? — Он крепко обнял щенка, уткнув подбородок между мохнатыми ушами. — Джоки заметно подрос, наверное, хорошо ел?

— Пришла приветствовать нас, юная Джанет? Вот и хорошо, — прозвучал за моей спиной голос Джейми, любезный, но с какой-то ехидной ноткой.

Девушка вскинула на него глаза и покраснела.

— Дядя Джейми! Ой, и...

Она перевела взгляд на меня и опустила голову, покраснев еще сильнее.

— А это твоя тетя Клэр. — Крепко взяв меня под локоть, Джейми кивнул в сторону девушки: — Когда ты жила здесь, англичаночка, Джанет еще и на свете не было. Твоя матушка дома, я полагаю? — добавил он, обратившись к Джанет.

Девушка кивнула, не отрывая зачарованного взгляда от моего лица. Я наклонилась в седле и с улыбкой протянула ей руку.

— Рада с тобой познакомиться.

Некоторое время девушка растерянно молчала, но, вспомнив о хороших манерах, присела в реверансе и осторожно, словно боясь сделать что-то не так, взяла мою руку. Я пожала ее ладошку, и она успокоилась, обнаружив, что я живая женщина из плоти и крови.

— Э-э... я так рада, мэ, — пролепетала она.

— Мама с папой очень сердиты, Джен?

Юный Айен опустил щенка на землю к ногам девушки, выведя ее из транса. Она посмотрела на младшего брата со смешанным выражением

раздражения и сочувствия.

— А как же иначе, дуралей? Мама боялась, что ты наткнулся на вепря в лесу или тебя увели цыгане. Она почти не спала с тех пор, как узнала, куда тебя понесло, — добавила она, хмуро глядя на брата.

Айен опустил глаза и плотно сжал губы, предпочитая промолчать.

Девушка подошла ближе и с неодобрением сняла влажные желтые листья, приставшие к рукавам его плаща. Хотя она была высокой, брат превосходил ее ростом на добрых шесть дюймов и выглядел рядом с ней особенно долговязым, костлявым и неловким. Сходство между ними ограничивалось насыщенным цветом волос и чем-то едва уловимым в выражении лиц.

— Ну у тебя и видок, Айен! Ты что, спал не раздеваясь?

— Разумеется, — раздраженно ответил он. — А ты думаешь, я убежал, прихватив с собой ночную рубашку, и переодевался в нее каждую ночь на пустоши?

Видимо, представив себе эту примечательную картину, девушка фыркнула.

— Ну ладно, олух, — сказала она, сжавшись над ним. — Пойдем со мной в буфетную, мы тебя почистим и причешем, прежде чем ты предстанешь перед отцом и матушкой.

Парнишка нахмурился, повернулся и посмотрел на меня с недоумением и досадой.

— И почему всем кажется, что, если почиститься, это поможет? — спросил он ломким от напряжения голосом.

Джейми ухмыльнулся и, спешившись, похлопал его по плечу, подняв маленькое облачко пыли.

— Во всяком случае, это еще никому не повредило, Айен. Отправляйся с Джен. По моему разумению, лучше будет, если твоим родителям не придется иметь дело со множеством вопросов сразу. А прежде всего они захотят увидеть твою тетюшку.

Хмыкнув и угрюмо кивнув в знак согласия, юный Айен нехотя направился в обход дома в сопровождении своей решительно настроенной сестры.

— Что ты такое ел? — спросила она на ходу. — У тебя грязь над губой.

— Это не грязь, это усы! — яростно прошипел он и быстро оглянулся, чтобы посмотреть, слышали ли мы с Джейми этот обмен репликами.

Джанет застыла на месте, вглядываясь в его физиономию.

— Усы? — произнесла она громко и недоверчиво. — У тебя?

— Пошли!

Он схватил сестру за локоть и втолкнул в калитку.

Джейми зарылся лицом в мою юбку. Случайному наблюдателю могло показаться, что он отвязывает седельные сумки, но на самом деле его плечи тряслись от беззвучного смеха. Я и сама с трудом удержалась, чтобы не расхохотаться.

— Все в порядке, они ушли, — сказала я, пытаюсь отдышаться.

Джейми оторвал от моей юбки раскрасневшуюся физиономию и промокнул глаза подолом.

— «Усы? У тебя?» — прохрипел он, подражая племяннице, и мы оба покатались со смеху. — Господи, как же она похожа на свою мать! Именно это сказала мне Дженни и именно таким тоном, когда застала меня бреющимся в первый раз. Я чуть было не перерезал себе горло.

Он снова вытер глаза и нежно провел ладонью по густой мягкой щетине, которая покрывала его щеки каштановой дымкой.

— Хочешь пойти и побриться до встречи с Дженни и Айеном? — спросила я, но Джейми покачал головой.

— Нет, — сказал он, пригладив растрепавшиеся волосы. — Мальчишка, в общем-то, прав: чистота и аккуратность тут не помогут.

Должно быть, они услышали лай собак: когда мы зашли, Айен и Дженни находились в гостиной. Она сидела на кушетке и вязала шерстяные чулки, а он стоял у огня в простом коричневом камзоле и штанах, грея свои икры. Поднос с маленькими пирожными и бутылочкой эля домашнего приготовления был выставлен на стол явно к нашему прибытию.

Все выглядело так уютно, так по-домашнему, что стоило мне войти в комнату, как я забыла про усталость. Айен обернулся сразу, как мы вошли, неловко, но с улыбкой, однако я смотрела на Дженни.

Она тоже смотрела на меня широко раскрытыми глазами, обернувшись с кушетки к двери. Сначала мне показалось, что Дженни изменилась до неузнаваемости, потом — что она совершенно не изменилась. Все те же черные кудри, густые и блестящие, но теперь обильно подернутые сверкающими серебряными нитями. И лицо то же: широкие, высокие скулы, сильные челюсти и длинный нос, как у Джейми. Собственно говоря, первое мое впечатление было вызвано игрой света и тени, на какой-то миг заставившей углубиться до старческих морщинки вокруг глаз и рта. Уже в следующий момент они разгладились и исчезли, словно на объемной изменяющейся картинке.

На нашу первую встречу в борделе Айен отреагировал так, будто увидел привидение. Дженни повела себя почти так же: слегка

прищурилась, приоткрыла рот, но в остальном, даже когда я направилась к ней, выражение ее лица не изменилось.

Джейми стоял позади, поддерживая меня под локоть, который он, когда мы дошли до кушетки, стиснул и отпустил. Ощущение было таким, будто меня представляют ко двору, и я поймала себя на том, что вот-вот сделаю реверанс.

— Мы дома, Дженни, — сказал мой муж и успокаивающе положил руку мне на спину.

Дженни быстро взглянула на брата, потом снова воззрилась на меня.

— Значит, это ты, Клэр?

Ее голос был тихим, неуверенным — знакомым, но не сильным голосом той женщины, которую я помнила.

— Да, это я. — Я улыбнулась и протянула ей руки. — Рада видеть тебя снова, Дженни.

Она недоверчиво взяла мои руки в свои, потом сдавила их посильнее и вскочила на ноги.

— Господи, это же ты! — выдохнула она и внезапно превратилась в ту самую женщину, которую я знала, с живыми, сверкающими от любопытства темно-голубыми глазами.

— Ну конечно она, — грубовато буркнул Джейми. — Ведь Айен рассказал тебе. Не думаешь же ты, что он лгал?

— Ты почти не изменилась, — сказала она, не обращая внимания на брата и с удивлением прикасаясь к моему лицу. — Твои волосы чуть светлее, но, боже мой, ты выглядишь так же!

Ее пальцы были прохладными, от рук пахло травами, джемом из красной смородины и чуть-чуть нашатырем и ланолином — из-за окрашенной шерсти, ее вязания.

Этот давно забытый запах пробудил столько счастливых воспоминаний, что на мои глаза навернулись слезы.

Дженни увидела это и прижала меня к себе, так что мое лицо уткнулось в ее макушку. Ростом она была куда ниже меня и хрупкого телосложения, но у меня, как и прежде, возникло ощущение уюта, безопасности и поддержки, словно у маленькой девочки в материнских объятиях.

Дженни отпустила меня и со смехом отступила назад.

— Господи, ты даже пахнешь, как тогда! — воскликнула она, и я тоже рассмеялась.

Подошел Айен, он наклонился и осторожно обнял меня, скользнув губами по моей щеке. От него слегка пахло сухим сеном, капустными

листьями и немного торфяным дымом, перебивавшим его собственный мужской запах.

— Приятно видеть тебя снова, Клэр, — сказал он.

Его добрые карие глаза улыбнулись мне, и ощущение того, что я вернулась домой, усилилось. Он слегка неловко отступил назад.

— Может, вы перекусите?

Муж Дженни жестом указал на поднос.

Я заколебалась, зато Джейми проворно двинулся к столу.

— Перекусить не помешает, Айен, спасибо тебе, — сказал он. — А ты как, Клэр?

Бокалы были наполнены, выпечка разобрана, и вскоре мы уже сидели вокруг огня, набивая рты и обмениваясь любезностями. Однако, несмотря на внешнюю сердечность, я ощущала подспудную напряженность, не связанную с моим неожиданным появлением.

Джейми, сидевший рядом со мной на дубовой скамье, отпил лишь глоток эля, да и лепешка лежала нетронутой на его колене, и мне было понятно, что он воздерживался от угощения не потому, что сыт, а потому, что сестра и зять не приветствовали его родственными объятиями.

От меня не укрылось быстрое переглядывание Джейми с Айеном и куда более долгие, хотя совершенно непонятные взгляды, которыми Джейми обменялся с сестрой. Сама я, сознавая, что во многих отношениях являюсь здесь чужой, присматривалась к происходящему из-под полуопущенных ресниц, но заметила, что сидевший справа от меня Джейми нервно постукивал двумя негнувшимися пальцами правой руки о свое бедро.

Разговор, поначалу оживленный, но беспредметный, быстро сошел на нет, и в комнате повисло неловкое молчание. Сквозь слабое потрескивание торфа в очаге я слышала шаги в направлении кухни, но никакой беготни, криков и детского смеха, наполнявших этот дом прежде, не было и в помине.

— Как поживают твои дети? — спросила я Дженни, чтобы нарушить молчание, и по ее лицу тут же поняла, что нечаянно затронула больной вопрос.

— О, с ними все хорошо, — с запинкой ответила она. — Все живы-здоровы. И внуки тоже, — добавила Дженни и при мысли о них неожиданно улыбнулась.

— Сейчас почти все в доме у Джейми-младшего, — вступил в разговор Айен, отвечая на мой вопрос — На прошлой неделе его жена опять родила, так что три девочки отправились немного помочь. А Майкл

сейчас в Инвернессе, поехал, чтобы доставить сюда посылку из Франции.

Последовал еще один быстрый обмен взглядами, на сей раз между Айеном и Джейми. Джейми слегка наклонил голову, на что Айен ответил совсем уже едва заметным кивком.

«Ну и что все это значит?» — возник у меня резонный вопрос.

Эту комнату буквально пронизывали перекрестные потоки эмоций, так что хотелось подняться и призвать всех к порядку, чтобы разрядить напряжение.

Очевидно, Джейми чувствовал то же самое. Он прокашлялся, посмотрел на Айена в упор и обратился к главному пункту в повестке дня, сказав:

— Мы привезли парня с собой.

Айен глубоко вздохнул, его длинное простоватое лицо посуровело.

— Вот оно, значит, как?

Налет шутливости, предшествующий этому моменту, испарился, словно утренняя роса.

Я почувствовала, что Джейми приготовился защищать племянника.

— У тебя вырос славный парень, Айен, — сказал он.

— Так ли? — отозвалась на это Дженни, ее тонкие черные брови сдвинулись. — Тебе ведь невдомек, как он ведет себя дома. Наверное, с тобой он ведет себя по-другому, а, Джейми?

Тон ее речи был явно обвинительным, и Джейми напрягся.

— Оно, может, и любезно с твоей стороны говорить в его защиту, — вставил Айен, холодно кивнув в сторону зятя. — Но я думаю, что лучше нам послушать его самого, ежели ты, конечно, не против. Он наверху?

У Джейми дернулся уголок рта, и ответ прозвучал уклончиво:

— Кажется, он пошел в посудомоечную, привести себя в порядок перед встречей с вами.

Его правая рука скользнула вниз и предостерегающе прижалась к моей ноге. Он не заикнулся о встрече с Джанет, и я поняла, что та тайком ускользнула от остальных, то ли чтобы хоть одним глазком взглянуть на пресловутую тетюшку Клэр, то ли чтобы предложить помощь своему брату.

Я опустила веки, показав ему, что поняла. В столь напряженной ситуации не стоило упоминать еще и о девушке.

Постукивая деревянной ногой, Айен прошел по коридору в мойку при кухне и скоро вернулся обратно, мрачно подталкивая перед собой своего отпрыска.

Блудный сын выглядел презентабельно настолько, насколько таковым могли его сделать мыло, вода и бритва. Его худые щеки были выскоблены

до красноты, волосы лежали на вороте мокрыми прядками, большая часть пыли из плаща была выбита, а рубашка застегнута до самого горла. Привести в порядок опаленную половину головы было бы затруднительно, но зато другая была причесана так, что аккуратнее некуда. Шарфа у него не имелось, одна штанина была разорвана, однако с учетом всех обстоятельств он выглядел так, будто ожидал, что его расстреляют на месте.

— Мама, — выдавил он из себя, неловко склоняя голову перед матерью.

— Айен, — тихо произнесла она, и он поднял на нее глаза, явно удивленный нежностью тона.

Легкая улыбка тронула ее губы, когда она увидела лицо сына.

— Я рада, что ты благополучно вернулся домой, — сказала Дженни.

Лицо мальчика неожиданно прояснилось, словно он только что услышал, как расстрельному взводу зачитали отмену приговора. Потом он заметил взгляд отца, снова напрягся и, понурившись, устался в половицы.

Старший Айен хмыкнул. Он держался столь строго и сурово, что больше походил на преподобного Кэмпбелла, чем на того компанейского малого, которого я знала раньше.

— Так вот, парень, если тебе есть что сказать, я готов выслушать.

— Ну... я... — Парнишка с несчастным видом умолк, не закончив фразы, прокашлялся и попытался еще раз: — Ну... ничего особенного, правда, отец.

— Посмотри на меня! — резко сказал Айен.

Его сын нехотя поднял голову и посмотрел на отца, но его взгляд все время ускользал в сторону, как будто боялся задерживаться слишком долго на суровом отцовском лице.

— А ты знаешь, что ты сделал со своей матерью? — заявил Айен-старший. — Исчез и оставил ее гадать, жив ли ты? Пропал, не сказав никому ни словечка, и духу твоего не было в течение трех дней, пока Джо Фрэзер не принес письмо, которое ты оставил. Ты вообще можешь себе представить, каково ей было эти три дня?

Либо выражение лица Айена, либо его слова, по-видимому, оказали сильное воздействие на заблудшего отпрыска. Парнишка снова опустил голову, уставившись в пол.

— Я думал, что Джо принесет письмо раньше, — пробормотал он.

— Ага, это твое письмо! — По мере того как Айен говорил, лицо его багровело все больше. — Ну и письмо, с позволения сказать! Как рам это понравится: «Уехал в Эдинбург»? Ни тебе «прости», ни «благовослови», ни

«весточку пришлю». «Уехал в Эдинбург», вот и весь сказ.

Айен–младший вскинул голову, гневно сверкнув глазами.

— Это неправда! Я написал: «Не беспокойтесь обо мне» и «Любящий Айен». Написал! Разве нет, мама?

В первый раз он посмотрел на Дженни, умоляя взглядом о помощи.

Пока говорил ее муж, лицо Дженни оставалось неподвижным и строгим, но теперь оно смягчилось, и полные губы даже тронул намек на улыбку.

— Писал, Айен, писал, — тихо сказала она. — Это, конечно, хорошо, но я все равно беспокоилась, как же иначе?

Айен опустил глаза, и я увидела, как на его худеньком горле перекатилось адамово яблоко.

— Прости, мама, — сказал он едва слышно. — Я... я не хотел...

Слова замерли у него на губах. Дженни невольно протянула к нему руку, но муж метнул на нее взгляд, и она уронила руку на колени.

— Дело в том, что, — произнес отец с расстановкой, четко выговаривая каждое слово, — что это не в первый раз. Правильно я говорю?

Мальчик не ответил, но слегка дернул головой, что можно было истолковать как согласие. Айен–старший сделал шаг к сыну. Хотя они были почти одного роста, различия между ними бросались в глаза. Отец, тоже высокий и худощавый, был мускулист и, несмотря на деревянную ногу, силен. Его сын по сравнению с ним казался неуклюжим, долговязым, неоперившимся птенцом.

— Нет, нельзя сказать, что ты не имел представления о том, что делаешь, или что тебе никогда не говорили об опасностях, или не запрещали уезжать за пределы Брех–Мордхи, как нельзя сказать, будто ты не знал о том, что мы будем беспокоиться, а? Ты знал все это — и все равно сбежал.

Столь безжалостный и точный анализ его поведения заставил незадачливого искателя приключений вздрогнуть, но никакой словесной реакции с его стороны не последовало.

— Смотри на меня, парень, когда я с тобой говорю!

Парнишка медленно поднял голову с видом унылого смирения: он уже проходил через такого рода разбирательства и полагал, что знает, чем все закончится.

— Я даже не буду расспрашивать твоего дядю о том, чем ты занимался в Эдинбурге, — продолжил Айен. — Хочется верить, что ты хоть там не проявил себя таким законченным остолопом, как здесь. Но это не меняет

того факта, что ты ослушался отца и разбил сердце матери.

Дженни двинулась было снова, как будто собиралась заговорить, но резкое движение руки Айена ее остановило.

— А что я говорил тебе в прошлый раз, сын мой? Что я сказал, когда выпорол тебя? Ну-ка, напomini, Айен!

На щеках юного Айена выступили желваки, но его рот упорно оставался плотно закрытым.

— Кому сказано, говори!

Айен-старший стукнул рукой по столу. Парнишка непроизвольно моргнул и съежился. Лопатки сошлись вместе, а потом раздвинулись, словно он не знал, что в данной ситуации лучше: сделаться как можно меньше или, наоборот, больше. Он сильно сглотнул и снова моргнул.

— Ты сказал... ты сказал, что в следующий раз снимешь с меня шкуру.

На последнем слове его голос постыдно дал петуха. Айен неодобрительно покачал головой.

— Ага. А я-то думал, тебе хватило ума понять, что следующего раза быть не должно, но тут, видать, ошибочка вышла. — Он тяжело вздохнул. — Я очень недоволен тобой, Айен, и это правда.

Дернув головой, отец указал на дверь.

— Ступай на улицу. Увидимся у калитки, скоро.

Шаркающие шаги изгнанного парнишки стихли в коридоре, и в гостиной повисло тягостное молчание. Я сидела, опустив голову и не отрывая глаз от сложенных на коленях рук. Джейми рядом со мной медленно и глубоко вздохнул, собираясь с духом.

— Айен, — осторожно обратился Джейми к своему зятю, — я думаю, тебе не стоит так поступать.

Айен обернулся к Джейми, все еще сердито хмурясь.

— Ты о порке, которую я хочу задать этому негоднику? А ты-то, скажи на милость, какое имеешь к этому отношение?

Скулы Джейми напряглись, но голос остался спокойным.

— Ну да, конечно, Айен твой сын и тебе решать, как его наказывать и за что. Но убегал-то парень ко мне, и, может быть, ты позволишь мне рассказать, что он делал и как себя проявил?

— Как он себя проявил? — воскликнула неожиданно воспрявшая Дженни. Разбираться с сыном она предоставила мужу, но, когда в дело встрял еще и брат, не смогла остаться в стороне. — Славно, вот как он себя проявил: сбежал тайком, ночью, как вор! Ты это имеешь в виду? Или то, что он спутался с преступниками и рисковал своей шеей из-за бочонка бренди?

Айен резким жестом велел ей замолчать, нахмурился, но все-таки кивнул Джейми:

— Говори.

— Спутался с преступниками вроде меня? — резко спросил Джейми у сестры.

Их глаза, одинаково голубые, встретились, и никто не захотел отвести взгляд.

— А ты знаешь, Дженни, откуда берутся деньги, на которые все здесь едят, пьют и которые позволяют вести хозяйство, не давая крыше обрушиться на голову? Думаешь, это доход от печатания псалмов в Эдинбурге?

— Откуда мне знать! — вспылила его сестра. — Разве я спрашивала тебя, чем ты занимаешься?

— Не спрашивала! — рявкнул Джейми. — Наверное, ты предпочла бы не знать это, но ведь ты знаешь, верно?

— И ты винишь меня за то, чем тебе приходится заниматься? Разве это моя вина, что у меня есть дети, которых нужно кормить?

В отличие от покрасневшего брата Дженни, разъярившись, мертвенно побледнела.

Мой муж с трудом держал себя в руках.

— Тебя никто ни в чем не винит. Но по-твоему, справедливо упрекать меня в том, что мы с Айеном не можем содержать семью, работая на земле?

Дженни тоже еле сдерживалась, чтобы не выйти из себя.

— Нет, — сказала она. — Ты делаешь то, что должен, Джейми. Ты прекрасно знаешь, что я не имела в виду тебя, когда упомянула о преступниках, но...

— Значит, ты имеешь в виду людей, которые работают на меня? Я делаю то же самое, Дженни. Если они преступники, кто же тогда я?

В глазах его горела обида.

— Ты мой брат, — лаконично ответила она, — хотя это далеко не всегда меня радует. Да пропади ты пропадом, Джейми Фрэзер, прекрасно ведь знаешь, что я не хотела ссориться по поводу того, чем ты считаешь нужным заниматься! Если ты разбойничаешь на дорогах или содержишь публичный дом в Эдинбурге, значит, ничего другого не остается. Но из этого не следует, будто я хочу, чтобы ты впутывал в свои дела моего сына!

Глаза Джейми слегка прищурились при упоминании о публичном доме в Эдинбурге, и он метнул быстрый обвиняющий взгляд на зятя, который лишь покачал головой — яростный натиск жены ошеломил и его.

— Я тут ни при чем, — сказал он. — Сама проведала, ты ведь ее

знаешь.

Джейми глубоко вздохнул и снова повернулся к Дженни, очевидно решив быть благоразумным.

— Да, я все понимаю. Но с чего ты взяла, что со мной мальчик подвергается опасности? Господь с тобой, Дженни. Я люблю его, как собственного сына!

— Да? — Дженни не скрывала скептицизма. — Надо думать, именно поэтому ты подбил его к побегу из дома, а потом держал при себе, даже не послав нам весточки о том, что он у тебя.

Джейми хватило ума смущенно потупиться.

— Ну да. Прости за это, — пробормотал он. — Я хотел... — Он раздраженно махнул рукой. — В общем, неважно, что я там хотел. Мне следовало послать сообщение, а я этого не сделал. Тут только моя вина. Но что касается подначки к побегу из дому...

— Нет, я не думаю, что ты подбивал парня, — перебил его Айен. — Во всяком случае, напрямую.

Гнев уже исчез с его продолговатого лица, остались лишь усталость и легкая печаль. Убывающий вечерний свет подчеркивал его худобу, впалые щеки и выступающие кости.

— Просто малый любит тебя, Джейми, — проговорил он тихо. — Я вижу, как он смотрит на тебя, когда ты приезжаешь, и как рассказывает о том, что ты делаешь. Я вижу его лицо. Ему кажется, что ты живешь восхитительной, полной приключений жизнью и все это так далеко от обыденности. Не то что выгребать козье дерьмо из матушкиного огорода.

Джейми улыбнулся зятю в ответ и расправил плечи.

— Что ж, это нормально для его возраста. Мы с тобой тоже были такими...

— Хочет он того или нет, но от приключений того рода, с какими его можешь познакомить ты, мальчику лучше держаться подальше, — резко перебила его Дженни, качая головой и неодобрительно глядя на брата. — Сдается мне, что добрый Господь охраняет твою жизнь, иначе бы ты уже десять раз умер.

— Это вполне возможно. Наверное, у Него есть свои соображения насчет того, для чего меня хранить.

Джейми с улыбкой посмотрел на меня и завладел моей рукой. Дженни тоже бросила на меня взгляд и с непроницаемым видом вернулась к теме разговора.

— Что ж, может, оно и так, — сказала она. — Но я не могу сказать, что это справедливо в отношении юного Айена.

Она снова посмотрела на Джейми, но на сей раз выражение ее лица немного смягчилось.

— Я ничего не знаю о твоём образе жизни, Джейми, зато я достаточно хорошо знаю тебя и могу сказать, что это не тот образ жизни, который годится для моего мальчика.

— Ммфм, — изрек Джейми, потер рукой заросшую щетиной челюсть и попробовал снова: — Ладно, я ведь не к тому, чтобы он жил как я. Просто в последнюю неделю он вел себя как взрослый мужчина, вот в чём дело. Поэтому мне кажется, что было бы неправильно сечь его как мальчишку.

Дженни презрительно подняла брови.

— Надо же, он уже и мужчина, а? В его-то детские годы. Джейми ему всего четырнадцать!

Несмотря на раздражение, Джейми улыбнулся.

— Дженни, я сам в четырнадцать лет уже был мужчиной, — тихо сказал он.

Она фыркнула, но в глазах ее неожиданно блеснули слезы.

— Это ты так думал. — Дженни встала и резко отвернулась в сторону, моргая. — Я прекрасно помню тебя в ту пору, — сказала она, стоя лицом к книжной полке и даже ухватившись за нее, словно чтобы удержаться на ногах. — Ты был красивым мальчиком, Джейми, когда отправился с Дугалом в свою первую вылазку, прямо как картинка со сверкающим клинком на бедре. Мне было шестнадцать, я думала, что краше никого и быть не может: такой высокий, прямой, ловко сидишь в седле. Помню и твоё возвращение: явился весь в грязи, физиономия расцарапана, оттого что навернулся в куст ежевики, а Дугал все расхваливал тебя отцу, какой ты герой. Получил палашом плашмя по голове и даже не пикнул.

Совладав-таки со своим лицом, Дженни снова повернулась к брату.

— Так что, это и значит быть мужчиной.

Джейми посмотрел на неё с лукавством.

— Ну и это, но и нечто большее.

— Правда? — произнесла она ещё более сухо. — Интересно, что именно? Способность переспать с девушкой? Или убить человека?

Я всегда считала, что Джанет Фрэзер обладала удивительной, прямо-таки мистической прозорливостью, во всяком случае, когда дело касалось брата. Похоже, однако, что этот её талант распространялся и на сына.

Выражение лица Джейми не изменилось, но румянец на нём загустел.

Глядя на Джейми, она медленно покачала головой.

— Нет, Айен-младший ещё не мужчина. А вот ты — мужчина, братец, и ты знаешь, в чём тут разница.

Айен, некоторое время заворуженно наблюдавший за парочкой Фрэзеров, высекавших друг из друга искры, прокашлялся.

— И долго еще будем толочь воду в ступе? — проворчал он. — Между прочим, малец уже четверть часа дожидается порки. Заслужил ли он ее и стоит ли его драть — это другой вопрос, но мучить парня ожиданием в любом случае негоже.

— А что, Айен, ты и вправду считаешь, что должен его высечь? — предпринял последнюю попытку Джейми, обратившись к зятю.

— Ну, — медленно произнес Айен, — я честно сказал малому, что он заслужил порку, и он сам знает: это чистая правда. Что заслужил — то и получи. Но вовсе не обязательно, чтобы это делал я.

В его глазах промелькнуло веселье. Он полез в ящик буфета, достал кожаную плетку и вручил Джейми.

— Вот. Тебе, как говорится, и плетка в руки.

— Мне? — испуганно вскричал Джейми, пытаясь вернуть плетку не обращающему внимания на его потуги зятю. — Ты что? Я не могу!

— А я думаю, что можешь, — спокойно возразил Айен. — Ты часто говорил, что любишь его как сына. — Он склонил голову набок, и, хотя выражение его лица осталось мягким, карие глаза были непроницаемы, — Что ж, я скажу тебе, Джейми: не так-то легко быть его отцом, лучше всего тебе пойти и не мешкая выяснить это.

Джейми долго смотрел на Айена, потом перевел взгляд на сестру. Она подняла брови, заставив его опустить глаза.

— Ты заслужил это не меньше, чем он, Джейми. Так что иди.

Джейми плотно сжал губы, его ноздри побелели. Не сказав больше ни слова, он развернулся и вышел. Прозвучали удаляющиеся шаги, потом в дальнем конце коридора хлопнула дверь.

Дженни бросила быстрый взгляд на Айена, еще более быстрый на меня и отвернулась к окну. Мы с Айеном подошли и остановились у нее за спиной. Снаружи быстро темнело, но света еще хватало, чтобы различить бедолагу Айена-младшего, маявшегося, подпирая калитку ярдах в двадцати от дома.

Оглядевшись по сторонам при звуке шагов, он увидел приближавшегося дядю и распрямился от удивления.

— Дядя Джейми! — И тут его взгляд упал на плетку. — Ты... ты будешь пороть меня?

Вечер был тихим, и я услышала, как Джейми резко выдохнул сквозь зубы.

— Наверное, придется, — сказал он откровенно. — Но сперва я

должен попросить у тебя прощения, Айен.

— У меня? — Юноша определенно растерялся: как-то не привык он к тому, чтобы взрослые просили у него прощения, особенно перед тем, как отходить плеткой. — Не нужно, дядя Джейми.

Рослый дядюшка прислонился к калитке рядом с юнцом.

— Нужно. Я вел себя неправильно, позволяя тебе оставаться в Эдинбурге, и, наверное, не должен был рассказывать тебе всякие истории, которые и навели тебя на мысль о побеге. Я брал тебя в такие места, куда не следовало, подвергал тебя опасности и причинил твоим родителям больше беспокойства, чем мог бы ты сам. Вот за это, Айен, я и прошу меня простить.

— О! — Не находя слов, Айен взлохматил волосы. — Ну это... да, конечно... прощаю, дядя.

— Спасибо, племянник.

Они постояли молча. Айен вздохнул и расправил плечи.

— Ну тогда, наверное, лучше не тянуть?

— Пожалуй, — отозвался Джейми с той же неохотой, что и его племянник, и я услышала, как Айен-старший слегка хмыкнул, то ли негодуя, то ли забавляясь.

Смирившись с неизбежным, парнишка повернулся к калитке, Джейми последовал его примеру.

Темнело быстро, и на таком расстоянии мы уже различали лишь темные очертания их фигур, но зато голоса были слышны хорошо.

Джейми стоял за спиной племянника, переминаясь с ноги на ногу, как будто не зная, что делать дальше.

— Мм... И сколько твой отец...

— Обычно десять, дядя, — ответил Айен через плечо, уже сбросив камзол и взявшись за ремень. — Двенадцать — это когда очень плохо, а пятнадцать — когда совсем ужасно.

— Ну и как, по-твоему, было на сей раз: плохо или очень плохо?

Парнишка издал невеселый смешок.

— Если отец тебе велит это сделать, дядя Джейми, это вообще ужасно, но я согласен на «очень плохо». Давай сойдемся на двенадцати.

Айен-старший, стоя у моего локтя, снова хмыкнул, на сей раз с неким удовлетворением.

— Честный малый, — заметил он.

— Ну ладно, — сказал Джейми, сделал вдох и отвел руку назад, однако наказуемый прервал его:

— Подожди, дядя. Я еще не совсем готов.

Джейми растерялся.

— Э-э... ты уверен? По-моему, это не обязательно.

— Уверен. Отец говорит, что только девчонок секут в юбках, а уж мужчине если достаётся, то по голой заднице.

— Ему, конечно, виднее, — пробормотал Джейми. — Теперь готов?

Когда необходимые приготовления были закончены, Джейми отступил назад и размахнулся. Послышался громкий шлепок, и Дженни поморщилась, сочувствуя сыну. Юноша же лишь резко вдохнул, а всю дальнейшую экзекуцию выдержал, не издав ни звука, хотя я сама слегка побледнела.

Наконец Джейми опустил плетку, вытер лоб и протянул руку опиравшемуся на забор Айену.

— Все в порядке, парень?

Парнишка выпрямился несколько скованно и натянул штаны.

— Да, дядя. Спасибо.

Голос его звучал чуток хриловато, но спокойно и не дрожал. Айен взял протянутую руку Джейми, но тот, вместо того чтобы повести племянника к дому, всунул ему в свободную руку плетку.

— Твоя очередь, — заявил он, подходя к забору и наклоняясь. Юный Айен был поражен, так же как и все мы, находившиеся в доме.

— Ты что, дядя?

— Теперь твоя очередь, — твердо повторил Джейми. — Я наказал тебя, а ты должен наказать меня.

— Но я не могу, дядя!

Мальчик пребывал в полном ошеломлении, словно ему предложили совершить нечто немыслимое.

— Можешь, — сказал Джейми. Он выпрямился и посмотрел племяннику в глаза. — Ты слышал, что я сказал, когда попросил у тебя прощения?

Айен обалдело кивнул.

— Вот и хорошо. Ты виноват — и я виноват; ты совершал неправильные поступки — и я тоже; ты наказан — значит, по справедливости, нужно наказать и меня. Мне, знаешь ли, мало было радости тебя стегать, но, похоже, нам обоим придется через это пройти. Дошло? Вот и хорошо.

Джейми спустил штаны, задрал рубаху и снова наклонился, схватившись за верхнюю жердь ограды. Айен стоял, будто парализованный, рука с плеткой бессильно повисла, и Джейми пришлось приказать:

— Давай!

Таким стальным голосом он распоряжался при проведении контрабандных операций, и не послушаться его было невозможно. Айен робко отступил на шаг и вполсилы взмахнул плеткой. Послышался слабый шлепок.

— Этот не в счет, — решительно заявил Джейми. — Послушай, приятель, мне тоже было нелегко сделать это для тебя. Так что уж давай, постарайся как надо.

Тоненькая фигурка с неожиданной решительностью расправила плечи, кожаная плетка со свистом рассекла воздух. Раздался новый, на сей раз звонкий шлепок, фигура у изгороди удивленно ойкнула, а Дженни, кажется, издала сдавленный смешок.

Джейми прокашлялся.

— Ну, это то, что надо. Давай заканчивай.

Мы услышали, как юный Айен, бормоча, отсчитывает удары, но Джейми лишь один раз, после девятого удара, приглушенно чертыхнулся.

Все в доме вздохнули с облегчением, когда Джейми распрямился и заправил рубашку в штаны.

— Спасибо, Айен, — как положено, сказал он, потер ладонью зад и покачал головой. — Да, парень, рука-то у тебя, я гляжу, что надо.

— У тебя тоже, дядя, — отозвался Айен таким же сдержанным тоном.

Некоторое время они, теперь почти невидимые в темноте, стояли, посмеиваясь и потирая свои зады, а потом Джейми обнял племянника за плечи и развернул в сторону дома.

— Мне как-то не хочется, чтобы пришлось делать это снова. Думаю, и тебе тоже.

— Договорились, дядя Джейми.

Дверь в конце коридора отворилась. Дженни и Айен-старший, переглянувшись, повернулись к входу, чтобы приветствовать блудных родичей.

Глава 33

КЛАД

— Ты похож на бабуина, — заметила я.

— Вот как? А кто это такой?

Несмотря на морозный ноябрьский воздух, проникавший через полуоткрытое окно, Джейми бросил свою рубашку на кучку остальной одежды. Совершенно обнаженный, он вальяжно потянулся, выгнув спину, отчего суставы слегка хрустнули, и уперся кулаками в прокопченные потолочные балки над головой.

— Господи, как хорошо, что не надо опять залезать в седло!

— Угу. Не говоря уж о возможности спать на настоящей кровати, а не в сыром вереске.

Я перекатилась, нежась в тепле тяжелых стеганых одеял и расслабляя натруженные мышцы на мягчайшей перине, набитой гусиным пухом.

— Так ты расскажешь мне, что это за бабуин такой? — осведомился Джейми. — Или делаешь свои замечания просто так, ради развлечения?

Он повернулся, взял из умывальника размочаленный ивовый прутик и принялся чистить зубы. При виде этого я улыбнулась: пусть у меня не было никаких других заслуг, но благодаря мне все Фрэзеры и Мурреи содержали свои зубы в порядке. В отличие от подавляющего большинства современников, шотландских горцев, да и англичан тоже.

— Бабуин, — сказала я, наслаждаясь созерцанием игры мышц на его мускулистой спине, — это очень большая обезьяна с красным задом.

Джейми фыркнул от смеха, чуть не поперхнувшись ивовым прутиком.

— Что ж, — сказал он, вынув его изо рта, — с твоими замечаниями не поспоришь.

Он ухмыльнулся мне, показав великолепные белые зубы, и отбросил прутик в сторону.

— Надо же, я уже добрых тридцать лет плетки не нюхал и совсем забыл, — он осторожно прикоснулся к своей все еще горевшей заднице, — каково это.

— А вот Айен-младший говорил, что твоя задница, наверное, задубела от езды верхом, как седельная кожа, — весело сказала я. — Это пошло на пользу, как думаешь?

— Определенно, — ответил Джейми и улегся в постель рядом со мной.

Его тело было твердым и холодным, как мрамор, и я пискнула, но не

стала противиться, когда он решительно прижал меня к груди.

— Надо же, какая ты теплая! Давай-ка сюда, поближе.

Он просунул свои ледяные ноги между моими и, обхватив мои груди ладонями, издал вздох чистого удовлетворения. Я расслабилась рядом с ним, чувствуя, как благодаря перетеканию тепла сквозь тонкий хлопок одолженной мне Дженни сорочки наши с ним температуры начинают выравниваться. Огонь в камине полыхал вовсю, но разогнать холод он не мог. Согревая друг друга, можно было добиться куда большего эффекта.

— Ну вот, дело того стоило, — заявил Джейми. — Я мог отколошматить парня до полусмерти — отец пару раз так с ним и поступал — и не добился бы этим ничего, разве что укрепил его решимость удрать из дома при первой возможности. Но теперь малый предпочтет прогуляться по горячим угольям, чем снова предпринять что-то подобное.

Джейми говорил с уверенностью, и мне подумалось, что он прав. Юный Айен со смущенным видом принял прощение своих родителей в форме поцелуя от матери и быстрого крепкого объятия от отца, а потом отправился в постель с пригоршней печенья, наверняка обдумывать любопытные последствия непослушания.

Джейми тоже получил отпущение с поцелуями, и я заподозрила, что это для него важнее, чем результативность его действий по отношению к племяннику.

— По крайней мере, Дженни и Айен больше на тебя не сердятся, — сказала я.

— Да. По правде говоря, они не так уж сильно сердились, просто не знали, что делать с малым, — пояснил он. — Они уже воспитали двух сыновей, и Джейми-младший, и Майкл — оба славные ребята, но они больше похожи на Айена по всем повадкам. Юный Айен тоже достаточно спокойный малый, но он гораздо больше похож на мать. И меня.

— Фрэзеры упрямы, а?

Этот клановый принцип я усвоила первым делом, когда познакомилась с Джейми, и весь мой последующий опыт только подтверждал эту мысль.

Он негромко хохотнул.

— Пожалуй, что так. Может, Айен-младший и похож на Муррея, но он настоящий Фрэзер, это точно. А на такого упрямца кричать без толку, и бить его бесполезно — это лишь укрепляет его решимость.

— Буду иметь это в виду, — рассеянно отозвалась я.

Одна его рука поглаживала мое бедро, мало-помалу прокладывая путь по ночной рубашке вверх. Внутренняя печь Джейми уже разожглась, и его крепкие, жавшиеся к моим голые ноги вполне согрелись. Одно колено

осторожно проталкивалось между моими бедрами, раздвигая их. Я в ответ чуть сжала его ягодицы.

— Доркас рассказала мне, что есть джентльмены, готовые платить в борделе хорошие деньги за то, чтобы их отшлепали. Она говорит, что они находят это... возбуждающим.

Джейми хмыкнул, напрягая ягодицы, потом расслабился, когда я легонько погладила их.

— Наверное, так оно и есть. Доркас всяко виднее, но сам я этого не понимаю. Есть множество гораздо более приятных способов помочь штуковине встать, если уж на то пошло. С другой стороны, — добавил он, — справедливости ради стоит сказать, что, когда это делает не отец или там племянник, а смазливая девчонка, оно может восприниматься по-другому.

— Возможно. Может, мне стоит как-нибудь попробовать?

Впадина на его горле находилась прямо перед моим лицом, и я видела едва заметный белый треугольник шрама прямо над ключицей. Я прижалась губами к пульсировавшей там жилке, и он вздрогнул, хотя ни ему, ни мне уже не было холодно.

— Нет, — сказал он, слегка задыхаясь.

Его рука зашарила у ворота моей сорочки, развязывая ленты. Он перекатился на спину, неожиданно подняв меня над собой, как будто я вообще ничего не весила. Быстрое движение пальца — и сорочка спала с моих плеч, а соски напряглись, как только их коснулся холодный воздух.

Он улыбнулся мне, наполовину прикрыв веками казавшиеся чуть более раскосыми, чем обычно, глаза, тепло его ладоней окружило мою грудь.

— Я ведь сказал, что могу придумать более приятные способы.

Свеча оплыла и погасла, огонь в очаге горел слабо, в затуманенное окно смотрели бледные ноябрьские звезды. Было сумрачно, но мои глаза уже приспособились настолько, что я без труда различала все детали обстановки: кувшин из толстого белого фарфора, тазик, вообще-то синий, но в звездном свете казавшийся черным, кучка одежды Джейми на табурете у постели.

Джейми тоже был отчетливо виден: покрывала отброшены назад, мускулистая грудь слабо поблескивала. Вне себя от восхищения, я любовалась завитками темно-каштановых волос, спиралью поднимавшихся над бледной, свежей кожей, и непроизвольно, не в силах оторваться, обводила пальцами линию ребер.

— Это так хорошо, — мечтательно произнесла я. — Замечательно иметь под рукой мужское тело, к которому можно прикасаться.

— Значит, тебе оно все еще нравится? — смущенно спросил он, польщенный и словами, и лаской.

Его рука обняла меня за плечи.

Я промычала нечто утвердительное. Может быть, нехватка этого и не осознавалась мной слишком остро, но, получив все это в свое распоряжение, я смогла в полной мере насладиться радостью той сонной интимности, в которой мужское тело становится столь же доступным тебе, как твое собственное, словно его очертания и фактура стали продолжением тебя самой.

Я пробежала рукой по плоскому животу, по гладкому выступу тазовой кости и мускулистой выпуклости бедра. Отблески догорающего огня упали на ярко-золотистый пушок на руках и ногах и заиграли в каштановой гуще между его бедрами.

— Господи, ты чудесное волосатое создание, — сказала я. — Даже там.

Моя рука скользнула вниз, и он послушно развел ноги, позволяя прикасаться к густым пружинистым кудряшкам в складке ягодиц.

— Слава богу, никому еще не пришло в голову охотиться за моей шкурой, — добродушно пробормотал Джейми. Он решительно обхватил одной рукой мой зад, поглаживая по округлой выпуклости большим пальцем, а другую руку закинул за голову, лениво скользя взглядом по всей длине моего тела. — Но ты, англичаночка, стоишь ошкуривания еще меньше, чем я.

— Надеюсь, что так.

Я слегка передвинулась, чтобы, когда его теплая рука переместилась на мою обнаженную спину, полнее воспринимать его касания.

— Ты когда-нибудь видела гладкую ветку, которая долгое время пробыла в спокойной воде? — спросил он, и его палец легонько пробежался вверх по моему позвоночнику, оставляя за собой рябь гусиной кожи. — На ней крохотные пузырьки, сотни, тысячи и миллионы. Она выглядит так, как будто покрыта мехом или серебристым инеем.

Его пальцы гладили мои ребра, руки, спину, и крохотные волоски поднимались повсюду, откликаясь на прикосновения.

— Вот так выглядишь и ты, моя англичаночка, — сказал он почти шепотом. — Вся гладкая, обнаженная, облитая серебром.

Некоторое время мы лежали неподвижно, слушая, как стучат снаружи дождевые капли. Холодный осенний воздух дрейфовал по комнате, смешиваясь с дымным теплом огня. Джейми перекатился на бок, отвернувшись от меня, и натянул одеяла, чтобы накрыть нас.

Я свернулась калачиком позади него, аккуратно всунув свои согнутые колени в его подколенные выемки. Теперь очаг тускло горел позади меня, отбрасывая блики на гладкую округлость его плеча и смутно освещая спину. Я видела едва различимые линии шрамов, тонкие серебряные полосы, вросшие в плоть. Когда-то я знала эти шрамы так, что могла провести по любому пальцем по памяти, с закрытыми глазами. Но теперь появился новый, незнакомый мне тонкий диагональный разрез в форме полумесяца — след бурного прошлого, к которому я не была причастна.

Я коснулась полумесяца, проведя по нему подушечкой пальца.

— Может, никто не норовил добыть твою шкуру, но за самим-то тобой охотились?

Джейми слабо пожал плечами.

— Бывало время от времени.

— А сейчас? — спросила я.

Он сделал несколько медленных вдохов, прежде чем ответить:

— Скорее, да. Пожалуй, что так.

Мои пальцы снова заскользили по диагональному порезу, старому, хорошо зажившему, но когда-то глубокому, а потому ощущавшемуся как плотный, жесткий рубец.

— Ты знаешь кто?

— Нет. — Он помолчал, его рука накрыла мою, лежавшую на его животе. — Но кажется, я знаю почему.

В доме было очень тихо. Поскольку почти все дети и внуки отбыли, здесь оставались лишь слуги в дальних каморках позади кухни, Айен с Дженни в своей комнате в дальнем конце коридора и Айен-младший где-то наверху. Все спали. Мы словно оказались одни на краю света, а Эдинбург и бухточка контрабандистов остались где-то очень далеко.

— Ты помнишь, как после падения Стирлинга, незадолго до Куллодена, неожиданно появились слухи о золоте, которое прислали из Франции?

— От Людовика? Да. Но он его не посылал. — Слова Джейми вызвали в моей памяти те короткие и отчаянные дни дерзкого возвышения и стремительного падения Карла Стюарта, когда слухи были главной темой разговоров. — Все судачили обо всем: насчет золота из Франции, кораблей из Испании, оружия из Голландии, но на самом деле за этим ничего не стояло.

— О, кое-что оказалось правдой, и, хотя Людовик тут был ни при чем, этого тогда никто не знал.

И Джейми рассказал мне о своей встрече с умирающим Дунканом

Керром и последних словах бродяги, произнесенных шепотом в чердачной каморке постоянного двора, под бдительным взглядом английского офицера.

— Дункан был в лихорадке, но оставался в здравом уме. Он знал, что умирает, узнал меня, а поскольку это был для него единственный шанс поделиться тайной с человеком, которому он мог довериться, он рассказал мне все.

— О белых колдуньях и тюленях? — повторила я. — Должна признаться, что для меня это тарабарщина. А ты его понял?

— Ну, не вполне, — признал Джейми.

Он повернулся ко мне и слегка нахмурился.

— У меня нет ни малейшего представления о том, что это за белая колдунья. Поначалу я подумал, что он имел в виду тебя, англичаночка, у меня сердце чуть было не остановилось, когда он ее помянул.

Джейми печально улыбнулся, и его рука сжала мою.

— Я было подумал, что вдруг что-то пошло не так. Может быть, ты не смогла вернуться к Фрэнку и месту, откуда пришла; может быть, ты каким-то образом в конце концов оказалась во Франции; может быть, ты находишься именно там, — короче говоря, моя голова наполнилась всяческими фантазиями.

— Жаль, что это не было правдой, — прошептала я.

Он криво улыбнулся мне, но покачал головой.

— При том, что я находился в тюрьме? А Брианне было... сколько? Лет десять? Нет, англичаночка, не стоит тратить время на пустые сожаления. Главное, теперь ты со мной и никогда больше меня не покинешь.

Он нежно поцеловал меня в лоб и продолжил свой рассказ.

— Я понятия не имел, откуда взялось это золото, но из слов Дункана понял, где оно находится и почему там оказалось. Послал за ним не кто иной, как принц, собственной персоной. Что же до тюленей...

Он приподнял голову и кивнул в сторону окна, где розовый куст отбрасывал тени на стекло.

— Когда моя мать убежала из Леоха, народ поговаривал, что ее сманил огромный тюлень, который будто бы сбросил шкуру и стал ходить по суше, как человек. И он был на него похож, да.

Джейми улыбнулся и запустил руку в свои густые волосы, вспоминая.

— Волосы у него были густыми, как мои, но черными, как гагат. Они поблескивали на свету, словно влажные, и двигался он быстро и плавно, как тюлень в воде.

Джейми повел плечами, отгоняя накатившие не к месту воспоминания.

— Так вот. Когда Дункан Керр произнес имя Элен, я понял, что он имел в виду мою мать, как знак того, что он знал мое имя и мою семью, знал, кто я. Это было доказательство того, что он не бредит. Какими бы странными ни казались его слова. И, зная это...

Он снова пожал плечами.

— Англичанин сказал мне, где они нашли Дункана. Близ побережья. Там сотни пустынных островков и скал вдоль всего берега, но тюлени живут только в одном месте, на краю земель Маккензи, близ Койгаха.

— И ты отправился туда?

— Ну да.

Он глубоко вздохнул, его свободная рука переместилась к моей талии.

— Я бы не стал сбегать из тюрьмы, если бы не подумал, что это могло иметь отношение к тебе, англичаночка.

Побег не был сопряжен с какими-то особыми трудностями. Заключенных выводили наружу маленькими группами, чтобы добывать торф, служивший в тюрьме топливом, или выламывать, обтесывать и катать камни, предназначенные для ремонта стен.

Человеку, для которого вересковая пустошь — родной дом, скрыться ничего не стоило. Он оторвался от работы и свернул к травянистому холму, развязывая штаны, как будто для того, чтобы справить нужду. Стражники вежливо отвернулись, а когда посмотрели снова, то не увидели ничего, кроме вереска. Джейми Фрэзера и след простыл.

— Видишь, ускользнуть было совсем нетрудно, но люди редко это делали, — пояснил он. — Никто из них не был родом из окрестностей Ардсмур, да и будь люди местными, им было бы непросто найти убежище.

Солдаты герцога Камберлендского отменно выполнили свою работу. Как сказал один современник, оценивший позже достижения герцога: «Он превратил край в пустыню и заявил, что установил там мир». Подобный способ умиротворения привел к тому, что некоторые районы горной Шотландии полностью обезлюдели: мужчин перебили, заточили в тюрьмы или отправили в ссылку, посеги и дома сожгли, а женщины и дети или были обращены в рабство, или разбежались кто куда, ища спасения. Любому убежавшему из Ардсмур заключенный недолго продержался бы один, без родичей или клана, к которому можно обратиться за помощью.

Джейми понимал, что очень скоро английский командир сообразит, куда он направился, и организует погоню. С другой стороны, в этой отдаленной части королевства настоящих дорог не было, и привычный к такой местности человек, будучи пешим, имел преимущество перед конными чужаками.

Сбежав из-под стражи во второй половине дня, он, ориентируясь по звездам, шел всю ночь и добрался до побережья на рассвете.

— Понимаешь, я знал, где лежище тюленей, это место хорошо известно Маккензи, и мне даже довелось побывать там до этого, с Дугалом.

Прилив был высоким, и тюлени по большей части находились в воде, охотились за крабами и рыбой среди плавающих водорослей, но темные пятна их помета и очертания некоторых, видимо отлынивающих от охоты, бездельников выделяли среди прочих три островка, расположенных рядом у горловины маленькой бухты, охраняемой скалистым мысом.

Как понял Джейми из слов Дункана, клад находился на третьем острове, самом удаленном, то есть почти в миле от берега. Проплыть такое расстояние — не пустяк даже для самого крепкого мужчины, а его силы были подорваны тяжелым тюремным трудом, не говоря уже о том, что в дороге он устал и изголодался. Неудивительно, что на вершине утеса Джейми размышлял о том, стоит ли это сокровище — если оно там вообще имеется — того, чтобы рисковать из-за него жизнью.

— Скала была вся расколота и разрушена. Когда я подошел слишком близко к краю, осколки выпадали прямо из-под моих ног, плюхаясь с обрыва в воду. Я не представлял себе, каким образом я сумею спуститься к воде, не говоря уже о том, чтобы добраться до островка. Но потом я вспомнил, что говорил Дункан о башне Элен, — рассказывал Джейми.

Его взгляд был сосредоточен сейчас на том далеком берегу, где обломки крошащейся скалы рушились в пенящиеся волны.

«Башня» была там, маленький гранитный шпиль, который торчал не более чем в пяти футах от острия мыса. Но ниже этого шпиля, в камнях, находилась расщелина, узкая, но тянувшаяся на все восемьдесят футов от вершины утеса до его подножия, что давало возможность подняться и спуститься. Задача была нелегкой, но для решительного и целеустремленного человека осуществимой.

От основания башенки Элен до третьего островка — более четверти мили колыхавшейся зеленой воды. Раздевшись, он перекрестился и, поручив душу попечению своей преставившейся матери, нырнул в волны.

Продвижение было медленным и трудным, порой волны захлестывали его с головой и он задыхался. Вообще-то Шотландия край приморский, но Джейми вырос в глубине суши и плавать ему доводилось в спокойных водах озер да речушек, где водилась форель.

Здесь же пловец столкнулся с морскими волнами — они плескали в лицо соленой водой, сбивая дыхание. Ему казалось, что он плывет уже не один час, а выпрыгивая с усилием из воды и озираясь, он видел все тот же

утес, с которого спустился, только почему-то не позади, а справа.

— Короче говоря, — со вздохом сказал Джейми, — по всему выходило, что вместе с приливом придет конец и мне. По той простой причине, что плавания в обратную сторону мне нипочем не выдержать. Два дня у меня не было ни крошки во рту, и сил уже не оставалось.

Поняв это, Джейми перестал грести, а просто лег на спину, отдавшись на волю волн, и стал воскрешать в кружившейся от напряжения голове слова старой кельтской молитвы о спасении утопающих.

Он умолк и молчал довольно долго. Я даже подумала, может быть, что-то не так. Но наконец Джейми вздохнул и смущенно заговорил:

— Ты подумаешь, что я рехнулся, англичаночка. Я никому об этом не рассказывал — даже Дженни. Но представь себе, прямо посреди молитвы я услышал матушкин голос — Он неуверенно пожал плечами. — Может быть, все дело в том, что я думал о ней, когда покидал берег. И все же...

Он умолк, а я коснулась его лица и тихо спросила:

— Что она сказала?

— Она сказала: «Иди ко мне, Джейми, мой мальчик».

Он сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух.

— Я слышал ее совершенно ясно, но ничего не видел, там никого не было, даже тюленей. Мне даже подумалось, что она обращается ко мне с небес и зовет туда, а усталость была такая, что смерть уже не пугала, но я собрался с силами и погреб в ту сторону, откуда донесся ее голос. Решил для себя: вот сделаю десять гребков и остановлюсь, чтобы отдохнуть. Или утонуть.

Но на восьмом гребке его подхватило течение.

— Впечатление было такое, будто кто-то поддержал меня, — пояснил Джейми, и в его голосе даже сейчас слышалось удивление. — Вода, и подомной, и вокруг, стала чуть теплее, и она несла меня в нужном направлении. Сама несла, мне только и нужно было, что держать голову над поверхностью.

Сильное течение, вившееся между мысом и островами, вынесло его к третьему островку. Всего несколько гребков — и он оказался на суше.

Остров представлял собой гранитную скалу, потрескавшуюся, как все древние скалы Шотландии, заляпанную водорослями и тюленьим пометом, но Джейми был так же благодарен судьбе, как потерпевший кораблекрушение моряк, попавший на дивный тропический остров с пальмами и белоснежными песчаными пляжами. Правда, выбравшись на сушу, он растянулся на камнях и бог знает сколько времени лежал в полудреме, приходя в себя.

— Потом мне шибануло в нос жутким запахом дохлой рыбы, и надо мной что-то нависло. Я мигом поднялся на колени и увидел здорового тюленя-самца, мокрого и лоснящегося. Его черные глаза таращились на меня в упор с расстояния не более ярда.

Не будучи ни рыбаком, ни моряком, Джейми, однако, слышал рассказы бывалых людей и знал, что самцы тюленей могут быть опасны, особенно когда защищают от вторжения свои лежбища. Глядя на открытую пасть, полную острых крючковатых зубов, и валики плотного жира, опоясывавшие огромное тело, Джейми не мог не признать правдивость этих матросских баек.

— Этот зверюга весил более двадцати стоунов, англичаночка, — сказал он. — Если у него и не было намерения сорвать плоть с моих костей, ему все равно ничего не стоило одним толчком сбросить меня в море, подмять под себя и утопить.

— Но он этого не сделал, — заметила я. — Что случилось?

Он рассмеялся.

— Наверное, я настолько ошалел от усталости, что не нашел ничего лучше, как сказать: «Все хорошо, это я».

— Здорово! И что ответил тюлень?

Джейми пожал плечами.

— Он присмотрелся ко мне — ты знаешь, у тюленей взгляд почти немигающий, а когда кто-то долго смотрит на тебя немигающим взглядом, это чертовски нервирует, — вроде как хмыкнул и соскользнул со скалы в воду.

Оставшись единственным обитателем крохотного островка, Джейми некоторое время сидел, ничего не соображая, а восстановив силы и мыслительные способности, начал методично обшаривать расщелины. Остров был невелик, но ему не сразу удалось найти щель в камне, которая вела в широкую полость, расположенную на фут ниже скальной поверхности. Она находилась в центре островка, и если затапливалась, то разве что в самые сильные шторма. Во всяком случае, песок, устилавший дно каверны, был сухим.

— Ну, не томи меня, — сказала я, ткнув его в живот, — там было французское золото?

— И было и не было, англичаночка, — ответил он. — Я ведь и вправду раскатал губу на золото Людовика, которого, по слухам, было на тридцать тысяч фунтов. Можешь себе представить, сколько места заняла бы такая уйма монет? Но нет, в этой каверне я нашел только шкатулку менее фута длиной да маленький кожаный кошель. Правда, в шкатулке действительно

было золото и серебро тоже.

Да, самое настоящее. В деревянной шкатулке находилось двести пять монет, золотых и серебряных, некоторые в таком прекрасном состоянии, словно их только что отчеканили, другие же были затерты до невозможности разобрать изображение.

— Древние монеты, англичаночка.

— Древние? Что ты имеешь в виду? Очень старые?

— Греческие, саксонские и римские. Действительно очень старые.

Мы лежали молча, глядя друг на друга в сумрачном свете.

— Невероятно, — сказала я наконец. — Это, спору нет, сокровище, но не...

— Но явно не то, которое мог бы послать на содержание армии Людовик, — закончил за меня Джейми. — Нет, этот клад не имел отношения ни к королю Франции, ни к его министрам.

— А как насчет мешочка? — спросила я. — Что было в найденном тобой кошельке?

— Камни, англичаночка. Драгоценные камни. Бриллианты, жемчуга, изумруды и сапфиры. Немного, но прекрасно ограненные и довольно крупные.

Джейми улыбнулся несколько мрачновато. Итак, он сидел на камне под тусклым серым небом и вертел в руках монеты и драгоценные камни, пребывая в растерянности. Через некоторое время ему показалось, что за ним следят. Он поднял глаза и увидел, что окружен любопытными тюленями. Начался отлив, самки вернулись с рыбалки, и двадцать пар круглых черных глаз настороженно разглядывали его. Огромный черный самец, осмелевший в присутствии своего гарема, тоже вернулся. Он громко лаял, угрожающе мотал головой и наступал на Джейми. С каждым разом его скользившая на лапах по мокрым камням трехсотфунтовая туша оказывалась все ближе.

— Тогда я решил, что лучше всего мне убраться, — сказал Джейми. — В конце концов, я нашел то, за чем пришел, и что мне тут было еще делать? Шкатулку и кошель я положил туда, где они лежали: возможности отнести их на берег у меня не было, да хоть бы и была, что с того? Поэтому я положил их обратно и ползком спустился в воду, стуча зубами от холода.

Несколько гребков — и течение подхватило его и понесло к суше.

Как и большинство такого рода прибрежных водоворотов, оно было круговым и довольно скоро вынесло пловца к подножию утеса, где он выбрался на берег, оделся и заснул в гнезде из сухих водорослей.

Он умолк, и я увидела, что он смотрит сквозь меня.

— Я проснулся на рассвете, — тихо продолжил Джейми. — Поверь, англичаночка, я видел немало рассветов, но такой увидел впервые.

Я чувствовал вращение земли, а мое дыхание смешивалось с дыханием ветра. Казалось, что у меня не было ни кожи, ни костей: все заменил пребывавший прямо во мне свет восходящего солнца.

Его взгляд перестал блуждать в пространстве и вернулся ко мне.

— Потом солнце поднялось еще выше, — сказал он уже обыденным тоном, — и когда оно согрело меня достаточно, чтобы я мог встать, я поднялся и направился в глубь суши, в сторону дороги, чтобы встретиться с англичанами.

— Но почему ты вернулся? Ты был свободен! У тебя были деньги и...

— И на что бы я потратил эти деньги, англичаночка? — спросил он. — Зашел бы в пастушью хижину и предложил хозяину золотой динарий или маленький изумруд?

Видя мое негодование, Джейми улыбнулся и покачал головой.

— Нет, — сказал он мягко. — Мне ничего не оставалось, кроме как вернуться обратно. Да, конечно, какое-то время я мог бы скрываться в вереске, пусть даже полуголый и умирающий с голоду, но они бы неустанно охотились за мной, англичаночка. Для них я был не просто беглым преступником, а человеком, который мог проникнуть в тайну французского золота. Да они перевернули бы вверх дном каждую хижину в окрестностях Ардсмур, думая, что я могу найти там прибежище. А уж если англичане выходят на охоту, то держись, — добавил он угрюмо. — Ты видела обшивку в передней?

Да, я заметила эту дубовую панель, покореженную и выщербленную тяжелыми ударами.

— Мы оставили ее такой на память, — сказал он. — Чтобы показывать детям и рассказывать им, каковы англичане.

подавляемая ненависть в его голосе поразила меня до глубины души, но, по правде сказать, зная о «подвигах» английской армии в горной Шотландии, возразить было нечего. Поэтому я промолчала, а Джейми продолжил:

— Так вот, англичаночка, мне вовсе не хотелось привлекать к жителям окрестностей Ардсмур подобное внимание. — Его рука сжала мою, и едва заметная улыбка тронула губы. — К тому же, если бы меня не поймали, охота, скорее всего, снова добралась бы до Лаллиброха. И если я не хотел подвергать опасности жителей Ардсмур, то уж тем более должен был подумать о своих близких. Кроме того...

Джейми умолк, по-видимому пытаясь найти нужные слова.

— Я вынужден был вернуться в тюрьму, — произнес он медленно. — Ради людей, если не ради чего другого.

— Ради заключенных? — удивилась я. — Что, там сидел кто-то из Лаллиброха?

Он покачал головой. Маленькая вертикальная морщинка, которая появлялась между бровями, когда он задумывался, была видна даже при свете звезд.

— Нет. Там были люди со всей горной Шотландии, почти из всех кланов. Всего по несколько человек из каждого клана, зачастую всякая шушера. Но они тем более нуждались в вожде.

— И ты стал для них этим вождем? — спросила я, сдерживая желание разгладить эту морщинку пальцами.

— За неимением лучшего, — ответил Джейми с легкой улыбкой.

Он, привыкший мыслить себя одним целым с семьей и арендаторами, которые поддерживали его на протяжении семи лет, оказался оторванным от них, столкнулся вместо этого с одиночеством и безнадежностью, убивающими человека даже вернее, чем грязь, сырость и холод тюрьмы.

Но, оказавшись в такой ситуации, он не только не пал духом сам, но и сделался примером и опорой для других, превратил разномастный сброд уцелевших после Куллодена в сплоченную группу, какой этим людям нужно было стать, чтобы выжить в Ардсмуре. Где уговорами, а где, если требовалось, и силой он подвигнул их к тому, чтобы забыть клановые раздоры. Они объединились, и он стал их вождем.

— Они стали моим кланом, — тихо сказал Джейми. — И они помогли мне выжить.

Но потом их отправили на подневольные работы в заморские земли. И он не сумел спасти их.

— Ты сделал для них все, что мог. Но теперь это позади, — прошептала я.

Мы долго лежали в объятиях друг друга, прислушиваясь к негромким звукам дома. В отличие от вечной суеты борделя тихие скрипы и вздохи говорили о спокойствии, домашнем уюте и безопасности. В первый раз мы по-настоящему остались наедине, когда нам ничего не грозило и ничто не отвлекало нас друг от друга.

Теперь у нас было время. Время, чтобы рассказать остальную часть истории о золоте, узнать, что он с ним сделал, выяснить, что случилось с заключенными Ардсмуре, поразмыслить о сожжении печатной мастерской, об одноглазом моряке юного Айена, о встрече с таможенниками его величества на берегу у Арброута и решить, что делать дальше. Но

поскольку время было, не было никакой нужды говорить обо всем этом прямо сейчас.

Последний брикет торфа развалился в очаге на шипящие красные комья. Я придвинулась поближе к Джейми, уткнулась лицом в его шею. От него пахло травой, потом и чуть-чуть бренди.

Откликаясь на мое движение, он переместился так, что наши обнаженные тела соприкоснулись по всей длине.

— Что, опять? — удивленно пробормотала я. — Люди в твоём возрасте не должны делать это так часто.

Он мягко куснул меня за мочку уха.

— Но ведь ты тоже делаешь это, англичаночка. А ты старше меня.

— Это другое дело, — сказала я, тихо охнув, когда он неожиданно взгромоздился на меня и его плечи загородили звездный свет в окошке. — Я женщина.

— Не будь ты женщиной, англичаночка, — заявил он, принимаясь за дело, — я бы ничего подобного и не затевал. А сейчас помолчи.

Я проснулась на рассвете под скрип тершегося об окно розового куста и приглушенный стук и звяканье, доносившиеся снизу, где на кухне готовился завтрак. Осторожно, чтобы не разбудить Джейми, я выбралась из кровати и, с дрожью ступая по ледяным половицам, потянулась за первым подвернувшимся под руку одеянием.

Закутавшись в рубашку Джейми, я опустила на колени перед очагом и принялась за нелегкое дело разведения огня, сожалея о том, что не додумалась включить в список захваченных с собой нужных мелочей безопасные спички. Конечно, сухие щепки занимают и от искр, высекаемых кресалом из кремня, только вот, как правило, не с первой попытки. И не со второй. И не...

Где-то на двенадцатой попытке мое упорство было-таки вознаграждено: комок пакли, служивший мне вместо трута, чуть задымился и появился крохотный, но быстро разгоравшийся огонек. Быстро, но осторожно я сунула паклю в шалашик из прутиков и щепочек, сооруженный загодя, чтобы порыв холодного ветра не задул огонь.

Накануне я оставила окно приоткрытым, чтобы не задохнуться от дыма: торфяные лепешки горели жарко, но тускло и отчаянно дымили, свидетельством чему были закопченные балки над головой. И даже сейчас, несмотря на холод, я думала, что свежий воздух нам не повредит, по крайней мере пока я как следует не разожгу огонь.

Оконное стекло по краям прихватило легким морозцем — зима была не за горами. Воздух был такой свежий и морозный, что я, прежде чем

закрывать окно, сделала несколько жадных глотков, вдыхая запахи прошлогодней листвы, высушенных яблок, холодной земли и влажной, сочной травы. Вид снаружи поражал своей графической четкостью: каменные стены и темные сосны, словно начерченные пером на фоне серого облачного утра.

Потом мое внимание привлекло движение на вершине холма, где проходила разбитая дорога на деревушку Брех–Мордха. Один за другим три маленьких горных пони поднялись на гребень холма и начали спускаться по склону к усадьбе.

Наездники были слишком далеко, и я не могла разглядеть их лиц, зато по раздувавшимся юбкам сразу поняла, что все три верховых — женщины. Может быть, это девушки Мэгги, Китти и Джанет, возвращавшиеся из дома Джейми–младшего. Мой Джейми будет рад их увидеть.

Я решила, что, пока часть утра еще остается в нашем распоряжении, по–настоящему согреться можно только под одеялом. Закрыв окно, я достала из корзины несколько торфяных кирпичиков, подбросила их в очаг, чтобы дать пищу разгоревшемуся огню, сбросила рубашку и скользнула в восхитительное тепло нагретой постели.

Джейми, ощутив холодок моего тела, перекатился ко мне, сонно потерся лицом о мое плечо и пробормотал:

— Хорошо спала, англичаночка?

— Лучше не бывает, — заверила я, коварно прислоняя свой замерзший зад к его теплым бедрам. — А ты?

— Ммм. — Он ответил блаженным стоном, стиснув меня в объятиях. — Мне снились дьявольские сны.

— Какие именно?

— Главным образом голые женщины, — проорчал он и легонько укусил меня за плечо. — А еще еда.

У него заурчало в животе — естественный отклик на доносившийся из кухни запах выпечки и жареного бекона.

— Смотри не перепутай одно с другим, — предостерегла я, отдергивая плечо за пределы досягаемости его зубов.

— Не бойся. Я пока еще в состоянии отличить нежную пухленькую девицу от соленой ветчины. Хотя, спору нет, определенное сходство тут налицо.

Он схватил мои ягодицы обеими руками и стиснул, отчего я вскрикнула и ударила его пятками по голениям.

— Зверюга!

— Ага, значит, зверюга? — рассмеялся Джейми. — Ну что ж, так тому

и быть.

Зарывав, он нырнул под одеяло и принялся пощипывать и покусывать внутреннюю поверхность моих бедер, игнорируя мой писк и попытки побить его по спине и плечам.

В процессе этой возни одеяло сползло на пол, открыв взору копну рыжих волос поверх моих бедер.

— Возможно, разница еще меньше, чем мне казалось, — сообщил Джейми, высунув голову, чтобы набрать воздуха. — Я тут попробовал: ты и точно на вкус солоноватая. Что ты...

Его прервал неожиданный стук двери. Она резко распахнулась, ударилась о стену, а когда мы, встрепенувшись, обернулись, то обнаружили на пороге юную незнакомую мне девушку пятнадцати–шестнадцати лет с длинными светлыми волосами и большими голубыми глазами. Глаза эти, расширенные от потрясения и ужаса, смотрели прямо на меня. Ее взгляд медленно переместился с моих спутанных волос на обнаженную грудь и вниз по голому телу, пока не наткнулся на Джейми, который лежал распростертый между моими бедрами, побледневший и потрясенный не меньше ее.

— Папа! — воскликнула она с глубочайшим возмущением. — Кто эта женщина?

Глава 34

ПАПА

— Папа? — растерянно повторила я за ней. — Папа?!

Когда дверь открылась, Джейми обратился в камень. Теперь он рывком выпрямился, схватил упавшее одеяло, убрал с лица беспорядочно разметавшиеся волосы и сердито взглянул на девушку.

— Какого дьявола ты тут делаешь? — проревел он.

Рыжебородый, обнаженный и хриплый от ярости, Джейми представлял собой внушительное зрелище, и девушка на миг растерялась и отпрянула, но тут же совлادала с собой, вздернула подбородок и ответила ему таким же сердитым взглядом.

— Я здесь с мамой!

Пожалуй, она не добилась бы большего эффекта и пальнув Джейми прямым в сердце. Он содрогнулся, и вся краска напрочь сошла с его лица.

Правда, в следующий миг, когда на деревянной лестнице зазвучали быстрые шаги, он вновь покраснел. Джейми соскочил с постели, поспешно бросив одеяло в мою сторону, и схватил свои штаны. Он едва успел их натянуть, когда в комнату стремительно влетела еще одна женщина. Она резко остановилась, словно наткнувшись на прозрачную стену, и уставилась расширенными глазами на кровать.

— Это правда! — вскричала женщина и повернулась к Джейми, вцепившись в полы своего плаща. — Это правда! Это та самая англичанка, ведьма! Как ты мог так поступить со мной, Джейми Фрэзер?

— Успокойся, Лаогера! — отрезал он. — Я пока еще ничего не сделал!

Я села, прислонилась к стене, закуталась в одеяло и уставилась на них. Я узнала ее, только когда он назвал ее имя. Двадцать с лишним лет назад Лаогера Маккензи была стройной шестнадцатилетней девушкой с кожей как розовые лепестки и волосами лунного цвета, пылавшей яростной — и безответной — страстью к Джейми Фрэзеру. Очевидно, с тех пор кое-что изменилось.

Ей было около сорока, и она утратила стройность, значительно округлившись. Кожа все еще оставалась нежной, но увяла и растянулась на пухлых, а сейчас еще и раскрасневшихся от ярости щеках. Пряди пепельных волос выбивались из-под ее респектабельного белого чепца. Правда, бледно-голубые глаза остались теми же и снова взирали на меня с той же ненавистью, которую я видела в них когда-то давно.

— Он мой! — прошипела она и топнула ногой. — Убирайся обратно в ад, откуда ты явилась, и оставь его мне! Убирайся, я сказала!

Поскольку я не выказала намерения последовать ее указаниям, она огляделась по сторонам, очевидно, в поисках оружия и, сочтя таковым кувшин с голубой полоской, схватила его и размахнулась, чтобы запустить им в меня. Но тут Джейми ловко выхватил сей метательный снаряд из ее руки, поставил на место и схватил ее за плечо так сильно, что она пискнула.

Он повернулся к ней и бесцеремонно толкнул к двери.

— Спускайся вниз. Я поговорю с тобой потом, Лаогера.

— Ты поговоришь со мной? Поговоришь со мной! — воскликнула она и с искаженным от ярости лицом вцепилась ногтями в его лицо и расцарапала щеку от глаза до подбородка.

Джейми зарычал, схватил ее за запястье, подтащил к двери, вытолкнул в коридор, захлопнул за ней дверь и повернул ключ.

Когда он снова повернулся ко мне, я сидела на краешке кровати и дрожащими руками натягивала чулки.

— Я могу объяснить тебе это, Клэр, — сказал он.

— Я т-так н-не думаю, — отозвалась я.

Губы мои, как, впрочем, и все остальное, онемели, слова выговаривались с трудом. Не поднимая глаз, я пыталась — и тщетно — приладить подвязки.

— Послушай меня! — взревел он и обрушил кулак на стол с такой силой, что я подскочила, вскинула голову и увидела, что он навис надо мной.

С растрепанной рыжей гривой, небритым подбородком, обнаженной грудью и расцарапанной физиономией он выглядел как совершающий разорительный набег викинг. Впрочем, я тут же отвернулась и принялась рыться в простынях, ища свою сорочку. В дверь с той стороны начали барабанить, а когда эта суматоха привлекла внимание обитателей дома, к стуку добавились еще и крики.

— Ты лучше ступай и объясни все это своей дочери, — гневно предложила я.

— Она не моя дочь!

— Вот как? — Я просунула голову в ворот сорочки и уставилась на него. — И ты, как я полагаю, не женат на Лаогере?

— Я женат на тебе, черт возьми! — взревел он, снова ударив кулаком по столу.

— А мне так не кажется!

Неожиданно я снова почувствовала, что в комнате очень холодно. Мои негнущиеся пальцы не могли справиться с завязками корсета, так что в конце концов я отбросила его в сторону и встала, чтобы надеть платье. Но оно находилось по другую сторону комнаты, позади Джейми.

— Мне нужно мое платье.

— Ты никуда не уйдешь, англичаночка. Пока не...

— Не называй меня так! — воскликнула я, удивив нас обоих.

Он воззрился на меня, потом кивнул.

— Ладно, — тихо ответил Джейми, взглянул на сотрясающуюся от стука дверь, сделал глубокий вдох и выпрямился, расправив плечи. — Я пойду и все улажу. Потом мы поговорим, мы вдвоем. Оставайся здесь, англ... Клэр.

Джейми схватил рубашку, натянул ее через голову, отворил дверь и выйдя в неожиданно притихший коридор, закрыл ее за собой.

Мне удалось—таки взять платье, но на этом я сломалась и плюхнулась на постель, дрожа и комкая зеленую шерстяную ткань, лежащую у меня на коленях.

Переварить все случившееся у меня никак не получалось, все мысли вращались вокруг одного основного факта: Джейми женат! Женат на Лаогере. У него есть семья. И при этом он пускал слезу по Брианне!

— О Бри! — произнесла я вслух. — О господи, Бри!

И тут меня прорвало: я разрыдалась и от потрясения, и от тоски по Брианне. С логикой тут было плоховато, но мне все это виделось предательством по отношению к ней, ко мне... И даже к Лаогере.

Впрочем, одной только мысли о Лаогере хватило, чтобы потрясение и растерянность мигом обернулись яростью. От злости я принялась энергично вытирать слезы колючей зеленой шерстью.

Будь он проклят! Как он смел? Ладно, сама женитьба: я была готова — хотя и боялась этого — к тому, что, считая меня умершей, он свяжет себя новыми узами. Но одно дело — просто жениться, а другое — на этой женщине, этой злобной, подлой маленькой стерве, пытавшейся убить меня в замке Леох... Правда, он, скорее всего, этого не знал, тут же подсказал мне еле слышный голос рассудка.

— Что ж, ему следовало это знать! — заявила я вслух, споря сама с собой.

Да чтоб ему в ад провалиться, если он вообще мог с ней спутаться!

Горючие слезы, ручейки обиды и злости, струились по моему лицу, заодно текло и из носа. Я потянулась за носовым платком, не нашла его и в отчаянии высморкалась в уголок простыни.

Она пахла Джейми. Хуже того, от нее пахло нами обоими: на ней сохранился слабый запах нашего наслаждения. Да что там простыня: на внутренней стороне моего бедра остался след его укуса, там даже покалывало. Вне себя от злости я изо всех сил хлопнула по этому месту ладонью, чтобы ничего не чувствовать.

— Лжец! — воскликнула я и, схватив кувшин, которым порывалась запустить в меня Лаогера, швырнула его изо всех сил в дверь. Он со стуком ударился о косяк и разлетелся на мелкие осколки.

Я стояла посреди комнаты, прислушиваясь. Было тихо. Снизу не доносилось ни звука, никто не спешил выяснить, что тут за грохот. Ну конечно, им не до меня! Все только и думают, как успокоить свою драгоценную Лаогеру.

Интересно, они жили здесь, в Лаллиброхе? Я вспомнила, как Джейми отвел Фергюса в сторонку и послал его вперед, скорее всего для того, чтобы предупредить Айена и Дженни о нашем прибытии. И вероятно, чтобы спрятать Лаогеру к моему приезду.

Бога ради, а Айен с Дженни, они-то что обо всем этом думали? Не могли же они не знать о Лаогере! И тем не менее приняли меня вчера вечером как ни в чем не бывало. Но если Лаогеру отослали, почему она вернулась? Черт, от одной этой мысли у меня началась пульсирующая боль в висках.

Однако выходка с кувшином дала моему гневу некоторую разрядку, пальцы перестали дрожать, и я смогла, отшвырнув пинком в угол чертов корсет, натянуть через голову зеленое платье.

Нужно отсюда убираться. Это была единственная более или менее связанная мысль, появившаяся в моей голове, и я уцепилась за нее. Убираться. Невозможно оставаться в одном доме с Лаогерой и ее детьми. Кстати, сколько их? В конце концов, они принадлежат к этому миру, а я нет.

На сей раз мне удалось справиться с подвязками и шнуровкой лифа, застегнуть все бесчисленные крючки, а также найти туфли. Одна оказалась под умывальником, другая — рядом с массивным дубовым шкафом: я небрежно разбросала их накануне, стремясь поскорее забраться в манящую постель и оказаться в теплых объятиях Джейми.

Я поежилась. Огонь снова догорел, из окна тянуло холодом. Я почувствовала, что продрогла до костей.

Некоторое время ушло на напрасные поиски плаща, оставленного мной, как вспомнилось потом, внизу, в гостиной. Будучи слишком раздражена, чтобы искать невесть куда завалившийся гребень, я принялась приводить волосы в порядок пальцами, и мои кудри, наэлектризованные

при надевании шерстяного платья, затрещали. Отдельные пряди пристали к лицу, и я раздраженно их отбросила.

Ну вот, готова. Во всяком случае, насколько это возможно. Я задержалась для того, чтобы последний раз оглядеться по сторонам, и тут услышала шаги по лестнице.

Не быстрые и легкие, как до того, а тяжелые и медленные. Я сразу поняла, что это Джейми и что он не горит желанием видеть меня. Прекрасно. Я тоже не хотела его видеть. Лучше уйти сразу, без разговоров. Да и о чем тут разговаривать?

Когда дверь открылась, я попятилась и продолжала отступать, не осознавая этого, пока не ударилась ногами о кровать и, потеряв равновесие, села. Джейми остановился на пороге, глядя на меня сверху вниз.

Он побрился. Это было первое, что я заметила. Подобно Айену—младшему днем раньше, он наспех побрился, зачесал волосы назад и привел себя в порядок перед неприятным разговором. Видимо, эти мысли нашли отражение на моем лице, потому что Джейми едва заметно улыбнулся, потер свежевыбритый подбородок и спросил:

— Как думаешь, это поможет?

Я облизала сухие губы, но не ответила. Джейми вздохнул и ответил сам:

— Наверное, нет.

Он вошел в комнату, закрыл дверь, неловко постоял и двинулся к кровати, протянув ко мне руку.

— Клэр...

— Не прикасайся ко мне!

Я вскочила на ноги и постаралась обогнуть его, чтобы пройти к двери. Руку Джейми опустил, но, шагнув, встал передо мной, загородив мне дорогу.

— Неужели ты не позволишь мне объяснить, Клэр?

— Сдается мне, что объяснения запоздали, — произнесла я, стараясь, чтобы мои слова прозвучали холодно и презрительно.

К сожалению, мой голос дрогнул. Джейми захлопнул позади себя дверь.

— Ты никогда раньше не была неразумной, — тихо сказал он.

— Не говори мне, какой я была раньше!

Слезы слишком близко подступили к глазам, и я закусила губу, чтобы не заплакать.

— Ладно.

Его лицо было очень бледным, отчего царапины, нанесенные

Лаогерой, выделялись особенно отчетливо, тремя красными линиями.

— Я не хотел жить с ней, — сказал он. — Она и девочки живут в Балриггане, близ Брех–Мордхи.

Джейми пристально наблюдал за мной, но я ничего не сказала. Он слегка пожал плечами, поправляя рубашку, и продолжил:

— Наш брак был большой ошибкой.

— Ага, но чтобы понять, что это ошибка, тебе потребовалось некоторое время, достаточное, чтобы прижить двоих детей! — не сдержалась я.

Он плотно сжал губы.

— Девочки не мои. Лаогера была вдовой с двумя детьми, когда я на ней женился.

— Вот как?

Вообще–то особой разницы тут не было, но я все равно почувствовала облегчение: выходит, Брианна — единственный ребенок Джейми. Истинное дитя его сердца, даже если...

— Я давно живу отдельно от них, в Эдинбурге, а им только высылаю деньги, но...

— Тебе нет нужды мне рассказывать, — перебила я. — Можно подумать, будто это так важно. Пропусти меня, пожалуйста, я уйду.

Густые рыжие брови взметнулись.

— Куда уходишь?

— Обратно. Прочь. Я не знаю. Пропусти меня!

— Ты никуда не уйдешь, — решительно сказал он.

— Ты не можешь остановить меня!

Он потянулся и схватил меня за руки.

— Могу, — сказал он.

Он и вправду мог: я яростно задержалась, но хватка у него была железной.

— Отпусти меня сейчас же!

— Нет, не отпущу!

Джейми хмуро взглянул на меня, и я вдруг поняла, что, несмотря на внешнее спокойствие, он расстроен так же сильно, как и я. Он с трудом сглотнул, пытаясь контролировать свой голос.

— Я не отпущу тебя, пока не объясню, почему...

— Да что там объяснять? — гневно заявила я. — Ты снова женился! Чего еще?

Краска залила его лицо. Кончики ушей покраснели — верный признак надвигающегося гнева.

— А разве ты жила как монахиня эти двадцать лет? — требовательно спросил он, слегка тряхнув меня.

— Нет! — бросила я ему в лицо, и он слегка вздрогнул. — Нет, черт тебя побери! И думаю, ты тоже не был монахом.

— Тогда... — начал он, но я слишком разозлилась, чтобы слушать дальше.

— Ты солгал мне!

— Я никогда тебе не лгал!

У него заходили желваки на щеках, как бывало, когда он злился по-настоящему.

— Ты лгал, мерзавец! Ты знаешь это! Отпусти!

Я пнула его по голени так сильно, что у меня онемели пальцы ног. Он охнул от боли, но не отпустил меня, а, наоборот, сжал еще крепче, отчего я вскрикнула.

— Я никогда не говорил тебе...

— Да, не говорил! Но все равно лгал! Ты дал мне понять, что не женат, что не было никого, что ты... что ты...

Я задышалась от ярости, и мне через слово приходилось переводить дух.

— Ты должен был сказать мне, как только я вернулась! Почему не сказал?

Его хватка ослабла, и мне удалось вырваться. Он сделал шаг в мою сторону, его глаза сверкали от гнева, но я, ничуть не испугавшись, замахнулась кулаком и ударила его в грудь.

— Почему? — закричала я, ударяя его снова и снова. — Почему, почему, почему?

— Потому что я боялся!

Он схватил меня за запястья, швырнул на кровать и встал надо мной, сжав кулаки и тяжело дыша.

— Потому что я трус! Я не мог сказать тебе, потому что боялся, что ты бросишь меня. И пусть это не по-мужски, но я подумал, что мне этого не вынести!

— Не по-мужски? С двумя женами? Ха!

На миг мне показалось, что он даст мне пощечину — рука уже поднялась, — но потом он сжал открытую ладонь в кулак.

— По-мужски ли это — хотеть тебя так сильно, что ничто другое не имеет значения? Видеть тебя и знать, что я готов пожертвовать честью, семьей, самой жизнью, чтобы быть с тобой, хотя ты и оставила меня!

— И ты имеешь наглость говорить мне такие вещи? — От злости мой

голос превратился в свистящий шепот. — Ты винишь меня?

Джейми замер, лишь грудь его бурно вздымалась, словно ему не хватало воздуха.

— Нет. Нет, я не могу винить тебя. — Он отвернулся и невидящим взглядом уставился в сторону. — Как это могло быть твоей виной? Ты хотела остаться со мной, умереть со мной.

— Да, вот такая я была дура! Ты отослал меня, ты заставил меня уйти! И теперь пытаешься меня в этом обвинить!

Он снова повернулся ко мне с почерневшими от отчаяния глазами.

— Я был вынужден отослать тебя! У меня не было другого выхода. Ради ребенка!

Его взгляд непроизвольно переместился на крючок, на котором висел его плащ с фотографиями Брианны в кармане. Джейми судорожно вздохнул и с видимым усилием взял себя в руки.

— Нет, — сказал он гораздо более спокойно. — Я не могу сожалеть об этом, невзирая на цену. Я бы отдал свою жизнь за нее и за тебя, даже если бы это стоило мне сердца и души... — Опять прерывистый вздох и попытка совладать с эмоциями, — Нет, я не могу винить тебя за то, что ты ушла.

— Однако ты винишь меня за то, что я вернулась.

Джейми потряс головой, как будто чтобы прояснить мысли.

— Нет, господи! — Он так сжал обе мои руки, что кости хрустнули. — Ты понимаешь, каково это — двадцать лет жить без сердца? Жить получеловеком и приучать себя довольствоваться теми крохами, которые остались, заполняя трещины тем строительным раствором, который оказался под рукой?

— Понимаю ли? — эхом отозвалась я, пытаюсь высвободиться, но без особого успеха. — Да, мерзавец, прекрасно понимаю! А ты думал, что я вернулась к Фрэнку и с тех пор жила счастливо?

Я пнула его изо всех сил. Он вздрогнул, но не выпустил меня.

— Порой я надеялся на это, — процедил Джейми сквозь зубы. — А порой я видел его с тобой, днем и ночью, лежащего рядом с тобой, пользующегося твоим телом, берущего твоего ребенка. Моего ребенка! И, господи, я готов был убить тебя за это!

Неожиданно он выпустил мои руки, развернулся и с силой ударил кулаком в стенку дубового шкафа, пробив дыру. Это был впечатляющий удар: мебель была очень прочной. Надо полагать, он основательно сбил костяшки, но без колебаний саданул по дубовым доскам другим кулаком, словно это было лицо Фрэнка. Или мое.

— Ага, вот, значит, что ты воображал, — холодно сказала я, когда он отступил, тяжело дыша. — Ну а мне и воображать не нужно: Лаогера сама ко мне заявила.

— Мне нет дела до Лаогеры и никогда не было!

— Негодяй! — вырвалось у меня. — Значит, ты берешь в жены ненужную тебе женщину и готов избавиться от нее, как только...

— Заткнись! Придержи язык! — взревел Джейми, обрушивая удар на умывальник. Глаза его метали молнии. — Я чувствовал кое-что по отношению к ней. Да, может быть, я ветреный ловелас, но если бы ничего не чувствовал, был бы бессердечным зверем.

— Ты должен был сказать мне!

— А если бы сказал?

Он схватил меня за руку и рывком поставил перед собой, глаза в глаза.

— Ты бы развернулась и ушла, молча. А после того, как я снова увидел тебя, говорю тебе, я был готов даже на гораздо худшее, чем ложь, лишь бы только удержать тебя!

Он крепко прижал меня к себе и поцеловал долго и сильно. Мои колени обмякли, и я попыталась укрепить их, вызвав в памяти гневные глаза Лаогеры и визгливый звук ее голоса, эхом отдававшийся в моих ушах: «Он мой!»

— Это бессмысленно, — отрезала я и отстранилась.

Ярость была подобна опьянению, но отрезвление — черный, головокружительный водоворот — наступило быстро. У меня закружилась голова, и я с трудом сохранила равновесие.

— Ничего не соображаю. Я ухожу.

Нетвердым шагом я двинулась к двери, но Джейми схватил меня за талию и оттащил обратно.

Он развернул меня к себе и поцеловал снова, так сильно, что я ощутила во рту ртутный привкус крови. Это была не любовь, даже не желание, но слепая страсть, твердая решимость обладать мной. Он покончил с разговорами.

Я тоже.

Я откинулась назад и ударила его по лицу, причем не ладонью, а изогнутыми пальцами, чтобы как следует расцарапать физиономию.

Джейми отпрянул, но тут же схватил меня за волосы и снова впился в мои губы, не обращая внимания на все мои лихорадочные пинки и удары.

Он закусил мою нижнюю губу, а когда я, задыхаясь, открыла рот, всунул язык, крадя и дыхание, и слова.

После чего бросил меня на кровать, где часом раньше мы лежали и

смеялись, и придавил меня всей тяжестью своего тела.

Он был очень возбужден.

Я тоже.

«Моя, — сказал он, не произнеся ни слова. — Моя!»

Я отбивалась от него с безграничной яростью и не без навыков, но мое тело вторило в ответ: «Твоя. И будь ты проклят за это!»

Я не почувствовала, как он сорвал мое платье, но почувствовала жар его тела на моей обнаженной груди сквозь тонкое полотно его рубашки, длинный, твердый мускул его бедра, напрягшийся, прижавшись к моему. Чтобы спустить штаны, ему пришлось выпустить мою руку, и я полоснула его ногтями — розовые отметины протянулись от уха до груди.

В своем безумии мы были готовы убить друг друга, подпитываемые яростью проведенных в разлуке лет: моей — за то, что он отослал меня, его — за то, что я ушла; моей — за Лаогеру, его — за Фрэнка.

— Мерзавка! — задыхаясь, шипел он. — Развратница!

— Будь ты проклят!

Я запустила руку в его длинные волосы и дернула изо всех сил. Мы скатились на пол, сцепившись, выкрикивая или выдыхая бессвязные слова и ругательства. Я не слышала, как открылась дверь. Я ничего не слышала, хотя нас, должно быть, окликали, и не раз. Слепая и глухая, я не ощущала ничего, кроме Джейми, пока нас не окатили ледяной водой. Результат был как от удара электрическим током. Джейми замер. Вся краска сошла с его лица, бледная кожа обтянула кости.

Я лежала в ошеломлении. Капельки воды стекали с кончиков его волос на меня. Позади него я увидела Дженни. Ее лицо было таким же бледным, как у брата, в руках она держала пустую кастрюлю.

— Прекратите немедленно! — приказала она, гневно сверкая глазами. — Как ты мог, Джейми? Бесишься тут, громишь все, как дикий зверь, и плевать тебе, что тебя слышит весь дом!

Джейми неуклюже, словно медведь, сполз с меня. Дженни схватила одеяло с кровати и набросила его на меня.

Стоя на четвереньках, Джейми затряс головой, как собака, отчего во все стороны полетели брызги. Потом очень медленно поднялся на ноги и натянул порванные штаны.

— Тебе не стыдно? — воскликнула потрясенная Дженни.

Джейми стоял, глядя на нее так, будто никогда не видел такого существа, и пытался сообразить, кто она. Вода с мокрых волос капала на его обнаженную грудь.

— Да, — ответил он наконец довольно спокойно. — Стыдно.

Вид у него был ошалелый. Он закрыл глаза, содрогнулся всем телом, молча повернулся и вышел.

Глава 35

БЕГСТВО ИЗ ЭДЕМА

Дженни присела со мной на кровать, издавая всхлипывания, вызванные то ли сочувствием ко мне, то ли собственным потрясением. Я смутно различала маячившие в дверях фигуры, наверное слуг, но мне было не до них.

— Я найду тебе что-нибудь, чтобы одеться, — прошептала она, взбивая подушку и укладывая меня на нее. — И может быть, тебе стоит капельку выпить. Как ты?

— Где Джейми?

Дженни бросила на меня быстрый взгляд, в котором сочувствие мешалось с любопытством.

— Не бойся, я больше не пущу его к тебе, — решительно заявила она, но потом поджала губы и нахмурилась, подтыкая под меня одеяло. — Как он мог дойти до такого?

— Он не виноват, то есть сто раз виноват, но не в этом! — Я пробежала рукой по спутанным волосам, отражавшим мое смятение. — Я сама виновата не меньше, чем он. Это мы оба. Он... я...

Я уронила руку, не в силах что-либо объяснить. Наверное, со стороны я выглядела ужасно: поцарапанная, дрожащая, с опухшими, искусанными губами.

— Понятно, — только и сказала Дженни.

Она бросила на меня долгий оценивающий взгляд, и мне показалось, что ей и вправду все понятно. Говорить о недавних событиях не хотелось, и она почувствовала это, потому что некоторое время молчала, потом тихо отдала распоряжение кому-то в коридоре и походила по комнате, наводя порядок. Я заметила, как она замерла, увидев дырки в стенке шкафа, затем наклонилась и подняла большие осколки разбитого кувшина.

Когда она сложила их в тазик, внизу хлопнула дверь парадного входа. Дженни подошла к окну и отодвинула занавеску.

— Это Джейми, — сказала она, взглянув на меня и опустив занавеску. — На холм двинул. Когда у него проблемы, он каждый раз туда тащится. Или туда, или напивается с Айеном. Лучше уж на холм.

Я хмыкнула.

— Да, думаю, что у него на самом деле проблемы.

В коридоре прозвучали легкие шаги, и появилась Джанет, осторожно

несшая поднос с печеньем, виски и водой. Вид у нее был напуганный.

— Ты... ты в порядке, тетя? — осторожно спросила она, поставив поднос.

— В порядке, — заверила я ее, сев прямо и взявшись за графин с виски.

Дженни окинула меня быстрым взглядом, погладила дочку по руке и повернулась к двери.

— Побудь с тетей, — велела она. — Я пойду поищу платье.

Джанет послушно кивнула и села на табурет возле кровати, наблюдая за мной.

Слегка перекусив, я почувствовала себя гораздо сильнее физически. Внутренне я совершенно онемела, последние события казались похожими на сон, только вот этот проклятый «сон» четко запечатлелся в сознании. Я могла припомнить все до мельчайших деталей: голубые воланы на платье дочери Лаогеры, крохотные лопнувшие сосудики на щеках самой Лаогеры, неровно обрезанный ноготь на безымянном пальце Джейми.

— Ты знаешь, где Лаогера? — спросила я Джанет.

Девочка смотрела вниз, разглядывая свои руки. Услышав мой вопрос, она подняла голову и заморгала.

— Конечно, тетя, — с готовностью ответила она. — Лаогера, Марсали и Джоан отправились обратно в Балригган, туда, где они живут. Дядя Джейми велел им уехать.

— Велел, значит, — без выражения произнесла я.

Джанет закусила губу, теребя руками фартук. Неожиданно она подняла на меня глаза.

— Тетя, я так сожалею!

Ее теплые, карие, как у отца, глаза быстро наполнялись слезами.

— Все в порядке, — сказала я, не имея ни малейшего представления о том, что она имела в виду, но стараясь ее успокоить.

— Но это же я! — выпалила она с совершенно несчастным видом, но твердой решимостью признаться. — Это я... я сказала Лаогере, что вы здесь. Потому она и явилась.

— О!

«Тогда понятно», — подумала я, допила виски и осторожно поставила стакан обратно на поднос.

— Я не думала... у меня и в мыслях не было устроить такой скандал, правда. Я не знала, что ты... что она...

— Все в порядке, — сказала я снова. — Одна из нас рано или поздно узнала бы обо всем. — Хотя это было уже не важно, я посмотрела на нее с

некоторым любопытством. — Слушай, но зачем ты вообще рассказала ей об этом?

В это время на лестнице слышались шаги, и девушка, оглянувшись через плечо, наклонилась ко мне поближе.

— Мне велела мама, — прошептала она, встала и поспешно вышла из комнаты, разойдясь с матерью в дверях.

Расспрашивать Дженни я не стала. Она раздобыла мне платье из гардероба одной из старших дочерей и молча помогла одеться. Лишь уже обувшись и причесавшись, я обратилась к ней:

— Мне нужно уехать. Прямо сейчас.

Дженни не стала возражать. Она окинула меня взглядом, оценивая мое состояние, и кивнула. Темные ресницы прикрыли раскосые голубые глаза, так похожие на глаза ее брата.

— Я думаю, что это лучше всего, — тихо сказала она.

Поздним утром я покинула Лаллиброх, наверное, в последний раз. На поясе у меня висел кинжал для защиты, хотя маловероятно, чтобы он мне понадобился. Запаса еды и эля в седельных сумках должно было хватить на дорогу до каменного круга. Я подумывала забрать из плаща Джейми фотографии Брианны, но после минутного колебания оставила их. Она принадлежала ему навсегда, даже без меня.

Был холодный осенний день, серый рассвет обещал моросящий дождь, и это обещание уже начинало исполняться. Никого не было видно вблизи дома, когда Дженни вывела лошадь из конюшни и подержала уздечку, чтобы я могла сесть верхом.

Я надвинула капюшон плаща пониже и кивнула ей. В прошлый раз мы прощались со слезами и объятиями, как сестры. Теперь же она отпустила поводья и отступила назад, когда я разворачивала лошадь в сторону дороги.

— Бог в помощь! — услышала я за спиной ее напутствие.

Но не ответила и не оглянулась.

Я находилась в пути почти весь день, не разбирая, куда еду, обращая внимание только на общее направление и предоставив мерину самому выбирать себе дорогу через горные перевалы.

Лишь когда стало темнеть, я остановилась, стреножила коня, чтобы пощипал травку, прилегла, завернувшись в плащ, и почти сразу провалилась в сон: бодрствовать было страшно из-за неизбежных воспоминаний и мыслей. Беспмятство сна было единственным моим прибежищем: даже зная, что оно лишь временное и ничего не решает, я цеплялась за его серый покой до последней возможности.

Только голод вынудил меня на следующий день вернуться к

действительности. На протяжении всего предыдущего дня я не делала привалов, чтобы перекусить, и утром двинулась дальше, не позавтракав, но к полудню желудок начал громко протестовать, так что мне поневоле пришлось остановиться в узкой долине близ журчащего ручейка и достать припасы, которые Дженни сунула мне в седельную сумку.

Там были овсяные лепешки, эль и несколько маленьких свежееиспеченных хлебцев, разрезанных пополам и начиненных овечьим сыром и домашними соленьями. Сэндвичи горной Шотландии, еда пастухов и воинов, характерные для Лаллиброха, как арахисовое масло для Бостона. То, что мои похождения заканчиваются одним из них, очень даже символично.

Я съела сэндвич, выпила бутылочку эля и снова запрыгнула в седло, направив лошадь на северо-восток. К сожалению, еда не только подкрепила тело, но и обострила чувства, и на смену отупению пришло отчаяние. Настроение мое, и с самого-то начала неважное, по мере того как я поднималась все выше и выше, падало все ниже и ниже.

Коню дорога была в охотку, а вот мне — нет. Во второй половине дня я почувствовала, что просто не в состоянии продолжать путь, свернула в рощицу, чтобы ни меня, ни коня не было видно с дороги, стреножила животное, а сама поплелась еще глубже в заросли, пока не набрела на разукрашенный зелеными пятнами мха ствол упавшей осины.

На него я и уселась, опершись локтями о колени и уронив голову на руки. У меня болели решительно все суставы. Не от напряжения предыдущего дня, не от усталости, не от долгой езды верхом. Просто от горя.

Важную часть моей жизни составляли рассудительность и самоограничение. Ценой некоторых усилий мне удалось освоить искусство врачевания, подразумевающее способность отдавать и заботиться, но я всегда останавливалась, не доходя до того опасного момента, где было бы отдано слишком много. Ради эффективности мне пришлось научиться отстраненности и неучастию.

Жизнь с Фрэнком научила меня уравновешенности, при которой привязанность и уважение не переходят незримой границы, отделяющей их от страсти. Конечно, Брианна была исключением. Любовь к ребенку вообще не может быть свободной; с первых признаков движения в чреве возникает привязанность столь мощная, сколь и безоглядная, неукротимая, как процесс самого рождения. Но при всей силе этого чувства оно всегда под контролем, ибо родитель несет ответственность за дитя, будучи защитником, охранителем и попечителем. Пусть родительская любовь и

могучая страсть, но никогда не безответственная.

Всегда, всегда мне приходилось уравнивать сострадание мудростью, любовь — рассудительностью, человечность — суровостью.

Только с Джейми я отдала все, что имела, рискнула всем. Я отбросила осторожность, рассудительность и мудрость, а также удобства и ограничения сделанной с таким трудом карьеры. Я не принесла ему ничего, кроме самой себя, была с ним никем, кроме самой себя, подарила ему душу и тело, дала ему увидеть себя обнаженной, доверилась ему, чтобы он познал меня целиком и потакал моим слабостям. Потому что когда-то он это делал.

Я боялась, что он не сможет этого снова. Или не захочет. А потом познала те немногие дни совершенной радости, полагая, что в одну реку можно войти дважды и бывшее может повториться. Я была вольна любить его и думать, что он любил с искренностью, под стать моей.

Горячие слезы текли по лицу и просачивались между пальцами. Я оплакивала Джейми и себя, какой я была с ним.

«Знаешь, — прошептал его голос, — что это значит, снова сказать «Я люблю тебя», и сказать искренне?»

Я знала. И, сидя под соснами, уронив голову на руки, знала теперь и другое — что этого мне уже не дано.

Погруженная в печальные раздумья, я не слышала приближающихся шагов. И лишь когда поблизости хрустнула под ногой ветка, я, словно всполошившийся фазан, вскочила и развернулась на звук — с сердцем в пятках и кинжалом в руке.

Человек отпрянул от обнаженного клинка, явно перепугавшись не меньше меня.

— Какого черта ты тут делаешь? — требовательно спросила я, прижав свободную руку к груди.

Сердце стучало, будто литавра, и я была уверена, что побледнела, как и мой преследователь.

— Господи, тетя Клэр! Где ты научилась так орудовать ножом? Ты меня до смерти напугала.

Юный Айен провел ладонью по лбу.

— Ты тоже меня напугал, — заверила я его, пытаюсь вернуть кинжал в ножны.

Эта операция оказалась слишком сложной для моих дрожащих рук. Колени подгибались, и я тяжело опустилась на ствол осины, положив нож на бедро.

— Повторяю, — сказала я, стараясь овладеть собой, — что ты здесь

делаешь?

На самом деле ни что он здесь делает, ни почему заявился, не было для меня никаким секретом. Просто мне требовалось время, чтобы оправиться от испуга и обрести способность действовать уверенно.

Юный Айен закусил губу, огляделся по сторонам и по моему разрешающему кивку неловко присел на ствол рядом со мной.

— Меня послал дядя Джейми... — начал он, и дальше я слушать не стала.

Пусть у меня тряслись руки, пусть подгибались колени, но я встала, заткнула кинжал за пояс и отвернулась.

— Постой, тетя! Пожалуйста!

Он схватил меня за руку, но я вырвалась, отстранившись от него.

— Мне это не интересно, — сказала я, отбрасывая ногой листья папоротника. — Отправляйся домой, мальчик. Мне есть куда идти.

Во всяком случае, я на это надеялась.

— Но это не то, что ты думаешь! — Не в состоянии помешать мне уйти с прогалины, он последовал за мной, выкладывая на ходу свои доводы. — Ты нужна ему, тетя, правда нужна! Ты должна вернуться со мной!

Я подошла к лошади и нагнулась, чтобы расстреножить ее.

— Тетя Клэр! Неужели ты не выслушаешь меня?

Долговязый малый смотрел на меня поверх седла, стоя по другую сторону лошади, и был чертовски похож на своего отца. То же добродушное лицо, напряженное от беспокойства.

— Нет, — отрезала я, засунула конские путы в седельную сумку, вставила ногу в стремя и поднялась в седло, широко взмахнув юбками, включая нижнюю.

Увы, мое величественное отбытие оказалось существенно затруднено тем фактом, что Айен ухватил мерина под уздцы.

— Отпусти, — произнесла я тоном, не допускающим возражений.

— Нет, пока ты не выслушаешь меня, — твердо заявил он.

Лицо у него было хмурое, губы упрямо сжаты, карие глаза блстели. Я бросила на него сердитый взгляд. Пусть долговязый и тощий, он был жилистым, на отцовский манер, а стало быть, сильным. Особого выбора у меня не было: если я не хочу пустить коня вскачь и сбить мальчика с ног, придется его выслушать.

Ну ладно, решила я. Черта лысого это поможет его дядюшке, но я, так и быть, выслушаю.

— Говори, — сказала я, призвав на помощь все свое терпение.

Он набрал воздуха, с опаской глядя на меня, выдохнул, да так, что затрепетали мягкие каштановые волосы над лбом, и, расправив плечи, заговорил.

— В общем, — начал он, растеряв всю уверенность. — Это... я... он... Я тихо зарычала от раздражения.

— Вот что, приятель, начни сначала. Только не устраивай из этого песни и пляски, ладно?

Парнишка кивнул, сосредоточенно закусил верхнюю губу и начал:

— После того как ты уехала, а дядя Джейми вернулся, в доме поднялся такой тарарам — сущий ад.

— Наверняка так оно и было, — сказала я, но невольно почувствовала, как во мне просыпается любопытство, которое я попыталась скрыть, изобразив на лице полнейшее безразличие.

— Я никогда не видел дядю Джейми в такой ярости, — сказал Айен, внимательно глядя на мое лицо. — Да и маму тоже. Ох они и схлестнулись, просто жуть. Отец попытался утихомирить их, но они как будто и не слышали. Дядя Джейми назвал маму чертовкой, лезущей не в свое дело, и еще... множеством нехороших слов, — добавил он, покраснев.

— Ему не следовало сердиться на Дженни, — сказала я. — Она лишь пыталась помочь, я думаю.

Мне было неприятно сознавать, что причина всего этого раздора — я. Дженни была главной опорой Джейми еще с детства, с кончины их матери. Неужели не будет конца тому ущербу, который я причинила своим возвращением?

К моему удивлению, сын Дженни улыбнулся:

— Ну так ведь не он один знает крепкие словечки. Моя матушка не тот человек, который смиренно сносит оскорбления, сама знаешь. Так что дядюшке Джейми тоже изрядно досталось.

Вспоминая этот эпизод, Айен слегка вздрогнул.

— Я думал, они друг друга покалечат: матушка пошла на дядю Джейми с железной сковородкой, а он выхватил ее и выкинул в кухонное окно. Распугал кур во дворе, — добавил он с едва заметной ухмылкой.

— Поменьше о курах, мальчик, — сказала я, холодно глядя на него с высоты седла. — Давай выкладывай, мне пора в путь.

— Так вот, дядя Джейми сбил книжную полку в гостиной. Я не думаю, что он сделал это нарочно, — поспешно добавил Айен, — просто был взбешен и ничего перед собой не видел — и вышел в дверь. Отец высунул голову в окно и спросил, куда дядя направился, и он сказал, что будет искать тебя.

— Тогда почему же здесь ты, а не он?

Я слегка подалась вперед, не спуская глаз с его руки на поводьях: если его пальцы чуть ослабнут, мне, возможно, удастся выхватить поводья.

Юный Айен вздохнул.

— В общем, когда дядя Джейми выезжал на своей лошади, тетя... э... э... то есть его... — Он покраснел с совершенно несчастным видом. — Лаогера. Она... спустилась с холма и явилась в палисадник.

На этом месте я отбросила попытки притвориться, будто мне все равно.

— Что же случилось?

Он нахмурился.

— Произошло что-то ужасное, но я мало что слышал, тетя. Лаогера... она не умеет драться, как моя матушка и дядя Джейми. Она просто плачет да завывает. Матушка говорит «сопли распускает». Но вышло не совсем так.

— Ммфм, — промычала я. — А как?

Лаогера соскользнула со своего пони, схватила Джейми за ногу и, по словам Айена, стащила его с седла, после чего плюхнулась в лужу посреди двора, хватая Джейми за колени, и тут уж завывала в голос, как это у нее в обычае.

Лишенный возможности убежать, Джейми рывком поднял Лаогеру на ноги, перекинул ее через плечо и понес в дом и вверх по лестнице, не обращая внимания на перепуганные взгляды семьи и слуг.

— Отлично, — сказала я с трудом, потому что оказалось, что у меня стиснуты зубы, и пришлось приложить усилие, чтобы их разжать. — Значит, он послал тебя за мной, потому что слишком занят со своей женой? Мерзавец! Он думает, что может послать кого-то за мной, чтобы вернуть обратно, как шлюху, потому что у самого у него руки, видишь ли, заняты женой. Но ее ему мало, ему двоих подавай, да? Наглец, эгоист, распутник... шотландец! — выпалила я худшее, что пришло на ум.

Костяшки моей руки, вцепившейся в край седла, побелели, и я, уже не думая об учтивости, ухватила за поводья.

— Пусти!

— Но, тетя Клэр, все не так!

— Что еще не так?

Отчаяние в голосе парнишки, пытавшегося что-то донести до меня, не могло не тронуть.

— Дядя Джейми остался не затем, чтобы ухаживать за Лаогерой!

— Тогда почему он послал тебя?

Айен сделал глубокий вдох, с новой силой ухватившись за мои поводья.

— Она выстрелила в него. Дядя послал меня за тобой, потому что он умирает.

— Если ты солгал мне, Айен Муррей, — повторила я в двенадцатый раз, — ты будешь жалеть об этом до конца своих дней, каковые будут недолгими!

Чтобы он услышал меня, мне пришлось повысить голос: поднявшийся ветер свистел в ушах, трепал мои волосы, плотно прижимал юбки к ногам. Сама погода прониклась драматизмом момента: огромные черные тучи напозли на горные перевалы, клубясь над утесами, словно морская пена, а отдаленный гром рокотал, как прибой, набегающий на плотный прибрежный песок.

Айен, которому ветер сбивал дыхание, лишь покачал наклоненной вперед головой. Он шел пешком, ведя обоих коней под уздцы по узкой коварной тропке на краю небольшого озерца. Я машинально бросила взгляд на свое запястье, но часов «Ролекс» там, увы, не было. Тучи затягивали западную половину неба. Было трудно сказать, где находилось солнце, но верхний край мрачных, брюхатых облаков светился белой с золотистым оттенком каймой. Определить время по солнцу в таких условиях было затруднительно, но мне казалось, что сейчас еще не вечер.

Лаллиброх находился в нескольких часах езды; я сомневалась, что мы успеем добраться туда до наступления темноты. Следовало признаться, что, направляясь к Крэг-на-Дун, я не слишком спешила: чтобы добраться до лесочка, где меня настиг Айен-младший, мне потребовалось почти два дня, а вот ему на погоню — только один. Правда, он примерно представлял себе, куда я могу направиться, а поскольку сам подковал лошадь, на которой я ехала, то легко узнавал заметные на глинистых проплешинах среди вереска следы копыт. Два дня с моего отъезда и один — или больше — на обратный путь. Значит, три дня с тех пор, как был подстрелен Джейми.

Подробностей от Айена удалось вывести немного: он свою задачу выполнил и в дальнейших разговорах смысла не видел, поскольку стремился как можно скорее вернуться в Лаллиброх.

Правда, он сказал, что Джейми ранен в левую руку, но пуля попала еще и в бок, что уже гораздо хуже. Когда парнишка уезжал, Джейми был в сознании, но у него начинался жар. В ответ же на вопросы о возможных последствиях шока, серьезности горячки или применявшихся способах лечения юный Айен только пожимал плечами. Так что, может быть,

Джейми умирает, а может быть, и нет. Это не тот довод, на который я могла бы купиться, как прекрасно понимал и сам Джейми. У меня даже мелькнула мысль, не мог ли он сам выстрелить в себя, сочтя это способом вынудить меня вернуться. Другие не годились: наш последний разговор наверняка оставил его в сомнении относительно перспективности попытки догнать меня и уговорить или вернуть силой.

Пошел дождь, мои ресницы и щеки сделались мокрыми, словно из-за слез. Миновав болотистый участок, юный Айен снова сел верхом, направляясь к последнему перевалу перед Лаллиброхом.

Да уж, Джейми хватило бы хитрости, чтобы придумать такой план, и, безусловно, смелости, чтобы его осуществить. С другой стороны, я никогда не знала за ним безрассудства. Он нередко смело шел на риск (тут мне пришлось на ум, что, увы, одним из таких рискованных поступков была его женитьба на мне), но всегда учитывал возможную цену и был готов ее заплатить. Неужели он решил, что ради моего возвращения в Лаллиброх стоит рискнуть жизнью? Это казалось далеким от какой-либо логики, а логике Джейми Фрэзер был весьма привержен.

Я натянула капюшон плаща пониже, чтобы усиливавшийся ливень не попадал на лицо. Плечи и бедра Айена были темны от влаги, дождь стекал с опущенных полей его шляпы, но он сидел в седле прямо, не обращая внимания на непогоду со стойкостью истинного шотландца.

Ладно. Допустим, Джейми не стрелял в себя. Тогда стреляли ли в него вообще? Возможно, он просто сочинил эту историю и отправил своего племянника ко мне? Все, конечно, возможно, да только не тот из юного Айена актер, чтобы ему удалось так убедительно преподнести мне эту ложь.

Я пожала плечами, отчего спереди под плащ затек холодный ручеек, и стала настраивать себя на то, чтобы не гадать попусту, а дожидаться приезда на место. Годы медицинской практики научили меня не поддаваться предчувствиям; каждый случай по-своему уникален, и такой же должна быть моя реакция. Правда, одно дело — профессиональная реакция, а другое — личные чувства, держать которые под контролем гораздо труднее.

Каждый раз, покидая Лаллиброх, я думала, что никогда туда не вернусь. И вот я снова здесь. Я уже дважды покидала Джейми, уверенная, что больше никогда его не увижу. Однако я возвращаюсь к нему, как прикормленный голубь на свою голубятню.

— Я скажу тебе одну вещь, Джейми Фрэзер, — проворчала я себе под нос — Если ты не будешь стоять одной ногой в могиле, когда я до тебя доберусь, ты об этом пожалеешь!

Глава 36

ПРАКТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ МАГИЯ

Промокшие до нитки, мы добрались до усадьбы уже через несколько часов после наступления темноты. В доме было тихо и темно, не считая двух тускло освещенных окон внизу, в гостиной. Одна из собак предупреждающе залаяла, но Айен шикнул, она быстро и осторожно обнюхала мое стремя и черно-белым пятнышком скрылась в темноте двора.

Когда юный Айен провел меня в холл, дверь в гостиную открылась и оттуда выглянула осунувшаяся от беспокойства Дженни. Увидев сына, она выскочила в прихожую с радостью, тут же, впрочем, сменившейся праведным материнским гневом.

— Ах ты негодник! — принялась выговаривать она чаду. — Где тебя носило все это время? Мы тут с отцом с ума сходили! — Она с тревогой оглядела его. — У тебя все нормально?

Когда он кивнул, Дженни снова поджала губы.

— Ну ладно. Тебе это припомнится, парень, обещаю! И где же все-таки тебя черти носили?

Долговязый, нескладный и насквозь промокший Айен-младший больше всего походил сейчас на пугало, но своей высокой фигурой полностью загораживал меня от глаз матери. Вместо ответа на упреки Дженни он лишь неловко пожал плечами и отступил в сторону, оставив меня лицом к лицу со своей удивленной матерью.

Похоже, мое возвращение смутило ее даже больше, чем воскрешение из мертвых, во всяком случае, голубые, чуть раскосые, как у брата, глаза округлились так, что превратились в плоски. Долгое время Дженни молча смотрела на меня, потом ее взгляд снова переместился на сына.

— Кукушонок, — сказала она почти обыденным тоном. — Вот ты кто, парень, — здоровенный кукушонок в гнезде. Господь ведает, чьим сыном ты должен был стать, но не моим.

Юный Айен густо покраснел, опустив глаза, и тыльной стороной ладони убрал с лица слипшиеся мокрые волосы.

— Я... в общем, я просто... — начал он, глядя на свои сапоги. — Я не мог...

— Ой, только не надо сейчас никаких оправданий! — отрезала его мать. — Иди наверх и ложись в постель, твой отец разберется с тобой

утром.

Айен беспомощно взглянул на дверь гостиной, потом на меня. Он снова пожал плечами, посмотрел на промокшую шляпу в его руках, как будто удивляясь, как она там оказалась, и медленно побрел по коридору.

Дженни осталась стоять, не сводя с меня глаз, пока обитая дверь с мягким стуком не затворилась за юношей. Лицо ее осунулось от тревог и бессонницы последних дней, черты обострились. Все еще стройная и прямая, она заметно сдала — выглядела на свои годы, и даже старше.

— Итак, ты вернулась, — бесцветным голосом констатировала Дженни.

Не видя смысла отвечать на очевидное, я кивнула. В доме было тихо и полно теней, прихожую освещал лишь тройной подсвечник, стоявший на столе.

— Не тревожься сейчас на этот счет, — сказала я тихо, чтобы не будоражить спящий дом. В конце концов, сейчас по-настоящему важно было только одно. — Где Джейми?

Немного помедлив, она кивнула, согласившись на данный момент с моим присутствием, и махнула рукой в сторону двери в гостиную.

— Там.

Я направилась было к двери, но остановилась, кое о чем вспомнив.

— Где Лаогера?

— Ушла, — ответила Дженни без всякого выражения.

Я кивнула и вошла в гостиную, тихо, но решительно закрыв за собой дверь.

Слишком длинный, чтобы его можно было уложить на диван, Джейми лежал на походной койке, разложенной перед огнем. Он спал или находился в беспамятстве: темный, четко очерченный на фоне света от тлеющих угольков профиль был неподвижен.

Однако он определенно не был мертв, по крайней мере пока. Как только мои глаза привыкли к сумрачному свету очага, я увидела, как медленно поднимается и опускается его грудь под одеялом. Графин с водой и бутылка с бренди стояли на маленьком столике рядом с кроватью. На спинку мягкого стула у огня была наброшена шаль: там, приглядывая за братом, сидела Дженни.

Похоже, сейчас спешить было некуда. Я развязала тесемки у ворота плаща и разложила промокшее одеяние на спинке стула, взяв взамен шаль. Руки замерзли, и я сунула их себе под мышки, чтобы немного согреть, прежде чем коснуться его.

Когда я все же решила положить ладонь на его лоб, то чуть было не

отдернула ее. Лоб был горячим, как только что выстреливший пистолет, и под моим прикосновением Джейми тут же начал метаться и стонать. Да уж, жар у него был, и нешуточный. Некоторое время я стояла и смотрела на него сверху вниз, потом осторожно подвинулась к кровати и села на стул Дженни. Было сомнительно, чтобы с такой температурой он проспал долго, и будить больного без необходимости, просто чтобы осмотреть его, не хотелось.

Вода с моего плаща капала на пол, и мне вдруг вспомнилось старое шотландское поверье о «смертной капели». Будто бы, если в доме кому-то предстоит умереть, восприимчивые к подобным вещам люди слышат звук капающей воды.

Я подумала, что у меня, слава богу, нет такого интереса к сверхъестественному, и тут же усмехнулась. Мне ли говорить такое, после всех этих путешествий сквозь трещины во времени? Усмешка пошла на пользу, позволив избавиться от вызванного мыслью о «смертной капели» озноба.

Впрочем, мне и без всякой мистики было не по себе. Совсем недавно я несла бдение у другого смертного ложа, размышляя о смерти и тщете брака. Мысли, возникшие в лесу, не оставляли меня во время поспешного возвращения в Лаллиброх и всплывали теперь независимо от моего желания.

Чувство долга подтолкнуло Фрэнка к его решению — принять меня в качестве своей жены и воспитать Брианну как собственную дочь. Чувство долга и нежелание отказаться от ответственности, которую он счел своей. Что ж, здесь, передо мной, лежал еще один достойный человек.

Лаогера и ее дочери, Дженни и ее семья, пленные шотландцы, контрабандисты, мистер Уиллоби и Джорджи, Фергюс и арендаторы — сколько обязательств взвалил на свои плечи Джейми за те годы, которые мы провели в разлуке?

Смерть Фрэнка освободила меня от одного из моих несомненных обязательств, выросшая Брианна — от другого, а администрация больницы помогла перерезать последнюю по-настоящему важную нить, привязывавшую меня к той жизни. Но у меня было время на то, чтобы с помощью Джо Абернэти решительно освободиться от более мелких обязательств, снять с себя и делегировать свои полномочия.

А вот Джейми заранее предупрежден не был. Подготовиться к моему повторному появлению, принять какие-то решения или уладить конфликты он не мог. А он не из тех, кто отказывается от своих обязательств даже ради любви.

Да, он солгал мне. Не смог поверить, что я вникну в его обстоятельства, что поддержу его. Или решил, что брошу его. Он боялся. Ну а я, я ведь тоже боялась, что он предпочтет не меня, столкнувшись с необходимостью выбирать между любовью двадцатилетней давности и нынешней семьей. Поэтому я сбежала. Устремилась к Крэг-на-Дун со всей скоростью и решимостью обреченного на казнь, приближающегося к ступенькам эшафота. И ничто не могло меня вернуть, кроме надежды на то, что меня остановит Джейми.

Верно, угрызения совести и уязвленная гордость прищипывали меня, но стоило Айену-младшему сказать: «Он умирает», как все это показалось ерундой.

Брак с Джейми был для меня подобен повороту ключа в сложном замке, когда каждое движение приводит к перемещению замысловатых внутренних защелок. Бри тоже могла поворачивать этот ключ, приблизившись к тому, чтобы отпереть мои двери, но последний щелчок был отложен до того момента, когда я вошла в печатную мастерскую в Эдинбурге. Теперь дверь была полуотворена, свет неведомого будущего сиял сквозь щель. Но чтобы открыть ее полностью, требовалось больше сил, чем имелось у меня одной.

Я смотрела, как вздымается и опадает его грудь, любовалась игрой света и тени на сильных, четких линиях его лица, понимая, что на самом деле ничто между нами не имеет значения, кроме того факта, что мы оба живы. И вот я здесь. Снова. И в какую бы цену это ни обошлось ему или мне, я остаюсь.

Джейми открыл глаза, но я заметила это, лишь когда он заговорил.

— Значит, ты вернулась, — прозвучал тихий голос — Я знал, что ты вернешься.

Я открыла рот, чтобы ответить, но он продолжал говорить, впившись взглядом в мое лицо; его расширенные зрачки уподобились озерцам темноты.

— Любовь моя, — произнес он почти шепотом. — Господи, как ты прекрасна с этими золотыми глазами, с такими мягкими, пышными волосами!

Он провел языком по пересохшим губам.

— Я знал, что ты простишь меня, англичаночка, когда узнаешь.

Когда узнаю? Мои брови поднялись, но я промолчала. Пусть уж лучше говорит он.

— Я так боялся потерять тебя снова, mo chridhe, — прошептал Джейми. — Так боялся. Я никого не любил, кроме тебя, моя англичаночка,

с того дня, как увидел тебя. Но я не мог... я не мог вынести...

Его голос поплыл, превратившись в невнятное бормотание, глаза снова закрылись, и темные ресницы легли на высокие скулы.

Я сидела неподвижно, размышляя, что делать дальше, но внезапно его глаза открылись снова. Тяжелые и сонные от лихорадки, они искали мое лицо.

— Это долго не продлится, англичаночка, — сказал он, как будто успокаивая меня; уголок его рта дрогнул в попытке улыбнуться. — Недолго. Потом я коснусь тебя снова. Мне очень хочется коснуться тебя.

— О Джейми!

Движимая порывом нежности, я провела рукой по его пылающей щеке.

Глаза Джейми мгновенно широко распахнулись от потрясения, и он рывком сел в постели, а поскольку это растревожило его рану, он издал душераздирающий вопль.

— Господи Боже мой, Иисус Господь Всемогуший! — простонал он, схватившись за свою больную руку. — Ты настоящая! Чертов, хренов, вонючий, свинячий ад! Господи Иисусе!

— Что с тобой? — спросила я довольно глупо.

Тем временем сверху донесся приглушенный толстыми половицами стук и топот: дикий крик Джейми всполошил обитателей Лаллиброха, и они повскакали с кроватей, чтобы выяснить, в чем дело.

Дженни просунула голову в дверь гостиной, вытаращив глаза. Джейми увидел ее и крикнул: «Убирайся отсюда!» — а потом снова издал мучительный стон.

— Бо-оже, — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Что, ради святого имени Господа, ты здесь делаешь, англичаночка?

— Что ты этим хочешь сказать? — удивилась я. — Ты сам послал за мной, вот я и пришла.

Он разжал челюсти и осторожно ослабил хватку на своей левой руке. Поскольку последовавшее за этим ощущение оказалось неудовлетворительным, он тут же снова обхватил больную руку и произнес что-то по-французски, упоминая репродуктивные органы разнообразных святых и животных.

— Ради бога, ложись! — сказала я и, взяв за плечи, уложила его на подушки, не без тревоги отметив, как натянулась на костях разгоряченная кожа.

— Я думал, что ты привиделась мне в горячке, пока не ощутил твое прикосновение, — произнес он, тяжело дыша. — Какого дьявола ты

появилась здесь, выскочив, как чертик, у моей постели и испугав меня до смерти?

Он поморщился от боли.

— Господи, такое ощущение, что моя чертова рука отвалится у плеча. Ох, да пропади оно пропадом! — воскликнул он, когда я решительно отцепила пальцы его правой руки от левой.

— Разве ты не посылал Айена—младшего сказать мне, что умираешь? — спросила я, ловко закатывая рукав его ночной рубашки.

Рука выше локтя была замотана огромной повязкой, и я потянула за конец полотняной полоски.

— Я? Нет! Ой, больно!

— Будет еще больнее, прежде чем я с тобой закончу, — сказала я, осторожно разматывая тряпицу. — Ты хочешь сказать, что этот маленький прохвост отправился за мной по собственной инициативе? А ты, стало быть, не хотел, чтобы я вернулась?

— Чтобы ты вернулась? Нет! Чтобы ты вернулась ко мне только из жалости, какую можно испытывать и по отношению к собаке в сточной канаве? Черта с два! Наоборот, я запретил этому негоднику отправляться за тобой!

Он яростно сверкал глазами, сдвинув рыжие брови.

— Я врач, а не ветеринар, — холодно сказала я. — И если ты не хотел, чтобы я вернулась, то что ты тут такое молол раньше, пока не сообразил, что я не видение? Ладно, закуси одеяло или что-нибудь: Я собираюсь заняться раной.

Вместо этого он закусил губу и не издал ни звука, только резко втянул воздух через нос. Слабое освещение не позволяло судить о цвете его лица, но глаза закрылись, а на лбу выступили мелкие бусинки пота. Я отвернулась и полезла в ящик стола Дженни, где хранились свечи. Для того чтобы что-то сделать, мне требовалось больше света.

— Очевидно, парнишка сказал мне, что ты умираешь, только чтобы привести меня сюда. Надо думать, он решил, что иначе я не вернусь.

Свечи оказались на месте, прекрасные свечи из пчелиного воска, из ульев Лаллиброха.

— Как бы то ни было, я действительно умираю, — раздался за моей спиной его голос, сухой и ровный, несмотря на сбивчивое дыхание.

Я обернулась к нему в некотором недоумении. Его глаза остановились на моем лице совершенно спокойно. Боль в руке чуть уменьшилась, но дышал он по-прежнему неровно, и глаза были тяжелыми и яркими от жара. Я ответила не сразу: зажгла найденные свечи, вставила их в большие

канделябры, использовавшиеся по торжественным случаям, и пять дополнительных огоньков осветили комнату так, будто в ней собрались давать прием. Не расположенная к пустым разговорам, я склонилась над постелью.

— Давай-ка посмотрим.

Сама рана представляла собой рваную темную дыру с коростой по краям и голубоватым налетом. Когда я надавила на плоть по обе стороны от раневого отверстия, оно расширилось и выступило некоторое количество гноя. Джейми беспокойно пошевелился, ощущая, как кончики моих пальцев мягко, но настойчиво прощупывают его мышцу.

— Ну, инфекция, приятель, у тебя имеется, но дело зашло не так уж далеко, — сказала я. — Твой племянник говорил о второй ране, в боку. Пуля пробила руку или был еще один выстрел?

— Пробила руку. Дженни извлекла пулю из моего бока. Но там рана пустяковая, примерно в дюйм.

Говорил он отрывисто, коротко, губы между фразами непроизвольно сжимались.

— Давай-ка посмотрим, куда она прошла.

Джейми очень медленно отвел свою руку от бока, и я поняла, что любое движение для него чрезвычайно болезненно. Выходная рана находилась как раз над локтевым суставом, на внутренней стороне плеча, но не прямо напротив входной раны — пуля отклонилась.

— Попала в кость, — констатировала я, стараясь не представлять себе, каково это по ощущениям. — Ты не знаешь, кость не сломана? Я не хочу тормозить тебя больше, чем это необходимо.

— Спасибо за милосердие, — проговорил Джейми, пытаясь улыбнуться, хотя мышцы лица плохо ему повиновались. — По-моему, кость не сломана. Я ломал ключицу и руку раньше, а сейчас ничего похожего. Хотя болит сильно.

— Да уж, надо думать, — Я осторожно прощупала его бицепс — Как далеко вверх распространяется боль?

Он бросил взгляд на раненую руку.

— Такое ощущение, будто в руку мне засадили раскаленную кочергу, но не в кость. Однако сейчас у меня болит не только рука, а и весь бок горит.

Он снова облизал губы и смущенно попросил:

— Ты не дашь мне глоток бренди? А то знаешь, каждый стук сердца отдается.

Я налила в чашку воды из графина и поднесла к его губам. Он поднял

брови, но жадно выпил, уронил голову на подушку и некоторое время глубоко дышал, закрыв глаза. Потом устался на меня.

— Дважды в жизни меня чуть не прикончила лихорадка, но эта, скорее всего, прикончит. Я бы не стал посылать за тобой, но... я рад, что ты здесь.

Он остановился, чтобы перевести дух.

— Я... хотел сказать тебе, что мне жаль. И попрощаться с тобой как полагается. Я бы не стал просить тебя остаться до конца, но... может, ты побудешь со мной... самую малость?

Его правая рука была плотно прижата к матрасу. Заметно было, что он изо всех сил старается, чтобы ни в голосе, ни во взгляде не проскользнули нотки мольбы, превращая его слова в обычную просьбу, в которой может быть отказано.

Осторожно, чтобы не потревожить рану, я присела на кровать рядом с ним. Свет очага освещал одну сторону его лица, посверкивая на золотисто-рыжей щетине бородки, выхватывая там и сям маленькие проблески серебра, оставляя другую сторону лица в тени. Он встретился со мной взглядом, не моргая. Мне хотелось надеяться, что желание, так хорошо читаемое на его лице, не столь заметно на моем собственном.

Я осторожно погладила его по щеке, ощутив колючую щетину.

— Побывать я, конечно, побуду. Но имей в виду: ты не умрешь.

Джейми поднял одну бровь.

— Ты исцелила меня от одной страшной лихорадки, прибегнув к тому, что мне и по сию пору кажется колдовством. Следующую мою лихорадку переборола Дженни, главным образом благодаря простому упорству. Не исключаю, что такие женщины, как ты и она, способны вытянуть меня и на сей раз, хотя не уверен, что так уж хочу проходить через это испытание. Лучше уж мне умереть, и дело с концом, если ты не против.

— Неблагодарный, — сказала я. — Трус.

Раздираемая досадой и нежностью, я встала и сунула руку в глубокий карман юбки. Там находился один предмет, с которым я никогда не расставалась, зная о превратностях путешествия.

Я положила на стол маленький плоский контейнер и открыла его.

— Сколь бы сильным ни было искушение, — сообщила я Джейми, — умереть тебе на сей раз не удастся. Не позволю, и все.

На стол с легким клацаньем лег извлеченный из контейнера сверток из серой фланели, а когда он был развернут, взору предстал поблескивающий набор шприцов. Рядом, в контейнере, я нашарила маленькую склянку с таблетками пенициллина.

— Что это, во имя Господа, такое? — спросил Джейми, с интересом

глядя на шприцы. — Эти штуковины кажутся чертовски острыми.

Я промолчала, занявшись растворением пенициллиновых таблеток в склянке со стерильной водой: выбрала стеклянную емкость, вставила иглу и проткнула резиновую пленку, затягивавшую срез. Подняв шприц на свет, я медленно оттянула назад поршень, наблюдая, как густая белая жидкость заполняет полость шприца, и следя, чтобы внутрь не попали воздушные пузырьки. Набрав лекарство, я слегка нажала на поршень, выдавив из кончика иглы капельку жидкости.

— Перевернись на здоровый бок, — велела я, повернувшись к Джейми, — и подними рубашку.

Он посмотрел на иглу в моей руке с явным подозрением, но нехотя подчинился. Я с одобрением оглядела поле деятельности.

— Твоя попа не сильно не изменилась за двадцать лет, — заметила я, восхитившись мускулистыми изгибами.

— Как и твоя, — любезно ответил он, — но я не настаиваю, чтобы ты ее обнажала. А что, на тебя накатила неожиданный приступ возжеления?

— Ну, не прямо сейчас, — бесстрастно ответила я, протирая участок кожи тряпочкой, намоченной в бренди.

— Бренди что надо, спору нет, — проворчал Джейми, глядя через плечо, — но я больше привык употреблять его с другого конца.

— Это лучшее спиртовое средство, какое есть под рукой. Не двигайся и расслабься.

Я ловко вколола иглу и, нажав на поршень, медленно ввела лекарство. Джейми ойкнул и потер уколотое место.

— Ничего страшного, пощиплет и пройдет, — утешила его я и плеснула в чашку на дюйм бренди. — Вот теперь можешь и выпить, но только капельку.

Он осушил чашку без возражений, проследил взглядом за тем, как я заворачиваю набор шприцов, и сказал:

— Я-то думал, что ваша сестра ведьма, когда колдует, тычет булавки в восковых кукол, а оказывается, их можно втыкать и в живых людей.

— Это не булавка, это шприц для подкожных инъекций.

— Ну да, колдовской инструмент, конечно, колдовским словом и называется, но по ощущениям было похоже, как если бы мне вбили в ягодицу гвоздь. Кстати, не будешь ли ты любезна объяснить, каким образом, тыча булавками мне в задницу, ты рассчитываешь помочь моей руке?

Прежде чем ответить, я сделала глубокий вздох.

— Помнишь, я как-то рассказывала тебе о микробах?

Судя по взгляду, он ничего не помнил.

— О таких мелких тварях, настолько крохотных, что их даже не видно, — напредила я. — Они могут попасть в твоё тело с плохой пицей, грязной водой или через открытую рану, и если это случается, то они могут вызвать у тебя болезнь.

Он уставился на меня с интересом.

— Ты хочешь сказать, что в мою руку залезли эти самые микробы? Точно тебе говорю, их там чертова прорва!

Я пощелкала пальцем по маленькой плоской коробочке.

— Лекарство, которое я только что ввела в твою задницу, убивает микробов. Я буду делать уколы каждые четыре часа до этого же времени завтрашнего дня, а потом посмотрим, как у тебя дела.

Я умолкла. Джейми смотрел на меня, качая головой.

— Ты понял? — спросила я. Он медленно кивнул.

— Понял. Мне следовало не мешать им и позволить сжечь тебя двадцать лет назад.

Глава 37

ЧТО ЕСТЬ В ИМЕНИ

Сделав укол, я уложила Джейми поудобнее, а сама села рядом, позволив ему держать меня за руку. Вскоре он уснул и, расслабившись во сне, выпустил мои пальцы.

У его постели я и провела весь остаток ночи, порой впадая в дрему, но пробуждаясь по тем внутренним часам, которые есть у всех врачей, принаравливающих к специфическому ритму смены дежурств. Еще два укола, последний на рассвете, когда жар уже заметно спал. Конечно, температура еще оставалась высокой, кожа горячей, но лихорадка его уже не изводила. Ему полегчало, это явствовало хотя бы из того, что на последний укол он отреагировал лишь слабым бурчанием и уснул, тихо ругнувшись, когда ненароком потревожил руку.

— Чертовым микробам восемнадцатого столетия не устоять перед пенициллином, — сообщила я спящему. — Никакого сопротивления. Даже будь у тебя сифилис, мы бы и его извели!

«И что потом?» — задумалась я, когда потащилась на кухню за горячим чаем.

Странная женщина, то ли кухарка, то ли горничная, разводила огонь в печи, чтобы испечь хлеб: тесто для него уже поднялось. Увидев меня, она, похоже, не удивилась: освободила небольшое пространство, где я могла бы сесть, принесла мне чай и свежие крендели и, пожелав доброго утра, вернулась к своей работе.

Очевидно, Дженни сообщила прислуге о моем присутствии. Но примирилась ли она сама с этим фактом? У меня на сей счет имелись сомнения: Дженни явно хотела, чтобы я убралась, и вовсе не обрадовалась моему возвращению. Ну что ж, если я решу остаться, мне предстоит получить некоторые разъяснения насчет Лаогеры как от Джейми, так и от его сестры. А я уже решила остаться.

Я поблагодарила кухарку и, взяв с собой чашку свежесваренного чая, вернулась в гостиную ждать пробуждения Джейми.

Люди, проходившие в течение утра мимо двери, то и дело останавливались заглянуть внутрь, но стоило мне поднять глаза, торопливо продолжали путь. Наконец перед самым полуднем Джейми выказал признаки пробуждения: зашевелился, вздохнул, застонал, когда это движение потревожило раненую руку, и снова затих.

Я дала ему какое-то время, чтобы он понял, что я нахожусь рядом, но его глаза оставались закрытыми. Однако он не спал: тело было слегка напряжено, а не расслаблено в дреме. Для меня, всю ночь видевшей его спящим, разница была очевидной.

— Ладно, — сказала я, устраиваясь поудобнее за пределами его досягаемости. — Теперь можно и послушать.

Между каштановыми ресницами появилась голубая щелочка, но тут же исчезла снова.

— Мм? — произнес он, делая вид, что медленно просыпается.

— Перестань притворяться, меня не проведешь. Видно ведь, что ты проснулся. Открой глаза и расскажи мне про Лаогеру.

Голубые глаза открылись и остановились на мне с выражением неудовольствия.

— Ты не боишься, что я снова заболēju? — осведомился он. — Говорят, больных волновать нельзя, это ухудшает их состояние.

— Ничего страшного, твой лекарь сидит рядом, возле кровати. Если тебя прихватит, будь спокоен: я знаю, что делать.

— Вот этого я и боюсь. — Его прищуренный взгляд перебежал на маленький контейнер с лекарствами и шприцами, лежащий на столе. — Моя задница чувствует себя так, будто я уселся на куст утесника без штанов.

— Хорошо, — удовлетворенно сказала я. — Через час ты получишь еще порцию. А сейчас валяй рассказывай.

Джейми поджал губы, но потом, вздохнув, расслабился. Он с усилием приподнялся и оперся на подушки здоровой рукой. Я не стала ему помогать.

— Ладно, — сказал он наконец, глядя вниз и выводя пальцем звездочки на краю одеяла. — В общем, это было, когда я вернулся из Англии.

Он вернулся из Озерного края, перевалив через протяженную каменную стену, что отделяет Англию от Шотландии и на широкой спине которой в древности собирались на торжища и вершили суд жители границ.

— Там есть камень, который отмечает границу, может быть, ты знаешь, это такой древний камень, он и с виду-то похож на рубежный знак.

Джейми взглянул на меня вопросительно, и я кивнула. Я действительно знала его, огромный менгир высотой футов в десять. В мое время кто-то вырезал на одной его грани «Англия», а на другой стороне — «Шотландия».

Там Джейми остановился передохнуть, как останавливались тысячи

путников на протяжении многих лет. Позади оставалось прошлое: тюрьма, изгнание, унижение, а впереди, за зелеными равнинами, виднелись окутанные туманом далекие утесы горной Шотландии.

Джейми взъерошил волосы здоровой рукой, как делал всегда, когда погружался в раздумье, отчего на макушке затопорщились маленькие яркие завитки.

— Тебе не понять, каково это — так долго жить среди чужих.

— Неужели? — язвительно заметила я.

Джейми удивленно посмотрел на меня и улыбнулся, опустив глаза на покрывало.

— Ну, может быть, тут я ошибся — тебе это понятно. Но ты изменилась, разве нет? Хотя ты и стараешься сохранить воспоминания о доме и о том, кто ты, — ты изменилась. Не стала чужой — ты никогда не станешь ею, даже если бы захотела, — но ты не такая, какой была.

Я подумала о себе, молча стоявшей рядом с Фрэнком, скупавшей в ярком водовороте университетских вечеринок, возившей детскую коляску по чопорным паркам Бостона, играющей в бридж и беседующей с другими женами и матерями, которые говорили на чужом языке домохозяек среднего класса. Чужая, вот уж точно!

— Да, — согласилась я. — Понимаю. Продолжай.

Джейми вздохнул, почесал нос указательным пальцем.

— Итак, я возвратился. — Он поднял глаза и слабо улыбнулся. — Что ты там сказала Айену-младшему? «Дом там, где нас, когда бы ни пришли, не могут не принять»?

— Именно, — сказала я. — Это цитата из поэта по фамилии Фрост. Но что ты этим хочешь сказать? Уж конечно, твоя семья была рада снова тебя увидеть!

Джейми нахмурился, перебирая пальцами одеяло.

— Так-то оно так, — медленно произнес он. — Не в этом дело. Я не хочу сказать, будто они дали мне почувствовать, что я нежеланный гость, вовсе нет. Но меня так долго не было! Майкл, маленькая Джанет и Айен даже не помнили меня. — Он печально улыбнулся. — Правда, до них доходили слухи. Когда я вошел на кухню, они вжались в стену и уставились на меня круглыми глазами.

Он слегка подался вперед, стремясь донести до меня свои чувства.

— Понимаешь, когда я прятался в той пещере, было совсем другое дело. Дома я не жил, и они редко видели меня, но я всегда был рядом, я всегда был частью семьи. Я наблюдал за ними, я знал, когда им голодно или холодно, или когда заболели козы, или выдавался неурожай, даже когда

меняли кухонную дверь. Потом я отправился в тюрьму, — совсем другим тоном сказал он. — А из тюрьмы в Англию. Конечно, я писал им, а они мне, но это не одно и то же — увидеть на бумаге несколько накорябанных слов, рассказывающих о том, что происходило несколько месяцев назад. А когда я вернулся...

Джейми пожал плечами, поморщившись, оттого что это движение потревожило его руку.

— Все изменилось. Айен спрашивал меня, что я думаю об огораживании старого пастбища Кирби, но я знал, что он уже велел своему сыну этим заняться. Я бродил по полям, и народ смотрел на меня с подозрением, считая чужаком. А когда меня узнавали, то у них глаза округлялись, будто они увидели привидение.

Он замолчал и посмотрел в окно, где посаженный его матерью розовый куст терся ветками о стекло.

— Впрочем, наверное, я и был привидением, если ты понимаешь, о чем я.

— Может быть, — сказала я.

По стеклу стекали капли дождя, такие же серые, как небо.

— Такое чувство, будто твои связи с землей оборваны, — быстро сказала я. — Плывешь через комнаты, не ощущая своих шагов. Слышишь, что люди обращаются к тебе, и не понимаешь, что они говорят. Я помню это — так было до того, как родилась Бри.

Правда, у меня тогда сохранялась одна связь, якорь, крепивший меня к жизни, — мой ребенок.

Джейми молча кивнул, не глядя на меня. В очаге шипел и потрескивал торф, от которого пахло горной Шотландией, а по дому распространялся теплый, уютный запах пекущегося хлеба.

— Я был здесь, — тихо сказал он, — но не дома.

А ведь даже я ощущала здесь притяжение — притяжение дома, семьи, самого этого места. Я, с детства не знавшая, что такое дом, чувствовала желание осесть здесь и остаться навсегда, надежно, тысячей нитей врати в эту уютную повседневность, в эту привязывающую к себе землю. Каково же было ему, выросшему здесь, вскормленному этой землей, вернуться и почувствовать, что он лишился корней?

— И думаю, я был одинок, — тихо произнес Джейми.

Он откинулся на подушку и закрыл глаза.

— И я так думаю, — проговорила я, стараясь, чтобы в моем голосе не прозвучала нотка сочувствия или осуждения.

В одиночестве я и сама знала толк.

Джейми открыл глаза и посмотрел на меня со щемящей откровенностью.

— Да, это тоже имело значение, — сказал он. — Не первостепенное, но имело.

Дженни то исподволь, то прямо, то мягко, то настойчиво пыталась его женить. Она знакомила его и с симпатичными вдовушками, и с добронравными девицами, но поначалу без толку. И только осознав свою отчужденность и отчаянно желая ощутить привычное единение, он начал к ней прислушиваться.

— Лаогера была замужем за Хью Маккензи, одним из арендаторов Колума, — продолжал он. — Однако Хью был убит при Куллодене, и два года спустя Лаогера вышла замуж за Саймона Маккимми из клана Фрэзеров. Две девочки — Марсали и Джоан — его дочери. Англичане арестовали его несколько лет спустя и отправили в тюрьму в Эдинбурге.

Он устался на темные балки потолка над головой.

— У него был хороший дом и собственность, стоящая того, чтобы ее отобрать. Этого оказалось достаточно, чтобы представить горца изменником, неважно, сражался он открыто за Стюартов или нет.

Голос его становился хриплым, и он прокашлялся.

— Саймону повезло меньше, чем мне. Он умер в тюрьме до суда. Корона пыталась наложить руку на всю его собственность, но Нед Гоуэн отправился в Эдинбург, выступил на процессе в защиту Лаогеры и сумел — таки отстоять главный дом и немного денег под тем предлогом, что это неотчуждаемая вдовья доля.

— Нед Гоуэн? — произнесла я с приятным удивлением. — Неужели он до сих пор жив?

Именно Нед Гоуэн, маленький пожилой адвокат, который консультировал клан Маккензи по юридическим вопросам, двадцать лет назад спас меня от сожжения на костре. Мне он уже тогда казался совсем древним. Джейми улыбнулся, заметив мою радость.

— О да! Черта с два он помрет, разве что кто-нибудь грохнет его топором по голове. Старина Нед выглядит точно так же, как выглядел всегда, хотя ему уже за семьдесят.

— Он по-прежнему живет в замке Леох?

Джейми кивнул, взял со стола графин с водой, сделал глоток и поставил графин обратно.

— В том, что от него осталось. Правда, в последние годы он много времени провел в разъездах, защищая обвиненных в государственной измене и участвуя в судебных тяжбах по возвращению собственности.

Джейми горько улыбнулся.

— Есть поговорка: «После войны первыми появляются вороны, поедающие плоть, а за ними законники, подбирающие кости». — Он непроизвольно потянулся к своему левому плечу, массируя его. — Но поговорка поговоркой, а Нед, несмотря на свою профессию, славный малый. Он мотается то в Инвернесс, то в Эдинбург, иногда даже в Лондон или Париж. И порой по пути заворачивает сюда передохнуть.

Именно Нед Гоуэн, вернувшись из Балриггана в Эдинбург, упомянул Дженни о Лаогере. Дженни наострила уши, расспросила его о подробностях и, сочтя их удовлетворительными, сразу же послала в Балригган Лаогере и двум ее дочерям приглашение в Лаллиброх на предстоящие вскоре новогодние праздники.

В тот вечер дом сиял огнями, во всех окнах горели свечи, лестницы и двери украшали ветки падуба и плюща. После Куллодена волынщиков в горной Шотландии поубавилось, но по случаю праздника волынщика все же нашли, как и скрипача, так что над лестницей витала музыка, смешиваясь с головокружительными запахами ромового пунша, сливового пирога, миндальных пирожных и савойского печенья.

Джейми спустился поздно и чувствовал себя не вполне уверенно. Многих из гостей он не видел почти десять лет и, по правде говоря, не горел желанием встретиться с ними снова, чувствуя, что изменился и отдалился от них. Однако Дженни справила ему новую рубашку, вычистила и починила плащ, гладко причесала и заплела его волосы, и у него просто не было предлога, чтобы не спуститься к шумной компании и не оценить угощение.

— Мистер Фрэзер?

Пегги Гиббонс заметила его первой и, ничуть не смущаясь, поспешила к нему через комнату с сияющим лицом и распростертыми объятиями. Захваченный врасплох, он крепко обнял ее в ответ и моментально был окружен маленькой толпой женщин, которые восклицали, поднимали маленьких детей, родившихся после его отъезда, целовали его в щеки и гладили по рукам.

Мужчины вели себя более сдержанно, ограничиваясь грубоватыми приветствиями или хлопками по спине, пока Джейми проходил через комнаты, но в конце концов он удрал от этого общего внимания в кабинет лэрда.

Когда-то здесь был кабинет его отца, потом его собственный, а в годы его отсутствия здесь обосновался управлявший делами имения зять. Гроссбухи, реестры и счета были аккуратно сложены на краю

обшарпанного письменного стола. Он провел пальцем по кожаным корешкам, ощущая удовольствие от прикосновения. В этих бумагах отражалось все: посевы и урожаи, бережные, осмотрительные покупки и приобретения, медленные приращения и неизбежные траты, составлявшие ритм жизни арендаторов Лаллиброха.

На маленькой книжной полке он нашел деревянную змейку, оставленную им здесь перед отправкой в тюрьму, как и многое другое, представлявшее ценность. Например, иконку, вырезанную из вишневого дерева, подарок его старшего брата, умершего в детстве. Он сидел на стуле за письменным столом, поглаживая основательно потертые изгибы змейки, когда дверь в кабинет открылась.

— Джейми? — произнесла она, застенчиво стоя на пороге.

Он не потрудился зажечь лампу в кабинете, и ее силуэт очерчивали лишь горевшие в коридоре свечи. Ореол светлых волос, распущенных, как у девушки, делал лицо почти невидимым.

— Может быть, ты помнишь меня? — спросила она, не решаясь войти в комнату без приглашения.

— Да, — сказал он, помолчав. — Да, конечно помню.

— Там музыка, — заметила она.

Так оно и было: из большой гостиной доносилось пиликанье скрипки, топот ног и бравые восклицания. Судя по всему, веселье было в разгаре. После такого гулянья многие гости под утро заснут прямо на полу.

— Твоя сестра говорит, что ты прекрасно танцуешь, — сказала она, все еще робко, но не без настойчивости.

— Да я невесть сколько времени не танцевал, — неуверенно возразил Джейми, вдруг почувствовав, что при звуках музыки ноги сами стали проситься в пляс.

— Это «Вереск, вот моя постель». Знаешь эту мелодию? Может быть, пойдем посмотрим, все ли ты забыл?

Она протянула ему маленькую и изящную руку. Джейми встал, принял предложенную руку и сделал первые шаги в поисках себя.

— Это было здесь, — сказал он, обведя взглядом комнату, где мы сидели. — Дженни распорядилась убрать всю мебель, кроме одного стола с едой и виски. Скрипач стоял там, у окна. Молодая луна светила над его плечом.

Он кивнул в сторону окошка, в которое скребся куст, и на лице его промелькнул мимолетный отблеск того Нового года. Меня это неприятно кольнуло.

— Мы танцевали всю ночь напролет, иногда с другими, но главным

образом друг с другом. А уже на рассвете многие отправились по народному обычаю гадать. Мы тоже пошли. Ты знаешь этот обычай: одинокие женщины закрывают глаза, кружатся, а когда открывают, то первое, что они увидят, должно рассказать им о суженом.

Было много смеха, когда гости, подогретые виски и танцами, толкались у двери. Лаогера держалась позади, покрасневшая и смеющаяся, сказав, что это игра для юных девиц, а не для матроны тридцати четырех лет. Но остальные настаивали, и она предприняла попытку. Развернулась три раза по часовой стрелке и, открыв дверь, вышла на холодный утренний свет и завертелась снова. И когда она открыла глаза, полные ожидания, они остановились на лице Джейми.

— В общем... она была вдовой с двумя детьми. Ей нужен был муж, это ясно. Мне нужно было... что-то.

Джейми устоял на очаг, на красную массу торфа, дающую тепло, но совсем мало света.

— Я подумал и решил, что мы могли бы помочь друг другу.

Они тихо поженились в Балриггане, и он перевез туда свои немногочисленные пожитки. А меньше чем через год уехал оттуда и отправился в Эдинбург.

— А что же случилось? — спросила я с любопытством.

Джейми беспомощно поднял на меня глаза.

— Не могу сказать. Не то чтобы было так уж плохо, просто ничего не складывалось. — Он устало потер рукой лоб. — Наверное, в этом была моя вина. Я все время как-то ее разочаровывал. Бывало, за ужином ни с того ни с сего глаза ее наполняются слезами, она, рыдая, выходит из-за стола, а я остаюсь сидеть, гадая, что на сей раз сделал не так.

Он сжал кулак на покрывале, потом напряжение его отпустило.

— Господи, я никогда не знал, что сделать для нее или что сказать! Что бы я ни говорил, все было не так. И бывали дни — да что там дни, недели! — когда она не разговаривала со мной, отворачивалась, когда я подходил к ней, и стояла, уставившись в окно, пока я не уходил снова.

Его пальцы пробежались по параллельным царапинам на лице и шее. Теперь они почти зажили, но следы моих ногтей были все еще заметны на его светлой коже. Он покосился на меня.

— Ты никогда не поступала так со мной, англичаночка.

— Это не мой стиль, — согласилась я с улыбкой. — Если я сержусь на тебя, ты, черт возьми, по крайней мере знаешь почему.

Он хмыкнул и снова прилег на подушки. Некоторое время мы оба молчали. Потом, глядя в потолок, он сказал:

— Я думал, что не хочу ничего знать, как это было — с Фрэнком, я имею в виду. Наверное, я был не прав.

— Могу рассказать тебе обо всем, что ты захочешь узнать, — сказала я. — Но не сейчас. Пока твоя очередь.

— Она боялась меня, — тихо проговорил он после долгого молчания. — Я пытался быть с ней деликатным... Господи, да просто из кожи вон лез, делая все, что, по моему разумению, могло понравиться женщине! Но все без толку.

Его голова беспомощно повернулась, оставив вмятину в перьевой подушке.

— Может быть, дело было в Хью, а может быть, в Саймоне. Я знал их обоих, и они были хорошими людьми, но никто не знает, что происходит на супружеском ложе. Может быть, причина заключалась в вынашивании и родах: не всем женщинам это дается легко. Так или иначе, несмотря на все мои потуги, что-то во мне ее задевало или ранило. Стоило к ней прикоснуться, как она вздрагивала с болью и страхом в глазах.

Вокруг его закрытых глаз разбегались грустные морщинки, и я порывисто взяла его за руку.

Он мягко сжал мою ладонь и открыл глаза.

— Вот почему в конце концов я ушел, — тихо сказал он. — Я просто не мог больше этого выносить.

Я молча держала его руку, положив палец на пульс и считая удары. Пульс, к счастью, был медленным и равномерным.

Джейми поерзал в кровати, двинул плечами и тут же сморщился.

— Рука очень болит? — спросила я.

— Немножко.

Я наклонилась над ним, коснулась лба. Он был очень теплым, но жара не было. Между густыми рыжими бровями залегла морщинка, и я разгладила ее.

— Голова болит?

— Да.

— Пойду заварю тебе чая из ивовой коры.

Я хотела встать, но он удержал меня.

— Мне не нужен чай. Зато мне полегчало бы, будь у меня возможность положить голову тебе на колени, чтобы ты потерла мне виски. Немножко, а?

Голубые глаза смотрели на меня, прозрачные, как весеннее небо.

— Ты мне зубы не заговаривай, Джейми Фрэзер, все равно я не забуду о следующем уколе.

Тем не менее я уже отодвинула стул и села на кровать рядом с Джейми.

Он удовлетворенно заурчал, когда я уложила его голову себе на колени и принялась поглаживать ее, потирая ему виски, убирая назад густую волнистую массу его волос. Его шея сзади была мокрой, и я убрала оттуда волосы, тихо подула и увидела, как по коже побежали пупырышки.

— Ой, как приятно, — пробормотал он.

Вопреки недавнему решению не прикасаться к нему иначе как в медицинских целях, пока между нами все не утрясется, я поймала себя на том, что мои руки сами собой поглаживают четкие рельефные изгибы его шеи и плеч, ища твердые узлы позвоночника и широкие плоские крылья лопаток.

Мои ладони ощущали его крепкое тело, бедром я чувствовала теплое дыхание, и, когда пришло время переложить его обратно на подушку и взяться за ампулу с пенициллином, мне пришлось призвать на помощь всю силу воли.

— Ладно, — сказала я, откинув простыню и потянувшись к подолу его рубашки. — Быстрый укольчик, и ты...

Я задрала рубашку и охнула.

— Джейми! — вырвалось у меня. — Ты с ума сошел! В твоём состоянии...

— Наверное, ты права, — покладисто согласился он и свернулся на манер креветки, опустив темные ресницы. — Но ведь может же человек помечтать?

В ту ночь я не пошла спать наверх, так и осталась у него. Мы мало говорили, просто лежали бок о бок на узкой кровати, почти не шевелясь, чтобы не тревожить его раненую руку. В доме царила тишина, все улеглись спать, и не было слышно никаких звуков, кроме потрескивания огня, вздохов ветра и царапанья розового куста Элен об окно, настойчивого, как требование любви.

— А ты знаешь? — тихо сказал Джейми где-то уже в черные предрассветные часы. — Знаешь, каково это, иметь с кем-то дело таким образом? Делать все, что в твоих силах, и так и не понять, в чем твоя ошибка?

— Да, — ответила я, вспомнив о Фрэнке. — Да, знаю.

— Я так и думал, что ты знаешь.

Он помолчал и легонько коснулся моих волос.

— А потом... — прошептал он, — потом обрести снова полноту жизни. Стать свободным во всем — в словах, в поступках — и знать, что все это правильно.

— Говорить «я люблю тебя» от всего сердца, — прошептала я в темноту.

— Ага, — отозвался он едва слышно. — Говорить это.

Его рука замерла, и я, сама не зная, как это получилось, прильнула к нему, удобно примостившись головой во впадине его плеча.

— Столько лет, — сказал он, — так долго я был не самим собой, а столь разными людьми. — Он слегка шевельнулся, и крахмальное полотно его ночной рубашки захрустело. — Я был дядей детям Дженни, братом ей и Айену. Милордом для Фергюса и сэром для моих арендаторов. Макдью для каторжников Ардсмур и Маккензи для других слуг в Хэлуотере. Потом Малкольмом–печатником и Джейми Роем в доках.

Он медленно провел рукой по моим волосам с шепчущим, как дуновение ветра снаружи, звуком.

— Но здесь, — произнес он так тихо, что я едва услышала, — здесь, в темноте, с тобой... у меня нет никакого имени.

Я подняла к нему лицо и поймала губами его теплое дыхание.

— Я люблю тебя.

Мне не требовалось добавлять, насколько искренни были эти слова.

Глава 38

ВСТРЕЧА С АДВОКАТОМ

Как я и предвидела, микробы восемнадцатого столетия не могли и мечтать потягаться с антибиотиками века двадцатого. Лихорадка Джейми практически сошла на нет в течение суток, а в следующие два дня пошло на убыль и воспаление раны: осталось лишь небольшое покраснение по краям да при нажатии выделялось немного гноя.

На четвертый день, удостоверившись, что он пошел на поправку, я наложила легкую повязку с целебной мазью и поднялась к себе, чтобы умыться, переодеться и привести себя в порядок. Оба Айена, старший и младший, Джанет и слуги на протяжении последних нескольких дней время от времени заглядывали в комнату посмотреть, как дела у Джейми. Подозрительно, что Дженни не принимала в этом никакого участия, но было очевидно, что уж она-то полностью в курсе всего, что происходит в ее доме. Я не сообщила о своем намерении подняться наверх, однако, когда открыла дверь в мою спальню, у умывальника стоял большой кувшин с горячей водой, от которой шел пар, а рядом лежал свежий кусок мыла.

Я взяла его и принялась. Это было душистое французское мыло с запахом ландыша, и это являлось деликатным указанием на мое положение в доме. Почетная гостья — несомненно, но не член семьи, потому что все домашние обходятся обычным грубым мылом из жира и щелочи.

— Ладно, — пробормотала я, взбивая мыльную пену. — Поживем — увидим.

Когда спустя полчаса я, глядя в зеркало, укладывала волосы, снизу донеслись звуки — похоже, кто-то прибыл, причем, если судить по шуму, не один человек. Выйдя на лестницу, я первым делом увидела внизу сновавших между передней и кухней детей, а среди них нескольких незнакомых взрослых, с любопытством взиравших на меня, пока я спускалась.

Войдя в гостиную, я увидела, что походную койку убрали, а Джейми, выбритый и в свежей ночной рубашке, аккуратно уложен на диван, под одеяло. Со всех сторон его облепили детишки, четверо или пятеро. Командовали этой компанией Джанет, Айен-младший и улыбчивый молодой человек — судя по форме носа, один из Фрэзеров, — но в остальном имевший мало общего с крохотным малышом, которого я видела в Лаллиброхе двадцать лет назад.

— Вот она! — радостно воскликнул Джейми при моем появлении, и все в комнате повернулись, чтобы посмотреть на меня: выражения их лиц варьировали от приветливого удивления до благоговейного трепета. — Ты помнишь Джейми-младшего? — спросил Джейми-старший, кивнув на рослого, широкоплечего молодого человека с кудрявыми черными волосами и шевелящимся свертком в руках.

— Помню кудряшки, — с улыбкой сказала я. — Остальное немножко изменилось.

Джейми-младший ухмыльнулся с высоты своего роста.

— Я хорошо помню тебя, тетя, — произнес он бархатистым, словно хорошо выдержанный эль, голосом. — Ты держала меня на коленях и играла в «Десять поросят» с пальцами моих ног.

— Вполне возможно, — сказала я, глядя на него снизу вверх с легким испугом.

Бывает, что между двадцатью и сорока годами некоторые люди внешне особо не меняются, но вот между четырьмя и двадцатью четырьмя они меняются довольно заметно.

— Может, попробуешь поиграть с маленьким Бенджаминем? — с улыбкой предложил Джейми-младший. — Глядишь, тетя, вспомнишь былые навыки.

Он наклонился и передал сверток мне в руки.

Очень круглая мордашка смотрела на меня с обычным для младенцев несколько одурманенным видом. Перебравшись с отцовских рук на мои, Бенджамин, похоже, слегка растерялся, но никаких возражений не последовало. Напротив, он очень широко открыл маленький розовый ротик, засунул туда кулачок и начал задумчиво его грызть.

Маленький светловолосый мальчик в домотканых штанах, сидевший на колене Джейми, уставился на меня в изумлении.

— Кто это, дядюшка? — спросил он громким шепотом.

— Это твоя двоюродная тетя Клэр, — серьезно ответил Джейми. — Ты ведь слышал о ней, правда?

— Да, — сказала маленький мальчик, энергично кивая. — Она такая же старая, как бабушка?

— Даже старше, — заверил его Джейми, серьезно кивнув в ответ.

Мальчуган воззрился на меня и снова повернулся к Джейми с лукавой усмешкой.

— Все шутишь, дядюшка, да? Она совсем не такая старая, как бабушка! Сравнил тоже: да у нее ни единого седого волоска нету!

— Спасибо, милое дитя!

Я от всей души улыбнулась славному мальчугану.

— А ты уверен, что это точно наша двоюродная тетя Клэр? — развивал тему мальчик, поглядывая на меня с недоверием. — Мама говорила, что двоюродная тетя Клэр вроде как ведьма, а эта леди на ведьму вовсе не похожа. Сам посмотри, у нее даже ни одной бородавки на носу нету.

— Спасибо, — сказала я снова, но уже более сухо. — А как тебя зовут?

Он неожиданно застеснялся и уткнулся головой в рукав Джейми, отказываясь говорить.

— Это Энгюс Уолтер Эдвин Муррей Кармайл, — ответил за него Джейми, взъерошив шелковистые светлые волосы. — Старший сын Мэгги, которого чаще называют просто Уолли.

— А мы зовем его Сморкалкой, — сообщила мне маленькая рыжеволосая девчушка, стоявшая рядом со мной, — Потому что он вечно шмыгает носом и без носового платка ему никуда.

Энгюс Уолтер мигом оторвался от дядюшкиной рубашки, глаза его сверкали, рожица от злости покраснела, как свекла.

— Все ты врешь, врунья! — закричал он. — А ну признавайся, что врешь!

Впрочем, дожидаться признания он не стал и бросился на девочку с кулаками, однако дядюшка удержал его за ворот.

— Девочек бить нельзя, — рассудительно сказал ему Джейми. — Это не по-мужски.

— А обзывать можно? Она ведь сказала, что я сопливый! Ну и как ее после этого не поколотить?

— Да, такие замечания не очень-то украшают юную леди, мисс Абигейл, — строго сказал Джейми маленькой девочке. — Лучше попроси у кузена прощения.

— Да ведь он... — попыталась возразить Абигейл, но, наткнувшись на строгий взгляд Джейми, опустила глаза, покраснела и смущенно пробормотала: — Прости, Уолли.

Поначалу Уолли не казался расположенным считать это полноценной компенсацией за нанесенное оскорбление, но обещание дяди рассказать ему историю пересилило жажду отмщения.

— Расскажи историю о водяном и всаднике! — воскликнул мой рыжеволосый знакомый, протолкнувшись вперед, чтобы ничего не пропустить.

— Нет, лучше про игру в шахматы с дьяволом, — потребовал кто-то из детишек.

Джейми явно был для них своего рода магнитом: два мальчика дергали за его покрывало, тогда как крохотная девчушка с каштановыми волосами вскарабкалась на диван возле его головы и старательно заплетала пряди его волос.

— Вот так будет мило, дядюшка, — сказала она, не принимая участия в граде посыпавшихся предложений.

— Раз я обещал Уолли, значит, ему и выбирать, какую историю слушать, — твердо заявил Джейми.

Он вытащил из-под подушки чистый носовой платок и поднес его к носу Уолли, который и в самом деле выглядел далеко не презентабельно.

— Высморкайся, — велел он тихо и уже громче добавил: — А потом скажи мне, какую историю ты хочешь услышать.

Уолли покорно высморкался и сказал:

— Дядюшка, пожалуйста, про святую Бригитту и гусей.

Глаза Джейми отыскиали меня.

— Хорошо, — сказал он, помолчав. — Так вот. Все вы знаете, что дикие гуси создают пары на всю жизнь. Если убить взрослого гуся на охоте, нужно обязательно подождать, потому что подруга обязательно явится, чтобы оплакать его. И тогда придется убить и ее, иначе она будет до самой своей смерти скорбеть по нему, оглашая небеса тоскливыми криками.

Маленький Бенджамин заворочался у меня на руках. Джейми улыбнулся мне и снова переключил внимание на Уолли, вцепившегося в колено своего двоюродного дядюшки.

— Так вот, — продолжил он, — давным-давно, столько сотен лет назад, что и вообразить-то трудно, святая Бригитта вместе с благословенным Михаилом впервые ступила на камни горной Шотландии...

Как раз в этот момент маленький Бенджамин запищал с явным намерением присосаться к лифу моего платья. Возможности удовлетворить его аппетит у меня не было, молодой Джейми со своими родичами куда-то запропастился, и после бесплодных попыток успокоить малыша, потряхивая и покачивая, я отправилась на поиски его матери, так и не узнав, чем закончилась история.

Я нашла эту леди на кухне в большой компании девушек и женщин и, вручив ей отпрыска, провела там некоторое время, представляясь незнакомым дамам и в свою очередь выслушивая представления и приветствия. То есть участвуя в тех ритуальных действиях, с помощью которых женщины оценивают друг друга. Все дамы держались весьма

дружелюбно, очевидно, уже слышали обо мне, во всяком случае, мне не удалось заметить и намек на чье-либо удивление фактом возвращения первой жены Джейми то ли с того света, то ли из Франции, в зависимости от преподнесенной версии.

Правда, были все же весьма странные подводные течения, обращавшие на себя внимание. Например, все тщательно избегали задавать мне вопросы. В другом месте это могло бы показаться обычной вежливостью, но только не в горной Шотландии, где любопытство никогда не считалось пороком и жительницы которой славились умением вытряхнуть из любого чужака всю его подноготную при первом же знакомстве.

И хотя ко мне отнеслись с чрезвычайной любезностью и доброжелательностью, нельзя было не заметить и быстрых взглядов искоса, и переглядываний за моей спиной, и тихих обменов репликами на гэльском.

Но самым странным было отсутствие Дженни. Она была подлинной душой Лаллиброха; насколько мне помнилось, дом всегда был пронизан ее присутствием, и все в нем вращалось вокруг нее, как планеты вращаются вокруг Солнца. Трудно было поверить, чтобы она могла покинуть свою кухню, когда в доме собралось так много гостей.

Обычно она наполняла собой весь дом, как аромат свежих сосновых ветвей, разбросанных в задней кладовке. Только вот сейчас хвойный запах витал в воздухе, а Дженни не было.

Она избегала меня с той ночи, когда я вернулась с Айеном-младшим, что в данных обстоятельствах было естественно. Я тоже не стремилась к общению с ней. Мы обе понимали, что рано или поздно придется объясниться, но пока ни она, ни я к этому не стремились.

На кухне было тепло и уютно. Слишком тепло. Мешанина запахов: сушившихся тканей, горячего крахмала, мокрых пеленок, пота, жарившихся в лярдe овсяных лепешек и пекшегося хлеба — кружила голову. Поэтому, когда Кэтрин заикнулась о том, что нужен кувшин со сливками для ячменных лепешек, я ухватила за возможность отлучиться и вызвалась принести его из кладовой для молочных продуктов.

После толкотни разгоряченных тел на кухне холодный влажный воздух приятно освежал, и я, прежде чем отправиться в молочную кладовку, постояла минутку, дожидаясь, пока выветрятся впитавшиеся в волосы и нижние юбки кухонные запахи. Кладовка находилась на некотором расстоянии от главного дома, рядом с сараем для дойки, который примыкал к двум маленьким загонам для овец и коз. В горной Шотландии

держали и коров, но только ради мяса: коровье молоко считалось пригодным только для инвалидов.

Выйдя из молочной кладовки, я с удивлением увидела Фергюса — он стоял, привалившись к изгороди загона, и задумчиво смотрел на мохнатые спины овец. Я не ожидала увидеть его здесь и понятия не имела, знает ли Джейми о том, что он вернулся.

Племенные мериносы Дженни, привыкшие есть с руки и куда более избалованные, чем кто-либо из ее внуков, увидев меня, с блеянием устремились к ограде в надежде на лакомый кусочек. Поднятый ими шум заставил Фергюса оглянуться. Он увидел меня, помахал без особого энтузиазма рукой и что-то крикнул, но из-за шума слов было не разобрать.

Рядом с загонем находился ларь с подмороженной капустой. Я вытащила большой вялый зеленый кочан и стала, отдирая листья, совать их в жующие рты, чтобы восстановить тишину.

Баран, огромное шерстистое существо по имени Хьюи, с причиндалами, болтавшимися чуть ли не на уровне земли, учуяв еду, принялся бесцеремонно проталкиваться вперед. Фергюс, к тому времени подошедший ко мне, взял целый кочан и изо всех сил запустил им в барана.

Бросок вышел метким: кочан отскочил от мохнатой спины, баран негодуя заблеял и с видом оскорбленного достоинства потрусил прочь. Овечки поплелись за раскачивающимися гениталиями вожака, сопровождая это недовольным блеющим хором.

Фергюс недоброжелательно посмотрел им вслед.

— Никчемные, шумные, вонючие животные, — буркнул он, и я подумала, что со стороны человека, на котором чулки и шарф из овечьей шерсти, это явная неблагодарность.

— Приятно встретить тебя снова, Фергюс, — сказала я, не обращая внимания на его настроение. — А Джейми знает, что ты вернулся?

Меня также интересовало, насколько сам Фергюс — если он только что прибыл в Лаллиброх — осведомлен о недавних событиях.

— Нет еще, — равнодушно отозвался француз, — Наверное, стоит ему доложить.

Однако он не поспешил в дом с докладом, а продолжал топтаться возле загона. Что-то его явно грызло. Неужели он не справился с поручением?

— Как дела у мистера Гейджа, все в порядке? — спросила я.

Фергюс непонимающе воззрился на меня, но потом его худощавое лицо оживилось.

— О да! Милорд был прав. Я отправился с Гейджем предупредить

остальных, а потом мы вместе пошли в таверну, где им предстояло встретиться. И конечно, там сидела в засаде целая орава переодетых таможенников. Чтоб им дожидаться удачи столько же, сколько их приятелю в бочке, ха-ха!

Впрочем, в следующий миг веселье сошло на нет, глаза потухли и раздался тяжелый вздох.

— Но ждате, что нам заплатят за памфлеты, теперь, конечно, не приходится. И хотя печатный станок удалось спасти, одному Господу ведомо, когда дела милорда снова придут в порядок.

Он говорил с такой печалью, что я удивилась.

— Но ты ведь не занят в печатном деле, верно?

Он дернул плечом.

— Ну да, миледи, сам я в нем не занят, но милорд был достаточно добр и позволил мне вложить в печатное дело часть моей доли прибылей от бренди. Со временем я стал бы полноправным партнером.

— Понятно, — с сочувствием сказала я. — Тебе нужны деньги? Может быть, я могу...

Он бросил на меня удивленный взгляд, а потом улыбнулся, обнажив идеальные белые зубы.

— Спасибо, миледи, но нет. Мои нужды невелики, и на них мне вполне хватает.

Он погладил боковой карман своего плаща, который обнадеживающе забренчал. Фергюс немного помолчал, засунув руки глубоко в карманы.

— Нет, тут другое, миледи, — медленно произнес он. — Печатное дело — это ведь уважаемое занятие.

— Наверное, — сказала я, слегка озадаченная.

Фергюс уловил мой тон и уныло усмехнулся.

— Трудность, миледи, состоит в том, что, хотя доход контрабандиста вполне позволяет ему содержать семью, жених с такой профессией едва ли придется по вкусу родителям уважаемой юной леди.

— Вот оно что, — протянула я. Дело стало проясняться. — Ты хочешь жениться? На уважаемой юной леди?

Он кивнул слегка смущенно.

— Да, мадам. Но ее мать ко мне не благоволит.

Честно говоря, учитывая все обстоятельства, я отлично понимала позицию матери юной леди. Со своей привлекательной внешностью и энергией Фергюс вполне мог завоевать сердце юной девушки, но у него отсутствовало многое из того, что, с точки зрения консервативных шотландских родителей, должен иметь жених. Например, собственность,

легальный доход, левая рука и родовое имя.

Кроме того, если в горной Шотландии контрабанда, угон скота и другие формы, можно сказать, коммунистического перераспределения ценностей имели долгую и почтенную историю, француз неизбежно смотрел на это иначе. И сколько бы времени Фергюс ни проживал в Лаллиброхе, душа у него оставалась такой же французской, как собор Парижской Богоматери. Ему, как и мне, суждено было всегда оставаться чужаком.

— Вот будь я совладельцем почтенного и прибыльного печатного дела, то, может быть, добрая леди и согласилась бы счесть меня подходящим женихом, — пояснил Фергюс — Но в данной ситуации...

Он покачал головой.

Я сочувственно погладила его по руке.

— Не переживай из-за этого. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Джейми знает об этой девушке? Я уверена, что он с удовольствием замолвит за тебя словечко ее матери.

К моему удивлению, француз переполошился.

— О нет, миледи! Пожалуйста, ничего ему не говорите — у него и без этого хлопот невпроворот!

По большому счету это утверждение соответствовало действительности, только вот удивляла его странная горячность. Однако я согласилась ничего не говорить Джейми. У меня замерзли ноги от стояния на холодной земле, и я предложила ему зайти внутрь.

— Может быть, чуть позже, миледи, — сказал он. — Сейчас я, пожалуй, неподходящая компания даже для овец.

С тяжелым вздохом Фергюс повернулся и понуро побрел к голубятне.

К моему удивлению, Дженни обнаружилась в гостиной с Джейми. Она пришла с улицы: щеки и кончик длинного прямого носа порозовели от холода, а от одежды еще пахло зимой.

— Я послала Айена-младшего оседлать Донаса, — сказала она и нахмурилась, глядя на брата. — Ты в состоянии сам дойти до конюшни или подвести лошадь к крыльцу?

Джейми уставился на нее, ничего не понимая.

— Ходить я могу и сам дойду, куда потребуется, но сейчас никуда идти не собираюсь.

— А разве я не говорила тебе, что он приедет? — спросила Дженни, — Эмиас Кетрик заезжал к нам прошлым вечером и сказал, что Хобарт только что выехал из Кинуоллиса и сегодня собирается заехать к нам. — Она бросила взгляд на эмалированные часы, стоявшие на каминной доске. —

Если он выехал после завтрака, то не пройдет и часа, как будет здесь.

Джейми нахмурился и задумчиво посмотрел на сестру, откинув голову на спинку дивана.

— Я уже говорил тебе, Дженни, что не боюсь Хобарта Маккензи, — отрывисто произнес он. — Будь я проклят, если собираюсь бежать от него!

Подняв брови, Дженни холодно взглянула на брата.

— Вот как? Ты и Лаогеры не боялся, и смотри, куда это тебя завело!

Она кивнула на его перевязанную руку.

Джейми поморщился.

— Что ж, тут ты права, — признал он. — С другой стороны, Дженни, ты знаешь, что огнестрельного оружия в горной Шотландии осталось меньше, чем у курицы зубов. Маловероятно, чтобы Хобарт собирался приехать и попросить у меня мой собственный пистолет, чтобы меня же и застрелить.

— Сдается мне, он и утруждать себя не станет, просто войдет и перережет тебе глотку, как глупому гусаку, каковым ты и являешься! — парировала Дженни.

Джейми рассмеялся, а она надулась. Я уловила момент, чтобы вмешаться:

— Кто такой этот Хобарт Маккензи и почему он хочет зарезать тебя, как гуся?

Джейми повернул ко мне голову, в его глазах плясали искорки смеха.

— Хобарт — брат Лаогеры, англичаночка, — пояснил он. — А вот кто кого зарежет...

— Лаогера послала за ним в Кинуоллис, где он живет, — перебила его Дженни, — и рассказала ему... обо всем этом.

Она описала рукой круг, который, видимо, вмещал Джейми, меня и всю ситуацию в целом.

— И теперь все переполошились, вообразив, что Хобарт собирается учинить здесь смертоубийство, защищая честь своей сестры, — пояснил Джейми.

Ему эта мысль почему-то казалась забавной. А вот мне она такой не представлялась. Дженни тоже.

— Ты не беспокоишься из-за этого Хобарта? — спросила я.

— Конечно нет, — ответил он с раздражением и повернулся к сестре. — Ради бога, Дженни, ты ведь знаешь Хобарта Маккензи! Этому малому и поросенка не зарезать, не отхватив кусок собственной ноги.

Дженни смирила брата взглядом, очевидно оценивая его способность защититься от некомпетентного забойщика свиней, и неохотно признала,

что Джейми с ним сладит даже одной рукой.

— Ммфм... А если он сюда заявится и ты убьешь его, что тогда?

— Тогда он умрет, я полагаю, — сухо ответил Джейми.

— И тебя повесят за убийство, — парировала она, — или ты пустишься в бега, а вся родня Лаогеры будет гоняться за тобой. Хочешь положить начало кровной вражде?

Джейми, прищурившись, посмотрел на сестру, отчего сходство между ними стало еще очевиднее.

— Чего я хочу, — сказал он с преувеличенным терпением, — так это позавтракать. Ты собираешься меня накормить или хочешь подождать, чтобы я похудел от голода и ты могла спрятать меня в убежище священника, пока Хобарт не уедет?

Раздражение на тонко вылепленном лице Дженни боролось с юмором. Борьба была упорной, но — обычное дело для Фрэзеров — юмор победил.

— А это мысль, — сказала она, блеснув зубами в мимолетной улыбке. — Если бы я могла оттащить твою упрямую тушу так далеко, то и сама огрела бы тебя дубинкой.

Она покачала головой и вздохнула.

— Ладно, Джейми, поступай как знаешь. Только постарайся не испортить мой славный турецкий ковер, ладно?

Джейми посмотрел на нее и ухмыльнулся.

— Обещаю, Дженни. Никакого кровопролития в гостиную.

Она хмыкнула.

— Болван, — беззлобно констатировала она. — Я пришлю Джанет с твоей кашей.

С этими словами Дженни, взмахнув юбками, удалилась.

— Она помянула Донаса? — пробормотала я, изумленно глядя ей вслед. — Не может быть, чтобы это была та самая лошадь, которую ты взял из Леоха!

— Ох, ну что ты! — Джейми откинул голову, посмотрев на меня с улыбкой. — Это внук Донаса, один из его внуков. Мы даем это прозвище гнедым жеребяткам в его честь.

Я бережно прощупала по всей длине раненую руку.

— Больно? — спросила я, увидев, как он поморщился, когда я нажала в нескольких дюймах выше раны.

Прогресс был налицо: еще вчера зона воспаления начиналась выше.

— Терпимо. — Джейми вынул руку из перевязи и, морщась, попытался осторожно ее выпрямить. — Терпимо, но вряд ли смогу пройтись колесом.

Я рассмеялась.

— Лучше не пробуй. Слушай, ты только не сердись, но этот Хобарт... Ты правда считаешь, что он не...

— Правда, — решительно заявил он. — Но если и ошибаюсь, то все равно хочу сперва позавтракать. Неохота, знаешь ли, быть убитым на пустой желудок.

Я снова рассмеялась, немного успокоившись.

— Ладно, схожу и принесу тебе завтрак, — пообещала я, но, уже выйдя в холл, заметила за окном движение и остановилась посмотреть.

Дженни в плаще с надвинутым от холода капюшоне направлялась к сараю, стоящему выше по склону холма. Поддавшись неожиданному порыву, я сорвала со стоячей вешалки свой плащ и побежала за ней. Мне необходимо было поговорить с Дженни Муррей, а тут представлялась прекрасная возможность застать ее одну.

Я нагнала ее как раз перед сараем. Услышав мои шаги, Дженни обернулась, быстро огляделась по сторонам и, убедившись, что мы одни и разговора не избежать, расправила плечи под шерстяным плащом и подняла голову, встретившись со мной взглядом.

— Я решила, что мне стоит сказать Айену-младшему, чтобы он расседлал лошадь, — спокойно произнесла она. — А потом мне нужно спуститься в погреб за репчатым луком. Ты пойдешь со мной?

— Пойду.

Кутаясь на зимнем ветру в плащ, я последовала за ней в конюшню. Там по сравнению со стужей на дворе было тепло, но сумрачно: в воздухе висел здоровый запах лошадей, сена и навоза. Я задержалась у входа, выжидая, когда глаза приспособятся к полумраку, а Дженни, чьи легкие шаги отдавались от каменного пола, уверенно направилась вперед.

Юный Айен лежал на куче свежей соломы. Услышав шаги, он встрепенулся, сел и заморгал.

Дженни перевела взгляд с сына на стойло, где мирно жевал сено гнедой конь, не обремененный ни седлом, ни уздой.

— Разве я не велела тебе подготовить Донаса? — спросила она сына тоном, не сулившим ничего хорошего.

Айен со смущенным видом почесал голову и поднялся на ноги.

— Да, велела, — сказал он. — Но я подумал, что не стоит тратить время на то, чтобы оседлать его, если все равно придется расседлывать.

Дженни уставилась на него.

— Вот оно что? И откуда у тебя такая уверенность, что он не понадобится?

Парнишка пожал плечами и улыбнулся.

— Мама, ты не хуже меня знаешь, что дядя Джейми ни от кого не побежит, тем более от дяди Хобарта. Разве нет? — добродушно спросил он.

Дженни посмотрела на сына и вздохнула. Потом невольная улыбка осветила ее лицо, и она, протянув руку, убрала густые растрепавшиеся волосы с его лица.

— Да, сынок, знаю.

Ее рука задержалась у его румяной щеки.

— Тогда иди в дом и позавтракай второй раз со своим дядей, — сказала она. — Мы с твоей тетушкой ходим в погреб. Но если объявится Хобарт Маккензи, тут же извести меня, хорошо?

— Немедленно сообщу, мама, — пообещал он и припустил к дому, подгоняемый мыслью о еде.

Дженни посмотрела вслед сыну, двигавшемуся с неуклюжей грацией молодого голенастого журавля, и покачала головой. На губах ее все еще играла улыбка.

— Славный парень, — прошептала она, но, вспомнив нынешние обстоятельства, решительно повернулась ко мне, — Ну, идем. Ты ведь, наверное, хочешь потолковать со мной, да?

Не проронив больше ни слова, мы добрались до тихого убежища в погребе. Это было маленькое помещение, наполненное острым запахом свисавших с потолка длинных косиц лука и чеснока, пряным ароматом сушеных яблок и влажным, землистым духом картофеля, разложенного на устилавших полки комковатых коричневых одеялах.

— Ты помнишь, как присоветовала мне посадить картошку? — спросила Дженни, легко проведя рукой по верх клубней. — Полезный был совет: не одну и не две зимы после Куллодена мы пережили только благодаря урожаю картофеля.

Конечно, я все помнила. Тогда, перед расставанием, мы стояли рядом холодной осенней ночью. Она собиралась вернуться к новорожденному ребенку, а я уезжала искать Джейми, объявленного в горах вне закона. Я нашла его и спасла, а возможно, спасла и Лаллиброх. А она взамен пыталась отдать и Джейми, и семейный очаг Лаогере.

— Почему? — тихо спросила я, обращаясь к макушке ее склоненной головы.

Ее руки действовали как отлаженный часовой механизм: срывали луковицу с длинной висящей косички, обламывали жесткие увядшие стебли и отправляли головку в корзину.

— Почему ты это сделала? — повторила я свой вопрос и тоже сорвала

луковицу с косички, но не положила в корзину, а стала перекачивать в руках, как бейсбольный мяч, слыша, как шелуха шуршит между ладонями.

— Почему я это сделала?

Дженни уже полностью овладела своим голосом, и только человек, очень хорошо ее знавший, мог уловить в нем напряженные нотки. Но я—то знала ее отлично, во всяком случае раньше.

— Ты хочешь знать, почему я устроила брак между моим братом и Лаогерой? — Она быстро вскинула глаза, вопросительно выгнув гладкие черные брови, и снова склонилась к косичке с луком. — Ты права, без моего настояния он нипочем бы на это не решился.

— Значит, это ты заставила его жениться.

Ветер расшатывал дверь подвала, отчего маленькие комочки земли сыпались на резные каменные ступеньки.

— Он был одинок, — тихо сказала она. — Так одинок. Мне тяжело было видеть его в таком состоянии. Таким несчастным, так долго оплакивающим тебя.

— Я думала, что он умер! — тихо сказала я, ответив на невысказанное обвинение.

— Он был все равно что мертв, — резко бросила Дженни, подняла голову и вздохнула, отбросив назад прядь темных волос. — Ну, может быть, ты и вправду не знала, что он жив: многие умерли после Куллодена. А уж он—то точно был уверен, что больше тебя не увидит. Но его не убили, лишь ранили, правда, раненой оказалась не только его нога. И когда он вернулся домой из Англии...

Она покачала головой и потянулась за очередной луковицей.

— С виду—то он был цел и невредим, но не... — Дженни посмотрела на меня в упор раскосыми голубыми глазами, так напоминавшими глаза ее брата. — Он не из тех людей, которые могут спать одни.

— Согласна, — ответила я. — Но вышло так, что мы все—таки остались живы, мы оба. И пусть не скоро, но это выяснилось. Зачем ты послала за Лаогерой, когда мы вернулись с твоим сыном?

Дженни ответила не сразу, знай себе отрывала луковицы и бросала в корзину одну за другой.

— Ты мне нравилась, — призналась она так тихо, что я еле ее услышала. — Может быть, я любила тебя, когда ты жила здесь с Джейми, раньше.

— Ты мне тоже нравилась, — сказала я так же тихо. — Тогда почему?

Ее руки наконец замерли и сжались в кулаки.

— Когда Айен сказал мне, что ты вернулась, — медленно произнесла

она, не отрывая глаз от луковиц, — ты представить не можешь, как я обрадовалось. Мне хотелось поскорее увидеть тебя, узнать, как ты жила все это время...

Она остановилась, вопросительно подняв брови. Я не ответила, и Дженни продолжила:

— Но потом я испугалась.

Она отвела глаза, занавешенные густой бахромой черных ресниц.

— Знаешь, я видела тебя, — сказала она, все еще глядя куда-то в неведомую даль. — Когда он венчался с Лаогерой и они стояли у алтаря, ты была там с ними, стояла слева от него, между ним и Лаогерой. И я поняла, что ты заберешь его обратно.

У меня, признаться, зашевелились волосы на затылке. Дженни же это воспоминание заставило побледнеть. Она присела на бочку, полы плаща веером улеглись вокруг нее, как цветок.

— Я не рождена с пророческим даром, и я не из тех, кому постоянно ниспосылаются видения. Со мной раньше никогда такого не бывало и, надеюсь, никогда впредь не будет. Но я видела тебя так же ясно, как вижу сейчас, и настолько перепугалась, что мне пришлось выйти из церкви прямо посередине церемонии.

Дженни сглотнула, глядя на меня в упор.

— Я не знаю, кто ты, — сказала она тихо. — Или... или... что. Нам неведомо, каков твой род и где твоя родина. Я никогда не спрашивала тебя, верно? Джейми выбрал тебя, и этого было достаточно. Но потом ты исчезла, и, когда прошло столько времени, я подумала, что он забыл тебя достаточно, чтобы жениться снова и обрести счастье.

— Однако он его не обрел, — полувопросительно сказала я, в надежде, что Дженни мне не возразит.

И она оправдала мою надежду, покачав головой.

— Не обрел. Но Джейми верный человек. Неважно, что было между ним и Лаогерой, но если он принес обет и стал ее мужем, то уже не мог ее бросить, что бы там между ними ни происходило. И неважно, что большую часть времени он проводил в Эдинбурге. Я знала, что он все равно будет возвращаться домой — сюда, в горную Шотландию. Но потом появилась ты.

Ее руки неподвижно лежали на коленях — редкое зрелище. Они были изящной формы, с длинными ловкими пальцами, но натруженными, и под тонкой белой кожей проступали голубые вены.

— А знаешь, — сказала она, не поднимая глаз, — я ведь никогда в жизни не уезжала дальше десяти миль от Лаллиброха.

— Правда? — удивилась я.

Дженни медленно кивнула и снова посмотрела на меня.

— А ты очень много путешествовала, как я понимаю.

Ее взгляд изучал мое лицо в поисках подсказок.

— Да.

Дженни кивнула, как будто в подтверждение своим мыслям, и проговорила почти шепотом:

— Ты исчезнешь снова. Я знаю, ты опять исчезнешь. Ты не здешняя, не то что Лаогера или я. И он уедет с тобой. И я больше никогда его не увижу.

Она на миг закрыла глаза и снова открыла, глядя на меня из-под тонких темных бровей.

— Вот почему я подумала, что если ты узнаешь о Лаогере, то сразу уедешь, как ты и сделала, — добавила она с легкой гримасой, — а Джейми останется. Но ты вернулась. — Она беспомощно пожала плечами. — И тут я поняла, что все бесполезно, он привязан к тебе, к добру или к худу. Ты и есть его жена. И если ты исчезнешь снова, он отправится с тобой.

Я попыталась найти слова, чтобы успокоить ее:

— Но я не уеду. Я больше никуда не уеду. Я хочу остаться здесь, с ним. Навсегда.

Я положила руку на ее предплечье, и она слегка напряглась, но потом и сама положила руку поверх моей ладони. Рука была холодной, да и кончик ее длинного прямого носа покраснел.

— Насчет видений люди болтают разное, толком-то кто в этом разбирается? Одни говорят, что раз что-то привиделось, так это рок и от судьбы никуда не денешься, другие — что нет, это лишь предостережение, то, что может произойти, а может и нет. А ты сама как думаешь?

Она взглянула на меня искоса, с любопытством.

Я глубоко вздохнула, от запаха лука защипало в носу.

— Не знаю, — призналась я дрогнувшим голосом. — Раньше мне всегда казалось, что ход событий можно изменить, если располагаешь нужными знаниями. Но теперь... я не знаю, — тихо закончила я, вспомнив о Куллодене.

Дженни наблюдала за мной, в полумраке ее темно-голубые глаза казались почти черными. Интересно, как много рассказал ей Джейми и о чем она догадалась сама?

— В любом случае необходимо попытаться, — уверенно заявила Дженни. — Нельзя же вот так просто взять да отступить.

Не зная, кого именно она имела в виду, я покачала головой.

— Ты права. Попытаться в любом случае необходимо.

Мы смущенно улыбнулись друг другу.

— Ты хорошо позаботишься о нем? — вдруг спросила Дженни. — Даже если уедешь, ты позаботишься, да?

Я пожала ее холодные пальцы, ощущая кости ее руки, показавшиеся неожиданно легкими и хрупкими.

— Да.

— Тогда все в порядке, — сказала она и пожала мне руку в ответ.

Некоторое время мы сидели молча, держась за руки, но потом дверь наверху распахнулась, впустив в подвал порыв ветра и холодные брызги дождя.

— Мама!

В проеме появилась голова Айена-младшего с горящими от возбуждения глазами.

— Приехал Хобарт Маккензи! Отец сказал, чтобы ты быстро шла домой!

Дженни вскочила на ноги, едва не забыв корзинку с луком.

— Значит, он все-таки приехал? — с тревогой спросила она. — Наверное, с тесаком или, упаси бог, с пистолетом.

Айен покачал головой, его темные волосы растрепались на ветру.

— Нет, мама, — ответил парнишка, — все гораздо хуже. Он привез адвоката!

Едва ли кто-либо годился на роль воплощенного мщения меньше, чем Хобарт Маккензи. Низкорослый, хрупкого сложения мужчина лет тридцати, с прикрытыми белесыми ресницами бледно-голубыми, слезящимися глазами и какими-то смазанными чертами лица, начиная с покатого лба и кончая срезанным подбородком, казалось, так и норовившим ускользнуть в складки его галстука.

Когда мы вошли, он приглаживал волосы перед зеркалом в прихожей, рядом, на столике, висел завитой парик. Завидев нас, Хобарт беспокойно заморгал, схватил парик, напялил на голову и поклонился.

— Миссис Дженни, — произнес он.

Его маленькие кроличьи глазки метнулись в моем направлении, в сторону, потом обратно, как будто он надеялся, что на самом деле меня там нет, но очень боялся, что я все-таки здесь.

Дженни перевела взгляд с него на меня, глубоко вздохнула и взяла быка за рога.

— Мистер Маккензи, — сказала она, присев в реверансе, — позвольте мне представить вам мою невестку Клэр. Клэр, это мистер Хобарт

Маккензи из Кинуоллиса.

У бедняги отвисла челюсть и выпучились глаза. Я хотела было протянуть ему руку, но передумала. Интересно, что посоветовала бы в такой ситуации Эмили Пост?^[16] Но поскольку ее не было, мне пришлось импровизировать.

— Приятно познакомиться, — произнесла я с улыбкой как можно сердечнее.

Маккензи вконец смутился, замялся, неловко кивнул и кое-как проямлил:

— Э-э... ваш слуга... мэ.

К счастью, в этот момент дверь в гостиную открылась, и я, оглянувшись и увидев маленькую аккуратную фигурку на пороге, не сдержала восторженного возгласа.

— Нед! Нед Гоуэн!

Это действительно был Нед Гоуэн, пожилой эдинбургский адвокат, который некогда спас меня от сожжения. Он заметно постарел и так сморщился, что стал похож на одно из сушеных яблок, которые я видела в подвале. Однако яркие, умные черные глаза остались прежними, и они сразу впились в меня.

— Моя дорогая! — воскликнул он, просияв, и порывисто устремился вперед, галантно подхватил мою руку и с поклоном прижал к своим сморщенным губам. — Я слышал, что вы...

— Что привело вас сюда?

— Счастлив увидеть вас снова!

— Я так рада снова встретиться с вами, но...

Хобарт Маккензи прервал этот восторженный обмен любезностями, деликатно кашлянув. Мистер Гоуэн озадаченно посмотрел на него, затем кивнул.

— Ах да, конечно. Сначала дело, моя дорогая, — сказал он, отвесив мне галантный поклон, — а потом, если захотите, я с величайшим удовольствием послушаю рассказ о ваших приключениях.

— А... я постараюсь, — сказала я, подумав, насколько упорно он будет настаивать на моем рассказе.

— Чудесно, чудесно.

Он обвел взглядом холл, не пропустив своими зоркими маленькими глазками Хобарта и Дженни, которая повесила свой плащ и остановилась у зеркала, приглаживая волосы.

— Мистер Фрэзер и мистер Муррей уже в гостиной. Мистер Маккензи, если вы и дамы согласитесь присоединиться к нам, мы сумеем

быстро уладить ваши дела и перейти к более приятным вопросам. Вы позволите, моя дорогая?

Он с поклоном предложил мне согнутую в локте руку.

Джейми по-прежнему полулежал на диване и примерно в том же состоянии, то есть живой. Дети ушли, за исключением одного круглолицего малыша, который так и уснул, примостившись у него на коленях. Волосы Джейми были заплетены в несколько маленьких косичек с веселенькими шелковыми ленточками, что придавало ему неуместно праздничный вид.

— Ты выглядишь как Трусливый Лев из страны Оз, — шепнула я ему, усаживаясь на подушечку для ног рядом с диваном.

Мне не верилось, что Хобарт Маккензи способен на какую-нибудь отчаянную выходку, но на всякий случай хотелось находиться поближе к Джейми.

Он с удивленным видом приложил руку к голове.

— Трусливый Лев?

— Тихо, — шикнула я. — Потом расскажу.

Все остальные расположились в гостиной. Дженни села рядом с Айеном на двухместном кресле, а Хобарт и мистер Гоуэн устроились на бархатных стульях.

— Все в сборе? — осведомился мистер Гоуэн, обведя взглядом комнату, — Все заинтересованные стороны присутствуют? Превосходно. Что ж, начать с того, что я должен заявить о собственном интересе и полномочиях. Я присутствую здесь в качестве адвоката мистера Хобарта Маккензи, представляющего интересы миссис Джеймс Фрэзер.

Он увидел, как я вскинула глаза, и уточнил:

— То есть второй миссис Джеймс Фрэзер, урожденной Лаогеры Маккензи. Это понятно?

Он вопросительно взглянул на Джейми, и тот кивнул.

— Да.

— Хорошо.

Мистер Гоуэн взял со стоявшего рядом столика бокал и сделал крохотный глоток.

— Мои клиенты, Маккензи, приняли мое предложение искать законный выход из запутанной ситуации, возникшей, как я понимаю, из-за неожиданного и непредвиденного — хотя, конечно, совершенно счастливого и удачного, — добавил он, поклонившись мне, — возвращения первой миссис Фрэзер.

Он с укором посмотрел на Джейми.

— Вынужден с сожалением сообщить, мой дорогой молодой друг, что

в юридическом смысле вы ухитрились оказаться в весьма затруднительном положении.

Джейми поднял бровь и посмотрел на сестру.

— Не в первый раз, — сухо заметил он. — О каких трудностях идет речь?

— Ну, начать с того, что, — бодро произнес мистер Гоуэн, и его искрящиеся черные глазки погрузились в сеточки морщинок, когда он улыбнулся мне, — первая миссис Фрэзер будет совершенно вправе начать гражданскую тяжбу против адюльтера и преступной внебрачной связи, наказание за которую включает...

Джейми оглянулся на меня, блеснув голубыми глазами.

— Эта возможность меня особо не беспокоит, — сказал он юристу. — Что еще?

Нед Гоуэн с готовностью кивнул и поднял тощую руку, загибая пальцы по мере того, как перечислял свои пункты.

— При всем уважении ко второй миссис Фрэзер — урожденной Лаогере Маккензи — вы могли бы, конечно, быть обвиненным в двоеженстве, обмане, введении в заблуждение — с обдуманном намерением или нет, это отдельный вопрос, — преступном заблуждении, — он радостно загнул четвертый палец, — и...

Некоторое время Джейми терпеливо слушал, но в конце концов перебил адвоката.

— Нед, — мягко осведомился он, — чего хочет эта чертова женщина?

Маленький адвокат моргнул за очками, опустил руку и воздел глаза к балкам над головой.

— В общем, главное желание леди, как оно было выражено, — осторожно ответил он, — увидеть вас оскотпленным и расчлененным на рыночной площади в Брост-Мордхе, а вашу голову — насаженной на кол над ее воротами.

Джейми пожал плечами и поморщился, потому что это движение потревожило раненую руку.

— Понятно, — сказал он, скривив губы.

Улыбка собрала морщинки у старческих губ Неда.

— Я был обязан информировать миссис... то есть эту леди, — поправился он, взглянув на меня и кашлянув, — что ее возможности по сравнению с желаниями несколько ограничены.

— Надеюсь, — сухо сказал Джейми. — Но я полагаю, основная идея в том, что она не жаждет моего возвращения в качестве мужа?

— Вот уж точно, — неожиданно вставил Хобарт. — В качестве корма

для ворон — возможно, но не в качестве мужа!

Нед бросил на своего клиента холодный взгляд.

— Будьте добры, сэр, предоставьте мне поиски достойного выхода из сложившегося затруднительного положения. Иначе за что вы мне платите?

Адвокат снова повернулся к Джейми, исполненный осознания своего профессионального достоинства.

— Хотя мисс Маккензи не требует возобновления брачного статуса — действие, которое было бы невозможно в любом случае, — справедливо заметил он, — если только ты не хочешь развестись с нынешней миссис Фрэзер и жениться повторно...

— Нет, я не хочу этого делать, — торопливо заверил его Джейми, посмотрев на меня.

— Что ж, — невозмутимо продолжил Нед. — Я бы посоветовал моим клиентам по возможности избежать излишних расходов и огласки... — он покосился в сторону Хобарта, который торопливо кивнул, — каковые неизбежно сопряжены с открытым судебным процессом и последующим обнародованием фактов. Поскольку дело обстоит так...

— Сколько? — прервал Джейми.

— Мистер Фрэзер! — Нед Гоуэн выглядел шокированным. — Я пока не упоминал о характере денежного урегулирования...

— Только потому, что ты слишком наслаждался собой, старый плут, — заявил Джейми, раздраженный, о чем свидетельствовали покрасневшие скулы, но и немало позабавленный. — Давай перейдем к этому, а?

Нед Гоуэн церемонно поклонился.

— Что ж, вы должны понять, — начал он, — что успешно проведенная тяжба, основанная на упомянутых выше обвинениях, может привести к тому, что мисс Маккензи и ее брат нанесут вам существенный ущерб. Весьма существенный, — добавил он с легким адвокатским злорадством от этой перспективы. — В конце концов, мисс Маккензи не только подверглась публичному унижению и насмешкам, повлекшим за собой душевное расстройство, но ей также угрожает потеря главного источника поддержки...

— Ей не угрожает ничего подобного, — возразил Джейми. — Я сказал ей, что буду поддерживать впредь и ее, и девочек! Кто я вообще такой, по ее мнению?

Нед посмотрел на Хобарта, и тот покачал головой:

— Ее мнения на твой счет тебе лучше не знать. Я, честно говоря, сам подивился тому, что она знает такие слова. Но ты действительно согласен платить?

Джейми раздраженно кивнул, запустив здоровую руку в волосы.

— Да, согласен.

— Только пока она не выйдет замуж снова.

Все головы с удивлением повернулись к Дженни, которая решительно кивнула Неду Гоуэну:

— Если Джейми женат на Клэр, брак между ним и Лаогерой не имеет силы, так?

Адвокат кивнул.

— Это правда, миссис Муррей.

— Ну что ж, — сказала Дженни решительно. — Она вольна выйти замуж снова. И если она это сделает, мой брат не должен будет обеспечивать ее содержание.

— Превосходное замечание, миссис Муррей.

Нед Гоуэн взял перо и старательно застрочил.

— В общем, мы делаем успехи, — объявил он, снова положив перо и лучезарно улыбнувшись всей компании. — Теперь необходимо обсудить следующий пункт...

Час спустя графин с виски опустел, листы бумаги на столе были исписаны убористым почерком Неда Гоуэна, и все присутствующие до крайности утомились, за исключением самого адвоката, подвижного и ясноглазого, как всегда.

— Превосходно, превосходно, — повторил он, собирая листы и аккуратно их укладывая. — Итак, основные пункты достигнутого соглашения таковы: мистер Фрэзер согласен выплатить мисс Маккензи сумму в пятьсот фунтов в компенсацию за причиненные обиду, страдания и лишение супружеского ложа.

На этом месте Джейми хмыкнул, но Нед сделал вид, что не услышал, и продолжил свой синопсис.

— И кроме того, согласен выплачивать ей содержание в размере сто фунтов в год до тех пор, пока вышеупомянутая мисс Маккензи не выйдет замуж снова, что станет основанием для прекращения упомянутых выплат. Мистер Фрэзер согласен также обеспечить приданое для каждой из дочерей мисс Маккензи в размере трехсот фунтов сверх ранее перечисленных сумм и со своей стороны согласен не выдвигать обвинение против мисс Маккензи за нападение с намерением совершить убийство. Взамен мисс Маккензи освобождает мистера Фрэзера от всех прочих притязаний. Мистер Фрэзер, понятно ли это вам и согласны ли вы с прочитанным?

— Да, понятно и согласен, — ответил Джейми.

Он слишком долго находился в сидячем положении, отчего побледнел и на лбу, под линией волос, выступили капельки пота, но держался он прямо. А на его коленях, засунув большой палец в рот, по-прежнему спал ребенок.

— Превосходно, — снова сказал Нед.

Он поднялся, просиял и поклонился компании.

— Как говорит наш друг доктор Джон Арбутнот: «Закон — это бездонная яма». Но на данный момент не в большей степени, чем мой желудок. Правда ли, что этот восхитительный аромат указывает на готовящееся где-то поблизости седло барашка, миссис Дженни?

За столом по одну сторону от меня сидел Джейми, а по другую — Хобарт Маккензи, который теперь выглядел порозовевшим и успокоившимся. Мэри Макнаб принесла блюдо и по старинному обычаю поставила его перед Джейми. Ее взгляд задержался на нем. Джейми взял длинный кривой разделочный нож и здоровой рукой вежливо предложил его Хобарту.

— Будь добр, сделай это за меня, Хобарт.

— О нет! — отмахнулся тот. — Пусть лучше твоя жена разрежет его. Я не мастер орудовать ножом — еще палец себе отрежу. Ты ведь знаешь меня, Джейми, — добродушно добавил он.

Джейми бросил на своего бывшего зятя долгий взгляд поверх солонки.

— Вообще-то думал, что знаю, Хобарт, — сказал он. — Передай мне виски.

— Что нужно сделать, так это поскорее выдать ее замуж, — решила Дженни.

Ее дети и внуки удалились, Нед с Хобартом уехали в Кинуоллис, а мы вчетвером остались и вели беседу за бренди и сметанными лепешками в кабинете лэрда.

Джейми повернулся к сестре.

— Сватовство больше по твоей части, верно? — язвительно заметил он. — Уверен, ты сможешь подобрать подходящего человека, а то и двух, если пораскинешь мозгами.

— Пожалуй, смогу, — буркнула Дженни в тон ему.

Она была занята вышиванием. Игла протыкала полотняную ткань, поблескивая в свете лампы. Снаружи было слякотно, а в кабинете уютно: в камине потрескивал огонь, лампа разливала лужицу света по обшарпанному столу, заваленному бумагами и счетными книгами.

— И вот о чем еще стоит поразмыслить, — сказала она, не отрывая глаз от своей работы. — Где ты собираешься взять двенадцать сотен

фунтов, Джейми?

Честно говоря, эта мысль уже посетила и меня. Страховые выплаты за печатную мастерскую явно недотягивали до этой суммы, и я сомневалась, чтобы доходы Джейми от контрабанды были столь велики. Ну а на Лаллиброх вообще рассчитывать не приходилось: земля в горной Шотландии позволяла лишь поддерживать существование, и даже несколько самых урожайных лет подряд приносили лишь незначительную прибыль.

— В общем, есть только один вариант, — сказал Айен, переводя взгляд со своей жены на зятя.

После небольшой паузы Джейми кивнул.

— Пожалуй, да, — нехотя согласился он и покосился на окно, где дождь косыми линиями бороздил стекло. — Правда, время года для этого не лучшее.

Айен пожал плечами и слегка подался вперед на своем стуле.

— Через неделю начнется весенний прилив.

Джейми озабоченно нахмурился.

— Ну да, конечно, но...

— Джейми, никто, кроме тебя, не имеет на это права, — перебил его Айен и с улыбкой пожал ему здоровую руку. — Для кого оно предназначалось, если не для сторонников принца Чарли, а? А ты был одним из них, хотел ты того или нет.

— Да, пожалуй, — ответил Джейми со вздохом и невеселой улыбкой. — В любом случае, похоже, это единственное, что я могу сделать.

Он явно хотел добавить что-то еще, и его сестра, зная Джейми даже лучше, чем я, оторвалась от работы и резко вскинула глаза.

— В чем дело, Джейми?

Он глубоко вздохнул.

— Я хочу взять с собой Айена-младшего, — сказал он.

— Нет, — отрезала она.

Игла застряла в ярко-алом, как капля крови, бутоне.

— Он уже взрослый, Дженни, — тихо сказал Джейми.

— Нет! — возразила она. — Ему всего пятнадцать; Майклу и Джейми обоим хотя бы по шестнадцать, и они крепче.

— Это верно, но плавает малыш Айен лучше любого из его братьев, — резонно заметил Айен, задумчиво сдвинув брови. — Так или иначе, кому-то из парней все равно придется отправиться с дядюшкой. — Он бросил взгляд на перевязанную руку зятя. — Из Джейми в его нынешнем состоянии пловец никудышный. Не Клэр же, в конце концов, плыть, —

добавил он, улыбнувшись мне.

— Плыть? — искренне изумилась я. — Куда плыть?

Айен тоже на миг растерялся. Он поднял брови и воззрился на Джейми.

— Так ты ей не сказал?

Джейми покачал головой.

— Рассказал, но не все. — Он повернулся ко мне. — Речь идет о сокровище, англичаночка, о золоте тюленей.

Не в состоянии забрать клад с собой, Джейми оставил его в том же месте и вернулся в Ардсмур.

— В ту пору я не мог найти ему достойного применения, — пояснил он. — Дункан Керр поручил его моему попечению, но я не имел представления о том, кому оно принадлежит, кто его туда поместил и что с ним делать. «Белая колдунья» — вот все, что сказал Дункан, а для меня эти слова ничего не означали. Кроме тебя, англичаночка.

Однако, не собираясь распоряжаться кладом единолично, он чувствовал необходимость поделиться тайной с надежным человеком и поэтому отправил Дженни зашифрованное письмо, сообщая о местонахождении клада и его вероятном предназначении.

Тогда якобиты переживали нелегкие времена, и бежавшим во Францию, оставив свою землю и имущество, порой приходилось так же туго, как и оставшимся на родине, где за ними охотились англичане. Примерно в то же самое время Лаллиброх пережил два неурожайных года подряд, а в письмах из Франции соратники молили помочь им избежать голодной смерти.

— Нам нечего было послать. Мы здесь и сами были близки к тому, чтобы умереть от голода, — пояснил Айен. — Я послал весточку Джейми, и он рассудил, что использовать часть сокровища для помощи сторонникам Красавчика принца Чарли будет только справедливо.

— Скорее всего, золото спрятал кто-то из сторонников Стюартов, — вставил Джейми, подняв рыжую бровь и ухмыльнувшись. — Правда, отсылать его принцу я не стал.

— Хорошая мысль, — сухо прокомментировала я.

Любые деньги, отданные Карлу Стюарту, были бы пущены на ветер, растрачены в считанные недели, и всякий, кто знал принца так близко, как Джейми, прекрасно понимал это.

Айен взял своего старшего сына Джейми, пересек всю Шотландию и прибыл к тюленьей бухточке близ Когах. Опасаясь, как бы не просочился слух о кладе, отец и сын не стали нанимать рыбацью лодку: Джейми—

младший сам доплыл до тюленьего островка. Он нашел клад на прежнем месте, прихватил две золотые монеты и три драгоценных камня, из тех, что поменьше, спрятал их в мешочке, надежно прикрепленном на шее, вернул остальное в тайник и снова переплыл пролив, добравшись до берега совершенно обессиленным.

Потом они направились в Инвернесс и сели на корабль, отплывавший во Францию, где их кузен, Джаред Фрэзер, успешный виноторговец, помог им тайно обменять монеты и драгоценные камни на наличность и взял на себя труд распределить ее среди нуждавшихся якобитов.

С тех пор Айен трижды совершал утомительные поездки на побережье с одним из своих сыновей и всякий раз забирал некую толику спрятанных сокровищ, чтобы помочь нуждающимся. Дважды деньги поступали друзьям во Франции, один раз они потребовались для того, чтобы купить семена на посев для Лаллиброха и обеспечить съестными припасами арендаторов на долгую зиму, когда не уродилась картошка.

О кладе знали только Дженни, Айен да два старших сына, Джейми и Майкл. Деревянная нога Айена не давала ему возможности плавать к островку тюленей, поэтому в поездку ему всегда приходилось брать одного из сыновей, которые таким образом как бы прошли посвящение, сделавшись причастными к семейной тайне. Теперь пришла очередь Айена-младшего.

— Нет, — повторила Дженни, но мне показалось, уже не так уверенно. Айен задумчиво кивал.

— Ты возьмешь его и во Францию, Джейми?

Джейми кивнул.

— Да, в этом-то все и дело. Мне придется покинуть Лаллиброх и держаться подальше от Лаогеры, по крайней мере пока она не выйдет замуж.

Он снова переключил внимание на зятя.

— Я не рассказал тебе всего, что произошло в Эдинбурге, Айен, но, учитывая все события вкуче, мне лучше всего будет некоторое время держаться отсюда подальше.

Я молчала, пытаюсь переварить эту новость. Ибо то, что Джейми решил покинуть Лаллиброх — и, похоже, вообще покинуть Шотландию, — для меня и вправду стало новостью.

— Так что же ты собираешься делать, Джейми?

Дженни отказалась от попытки притвориться, будто поглощена вышиванием, и села, сложив руки на коленях.

Ее брат потер нос. Вид у него был усталый, что и неудивительно: это

был первый день с момента ранения, который он провел на ногах. По моему разумению, его давно следовало уложить в постель, но он настоял на том, чтобы остаться и провести эту встречу за столом, вместе со всеми.

— Что ж, — медленно произнес он, — Джаред не раз предлагал взять меня в свое дело. Может быть, я поживу во Франции с годик. И Айен-младший вполне мог бы поехать с нами и поучиться в Париже.

Дженни с Айеном переглянулись. То были особые взгляды, с помощью которых давно женатые супруги способны за одно мгновение сказать друг другу больше, чем можно выразить в длинной речи.

Наконец Дженни слегка наклонила голову в сторону. Айен улыбнулся и взял ее за руку.

— Все будет в порядке, mo níghean dubh, — нежно сказал он ей и повернулся к Джейми. — Ладно, бери его. В конце концов, для малого это хороший шанс.

— Ты уверен?

Хотя вопрос Джейми был обращен к Айену, на самом деле он предназначался сестре. Ее голубые глаза поблескивали в свете лампы, кончик носа слегка покраснел.

— Думаю, лучше всего будет, если мы предоставим ему свободу выбора, пока он еще признает за нами право давать ее или не давать, — сказала Дженни. Она твердо посмотрела на брата и на меня. — Но вы уж приглядите за ним как следует, ладно?

Глава 39

ПОТЕРЯННЫЙ И ОПЛАКАННЫЙ ВЕТРОМ

Эта часть Шотландии была так же своеобразна, как зеленые долины и озера близ Лаллиброха или пустоши Северного Йоркшира. Здесь почти не было деревьев, только каменистые, поросшие вереском предгорья, переходящие в утесы, вздымающиеся к низкому небу, так что их вершины терялись в завесах тумана.

По мере нашего приближения к морскому побережью туман становился все гуще, появлялся все раньше и удерживался все дольше, медленно развеиваясь поутру. Нам удавалось ехать всего пару часов в сутки, около полудня, пока была хорошая видимость. Наше продвижение нельзя было назвать быстрым, однако никто по этому поводу не переживал, не считая Айена, который был вне себя от возбуждения и не мог дождаться, когда мы доберемся до места.

— Далеко ли от берега до острова тюленей? — спрашивал он в десятый раз.

— По моим прикидкам, четверть мили, — отвечал ему дядя.

— Мне четверть мили проплыть — раз плюнуть! — в десятый раз повторял Айен-младший, сжимая поводья и гордо вздернув голову.

— Ничуть в тебе не сомневаюсь, — терпеливо заверял его Джейми и косился на меня, скрывая улыбку. — Тем более что тебе и усилий прилагать не придется: течение само вынесет тебя прямо к острову.

Юноша кивал и погружался в молчание, но глаза горели от предвкушения.

Мыс над бухточкой был безлюдным и утонул в тумане. Наши голоса отдавались здесь странным эхом, отчего становилось жутковато, поэтому мы почти перестали разговаривать. Доносившийся снизу лай тюленей смешивался с шумом моря, создавая впечатление, будто над волнами перекликаются моряки. Джейми указал Айену на каменный дымоход башни Элен и, взяв с седла моток веревки, направился по каменистому мысу ко входу.

— Не снимай рубашку, пока не спустишься, — посоветовал он племяннику, повысив голос, чтобы перекрыть грохот волн. — Иначе камни разорвут твою спину в клочья.

Айен кивнул; веревку надежно обвязали вокруг его пояса, он нервно улыбнулся мне напоследок, сделал два неуверенных шага и начал спуск.

Джейми, закрепивший другой конец веревки у себя на поясе, осторожно выпускал ее здоровой рукой, страхуя Айена. Я же, опустившись на всякий случай на четвереньки, осторожно двинулась по каменистой площадке к осыпавшемуся краю, откуда можно было увидеть участок берега внизу.

Прошло немало времени, и вот наконец Айен, казавшийся сверху маленьким, как муравьишка, вылез из трубы. Он развязал веревку, внимательно огляделся по сторонам, увидел нас на вершине утеса и с энтузиазмом помахал. Я помахала в ответ, а Джейми лишь пробормотал себе под нос:

— Ладно, давай дальше.

Я почувствовала, как он напрягся рядом со мной, когда парнишка разделся по пояс, спустился по камням к воде и нырнул головой вперед в серо-голубые волны.

— Брр! — непроизвольно вырвалось у меня. — Вода, должно быть, ледяная!

— Это точно, — отозвался Джейми. — Айен прав: для купания это не лучшее время года.

Лицо его было бледным и сосредоточенным, но не из-за раненой руки, хотя, конечно, в его состоянии лучше было бы обойтись и без долгого путешествия, и без этих забав с веревкой. Джейми всячески пытался изобразить бодрую уверенность, но скрыть беспокойство у него не получалось. Ведь случись с мальчиком неладное, мы ничем не смогли бы ему помочь.

— Может быть, нам следовало подождать, пока рассеется туман? — спросила я скорее для того, чтобы отвлечь его, чем потому, что и вправду так думала.

— И то верно, только вот ждать пришлось бы до следующей Пасхи, — иронично заметил Джейми. — Хотя, конечно, бывают дни и пояснее сегодняшнего.

Три островка были видны с утеса лишь частично: их то и дело заволакивало туманом. Пока Айен преодолевал первые двадцать ярдов, я видела над водой его голову, но теперь он целиком скрылся в тумане.

— Как ты думаешь, с ним все в порядке?

Джейми наклонился, чтобы помочь мне встать. Ткань его плаща на ощупь была влажной и грубой из-за сырого тумана и мелких океанских брызг.

— Он справится. Парнишка прекрасный пловец, и плыть будет легко, когда его подхватит течение.

И все равно Джейми неотрывно всматривался в туман, словно мог усилием воли пронзить его завесу.

По совету Джейми Айен-младший рассчитал время спуска с учетом прилива, чтобы получить максимальную поддержку течения. Глядя с обрыва, я видела, как на прибрежной линии начинает вскипать пена.

— Вернется, наверное, часа через два, — ответил Джейми на мой невысказанный вопрос и, чтобы не таращиться зря в туман, неохотно отвернулся. — Черт, лучше бы я сам сплавал, и плевать на руку.

— И Джейми-младший, и Майкл с этим справлялись, — напомнила я. Он грустно улыбнулся.

— Ну да. И Айен прекрасно справится. Просто гораздо легче самому взяться за опасное дело, чем ждать и беспокоиться, пока это делает кто-то другой.

— Ха! Теперь ты понимаешь, каково быть замужем за тобой?

— Наверное, — рассмеялся он. — Кроме того, было бы нечестно обмануть юного Айена, лишив его обещанного приключения. Ладно, давай уберемся из-под ветра.

Мы двинулись в глубь суши, подальше от осыпавшегося края утеса и сели ждать, используя лошадей как укрытие. Похоже, мохнатым горным пони непогода была нипочем: лошадки просто стояли вместе, опустив головы. Разговаривать на таком ветру было непросто, поэтому мы просто сидели рядышком, отвернувшись, как и лошади, от яростных порывов.

— Что это? — вдруг спросил Джейми и поднял голову, прислушиваясь.

— Что?

— Мне показалось, будто я услышал крики.

— Наверное, тюлени, — сказала я, но не успели эти слова слететь с моих губ, как он поднялся и зашагал к краю утеса.

Бухточка была полна клубящегося тумана, но ветер сдул часть завесы с тюленьего острова, ненадолго открыв его взгляду. Правда, никаких тюленей на нем не было.

Зато на покатом каменистом берегу островка стояла лодка. Причем не рыбацья, а длинная, остроносая, с одной парой весел.

А потом из глубины острова появился человек, несший под мышкой что-то подозрительно смахивавшее на описанную Джейми шкатулку. И пока я гадала, что бы это могло быть, еще один человек поднялся по склону и оказался в поле зрения.

И этот второй нес Айена-младшего. Полуобнаженное тело мальчика было небрежно перекинуто через плечо. Оно свешивалось головой вниз,

руки вяло болтались, и это наводило на мысль, что мальчик либо без сознания, либо мертв.

— Айен!

Рука Джейми закрыла мой рот, прежде чем я успела крикнуть еще раз.

— Тихо!

Он потащил меня вниз, заставив присесть, чтобы нас не было видно. Мы беспомощно смотрели, как второй человек кинул Айена в лодку и взялся за планшир, чтобы стащить ее в воду. Было совершенно ясно, что у нас нет ни малейшего шанса спуститься вниз и добраться вплавь до острова, прежде чем они успеют уплыть. Но куда они поплывут?

— Откуда они взялись? — выдохнула я.

В бухте под скалой ничто больше не двигалось, кроме колыхавшихся на волнах бурых водорослей.

— С корабля. Это корабельная лодка.

Джейми тихо добавил что-то по-гэльски и, не сказав больше ни слова, направился к лошадям, вскочил на одну из них и поскакал сломя голову через мыс, прочь от бухточки.

Каменистый мыс был не самым удобным местом для скачек, и все же конские копыта годились на это лучше, чем мои ноги, поэтому я вскочила на другую лошадь и, не обращая внимания на протестующее ржание стреноженной лошадки Айена, помчалась следом.

До океанской стороны выступа было менее четверти мили, но казалось, что на преодоление этого расстояния ушла целая вечность. Впереди я видела Джейми с развевающимися на ветру волосами, а еще дальше, в море у берега, корабль.

На этом участке земля круто обрывалась в воду, и, хотя обрыв был не таким высоким, как утес у бухты, спуститься по нему верхом было невозможно. К тому времени, когда я остановилась, Джейми соскочил с лошади и направился по камням к воде.

Слева от него я видела огибающую мыс шлюпку.

Кто-то на корабле ждал ее появления, потому что со стороны судна донеслись восклицания и маленькие фигурки принялись быстро взбираться на рей.

Потом один из них заметил нас: на борту вдруг возникла суматоха, над перилами появились головы, крики умножились. Корабль был синий с широкой черной полосой вдоль борта. Эта полоса отмечала линию пушечных портов: я увидела, как передний из них открылся и оттуда высунулся черный глаз пушки.

— Джейми! — заорала я во всю мочь.

Он вскинул глаза, увидел, куда я указываю, и бросился плашмя на камни за миг до того, как пушка выстрелила.

Выстрел не показался мне таким уж громким, но над моей головой что-то просвистело. Я инстинктивно пригнулась: упавшее неподалеку ядро взметнуло фонтан мелких каменных осколков. Только тут до меня дошло, что я, сидящая верхом на лошади, куда как заметнее для пушкарей, чем прилепившийся к утесу Джейми.

Лошади, надо отдать им должное, осознали этот существенный факт первыми и, стоило им избавиться от незадачливых седоков, затрусили туда, где остался их стреноженный сородич. Я же кинулась к откосу, вместе с осыпью камушков соскользнула на несколько футов и вжалась в скальную расщелину.

Где-то над моей головой пролетело еще одно ядро, и я еще теснее прижалась к земле. Очевидно, люди на борту корабля остались довольны результатом последнего выстрела, ибо наступила относительная тишина.

Мое сердце стучало о ребра, а воздух вокруг был наполнен мелкой серой пылью, отчего першило в горле и неудержимо тянуло прокашляться. Рискнув оглянуться через плечо, я успела заметить, как шлюпку поднимают на борт корабля. Ни Айена, ни двух его пленителей нигде не было видно.

Пушечный порт бесшумно закрылся, якорный канат заскользил вверх, и корабль медленно повернулся в поисках ветра. Ветер был слабым, паруса почти не надувались, но парусник с каждым мигом быстрее и быстрее двинулся в открытое море и скоро растворился в затягивавшем горизонт густом тумане.

— Господи, — только и смог сказать Джейми, добравшись до меня и на миг сжав в объятиях, — Боже мой!

Отпустив меня, он повернулся и устремил взгляд в открытое море. Ничто не шевелилось, кроме щупалец медленно плывущего тумана. Казалось, весь мир погрузился в тишину: пушечный гром распугал чаек и буревестников, так что теперь не было слышно даже их криков.

Неподалеку, всего футах в трех от моего укрытия, ядро выбило в сером камне более светлое углубление.

— Что нам делать?

Признаться, я была так ошеломлена и раздавлена, что с трудом осознавала произошедшее. Трудно было поверить, что Айен, который меньше часа назад был с нами, исчез бесследно за пеленой тумана, словно служившей гранью между земным и загробным мирами.

В моем сознании заново прокручивались образы: туман, дрейфующий

над очертаниями островка тюленей, неожиданное появление лодки, люди на скалах, тощее мальчишеское тело Айена — белая кожа, болтающиеся, как у куклы, руки. Я видела все с той ясностью, какая сопровождает трагедии; каждая деталь запечатлелась перед моим мысленным взором и появлялась снова и снова, все время с подспудной надеждой, что на этот раз что-то изменится.

Лицо Джейми осунулось и помрачнело, от носа до рта пролегли глубокие морщины.

— Не знаю, — сказал он. — Будь я проклят, я не знаю, что делать!

Он сжал кулаки и закрыл глаза, тяжело и хрипло дыша.

От этих слов мне стало еще страшнее. За короткое время, проведенное с ним после возвращения, я уже успела привыкнуть к тому, что Джейми всегда, даже в самой отчаянной ситуации, знает, что делать. То, что он признавался в бессилии, ужасало не меньше самой беды.

Ощущение беспомощности кружило вокруг меня, как туман. Каждый нерв кричал: «Сделай что-нибудь!»

Но что?

Я увидела полоску крови на его манжете: он разодрал руку, спускаясь по камням. Этому я могла помочь и как-то извращенно порадовалась, что хоть пустяк, но способна сделать.

— Ты порезался. — Я коснулась его раненой руки. — Давай я посмотрю и забинтую.

— Нет.

Он отвернулся, с напряженным лицом отчаянно вглядываясь в туман. Когда я потянулась к нему, он отпрянул:

— Нет, я сказал! Оставь как есть!

Я с трудом сглотнула и обхватила себя руками под плащом. Ветер, даже на мысе, стих, но холод и сырость никуда не делись.

Джейми небрежно отер руку о плащ, оставив на нем ржавое пятно. Он все еще смотрел на то место, где был корабль, потом закрыл глаза и крепко сжал губы. Спустя несколько мгновений он снова открыл глаза и повернулся ко мне, жестом попросив извинения за резкость.

— Думаю, мы должны поймать лошадей, — тихо сказал он. — Идем.

Мы молча брели обратно по каменистой почве, сами почти окаменевшие от потрясения. Лошадей я увидела издалека, они жались к своему стреноженному товарищу. Путь через мыс к берегу, казалось, занял у нас часы, но обратная дорога ощущалась как еще более долгая.

— Не думаю, что он умер, — произнесла я по прошествии времени, показавшегося мне годами, и нерешительно взяла его за руку, желая хоть

как-то приободрить.

Впрочем, он едва ли заметил бы, даже тресни я ему по голове дубинкой, — брел себе и брел, понуро опустив голову.

— Нет, — сказал Джейми. — Нет, он не мертв: иначе они бы не забрали его.

— А они забрали его на борт корабля? — не унималась я. — Ты их видел?

Мне казалось, что для него лучше, если он будет говорить. Джейми кивнул.

— Да, они переправили его на борт, я отчетливо это видел. Наверное, есть надежда, — пробормотал он как будто про себя. — Если они сразу не проломили ему голову, то, может быть, и в дальнейшем не станут этого делать.

Неожиданно вспомнив о моем присутствии, он обернулся и посмотрел на меня; глаза шарили по моему лицу.

— Ты в порядке, англичаночка?

Я перепачкалась, порвала одежду, кое-где поцарапалась, и колени дрожали от страха, но была цела.

— Со мной все в порядке.

Я снова взяла его за руку, и на сей раз Джейми не отстранился.

— Это хорошо, — тихо произнес он после долгого молчания, взял меня под руку, и мы двинулись дальше.

— У тебя есть догадки насчет того, кто они такие?

Мне пришлось слегка повысить голос, чтобы перекрыть плеск прибоя, но я хотела, чтобы он не переставал говорить и не уходил в себя.

Джейми покачал головой и задумался. Усилия, необходимые для продолжения разговора, постепенно выводили его из шокового состояния.

— Я слышал, как один из матросов перекликался с людьми в лодке по-французски. Правда, это ничего не доказывает — матросы всех наций служат на любых кораблях. И все же мне довелось повидать у причалов немало судов, и на торговый этот корабль не похож. И на английский тоже, хотя тут мне даже трудно сказать почему. Может быть, паруса расположены иначе?

— Он был синий, с черной полосой вокруг, — сказала я. — Это все, что я успела рассмотреть, прежде чем начали палить из пушки.

Возможно ли проследить путь корабля? Сама эта мысль вселила в меня надежду. Может, ситуация не столь безнадежна, как мне показалось поначалу? Если Айен жив и мы сумеем выяснить, куда направляется этот корабль...

— Ты видел на нем название? — спросила я.

— Название? — удивился Джейми. — На корабле?

— Разве на борту корабля обычно не написано его название?

Джейми был откровенно озадачен:

— Нет, а зачем?

— Чтобы было видно, что это за посудина! — раздраженно ответила я.

Захваченный врасплох моим тоном, он даже слегка улыбнулся.

— Ну понятно. Но я думаю, они не хотели, чтобы кто-то узнал, кто они такие, учитывая их промысел, — сухо сказал он.

Некоторое время мы молча шли рядом, размышляя, а потом у меня созрел вопрос.

— Но если на борту нет названия, каким образом корабли, не занимающиеся ничем незаконным, узнают один другого?

Джейми взглянул на меня, подняв бровь.

— Я же отличаю тебя от других женщин, — сказал он, — а у тебя на груди не значится твое имя.

— Нет даже буквы «А»^[17], — буркнула я, но, заметив его недоумевающий взгляд, добавила: — Ты хочешь сказать, что корабли отличаются по внешнему виду и их не так уж много и поэтому ты можешь отличить один корабль от другого?

— Ну, не я, конечно, — честно признался он. — Я знаю несколько кораблей, на которых бывал, знаком с их капитанами, часто видел в порту или на рейде — эти, конечно, я различу. Но моряки — совсем другое дело. Они знают в лицо множество кораблей, как человек может помнить десятки, сотни знакомых.

— Ага, значит, возможность узнать, что за корабль забрал Айена, не исключена.

Джейми кивнул и взглянул на меня с любопытством.

— Думаю, да. Пока мы шли, я старался припомнить все, что можно, об этом корабле, чтобы рассказать Джареду. Он знает множество кораблей и еще больше капитанов — и, возможно, кто-то из его знакомых узнает по описанию синий трехмачтовый корабль, широкий в бимсе, с двенадцатью пушками и набычившимся ростром.

Мое сердце подскочило вверх.

— Значит, у тебя все-таки есть план?

— Я бы пока поостерегся называть это планом, — проворчал Джейми. — Просто это единственное, что приходит мне в голову.

Он вздохнул, пожал плечами и провел рукой по лицу, стирая крохотные капельки влаги, осевшие на его бровях и щеках и

поблескивавшие, как слезы.

— Нужно отправляться в Инвернесс: лучшее, что я могу сделать, — это двигаться. Джаред будет ожидать нас в Гавре. Когда мы встретимся с ним, может быть, он сможет помочь нам выяснить, как называется синий корабль. А не исключено — и к чему он приписан. Да, — сухо добавил Джейми, упреждая мой вопрос, — корабли приписаны к портам, и если они не принадлежат к военному флоту, то совершают рейсы по определенному маршруту и имеют на борту бумаги для представления начальнику порта, где указано, куда они направляются.

Мне полегчало впервые с того момента, как Айен спустился с башни Элен.

— Если, конечно, это не пираты или каперы, — добавил Джейми, мгновенно охладив мое поднявшееся настроение.

— Ну а если это пираты?

— Тогда где их искать, известно одному Богу, но никак не мне, — лаконично ответил Джейми и больше ничего не говорил, пока мы не дошли до лошадей.

Они как ни в чем не бывало пощипывали травку рядом с башенкой, где мы оставили пони Айена. Тот тоже вел себя спокойно, делая вид, что находит жесткую морскую траву восхитительной.

Джейми фыркнул, обозвал их глупыми животными, достал кольцо веревки и дважды обмотал ее вокруг выступающего камня. Вручил мне конец, велел держать крепко, сбросил нижний конец в щель, снял плащ и обувь и начал спуск.

Некоторое время спустя он вернулся изрядно вспотевший, с маленьким свертком под мышкой: рубашка Айена-младшего, плащ, обувь и чулки, а также нож и маленький кожаный кошелек, в котором парнишка хранил те скудные ценности, какие у него были.

— Ты хочешь отвезти их домой, Дженни? — спросила я, живо представив себе, каковы будут чувства бедной матери.

Мне сделалось дурно от понимания того, что мое собственное чувство опустошения и утраты — ничто по сравнению с горем, ожидающим ее.

Лицо Джейми покраснелось от подъема, но после моего вопроса кровь отхлынула от щек, руки напряглись на свертке.

— Ох, как же это? Как я поеду домой и расскажу сестре, что потерял ее младшего сына? Она не хотела отпускать его со мной, а я настоял. Сказал, что пригляжу за ним. И теперь он схвачен, может быть, мертв — и на память от него осталась только одежда. — Он сжал челюсти и судорожно сглотнул. — Лучше мне самому умереть.

Джейми опустился на колени, встряхнул одежду племянника, сложил в стопку, завернул в плащ и засунул в седельную сумку.

— Она понадобится Айену, когда мы найдем его, — сказала я, стараясь говорить убежденно.

Джейми посмотрел на меня, помолчал и кивнул.

— Да, — тихо произнес он. — Надеюсь, так оно и будет.

Было слишком поздно, чтобы пускаться в путь до Инвернесса. Солнце садилось, тусклое красноватое свечение подкрашивало сгущавшийся туман. Мы молча начали разбивать лагерь. В седельных сумках имелась холодная еда, но аппетита не было, а потому мы завернулись в плащи и легли, пристроившись в неглубоких выемках, которые Джейми выкопал в земле.

Но я не могла заснуть. Каменистая земля была жесткой, шум прибоя внизу сам по себе мог перебить сон, но главное, мои мысли были полны Айеном.

Сильно ли ему досталось? Обмякшее тело говорило о бессознательном состоянии, но крови видно не было. Вероятно, его просто ударили по голове. Но каково ему придется, когда бедняга, очнувшись, поймет, что его похитили и с каждой минутой увозят все дальше от дома и семьи?

И как мы вообще будем его искать? Когда Джейми в первый раз упомянул Джареда, у меня появилась надежда, но чем больше я об этом думала, тем призрачнее казались перспективы найти этот корабль, который мог теперь плыть в любом направлении, в любой порт мира. И сохранят ли Айену жизнь или, сочтя его обузой, выбросят за борт?

Мне казалось, будто я не сомкнула глаз, но, должно быть, я все же задремала, просто тревога преследовала меня и во сне. Я проснулась, дрожа от холода, а когда протянула руку, чтобы коснуться Джейми, его там не было. Он накрыл меня своим одеялом, но оно было плохой заменой теплу его тела.

Джейми сидел неподалеку спиной ко мне. Ветер, подувший с закатом со стороны берега, частично разогнал туман, месяц проливал сквозь облака достаточно света, и мне была отчетливо видна его сгорбившаяся фигура.

Поднявшись, я направилась к нему, плотно кутаясь в плащ. Гранитное крошево слегка хрустело под ногами, но эти звуки тонули в доносившихся снизу могучих вздохах моря. Джейми, видимо, услышал меня: он не обернулся, но и не выказал никаких признаков удивления, когда я опустилась рядом с ним.

Он сидел, поставив локти на колени и упершись подбородком в ладони. Широко открытые невидящие глаза уставились на темные воды

бухты. Если тюлени и не спали, то в эту ночь они вели себя тихо.

— Ты как? — спросила я. — Чертовски холодно.

На Джейми не было ничего, кроме плаща, и в эти холодные предутренние часы на сыром морском воздухе его била мелкая дрожь.

— Все нормально, — пробурчал он, но прозвучало это неубедительно.

Я хмыкнула и присела рядом с ним на обломок гранита.

— Это не твоя вина, — сказала я после затянувшегося молчания.

— Тебе нужно пойти и поспать, англичаночка.

Голос был спокойным, но в нем сквозила безнадежность. Я придвинулась ближе и обняла Джейми. Он хотел отстраниться, но я сильно дрожала и искала его тепла, поэтому заявила:

— Никуда я не пойду.

Он глубоко вздохнул и посадил меня к себе на колено, крепко обхватив меня под плащом. Мало-помалу дрожь отпустила.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я наконец.

— Молюсь, — ответил он. — Вернее, пытаюсь молиться.

— Не буду тебе мешать.

Я сделала движение, чтобы уйти, но он крепче прижал меня к себе.

— Нет, останься, — сказал он, и мы прижались друг к другу еще теснее.

Я ощущала ухом тепло его дыхания. Он набрал воздуха, как будто собираясь заговорить, но выдохнул, так ничего и не сказав. Я повернулась и дотронулась до его лица.

— В чем дело, Джейми?

— Неужели это неправильно — то, что ты у меня есть? — прошептал он. Его лицо было белым, как кость, глаза в сумрачном свете казались черными дырами. — Я все время думаю: моя ли это вина? Неужели я сильно согрешил, желая тебя так горячо, нуждаясь в тебе больше, чем в самой жизни?

— А это так? — спросила я, обхватив его лицо ладонями, — И если это так, что тут может быть неправильного? Ведь я твоя жена.

Несмотря ни на что, от этого простого слова — «жена» — на душе у меня стало легче.

Он слегка повернул голову, так что его губы оказались прижатыми к моей ладони, а рука легла поверх моей. Пальцы у Джейми были холодными и твердыми, точно плавающее дерево, вымоченное в морской воде.

— Я убеждаю себя в этом. Господь дал тебя мне. Как я могу не любить тебя? И вместе с тем я все думаю и не могу остановиться.

Он посмотрел на меня, нахмутив лоб от беспокойства.

— Клад. Конечно, было правильно использовать его, когда возникала нужда накормить голодных или спасти людей в тюрьме. Но попытаться выкупить мою свободу — потратить его на то, чтобы я мог свободно жить с тобой в Лаллиброхе и не беспокоиться насчет Лаогеры, — наверное, это было грешное желание.

Я положила его руку на свою талию и привлекла его к себе. Ища успокоения, Джейми положил голову мне на плечо.

— Тихо, — сказала я ему, хотя он и так молчал. — Успокойся. Джейми, неужели ты когда-нибудь делал что-то исключительно для себя, не заботясь о ком-то еще?

Он осторожно провел рукой по моей спине, исследуя шов на корсаже. Его дыхание таило намеков на улыбку.

— О, много, много раз, — прошептал он. — Когда я увидел тебя. Когда я взял тебя, не думая, хочешь ты меня или нет, есть ли тебе куда пойти, есть ли у тебя еще кто-то, чтобы любить.

— Дурачок, — прошептала я ему на ухо, баюкая его в своих объятиях. — Ты такой болван, Джейми Фрэзер. А как насчет Брианны? Это ведь не было неправильно?

— Да. — Пульс у него на шее забился сильнее. — Но теперь я забрал тебя у нее. Я люблю тебя и люблю Айена, как собственного сына. И мне приходит в голову, что, может быть, это непозволительно — иметь вас обоих.

— Джейми Фрэзер, — четко произнесла я, постаравшись вложить в голос как можно больше убежденности, — ты ужасный дурак.

Я загладила его волосы назад, убрав со лба и захватив в горсть густой хвост на загривке, и легонько потянула назад, чтобы заставить его смотреть на меня. В сумраке мое лицо, наверное, казалось ему таким же странным: бледные щеки и темные, как кровь, губы и глаза.

— Ты не вынуждал меня прийти к тебе, не отнимал меня у Брианны. Я пришла, потому что я хотела, потому что нуждалась в тебе так же, как и ты во мне. И то, что я здесь, не имеет никакого отношения к тому, что произошло. Мы женаты, пойми ты это! По любым законам, какие ни назови, — перед Богом, Нептуном или кем угодно!

— Нептуном? — переспросил он с весьма озадаченным видом.

— Успокойся. Сказано же тебе, же-на-ты, а в желании обладать своей женой и жить с ней никто не может усмотреть ничего дурного. Равно как и в любви к родному племяннику. С чего ты вообще взял, будто желать быть счастливым — грех? Кроме того, — добавила я чуть отстранившись и окидывая его долгим взглядом, — что ты, черт возьми, мог поделать с тем

фактом, что я взяла и вернулась?

Его грудь задрожала, но уже не от холода, а от сдерживаемого смеха.

— Ничего, кроме как взять тебя, пусть даже вместе с проклятием, — ответил Джейми, нежно целуя меня в лоб. — Любовь к тебе провела меня через ад, и не один раз, англичаночка, и я готов рискнуть снова.

— Ба, — усмехнулась я. — Ты никак воображаешь, будто любить тебя — это нежиться на постели из розовых лепестков?

Теперь он рассмеялся вслух.

— Нет, но, может быть, ты не против продолжать любить меня?

— Может быть, несмотря ни на что.

— Ты очень упрямая женщина, — заметил Джейми с улыбкой.

— Рыбак рыбака видит издалека, — отозвалась я, после чего мы довольно надолго замолчали.

Было очень рано, часа четыре утра. Время от времени облака расступались и выглядывал низко висевший месяц. Ветер менялся, туман в поворотный час между темнотой и рассветом начинал редеть. Откуда-то снизу донесся одинокий голос тюленя.

— Как думаешь, ты в силах отправиться в путь прямо сейчас, не дожидаясь рассвета? — неожиданно спросил Джейми. — Стоит убраться с мыса. По ровной дороге лошади могут ехать и в темноте.

Все мое тело болело от усталости, желудок сводило от голода, но, услышав эти слова, я встала, убрала волосы с лица и решительно сказала:

— Едем.

notes

Примечания

1

Девушек (фр.).

1-е Тимофею, 2, 14–15.

3

Вот это удар! (фр.).

Отрывок из романа Д. Дефо «Робинзон Крузо».

По-английски это убежище называется priest hole, буквально: нора священника.

Исаия, 14,12. Полностью в русском переводе строфа звучит так: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы».

Quod erat demonstrandum (лат.) — что и требовалось доказать.

То есть отделенной от государства, как, например, церковь баптистов, конгрегационалистов и др.

Дерьмо! (фр.).

Намек на фразу французского философа Блеза Паскаля: «Будь нос у Клеопатры короче, весь мир был бы иным».

Уличная девка (фр.).

Каждое животное печально после совокуплений (лат.).

Английская буква «С» — начальная буква имени Клэр.

Малкольм Х (настоящее имя Малкольм Литл, 1925–1965) — деятель негритянского движения в США. Английская буква «Х» произносится как «ЭКС».

Фрост Р. Смерть работника. Перевод С. Степанова.

Пост Эмили (1873–1960) — автор книги «Этикет», которая была издана в США в 1922 году. Эта книга стала классикой американской литературы, она многократно переиздавалась, переводилась на разные языки и с годами совершенно не утратила своей актуальности.

Намек на роман Н. Готорна «Алая буква».